

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

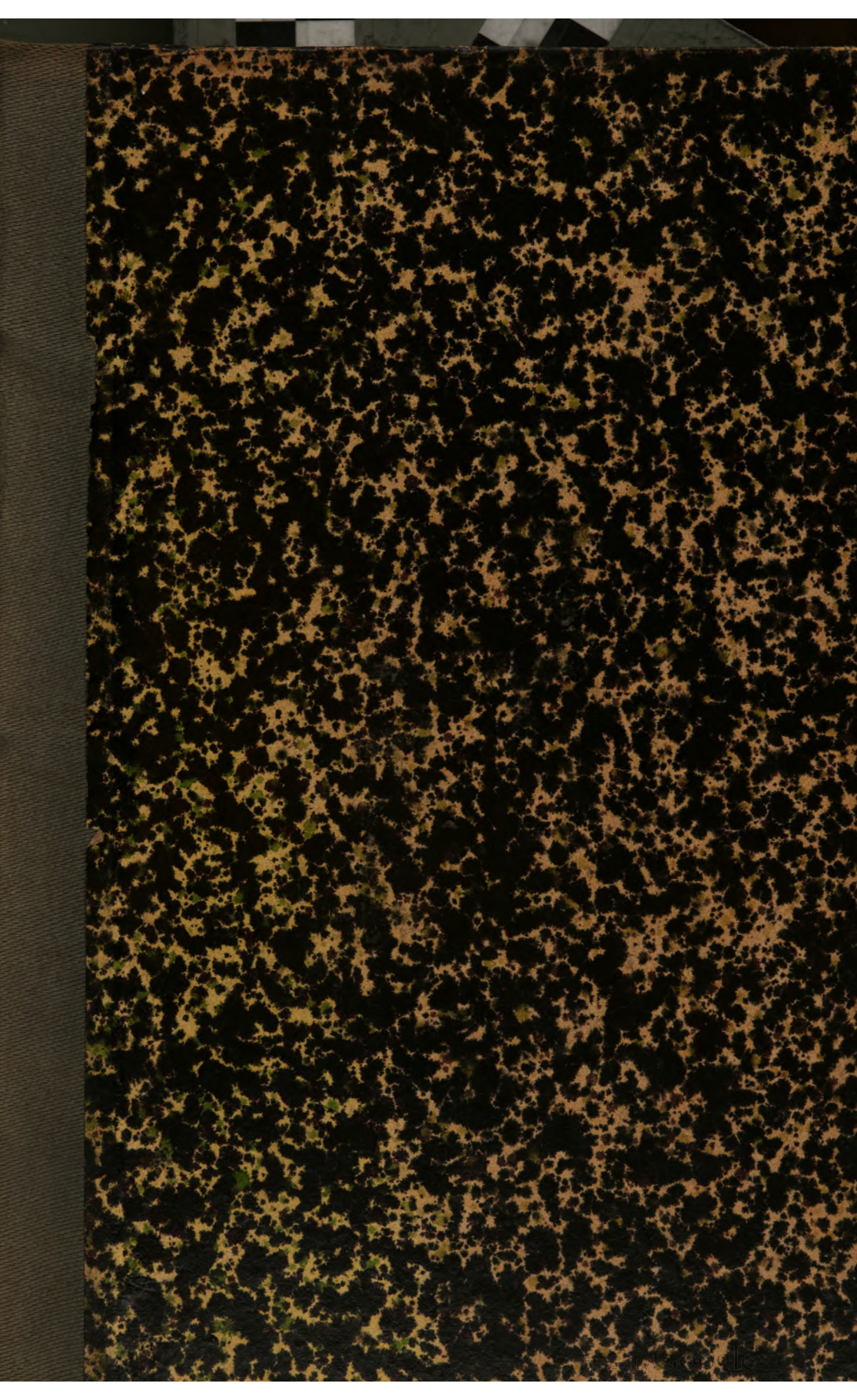
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav-236.4 ($\frac{1887}{4}$)

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ИЮН 1940

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ ПОЛИТИЧЕСКІЙ, НАУЧНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

1887

20
18.87

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

4

КНИГА IV—АПРѢЛЬ

- I. РАБА. Повѣсть въ двухъ частяхъ.
(Окончаніе. Часть II; главы I—X.) . . . *К. С. Баранцевича.*
- II. ЛЕДНИКОВАЯ ЭПОХА . . . . . *В. Д. Соколова.*
- III. MEA CULPA. Стихотвореніе . . . . . *Сергѣя Бердяева.*
- IV. ЗА ГРОЗОЙ—ВѢДРО. Разсказъ изъ
жизни почтоваго тракта . . . . . *Алексѣя Луговаго.*
- V. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) „Воспо-
минаніе“ и 2) „Не упрекай меня“ . . . . . *С. Караскевичъ.*
- VI. ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ БРАГА.
Очеркъ изъ жизни юговосточной Россіи. *Ив. Тимощенкова.*
- VII. «ОТТОГО-ЛИ, ЧТО КОГДА-ТО»...
Посмертное стихотвореніе . . . . . *С. Ф. Дурова.*
- VIII. ВѢЧНАЯ СТРАНИЦА. Эгюдъ . . . . . *Э. Кастельчово.*
(Переводъ съ итальянскаго).
- IX. ПО ПОВОДУ «ОРКШИРСКОЙ ТРА-
ГЕДИИ». Письмо къ издателю „Дѣла“ . *В. В. Чуйко.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

X. ТАБАЧНАЯ МОНОПОЛІЯ И БАН-
ДЕРОЛЬНАЯ СИСТЕМА . . . . . *Евгенія Рагозина.*

XI. НОВЫЯ КНИГИ:

А. И. Иммискій. Общественная гигиениче-
ская бібліотека.—*Владиміръ Овчинъ.* Раз-
витіе женскаго образованія.—*Е. Некра-*
сова. Изъ прошлаго женскихъ курсовъ.—
І. Кольшко. Очерки современной Россіи.—
Викторъ Острогорскій и *Д. Д. Семеновъ.*
Русскіе педагогическіе дѣятели . . . . . *В—на.*

XII. ХРОНИКА ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ:

- 1) По Руси Православной . . . . . *Бывалаго.*
- 2) Московскія письма . . . . . *С—.*

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе нашей международной хлѣбной
торговли въ послѣдніе годы.—Причины
упадка нашего хлѣбнаго отпуска.—Новый
государственный заемъ и нѣкоторыя осо-
бенности въ условіяхъ его реализаціи.—
Ежегодный весенній кризисъ, переживаемъ
деревней.

XIV. ЗАКАСПІЙСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДО-

РОГА . . . . . *Арминія Вамбэри.*

(Переводъ съ англійскаго).

XV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(Политическая реакція на Западъ).

XVI. КУРЬЕЗЫ И РАРИТЕТЫ РОДНОЙ ПРЕССЫ . . . . .

*Беззаботнаго
журналиста.*

XVII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Съ 10 марта по 10 апрѣля 1887 г.

XVIII. ОТЗЫВЫ РЕДАКЦІИ (на оберткѣ) . .

- 1) *О. А. Штофъ.* Уходъ за ребенкомъ
въ первый годъ его жизни.—2) *К. Орлов-*
скій. Внѣ колѣи. Романъ.—3) *Александръ*
Круловъ: а) Господа земцы; б) Провин-
ціальные корреспонденты.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

XIX. ЗОЛОТОЕ ДНО. (Mont-Oriol) Романъ. . *Гюи де Мопассана.*

Перев. съ французск. Продолж. II части.

XX. БАКЪ ИНЫЕ БОГАТѢЮТЬ. Разсказъ *Гэрри Алисъ.*

(Переводъ съ французскаго).

ОБЪЯВЛЕНІЯ: Отъ „Русскаго Книжнаго Магазина“; объ изданіи: 1) сочи-
неній *К. С. Баранцевича*; 2) „Изъ пережитаго“, *Н. Гилярова-Платонова*;
3) „Сельскій Хозяинъ“; 4) „Русскій Курьеръ“; 5) „Варшавскій Дневникъ“;
6) „Развлеченіе“; 7) „Восточное Обозрѣніе“.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

АПРѢЛЬ — 1887 — № 4

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ БЫВШАЯ И. С. ДУРНОВО, ОРЛОВСКІЙ ПЕР., Д. № 1—2

ИМБ. № 24545

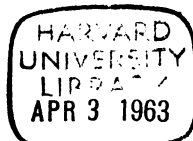

▲
Pslaw 236.4 ($\frac{1887}{4}$)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го іюня 1887 г.

63*2

За Редактора

Издатель И. С. Дурново.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. РАБА. Повѣсть въ двухъ частяхъ.
(Окончаніе. Часть II; главы I—X). *К. С. Баранцевича.*
- II. ЛЕДНИКОВАЯ ЭПОХА . . . *В. Д. Соколова.*
- III. МЕА СУЛРА. Стихотвореніе . *Сергѣя Бердлева.*
- IV. ЗА ГРОЗОЙ—ВѢДРО. Разсказъ
изъ жизни почтоваго тракта . . . *Алексѣя Луговаго.*
- V. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) „Вос-
помяніе“; 2) „Не упрекай меня“... *С. Караскевичъ.*
- VI. ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ
БРАГА. Очеркъ изъ жизни юго-
восточной Россіи . . . . . *Ив. Тимощенкова.*
- VII. «ОТТОГО-ЛИ, ЧТО КОГДА-
ТО»... Посмертное стихотвореніе. *С. Ф. Дурова.*
- VIII. ВѢЧНАЯ СТРАНИЦА. Этюдъ . *Кастельнуово.*
(Переводъ съ итальянскаго).
- IX. ПО ПОВОДУ «ЮРКШИРСКОЙ
ТРАГЕДІИ». Письмо къ изда-
телю „Дѣла.“ . . . . . *В. В. Чуйко.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- X. ТАБАЧНАЯ МОНОПОЛІЯ И
БАНДЕРОЛЬНАЯ СИСТЕМА. *Евгенія Рагозина.*
- XI. НОВЫЯ КНИГИ:
А. И. Ильинскій. Общественная гигиени-
ческая бібліотека. — *Владиміръ Овцынъ.*
Развитіе женскаго образованія. — *Е. Не-
красова.* Изъ прошлаго женскихъ кур-
совъ. — *Г. Колыко.* Очерки современной
Россіи. — *Викторъ Острогорскій* и *Д. Д.*
Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. *В—на.*

XII. ХРОНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ:

- 1) По Руси Православной. . . . . *Бывалаго.*
- 2) Московскія письма. . . . . С—.

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе нашей международной хлѣбной торговли въ послѣдніе годы. — Причины упадка нашего хлѣбнаго отпуска. — Новый государственный заемъ и нѣкоторыя особенности въ условіяхъ его реализаціи. — Ежегодный весенній кризисъ, переживаемый деревней.

XIV. ЗАКАСПІЙСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА . . . . .

Армінія Вамбэри.
(Переводъ съ англійскаго).

XV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(Политическая реакція на Западѣ)

XVI. КУРЬЕЗЫ И РАРИТЕТЫ

РОДНОЙ ПРЕССЫ . . . . . *Беззаботнаго журналиста.*

XVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ. Съ 10-го марта по 10-е апрѣля 1887 г.

XVIII. ОТЗЫВЫ РЕДАКЦІИ (на оберт.)

- 1) *О. А. Штофъ.* Уходъ за ребенкомъ въ первый годъ его жизни. — 2) *К. Орловскій.* Внѣ колен. Романъ. — 3) *Александръ Кружловъ:*
а) Господа земцы; б) Провинціальныя корреспонденты.

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ:

XIX. ЗОЛОТОЕ ДНО. Романъ. . . *Гюи де Мопассана.*

Перев. съ французскаго. Продолженіе II части.

XX. КАКЪ ИНЫЕ БОГАТЪЮТЪ.

Разсказъ (перев. съ французск.) . *Гэрри Алисъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ: Отъ „Русскаго Книжнаго Магазина“; объ изданіи: 1) сочиненій К. С. Баранцевича; 2) „Изъ пережитаго“, Н. Гилярова-Платонова; 3) „Сельскій Хозяинъ“; 4) „Русскій Курьеръ“ 5) „Варшавскій Дневникъ“; 6) „Развлеченіе“; 7) „Восточное Обозрѣніе“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Тяжелая болѣзнь издателя, на которомъ въ то-же время почти всецѣло лежитъ редактированіе журнала, была главнѣйшею причиною того, что апрѣльская книжка „Дѣла“ опоздала на полтора мѣсяца противъ срока. Редакція сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы наверстать ушедшее время и вновь войти въ указанныя въ объявленіяхъ о журналѣ сроки. Къ печатанію слѣдующей (5-й) книжки журнала уже приступлено.

Заканчивая, съ выходомъ теперешней книжки „Дѣла“, первый годъ существованія журнала подъ редакціей и издательствомъ нижеподписавшагося (май 1886—апрѣль 1887), мы можемъ уже съ нѣкоторой увѣренностью оглянуться на сдѣланное нами и изъ него извлечь указанія для будущаго. „Дѣло“ будетъ попрежнему — рядомъ съ произведеніями созрѣвшихъ писателей — охотно открывать свои страницы произведеніямъ беллетристовъ начинающихъ, лишь-бы только ихъ творенія, хотя и несовершенныя, носили отпечатокъ художественнаго творчества, а не слѣдовали торной дорожъ шаблонной умѣлости и ремесленнаго мастерства, пробитой въ послѣднее время литературной школой, нашедшей, къ сожалѣнію, слишкомъ многочисленныхъ послѣдователей въ средѣ нашихъ молодыхъ писателей. Внимательность къ произведеніямъ начинающихъ редакція ставитъ своимъ главнѣйшимъ деломъ въ литературной задачѣ органа, въ особенности теперь, въ наше — страдающее совершеннымъ отсутствіемъ сколько нибудь состоятельной критики — время. Въ вышедшихъ нумерахъ „Дѣла“ редакціей дано уже мѣсто такимъ впервые выступающимъ въ печати писателямъ, достоинства произведеній которыхъ были конечно оценены читателями „Дѣла“. Мы говоримъ о разсказахъ: „Мѣста нѣтъ“ г. Левина и „Отецъ и дочь“ г. Діева.

Судить мнѣ до самой смерти. Ну, и довольно, п къ дѣлу!

Проснулся я утромъ часовъ въ восемь, и, напившись чаю,
„Дѣло“, № 4. Апрѣль, 1887 г. Отд. I.

Въ отдѣлѣ беллетристики иностранной, „Дѣло“, за истекшій годъ своей дѣятельности, ставило своей задачей давать удовлетворительные переводы произведеній, наиболее выдававшихся за это время въ заграничной прессѣ. Такъ „Дѣло“ первое познакомило русскую читающую публику съ талантомъ Пьера Лотти, котораго романъ „Рыбаки дальняго плаванія“ (Pêcheurs d'Islande) признается французской критикой наиболее выдающимся произведеніемъ французской литературы за прошлый 1886 г. и шедевромъ самъ по себѣ. Въ текущемъ 1887 г. „Дѣло“ дало своимъ подписчикамъ переводъ наиболее крупнаго произведенія Гюи де Мопассана—„Золотое дно“ (Mont-Oriol), окончаніе котораго читатели найдутъ въ слѣдующей книжкѣ журнала. Тамъ-же начнется печатаніе отдѣльнымъ приложеніемъ новаго перевода послѣдняго романа Э. Зола—„Земля“ (La Terre). Затѣмъ редакция обратится къ литературѣ англійской, въ которой за послѣднее время появилось нѣсколько выдающихся произведеній.

По вопросамъ политики и экономической жизни, „Дѣло“ будетъ попрежнему отстаивать всѣ мѣры, клонящіяся къ увеличенію благосостоянія народныхъ крестьянскихъ массъ и вообще земледѣльческихъ сословій Россіи, а во внѣшней политикѣ выдвигать вопросъ славянскій, на почвѣ культурнаго сближенія со славянствомъ и устраненія совершенно ненужной, проповѣдываемой единственно ради личнаго цѣпей журналистовъ, борьбы съ такъ-называемыми „вѣковыми врагами“ русскаго народа. Въ этомъ отдѣлѣ мы охотно будемъ помѣщать статьи, идущія къ общей съ нашимъ журналомъ цѣли, хотя-бы съ нѣкоторыми подробностями мы и не были согласны,—оставляя конечно за редакціей право дѣлать, гдѣ окажется нужнымъ, соответствующія оговорки.

Мы думаемъ, что программа журнала представляется такимъ образомъ вполне ясною читателямъ. Затѣмъ, на нашей обязанности остается выполненіе ея въ той мѣрѣ, какъ это позволитъ намъ трудныя условія веденія въ настоящее время серьезнаго періодическаго органа.

Иванъ Дуриновъ.

Р А Б А .

(Повѣсть).

Ч А С Т Ъ П .

І .

18 мая 188* года.

...Боже мой, Боже мой, какой день!.. Еще ранѣе я уже предчувствовалъ нѣчто, я видѣлъ, какъ все больше и больше скоплялись грозовыя тучи, и ждалъ, смутно, съ безпокойствомъ. И вотъ, случилось нѣчто и вихремъ подхватило меня, тихаго чиновничка, спокойно устроившаго свое одинокое прозябанье, и повлекло все впередъ и впередъ, какъ новаго участника драмы... Да, правда, жизнь полна неожиданностей, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кажется, что,—вотъ, все уже устроилъ по своему, все поборошь,—садись, отдыхай, наслаждайся спокойствіемъ, вдругъ, Богъ знаетъ откуда, вынырнетъ какой-нибудь этакой нелѣпный случай, какой-нибудь безобразный эпизодъ, и все, что съ такими усиліями и такъ долго созидалось, въ одинъ моментъ летитъ вверхъ тормашками. Это разсужденіе, такъ сказать, общее, философское, но я уже такъ сегодня настроенъ, или, вѣрнѣе, разстроенъ, что готовъ философствовать, что называется, во всю!

Вѣдь вотъ, я только-что пришелъ домой (а теперь уже больше одиннадцати), усталъ страшно, нервы разбиты, и, по настоящему, слѣдовало бы мнѣ лечь и заснуть, а я сижу, осушаю второй стаканъ холодной воды, и исписываю листокъ за листкомъ. Запишу весь сегодняшій день со всѣми его событіями, запишу такъ, для себя, на память, потому что память объ этомъ днѣ я дѣйствительно сохранить хочу, и памятенъ онъ будетъ мнѣ до самой смерти. Ну, и довольно, и къ дѣлу!

Проснулся я утромъ часовъ въ восемь, и, напившись чаю, „Дѣло“; № 4. Апрель, 1887 г. Отд. I.

конечно, первымъ долгомъ сталъ торопиться на службу. Въ комнатѣ Анны Сергѣевны было все тихо, изъ чего я заключилъ, что проведя ночь безъ сна, и утомившись отъ слезъ, она только къ утру успокоилась и заснула. Кругковъ такъ и не возвращался.

Послѣ службы я не пошелъ домой обѣдать; желая воспользоваться прекрасной погодой, — рѣшилъ пообѣдать въ трактирѣ на Дворянской улицѣ, а оттуда отправиться въ паркъ, на свою любимую скамейку. Трактиръ помѣщался въ опрятномъ, деревянномъ домикѣ и былъ весьма приличенъ, хотя къ обѣдамъ въ немъ, очевидно, не привыкли, и слуга предложилъ мнѣ спрашивать по порціямъ.

Я заказалъ порцію селянки, сѣлъ за столъ къ окну, выходящему на Дворянскую, и отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть на улицу.

Въ комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, не было никого; только слуга, очевидно отъ скуки, ходилъ около столиковъ, накрытыхъ скатертями и ловкимъ движеніемъ салфетки смахивалъ пыль. Органъ безмолствовалъ. Окна были открыты, и въ нихъ врывался уличнй шумъ, дребезжанье дрожекъ, шаги и голоса прохожихъ.

Селянку что-то долго не несли. Отъ скуки созерцая прохожихъ на противоположномъ тротуарѣ, я вдругъ, въ толпѣ ихъ увидѣлъ Анну Сергѣевну.

Появленіе ея въ такое необычное время и въ такомъ мѣстѣ, крайне изумило меня. Я привсталъ со стула, и облокотившись на подоконникъ, сталъ слѣдить за нею. Сомнѣнія не могло быть въ томъ, что это была она: на ней былъ ея сѣрый ватерпруфъ, въ которомъ я не разъ встрѣчалъ ее прежде на улицѣ, и касторовая шляпа. Она остановилась прямо противъ оконъ трактира, и, казалось, поджидала кого-то; для меня становилось ясно, что она пришла на условленное мѣсто свиданія съ кѣмъ-то, — но съ кѣмъ? — я терялся въ догадкахъ.

Улица въ этомъ мѣстѣ не особенно широка, и мнѣ не представлялось никакого затрудненія рассмотреть даже черты лица ея. Да, она ожидала кого-то. Выраженіе пугливаго нетерпѣнія и какъ бы нѣкоторой неловкости было написано на ея лицѣ.

По счастью, она не замѣчала меня; но я принялъ, все-таки, мѣры, чтобы скрыть свое присутствіе: — взялъ съ ближайшаго стула газету, и весьма искусно пристроилъ ее у окна въ видѣ ширмъ, изъ-за которыхъ упорно, не сводя глазъ, слѣдилъ за Анной Сергѣевной, ожидая съ нетерпѣніемъ, что будетъ дальше.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Селянка уже появилась на столѣ, но я не притрогивался къ ней, — я все смотрѣлъ и ждалъ.

Вдругъ я увидѣлъ, что Анна Сергѣевна заволновалась, сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ впередъ, потомъ повернулась въ другую сторону, и остановилась... Я сталъ слѣдить по направленію ея взгляда, и увидѣлъ мужчину, приближавшагося къ ней съ противоположнаго угла. Онъ былъ средняго роста, плотенъ, даже толстъ, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ и окладистой бородой, — одѣтъ прилично, въ пальто моднаго покроя и свѣтлые панталоны. Поровнявшись съ Анной Сергѣевной, мужчина остановился, приподнял цилиндръ, и осклабился въ пріятную улыбку.

Анна Сергѣевна такъ и бросилась къ нему, въ волненіи схватила его за рукавъ (я замѣтилъ даже, какъ дрожали ея руки) съ пытливымъ выраженіемъ приблизила свое лицо къ его лицу, и заговорила.

Мужчина отвѣчалъ. Мнѣ казалось, что все время пока онъ говорилъ, насмѣшливая улыбка не сходила съ его губъ. Улыбки этой Анна Сергѣевна, конечно, не замѣчала, потому что была въ ужасномъ волненіи, и говорила быстро, сопровождая слова сильными жестами, привлекавшими вниманіе прохожихъ. Мужчина держалъ себя спокойно, съ пошловатой изысканностью манеръ гостиннодворскаго прикащика. Разговоръ ихъ продолжался всего нѣсколько минутъ. Мужчина подаль ей руку, очевидно предлагая куда-то идти вмѣстѣ. Съ минуту Анна Сергѣевна оставалась въ нерѣшительности; опустивъ внизъ голову и задумчиво смотря подъ ноги, она какъ бы боролась сама съ собой, но потомъ шибко пошла впередъ. Мужчина послѣдовалъ сзади.

Я отошелъ отъ окна, машинально прошелся по комнатѣ—и, остановившись противъ органа, вдругъ понялъ, въ чемъ дѣло. Я вспомнилъ вчерашній разговоръ съ Анной Сергѣевной и упоминаніе о полученномъ ею письмѣ. Письмо это, несомнѣнно, имѣло большую связь съ только что происшедшимъ, — въ немъ была вся разгадка. Но кто могъ быть этотъ тосподинъ?

Мучимый боязнью, что тамъ, куда пошла Анна Сергѣевна, ее ждетъ какая-нибудь непріятность, даже опасность, я схватилъ шапку, лежавшую на окнѣ и къ немалому изумленію слуги, бросился изъ комнаты черезъ буфетъ на лѣстницу. Черезъ минуту я былъ уже на подъѣздѣ, и оглядывался по сторонамъ. Но Анны Сергѣевны и ея провожатаго не было; куда они успѣли уйдти такъ скоро, — становилось для меня совершенно непонятнымъ. Я перешелъ на противоположную сторону, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ, — напрасный трудъ: они какъ въ воду канули.

Войдя снова въ трактиръ, я принялся за селянку, но ѣлъ машинально, вяло, безъ всякаго аппетита, безпрестанно отвлекаясь поглядываньемъ на улицу. И въ то же время, — тотъ давнишній недугъ одиночества и скуки, который жилъ во мнѣ и, за исключеніемъ рѣдкихъ свѣтлыхъ промежутковъ, тихо, медленно подтачивалъ мое душевное спокойствіе, — снова заявилъ о себѣ.

О, какую тоску ощутилъ я въ себѣ! Удручающее настроеніе отразилось на всемъ окружающемъ: въ мрачный колоритъ окрасилась комната, въ которой я сидѣлъ, какимъ-то саркофагомъ возвышался по срединѣ ея попрежнему молчаливый органъ, даже глупое, сонное лицо слуги приняло какой-то тоскливый оттѣнокъ...

Я расплатился, вышелъ изъ трактира, повернулъ направо, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ паркѣ, на своей любимой скамейкѣ. Въ этомъ, вообще уединенномъ мѣстѣ, не было теперь ни души. Звуки городской жизни слабо долетали сюда. Акаціи пышно разрослись и цвѣли желтенькими цвѣточками, около которыхъ съ жужжаньемъ вились шмели.

Я сидѣлъ, и все думалъ о странномъ появленіи Анны Сергѣевны и свиданіи ея съ господиномъ въ цилиндрѣ. Не въ письмѣ ли, полученномъ ею наканунѣ, заключался весь смыслъ этого свиданія? Не служило ли оно вызовомъ на то, чтобы представить ей доказательства измѣны Круткова? Но куда они пошли? Неужели въ тотъ домъ, гдѣ находился теперь Крутковъ, неужели Анна Сергѣевна рѣшилась убѣдиться самолично? Зачѣмъ, зачѣмъ она это сдѣлала, отчего она не показала мнѣ письма, не посоветовалась со мною?

Такъ думалъ я, отдаваясь впечатлѣнію тяжелатаго настроенія, въ которомъ находился, а время все шло да шло, и я не замѣтилъ, какъ закатилось солнце.

И вотъ, я вернулся домой, легъ на диванъ... Какая тоска! Ползуть сумерки, даже не сумерки собственно, а молочно-бѣлая муть проклятыхъ бѣлыхъ ночей. Вотъ оно, опять, — раздражающее вліяніе этихъ ночей! Снова хочется что-то сдѣлать, и чувствуешь, что не сможешь; хочется куда-то идти, и думаешь — „куда, зачѣмъ?“ А все вокругъ беспокоитъ, волнуетъ, дѣйствуетъ на нервы... Свѣтло какъ днемъ. Въ открытое окно, со двора звучно раздаются чьи-то шаги, слышны голоса... Изъ оконъ второго этажа доносится пѣсня дѣвушки подъ аккомпаниментъ рояля, — изъ другихъ раскрытыхъ оконъ слышится задорный, молодой смѣхъ. О, будьте вы прокляты, бѣлыя май-

скія ночи! „Не зайти ли къ Аннѣ Сергѣевнѣ, узнать, дома ли она“? мелькнула во мнѣ мысль, но я тотчасъ же рѣшилъ, что не зайду, и снова сталъ смотрѣть въ темный уголь комнаты, гдѣ была моя скрипка... Вотъ онъ мой, старинный, неизмѣнный другъ! Ну, что ты молчишь въ своемъ углу? Ну-ка, какіе звуки издашь ты теперь? Станешь ли ты плакать вмѣстѣ со мною, какъ помнишь тогда, или въ нѣжныхъ звукахъ разсыплешься звонкой трелью веселой пѣсни?

Я уже сталъ вынимать скрипку изъ футляра, какъ вдругъ что-то стукнуло позади меня.

Я обернулся и обомлѣлъ. Передо мной стояла Анна Сергѣевна, бѣлая, какъ тотъ платокъ, который былъ повязанъ у нея на шеѣ. Она была совсѣмъ одѣта, въ ватерпруфѣ и шляпкѣ, и держала въ рукахъ узель.

Я смотрѣлъ на нее молча, вытараща глаза, не будучи въ состояніи собраться съ мыслями, не зная, что сказать.

— Павелъ Ивановичъ! тихо прошептала она,—вы... я... прощайте, Павелъ Ивановичъ!

Я до того растерялся, что даже не протянулъ ей руку на прощанье.

— Прощайте! чуть слышно повторила она, тихонько отступая къ двери.

— Какъ? что? что это? куда вы? всполошился я, схватывая ее за руку.

— Я... уйду! сказала она, настойчиво освобождая свою руку.

— Какъ уходите?

— Такъ! горько прозвучала ея отвѣтъ,—уйду совсѣмъ...

— Анна Сергѣевна, вы бросаете *его*? вскричалъ

Лицо ея исказилось.

— Не я его, а онъ меня бросилъ... бросилъ давно... совсѣмъ!..

Узель упалъ и обѣими руками она закрыла себѣ лицо.

— Я все узнала! сквозь тихія, безотрадные слезы шептала она,—я была... видѣла... говорила съ нимъ.

— Ну, ну, что же? спросилъ я.

— Онъ толкнулъ меня... какъ какую-нибудь... Нѣтъ, нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, теперь-то ужъ конецъ! Ахъ, если бы вы знали... Да нѣтъ, зачѣмъ... Прощайте!

И не успѣлъ я опомниться, какъ она скрылась. Захвативъ шапку, я бросился изъ комнаты, пробѣжалъ корридоръ, чуть не спшибивъ съ ногъ Ѳеклу, и очутился на лѣстницѣ. Пере-

гнувшись через перила, я увидѣлъ, какъ на послѣдней площадкѣ мелькнула ея шляпка.

— Анна Сергѣевна! окликнулъ я.

Отвѣта не было.

Не помню, какъ я сбѣжалъ съ лѣстницы, какъ очутился на улицѣ. Я увидѣлъ ее недалеко отъ подъѣзда.

— Анна Сергѣевна! крикнулъ я.

Попрѣжнему никакого отвѣта. Она даже не обернулась, не взглянула на меня, и торопливо шла, почти бѣжала. Я вскорѣ настигъ ее.

— Анна Сергѣевна! заговорилъ я, останавливая ее, — такъ нельзя! Что вы надумали? куда идете?

Она молча подняла на меня глаза. Въ нихъ блеснуло нѣчто такое, отъ чего заглодѣло у меня на душѣ.

— Оставьте меня! съ рѣшимостью прошептала она, — что вамъ? Иду, куда нужно!

— Что мнѣ? вскричалъ я, — стыдно вамъ такъ говорить, Анна Сергѣевна!

Она взглянула на меня съ тѣмъ же выраженіемъ въ глазахъ, которое у ней было въ тотъ памятный вечеръ передъ моею болѣзью, но я уже былъ не тотъ, да и ея положеніе измѣнилось значительно. Я понялъ, что пустить ее теперь одну, было бы просто жестоко, что она вѣ себя, убита горемъ, и готова Богъ знаетъ на что. Я выдержалъ ея взглядъ и выказалъ явное намѣреніе слѣдовать за нею.

И вотъ, мы пошли опять, и черезъ нѣсколько минутъ очутились на мосту. Кругомъ не было никого; изрѣдка, торопливой походкой, прошмыгнетъ какой-нибудь прохожій, и скроется въ блѣдомъ сумракѣ ночи. Чуть-чуть мигали масляные фонари. Внизу, подъ мостомъ, съ легкимъ шумомъ рѣка катила черныя волны.

Раньше еще, пока мы шли къ мосту, Анна Сергѣевна нѣсколько разъ останавливалась, какъ бы желая дать мнѣ пройти, отвязаться отъ меня; каждый разъ пріостанавливался и я, и она снова продолжала путь.

На мосту она остановилась совсѣмъ, оперлась на перила, и устремила на рѣчку какой-то долгій, стоячій взглядъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Анна Сергѣевна! заговорилъ я, стараясь придать голосу тонъ спокойной разсудительности, — я бы хотѣлъ серьезно поговорить съ вами. Тутъ неудобно, вы видите сами. Тутъ прохожіе, и все такое... Богъ знаетъ, что могутъ подумать о насъ!..

— Оставьте, оставьте меня! пештала она.

— Я не могу васъ оставить! отвѣчалъ я,—если бы я былъ совѣтъ незнакомый вамъ человѣкъ, то все-таки не ушелъ бы отсюда!

Она заплакала. И какъ ни больны были мнѣ ея слезы, но я даже какъ будто обрадовался имъ: все-таки это была реакція, послѣ того молчаливаго отчаянія, которое такъ пугало меня.

— Вы плачете? сказалъ я,—это хорошо, это очень хорошо! Слезы помогаютъ, я испыталъ на себѣ. Но уйдемте лучше отсюда... Я знаю одну даму, у ней вамъ будетъ отлично... здѣсь, неподалеку.

— Ахъ! вздохнула она сквозь слезы,—хорошо! Тамъ было бы лучше!

Она протянула блѣдную руку по направленію къ рѣкѣ. Я воспользовался этимъ, взявъ ее за руку, силой отвелъ отъ перилъ, и мы пошли впередъ. Она не сопротивлялась, не сказала ни слова, и только плакала. Ея слезы капали мнѣ на руку и, казалось, жгли кожу.

Мы миновали мостъ, и вошли въ улицу. Въ слѣдующей жила та особа, о которой я говорилъ. Особа эта была не то нѣмка, не то чухонка, содержала меблированныя комнаты, и такъ какъ это дѣло шло у ней плохо, то всегда можно было разсчитывать найти свободную комнату. До переселенія къ Василисѣ Макаровнѣ я жилъ у ней мѣсяца полтора, и выѣхалъ оттого, что сосѣди не сумѣли по достоинству оцѣнить мои скрипичныя упражненія.

Войдя въ подъѣздъ, я поднялся по лѣстницѣ, все продолжая вести за руку Анну Сергѣевну. Въ этомъ было что-то дѣтское, наивное, напоминавшее давно прошедшіе годы младенчества, словомъ что-то такое, что не смотря на волненіе, испытываемое мною, не смотря на необычайность нашего положенія, радовало меня. Мы какъ будто ушли съ нею изъ какого-то мрачнаго логова, отъ злыхъ, недоброжелательныхъ къ намъ людей, ушли къ чему-то новому, неизвѣданному, что свѣтлой, манящей точкой мерцало намъ впереди...

Я позвонилъ. Отворила сама хозяйка, Вильгельмина Оедоровна.

— Здравствуйте! сказалъ я, нарочно не давая ей возможности выразить удивленіе,—у васъ, навѣрно, есть свободная комната? Пожалуйста, проведите насъ!

— Но... но!.. съ достоинствомъ пробормотала нѣмка, пытаясь собственной персоной загородить дорогу.

— Послѣ... послѣ все объясню! Вѣдь вы узнали меня, Вильгельмина Федоровна?

— О, да, да! значительно смягчившимся тономъ заговорила нѣмка, причемъ на ея жирномъ, квадратномъ лицѣ изобразилось нѣчто въ родѣ улыбки.

— Ну, вотъ и отлично! Эта дама будетъ у васъ жить! Одна! Понимаете?

— О, да, да! не то вопросительно, не то утвердительно произнесла все еще смущенная нѣмка, однако взяла у кухарки свѣчу и провела насъ въ комнату.

Я посадилъ Анну Сергѣевну на стулъ и мигнулъ нѣмкѣ, чтобы та вышла. Вслѣдъ за нею вышелъ и я. Въ корридорѣ, въ темнотѣ, я наскоро объяснилъ ей причину нашего вторженія, совралъ даже что-то, словомъ, устроилъ все такъ, что нѣмка, повидимому, осталась удовлетворенной и даже снизошла приказывать поставить намъ самоваръ.

Вернувшись къ Аннѣ Сергѣевнѣ, я засталъ ее въ томъ же положеніи, въ какомъ посадилъ; она даже шляпки не сняла, и попрежнему оставалась безучастной ко всему, смотря въ пространство тѣмъ же долгимъ, остановившимся взглядомъ.

Я сѣлъ на другой стулъ, противъ нея, и заговорилъ.

— Покуда, Анна Сергѣевна, началъ я, — вы останетесь здѣсь... Вы не посѣтуете на меня за то, что я привелъ васъ сюда. Хозяйка—женщина простая, хорошая, жильцы у ней всегда бываютъ порядочные, надѣюсь, что и теперь тоже... Со временемъ вы устроитесь, какъ хотите, а покуда поживите здѣсь... успокойтесь, подумайте!

Она молчала. Послѣ сильнаго нервнаго возбужденія наступила реакція. Видно было, что ей рѣшительно все равно, гдѣ и какъ она устроится, да и „устроится“ ли вообще. Какая-то апатія ко всему окружающему сказывалась во всей ея молчаливой, скорбно поникшей фигурѣ... Я понялъ, что въ данную минуту присутствіе мое здѣсь излишне. Нужно было оставить ее одну, дать ей придти въ себя, успокоиться, можетъ быть даже снова поплакать.

— Ну, Анна Сергѣевна! сказалъ я, опять-таки стараясь придать голосу оттѣнокъ спокойной разсудительности, — я теперь уйду, а тамъ зайду посмотрѣть, какъ вы устроились. Ей-Богу же, вамъ здѣсь будетъ пріятно. Смотрите, и комнатка какая чистенькая! Сейчасъ вамъ самоваръ подадутъ,—напѣтесь чаю, и ложитесь, съ Богомъ, спать. Утро вечера мудренѣе! Прощайте!

Я протянулъ руку, но она не подала мнѣ своей. Рука ея такъ же безжизненно лежала пластомъ на колѣняхъ, какъ тогда, когда я посадилъ ее. Я поднялъ эту руку, сжалъ и потрясъ въ своей.

Изъ корридора я завернулъ къ хозяйкѣ. У нѣмки, почему-то, было недовольное лицо.

— Добрѣйшая Вильгельмина Федоровна! искательно заговорилъ я, — вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня... Вы знаете меня достаточно, и не должны думать обо мнѣ худо...

— О, нѣтъ, нѣтъ! помотала головой нѣмка.

— Ну, вотъ, то-то и есть! Дама, которую я къ вамъ привелъ, очень достойная дама, вполне благовоспитанная, eine anständige Dame. У ней случилось несчастье: она потеряла любимаго человѣка...

— О! сочувственно воскликнула нѣмка, поднявъ на меня мечтательные, заплывшіе жиромъ глазки.

— Она теперь убита горемъ, продолжалъ я, — и готова рѣшиться Богъ знаетъ на что! Пожалуйста, я васъ попрошу, будьте съ нею деликатны, добры, а главное — старайтесь не упускать ее изъ виду, а если она захочетъ уйдти, то вотъ мой адресъ... Это здѣсь близко... Пошлите тотчасъ же за мной.

Нѣмка обнадежила меня, что все будетъ исполнено по моему, и съ величайшей любезностью проводила меня до дверей.

На площадкѣ лѣстницы я остановился въ раздумьѣ. Такъ ли я все устроилъ, какъ слѣдовало ожидать? Принялъ ли должныя мѣры, и не забылъ ли, не упустилъ ли чтонибудь? Не лучше ли было бы остаться мнѣ эту ночь тамъ, подлѣ нея, въ другой какой-нибудь свободной комнатѣ, не спать, и потихоньку слѣдить? Я по опыту зналъ, что нѣтъ чернѣе мыслей, которыя являются въ одиночествѣ, я былъ убѣжденъ, что въ большинствѣ случаевъ самоубійства и замышляются, и исполняются тогда, когда человѣкъ остается наединѣ съ самимъ собою, съ своими думами. Но, съ другой стороны, вернуться и начать переговоры съ нѣмкой значило бы — возбудить недовѣріе къ себѣ и подозрѣніе относительно чистоты моихъ отношеній къ Аннѣ Сергѣевнѣ, послѣ чего ей уже неудобно было бы оставаться здѣсь, да кромѣ того, все это причинило бы ей новыя огорченія.

Итакъ, нужно было идти домой. Я вышелъ на улицу, перешелъ на другую сторону, и сталъ смотрѣть на окно той комнаты, въ которой находилась Анна Сергѣевна. Окно было освѣщено, и я ясно разсмотрѣлъ самоваръ, около котораго мель-

каль силуэтъ хозяйки. Убѣжденный, что все идетъ благополучно, я отправился домой.

И вотъ, я опять у себя, въ томъ логовѣ, откуда мы съ нею ушли; но она ушла совсѣмъ, а я вернулся, потому что мнѣ некуда уходить и не отъ кого, а отъ самого себя не уйдешь!..

Какъ пусто, какъ мертвенно пусто кругомъ!.. Не слышу я больше ея легкихъ шаговъ по комнатѣ, до моего напряженнаго слуха не долетаетъ шурпаніе ея платья. И швейная машина замолкла... Точно умеръ человѣкъ, и его снесли на кладбище.

И нѣтъ отвѣта. Алыи разсвѣтъ глядитъ ко мнѣ въ окно, ясиѣ и ясиѣ вырисовываются всѣ предметы въ комнатѣ, свѣжимъ утреннимъ вѣтеркомъ вѣетъ на мою разгоряченную голову... Пора бросить перо, утро вечера мудренѣе!..

II.

Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ, я не могъ только угадать, кто былъ тотъ господинъ, который видѣлся съ Анной Сергѣевной. Она мнѣ назвала его, и показала письмо, имъ написанное. Это былъ „Илюша“, голосъ котораго я слышала за стѣнкой у Крутковыхъ въ вечеръ катанья на тройкѣ.

Письмо заключало въ себѣ самое подробное разъясненіе связи Круткова съ Катериной Семеновной. Не упущено было ничего, пожалуй, даже, много въ немъ было и лишняго, что несомнѣнно должно было возмущать нравственное чувство Анны Сергѣевны. Я читалъ эти безграмотныя строки, написанныя крупнымъ, неразборчивымъ почеркомъ, и возмущался не столько измѣной Круткова, сколько поступкомъ его пріятеля, не задумавшагося подписаться: „Илья Черноперовъ“.

Мнѣ казалось, что не все была правда въ этомъ письмѣ, и что подъ впечатлѣніемъ чувства мести г. Черноперовъ присочинилъ кое-что, какъ бы разсчитывая сильнѣе разжечь ревность въ Аннѣ Сергѣевнѣ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: вмѣсто того, чтобы съ презрѣніемъ къ доносчику разорвать письмо, не читая, Анна Сергѣевна не выдержала, прочла, скрыла его отъ меня, очевидно—опасаясь, что я стану уговаривать не ходить въ Дворянскую улицу,—и пришла на условленное мѣсто. Г. Черноперовъ самъ лично довель ее до квартиры, гдѣ въ то время должны были находиться Крутковъ съ его возлюбленной, и оставивъ у дверей, заблагоразсудилъ удалиться. Что изъ этого могло выйдти, должно быть понятно всякому. Анна Сергѣевна позвонила; ей отворили. Не говоря ни слова, не спра-

пивая ни о чемъ, она бросилась во внутреннія комнаты, и была встрѣчена Крутковымъ. Никакого объясненія между ними не произошло, да и не могло произойти при такихъ обстоятельствахъ. Крутковъ грубо спросилъ, зачѣмъ она явилась, Анна Сергѣевна въ гнѣвъ начала говорить безсвязныя рѣчи, упрекать, и проч., онъ повернулъ ее, довель до дверей и вытолкалъ на лѣстницу.

Обо всемъ этомъ сообщила мнѣ Анна Сергѣевна вчера утромъ, когда я, предъ отправленіемъ на службу, забѣжалъ къ ней. Она казалась спокойной, вполне пришедшей въ себя, покорившейся своей участи. Бесѣдуя, мы составили планъ ея будущей жизни. Въ тотъ же день я перевезъ въ ея комнату швейную машину, которая въ нашемъ планѣ играла первенствующую роль, такъ какъ должна была доставлять заработокъ, необходимый для существованія. Крутковъ какъ бы умеръ для насъ обоихъ. Для меня, впрочемъ, не совсѣмъ, такъ какъ живя по сосѣдству, онъ иногда заявлялъ о своемъ существованіи. Сегодня утромъ, напримѣръ, я услышалъ въ его комнатѣ присутствіе женщины, прислушался, и по голосу узналъ Катерину Семеновну. Занявъ мѣсто хозяйки, она тотчасъ же вошла въ роль, устраивала что-то по своему, что-то перемѣщала, перевѣшивала, вбивала въ стѣнку гвозди, и всю эту работу сопровождала неумолчной трескотней.

— Жанъ, Жанъ! трещала она,—посмотри, я хочу это перевѣсить сюда! Здѣсь будетъ эффектнѣе, лучше, не правда ли? Жанъ! Да что же ты молчишь! Фу, какой несносный! Ахъ, Боже мой, Жанъ, это что за гадость? Это нужно бросить, подарить Θεклѣ! Жанъ, да что же ты ничего не отвѣчаешь? Пожалуйста, нечего мрачничать!

Жанъ что-то проворчалъ недовольнымъ тономъ. Должно быть, и ему эта несносная болтовня порядкомъ надоѣдала.

Давненько, однако, я не принимался за свой дневникъ. Да и не было, собственно говоря, ничего такого выдающагося, что бы стоило заносить. Недѣля прошла какъ одинъ день. Каждый вечеръ я приходилъ къ Аниѣ Сергѣевнѣ и читалъ ей что-нибудь, а въ восемь часовъ, послѣ чаю, отправлялся домой. Иногда случалось, что у Круткова собирались гости, и тогда уже нечего было думать о снѣ часовъ до трехъ утра. Компанія являлась большая, и всѣ, какъ на подборъ, любители выпить.

Хлопали пробки, звенѣли стаканы, и эти звуки смѣшивались съ общимъ хоромъ рѣчей, восклицаній и безшабашнаго смѣха. Катерина Семеновна обязательно пѣла „Ваньку“, остальные хоромъ подпѣвали, чокались, лобызались, разбивали рюмки. Часамъ къ тремъ утра вся ватага отправлялась кататься на лодкахъ. Въ общемъ хорѣ голосовъ я достаточно различалъ голосъ г. Черноперова; надо полагать, что открытыя измѣны его возлюбленной были настолько часты, что онъ успѣлъ къ нимъ привыкнуть и примириться съ ними. Все это носило на себѣ чрезвычайно грязный отпечатокъ, но всему скоро былъ положенъ конецъ. Воспользовавшись тѣмъ, что наступилъ срокъ уплаты за комнату, Василиса Макаровна улучила минуту, когда Крутковъ былъ одинъ, вошла къ нему, и сухо объявила, чтобы онъ очищалъ комнату, такъ какъ у ней имѣется въ виду другой жилецъ.

— Позвольте, однако! заговорилъ Крутковъ, — почему же вы не хотите, чтобы я у васъ жилъ? Плачу я аккуратно, жилецъ, кажется, не особенно дурной. Не понимаю!

— Такъ, не желаю! отвѣчала Василиса Макаровна, — больше ничего, что не желаю.

— Странно!.. Непонятно!.. удивлялся Крутковъ.

— И ничего, батюшка, страннаго нѣтъ, коли ужъ всю правду сказать! съ обычной рѣзкостью заговорила Василиса Макаровна, — жилецъ-то вы, сударь, довольно безпокойный! У меня такого отродясь не бывало! Помилуйте! Каждый вечеръ собранія, шумъ, пѣсни. Оеклу у меня совсѣмъ замотали...

— Однако, Василиса Макаровна, не могу же я, иногда, не пригласить кое-кого! Если бы я жилъ какъ мой сосѣдъ, да у меня бы въ комнатѣ мухи съ тоски подошли. Я человѣкъ веселый!

— Знаю! отвѣчала Василиса Макаровна, — знаю, что вы веселый человѣкъ... Вамъ бы ужъ и такія веселыя мѣста находить!

— Такъ вы рѣшительно отказываете мнѣ отъ комнаты? спросилъ Крутковъ.

— Да ужъ что говорить! отвѣчала Василиса Макаровна, — кабы еще Анна Сергѣевна жила, — она дама тихая, обходительная, — ну, куда бы ни шло, — а эта самая дама, или барышня, ужъ не знаю какъ ее величать...

— Ха, ха, ха! разсмѣялся Крутковъ, — такъ вотъ оно что! Ну, я теперь понимаю! Какая вы, однако, странная особа! Анна ли Сергѣевна, или эта барышня, — не все ли равно?

— Все равно, да не одно! сухо отрѣзала Василиса Мака-

ровна, и прибавила: — такъ ужъ вы пожалуйста, Иванъ Павлычъ, позаботьтесь! Денька три сроку я вамъ дамъ.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ Крутковъ, — поищу другую комнату, хотя, собственно, я не люблю перекочевокъ.

Но покуда Крутковъ отыскалъ себѣ комнату и переѣхалъ, случилось одно, довольно курьезное обстоятельство. Въ сумеркахъ какъ-то сидѣлъ я у себя въ комнатѣ и читалъ. Вдругъ раздался звонокъ и въ комнату Круткова вбѣжала Катерина Семеновна.

— Гдѣ же онъ? вскричала она, — вотъ прекрасно! Его и нѣтъ!

Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ я слышалъ, какъ она ходила по комнатѣ, стуча каблуками, передвигала стулья, швыряла что-то на полъ. Но вотъ, шаги затихли, дверь моей комнаты пріотворилась, и въ образовавшееся пространство просунулась кудрявая голова въ бѣлой соломенной шляпкѣ.

— Pardon! произнесла Катерина Семеновна. — вы одни? Можно къ вамъ?

И не успѣлъ я придти въ себя отъ изумленія, какъ бойкая барынька впорхнула въ комнату, тотчасъ же наполнивъ ее запахомъ эсъ-букета.

Я привсталъ ей навстрѣчу.

— Ахъ, пожалуйста, продолжайте, продолжайте! затараторила она, — я, кажется, помѣшала вамъ? Читаете въ уединеніи? Очень мило! Что это у васъ? Зачѣмъ же вы закрыли книгу? Такъ вотъ ваше обиталище? Гм! Довольно мрачное, для такого мрачнаго человѣка, какъ вы!

Она приблизилась къ дивану и безцеремоннѣйшимъ образомъ расположилась на немъ, раскинувъ на подушки полуобнаженные руки и выставивъ впередъ узкій носокъ лакированной ботинки.

Я молчалъ и смотрѣлъ на нее съ прежнимъ недоумѣніемъ. Она какъ будто немного сконфузилась и стала оправдывать свое вторженіе.

— Иванъ Павлычъ сказалъ, что будетъ ждать меня къ восьми часамъ... Кстати, скажите пожалуйста, который часъ? Я забыла свои дома.

— Безъ четверти восемь! отвѣчалъ я.

— Такъ онъ долженъ придти сейчасъ!.. Мы ѣдемъ на острова... Погода такая прелестная! Вы любите гулять? трещала она, — скажите пожалуйста, въ какихъ вы отношеніяхъ съ Иваномъ Павловичемъ?

— Въ очень отдаленныхъ. Позвольте, я немножко не понимаю цѣли вопроса?

— Такъ, я хотѣла знать... Хорошо бы было отправиться втроемъ... Я люблю общество, общество мужчинъ преимущественно... Она кокетливо передернула плечами, и стала играть носкомъ ботинки.

Время шло. Я попрежнему упорно молчалъ. Въ комнатѣ хозяйки часы пробили восемь.

— Нейдетъ, несносный! произнесла Катерина Семеновна, — ну, достанется же ему отъ меня! И это мужчины! Фи! Всѣ какіе неинтересные нынче стали! Сидятъ, молчатъ, читаютъ или пьютъ! Вѣдь это ужасъ что такое!

— Неужели совсѣмъ нѣтъ интересныхъ? спросилъ я. Положительно, она меня начинала забавлять; я хотѣлъ знать, чѣмъ все это окончится.

— Нѣтъ! съ убѣжденіемъ повторила она, — интересны они только вотъ въ книгахъ, а въ жизни такіе кисляи... Фу!.. Ну, хоть бы Иванъ Павлычъ! Пригласить на прогулку, и не явиться! Ну, я вотъ и уйду, пусть-ка онъ тогда сунется!..

Я разсмѣялся.

— Чего вы смѣетесь? спросила она, — конечно, пусть сунется! Будетъ прощенья просить, на колѣни встанетъ!

— Неужели? удивился я.

— Конечно! небрежно проронила она, вся откинувшись на спинку дивана; — ахъ, какъ скучно!

— Что скучно? Что Иванъ Павлычъ на колѣни встанетъ? освѣдомился я.

— И это, и... все! Ахъ, я еще не осмотрѣла вашей комнаты! воскликнула она, внезапно оживившись, — это вашъ письменный столъ! Не важный! А это что? Ноты? (она стояла подлѣ этажерки, и рылась въ грудѣ книгъ и бумагъ). Пушкинъ? Такъ вотъ какъ, вы поэтъ? Мечтатель! кинула она на меня томный взглядъ, — ха, ха, ха, помните, какъ онъ васъ схимникомъ назвалъ? А гдѣ же вы спите?

Она подошла къ драпировкѣ, быстро раздвинула ее, и такъ и осталась, держась обѣими руками за края драпировки.

Сумерки надвигались все гуще и гуще. Во всей квартирѣ была мертвая тишина; слышно было какъ мухи, жужжа, бились въ оконныя стекла. Въ комнатѣ было душно. Пахло духами.

— А — ахъ! протяжно-глубоко вздохнула она, медленно, шагъ

за шагомъ, возвращаясь къ дивану, — что же это онъ не идетъ? Извините, я вамъ помѣшала... Пойду къ нему на встрѣчу. До свиданья!

Она пошла къ двери, взялась за ручку, но вдругъ обернулась, и смотря на меня какимъ то насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, произнесла:

— Хотите, я вамъ скажу кое-что? Хотите?

Я смотрѣлъ на нее, выпуча глаза.

— Вы, — простофиля! Простите за откровенность! Ха, ха, ха!

И, заливаясь смѣхомъ, выбѣжала въ корридоръ.

III.

Съ нѣкотораго времени мы съ Анной Сергѣевной взяли въ привычку по вечерамъ гулять по парку. Вечера такіе теплые, славные, такъ и манятъ на улицу.

Сегодня я зашелъ, по обыкновенію, къ Аннѣ Сергѣевнѣ, съ цѣлью вызвать ее на прогулку. Она была что-то грустна, озабочена, и спѣшно работала. Однако, увидя меня, улыбаясь, протянула мнѣ руку.

— Ну, что же, идемте гулять! спросилъ я.

— Ужъ не знаю, — отвѣчала она, — идти ли сегодня. У меня работа спѣшная.

— Успѣете еще наработаться! отвѣчалъ я, очень ужъ вы себя работой морите. Днем сидите, сидите, да и вечеромъ тоже!

— О, мнѣ не тяжело! Я привыкла! отвѣчала она, — да что это вамъ вздумалось?

— Такъ! Нужно же когда нибудь отдохнуть отъ прозы жизни.

— Отдохнуть отъ прозы жизни! повторила она, — а въ чемъ же поэзія?

— Ну, хотя бы въ томъ, что вотъ, мы погуляемъ, свѣжимъ воздухомъ подышемъ, выйдемъ на Неву, посмотримъ, поболтаемъ... Все-таки развлеченіе!

— Пожалуй, что и развлеченіе!

Она одѣлась, и мы вышли. Въ паркѣ было очень мало гуляющихъ, особенно въ той его части, куда я ее привелъ, т. е. около моего любимаго мѣста. Скамейка была не занята; мы опустились на нее.

Анна Сергѣевна съ задумчивымъ видомъ стала чертить зонтикомъ по песку.

— Отчего вы такая грустная, Анна Сергѣевна? спросилъ я.

— Я всегда такая! отвѣчала она, — съ дѣтства уже это...

Въ нашей семьѣ я была самая молчаливая.

— И самая тихая?

— Да, самая тихая. Вотъ, я теперь вспомнила. Знаете, бываетъ иногда, что вдругъ такъ ясно вспомнишь дѣтство... свое прошлое. Я очень тихимъ ребенкомъ была: сидишь, бывало, гдѣ нибудь въ углу, разные лоскуточки разбираешь, складываешь ихъ въ коробочки...

— Большая васъ была семья?

— Насъ было трое дѣтей: я, сестра и братъ. Сестра вышла замужъ за инженера, уѣхала въ провинцію...

— Вашъ отецъ живъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, умеръ... давно. Онъ былъ чиновникъ, жалованье получалъ небольшое, такое, что едва хватало на существованіе.

— Однако вы учились гдѣ нибудь?

— Какъ же, была въ гимназіи; только не кончила, вышла изъ пятаго класса. Отецъ умеръ, платить было не изъ чего...

— Тяжело вамъ жилось? спросилъ я.

— Ахъ, какъ тяжело, если бы вы знали! Долгое время мы жили въ углу, въ подвалѣ, — сырой такой, холодный былъ подвалъ. Мать захворала, совсѣмъ была не работница, сестра — маленькая, братъ тоже. Ну, вотъ, я и поступила въ одинъ модный магазинъ, ученицей сперва. Потомъ ужъ мнѣ положили жалованье, рублей пять, кажется. Года черезъ два я уже получала двѣнадцать рублей. Ну, и жили!

— На двѣнадцать-то рублей? спросилъ я.

— Люди живутъ и на меньшее. Впрочемъ, по вечерамъ я брала работу „на себя“, и зарабатывала тоже что-то около двѣнадцати. Мы ужъ могли изъ подвала выѣхать, и наняли комнату за шесть рублей. Никто къ намъ не ходилъ, и сами мы ни у кого не бывали, больше потому, что иногда, вѣрите ли, не въ чемъ было выйдти на улицу. А сколько приходилось выносить униженій, оскорбленій, — отъ лавочниковъ, дворниковъ, квартирныхъ хозяевъ — всего и не вспомнишь, и не расскажешь!

Она вздохнула.

— Лучше не вспоминать! сказалъ я.

Я слушала ея рассказъ съ возрастающимъ вниманіемъ. Эта жизнь, полная лишеній, мелкихъ, будничныхъ заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба, такъ близко соприкасалась съ моей прошлой жизнью, такъ знакома была мнѣ, какъ будто въ ея пересказѣ передо мною проходили мои личныя воспоминанія.

— Ну, и какъ же вамъ жилось у хозяйки? спросилъ я.

— Солоно приходилось! улыбнулась она, — вот, всё ругают иностранцев — эксплуататоры, говорят, и прочее, а, знаете, я замѣтила, что если ужъ русскій человекъ сдѣлается эксплуататоромъ, такъ хуже любого нѣмца или француза. Право! Такая, вотъ, и мнѣ хозяйка попалась, г-жа Маслова. Грубая, алчная, злая... Она была вдовою унтеръ-офицера, который служилъ когда-то жандармомъ на желѣзной дорогѣ, и послѣ смерти оставилъ деньги, что-то около тысячи рублей. На эти деньги она открыла небольшой магазинчикъ, завела при немъ мастерскую и стала набирать ученицъ, разныхъ голодныхъ дѣвчонокъ; между ними очутилась и я. Держала она всѣхъ „по старинѣ“, на разныхъ домашнихъ послугахъ. Ученицы у ней и полы мели, посуду мыли, чистили кострюли, стряпали даже, можете себѣ вообразить! Она жила, какъ помѣщица при крѣпостныхъ. И за все это получали утромъ кружку чая съ маленькимъ кусочкомъ сахара и ломтемъ чернаго хлѣба, въ обѣдъ — щи или какую-нибудь похлебку, затѣмъ пшеничную или гречневую кашу, на паузинь — кружку кофе и тотъ же черный хлѣбъ съ прогорклымъ масломъ, — вечеромъ опять тотъ же чай. Вставали рано, часовъ въ пять, ложились никакъ не раньше двѣнадцати, а когда бывала спѣшка, то и позже. Мнѣ то пришлось пожить такой жизнью всего годъ, да притомъ хозяйка знала, что я дочь чиновника, была въ гимназiи, — и не дралась, по крайней мѣрѣ, какъ съ другими, а только плохо кормила, да случалось, что обругается. Но у насъ были совсѣмъ, совсѣмъ несчастныя, изъ прiютовъ, безъ отца, безъ матери, и эти брошенные дѣти должны были жить такой жизнью по шести, по семи лѣтъ. Маслова и съ большими, и съ мастерицами даже обращалась не многимъ лучше. Тутъ ужъ нечего было думать о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, — какое ужъ тамъ! Случалось мнѣ потомъ не разъ встрѣчаться кое съ кѣмъ изъ моихъ товарокъ, — всѣ онѣ были пропащiя женщины. Знаете ли, Павелъ Ивановичъ, что и меня ожидала та же участь?.. Да, впрочемъ, что я! То, что произошло, было не многимъ лучше!

— Анна Сергѣевна! воскликнулъ я, — простите меня за то, что я вамъ сейчасъ скажу... Сегодня вы были со мною такъ откровенны... Вы рассказали грустную повѣсть вашихъ дѣтскихъ лѣтъ... Я слушалъ васъ и сердце мое ныло. Если бы вы знали, какъ понятны мнѣ ваши страданiя, ваши униженiя... Я самъ много вынесъ, самъ бѣдствовалъ страшно!..

Будьте же, попрежнему, откровенны со мною... Я не изъ любопытства прошу,—сохрани меня Богъ,—не изъ любопытства... Если бы вы знали... какое участіе принимаю я въ васъ!..

— Я знаю, что вы добрый, хорошій человѣкъ! прошептала она,—и не знаю, какъ васъ благодарить... за все, за все...

Она опустила голову и прикрыла рукою лобъ. Можетъ быть, плакала. Я молчалъ. Кругомъ не было ни души. Не было и тѣхъ немногихъ прохожихъ, по большей части рабочихъ, которые изрѣдка проходили мимо насъ. Прохладный, ночной воздухъ былъ тихъ и недвижимъ. Издали, со стороны рѣки, слабымъ рокотомъ доносился постепенно замиравшій шумъ городской сутолоки, перемежавшійся иногда басовыми гудками пароходовъ. На безоблачномъ небѣ чуть-чуть мерцали немногія звѣзды. Вотъ, съ крѣпостной башни, блѣдный силуэтъ которой рѣзко вырисовывался на голубомъ фонѣ неба,—донесся заунывный мотивъ курантовъ, и съ долгими промежутками отчетливо звонко часы пробили двѣнадцать.

— Да, да, я вамъ расскажу... непременно все расскажу! быстро заговорила она, поднявъ на меня блѣдное лицо,—вы теперь самый близкій ко мнѣ человѣкъ,—должны же вы знать, что я такое, и какъ я сошлась съ Ва... съ Иваномъ Павлычемъ! Какъ сошлась? Какъ обыкновенно сходятся такія глупыя дѣвчонки... Подумайте только, что я видѣла, что я знала? Гимназію, классы, учительницъ... потомъ попала къ Масловой,—какое ужъ тамъ развитіе! Домой придешь,—тоска, скука, ну, и сидишь все, да романы читаешь. Да романы-то все такіе... съ интригами, похищеніями, графы да князья тамъ разные, роскошь, богатство. А дома бѣдность непокрытая, мать хвораетъ, изъ-за каждаго пустяка сердится, ворчитъ... Ну, просто хоть въ омутъ головой. Жить-то хочется,—видишь, какъ люди живутъ, завидуешь, думаешь: Господи, неужели такъ-то всю жизнь придется промаячить? Неужели во всю-то жизнь, хоть разокъ въ театръ не придется сходить? Ахъ, Павелъ Ивановичъ, не смѣйтесь,—вамъ, можетъ быть, все это непонятно, а представьте себѣ, что этотъ театръ былъ почти причиною моего... знакомства съ Иваномъ Павловичемъ.

— Анна Сергѣевна, вскричалъ я,—съ чего вы это взяли, что я смѣюсь? Напротивъ, я отлично знаю, что это почти всегда такъ и начинается! Но какъ вы познакомились съ нимъ?

— Онъ иногда ходилъ къ Масловой. Какія у нихъ были

дѣла, — хорошенько не знаю, — кажется, онъ занималъ у ней деньги, — разъ я слышала разговоръ про какой-то вексель. Съ мастерицами онъ всегда шутилъ, смѣялся, забавлялъ насъ разными анекдотами, словомъ — былъ такой веселый человѣкъ, что мы чуть не всѣ разомъ влюбились въ него. Онъ, должно быть, догадывался объ этомъ, только ни съ кѣмъ не былъ такъ разговорчивъ и любезенъ, какъ со мною. Я сидѣла съ края стола, и онъ, каждый разъ, какъ придетъ, бывало, въ мастерскую, садится подлѣ меня, да такъ близко, что даже мѣшаетъ работать. Ну, конечно, городить разный вздоръ, смѣшить, а намъ-то, глупымъ, нравится, — скучно вѣдь такъ сидѣть за работой, — просто, не нахвалимся другъ передъ дружкой Иваномъ Павловичемъ. Такъ прошло мѣсяца два или больше, не помню хорошенько; вотъ, только разъ приходитъ Иванъ Павловичъ грустный, молчаливый. Что это, — спрашиваемъ, — Иванъ Павловичъ, вы сегодня такой хмурый? „Такъ, — говорить, — ничего!“ И такимъ грустнымъ голосомъ выговорилъ онъ это, что намъ всѣмъ жалко его сдѣлалось. „Должно быть“, — думаю, — „наша Маслиха деньги съ него взыскивать стала, а у него нѣтъ“, и взглянула на него. И онъ смотритъ на меня, да такъ пристально, точно что хочетъ сказать. Ну, стали мы по домамъ расходиться, онъ тоже вышелъ съ нами, распрощался со всѣми подъ воротами и пошелъ себѣ. Я съ товарками разошлась, иду одна, тороплюсь; вдругъ, смотрю — Иванъ Павловичъ передо мною. Что такое, — ничего не понимаю? Пошелъ рядомъ со мною, сталъ разные намеки дѣлать, говорить, что любить меня, что если я его оттолкну, то застрѣлится или повѣсится, ну, однимъ словомъ, сдѣлалъ признаніе. Я растерялась, не знала что дѣлать, и ничего тогда ему не сказала, за то всю ночь проплакала. И стыдно-то мнѣ было, и неловко, и боязно, и сердце радовалось, что вотъ, онъ меня другимъ предпочелъ, въ любви признался; а я-то его люблю давно, давно ужъ онъ моимъ героемъ сдѣлался. Со стороны судить, — глупо все это; но въ то время ни о чемъ я не думала, была какъ въ чаду, туманъ какой-то былъ въ головѣ, и со мною можно было дѣлать все, что угодно... Сталъ онъ мнѣ свиданія назначать... Я ходила. Свиданія эти кончались всегда тѣмъ, что Иванъ Павловичъ или на лихачѣ меня каталъ, или въ кондитерскія водилъ и угощалъ шоколадомъ. Попросила я его какъ-то сводить меня въ театръ, а платья у меня не было, такъ я ужъ у подруги взяла надѣть, и такъ въ чужомъ платьѣ

поѣхала. Онъ взялъ ложу, купилъ конфетъ, апельсиновъ. Въ антрактахъ мы прогуливались подъ ручку, какъ мужъ съ женой. Изъ театра мы поѣхали къ Палкину, въ отдѣльный кабинетъ... Мнѣ было все равно, — вѣдь я любила его... думала, что и онъ любить меня. На другой день послѣ театра, я, по просьбѣ Ивана Павловича, отошла отъ мѣста и перешла жить къ нему... Ну, вотъ и все! Съ этого началась наша жизнь вмѣстѣ. Черезъ годъ я сдѣлалась матерью, и ребенка, по настоянію Ивана Павловича, отдала на воспитаніе въ чухонскую деревушку. Павелъ Ивановичъ! я была такъ молода, такъ глупа!.. Потомъ уже спохватилась... Сколько слезъ было, сколько горя, такъ и не перескажешь. Вѣдила я туда довольно часто, первое время даже съ Иваномъ Павловичемъ, а потомъ онъ ребенка взялъ и отдалъ въ другую какую-то деревню, а мнѣ такъ и не сказалъ, куда... Теперь я и не знаю, гдѣ моя бѣдная Надюша!.. Сколько разъ умоляла его сказать, — не говорить... Онъ боялся, что я его „свяжу“ нашей бѣдной дѣвочкой! Если бы я только могла узнать... Господи, хоть бы разъ взглянуть!..

Слезы прервали ея слова, — она закрыла лицо обѣими руками.

А ночь, бѣлая майская ночь, безстыдная, больная, все ползла да ползла. Все тише и тише, словно въ предсмертной агоніи, рокоталь городъ. Совсѣмъ смолкли пароходные гудки. Слѣва часть неба порозовѣла, и тамъ разросталась и ширилась багряная полоска утренней зари. Снова донесся заунывный мотивъ курантовъ и звонко пробилъ часъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамейки, въ густой чащѣ кустарника, зацелкалъ соловей.

— Нѣтъ! вскричала Анна Сергѣевна, отнимая руки отъ лица, — нѣтъ, не тѣмъ онъ обидѣлъ меня, что измѣнилъ, насмѣялся надо мною. Богъ съ нимъ! Я бы простила ему, — вѣдь прощаютъ же другія! Но онъ обманулъ меня. Я ему *вѣрила*, я считала его, все-таки, лучше! Были случаи, когда я сомнѣвалась, и все-таки постоянно оправдывала его; „ну“, думала, „увлекся, — человѣкъ молодой, нельзя же такъ строго судить. Можетъ быть, ему скучно со мною?“ О, я много терпѣла отъ него, я на многое закрывала глаза. Ужъ одно то, что мы никогда не были равны, всегда были какъ бы чужіе другъ другу, онъ, какъ-то, всегда стоялъ выше меня, повелѣвалъ, смотрѣлъ на меня какъ на такое существо, съ которымъ можно дѣлать все, что угодно. А я, какъ собаченка, бѣгала за нимъ, служила ему. Я смотрѣла ему въ глаза, стараясь угадать, въ ка-

комъ онъ расположеніи духа, не сердить ли, не огорченъ ли, и что его огорчаетъ, — нельзя ли это какъ нибудь устранить, какъ нибудь утѣшить, развеселить его. Я ребенкомъ пожертвовала для него! О, не думайте, Павелъ Ивановичъ, что когда я стояла тогда на мосту, то мучилась отъ ревности! Нисколько, нисколько! Онъ обидѣлъ меня не какъ женщину, съ которой жилъ, не какъ любовницу, а какъ человѣка. Вотъ, къ несчастью, я никакъ не могу объяснить, чтобы вамъ было все понятно. Ну, однимъ словомъ, я перестала вѣрить въ него! До сихъ поръ онъ мнѣ казался хорошимъ человѣкомъ; въ немъ много было недостатковъ — но въ комъ ихъ нѣтъ? За то у него, какъ будто, были и хорошія черты... Теперь я вижу, что онъ не хорошій человекъ. Онъ отнялъ отъ меня ребенка. О, какой онъ злой человѣкъ!

— Ну, Богъ съ нимъ! сказала я: — теперь все кончено, и лучше не вспоминать!..

— Да, Богъ съ нимъ! задумчиво повторила она, — ему, дѣйствительно, такая женщина нужна, какъ Катерина Семеновна. Оба они пара, оба не останутся въ долгу. Господи, ничего-то у нихъ нѣтъ святого, надо всѣмъ они готовы смѣяться — помните, какъ тогда, когда вы про дѣтей еще говорили? У меня сердце разрывалось, я готова была бѣжать куда-нибудь, забиться въ уголокъ какой, чтобы меня не видѣлъ никто, а имъ — хоть бы что... Смотрите, Павелъ Ивановичъ, сохрани Богъ, чтобы вамъ не попалась такая жена.

— Да я и не женюсь никогда! сказала я: — я, вѣдь, привыкъ къ одиночеству, сжилъ съ нимъ. Я люблю одинокую жизнь!..

Какой вздоръ я молоть! И зачѣмъ я это говорилъ, когда, наоборотъ, такъ опостылѣла мнѣ моя жизнь? Да отчего же я и метался, и мѣста не находилъ, отчего готовъ былъ броситься на первое задушевное слово, отдаться всякой женской ласкѣ, если не отъ этого? Вѣдь объ этой ласкѣ, объ этомъ женскомъ участіи я мечталъ всю жизнь; мечталъ и теперь, въ этомъ тихомъ уголкѣ парка, подъ томительнымъ обаяніемъ ночи, слушая раскатистую трель маленькой, сѣренькой птички, — волшебнаго пѣвца любви и счастья...

Анна Сергѣевна вздрогнула, и повела плечами.

— Вамъ холодно! Вы озябли? спросилъ я.

— Да!.. Свѣжо что-то стало, — не пора ли домой?

— Пойдемте! сказала я.

Мы встали и пошли изъ парка. Я проводилъ ее до квар-

тиры и пошелъ домой. Я шелъ медленно, по временамъ снимаю шляпу, и тѣмъ стараюсь освѣжить голову. Воздухъ былъ недвижимъ и спертъ. Было душно. На горизонтѣ все болѣе и болѣе надвигались темнолиловыя громады тучъ, изъ которыхъ, по временамъ, поблескивала отдаленная молнія. Я шелъ и вспоминалъ разговоръ, который велъ съ Анной Сергѣевной. Въ нашей судьбѣ было много общаго: тяжелое, полуголодное дѣтство, полная зависимость отъ чужихъ людей, борьба съ нуждою, наконецъ, наше настоящее одиночество... И, несмотря на это, мнѣ все казалось, что мы далеки другъ отъ друга, что насъ раздѣляетъ что-то, и долго, долго еще будетъ раздѣлять...

IV.

Въ нашей сѣренькой, будничной жизни, посреди людей самаго что ни на есть реального и ультра-практическаго направленія, нѣтъ-нѣтъ да и окажутся люди съ романтическимъ складомъ души.

Къ числу такихъ интересныхъ особей рода человѣческаго всецѣло могла бы быть причислена Василиса Макаровна, о которой я и поведу теперь рѣчь. Но прежде чѣмъ начать говорить о Василисѣ Макаровнѣ, — скажу нѣсколько словъ объ ея фактоумѣ — Ѳеклѣ. Однажды, утромъ, Ѳекла явилась ко мнѣ съ самоваромъ, въ крайне раздраженномъ состояніи духа.

— Что это ты, Ѳекла, такая сердитая? осторожно освѣдомился я.

— Будешь сердитая! огрызнулась Ѳекла, — много васъ тутъ, прикащиковъ, а руки у меня однѣ! Вотъ еще одинъ чортъ навяжется, — хозяиномъ станетъ!

— Кто это хозяиномъ станетъ? спросилъ я, — что ты мелешь?

— Мельница мелеть, а не я! окрысилась Ѳекла, — будто и не знаете?

— Не знаю!

Ѳекла таинственно подмигнула мнѣ правымъ глазомъ, и сдѣлала жестъ, требовавшій вниманія.

— Дѣла! вздохнула Ѳекла, — ужъ такія, я вамъ скажу, дѣла; что „ахъ“, да и только!

— Какъ, что, какія дѣла?

— Все наши куралесятъ, — покрутила головою Ѳекла, — который ужъ день! И стыдобушки-то у людей нѣтъ, ей Богу! Вонъ, нынче какія времена-то пошли.

— Кто же это куралеситъ? допрашивалъ я.

— Хозяйка! Кто же больше? Благочестивица наша, да вотъ

этот старикъ, котораго на томъ свѣтѣ съ фонарями ищутъ. Сдурѣли на старости лѣтъ, — вѣнчаться будутъ, — на-те, вотъ вамъ!

— Вѣн-чать-ся?.. Признаюсь, извѣстiе это поразило меня: Василиса Макаровна выходитъ замужь! Да возможное ли, ста-точное ли это дѣло!

— Полно тебѣ, Оекла, быть этого не можетъ! сказалъ я.

— Ну, чего тамъ! возразила Оекла, — сляпано дѣльце! Же-нихъ! (Оекла не удержалась и прыснула въ рукавъ) подарки вѣдь сдѣлалъ! На ладонь дышетъ! Господи, твоя воля, до чего люди дошли! Богу впрору молиться, а онъ... извѣстно, не въ своемъ умѣ, тронумшись немножко! добавила она конфиденціальнымъ шопотомъ, и тотчасъ же воскликнула: — женихъ! ай-да женихъ!

И продолжая ворчать себѣ подъ носъ, Оекла удалилась.

Извѣстiе это чрезвычайно заинтересовало меня, и я не могъ отказать себѣ въ удовольствiи, воспользовавшись срокомъ пла-тежа за комнату, нанести визитъ Василисѣ Макаровнѣ.

Я засталъ ее стоявшей передъ выдвинутымъ ящикомъ ко-мода и съ большимъ увлеченiемъ любовавшейся тѣмъ, что въ немъ заключалось. Увидя меня, Василиса Макаровна вспыхнула, растерялась и поспѣшно задвинула ящикъ. Очевидно было, что я засталъ ее врасплохъ.

— Здравствуй, здравствуй, батюшка! Добро пожаловать! смущеннымъ голосомъ говорила она, въ то время какъ румя-нецъ быстро заливалъ ея щеки, — кофейку не хочешь ли?

Я отказался отъ угощенiя, и вручилъ ей деньги.

— Что это? изумилась она, — да нешто сроки?

— Какъ же, — сегодня! отвѣчалъ я, — а вы и забыли?

— Забыла и есть! призналась она; — да чего, батюшка, — въ головѣ такое колесо, — просто, я тебѣ скажу, всякую память отшибло!

— Да вы, дѣйствительно, какъ будто разстроены! сказалъ я.

— Разстроена и есть! созналась она, — ахъ, голубчикъ ты мой, такое, такое дѣло!.. Садись-ко, я ужъ тебѣ все по по-рядку расскажу, — мнѣ передъ тобой таиться нечего!

Я подсѣлъ къ рабочему столику, Василиса Макаровна распо-ложила напротивъ, и взялась было за вязанье, но вдругъ всю ра-боту бросила въ корзинку и, наклонившись ко мнѣ, зашептала:

— Представь, голубчикъ! Грязнуха-то — предложенiе сдѣлалъ!

— Полковникъ Аркебузовъ? Что вы говорите? Быть не мо-жетъ! Кому же, вамъ? схитрилъ я.

— Мнѣ, мнѣ! Представь, какой позоръ! трагически воскликнула Василиса Макаровна, вся зардѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ. Я не могъ удержаться, и разсмѣялся.

— Смѣйся, смѣйся! заговорила Василиса Макаровна, покачивая головою, — достойно и праведно, вотъ ужъ можно сказать! Вѣдь, курамъ на смѣхъ! Я, вонъ, и то ему говорю: ты, говорю, батюшка, въ церкви умрешь, тебя изъ церкви прямо на погостъ! Ну, какой ты женихъ? А я-то, — хороша невѣста!

— Чего ему вздумалось жениться? спросилъ я.

— А видишь ли, голубчикъ, объ этомъ нужно по порядку! конфиденціальнымъ тономъ заговорила Василиса [Макаровна, подсаживаясь ближе ко мнѣ, — видишь ли, какъ все это вышло! Намедни приходитъ онъ это ко мнѣ, въ формѣ, въ полномъ парадѣ, — ну, тамъ: мундиръ, шпажонка, — все какъ слѣдуетъ быть... Выбрился, припомадился, усы нафабрилъ, все какъ должно!.. Ну, я его състь попросила, кофейку ему предложила, и стали мы разговаривать о томъ, о семь, о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Только, говорю я это съ нимъ, а сердце у меня нѣтъ-нѣтъ, да и ёкнетъ, и чуется мнѣ, что какъ будто все это не просто. Онъ, это, все объ одиночествѣ, да что боленъ, помретъ скоро, некому, вишь, глаза будетъ закрыть, въ родѣ какъ бы намеки какіе дѣлаеть... Ладно, думаю, ладно, посмотримъ, что дальше будетъ! „Вотъ“ — говорить, „я у васъ, Василиса Макаровна, безъ малаго десять лѣтъ живу.“ — Да, говорю, батюшка, надо быть что такъ! „Я“, — говорить, „очень къ вамъ привыкъ!“ — И я, — говорю, батюшка, къ тебѣ привыкла! Онъ посмотрѣлъ на меня, и я на него посмотрѣла. „Такъ-то оно такъ,“ — говорить, — „а вотъ, вы захотите, и прогнать меня можете, какъ того, вонъ, жильца!“ — За что же, — говорю, — батюшка, я тебя прогонять стану? — „Ну, да мало ли чего,“ — говорить, — „вдругъ вамъ вздумается!“ Смѣшно мнѣ стало! — Ужъ не знаю, — говорю, — да что мнѣ, контрактъ, что ли, съ тобою заключить? — „Нѣтъ“, говорить, „контрактъ чтò, контрактъ — пустяки“, — и всталъ онъ это, и стоитъ передо мною, — „а позвольте“, говорить, „мнѣ предложить вамъ руку и сердце.“ Ахъ ты, мать, Пресвятая Богородица! Вотъ такъ отмочилъ! Я, это, спервоначала испугалась, думаю: не рехнулся ли? — что ты это, — говорю, — батюшка? А онъ: „очастливьте,“ — говорить, — „безъ васъ я пропацій чловѣкъ, — съѣду отъ васъ, — куда дѣнусь, — меня курица заклюеть!“ Стала я надъ нимъ смѣяться. „Я“, — говорить, „и самъ знаю,

что старь, и скоро помру, да вы, говорить, окромя пользы ничего не получите! Пенсія вамъ пойдетъ, — и кромѣ того, у меня пять выигрышныхъ билетовъ прикоплено, — все вамъ останется!“ — Не нужно, говорю, мнѣ твоихъ билетовъ, — ну тебя къ Богу! Задумалъ-то ты, вотъ, не дѣло! „Нѣтъ“, говоритъ, „ужь вы не спорьте: нужно, чтобы кто-нибудь меня наблюдалъ, а вы женщина мажорная, вы моя защита!“ Ахъ ты, Боже мой, привязался, нѣтъ отъ него ни отдыха, ни сроку! Ну, что съ нимъ будешь дѣлать? Ужь я его и такъ, и этакъ, — не слушаетъ, стоитъ на своемъ! „Кто“, говоритъ, „обо мнѣ заботиться будетъ, кто меня куринымъ супомъ кормить будетъ?“ Да какъ заплачетъ вдругъ, — такъ это у него слезы и закапали... Ну, и я всплакнула. Да ты, батюшка, не цыгань, — вы, молодежь, любите насъ, стариковъ, цыганить! Просмѣешься! А я тебѣ такъ скажу: совсѣмъ онъ мою душеньку измоталъ! Ну, поплакали мы оба, и...

— Вы согласились?

— А ты, думаешь, не согласился бы? Легко, что ли, смотрѣть, какъ человекъ убивается? Конечно, согласилась, и слово дала... Теперь ужь ау!

Василиса Макаровна такъ комично произнесла послѣднее слово, что я не могъ удержаться и улыбнулся.

— Что же онъ, обрадовался? спросилъ я.

— Сказать невозможно! Сейчасъ это такимъ пѣтушкомъ заходилъ, куда и хвороба дѣвалась. Потѣха, да и только! „Потѣдьте“, говоритъ, „въ магазинъ, платье выбирать, — есть такія готовыя, хорошія, я ужь присмотрѣлъ!“ Чего ты, говорю, батюшка, — ополоумѣлъ, что ли? Такъ я сейчасъ и поѣхала! „Да я,“ — говоритъ, „хочу вамъ подаронокъ сдѣлать!“

— Ну, что же, поѣхали?

— Съѣздили на другой день! Да на вотъ, смотри!

Василиса Макаровна подошла къ комоду, выдвинула завѣтный ящикъ, сняла салфетку съ какого-то длиннаго предмета, и показала красивое сиреневое платье изъ французскаго фая, отдѣланное бѣлыми кружевами. Тутъ же лежали и приготовленные къ вѣнчанью бѣлые цвѣты.

— Ну, что? съ самодовольной улыбкой засматривая мнѣ въ глаза, спросила Василиса Макаровна.

— Прелестное платье! похвалилъ я.

— Поди жь ты! воскликнула Василиса Макаровна, — а сколько заплачено, — сказать невозможно. Кружева-то... Какъ она ихъ

назвала?.. Постой-кось, дай Богъ памяти... Да! *Дюшесь!*.. Это что же? Я слыхала, груши такія есть?

— Есть и груши. Дюшесь,—значить: герцогиня.

— Какъ же это „герцогиня?“ недоумѣвала Василиса Макаровна.

— Ну, значить, герцогини такія кружева носятъ! Краска удовольствія покрыла щеки Василисы Макаровны.

— Ну, ужъ это какъ будто мнѣ и не къ лицу! Какъ ты думаешь? спросила она.

— Отчего же? Я увѣренъ, платье будетъ сидѣть прекрасно!

— Да ужъ примѣряла! унылымъ тономъ замѣтила Василиса Макаровна,—сидитъ отмѣнно.

— Ну, вотъ видите! Сдѣлаетесь полковницей, одѣнете платье дюшесь, такъ ужъ мнѣ, маленькому человѣчку, и знакомымъ съ вами быть нельзя, посмѣялся я.

— Бреши больше! строго замѣтила Василиса Макаровна,—ишь ты, зубоскаль! Нечего зубы-то скалить! А я вотъ что тебѣ скажу: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ все это у насъ заварилось, сердце у меня не на мѣстѣ.

— Что же такое? спросилъ я.

— Думаю: „Господи, къ добру ли все это? Ужъ не испытаніе ли какое Господь наслалъ?“

Голосъ Василисы Макаровны дрогнулъ, и на рѣсницахъ показались слезы.

— Покойничекъ-то, Силантій Петровичъ!.. начала она.

— Кабы зналъ! пошутилъ я.

— Полно тебѣ! Чего, въ самомъ дѣлѣ! строго оборвала Василиса Макаровна,—и безъ того душа не на мѣстѣ! Прошедшей ночью приснился... Блѣдный такой, блѣдный... А вонъ эту-то вещичку видалъ? вдругъ перемѣнила она тонъ, вручая мнѣ хорошенькій, круглый футлярчикъ. Я взялъ футляръ, нажалъ пружинку, крышка отскочила, и въ глаза мнѣ сверкнулъ массивный, золотой браслетъ.

— Славный браслетъ! замѣтилъ я.

— О-хо-хо! вздохнула Василиса Макаровна,—насчетъ этого я и совсѣмъ не знаю, какъ быть! Хотѣла, между прочимъ, съ тобою посоветоваться,—какъ ты скажешь? Ты, все-таки, въ обществѣ-то бывалъ, знаешь, какъ тамъ это? Можетъ, оно и неприлично старухѣ, а?

— Отчего же неприлично?

— Прилично, говоришь?

— Вполнѣ!

Василиса Макаровна успокоилась; но въ дальнѣйшей бесѣдѣ нашей она снова вспомнила покойнаго мужа, умершаго двадцать лѣтъ назадъ, — расхваливала душевныя его качества, рассказывала, какъ она хорошо съ нимъ жила, хотя покойникъ былъ купеческаго званія и нравомъ крутенежъ. Въ заключеніе Василиса Макаровна расплакалась и взяла съ меня слово быть у ней на свадьбѣ шаферомъ. Оказалось, что Анна Сергѣевна раньше уже приглашена была въ посаженныя матери.

Наступилъ, наконецъ, и знаменательный день свадьбы. Съ утра уже Василиса Макаровна была погружена въ море хозяйственныхъ заботъ и распоряженій, и хотя, кромѣ Оеклы, въ кухнѣ толклась нарочно нанятая кухарка и вертѣлся красноносый пожилой оффиціантъ въ нитяныхъ перчаткахъ, — Василиса Макаровна, въ обычномъ своемъ капотѣ съ засученными по локоть рукавами, то мѣсила тѣсто для пирога, то приготавливала соусъ для какой-то, изумительной по своей величинѣ, рыбы.

Едва удалось уговорить ее идти одѣваться. Василиса Макаровна удалилась въ свою комнату въ сопровожденіи племянницы, перезрѣлой дѣвы, и двухъ своихъ наперсницъ, постоянно распивавшихъ съ нею кофе, — Анфисы Поликарповны и Харитины Селиверстовны, изъ которыхъ первая была длинная, сухая, черная, съ крючковатымъ носомъ хищной птицы, другая же толстая и коротенькая, какъ троттуарная тумба. Вышла къ намъ Василиса Макаровна, въ своемъ платьѣ дюшесъ и съ пунцовымъ токомъ, хотя и не герцогиней, но во всякомъ случаѣ настоящей полковницей. Позади ея, въ видѣ придворнаго штата королевы, съ подобострастіемъ на лицахъ, слѣдовали наперсницы, и то и дѣло прикладывались къ могучему плечу невѣсты. Я попробовалъ сдѣлать замѣчаніе по поводу неумѣстности тока, украшеннаго еще по срединѣ пунцовымъ перомъ съ серебряными блестками, но обѣ салопницы съ горячностью накинулись на меня.

— Ну ужъ, миленькій, оставьте пожалуйста, на перебой затрещали онѣ, — ваше дѣло мужчинское! Это мы ей замѣсто цвѣтовъ посовѣтовали! Такъ — куда вальяжибѣ!

— И благороднѣ! подтвердила кокетничавшая Василиса Макаровна.

Въ церкви насъ встрѣтилъ женихъ. Онъ былъ въ полной

формѣ, смотрѣлъ бодро, держался грудью впередъ, и казался помолодѣвшимъ лѣтъ на десять.

Во время обряда Василиса Макаровна усердно и горячо молилась. Стоявшая подлѣ меня Анфиса Поликарповна толкнула локтемъ въ бокъ Харитину Селиверстовну, и, глядя на невѣсту, ядовито прошипѣла:

— Ишь, корова! Вырядилась, да и думаетъ, что молода!

На квартиру собралось довольно много гостей, изображавшихъ изъ себя полнѣйшее смѣшеніе сословій. Со стороны невѣсты явились какія-то благообразныя старушки въ турецкихъ шаляхъ, чепцахъ и наколкахъ, со стороны жениха—отставные военные въ мундирахъ и безъ оныхъ, коренастые, усатые, лысые, съ благодушными, красными и лоснящимися какъ самовары лицами. Гости держались очень тихо, больше молчали и наровили забираться въ углы. Впрочемъ, какой-то старикъ-капитанъ, даже въ церкви отличавшійся большею противъ прочихъ развязностью, успѣлъ уже „пропустить“ рюмку-другую водки, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и изображалъ на губахъ маршъ.

Но вотъ, хлопнули пробки, въ бокалахъ заискрилось шампанское: гости стали поздравлять молодыхъ.

— Горько! громовымъ басомъ гаркнулъ капитанъ, высоко поднимая вверхъ бокаль, — горько! Подсластить бы нужно!

— Горько! горько! хоромъ закричали гости, словно ждали только сигнала.

Василиса Макаровна смутилась, покраснѣла, однако, исполняя обрядъ, покровительственно, какъ къ ребенку, наклонилась къ новобрачному и позволила себя поцѣловать.

Гости раздѣлились на группы, пили чай, кофе и шоколадъ, которые разносилъ офиціантъ въ сопровожденіи Оеклы, безпрестанно скашивавшей на „молодого“ презрительныя взгляды.

Я подсѣлъ къ племянницѣ, помѣстившейся скромно въ уголку. Сжавъ безкровныя, тонкія губы, она кидала на тетку плохо скрываемые, завистливыя взгляды.

— Не правда ли, какъ эффектна Василиса Макаровна? спросилъ я.

— Гм! фыркнула перерзѣлая дѣва, скорчивъ гримасу, — ничего особеннаго! За деньги и не такъ можно нарядиться! За богатаго вышла!

— А вы бы желали такого жениха?

— Отчего же? Онъ вѣдь скоро умретъ! безапелляціонно рѣшила дѣвица, и, подумавъ, прибавила, — впрочемъ, я не хочу замужъ, — всѣ мужчины тру-ля-ля!

— Это что же такое: тру-ля-ля? спросилъ я недоумѣвая.

— Ну, будто не знаете?

— Право не знаю.

— Ну... вѣтренники... измѣнщики! Ко мнѣ почтамтскій чиновникъ сватался, тоже въ формѣ и при шпагѣ, — я отказала!

Я отошела въ другой уголь. Тамъ сидѣла какая-то жеманная особа, разодрѣтая въ пухъ и прахъ и какъ бы вся сколотая на булавкахъ, дотога она какъ-то болѣзненно вертѣлась и одергивалась. Около нея, какъ шмели, вились и жужжали салопницы.

— Поглядите, поглядите! шипѣла Анфиса Поликарповна, — Василиса-то какову важность на себя напустила!

— Ахъ, матушки мои, — пальцемъ не тронь! жужжала съ другого боку Харитина Селиверстовна.

— Что-жъ, ея счастье! Подцѣпила осетра, — чего ей больше? процѣдила дама, какъ цапля качая головою.

— Не къ лицу! Не къ лицу! зашипѣли салопницы, и вдругъ, опроретью кинувшись къ Василисѣ Макаровнѣ, принялись цѣловать ее въ плечи.

Становилось шумно. Кавалеры, въ антрактахъ между разговорами съ дамами, подходили къ столу, на которомъ была разставлена закуска, выпивали, кричали, и снова возвращались къ дамамъ доканчивать прерванные разговоры.

— За ваше здоровье! кричалъ раскраснѣвшійся капитанъ, чокаясь съ Василисой Макаровной, — ай-да Аполлоша, какову, братъ, крѣпость взялъ!

— Хе, хе, хе! смѣялся воодушевленный шампанскимъ, и вошедшій въ роль молодого Аполлонъ Фортуатовичъ, — на-ко, вотъ, полюбуйся! Что, небось? А? А вѣдь не безъ боя, — кхе, кхе, кхе, — не безъ боя! Ну, что же, душа моя, поцѣлуемся? обращался онъ къ Василисѣ Макаровнѣ.

— Ты, братъ, всегда былъ не промахъ! кричалъ капитанъ, и прибавлялъ, обращаясь уже ко всѣмъ, — анафемское счастье!

Василиса Макаровна конфузилась. Новобрачный заливался дробненькимъ, старческимъ смѣхомъ.

— Хе, хе, хе! смѣялся онъ, — а помнишь ли, Петя, какъ мы съ тобою въ этой, какъ ее... деревушкѣ стояли... Ну, вотъ, еще Гапка была... Гапку помнишь? А?

— Помню! восторженно кричалъ капитанъ, — а помнишь ли...

— Аполлонъ Фортуатовичъ, замѣтилъ я: — а что, если ваша супруга... Смотрите, вотъ ужъ она и ушла!

Старикъ боязливо посмотрѣлъ во слѣдъ Василисы Макаровны, и чтобы придать себѣ храбрости, потянулся къ бокалу.

— Да вѣдь я... что же... Проплое только... Молодость вспоминаю... Кхе, кхе!.. Вотъ... съ Петей! сталъ онъ оправдываться.

Однако Василиса Макаровна не возвращалась. Новобрачный не на шутку встревожился и перетрусился. Начались поиски, въ которыхъ принялъ участіе и я. Войдя на кухню, я увидѣлъ новобрачную, которая въ платьѣ дюпешъ и съ токомъ на головѣ, помогая кухаркѣ, держала блюдо съ рыбой.

— Василиса Макаровна, что вы это дѣлаете? вкричалъ я, — васъ гости ищутъ!

— А ну ихъ! съ досадой отвѣчала она, — у меня, вонъ, рыба переварилась, — такая бѣда, право! Возьми-ка, батюшка, за другой край, — тяжело держать.

Ужинъ удался на славу, — и мы отдали ему должную честь: ѣли и пили такъ, словно отпраплялись сейчасъ въ дальнее плаваніе. Одинъ новобрачный лишенъ былъ удовольствія насыщенія. Василиса Макаровна отлично знала натуру полковника, и поставила передъ нимъ тарелку знаменитаго куринаго супа, строго-на-строго запретивъ прикасаться къ чему либо иному.

Послѣ ужина полковникъ потребовалъ трубку.

— Охъ, ужъ мнѣ твоя трубка! съ сокрушеннымъ вздохомъ замѣтила Василиса Макаровна, — поганая эта твоя трубка!

— Но, душа моя! лепеталъ онъ, — для сегодняшняго торжества...

— Богъ съ тобой, кури! разрѣшила Василиса Макаровна, — да только вѣдь опять начнешь: „кхе, кхе!“ передразнила она.

— Я не буду много курить! Затянусь только! увѣрялъ старикъ, раскуривая трубку, — я знаю, пхе! я знаю, что мнѣ... пхе, пхе!.. вредно! Кхе, кхе, кхе!..

Послѣ трубки молодого стало сильно клонить ко сну. Василиса Макаровна взяла его подъ руку, увела въ спальню, уложила, и снова вернулась къ намъ.

Разсвѣтало, когда стали расходиться гости. Подобно ночнымъ хищнымъ птицамъ, первыя исчезли салопницы, каждая питая въ своемъ сердцѣ злобу и предательство; вслѣдъ за ними ушла племянница, унося въ своей изсохшей груди чувство зависти и негодованія, ушла и жеманная дама, — ушли всѣ, кто

смотря на полковника дѣйствительно какъ на глупаго осетра, попавшагося въ хитро сплетенныя сѣти, и осталась Василиса Макаровна одна, такая же безхитростная и простая, какою была тогда, когда и не мечтала даже о счастѣ превратиться въ полковницу.

Я уходилъ послѣднимъ.

— Прощай, батюшка! сказала Василиса Макаровна, — спасибо тебѣ! Вотъ ужъ, не думала, не гадала! Охъ, жизнь-то наша: ничего-то не знаешь впереди, что съ тобою приключится. Ну, да что же, — онъ человѣкъ хорошій, тихій. А ты съ визитомъ-то завтра приходи, смотри. Какъ у васъ тамъ, въ обществѣ, — знаешь?

— Ну, еще бы! Конечно приду!

— Постойко-сь, остановила меня Василиса Макаровна, — рыба-то тебѣ понравилась?

— Рыба превосходная! похвалилъ я.

— Ну, а этотъ бентинтинъ, что ли, какъ его?

— Бенедиктинъ?

— Ну, ну. Что, ничего?

— Отличный!

— Вотъ, не знаю, пирогъ удался ли?

— И пирогъ былъ вкусный! Словомъ, все хорошо! Но лучше всѣхъ на сегодняшнемъ вечерѣ, — были вы...

— Ну ужъ ты, комплиментчикъ! самодовольно усмѣхнулась Василиса Макаровна: — ну, я рада, что хоть все какъ слѣдуетъ вышло! Спасибо и тебѣ, голубчикъ! съ чувствомъ прибавила она, пожимая мнѣ руку.

— Дай Богъ вамъ счастья! сказалъ я.

У Василисы Макаровны слезы выступили на глаза.

Я вошелъ въ свою комнату; въ ней было свѣтло, какъ днемъ. Косые лучи восходящаго солнца золотили края оконныхъ пролетовъ... Въ открытое настежь окно вѣяло утренней прохладой... Со двора доносилось рѣзкое, задорное чириканье воробьевъ. Чему радовались эти пернатые, сѣренькіе поэтики петербургской весны? А Богъ ихъ знаетъ, чему они радовались! Можетъ быть этому тихому, чудному утру, которое медленно всплывало въ животворящихъ лучахъ весенняго солнца, и въ честь котораго они взапуски слагали свои скромные, чирикающіе вирши, а можетъ быть — будущей, безмятежно-спокойной, счастливой жизни нашихъ „молодыхъ“?

Анна Сергѣевна такъ и не присутствовала на нашемъ пир-

шествѣ,—только по обязанности „посаженой“ благословила Василису Макаровну. Что бы это значило?

V.

Да, далеки, далеки мы другъ отъ друга!.. Чѣмъ чаще приходится мнѣ видѣться съ нею, тѣмъ все болѣе и болѣе я убѣждаюсь въ томъ, что между нами лежитъ какая-то пропасть, черезъ которую ни я, ни она не хотимъ перешагнуть. Не хотимъ, или не можемъ? — вотъ вопросъ. О себѣ я долженъ сказать, что *не могу*, — натура ли у меня сдержанная, воспитаніе ли сказывается, или мое безрадостное, униженное прошлое положило на меня неизгладимый отпечатокъ, — хорошенько не знаю, — но я положительно не рѣшаюсь сдѣлать того пошлаго, банальнаго шага къ сближенію, какой обыкновенно совершается въ подобныхъ случаяхъ. Нахальство, — тоже своего рода подвигъ, если оно, при этомъ, прикрывается нѣкоторою скромностью, является какъ бы вынужденнымъ, какъ будто борлся самъ съ собою человѣкъ, не одолѣлъ и покорился: „будь, дескать, что будетъ“, — вѣдь не подумаютъ же, въ самомъ дѣлѣ, что я таковъ по натурѣ, — оправдаютъ вспышкой, приливомъ страсти, избыткомъ чувствъ.

Но съ нею, кажется, и это не имѣло бы никакого значенія. Она такъ спокойна, такъ проста. Она обращается со мною какъ съ братомъ, какъ съ *подругою*, и, странное дѣло, это-то мнѣ все больше и больше нравится! Иногда она мнѣ исповѣдуется, она рассказываетъ мнѣ о томъ, что думаетъ, что чувствуетъ, и, Боже мой, какъ болить моя душа, когда въ какихъ-нибудь ничтожныхъ мелочахъ разговора скажется не совсѣмъ потухшее чувство любви къ Круткову!

Да, она продолжаетъ любить его, она скучаетъ, не видя его, — для меня это ясно. Ни однимъ словомъ не намекаетъ она на прошлую жизнь, она даже ни разу не произнесла еще его имени, но меня, — который зорко и неустанно слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, ловить каждое, самое незначущее слово, наблюдаетъ мимолетную игру лица, — обмануть трудно.

Очень часто я ловлю ее врасплохъ, какъ это было, напримѣръ, сегодня. Она встрѣтила меня съ заплаканными глазами, и какъ ни старалась скрыть отъ меня, что была разстроена и озабочена, — сдѣлать этого не могла: внутреннее волненіе выдавало ее.

Разговоръ нашъ плохо вязался, хотя Анна Сергѣевна ста-

ралась поддерживать бесѣду съ искусственной афектаціей. Скверно стало у меня на душѣ. Я посидѣлъ съ четверть часа и ушелъ...

Лѣто въ разгарѣ... Въ городѣ пыль и жара, и неумолчное грохотаніе экипажей. Мы съ Анной Сергѣевной попережнему ходимъ „дышать свѣжимъ воздухомъ“ то въ Александровскій паркъ, то на Петровскій, то на Крестовскій... Какой-то старичокъ генераль возлюбилъ мою уединенную бесѣдку изъ акацій, и постоянно сидитъ въ ней, такъ что ужъ намъ бывать тамъ неудобно. На дняхъ, на пуантѣ, у насъ произошла встрѣча съ Крутковымъ: онъ ѣхалъ въ коляскѣ съ „Илюшей“ и Катериной Семеновной. „Илюша“ сидѣлъ спиною къ кучеру и былъ очень веселъ.

Поровнявшись съ нами, Крутковъ какъ бы нечаянно отъвернулся, Катерина Семеновна привѣтливо кивнула мнѣ, а „Илюша“ галантнѣйшимъ образомъ поклонился Аннѣ Сергѣевнѣ.

Я взглянулъ на нее: она была блѣдна. Рука ея, протянутая черезъ мою, была холодна какъ ледъ и дрожала.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе! залепетала она, — ради Бога, уйдемте отсюда!

Мы свернули въ сторону и пошли по тропинкѣ. Анна Сергѣевна молчала всю дорогу, и шла неровной, торопливой походкой; по временамъ даже боязливо оглядывалась, какъ бы желая убѣдиться, что Крутковъ не слѣдуетъ за нами.

Я довелъ ее до дому и сталъ прощаться. Она крѣпко пожала мою руку, и долго не отнимала своей. Въ лицѣ ея какъ бы выражалось желаніе сообщить мнѣ что-то.

— Анна Сергѣевна! сказалъ я, — извините, можетъ быть, я и ошибаюсь... но мнѣ кажется... Я замѣчаю... Анна Сергѣевна, вы скрываете что-то отъ меня?

Она молчала.

— Неужели же до сихъ поръ я не могъ, не сумѣлъ заслужить ваше довѣріе?

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! воскликнула она, — какъ вамъ не стыдно и думать-то! Я привыкла считать васъ какъ брата, — неужели я стала бы скрываться передъ вами? Я хотѣла васъ даже просить, только...

— Только что же? съ замираніемъ сердца спросилъ я.

— Не теперь! отвѣчала она, нервно проведя рукою по лицу, — сегодня въ головѣ у меня такой хаосъ... мыслей не соберу! Когда нибудь послѣ я попрошу вашей помощи.

— Скажите теперь! Скажите сейчас, не мучайте меня! настаивалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, послѣ! воскликнула она, — такъ будетъ лучше! Прощайте же, благодарю, благодарю васъ за все!

И она быстро скрылась въ калиткѣ.

Лжетъ, лжетъ безсовѣстно! О, какъ лживы женщины!.. Зачѣмъ же мучить тогда, зачѣмъ не сказать прямо... *Что* сказать? Я самъ не знаю! Я голову потерялъ! Я закружился въ какомъ-то вихрѣ самыхъ разнообразныхъ, противорѣчащихъ одна другой мыслей... Иногда мнѣ кажется, что я близокъ къ сумасшествію... Во что я превратился, — я себя не узнаю! Я сдѣлался золь, раздражителенъ, — сегодня даже съ Василисой Макаровой поссорился... Что же это будетъ такое? О, какъ она лжетъ! Ей жаль меня, ей не хочется лишать меня моихъ иллюзій, и вотъ, она притворяется. Но меня не обманешь, я все вижу, даже не вижу, а сердцемъ чую, чую, что она попрежнему продолжаетъ любить Круткова, ни на минуту не переставала любить! Состояніе ея при встрѣчѣ съ Крутковымъ совсѣмъ иначе было перетолковано мною. Ея блѣдность, замѣшательство, — явились результатомъ боязни за себя. Она боялась, что не выдержитъ и бросится къ нему! Къ нему, который оттолкнулъ ее, насмѣялся надъ нею! О, какъ она любитъ его! Если бы... Но я-то, я-то зачѣмъ стою между ними? Отчего я до сихъ поръ не могу устранить себя? Отчего одного взгляда ея, тихаго, кроткаго взгляда достаточно, чтобы я потерялъ всякую волю, и какъ рабъ остался бы прикованнымъ къ ея ногамъ? Устранить себя, — но какъ это сдѣлать? Какъ сказать самому себѣ: „ты долженъ все забыть и уйти отъ этой женщины!“ Вѣдь пожалѣешь, непременно *пожалѣешь* себя, и не скажешь. Что она только сдѣлала со мною!

И чего она хочетъ отъ меня? Дружбы? Не нужно, не нужно, тысячу разъ не нужно этой дружбы! Да развѣ это мыслимо, развѣ это естественно? Такъ вотъ же: я перестану къ ней ходить! Посмотримъ, что будетъ?

VI.

Я не былъ у ней цѣлую недѣлю, хотѣлъ испытать себя. Я сдѣлалъ эту жестокость, конечно, не зная, сколько страданій причинилъ Аннѣ Сергѣевнѣ. Сегодня все разъяснилось, и мнѣ приходилось краснѣть за себя, за свою несправедливость. Какая

гадость думать только о себѣ! Вотъ что случилось сегодня. Я зашелъ къ ней въ обычный часъ, и засталъ ее за работой. Совѣсть мучила меня, но какъ это часто бываетъ, я сталъ бравировать, напустилъ на себя безпечный тонъ, и вертѣлъ въ рукахъ шляпу, какъ бы собираясь каждую минуту уйти.

Анна Сергѣевна встала, быстро подошла ко мнѣ и крѣпко пожала руку.

— Что это съ вами, Павелъ Ивановичъ? спросила она, съ тревогой заглядывая мнѣ въ лицо.

— Со мною? Ничего! дѣланнымъ тономъ отвѣчалъ я.

— Да какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, — совсѣмъ пропали! Не больны ли вы были? Вы какъ-то нехорошо смотрите! А? — допытывалась она.

Такое участіе тронуло меня.

— Я былъ очень занятъ! отвѣчалъ я.

— Такъ хоть на минутку бы зашли! Неужели не могли урваться? А я васъ ждала, все ждала!.. И что это за занятія такія?

— Служебныя! уклончиво отвѣчалъ я.

— Ну, а теперь-то вы освободились?

— Освободился! отвѣчалъ я.

— Ну, и слава Богу! Значить, у насъ все пойдетъ по старому?

Я замѣтилъ въ ней какое-то нервное возбужденіе. Она то присаживалась подлѣ, на стулъ, то вставала и ходила по комнатѣ.

Подали чай. Анна Сергѣевна отошла къшкафику за посудой, и брякая тамъ чайными ложками, совершенно неожиданно спросила:

— Павелъ Ивановичъ, вы съѣздили бы къ Круткову, если бы я васъ объ этомъ попросила?

— Къ Круткову? переспросилъ я, не вѣря ушамъ, — зачѣмъ къ Круткову?

— Нѣтъ, отвѣчайте сперва: съѣздили бы, или нѣтъ? настаивала она.

Я задумался. Она съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта.

— Это и есть та просьба, о которой вы говорили? спросилъ я.

Нѣкоторое время она ничего не отвѣчала, потомъ быстро подошла ко мнѣ, и съ невыразимой тоскою крѣпко сжала обѣими руками.

— Павелъ Ивановичъ, голубчикъ, родной, — заговорила она, — я понимаю, я вижу, какъ вамъ это тяжело и неприятно... но исполните, ради Бога, мою просьбу, съѣздите... разыщите... Я не могу больше... я не знаю, что со мною... я... я...

Она закрыла лицо обѣими руками и горько заплакала.

— Анна Сергѣевна! вскричалъ я, вскакивая съ мѣста, — я съѣзжу! Если хотите, — сейчасъ, сію минуту... все, все для васъ сдѣлаю. Знайте, что мнѣ больнѣе и тяжелѣе видѣть васъ такою... Но только неужели, — о Боже мой, неужели вы опять!.. Ахъ, какое несчастье!..

— О, нѣтъ! твердо выговорила она, покачавъ головой; не думайте, Павелъ Ивановичъ, я не за тѣмъ... къ *нему* я не возвращусь! Я ребенка (она не могла удержаться, снова слезы хлынула изъ ея глазъ; она положила на столъ обѣ руки и скрыла въ нихъ голову) я ребенка видѣть хочу! Только... только его!..

— Анна Сергѣевна! воскликнулъ я, внезапно взволнованный другимъ чувствомъ, — успокойтесь, ради Бога, не плачьте! Все это можно устроить! Даю вамъ слово! уговаривалъ я, теряясь и не зная, что предпринять.

— Не могу, не могу безъ моей дѣвочки! шептала она сквозь рыданія, — я измучилась, изстрадалась, мѣста нигдѣ не нахожу! Это Богъ наказалъ за то, что я тогда согласилась, чтобы ее отняли отъ меня. Боже мой, хоть бы одинъ разокъ увидать! Вѣдь я ее и разглядѣть-то тогда не могла, запомнить не могла!.. Бѣдная моя Надюша! Ты не простишь меня, нѣтъ, нѣтъ не простишь!..

Я не зналъ, что дѣлать. Успокаивать ее въ томъ состояніи нервного возбужденія, въ какомъ она находилась, — было бесполезно. Я сидѣлъ молча, въ то же время украдкой слѣдя за ея движеніями.

Она вдругъ восклонила отъ стола, и глядя на меня лихорадочными, блестящими глазами, — заговорила:

— Павелъ Ивановичъ, — вѣдь я ее во снѣ вижу! Не вѣрите? Да, да! Каждую ночь снится мнѣ, стоитъ надъ моимъ изголовьемъ, будить: „мама, возьми меня, мнѣ худо здѣсь“!.. Рыданія прервали ея слова. Но черезъ минуту она пересилила себя, и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Павелъ Ивановичъ! крикнула она, остановившись у моего стула, — Павелъ Ивановичъ, что же вы молчите!.. Голубчикъ, родной мой! Служить вамъ буду, сапоги чистить... Павелъ Ивановичъ! (Она крѣпко ухватила меня за плечо) съѣздите! Ради Бога, побывайте у него... спросите адресъ... Я найду ее... разыщу, украду ее... спрячу... спрячу!.. Кто-же, кто у меня ее отниметъ!

Она металась по комнатѣ, ломая руки, цѣпляясь въ волосы... Въ жизнь мою не видѣлъ я бѣльшаго отчаянія, и теперь только понималъ, какъ сильно, какъ могущественно чувство матери. Могъ

ли я выдерживать роль посторонняго зрителя? Нѣтъ! Я бросился къ ней, сталь ее удерживать, уговаривать.

— Голубушка, Анна Сергѣевна, успокойтесь, ради Бога успокойтесь! бормоталь я, — не мучайте себя, не терзайте! Все устроится къ лучшему! Вы возьмете къ себѣ вашу дѣвочку... Я все, все сдѣлаю для васъ! Я съ неба звѣзды достану! Анна Сергѣевна, ну, ради Бога, ну, пожалуйста... Я разыщу, я самъ, вотъ на этихъ рукахъ, принесу вашу дѣвочку!

Слишкомъ долго и тяжело было бы рассказывать, какъ я ее уговариваль, какъ она рыдала, закрывъ лицо руками и по временамъ стучаясь головою о край стола, а я огниваль руки... Вся эта тяжелая, неизгладимая изъ памяти моей сцена происходила въ полутьмѣ, въ надвигавшихся постепенно сумеркахъ, въ духотѣ и тѣсотѣ маленькой комнатки...

Я съ трудомъ отыскаль шапку и, не пропаясь (Анна Сергѣевна лежала на кровати, уткнувшись лицомъ въ подушку), вышелъ на улицу.

Воздухъ освѣжилъ меня, но смутно и тяжело было у меня на душѣ: совѣсть мучила меня. Я чувствовалъ, насколько былъ несправедливъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ, и томимый раскаяніемъ, далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, исполнить все, о чемъ она меня просила.

VII.

Это случилось въ воскресенье. Я проснулся рано, и лежа въ постели обдумываль планъ посѣщенія Круткова. Мысль о томъ что я долженъ говорить съ нимъ, даже просить его, — угнетала меня. Я пытался представить себѣ картину, какъ я войду, какъ онъ меня приметъ, — приметъ ли еще? — о чемъ заговорить, какъ я стану говорить и проч. Я приготовляль вести бесѣду необыкновенно политично, издали, обиняками заговорить о дѣлѣ, и постепенно вывѣдавъ что мнѣ нужно, изложить ему мою просьбу. Я старался утвердиться въ мысли, что жертва моя, — конечно, я приносилъ жертву, — не должна имѣть границъ, что я долженъ претерпѣть все: грубость пріема, насмѣшки, даже брань... Жажда совершить *подвигъ* волновала меня.

Я торопливо соскочилъ съ постели, торопливо одѣлся, напился чаю, и на извозчикѣ помчался въ адресный столъ.

Тамъ мнѣ вручили листокъ, на которомъ было обозначено, что „кронштадтскій мѣщанинъ Иванъ Павловичъ Крутковъ состоитъ на жительствѣ Казанской части, по Набережной Екатерининскаго канала, д. № 45“.

Я нанялъ извозчика по адресу, и всю дорогу торопилъ его, боясь не застать Круткова, такъ какъ по случаю праздника онъ могъ съ утра уѣхать куда-нибудь на дачу. Кромѣ того, нужно замѣтить, что я боялся *спасовать* и, не сдѣлавъ ничего, вернуться. Нужно было ловить моментъ.

Я вошелъ въ подъѣздъ одного огромнаго дома, поднялся въ третій этажъ, и остановился передъ дверью, на которой красовалась дощечка съ надписью: „Иванъ Павловичъ Крутковъ“.

Я остановился перевести духъ. Холодный потъ выступилъ на лбу и по всему тѣлу; меня трясла лихорадка. Я ждалъ не болѣе минуты, но въ теченіе этого времени, я вдругъ забылъ все, о чемъ приготовился говорить. Сперва мнѣ показалось неловкимъ, какъ я все забылъ, и съ чего начну, но затѣмъ это перестало тревожить меня. Въ такомъ состояніи, въ какомъ находился я, чѣмъ болѣе неприготовленнымъ оказывался человекъ, тѣмъ было лучше, такъ какъ все должно было идти по вдохновенію.

Я дернулъ звонокъ. Мнѣ отворила миловидная, кокетливо одѣтая горничная, подвижная и веселая. Быстрымъ взглядомъ бойкихъ глазъ окинувъ меня съ ногъ до головы, горничная спросила мою фамилію и пошла доложить.

Я вошелъ въ небольшую комнату въ два окна, нѣчто вродѣ гостиной и залы вмѣстѣ. Меблирована она была очень мило и смотрѣла весело: у дверей стояло раскрытое піанино, окна были сплошь заставлены горшками съ растениями, а у одного окна стоялъ маленькій акваріумъ. Впрочемъ, я не успѣлъ еще хорошенько осмотрѣться въ этой комнатѣ, какъ дверь изъ сосѣдней, куда ушла горничная, отворилась, и показался Крутковъ.

Онъ былъ безъ жилета, въ шелковой рубашкѣ съ шнуромъ вмѣсто галстука. Онъ сильно раздобрѣлъ, обрюзгъ и возмужалъ; волосы его были спутаны, лицо красное и возбужденное.

Открытая за нимъ дверь позволяла видѣть край стола, на немъ самоваръ, чайный приборъ и бутылку коньяку.

Что-то похожее на усмѣшку скользнуло по губамъ Круткова; тѣмъ не менѣе, онъ предупредительно протянулъ мнѣ руку и повлекъ въ комнату.

— А, а! Защитникъ угнетенной невинности, проповѣдникъ и моралистъ! вскричалъ онъ, — пожалуйста, пожалуйста, очень радъ! Я одинъ, какъ видите, — и... скучаю! Садитесь, пожалуйста! Онъ подвинулъ мнѣ кресло, и сѣлъ самъ.

— Иванъ Павловичъ, — я на минуту... по дѣлу! сказалъ я.

— По дѣлу? удивился онъ, — вотъ какъ! Гм! По какому же это дѣлу? Впрочемъ, объ этомъ мы потомъ, а теперь... чайку не хотите ли? Давненько-таки мы не видались! А что, если съ коньячкомъ? Впрочемъ, виновать, вы...

— Нѣтъ, отчего же, позвольте! Я буду пить съ коньячкомъ!

— Неужели? восторженно вскричалъ Крутковъ, — ура, бра-
виссимо! Вотъ, вотъ, я сейчасъ!

Онъ заметался, заторопился, схватилъ бутылку и налилъ, второпяхъ, черезъ край.

— Вотъ великолѣпно! кричалъ онъ, — хоть разъ, да измѣнили обычаю! Такъ и нужно! Это-то и пріятно! По крайней мѣрѣ, вы не совсѣмъ прямолинейный человѣкъ, а у насъ такихъ теперь, какъ грибовъ въ дождливое лѣто! Но если бы вы знали, какъ мнѣ пріятно! Я, видите ли, одинокъ, скучаю адски, и вотъ единственное утѣшеніе.

Онъ указалъ на бутылку.

— Не вѣрите? Напрасно! Это разгоняетъ хандру и просвѣтляетъ мысли; въ концѣ концовъ даетъ сонъ, а сонъ — забвеніе, такъ, кажется, говорятъ ваши философы?.. Впрочемъ, виновать! Такъ вы по дѣлу? Прекрасно! Какое же это дѣло?

Онъ посмотрѣлъ на меня прищуреннымъ, лукавымъ взглядомъ.

— Дѣло касается близкой нѣкогда вамъ особы, по просьбѣ которой... Анна Сергѣевна... началъ я, путаясь въ словахъ.

— Анна Сергѣевна? воскликнулъ онъ, дѣлая видъ, что изумленъ несказанно, — ска-а-жите на милость! Ну, что, какъ она?

— Ничего, здорова!

Я сдѣлалъ глотокъ изъ стакана. Мнѣ хотѣлось взвинтиться, настроиться на надлежащій ладъ.

— Здорова? подхватилъ онъ, — прекрасно! Отъ души желаю ей всего хорошаго! Отличная женщина: кроткая, любящая! Да вы съ ней въ какихъ отношеніяхъ? А?

— То есть, какъ это: „въ какихъ?“

Я самъ почувствовалъ, что въ моемъ вопросѣ зазвучала злобная нотка.

— Ну, полно, полно хитрить-то! разсмѣялся Крутковъ, — тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго! Дѣло прошлое, да и не мнѣ васъ контролировать. Просто такъ, хотѣлъ знать: вы живете, что ли, съ нею?

— Иванъ Павловичъ! произнесъ я вставая, — я не понимаю, о какомъ „дѣлѣ“ вы говорите, и долженъ вамъ замѣтить, что пришелъ сюда вовсе не съ намѣреніемъ ссориться...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня, и улыбка самоудовлетворенія мелькнула на его лицѣ.

— О, нѣтъ! вскричалъ онъ,—зачѣмъ намъ ссориться! Ну, что вы, какой, право! Позвольте-ка, я вамъ коньячку! Ха, ха! Ужасъ, какой вы горячій, Павелъ Ивановичъ! Я вѣдь, собственно, къ тому, что это такъ естественно! Эхъ, моралистъ, моралистъ! Ну-да, такъ вы съ *нею* не живете, вы, такъ сказать, на положеніи друга и довѣреннаго лица? Не такъ ли? Да?

— Последнее безусловно вѣрно! подтвердилъ я,—и въ качествѣ такого, я пришелъ отъ имени Анны Сергѣевны просить васъ объ одномъ одолженіи.

— „Отъ имени Анны Сергѣевны“!.. Хорошо сказано! Гм! А отчего же Анна Сергѣевна сама не изволила препожаловать ко мнѣ?

— Думаю, что у ней были причины! отвѣчалъ я,—да, впрочемъ, вѣдь это не особенно и важно, Иванъ Павловичъ!

— Гмъ! „Причины!“ Допускаю, что у ней могли быть причины! Ну, такъ какое же одолженіе обязанъ я сдѣлать Аннѣ Сергѣевнѣ?

— Сообщите ей, гдѣ находится ея ребенокъ!

Крутковъ сдѣлалъ большіе глаза.

— Ея ребенокъ? То-есть, вы хотите вѣрно сказать: мой ребенокъ?

— Нѣтъ, *ея* ребенокъ! твердо и съ удареніемъ отвѣчалъ я,—она мать того ребенка...

— Котораго прижила со мной! перебилъ онъ.

— Котораго родила! отвѣчалъ я.

Крутковъ молчалъ нѣсколько минутъ, и съ помрачившимся лицомъ мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ.

— Зачѣмъ ей ребенокъ? спросилъ онъ.

— Это ея дѣло! Какъ мать, она вправѣ...

— А вамъ онъ на что?

— Мнѣ? Послушайте, вы съ ума сошли!

— Но вы съ ней живете?

— Иванъ Павловичъ, я уже вамъ говорилъ...

Я всталъ, и взялся за шляпу.

— Пойдите, пойдите! Не живете, — будете жить, у васъ могутъ быть дѣти. На что же вамъ еще чужой ребенокъ? Согласитесь...

— Иванъ Павловичъ я желаю, чтобы вы мнѣ отвѣтили прямо: угодно вамъ сообщить...

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ,—не угодно!

Я, не прощаясь, пошелъ къ дверямъ.

Крутковъ поднялся съ мѣста, но вмѣсто того, чтобы дать мнѣ дорогу,—подошелъ ко мнѣ совсѣмъ близко, положилъ мнѣ руки на плечо, и съ необычайной ласковостью заговорилъ:

— Ну, вотъ видите, какой вы горячка! Какой вы невозможный, вспылчивый человѣкъ. Я въ этомъ еще, помните, тогда убѣдился! Вотъ теперь вы все дѣло испортили, и ребенка Анна Сергѣевна не получить. А вѣдь я увѣренъ, что вы пришли съ планомъ; поди-ка, готовы были даже на все; я вамъ сказалъ нарочно, замѣтите, *нарочно*, что вы съ нею живете,—и вы обидѣлись. Ну, да это, конечно, пустяки! Я знаю, убѣжденъ, какъ въ томъ, что я Крутковъ, а вы Рѣчинцевъ, что она не живетъ съ вами, и даже,—позвольте ужъ быть пророкомъ,—никогда не будетъ жить! Да! Только не сердитесь, ради Бога!.. Обиднаго для васъ тутъ вѣдь нѣтъ ничего! Сядемте! Я вамъ налью сейчасъ чаю, коньяку, вотъ папирсы... хорошія!.. Посидимъ, поговоримъ по душѣ, г. горячка!

Я сѣлъ. Онъ мнѣ поставилъ чай,—я отхлебнулъ изъ стакана.

— Знаете ли что? заговорилъ Крутковъ,—бросимъ дѣловой тонъ; забудьте, что вы пришли *по дѣлу*; посидимъ, поговоримъ по душѣ, какъ добрые знакомые... Охъ, голубчикъ, одурѣлъ,—вѣрите ли—одурѣлъ отъ скуки! Не знаю, куда себя дѣвать! Право! Моя дама-путешественница,—я называю Катерину Семеновну путешественницей потому, что она постоянно куда нибудь стремится,—и такъ, моя дама-путешественница находится въ безвѣстномъ отсутствіи, коньякъ—собесѣдникъ хорошій, но онъ молчаливъ, бестія, и заставляетъ только высказываться того, кто его пьетъ. И мнѣ ужасно хочется поговорить съ вами! Ей Богу, хочется!

— Иванъ Павловичъ,—сказалъ я,—извините, можетъ быть въ другое время,—но теперь...

— Ну, полно, ну, голубчикъ, бросьте вы этотъ тонъ, ну со мною хоть бросьте! И что такое: „не теперь?“ Что, вамъ непременно нужно быть *тамъ*? Подождать! Будетъ ждать сколько угодно. Удивительно, какъ вы это сохранили въ себѣ и душевную чистоту, и свѣжесть, и въ то же время стали какимъ-то замаринованнымъ человѣкомъ, точно всю жизнь въ закупоренной банкѣ, въ укусуѣ пролежали! Будемъ людьми, чортъ возьми! Вотъ я даже водки выпью за то, чтобы мы были людьми!

Онъ дѣйствительно налилъ рюмку водки, выпилъ и не закупсилъ, а только отхлебнулъ чаю.

— Будемъ современными людьми! ораторствовалъ онъ, — людьми конца самого крошечнаго кончика XIX вѣка! Современный человѣкъ, нужно сознаться, порядочный прохвостъ, но за то въ немъ есть прекрасныя качества: онъ не вѣритъ въ иллюзіи, покончилъ со всѣми вопросами, смотритъ на вещи здраво и прямо, и прежде чѣмъ дать волю сердечнымъ порывамъ, предварительно заглянетъ въ бумажникъ. Такъ-то! Ахъ, да! Какъ моживаетъ почтенная Василиса Макаровна? Здорова?

— Ничего, здорова!

— Славная женщина! Прелестная женщина! восторгался Крутковъ, то и дѣло подбавляя и мнѣ и себѣ коньяку. — Во всякомъ случаѣ, женщина съ характеромъ, съ умомъ! А ргорос, насчетъ женщины! Другъ мой, — надѣюсь вы не обидитесь, что я васъ называю другомъ, — вѣдь мы враги, чортъ возьми, не такъ ли? т. е. мы, если хотите, друзья-враги. Это, по моему, наилучшая форма отношеній? Однако, какую я чепуху горожу, а, не правда ли?

— Продолжайте, продолжайте! сказалъ я.

— „Продолжайте“, милый! хлопнулъ онъ меня по плечу, — мели, моль, Емеля, — твоя недѣля! А знаете, дѣйствительно, какая эта недѣля! Ухъ! Недѣля безпробуднаго пьянства! Лакалъ! Сегодня, вотъ, только поправляюсь! Геніальныя мысли производить коньякъ, чортъ бы его побралъ! Позвольте одну, только одну ложечку!

— Не много ли? возразилъ я.

Коньякъ сталъ дѣйствовать на меня. Я не былъ пьянъ, но съ непривычки у меня слегка кружилась голова. И, должно быть, этотъ благородный напитокъ дѣйствительно обладалъ свойствомъ располагать человѣка къ бесѣдѣ, такъ какъ я не чувствовалъ никакого отягощенія отъ болтовни хозяина, — напротивъ, даже готовъ былъ поддерживать ее.

Крутковъ былъ тоже не особенно пьянъ, но казался лихорадочно-возбужденнымъ, и какъ бы торопился выложить передо мною весь запасъ думъ и рѣчей, накопленный, можетъ быть, въ довольно продолжительный промежутокъ времени.

— *Revenons à nos moutons!* воскликнулъ онъ, вернемся къ нашему вопросу... Да, знаете ли, другъ мой, что это одинъ изъ главныхъ вопросовъ жизни, — да что я, — самый главный вопросъ, — даже, можно сказать, единственный! „Женщина — это все!“ какъ сказалъ одинъ философъ, — не помню ужъ, какой это

философъ сказалъ, можетъ быть даже никакой, можетъ быть—это я! Что вы такъ смотрите на меня пристально? А? Выпьемъ за женщинъ! Вѣдь вы тоже... ухъ, какой... бабникъ!..

— Я?

— Ну, да, конечно! Только вы скрытный... тихоня... Вы больше насчетъ идеала... сочувствія душъ... все внутри у себя копаетесь, благородной, возвышенной сути ищете!.. Гм! Тихоня! Ну, выпьемъ, что ли!

— Нѣтъ, ужъ увольте,—я пить больше не могу! уклонился я,—у меня и такъ голова кружится!

— Милый! полѣзь ко мнѣ Крутковъ,—рыцарь безъ пятна и упрека! Ну, я одинъ выпью, коли такъ!

Онъ налилъ рюмку водки, и снова, не закусывая, выпилъ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Да вы женщинъ-то совсѣмъ не знаете? уставился онъ на меня помутѣвшимъ взглядомъ.

— Нужно сознаться: знаю очень мало! отвѣчалъ я.

— Вовсе не знаете! съ удареніемъ произнесъ онъ,—да и какъ вамъ было ихъ узнать-то,—схимникъ вы этакой! Если вы и бабникъ,—то *умственный* бабникъ, а о женщинахъ знаете изъ книжекъ, ну, и конечно, все это чепуха, *mon cher*,—придумалъ онъ мнѣ новый эпитетъ,—начать съ того, мой другъ, что въ книжкахъ женщинамъ много льстятъ, да-съ, ставятъ ихъ на пьедесталъ, раболѣпствуютъ передъ словомъ „женщина“. Въ сущности вовсе онѣ не такія, и народная мудрость права, выражаясь, что „въ кажинной бабѣ чортъ сидитъ“, а я прибавлю отъ себя: у иной, вмѣсто одного,—два чорта сидятъ. Дѣло не въ томъ, а вотъ что, другъ мой: по моему, всѣ женщины раздѣляются на два разряда: первый—женщины-менажерки. Отличительные признаки такой женщины: тихій нравъ, необычайная привязанность къ человѣку, котораго полюбитъ, привязанность, доходящая до навязчивости, нѣкоторая безответность, даже если хотите,—рабство, но рабство съ такимъ деспотическимъ отѣнкомъ. Это по преимуществу,—жены, не всѣ, конечно, потому что въ жены попадаютъ иногда фуксомъ, и женщины второго разряда, и тогда семейный очагъ, вещь и безъ того не ахти ужъ какая прекрасная,—превращается въ преисподнюю. Для женщинъ второго разряда семейная жизнь не годится, мой другъ, потому что эти женщины, по натурѣ,—мотыльки, сильфиды, наяды, словомъ, что-то такое

эфемерное, воздушное, что вотъ-вотъ гляди улетитъ, — ни дать, ни взять, моя настоящая, *soi-disant* подруга Катерина Семеновна. Вотъ, багюшка, истинная представительница такого рода женщинъ! У ней, можетъ быть, доброе сердце, даже навѣрно доброе, — но если бы вы, напримѣръ, чего Боже упаси, женились на ней, — она бы васъ погубила, и замѣтите, вовсе не желая, не думая объ этомъ. Это уже, другъ мой, *натура*, — какъ говаривала одна моя старуха-кухарка, — и ничего съ ней не подѣлаешь. Вотъ она теперь, эта *натура*, находится въ безвѣстномъ отсутствіи, — чортъ знаетъ, гдѣ ее носить! Можетъ быть... ну, да не стоитъ объ этомъ... все равно! Однимъ словомъ, — въ жены не годится, но сама по себѣ, — элементъ необходимый, возбуждающій, дѣйствующій на нервы! Другъ мой, я почти убѣжденъ, что у васъ къ ней, кромѣ чувства отвращенія, нѣтъ ничего другого, и вотъ это и даетъ мнѣ право сказать, что вы ни женщинъ, ни жизни не знаете! Милый вы человекъ, неглупый, съ сердцемъ, но, должно быть, васъ мамка въ дѣтствѣ ушибла! Господи, Боже мой, да представьте себѣ, что во всемъ мірѣ вдругъ возьметъ да и воцарится одна добродѣтель! Что же это будетъ такое? А? Куда же дѣнутся умъ, энергія, страсти? Все это заплѣсневѣетъ, мохомъ покроется, и въ добродѣтельномъ мірѣ воцарится добродѣтельная скука, да какая, — въ родѣ эпидеміи, — что вотъ, идетъ-идетъ человекъ по улицѣ, — все ничего, — зѣвнетъ, и умретъ отъ скуки. Нѣтъ, *mon cher*, такъ не годится, совсѣмъ не годится! Все предусмотрѣнно Творцомъ, каждой твари дана возможность жить и наслаждаться. Подлость и благородство, добро и зло, — все перемѣшано въ одну кучу, все ползеть, летитъ, топорщится, однимъ словомъ, борьба! Эхъ, чортъ возьми, люблю!

— Что вы любите?

— Борьбу, мой другъ, борьбу! Противень мнѣ застой, что хотите! Отъ него мертвечиной несетъ, а я люблю жизнь, — можетъ быть, потому и люблю, что жить-то мнѣ немного остается!

— Ну, вотъ еще! Почему немного, развѣ вы больны? спросилъ я.

— Боленъ. Сердечная какая-то сумка износилась... врачи говорятъ, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ! Да и мудроно бы ей было не изнашиваться, — за всю жизнь столько въ ней груза накопилось, столько этихъ любвей, и другихъ разныхъ привязанностей... Чортъ возьми, не перечесть! Ну, словомъ, жегъ свѣчу съ обихъ концовъ!

Онъ вдругъ какъ-то огасть, помрачнѣлъ и уставился въ свой стаканъ съ чаемъ.

Желая воспользоваться минутнымъ раздумьемъ Круткова, я сдѣлалъ попытку заговорить о предметѣ моего посѣщенія.

— Иванъ Павловичъ, сказала я, — вы понимаете, конечно, что ни что другое, кромѣ искренняго желанія добра Аннѣ Сергѣевнѣ и сочувствія къ ея горю, — не руководить мною... Она такъ убивается... Мы, мужчины, не въ состоянїи понять чувствъ матери...

— А! Вотъ что! проговорилъ онъ, восклоняясь отъ стола и глядя на меня потускнѣвшими, грустными глазами, — мнѣ слѣдовало раньше сказать вамъ объ этомъ! Простите! Я былъ золь и паясничаль, — не знаю, замѣтили ли вы это? У меня, видите ли, печень больна!.. Конечно, мнѣ бы ничего не стоило сказать адресъ, но... но ребенокъ умеръ.

— Какъ? вскричалъ я, пораженный этимъ извѣстїемъ.

— Да, дѣвочка умерла! подтвердилъ онъ, — мнѣ бы не хотѣлось, чтобы она думала, что ребенка уморили. Вовсе нѣтъ! Вѣрьте мнѣ, я дѣлалъ все, что могъ, но дѣвочка была очень слаба отъ рожденія... Она умерла всего мѣсяца четыре тому назадъ.

— Но гдѣ же, по крайней мѣрѣ...

— Вы хотите знать, гдѣ она похоронена? перебилъ онъ меня, — тамъ же, гдѣ находилась въ послѣднее время, по н — ской желѣзной дорогѣ, деревня Запустье. Вы можете справиться у мѣстнаго священника; онъ знаетъ меня и фамилію ребенка, знаетъ мѣсто...

Я записалъ адресъ, мы распрощались, и я отправился домой, обдумывая, какъ бы мнѣ приготовить бѣдную мать къ вѣсти объ участи ея ребенка.

VIII.

Мы съ Анной Сергѣевной только что вернулись изъ этой деревни, куда ѣздили „на могилку“ сегодня утромъ. Это очень недалеко отъ Петербурга, — всего въ двухъ, трехъ часахъ ѣзды.

Утро было прелестное. Чистый воздухъ полей врвался въ открытыя окна вагона, принося съ собою запахъ скошеннаго сѣна. Тамъ и сямъ пестрѣли цвѣтныя рубахи косарей, около сторожевыхъ будокъ чумазя, босоногія ребята играли на солнцѣ. Но Аннѣ Сергѣевнѣ было не до природы. Всѣ эти дни, получивъ извѣстїе о смерти дѣвочки, она ходила какъ потерянная, много плакала, и сидѣла теперь, забившись въ уголъ вагона, грустная и разстроенная.

На станціи мы наняли телѣжку, и менѣе чѣмъ черезъ пол-

часа были уже въ деревнѣ, которая раскинулась на берегу прихотливо извивавшейся рѣчки. Маленькая церковка бѣлѣлась въ сторонѣ, и около нея, полускрытые въ зелени, видѣлись кресты кладбища. Мы подѣхали прямо къ церкви. Священника не было дома; сторожъ вызвался проводить насъ на могилку. Я шель среди полузаросшихъ могилъ, и тихое, мирное чувство закрадывалось мнѣ въ душу. Какъ хороши деревенскія кладбища! Это не то, что наши столичныя, тонуція въ болотной грязи, вѣчно засоренныя бумажками, яйчной скорлупой, папиросными коробками и прочей дрянью, украшенныя надутыми спѣсью памятниками, на которыхъ безмысленныя, но тѣмъ не менѣе велерѣчивыя надписи лѣзутъ вамъ въ глаза и невольно напоминаютъ глупое чванство живыхъ...

Сторожъ указалъ намъ могилку и ушелъ. Я тоже отошелъ въ сторону. Анна Сергѣевна быстро приблизилась къ маленькой, обросшей травой могилкѣ, на которой былъ крестъ съ надписью.

Я видѣлъ, какъ она склонилась въ густой травѣ, пестрѣвшей полевыми цвѣтами, отошелъ еще подальше, и сѣлъ на могилу, на которой былъ некрашенный крестъ безъ надписи, съ врѣзаннымъ въ середину мѣднымъ, потемнѣвшимъ крестикомъ, какіе обыкновенно крестьяне носятъ на шеѣ. Тихій вѣтерокъ шелестилъ верхушками деревьевъ, отсюду несло разноголосое щебетанье птицъ. Черезъ низенькій, покосившійся плетень открывался широкій просторъ полей, сливавшихся съ голубымъ небомъ, а на нихъ бѣлѣлись силуэты мужиковъ, пахавшихъ черныя полосы...

Тихое раздумье напало на меня. Сердце мое тоскливо сжалось при мысли о томъ, какую, въ сущности, ненормальную, безобразную жизнь ведемъ мы, городскіе жители, насколько мы отделились отъ природы, отъ настоящаго воздуха, настоящаго свѣта...

Бросить все, — службу, знакомства какія есть, и уйдти сюда, на этотъ просторъ полей, уйдти къ простой, рабочей жизни? Но какая ломка нужна для этого, сколько жертвъ потребуется, сколько нужно силы воли, безповоротной рѣшимости, — даромъ ничто не дается. И какъ угадать, — въ этомъ ли счастье? Хуже, пожалуй, не будетъ, — но будетъ ли лучше, — вотъ вопросъ...

Попрежнему щебетали птицы. Могильная трава, пестрѣвшая полевыми цвѣтами, волновалась по вѣтру. Солнце такъ и жгло.

Анна Сергѣевна вернулась съ цѣлымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ. Лицо ея хотя и было заплакано, но уже носило слѣды нѣкотораго душевнаго успокоенія; она даже попробовала мнѣ улыбнуться.

У перкви ждала насъ телѣжка. Мы сѣли. Рѣзвая лоша- денка быстро помчала насъ по гладко-укатанной дорогѣ.

— Теперъ конечно все! сказала Анна Сергѣевна, — послѣд- нее, что соединяло меня съ нимъ, — зарыто въ могилу! Бѣдная моя дѣвочка! Такъ и не пришлось мнѣ ее увидѣть!..

Она отвернулась, и во всю дорогу не сказала больше ни слова.

IX.

На дняхъ—ея рожденіе. Я узналъ объ этомъ случайно, въ разговорѣ, и рѣшилъ, что на правахъ дружбы, долженъ подари- ть ей что нибудь. Ей будетъ двадцать лѣтъ.

— Двадцать лѣтъ! Шутка сказать! воскликнула она, — еще два, три года, — и я старуха... Какъ время-то идетъ, Господи! Давно ли, кажется, совсѣмъ глупенькой дѣвочкой была!

Я взглянулъ на нее. Дѣйствительно, она очень перемѣни- лась. Черты лица обострились, сдѣлались такими строгими, серьез- ными; печать какой-то тяжелой думы легла на нихъ. Давно, давно я не слышалъ ея смѣха! Мнѣ все кажется, что она о чемъ-то втайнѣ скорбитъ и тоскуетъ.

Можетъ быть—о потерянной любви, о разрушенномъ счастьѣ съ любимымъ человѣкомъ?.. Но зачѣмъ я думаю объ этомъ? развѣ мнѣ легче отъ этихъ мыслей?

Если бы она хоть разъ, въ теченіе столь долгаго времени, вспомнила о Крутковѣ, — я бы могъ по тону ея рѣчей судить о томъ, какъ она относится къ прошлому, — но она, какъ бы умышленно, не говорить о немъ, избѣгаетъ произнести его имя, и это-то болѣе всего и беспокоитъ меня. Она, какъ бы сама не увѣренная въ себѣ, боится напомнить себѣ о прошломъ, или, замѣчая, что я слѣжу за ней, слѣжу за каждымъ ея выраже- ніемъ, за интонаціей ея рѣчей, — боится выдать тайну? Чего же ей, впрочемъ, бояться?

Вѣдь я никогда не имѣлъ, и не буду имѣть на нее никакихъ правъ, — почетное званіе „друга“ устраняетъ возможность какихъ бы то ни было другихъ отношеній, и нѣтъ ей дѣла до того, какія мысли и чувства волнуютъ меня въ часы моего одиноче- ства. Тяжелое одиночество!

Что-то есть у *ней* на умѣ!.. Это *ничто*, — странное и не- уловимое, ни понятъ его, ни — тѣмъ болѣе — объяснить нѣтъ никакой возможности, но оно чувствуется въ ея рѣчахъ, дви- женіяхъ, — во всемъ. Она опять сдѣлалась очень нервной, очень

раздражительной. Вчера, напр., когда въ обычный часъ я стала собираться уходить,—она такъ странно посмотрѣла на меня, точно хотѣла что-то мнѣ сообщить, и я уже готовъ былъ остаться, но она вдругъ отвернулась, и съ поспѣшностью принялась за работу. Я ушелъ, унося съ собою впечатлѣніе ея мимолетнаго взгляда. Странно и ново было это впечатлѣніе и ужасно странно было ея взглядъ... Въ немъ мнѣ почудилось что-то похожее на вызовъ. Какимъ жгучимъ, фосфорическимъ свѣтомъ блеснули ея глаза! Я еще никогда не видалъ ее такою, и... испугался!

Дома я вынулъ изъ комода ту вещь, которую хотѣлъ ей подарить, и принялся разсматривать. Это—дамскій хрустальный несессеръ въ кожаномъ футлярѣ, очень изящный, маленькій, съ множествомъ разныхъ мало понятныхъ для меня принадлежностей шитья и вязанья. Чрезвычайно хозяйственная штучка, и, я думаю, должна понравиться Аннѣ Сергѣевнѣ. Когда я показалъ несессеръ Василисѣ Макаровнѣ,—старуха сперва не могла надивиться, какъ это все „тонко придумано“, брала въ руки отдѣльно каждый крючекъ, и подолгу разсматривала, качая головой, но въ концѣ концовъ авторитетно объявила, что все это одни „пустяки“,—ни къ чему „настоящему“ не пригодно,—а такъ, „только баловство одно“, и что напрасно я истратилъ столько денегъ.

— Купилъ бы ты ей, батюшка, лучше на платьѣ! заключила свою сентенцію Василиса Макаровна, — куда практичнѣе, — а то, на-ка, какія фантифлюшки! Настоящая-то работница къ нимъ и приступить не сумѣетъ, а это, вотъ, — которая барыня съ жиру бѣсится, дѣлать ей нечего,—ну, надѣнетъ на ручку и пойдетъ въ садъ, будто работать! А какая ужъ тамъ работа! Сидитъ да воронъ считаетъ! Видала я такихъ-то!

Изрекши суровый приговоръ, Василиса Макаровна съ презрительной гримасой отодвинула отъ себя парижскій несессеръ, и вооружилась своими монументальными чулочными спицами.

Х.

О глупецъ, глупецъ, о жалкій фантазеръ! Полетѣли всѣ твои кумиры, рушились воздушные замки, и все, все смыло какъ водою... Да неужели же я такая тряпка, такая дряблая дрянь, объ которую могутъ только ноги вытирать при случаѣ?

Но могъ ли я предполагать?.. Господи! Я едва дождался, когда окончилось присутствіе и ушелъ дѣлопроизводитель. Мысль о томъ, что должно было произойти сегодня, — не давала мнѣ заниматься. Я даже напуталъ что-то въ одной важной бумагѣ, и дважды передѣлывалъ ее.

Наконецъ, стали расходиться. Я нанялъ извозчика, и всю дорогу злился, что онъ медленно ѣдетъ. Кажется съ этого момента и начался тотъ рядъ нелѣпыхъ поступковъ, которые, волею судьбы, предстояло мнѣ совершить въ этотъ день!

Извозчикъ дотащилъ меня до дому. Я вбѣжалъ въ свою комнату и, не обращая вниманія на какіе-то вопросы Василисы Макаровны, бросился къ комоду. Вытащивъ несессеръ, я подвергъ его самому тщательному осмотру; все было въ полнѣйшемъ порядкѣ.

Выйдя на улицу, съ несессеромъ подъ пальто, я вдругъ почувствовалъ себя въ такомъ возбужденномъ состояніи, что, прежде чѣмъ идти къ ней, рѣшилъ нѣсколько пройтись, успокоиться и обдумать.

И вотъ, съ несессеромъ подъ мышкой, я пошелъ параллельно желѣзной рѣшоткѣ парка. Надвигались сумерки. Сѣрѣя, мохнатые тучи затянули все небо, и накрапывалъ, какъ сквозь сито, мелкій, осенній дождь. Желтые и бурые листья усыпали дорожки парка, поблекшая травка сиротливо выбивалась изъ-подъ низа рѣшотки. Въ воздухѣ пахло сырими, гниющими листьями...

Понятно, что все дѣло было не въ подаркѣ. Иначе, что бы могло быть проще: вручить несессеръ, сказать обычную фразу: „поздравляю“, молъ, „желаю всего хорошаго“ и проч. О, нѣтъ, дѣло было гораздо серьезнѣе, и подарокъ долженъ былъ послужить только предлогомъ къ дальнѣйшему объясненію.

Шутка сказать: я долженъ былъ выложить всю свою душу, долженъ былъ какъ на исповѣди рассказать о всѣхъ своихъ томленіяхъ, думахъ и цѣляхъ. Да и начать-то долженъ былъ издавѣка! Какъ это я оставался, однажды, зимою, одинъ въ квартирѣ, игралъ на скрипкѣ, и какъ она пришла, заговорила, какъ я вдругъ почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно настроеннымъ; потомъ, какъ *они* переѣхали, а я за нею слѣдилъ, прислушивался даже къ ея шагамъ, какъ я негодовалъ на Круткова, и мучился, и страдалъ несказанно!.. Долженъ былъ рассказать также, какъ еще во время моей болѣзни я хотѣлъ признаться во всемъ, и какъ однажды, въ паркѣ, — когда она рассказывала про свою жизнь и въ это время зацелкала соловей, — я хотѣлъ ей открыть свою душу.

И вотъ, мысли мои все варьировали и варьировали, и бѣжали подобно тѣмъ сизымъ, мохнатымъ тучамъ, что проносились надо мной. Я сочинялъ цѣлые разговоры, одну за другой рисовалъ въ своемъ воображеніи идилическія картины; я

видѣлъ себя вмѣстѣ съ нею въ уютной квартиркѣ, гдѣ-нибудь тутъ, же на Петербургской сторонѣ... Мы сидимъ съ нею за самоваромъ, горитъ лампа, въ комнатѣ тепло и уютно, она шьетъ, я читаю вслухъ, потомъ мы бесѣдуемъ... Сюда является иногда счастливая чета Аркебузовыхъ... А вотъ нашъ садикъ, гдѣ подъ склонившимися кустами пахучей сирени и акаци мы сидимъ въ тихіе лѣтніе вечера...

Между тѣмъ, сумерки все надвигались да надвигались. Гдѣ-то прогудѣлъ фабричный гудокъ. На улицахъ, одна за другой, вспыхнули огнистыя точки фонарей. Стало холодно и, вмѣсто дождя, пошелъ мокрый снѣгъ.

Я рѣшилъ, что пора идти. Съ волненіемъ я поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ комнату Анны Сергѣевны.

Въ комнатѣ не было огня. Это меня ужасно удивило. Я подумалъ, не спитъ ли Анна Сергѣевна, такъ какъ въ послѣднее время она жаловалась на нездоровье, и, съ цѣлью дать знать о себѣ, громко кашлянулъ. Ни звука.

— Анна Сергѣевна! позвалъ я. Отвѣта не было.

Я подошелъ къ столу, — весь дрожа отъ предчувствія какой-то бѣды, напарилъ спички и зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ былъ страшный беспорядокъ. Стулья стояли какъ попало, на нихъ брошена была одежда; одинъ изъ ящичковъ комода былъ выдвинутъ до половины, и изъ него въ беспорядкѣ торчали разныя вещи; платяной шкафъ, стоявшій въ углу, былъ раскрытъ настежь.

На столѣ, подлѣ недопитатаго стакана чая, бѣлѣлся лоскутъ бумажки. Сердце мое сжалось. Я схватилъ этотъ клочекъ, и прочелъ:

„Милая Нюта! Если ты не забыла еще своего Ваню, — прѣзжай сейчасъ же, — Екатерининскій каналъ, домъ № 45. Забудь прошлое. Я — *одинъ!*“

Твой Крутковъ“.

Что-то тяжелое брякнуло на полъ и зазвенѣло.

Я самъ едва устоялъ на ногахъ, и принужденъ былъ опереться на спинку стула. Голова моя кружилась, руки и ноги ослабѣли. Я сѣлъ на стулъ, и безмысленно сталъ перечитывать записку Круткова. Строчки прыгали, тянулись и растягивались въ какія-то безконечныя черныя ленты...

Я не помню, сколько времени провелъ въ такомъ положеніи. Свѣча горѣла ровнымъ пламенемъ; вокругъ, во всей квартирѣ, была тишина.

Я всталъ, машинально, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ком-

натѣ. Осколки стекла хрустнули у меня' подъ ногами. Такъ же машинально я нагнулся, и сталъ подбирать свой несессеръ въ самомъ жалкомъ состояніи: хрустальный ящикъ разбился въ дребезги, и всѣ отдѣленьица и флакончики превратились въ осколки. Я бралъ ихъ въ руки, тщательно разсматривалъ, — даже на свѣтъ, — прилаживалъ одну часть къ другой, и соображалъ, какъ бы все это можно было склеить.

И вдругъ, среди этой работы, одна страшная мысль поразила меня. „Зачѣмъ все это, когда теперь все, все рѣшительно кончено? Это обманъ! въ ту же минуту вскричалъ я про себя, — самый подлый, гнусный обманъ! Не можетъ быть, чтобы онъ любилъ ее! Онъ хотѣлъ поглумиться, потѣшиться надъ нею, отмстить за то, что она бѣжала! Такъ не бывать же этому, не бывать, не бывать!“

Я бросился вонъ изъ комнаты, выбѣжалъ на улицу, и на первомъ же попавшемся извозчикѣ помчался къ Круткову.

— Поѣзжай, поѣзжай! кричалъ я, толкая его въ спину, — я тебѣ прибавлю, поѣзжай скорѣе!

Извозчикъ хлесталъ лошаденку, дергалъ возжами и, отъ торопливости ли, или отъ неумѣнья ѣздить по бойкимъ улицамъ, безпрестанно застрѣвалъ между экипажами.

Съ грѣхомъ пополамъ доплелись мы до дома, въ которомъ жилъ Крутковъ. Расплатившись съ извозникомъ, я вбѣжалъ, не переводя духа, по лѣстницѣ, и съ силою дернулъ звонокъ. Порывъ мой былъ великъ, и въ эту минуту я былъ готовъ на какой угодно смѣлый поступокъ.

Горничная отворила дверь, и остановилась съ оторопѣлымъ видомъ.

— Дома Пванъ Павловичъ? гдѣ онъ? крикнулъ я.

— Дома! спокойно отвѣчала горничная, вперивъ въ меня недоумѣвающій и, какъ мнѣ показалось, даже презрительный взглядъ, — незачѣмъ кричать, — не глухіе! прибавила она про себя, но такъ, чтобы я слышалъ.

— Гдѣ онъ? повторилъ я, но уже въ значительно смягченномъ тонѣ.

— Чай кушаютъ! Погодите, я сейчасъ доложу! съ той же невозмутимостью отвѣчала горничная.

Но это ужъ было слишкомъ! Я отстранилъ горничную, и только что хотѣлъ ваяться за ручку двери, которая вела въ гостиную, какъ за дверью услышалъ взрывъ смѣха двухъ голо- совъ: Круткова и Анны Сергѣевны.

Словно что толкнуло меня въ грудь. „Теперь все пропало!“ промелькнуло въ головѣ. Я повернулся къ выходной двери, и, надо полагать, къ немалому изумленію горничной, хотѣлъ уже взяться за ручку, какъ, позади себя, услышалъ голосъ Круткова.

— Господи, кого я вижу! Павелъ Ивановичъ! весело воскликнулъ онъ, — вотъ такъ сюрпризъ! Какъ нельзя болѣе кстати! Пожалуйте, пожалуйте! Група, что же ты, помоги!

Горничная проворно стащила съ меня пальто. Крутковъ крѣпко пожималъ мнѣ руку, смѣялся и, весело заглядывая въ глаза, болталъ!

— Какъ это мило, какъ любезно съ вашей стороны! День рожденія! Вспомнили! Спасибо, Павелъ Ивановичъ, спасибо, голубчикъ! Кромѣ того — и новоселье! прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, — съ прошлой жизнью расчеты покончены, ликвидація, полнѣйшая ликвидація, ха, ха! А я еще говорю Нютъ, — снова возвысиль онъ голосъ, — кого бы пригласить, чтобы, знаете, по семейному, въ тѣсномъ кружкѣ... А вотъ и онъ, какъ разъ самый дорогой гость!

Я былъ сбить съ толку, ошеломленъ. Вся моя рѣшимость пропала окончательно, и я даже не чувствовалъ въ себѣ силъ удалиться.

— Очень пріятно, очень пріятно! безсмысленно бормоталъ я, стараясь въ свою очередь, изобразить на лицѣ улыбку.

Крутковъ широко распахнулъ дверь и, какъ это было при первомъ нашемъ знакомствѣ, любезно протолкнулъ меня въ гостиную.

За столомъ съ чайнымъ приборомъ, слегка откинувшись на спинку дивана, въ тѣни абажура отъ лампы, сидѣла Анна Сергѣевна.

Она встала и пошла ко мнѣ навстрѣчу.

Трудно опредѣлить состояніе моей души въ минуту, когда Анна Сергѣевна подходила ко мнѣ. Словно я попалъ въ какой-то водоворотъ и завертѣлся въ немъ. И все вертѣлось и кружилось у меня въ глазахъ: самоваръ, столъ съ посудой и закуской, смѣющееся лицо Круткова, ея лицо, — счастливое, радостное, — мебель, піанино, и въ этомъ водоворотѣ кружившихся вокругъ меня лицъ и предметовъ, — кружился я самъ, кружился до того, что боялся, что вотъ-вотъ, сейчасъ упаду и не встану.

Не сонъ ли все это? Не грежу ли я? Нѣтъ! Вотъ она подходитъ!.. ближе, ближе... Она протянула мнѣ руку для пожатія... Она улыбается, она рада моему приходу!

Я улыбнулся въ отвѣтъ на ея улыбку, и также протянулъ руку.

Я замѣтилъ, что она была смущена. Ея рука нервически дрогнула въ моей; она опустила глаза и пробормотала что-то, чего я не разслышалъ.

Но все это тотчасъ же прошло, стоило ей только взглянуть на Круткова. Онъ отвѣтилъ ей ободряющимъ, ласковымъ взглядомъ, и она опять разцвѣла, какъ цвѣтокъ, на который упалъ лучъ солнца. Крутковъ былъ попрежнему веселъ и самоувѣренъ—совершенно таковъ, какимъ я его привыкъ видѣть.

— Садитесь, садитесь! заговорилъ онъ, хлопая меня по плечу, и усаживая въ кресло,—вотъ, поистинѣ, дорогой гость! Знаете,—откровенно говоря, у меня къ вамъ такая симпатія,—ей Богу, ни къ кому я ничего подобнаго не чувствую! Чайку? закусить? предложилъ бы водочки, но...

— Нѣтъ, отчего же? я не откажусь! воскликнулъ я съ аффектаціей,—я выпью! знаете, я теперь пью! съ апломбомъ соврала я.

— Неужели? вотъ неподобно, вотъ мило! Да это прелесть что такое! Голубчикъ, да дайте, я васъ за это поцѣлую! Какой же вамъ? у меня, вѣдь, запасъ! какой? Милый, ну, говорите! Вотъ рябиновая, полынная? или желудочной? хватимъ желудочной? Идешь?

— Отлично, отлично, наливайте! сказалъ я.

Мнѣ хотѣлось напиться,—просто-таки напиться до невмѣняемости. „Я напыюсь“,—думалъ я, „и тогда... тогда...“ Что должно было случиться *тогда*, я еще не рѣшилъ.

Крутковъ налилъ желудочной. Анна Сергѣевна не протестовала, какъ прежде,—не только какимъ-нибудь замѣчаніемъ,—но даже взглядомъ.

Маленькими глотками отпивала она чай, и смотрѣла на Круткова такъ нѣжно и съ такою преданностью, какой я не подмѣчалъ въ ней даже въ первое наше знакомство.

Да, разница была громадная! *Тогда* она хоть и находилась подъ давленіемъ его власти, тѣмъ не менѣе она, все-таки, была хозяйкой въ домѣ, сохранившей хоть настолько самостоятельности, чтобы бросить его и съ гордостью уйти; теперь,—это была просто *юстля*, это была женщина, по первому зову пришедшая къ покинутому ею любовнику, поставившая на карту все свое достоинство, честь... Вѣдь онъ могъ ее и оскорбить, и выгнать, и мало ли чего не могъ сдѣлать этотъ взбалмошный человѣкъ!

Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось и, странное дѣло, въ этомъ сознаніи я чувствовалъ нѣкоторую усладу отмищенія.

О, какъ все это было тяжело и гадко!

— Грибковъ? икорки? или, вотъ, семги? предлагалъ Крутковъ, наливая „по второй“, — семга, я вамъ скажу, такая... во рту таетъ! Да что это вы — какой маленькій кусочекъ?

Я попробовалъ и грибковъ, и семги. Выпили еще и разговорились, т. е. говорилъ собственно Крутковъ, а я только отвѣчалъ, поддерживалъ разговоръ. Крутковъ разспрашивалъ меня о моей службѣ, о моемъ житѣ-бытѣ, поинтересовался узнать, какъ живеть „достопочтенная чета Аркебузовыхъ“, потомъ сталъ рассказывать о себѣ, что на службѣ онъ получилъ повышение, идетъ, вообще, хорошо, предлагалъ и мнѣ перейти въ *ихъ* общество и общалъ протекцію, потомъ перескочилъ на разговоры о театрѣ, сдѣлалъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній по поводу послѣдней видѣнной имъ пьесы, коснулся слегка политики, вообще — „занималъ“ меня. Анна Сергѣевна также слегка принимала участіе въ бесѣдѣ, но больше слушала внимательно. Казалось, что все, что ни говорилъ Крутковъ, было и необыкновенно умно, и прекрасно. Вниманіе, съ которымъ она слушала его болтовню, не мѣшало ей, по временамъ, прислуживать ему: подвинуть пепельницу, тарелочку съ закуской, налить чаю. Раза два она обмѣнялась съ Крутковымъ нѣжными взглядами, и каждый разъ вспыхивала такъ, что даже кончики ушей ея рдѣлись.

Я пилъ, рюмку за рюмкой, наравнѣ съ Крутковымъ, пилъ все, что онъ мнѣ ни наливалъ, и въ то время, какъ онъ все болѣе и болѣе краснѣлъ, воодушевлялся, я чувствовалъ, что не пьянѣю нисколько, а только словно какая-то тяжесть ложится на меня, какъ-то пригибаетъ меня всего. И я молча слушалъ болтовню хозяина.

Вечеръ тянулся. Въ другой комнатѣ часы пробили десять. Крутковъ неожиданно прервалъ разговоръ, прошелся по комнатѣ и, подсѣвши къ піанино, взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Знаете, что я играю? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Вальсъ „Въ объятіяхъ любви“...

— Довольно глупое названіе!

— Это почему? спросилъ онъ, приостанавливая игру.

— Да какъ же! Подумайте сами! Что это за „объятія“ любви? Въ объятіяхъ любовника, любовницы, — это такъ, — но въ „объятіяхъ любви“, — безграмотно.

— Пожалуй, что такъ! согласился Крутковъ, — ну, да чего же вы хотите! А вѣдь недурная вещичка, правда? Кстати, вы продолжаете играть на скрипкѣ?

— Нѣтъ, бросить! отвѣчалъ я.

Горничная пришла за самоваромъ. Она раскраснѣлась, и отъ ея платья вѣяло свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ улицы.

— Ахъ, баринъ, какой снѣгъ! сообщила она, — я сейчасъ изъ лавочки... Такъ и валить!

— Снѣгъ! радостно вскричалъ Крутковъ, вскакивая изъ-за пианино, — что ты говоришь! Большой?

— Ужаси какой! Просто не пройти!

— Первопутокъ, значить! Вотъ прелесть! Вотъ кстати! Нюта, знаешь что? Поѣдемъ на тройкѣ?

Она вся вспыхнула. Но тотчасъ же перевела взглядъ на меня. Крутковъ кинулся ко мнѣ.

— Павелъ Ивановичъ! вскричалъ онъ, — поѣдьте съ нами? Поѣдете, да?

— Нѣтъ ужъ, знаете... я... того...

Я сдѣлалъ надъ собою усилие, и поднялся со стула.

— Да полно, поѣдьте! Ну, что вамъ? Прокатимся! По первопутку, а? Прелесть, что такое! принялся уговаривать Крутковъ.

— Нѣтъ, я домой!

— Да что вы: „домой да домой!“ Спать, что ли, завалитесь, въ десять-то часовъ? Какъ вамъ не стыдно! Ну, да нечего съ вами разговаривать! Груша! Возьми сейчасъ извозчика къ Полицейскому мосту. Троечники навѣрное ужъ выѣхали. Спроси Петра Рыжаго. . Рыжаго, смотри, не забудь! Ну, живо. Это мой постоянный! сообщилъ онъ, когда горничная вышла, — такъ, ѣдемъ! Рѣшено и подписано! Нюта, одѣвайся! А я тѣмъ временемъ буду играть, все буду играть. „Въ объятіяхъ любви!“ Тра-ла-ла, тра-ла-ла!

— Иванъ Павловичъ, я рѣшительно отказываюсь отъ вашего предложенія! промямлилъ я.

— Какъ? горестно воскликнулъ Крутковъ, — ну что же это, въ самомъ дѣлѣ! Нюта, попроси хоть ты его!

— Павелъ Ивановичъ, — заговорила она, — отчего вы не хотите? Поѣдьте, пожалуйста поѣдьте! Она ласково взглянула на меня, и я тотчасъ же почти возненавидѣлъ ее за этотъ приторный взглядъ. „Зачѣмъ ты лжешь?“ подумалось мнѣ, — развѣ я не вижу, какъ ты хочешь остаться наединѣ съ нимъ... *въ объятіяхъ любви...* Неужели тебѣ мало всего, что я выстрадалъ, и ты хочешь заставить меня страдать еще, неужели ты такъ-таки ничего, *ничего* не понимаешь?

— Извините, Анна Сергѣевна, — твердо отвѣчалъ я, — я и забылъ совсѣмъ, что обѣщался быть въ одномъ мѣстѣ.

— Отговорка, отговорка! крикнулъ Крутковъ, — пустая отговорка! Никому вы не обѣщались, нигдѣ вамъ не нужно быть, и мы поѣдемъ!

— Желаю вамъ счастливаго пути! сказалъ я, взявъ шляпу и откланиваясь.

— Такъ и не хотите ѣхать? спросилъ Крутковъ.

— Благодарю за предложеніе!

— Ну, а на дорожку выпьемъ? За здоровье Нюты? а? Выпьемъ, что ли?

Онъ налилъ всѣмъ троемъ (ей какого-то вина), взялъ свою рюмку, и ждалъ.

Я взялся за свою. Рука моя дрогнула, и водка расплескалась.

— Долить, долить! воскликнулъ Крутковъ, и долилъ.

Мы чокнулись.

— Желаю вамъ... началъ я, глядя въ полъ, — желаю вамъ...

Языкъ не повиновался.

Она вдругъ обернулась къ Круткову, и, охваченная приливомъ страсти, съ минуту смотрѣла на него молча, потомъ крѣпко прильнула и замерла у него на груди.

Я повернулся и пошелъ къ двери; позади себя я услышалъ долгій, звучный поцѣлуй.

Въ передней я долго не могъ отыскать своего пальто; руки мои дрожали, въ глазахъ мутилось, меня била лихорадка.

Крутковъ вышелъ меня провожать.

— Эхъ, Павелъ Ивановичъ, какой вы, право... обидчивымъ тономъ заговорилъ онъ, — мы васъ такъ любимъ, а вы не хотите сдѣлать намъ маленькое удовольствіе.

Я былъ въ пальто и шапкѣ. Стоя въ дверяхъ, я взглянулъ на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ.

— Маленькое удовольствіе для однихъ, — для другого можетъ быть большимъ... отягощеніемъ! сказалъ я.

Онъ широко раскрылъ глаза.

— Да что это съ вами случилось? спросилъ онъ, — все ничего, а тутъ... Захворалъ, что ли? Ну, на воздухъ пройдетъ!

— Пройдетъ! отвѣчалъ я.

Я распахнулъ дверь, и захлопнулъ ее за собою... навсегда. И все, что осталось тамъ, за этой дверью, тоже навсегда для меня погибло!

А чаша была выпита до дна...

Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ! Вверху, внизу, крыши домовъ, мостовая, рѣшотка канала, извопники и ихъ клячи, торопливо сновавшія фигуры пѣшеходовъ,—все было покрыто снѣгомъ! А онъ все еще продолжалъ валиться большими, мягкими хлопьями...

Я остановился у рѣшотки канала, и началъ смотрѣть на черную поверхность воды, въ которой неподвижно отражались огоньки ближайшихъ фонарей.

Куда идти?

Нѣсколько часовъ тому назадъ я зналъ, куда и зачѣмъ я шелъ. Что-то жило во мнѣ, что подвигало впередъ, заставляло торопиться, волноваться, придумывать планы, создавать рѣчи,—теперь ничего этого не существовало болѣе. Все исчезло, всему сразу наступилъ конецъ...

Куда идти?

Туда, подъ эту черную поверхность воды, въ грязный, холодный иль, въ близкое сосѣдство съ разными гніющими въ немъ отбросами? Нѣтъ, на это я не чувствовалъ себя способнымъ,—вѣдь я былъ трусь! Конечно, все это одинъ моментъ: стать на рѣшотку, сейчасъ же потеряешь равновѣсіе, и упадешь внизъ головой. Дно всѣхъ этихъ каналовъ илисто и страшно засорено. Искусный пловецъ не могъ бы выбратъся на поверхность,—я же плавать почти не умѣю,—значить, одинъ моментъ, нѣсколько бесплодныхъ барахтаній, и—вѣрная смерть.

А жить, все-таки, хочется, и самого себя жалко ужасно! Трусь! О, презрѣнный трусь!

Но за то чашу испилъ до дна! Это ли не достоинство!

Эхъ, любезный другъ, Павелъ Ивановичъ, чиновничекъ маленькій! ну, что, братъ, стоишь, да на воду смотришь? Холодно, братъ, тамъ, и грязно, пойдемъ-ка впередъ! Вонъ, смотри, какъ все снѣгомъ запорошило. Саванъ, братъ, саванъ твоей любви приготовила тебѣ природа, да какъ неожиданно-ловко приготовила-то: такъ сразу все, что у тебя еще тамъ, внутри, теплилось, взяла и прикрыла!

Куда идти?

Да, конечно, къ себѣ, въ свою комнату съ шоколадными обоями! „По первопутку“ —отлично! Забросилъ ты свою скрипку,—разыщи, возьми, заиграй! Твой другъ не измѣнитъ никогда,—смѣло ввѣрай ему всѣ свои одинокія радости и печали! Онъ

не безмолвень твой другъ, о, нѣтъ, не безмолвень! Въ скорбныхъ звукахъ отвѣтитъ онъ на твои скорбныя думы, и будетъ плакать, плакать вмѣстѣ съ тобой! А *ты*—пусть смѣются! Ни тебѣ ихъ, ни имъ тебя—не понять. И не нужно, не нужно!..

И я пошелъ домой...

Было далеко за-полночь, когда я позвонилъ у дверей квартиры. Послышались неторопливые, старческіе шаги, дверь отворилась, и я увидѣлъ передъ собою саму Василису Макаровну со свѣчею въ рукѣ. Она была въ своихъ неизмѣнныхъ котахъ, шерстяной юбкѣ и кофтѣ; голова ея была повязана какъ всегда, и съ тѣми же неизбѣжными рогульками.

Видъ ея былъ тревоженъ и мраченъ; мнѣ псказалось, что она вовсе не ложилась спать.

„Ужъ не расхворался ли полковникъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ.

Василиса Макаровна сурово оглядѣла меня, и тихо, медленно покачала головою.

Я снялъ пальто, прошелъ по корридору въ свою комнату, и только что, въ темнотѣ сталъ отыскивать спички, какъ въ отворенную дверь блеснулъ свѣтъ. Василиса Макаровна вошла со свѣчей и поставила ее на столъ.

— Ну, что? спросила она, внушительно потряхнувъ рогульками,—конецъ, что ли?

Я повернулся къ ней, и съ одного взгляда догадался, что ей все извѣстно.

— Василиса Макаровна, началъ я, подходя къ ней,—вы знаете, Василиса Макаровна... я горячо, преданно ее любилъ!.. Ахъ, Боже мой, что они сдѣлали, что они только сдѣлали со мной! Я съ воплемъ кинулся къ ней, обнялъ ея сухую, морщинистую шею и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

А она, эта простая, чужая старуха, какъ сына, прижала меня къ груди, и проводя рукою по головѣ, дрожащимъ голосомъ приговаривала:

— Ну... ну... ну!.. Ну, полно! Ну, голубчикъ, ну!..

К о н е ц ъ .

К. Баранцевичъ.

ЛЕДНИКОВАЯ ЭПОХА.

„Te saxa loquuntur“ *).

Болѣе шестисотъ лѣтъ тому назадъ однимъ арабскимъ писателемъ, Могаммедомъ Кацвини, была написана полная аллегоріи книга: „Чудеса природы“, въ которой, между прочимъ, отъ лица нѣкоего Кидца приводится слѣдующій поучительный разговоръ о томъ, насколько недолговѣчна человѣческая память:

„Однажды я проходилъ по улицамъ весьма древняго и удивительно многолюднаго города, и спросилъ у одного изъ жителей—давно ли онъ основанъ? Дѣйствительно, это великій городъ, отвѣчалъ онъ,—но мы не знаемъ, съ которой поры онъ существуетъ, да и наши предки тоже ничего не знали объ этомъ! Пятьсотъ лѣтъ спустя, я снова проходилъ по тому же самому мѣсту и не замѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ города. Я спросилъ у крестьянина, косившаго траву на мѣстѣ прежней столицы,—давно ли она разрушена? Станный вопросъ, отвѣчалъ онъ,—эта земля никогда ничѣмъ не отличалась отъ той, какой ты и теперь ее видишь!—Но развѣ прежде не было здѣсь богатаго города? сказала я. Никогда! отвѣчалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, мы никогда его не видѣли, да и отцы наши никогда намъ ничего не говорили объ этомъ. Возвратившись еще черезъ пятьсотъ лѣтъ, я нашелъ на томъ же мѣстѣ море и на берегу его толпу рыбаковъ, у которыхъ спросилъ,—давно ли земля эта покрылась водой?—Тебѣ ли объ этомъ спрашивать? сказали они,—это мѣсто всегда было такимъ же моремъ, какъ и теперь. Спустя еще пять вѣковъ, я опять возвратился, и не нашелъ уже моря. Спросивъ у стоявшаго тутъ человѣка, давно ли произошла такая перемѣна,—я получилъ такой же отвѣтъ, какъ и прежде. Наконецъ, черезъ такой же періодъ времени, я опять пришелъ туда и снова нашелъ цвѣтущій городъ. Онъ былъ еще многолюднѣе и богаче постройками, чѣмъ тотъ, который я видѣлъ въ первый разъ, и когда освѣдомился о времени его происхожденія, то жители отвѣчали мнѣ: начало его

*) „О тебѣ и камни говорятъ“.

теряется въ глубокой древности; мы не знаемъ, давно ли онъ существуетъ, и отцы наши, такъ же, какъ и мы, ничего не знали объ этомъ“ *).

Трудно представить себѣ болѣе выразительную картину человѣческаго безпамятства! Не будетъ ли послѣ этого крупной ошибкой съ нашей стороны за свидѣтельствами о геологическихъ событіяхъ прошлаго обращаться къ исторіи человѣчества? И дѣйствительно, то, о чемъ мы хотимъ говорить теперь, происходило уже на глазахъ человѣка. Онъ, этотъ вѣнецъ мірозданія, былъ свидѣтелемъ тѣхъ геологическихъ событій, которыя знаменуютъ собою такъ называемую ледниковую эпоху. И все-таки, память измѣнила ему. Ни въ мифахъ, ни въ пѣсняхъ, ни въ устныхъ преданіяхъ, нигдѣ и ни въ чемъ мы не найдемъ ни малѣйшихъ намековъ на эти событія. Такъ не будемъ же тревожить тщетными разспросами исторической памяти человѣчества! Пусть лучше камни, эти нелицепріятные свидѣтели прошлаго, расскажутъ намъ повѣсть минувшаго, того минувшаго, которое безъ всякаго преувеличенія можетъ быть названо геологическою колыбелью нестоящаго.

Передъ нами обыкновенный невзрачный булыжникъ, какимъ замощены почти всѣ улицы Москвы и Петербурга. Чаще всего это *гранитъ*. Отъ известняка, вскипающаго съ кислотами, и отъ однообразнаго по виду песчаника гранитъ легко отличается своимъ сложнымъ минеральнымъ составомъ. Любой кусокъ гранита представляетъ собою необыкновенно пеструю смѣсь какъ бы слипшихся между собою то крупныхъ, то мелкихъ минеральныхъ зеренъ. Одни изъ нихъ, въ видѣ мелкихъ табличекъ сѣраго или чернаго цвѣта, блестятъ, какъ зеркало—это *слода*; другія, обыкновенно сѣроватыя или совершенно безцвѣтныя, напоминаютъ стекло—это *кварцъ*, и, наконецъ, третьи—то красновато-бѣлыя, то мясо-красныя и кирпичныя, рѣже сѣрыя и зеленоватыя, легко крошатся на многогранные кусочки—это полевошпатовый минераль, *ортоклазъ*. Въ уличныхъ кучахъ булыжника такіе обломки гранита попадаютъ тысячами, и всякій, желающій ближе ознакомиться съ ними, не ходя далеко, найдетъ здѣсь богатый матеріалъ для удовлетворенія своей любознательности. Для насъ же они представляютъ особый интересъ и значеніе.

Вмѣстѣ съ другими камнями—слоистыми гнейсами, похожими на гранитъ, слюдяными сланцами, красными песчаниками, буроватыми известняками, зелеными діоритами и разноцвѣтными кремнями—гранитные голыши, или, какъ ихъ еще иначе называютъ, *валуны*, добываются въ губерніяхъ центральной и сѣверо-западной Россіи, по полямъ, въ оврагахъ, по откосамъ рѣчныхъ и озерныхъ береговъ и т. д. Валуны эти, въ

*) „Основ. начала геологіи“. Ч. Ляйэля. Рус. пер. 1866 г., стр. 22.

видѣ болѣе или менѣе обточенныхъ и обтертыхъ, а иногда и испаранныхъ глыбъ самой разнообразной формы и величины, начиная отъ мелкой песчинки и кончая глыбами до 2—3 метровъ въ поперечникѣ, вѣсомъ въ десятки тысячъ пудовъ *), чаще всего неправильно разсѣяны въ толщахъ красновато-бурыхъ глинъ и песковъ, залегающихъ непосредственно подъ растительнымъ слоемъ почвы. Подобнаго рода песчано-глинистыя отложения носятъ названіе *валуниныхъ* и столь обычны у насъ, что мы смотримъ на нихъ, какъ на самыя заурядныя, и очень мало интересуемся ими. Долго и ученые не обращали на нихъ достаточно вниманія. Только въ сравнительно недавнее время, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими отложениями Западной Европы и другихъ странъ, они сдѣлались предметами тщательныхъ и чрезвычайно интересныхъ изысканій, съ результатами которыхъ намъ и предстоитъ теперь ознакомиться.

Самымъ важнымъ и знаменательнымъ фактомъ, рѣзко бросающимся въ глаза при изученіи нашихъ валуниныхъ отложений, является присутствіе въ нихъ такихъ валуновъ, коренныя мѣсторожденія которыхъ не встрѣчаются на всемъ протяженіи центральной Россіи. Таковы — граниты, гнейсы, различные сланцы, діориты, песчаники и т. п. Общая площадь распространенія подобныхъ валуновъ обнимаетъ собою громадное пространство, включающее въ себя сѣверную, сѣверо-западную, среднюю и западную часть Европейской Россіи. Далѣе на западъ, валуны, хотя и нѣсколько иного характера, чѣмъ въ Россіи, попадаются на протяженіи почти всей сѣверной Германіи. Слѣдовательно, въ общемъ площадь ихъ распространенія составляетъ около 2.000,000 кв. верстъ. Южная граница этой обширной площади идетъ отъ устьевъ Рейна, черезъ Вестфалію и южный Ганноверъ, къ сѣвернымъ склонамъ Гарца, пересѣкаетъ его въ юго-восточномъ направленіи, изгибается къ Тюрингенскому лѣсу, отсюда направляется черезъ Саксонію, южнѣе Цвиккау, Хемница, Дрездена и Циттау, къ подошвѣ Исполиновыхъ горъ и Судетовъ, переходитъ затѣмъ въ Галицію и черезъ Волынскую губернію вступаетъ, наконецъ, въ предѣлы Россіи. Здѣсь, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ извѣстнаго русскаго геолога С. Н. Никитина, южная граница распространенія валуновъ идетъ сначала по р. Стыри, на Обручъ, потомъ поворачиваетъ къ югу и, проходя между Звенигородкою и Уманью, направляется къ Кременчугу, откуда между Пселомъ и Ворсклою протягивается черезъ Зеньковъ, Путивль и Карачевъ къ Козельску и Лихвину, затѣмъ снова поворачиваетъ къ югу, дѣлая выгибъ черезъ Чернь, Ливны, Землянскъ, Острогжскъ къ Раздорной на Медвѣдицѣ и далѣе на сѣверъ черезъ Аткарскъ, Сердобскъ, Саранскъ и Сергачъ, пересѣкаетъ

*) Огромный валунъ, составляющій подножіе памятника Петру Великому въ Петербургѣ, первоначально вѣсилъ около 100,000 пудовъ.

Волгу подъ Василемъ и на Ветлугѣ идетъ къ Котельничу и Вяткѣ, огибая ихъ съ сѣвера, и такимъ образомъ достигаетъ Глазова, откуда снова поворачиваетъ къ сѣверу и, пересѣкая Каму немного на востокъ отъ Кая, теряется, наконецъ, по направленію къ истокамъ р. Мезени.

Откуда же взялись всѣ эти валуны на такой необъятной площади, когда въ ближайшихъ окрестностяхъ ихъ теперешнихъ мѣстонахожденій, ни въ глубинѣ, ни на поверхности земли нѣтъ соответствующихъ имъ коренныхъ породъ? Внимательное изученіе минеральнаго состава валуновъ указанной мною области отчасти помогло разрѣшить загадку ихъ происхожденія. Оказалось, что они изъ Финляндіи и Олонецкаго края, а для Западной Европы—съ Скандинавскаго полуострова. И дѣйствительно, кто хоть разъ имѣлъ случай сравнивать наши валуны съ коллекціями финляндскихъ и олонецкихъ породъ, тотъ не могъ не замѣтить ихъ поразительнаго сходства. Изрѣдка только примѣшиваются въ видѣ валуновъ обломки каменныхъ породъ, развитыхъ въ губерніяхъ, прилежащихъ къ Финляндіи и Олонецкому краю, напр. въ Новгородской, Петербургской и др. Второе обстоятельство, краснорѣчиво говорящее въ пользу указанного мною происхожденія нашихъ валуновъ, заключается въ томъ, что, по мѣрѣ приближенія къ Финляндіи, они становятся замѣтно обильнѣе, а величина ихъ значительнѣе. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ, и я не буду долѣе останавливаться на немъ. Для сѣверной Германіи замѣчаются аналогичныя явленія.

Таковы первые результаты, къ какимъ приходимъ мы при ближайшемъ ознакомленіи съ нашими булыжниками—валунами. Эти невзрачныя на видъ камни оказываются припельцами далекой страны, какими-то „непомнящими родства бродягами“, имя и происхожденіе которыхъ мы открываемъ только путемъ тщательныхъ и кропотливыхъ изысканій. Недаромъ эти валуны и называются „эратическими“ или блуждающими камнями.

Обращаясь, затѣмъ, къ изученію собственно валунныхъ толщъ, состоящихъ изъ мощныхъ отложеній глинъ и песковъ, мы прежде всего должны отмѣтить въ нихъ почти полное отсутствіе слоистости и вообще какой-либо сортировки ихъ матеріала. Наиболѣе постояннымъ и мощнымъ членомъ валунныхъ отложеній средней Россіи является такъ называемый *валунный сулиннокг*, хорошо извѣстный у насъ, какъ прекрасный матеріалъ для притотвленія строительнаго кирпича. Глина эта сильно песчаниста, мѣстами содержитъ известь и всегда болѣе или менѣе вскипаетъ съ кислотами, е. т. шипитъ при обливаніи ими. Ея нормальная бурая окраска зависитъ отъ присутствія въ ней водной окиси желѣза. Въ болотистыхъ же мѣстностяхъ она принимаетъ сѣрый и даже зеленоватый цвѣтъ. Вслѣдствіе водонепроницаемости такой глины, присутствіе ея въ подпочвѣ нерѣдко служитъ причиною скопленія атмосферныхъ водъ въ видѣ

озеръ и болотъ. Общая мощность отложеній валуннаго суглинка достигаетъ 5—10 и даже болѣе сажень. Валуны залегаютъ въ ней крайне неправильно и неравномѣрно. Область распространенія типичнаго валуннаго суглинка немного меньше области распространенія валуновъ, причемъ *суглинокъ этотъ лежитъ подъ почвой сплошнымъ покровомъ, достигая наибольшаго развитія по линіямъ водораздѣловъ*. То ниже, то выше валуннаго суглинка иногда залегаютъ такъ называемые *валунныя пески*, обыкновенно желтаго или бураго цвѣта. *Нижній валунный песокъ* часто располагается слоями, чего никогда не замѣчается въ *верхнемъ*. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ также попадаются валуны. Область ихъ распространенія еще менѣе значительна, чѣмъ для валуннаго суглинка, и встрѣчаются они какъ бы островами. Въ дополненіе къ этой общей картинѣ внѣшнихъ признаковъ нашихъ валунныхъ отложеній слѣдуетъ прибавить, что никакихъ органическихъ остатковъ или ископаемыхъ, за исключеніемъ костей мамонта, въ нихъ не было найдено. Но и эти кости представляютъ собою всегда разрозненные, сильно потеряныя и испорченныя части скелета животнаго, что заставляетъ смотрѣть на ихъ присутствіе въ валунныхъ отложеніяхъ, какъ на явленіе вторичное. Очевидно, онѣ были занесены сюда, какъ и валуны, изъ какихъ-то другихъ коренныхъ мѣстонахожденій.

По мѣрѣ приближенія къ границамъ Пруссіи, валунныя отложенія становятся свѣтлѣе: изъ желтыхъ и бурыхъ они мало по малу превращаются въ желтоватыя и даже сѣрыя. Въ Литвѣ, Польшѣ и далѣе въ Пруссіи валунныя отложенія состоятъ уже изъ слѣдующихъ трехъ членовъ: *верхняго валуннаго суглинка*, преимущественно желтаго цвѣта, *слоистыхъ песковъ* и *нижняго валуннаго суглинка*—сѣраго цвѣта. Оба валунныхъ суглинка богаты валунами и почти совершенно лишены ископаемыхъ, тогда какъ слоистыя отложенія, залегающія между ними, нерѣдко очень богаты остатками какъ растительной, такъ и животной жизни, формы которой почти ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ намъ. Поверхъ германскихъ валунныхъ отложеній часто залегаютъ обыкновенно неслоистый песокъ, извѣстный подъ названіемъ *покроваго* (Decksand) и вполне соответствующій нашему верхневалунному песку. Слѣдуетъ ли сравнивать нашъ валунный суглинокъ съ верхнимъ или нижнимъ валуннымъ суглинкомъ Германіи, или съ обоими ими вмѣстѣ, и, вообще, въ какомъ отношеніи находятся валунныя отложенія Россіи къ соответствующимъ отложеніямъ сѣверной Германіи, — этого мы пока не знаемъ, такъ какъ сравнительное изученіе ихъ началось слишкомъ недавно. Несомнѣнно только, что происхожденіе ихъ вполне тождественно.

Такимъ образомъ, сдѣлавъ шагъ далѣе, мы видимъ, что валуны наши вовсе не одиноки, а входятъ въ составъ довольно сложныхъ и мощныхъ отложеній, распространенныхъ на гро-

мадномъ пространствѣ и залегающихъ непосредственно подѣ растительнымъ слоемъ почвы. Фундаментомъ для этихъ отложений служатъ различныя каменныя породы совершенно иного характера и происхожденія. Очевидно, что по времени своего образованія валунныя отложения принадлежатъ къ новѣйшимъ; другими словами, *время ихъ возникновенія непосредственно предшествовало текущей или современной геологической эпохѣ*, въ теченіе которой и образовалось все то, что въ настоящее время находится и продолжаетъ образовываться поверхъ этихъ отложений.

Ознакомившись съ вѣдшими особенностями валунныхъ отложений, намъ предстоитъ теперь ближе вникнуть въ условія ихъ образованія; причемъ изслѣдователю, при разрѣшеніи подобной задачи, волей-неволей приходится имѣть дѣло съ различными то болѣе, то менѣе вѣроятными предположеніями или гипотезами, изъ которыхъ онъ и выбираетъ наиболѣе достовѣрную.

Ранѣе другихъ, въ объясненіе происхожденія валунныхъ отложений, была предложена такъ называемая *дилювиальная гипотеза*, или гипотеза о могучихъ потопахъ, подѣ которыми понимали внезапныя геологическія катастрофы при участіи колоссальныхъ наводненій. Согласно воззрѣніямъ этой гипотезы, рядъ могучихъ волнъ, неоднократно поднятыхъ ураганами и бурями или землетрясеніями, или внезапнымъ поднятіемъ земли изъ-подъ уровня моря, периодически наводняли различныя части суши, увлекая съ собою огромныя массы ила и тяжелыхъ камней, которые и сохранились до нашихъ дней въ видѣ валунныхъ отложений, какъ продуктъ послѣдней изъ такихъ катастрофъ. Отложения эти получили даже особое названіе — *дилувія*, которымъ и отмѣчался способъ ихъ происхожденія. Не смотря, однако, на всю свою титаническую грандіозность, гипотеза эта давнымъ-давно рушилась, какъ плодъ безпечнаго и наивнаго вымысла. Особенную услугу въ ея разрушеніи оказалъ знаменитый Ляйэлль, творецъ современной геологіи, благодаря работамъ котораго гипотеза подобныхъ внезапныхъ катастрофъ навѣки уступила мѣсто болѣе трезвымъ и правдоподобнымъ воззрѣніямъ на ходъ геологическихъ процессовъ.

На смѣну быстрыхъ и могучихъ поднятій и землетрясеній, яко-бы вызывавшихъ колоссальныя наводненія, явилось предположеніе о медленномъ, вѣковомъ колебаніи земной поверхности, что и дѣйствительно наблюдается въ настоящее время въ различныхъ частяхъ ея, напр. на Скандинавскомъ полуостровѣ. Этому колебательному движенію поверхностныхъ частей земли вскорѣ придали такіе размѣры, что одни материки, благодаря имъ, могли погрузиться въ море, а другіе—столь же легко выдвинуться изъ него на громадную высоту. При этомъ, на основаніи фактовъ, съ которыми мы будемъ имѣть случай познакомиться ниже, было предположено, по крайней мѣрѣ для Европы, значительное пониженіе средней годовой температуры,

а слѣдовательно—и большая суровость ея климата. Согласно всѣмъ этимъ предположеніямъ и была предложена *гипотеза плавающихъ льдинъ*, по которой образованіе нашихъ валунныхъ отложений, удержавшихъ названіе дилuvia, было приписано плавающимъ льдинамъ и ледянымъ горамъ, какими и теперь богаты полярныя моря. Вся площадь сѣверной Германіи и Россіи, по этой гипотезѣ, въ эпоху образованія валунныхъ отложений была погружена въ море, причѣмъ льды, спускавшіеся съ существовавшего тогда оледенѣлаго скандинаво-финляндскаго архипелага, разносили по этому морю разнообразный обломочный матеріалъ, осаждавшійся въ видѣ валунныхъ отложений. Нѣчто подобное мы видимъ и въ современныхъ полярныхъ моряхъ, откуда ледяныя горы, отрывающіяся напр. отъ ледниковъ Шпицбергена, Исландіи, Гренландіи и т. п., несутъ съ собою массы обломковъ въ болѣе южныя широты Атлантическаго океана, гдѣ отлагаютъ ихъ на днѣ, когда сами окончательно растаиваютъ. Такой взглядъ на возникновеніе валунныхъ отложений былъ блестяще развитъ знаменитыми англійскими геологами, Мурчисономъ и Ляйэллемъ, благодаря громкому авторитету которыхъ онъ и былъ очень скоро принятъ почти всѣми геологами. Да и въ настоящее время гипотеза плавающихъ льдинъ изрѣдка еще находитъ себѣ довольно горячихъ, хотя и сильно запоздавшихъ защитниковъ.

Дѣло въ томъ, что какъ ни правдоподобно, на первый взглядъ, указанное объясненіе происхожденія валунныхъ отложений,—въ дѣйствительности, при болѣе внимательномъ изученіи предмета, оно оказывается совершенно несостоятельнымъ. Такъ, напр., если валуны разносились съ скандинаво-финляндскаго архипелага ледяными горами, то такой разность ихъ во всѣ стороны по радіусамъ отъ этого архипелага предполагаетъ въ морѣ, окружавшемъ его, въ высшей степени невѣроятныя и необъяснимыя теченія, исходящія изъ одного центра въ радіальныхъ направленіяхъ, подобнаго чему мы совершенно не знаемъ въ настоящее время. Далѣе, гипотеза эта грубо противорѣчитъ факту полнѣйшаго отсутствія всякихъ слѣдовъ морскихъ животныхъ въ валунныхъ отложеніяхъ. Какъ бы ни было холодно тогдашнее море, органическая жизнь все-таки не могла совершенно прекратиться въ немъ, а слѣдовательно и остатки ея неминуемо должны были бы сохраниться въ видѣ различныхъ ископаемыхъ, которыхъ, однако, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. Затѣмъ, полнѣйшее отсутствіе всякой сортировки обломочнаго матеріала по величинѣ и удѣльному вѣсу, что и составляетъ самую главную отличительную черту почти всѣхъ валунныхъ отложений, безусловно исключаетъ возможность ихъ осажденія изъ воды. Всѣ такъ называемыя осадочныя отложенія—рѣчныя, озерныя, лагунныя и морскія—всегда обнаруживаютъ болѣе или менѣе замѣтную слоистость, тогда какъ самыя

мощныя отложенія валунныхъ суглинковъ характеризуются именно отсутствіемъ подобной слоистости. Отсюда очевидно, что гипотеза Ляйэлла и Мурчисона должна считаться совершенно несостоятельной, а слѣдовательно и самый терминъ—дилувій, употреблявшійся до сихъ поръ для обозначенія какъ времени, такъ и способа образованія валунныхъ отложеній, долженъ быть окончательно оставленъ, какъ потерявшій всякое значеніе.

Третья гипотеза—*аллювиальная*—объясняетъ образованіе валунныхъ отложеній дѣйствіемъ проточныхъ водъ. Согласно этой гипотезѣ, рѣки недавняго прошлаго были несравненно многоводнѣе и громаднѣе современныхъ намъ рѣкъ. Эти-то гигантскія рѣки, направляясь съ сѣвера, и нанесли изъ Финляндіи и Скандинавскаго полуострова массу ила и всякаго обломочнаго матеріала, который и осѣлъ въ прилежащихъ низменностяхъ въ видѣ валунныхъ отложеній. Несостоятельность подобной гипотезы буквально рѣжетъ глаза. Помимо отсутствія слоистости и многихъ другихъ неправдоподобностей, какъ объяснить она фактъ сплошнаго развитія валунныхъ суглинковъ и обильнаго отложенія ихъ главнымъ образомъ на водораздѣлахъ между рѣчными бассейнами? Какіе бы громадныя размѣры ни имѣли тогдашнія рѣки, фактъ этотъ навсегда останется совершенно необъяснимымъ съ точки зрѣнія аллювиальной гипотезы. И дѣйствительно, какимъ образомъ могъ повсемѣстно распространиться, и изъ низинъ рѣчныхъ долинъ попасть именно на водораздѣлы, тотъ матеріалъ, который нѣкогда несла рѣка силою своего теченія?

Что же касается самаго термина *аллювій*, то онъ обыкновенно прилагается для обозначенія наносовъ, образованныхъ при участіи атмосферныхъ дѣятелей. Подъ ихъ вліяніемъ поверхность земли вывѣтривается и размывается, а продукты ея разрушенія или остаются на мѣстѣ и даютъ начало такъ называемымъ *элювиальнымъ* образованіямъ, или смываются проточными водами и отлагаются въ болѣе низкихъ мѣстахъ, въ видѣ *аллювиальныхъ отложеній*, почему и аллювій можетъ быть рѣчной, озерной и т. д., смотря по мѣсту его отложенія. Нужно, однако, помнить, что слова „аллювій“ и „элювій“ обозначаютъ только способъ, а отнюдь не время образованія тѣхъ или другихъ отложеній. Стало быть, называть современную геологическую эпоху „аллювіемъ“ не слѣдуетъ, такъ какъ аллювиальные и элювиальные процессы имѣли мѣсто на поверхности земли во всѣ эпохи ея существованія.

Итакъ, всѣ три разсмотрѣнныя нами гипотезы, предложенныя въ разное время для объясненія интересующихъ насъ явленій, оказываются совершенно бесплодными. Но умъ человѣческій, какъ и всегда, не смутился неудачами и, тщательно вникая въ ходъ современнаго порядка вещей, напелъ, наконецъ, ключъ къ разрѣшенію вѣковой загадки. Сфинксъ загово-

вориль понятнымъ языкомъ, и новѣйшая геологія вписала въ свои манускрипты одну изъ блестящихъ страницъ.

Давнымъ-давно было уже извѣстно, что тѣ части Альпъ, которыя возвышаются болѣе чѣмъ на 8500 футовъ надъ уровнемъ моря, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Масса этого снѣга, ежегодно получая все новыя и новыя приращенія, могла бы безконечно увеличиваться въ высоту, если бы отъ нея не отдѣлялись постоянно значительныя части, которыя, вслѣдствіе тяжести, то очень быстро, въ видѣ лавинъ и снѣжныхъ обваловъ, то поразительно медленно спускаются въ долины. Снѣгъ этотъ (*финъ* или *неве*), изъ года въ годъ скопляющійся въ громадныхъ котловинахъ, лежащихъ выше снѣговой линіи, мѣстами медленно сползаетъ внизъ, и вслѣдствіе разнообразныхъ физическихъ воздѣйствій мало по малу превращается въ зернистую, плотную и достаточно пластичную массу сначала фирноваго, а потомъ глетчернаго льда, способнаго къ медленному движенію даже по самымъ незначительнымъ уклонамъ. Въ концѣ концовъ, изъ фирна образуется то, что, мы называемъ *глетчерами-ледниками* или, вѣрнѣе, рѣками льда. Ледникъ течетъ обыкновенно по естественнымъ ложбинамъ, неровности дна которыхъ оказываютъ крайне слабое вліяніе на его движеніе. Если случается ему встрѣтить возвышеніе на своемъ пути, то ледникъ переползаетъ черезъ него, или же обтекаетъ его; если ложе ледниковаго русла образуетъ уступъ, то ледникъ падаетъ съ него каскадами и снова продолжаетъ свой путь, опять въ видѣ сплошной массы. Единственно въ чемъ сказывается неравномѣрность движенія ледника, такъ это—въ образованіи трещинъ на его поверхности, между которыми различаютъ трещины продольныя, большія и поперечныя. Сплошь и рядомъ случается, что два или нѣсколько сосѣднихъ ледниковъ сливаются въ одинъ, несравненно большаго объема. Быстрота, съ которою перемѣщаются ледники, измѣняется съ ихъ массою и наклономъ ледниковаго русла. Для альпійскихъ ледниковъ она составляетъ отъ 0,025 до 1,25 метра въ сутки. Вслѣдствіе обтаиванія ледника съ поверхности, въ парахъ и трещинахъ его всегда скопляется значительное количество воды, которая, просачиваясь черезъ ледъ, постепенно прокладываетъ себѣ дорогу къ нижнему концу ледника, гдѣ и изливается черезъ особыя сводчатыя отверстія въ видѣ ледниковыхъ ручьевъ и потоковъ. Такая вода первоначально очень мутна, но затѣмъ, по мѣрѣ осажденія мути, она становится совершенно свѣтлой и, сбѣгая въ долины, нерѣдко даетъ начало многоводнымъ рѣкамъ.

Масса глетчернаго льда обыкновенно нечиста, благодаря пыли и песку, которые вѣтромъ наносятся на фирновыя поля. Кромѣ того, на своей поверхности ледники всегда несутъ множество каменныхъ обломковъ, скатывающихся на нихъ съ окружающихъ высотъ. Вслѣдствіе медленнаго движенія ледника, такіе обломки скопляются по краямъ его не кучами, а длин-

ными рядами, образующими такъ называемыя *боковыя морены*. При соединеніи двухъ ледниковъ въ одинъ, боковыя морены ихъ соприкасающихся краевъ сливаются вмѣстѣ и тогда возникаетъ *морена срединная*. Чѣмъ больше по размѣрамъ боковыя и срединныя морены, тѣмъ большее количество обломковъ скопляется на нижнемъ концѣ ледника, гдѣ они и образуютъ *конечную морену*. Обломки камня, составляющіе всѣ эти поверхностныя морены, всегда отличаются рѣзко выраженной угловатостью, такъ какъ ледникъ только переноситъ и нисколько не окатываетъ ихъ. Столь же угловаты и отдѣльныя громадныя глыбы, нерѣдко нагромождающіяся на поверхности ледниковъ. Общая мощность обломочныхъ скопленій на ледникѣ достигаетъ 5—10, даже 25 и болѣе сажень толщины. Не всѣ, впрочемъ, обломки остаются на поверхности ледника. Многіе изъ нихъ проваливаются въ трещины и, такимъ образомъ, попадаютъ на дно ледника, гдѣ, вмѣстѣ съ разрушенными частями ледникового ложа, быстро дробятся, крошатся, округляются, шлифуются, царапаются и, по мѣрѣ движенія ледника, превращаются наконецъ въ очень мелкіе обломки. Вся эта масса постоянно разрушающагося матеріала составляетъ *основную* или *поддонную морену*. Само собою разумѣется, что обломочныя скопленія моренъ должны принадлежать такимъ каменнымъ породамъ, которыя развиты въ ближайшемъ сосѣдствѣ даннаго ледника. Такимъ способомъ перемѣщенія не только маленькіе обломки и землестыя частицы, но и громадныя глыбы въ видѣ цѣлыхъ скалъ безъ труда передвигаются съ горныхъ склоновъ въ ниже лежащія долины, дѣлая при этомъ путь въ десять и болѣе верстъ.

Шлифующее дѣйствіе ледника распространяется на дно и бока его ложа, которыя чаще всего совершенно гладки и прекрасно отполированы. Грубыя неровности дна, по крайней мѣрѣ—со стороны истоковъ ледника, также стираются и, постепенно округляясь, образуютъ такъ называемыя *бараны лбы*. Какъ бока ледниковаго ложа, такъ и дно его съ бараными лбами, зачастую покрываются множествомъ шрамовъ и царапинъ, располагающихся параллельно другъ другу въ направленіи движенія ледника. Другое дѣйствіе ледника выражается въ образованіи особыхъ углубленій, которыя носятъ названіе *шантскихъ горшковъ* или *горшковъ гигантовъ*. Происхожденіе ихъ объясняется дѣйствіемъ потоковъ, падающихъ каскадами въ ледниковыя трещины, гдѣ они, приводя въ движеніе песокъ и камни, высверливаютъ на днѣ ледника подобныя углубленія.

Современныя ледники встрѣчаются на горахъ жаркаго, умереннаго и холоднаго поясовъ, а равно и на полярныхъ материкахъ. На материкѣ Европы ледники извѣстны въ Альпахъ, Пиренеяхъ, въ сѣверной Норвегіи и на Кавказѣ. Острова же Шпицбергенъ, Исландія и особенно Гренландія почти сплошь покрыты могучими ледниками. Нисходящее движеніе ледника

прекращается на той высотѣ, средняя температура которой заставляеть его таять. Понятно, что линія таянія ледника и линія вѣчнаго снѣга не могутъ совпадать на однѣхъ и тѣхъ же горахъ, при чемъ первая изъ нихъ спускается значительно ниже второй. Такъ, альпійскіе ледники нерѣдко ползуть чуть не мимо виноградниковъ, а въ небольшомъ разстояніи отъ Новозеландскихъ ледниковъ растутъ даже такіа нѣжныя растенія, какъ древовидные папоротники. Линія таянія ледниковъ въ тропической Америкѣ лежитъ на высотѣ 4,000—5,000 метровъ надъ уровнемъ моря, въ Гималаяхъ она понижается до 3,600 метровъ, въ Альпахъ—до 1,700, въ Норвегіи подѣ 60°3' с. ш. она спускается до 325 метровъ, а на Новой Землѣ, въ Лапландіи, Исландіи, Гренландіи и въ самыхъ южныхъ частяхъ Южной Америки, напр. въ Патагоніи, даже подѣ 46°30' юж. ш., ледники погружаются уже въ самое море. Къ частности же для Европы и Азіи можно указать на слѣдующій законъ, впервые установленный знаменитымъ географомъ Пешелемъ: развитие ледниковъ приблизительно на однѣхъ и тѣхъ же широтахъ уменьшается отъ запада къ востоку. Такъ, въ Альпахъ нѣкоторые ледники спускаются до 1,500 и даже 1,000 метровъ, на Кавказѣ же они не встрѣчаются ниже 2,000—2,800, а на Тянь-Шанѣ и Памирѣ ледники не заходятъ ниже 3,000—3,300 метровъ, за исключеніемъ заравшанскаго ледника, который спускается до 2,700 метровъ. Затѣмъ, характерно также полное отсутствіе ледниковъ на сѣверномъ Уралѣ, тогда какъ подѣ соответствующими широтами на Скандинавскомъ полуостровѣ, даже на горахъ меньшей высоты, существуютъ значительные ледники.

Линія таянія ледниковъ данной горной страны не представляетъ чего либо постояннаго, — она измѣняется сообразно климатическимъ условіямъ. Наступаютъ влажные и холодные годы, количество фирноваго снѣга увеличивается, ледъ плохо таетъ и ледники ниже спускаются въ долины; наступаютъ годы теплые и сухіе, снѣга выпадаетъ меньше, ледъ таетъ сильнѣе и ледники поднимаются къ болѣе высокимъ точкамъ горнаго склона. Такъ, альпійскіе ледники въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, именно около 1854 года, достигали большаго развитія, чѣмъ теперь, послѣ чего многіе изъ нихъ убыли на 1000 и болѣе метровъ въ длину. Въ послѣдніе, сравнительно суровые годы нѣкоторые изъ альпійскихъ ледниковъ снова начали удлиняться, что особенно стало замѣчаться съ 1879 года.

Отступательное движеніе ледниковъ дѣлаеть доступнымъ геологу множество характерныхъ знаковъ ихъ дѣйствія. Наиболѣе существенными изъ нихъ являются остатки моренъ. Конечныя морены обыкновенно представляютъ собою рядъ наносныхъ холмовъ и валовъ, лежащихъ по склонамъ долины, по которой нѣкогда текъ ледникъ. Чаще всего валы эти проходятъ поперекъ прежняго ледниковаго ложа, образуя дугообразную

выпуклость по направленію внизъ по долинь. Поддонная или основная морена труднѣе разпознается и часто смѣшивается съ другими, вовсе не ледниковыми образованіями. Боковыя же и срединныя морены тянутся длинными рядами и валами по направленію движенія растаявшаго ледника. Матеріаль всѣхъ этихъ моренъ, конечно, не сланцевый. Валунъ его представляютъ камни, то угловатые, съ острыми очертаніями и краями, то обтертые, отшлифованные, и нерѣдко съ слѣдами шрамовъ и царапинъ на поверхности. Первые принадлежатъ поверхностнымъ моренамъ, вторые—основной или поддонной моренѣ. Затѣмъ къ числу такихъ же знаковъ слѣдуетъ отнести бараньи лбы, шрамы, царапины, горшки гигантовъ и полировку коренныхъ породъ ледниковаго ложа, хотя всѣ эти знаки хорошо сохраняются только подъ защитой мореннаго покрова. Помимо перечисленныхъ знаковъ несомнѣннаго дѣйствія и пребыванія ледниковъ, слѣдуетъ отмѣтить еще цѣлый рядъ слоистыхъ и неслоистыхъ отложеній, то предшествующихъ ледникамъ, то слѣдующихъ за ними.

По счастливой случайности, на всемъ протяженіи Альпъ и многихъ другихъ европейскихъ горъ сохранились очевидные слѣды нѣкогда бывшаго обширнаго оледенѣнія ихъ, при которомъ льдины спускались гораздо ниже даже самаго низкаго теперешняго ихъ положенія. Такъ, напр., въ Альпахъ въ эту эпоху онѣ доходили до 350—500, а на Кавказѣ до 600—900 метровъ надъ уровнемъ моря. Такіе слѣды были прежде всего открыты какъ въ главной швейцарской долинь, имѣющей до 50 миль ширины, такъ и почти повсюду на Юрѣ, ограничивающей эту долину съ сѣверо-запада. Попадающіеся на всемъ этомъ протяженіи, и особенно по склонамъ швейцарской Юры, громадныя валуны или эрратическіе камни долго представляли собою не менѣе загадочное явленіе, чѣмъ подобныя же камни нашихъ валунныхъ отложеній. Внимательное изученіе, однако, показало, что всѣ эти угловатые обломки—альпійскаго происхожденія и что они перенесены сюда съ альпійской цѣпи, на разстояніи 50 миль, поперекъ одной изъ самыхъ широкихъ долинь въ мірѣ. Существуетъ нѣсколько гипотезъ, объясняющихъ подобное разнесеніе валуновъ въ Швейцаріи, но самое блестящее объясненіе этого явленія предложилъ въ 1821 году Венець, а впослѣдствіи развили Шарпантье, Агассисъ, Форбсъ, Тиндаль и др. Не могу при этомъ не отмѣтить одной любопытной подробности: первый толчекъ въ разъясненіи дѣла далъ случайный разговоръ Шарпантье съ горцемъ-проводникомъ, по имени Перроденомъ, который путемъ внимательнаго наблюденія и здраваго разсужденія совершенно самостоятельно дошелъ до мысли, что швейцарскіе валуны разнесены нѣкогда бывшими здѣсь громадными ледниками. Научно-обоснованная мысль эта легла въ основаніе такъ называемой *ледниковой гипотезы*, которая въ настоящее время почти не имѣетъ противниковъ.

Если альпійскіе ледники достигали прежде значительно большаго развитія, чѣмъ теперь, то очевидно, что явленіе это было обусловлено сильнымъ пониженіемъ средней температуры для всей Европы. Слѣдовательно, и на другихъ точкахъ ея поверхности должны были скопиться значительныя количества льда въ видѣ ледниковъ и оставить потомъ, послѣ ихъ окончательнаго уничтоженія, какъ и на Альпахъ, болѣе или менѣе очевидныя слѣды своего пребыванія. И тутъ внимательное изученіе дѣла воочію убѣдило изслѣдователей, что слѣды ледниковаго дѣйствія распространены почти повсемѣстно въ Европѣ. Такъ, мы находимъ ихъ въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, Лапландіи, Даніи, по берегамъ Балтійскаго моря, въ Сѣверной Германіи, на Британскихъ островахъ, по всей центральной Европѣ, во Франціи и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Очевидно, что здѣсь повсюду были распространены нѣкогда громадныя ледники, и время такого мощнаго развитія ихъ, по всей справедливости, можетъ быть названо *ледниковой эпохой*.

Согласно господствующимъ въ геологіи научнымъ возрѣніямъ, картина постепеннаго оледенѣнія Европы представляется въ слѣдующемъ видѣ: средняя температура понижается, климатъ становится суровѣе, количество снѣга и льда на горахъ увеличивается, ледники растутъ и сползаютъ все ниже и ниже, наконецъ, при наступленіи еще болѣе суровыхъ климатическихъ условій, ледники развиваются столь значительно, что сливаются въ обширныя поля материковаго льда, въ родѣ тѣхъ, какими въ настоящее время почти сплошь покрыта вся Гренландія.

Весь этотъ обширный полярный материкъ совершенно погребенъ подъ сплошной, колоссальной массой снѣга и льда, постоянно движущагося къ морю и главнымъ образомъ—къ Баффину заливу. Всѣ неровности почвы уравниваются здѣсь подъ непрерывнымъ снѣговымъ покровомъ, сквозь который только мѣстами выдаются крутыя горы и полосы камней, теряющіяся въ неопредѣленной дали по направленію къ центру материка. Высота почвы Гренландіи неизвѣстна, но она во всякомъ случаѣ должна быть очень значительна, такъ какъ при постепенномъ пониженіи къ морю все еще попадаются такія береговыя мѣстности, которыя возвышаются на 4,000 футовъ надъ его поверхностью. Главное выгруженіе материковаго льда, по изслѣдованіямъ Ринка, Норденшильда, Гелланда и др., происходитъ черезъ заливы и фіорды. По этимъ русламъ ледъ движется громадными массами, имѣющими поразительныя размѣры въ ширину и толщину. Такъ, ледникъ Гумбольдта тянется отъ 79° до 80° с. ш., слѣдовательно на протяженіи 100 слишкомъ верстъ, при толщинѣ льда въ 45 сажень надъ поверхностью воды. Достигнувъ берега, ледникъ погружается въ море и нерѣдко вдается въ него длинной полосой. Когда же глубина становится настолько значительной, что допускаетъ плаваніе ледя-

ныхъ массъ въ 1000—1500 футовъ толщиною, тогда ледникъ крошится и обломки его, въ видѣ громадныхъ ледяныхъ горъ, разносятся по волнамъ океана. Нѣтъ сомнѣнія, что ледники Гренландіи подвержены значительнымъ колебаніямъ въ своихъ размѣрахъ. Мѣстами въ береговой полосѣ, ширина которой обыкновенно не превышаетъ 25 верстъ, замѣчаются несомнѣнные слѣды древнихъ, болѣе обширныхъ ледниковъ, въ видѣ валуновъ, бараньихъ лбовъ, поддонныхъ моренъ и т. п. Не смотря на всю мертвенность центральныхъ частей Гренландіи, покрытыхъ сплошными массами материкового льда, берега ея не лишены довольно разнообразныхъ животныхъ и растеній, которыя чаще всего ютятся по теченію многочисленныхъ рѣчекъ съ мутною водою, вытекающихъ изъ-подъ ледниковъ по ихъ окраинамъ.

Поучительный примѣръ Гренландіи и другихъ полярныхъ странъ въ значительной степени уясняетъ картину оледенѣнія Европы въ ледниковую эпоху, и если оледенѣніе это не подлежить сомнѣнію, то сплошной ледяной покровъ, нѣкогда одѣвавшій ее, долженъ былъ имѣть свои центры истеченія, соотвѣтствующіе наиболѣе возвышеннымъ точкамъ материка. Такихъ центровъ для Европы въ настоящее время можно признать три: скандинаво-финляндскій съ сѣверно-европейскою, британскій съ западно-европейскою и альпійскій съ южно-европейскою ледниковыми областями. Вокругъ этихъ главнѣйшихъ центровъ ютились многочисленныя, болѣе мелкія ледниковыя области, которыхъ особенно много было по сосѣдству съ Альпами.

Таковы многочисленные частныя факты, послужившіе основаніемъ для ледниковой гипотезы, прекрасно объясняющей происхожденіе валунныхъ отложеній Россіи и сѣверной Германіи. Обѣ эти страны входятъ въ составъ скандинаво-финляндской ледниковой области. Дѣлая шагъ дальше, мы восстанавливаемъ физическія отношенія ледниковой эпохи для этой области въ слѣдующемъ видѣ: громадные ледники, накопившіеся въ то время на высотахъ Скандинавіи, Финляндіи и Лапландіи, медленно начали спускаться отсюда радіально, по всѣмъ направленіямъ, и мало по малу расплзаясь по низодоламъ прилегающихъ мѣстностей, сплошь покрыли собою всю сѣверную Германію и большую половину Европейской Россіи. Площадь, занятая ледниками того времени, не должна казаться намъ невѣроятно обширной послѣ того, что мы сейчасъ узнали о распространеніи гренландскихъ ледниковъ. Незначительность уклона, которой требуетъ ледникъ для своего поступательнаго движенія, также не противорѣчитъ распространенію ледниковъ по всѣмъ, сравнительно вовсе небольшимъ, неровностямъ тогдашней почвы Германіи и Россіи. Къ тому же, есть основаніе думать, что вся скандинаво-финляндская область, откуда именно и истекали ледники, въ ледниковую эпоху была значительно выше, чѣмъ теперь. Мелководныя Балтійское и Нѣмецкое моря тоже не могутъ пред-

ставить серьезнаго препятствія для передвиженія ледниковъ, такъ какъ, при обильномъ накопленіи материковаго льда, толщина его могла быть столь значительной, что съ избыткомъ покрывала глубину этихъ морей, и ледники безпрепятственно переползали черезъ нихъ.

Какъ особія, совершенно самостоятельныя области оледенѣнія для Европейской Россіи, можно отмѣтить Кавказъ и Печорскій край. Въ Сибири же не было ничего подобнаго сплошному скандинаво-русскому ледниковому покрову, съ его отдѣльными ледниками по краямъ. По крайней мѣрѣ, ни въ равнинахъ Сибири, ни даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ураломъ, нигдѣ не было найдено столь характерныхъ для Европейской Россіи валуновыхъ отложенийъ.

Допустивъ вышеуказанное оледенѣніе скандинаво-финляндской области, мы остаемся въ полномъ согласіи съ фактами, извѣстными въ геологіи. Въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, Лапландіи и Олонецкомъ краѣ сплошь и рядомъ, нерѣдко на очень значительной высотѣ, горы, скалы и долины несутъ на себѣ явные слѣды ледниковыхъ дѣйствій, — таковы: полировка, бараньи лбы, шрамы, борозды и царапины, опредѣленно указывающіе на движеніе ледниковъ отъ нѣсколькихъ центральныхъ точекъ приблизительно по радіусамъ. Помимо этого, здѣсь повсюду разсыянъ матеріаль поддонныхъ моренъ — наносный суглинокъ, необыкновенно богатый валунами, составомъ своимъ рѣзко отличающимися ихъ коренное мѣсторожденіе. Иногда матеріаль этотъ слагается въ гряды различной длины и высоты, въ общемъ представляющія собой родъ желѣзнодорожной насыпи. Въ Новгородской губерніи такія гряды несутъ названіе *свиныхъ гребтовъ*, а въ Прионежьѣ — *сельги*, чаще же всего ихъ называютъ, по шведски, *озами*. Общая совокупность всѣхъ этихъ слѣдовъ даетъ столь опредѣленную картину, что мѣстность, на которой они встрѣчаются, обыкновенно представляетъ особый, совершенно типичный древне-ледниковый ландшафтъ, черты котораго невольно поражаютъ наблюдателя своей необыкновенной ясностью и выразительностью.

Такимъ образомъ, оледенѣніе Европы въ эпоху, предшествовавшую современной, можно считать фактомъ несомнѣннымъ, и тогда происхожденіе валуновыхъ отложенийъ сѣверной Германіи и большей половины Россіи является вполне яснымъ.

Согласно ледниковой гипотезѣ, два валуновыхъ суглинка — сѣрый нижній и желтый верхній — развиты въ сѣверогерманской низменности, представляютъ остатки двухъ поддонныхъ моренъ, соответствующихъ двумъ эпохамъ оледенѣнія. Лежащія же между ними слоистыя отложения, богатая водными и наземными ископаемыми, суть образованія промежуточныя или межледниковыя. Покровные пески, залегающіе поверхъ желтаго суглинка, суть остатки отступавшаго ледника послѣдняго оледенѣнія.

Въ Европейской Россіи, въ ледниковую эпоху, сплошной ледяной покровъ, надвинувшійся на нее съ сѣверо-запада, занималъ огромную вплощадь, приблизительно равную площади распространія валуновъ. На западѣ покровъ этотъ непрерывно сливался съ сѣверо-германскимъ, тогда какъ востокъ Россіи, большая часть Приуралья и вся южная Россія оставались совершенно свободными отъ льда. Поддонная морена всего этого могучаго ледяного покрова, быть можетъ, разбившагося на нѣсколько отдѣльныхъ потоковъ, въ мѣстахъ его происхожденія, т. е. въ Финляндіи, состоитъ изъ ледниковаго щебня и ледниковаго песка, представляющихъ собою угловатые, еще слабо обточенные обломки коренныхъ породъ ледниковаго ложа. вмѣстѣ съ опусканіемъ материковаго льда и переходомъ его въ область иныхъ минеральныхъ отложений, въ предѣлахъ Петербургской, Новгородской, Псковской и Прибалтійскихъ губерній, этотъ песокъ и щебень становится все болѣе глинистымъ и незамѣтно переходитъ въ нашъ обыкновенный бурокрасный валунный суглинокъ. Его неслоистость, отсутствіе сортировки матеріала по удѣльному вѣсу, полное смѣшеніе въ ней валуновъ различнаго происхожденія, существованіе на нихъ шрамовъ, царапинъ и полировки, измѣненіе состава этихъ валуновъ въ зависимости какъ отъ мѣстныхъ финляндскихъ породъ, такъ и отъ породъ, лежавшихъ на пути движенія ледника,—таковы несомнѣнныя доказательства ледниковаго происхожденія нашей валунной глины, противъ которыхъ до сихъ поръ еще не было приведено ни одного серьезнаго возраженія. Что же касается происхожденія нижняго, нерѣдко слоистаго, валуннаго песка, то оно сводится къ дѣятельности тѣхъ потоковъ, которые, образуясь подъ ледниками, вымывали нижнюю часть поддонной морены и затѣмъ отлагали весь этотъ матеріалъ нѣсколько впереди ледниковъ въ видѣ слоистыхъ отложений съ валунами. Благодаря тому, что потоки эти постоянно мѣняли свое русло, отложеніе слоистыхъ песковъ должно было происходить по всей пограничной полосѣ ледниковъ края, причемъ всѣ подобныя отложенія обязательно предшествовали движенію ледниковъ. При дальнѣйшемъ надвиганіи льда, поддонная морена налегала на эти пески, отчего они и залегаютъ теперь подъ типичнымъ валуннымъ суглинкомъ. Такъ какъ ледниковые потоки часто мѣняли свое направленіе, то понятно, что отложенные ими нижніе слоистые валунные пески и не могутъ имѣть сплошнаго распространія, что и наблюдается въ дѣйствительности. Дѣятельностью тѣхъ же ледниковыхъ потоковъ объясняется разность валуновъ по нѣсколько большей площади, чѣмъ та, которую занимаетъ у насъ собственно валунная глина; отсюда южная граница распространія этихъ валуновъ не можетъ совпадать, и на самомъ дѣлѣ не совпадаетъ, съ южною границей валунной глины, какъ мореннаго образованія. Наконецъ, верхній валунный песокъ, согласно ледни-

ковой гипотезѣ, долженъ былъ образоваться, какъ и покровный песокъ сѣверной Германіи, при отступленіи льдовъ. Слѣдуетъ себѣ представить, что ледяной покровъ на обширныхъ равнинахъ Германіи и Россіи началъ таять и отступать прежде всего по своей предѣльной южной линіи; но затѣмъ онъ, по всей вѣроятности, распался на множество ледяныхъ полей, раздѣленныхъ болѣе или менѣе значительными промежутками, уже освободившимися отъ льда. На этихъ-то ледяныхъ поляхъ, особенно въ мѣстахъ наибольшаго скопленія мелкихъ обломковъ и песка, какими всегда богата поверхность материковаго льда, и долженъ былъ образоваться верхній валунный песокъ, чѣмъ и объясняется какъ его неслоистость и постепенный переходъ въ валунную глину или суглинокъ, такъ и островное расположеніе, преимущественно въ холмистыхъ мѣстностяхъ.

Было ли въ Россіи одно оледенѣніе, или два, какъ въ Германіи, — это вопросъ открытый, и мы не имѣемъ еще достаточныхъ данныхъ для его обстоятельнаго разрѣшенія. Замѣчу, впрочемъ, что намеки на два оледенѣнія найдены у насъ пока только въ Привислянскомъ краѣ, и что для остальной Россіи скорѣе всего слѣдуетъ предположить одно оледенѣніе, такъ какъ второе оледенѣніе, остатки котораго и въ сѣверной Германіи распространены по сравнительно небольшой площади, представляло собой, по всей вѣроятности, чисто-мѣстное явленіе.

Таково, въ существенныхъ чертахъ, объясненіе происхожденія нашихъ валунныхъ отложеній, какое предлагаетъ ледниковая гипотеза, впервые примѣненная къ Россіи кн. А. А. Крапоткинѣмъ, а въ настоящее время разрабатываемая С. И. Никитинѣмъ, спеціальныя изслѣдованія котораго надъ ледниковыми образованиями Россіи представляютъ глубокій интересъ и значеніе. Гипотеза эта, получившая почти всеобщее признаніе со стороны геологовъ, съ изумительною ясностью объясняетъ всѣ тѣ многообразныя явленія, которыя совершенно не поддаются объясненію какимъ либо инымъ путемъ.

Итакъ, въ эпоху, непосредственно предшествовавшую современной и названную нами ледниковою, весь материкъ Европы, за исключеніемъ, быть можетъ, только самыхъ южныхъ частей его, былъ сильно оледененъ и, слѣдовательно, климатъ его былъ суровѣе, чѣмъ теперь. Между тѣмъ, изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ, основанныя на изученіи флоры древней Сиріи и Египта, несомнѣнно убѣждаютъ насъ, что въ самыя древнія времена человѣческой исторіи климатъ былъ такой же, какъ и въ настоящее время. Дѣйствительно, не подлежитъ ни малѣйшему спору, что выводъ этотъ совершенно справедливъ для періода, ограниченнаго 4000—5000 лѣтъ; но время господства низкой температуры, или ледниковая эпоха, не смотря на всю ея геологическую близость къ современной, отстоятъ отъ начала историческаго лѣтосчисленія не на десятки и сотни, а быть

можетъ—на тысячи вѣковъ. Слѣдовательно, нечего и удивляться, что историческія свидѣтельства въ этомъ случаѣ оказываются недостаточными. Но если мы не повѣримъ тому, что рассказали намъ камни, которые, конечно, несомнѣнно древнѣе, чѣмъ кирпичи Трои и Ниневіи, то у геолога есть и другія средства доказать справедливость его научныхъ выводовъ. Для этого онъ часто прибѣгаетъ къ тому же самому приему, какой былъ указанъ нами выше, т. е. къ сравненію органическаго міра современной и ледниковой эпохъ. Если сравненіе это покажетъ намъ присутствіе въ болѣе южныхъ частяхъ Европы, въ теченіе ледниковой эпохи, такихъ формъ животныхъ и растений, какія характеризуютъ болѣе суровый климатъ, то предположенное нами оледенѣніе европейскаго материка должно стать для насъ вполне достовѣрнымъ.

Остатки органической жизни прошлыхъ геологическихъ эпохъ залегаютъ обыкновенно въ пластахъ, отложившихся въ одно время съ ихъ существованіемъ и впослѣдствіи послужившихъ для нихъ вѣчной могилой. Слѣдовательно, и ископаемыхъ ледниковой эпохи должно искать въ отложеніяхъ, ей соотвѣтствующихъ. Отложенія эти, какъ мы знаемъ уже, суть слѣдующія: валунныя глины (суглинки), слоистые и неслоистые пески, межледниковыя отложенія и, кромѣ того, одновременныя съ этими отложеніями, озерныя, морскія и рѣчныя образованія тѣхъ мѣстностей Европы, на которыя не распространялось непосредственное дѣйствіе ледниковъ. Собственно валунныя глины мореннаго происхожденія, а также сопровождающіе ихъ пески, совершенно лишены ископаемыхъ. Оно и понятно—почему: массы материковаго льда исключаютъ почти всякую возможность органической жизни, которая если и проявлялась на нихъ, то въ формахъ, не оставившихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, благодаря всеразрушающему дѣйствію движущагося льда. Другое дѣло—межледниковыя и всякія иныя отложенія, указывающія или на отсутствіе, или на прекращеніе ледниковыхъ дѣйствій и, слѣдовательно, на возстановленіе условій, дѣлающихъ возможнымъ проявленіе органической жизни. Въ этихъ отложеніяхъ дѣйствительно находятъ массу ископаемыхъ, представляющихъ огромный интересъ по сравненію ихъ съ современными животными и растениями. Всѣ эти ископаемыя несомнѣнно убѣждаютъ насъ, что измѣненіе климата въ ледниковую эпоху наступило не вдругъ, а постепенно, и что въ эпоху, предшествовавшую этому измѣненію или до-ледниковую, на европейскомъ материкѣ господствовалъ климатъ, очень близкій къ настоящему.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи до-ледниковыя отложенія попадаются чрезвычайно рѣдко; какъ на особенно поучительную въ этомъ отношеніи мѣстность, укажу на с. Троицкое, лежащее въ 8 верстахъ отъ Москвы, на правомъ берегу р. Москвы, выше города. Приблизительно въ $\frac{1}{2}$ верствъ отъ этого села, внизъ по

теченію рѣки, отъ праваго края устья Серебрянаго оврага, открывающагося къ рѣкѣ, на самомъ берегу р. Москвы начинается обрывъ до 50 сажень длины и сажень 5 высоты. Порода, его составляющая, представляетъ сильно песчанистую слоистую глину, до такой степени проникнутую органическими веществами, что она напоминаетъ дурной сортъ минеральнаго угля, способна горѣть и издаетъ запахъ, сильно напоминающій запахъ высушеннаго озернаго ила, изъ котораго она несомнѣнно и произошла. Сверху этой глины лежитъ типичный ниже-валунный песокъ, богатый валунами различнаго вида. Изъ растительныхъ остатковъ, весьма многочисленныхъ, хотя и дурно сохранившихся, г. Никитинъ нашелъ здѣсь части растений, совершенно сходныхъ съ нынѣ растущими въ Московской губерніи, таковы: дубъ длинноцвѣтный, ольха сѣрая и ольха липкая, обыкновенная береза, орѣшникъ, клень чинаролистный и обыкновенная сосна. Животные остатки хотя и многочисленны здѣсь, но настолько дурно сохранились, что ближайшее опредѣленіе ихъ невозможно. Счастливое исключеніе представляетъ почти полный скелетъ мамонта, открытый въ этой же глинѣ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета, Рулье, и Возинскимъ. Скелетъ этотъ, по ихъ описанію, стоялъ вертикально, какъ бы погрязшимъ въ массу топкаго ила. Въ настоящее время онъ хранится въ зоологическомъ музеѣ Московскаго университета. Всѣ эти находки убѣдительно говорятъ о существованіи до-ледниковыхъ озерныхъ отложеній въ средней Россіи. Въ эпоху этихъ отложеній здѣсь существовалъ мамонтъ и флора, сильно напоминающая современную, причемъ климатъ былъ столь же умѣренный, какъ и въ настоящее время. Еще больше данныхъ для характеристики до-ледниковой эпохи можно привести изъ различныхъ мѣстностей западной Европы. Такъ, въ Англіи, въ графствѣ Норфолькѣ, встрѣчаются до-ледниковыя отложенія, содержащія, вмѣстѣ съ шишками сосны и ели, кости слоновъ, носороговъ, гиппопотама, свиньи, лошади, медвѣдя, волка, бизона, оленей, бобра, моржа и т. п. Въ сѣверной Швейцаріи открыты такія же до-ледниковыя отложенія, особенно богатыя остатками растений. Здѣсь, кромѣ нынѣшнихъ лиственницъ, тиса, березы и горнаго клена, были найдены еще многочисленные тростники, ситники, мхи и другія растенія. Млекопитающія, насѣкомыя и мягкотѣлыя, найденныя здѣсь, принадлежатъ также средне-европейскимъ видамъ, — короче сказать, во всѣхъ этихъ отложеніяхъ, непосредственно предшествовавшихъ ледниковымъ, и флора, и фауна обнаруживаютъ черты, соотвѣтствующія климату умѣренному или даже нѣсколько болѣе теплomu, чѣмъ теперешній климатъ средней Европы.

Если ко всѣмъ вышеуказаннымъ фактамъ прибавить еще и другія свидѣтельства сравнительно умѣреннаго климата до-ледниковой эпохи, то для насъ станетъ вполне очевиднымъ, что

оледенѣніе Европы произошло исподволь и постепенно. Климатъ понемногу становился все суровѣе и суровѣе, ледники постепенно увеличивались, флора и фауна стали испытывать значительныя перемѣны, часть формъ эмигрировала въ болѣе теплыя страны, на югъ, какъ напр. мамонтъ, а оставшіяся или вымирали, или продолжали существовать подъ защитою особо благоприятныхъ обстоятельствъ. На мѣсто формъ умѣреннаго пояса появились формы, соотвѣтствующія климату болѣе суровому, и даже полярныя. Наконѣць, мѣстами, особенно тамъ, гдѣ материковый ледъ залегъ сплошными участками, органическая жизнь окончательно прекратилась. Все это кореннымъ образомъ измѣнило общій характеръ европейской флоры и фауны, которыя въ концѣ концовъ и дали различныя ископаемыя формы, находимыя нами въ отложеніяхъ собственно ледниковой эпохи.

Слѣдуетъ заранѣе оговориться, что только виѣ предѣловъ валунныхъ отложеній, совершенно лишенныхъ ископаемыхъ, т. е. виѣ сферы непосредственнаго дѣйствія ледниковъ, стало быть—только на востокѣ и югѣ Россіи, находятъ ископаемыхъ въ отложеніяхъ, одновременныхъ съ ледниковыми. Западная Европа несравненно богаче въ этомъ отношеніи, такъ какъ дѣятельность ледниковъ была тамъ гораздо ограниченнѣе, слѣдовательно, и въ ледниковую эпоху здѣсь могли существовать достаточно разнообразныя условія, допускавшія сравнительно богатое развитіе органическихъ формъ. Что органическая жизнь не прекращалась совершенно на европейскомъ материкѣ въ ледниковую эпоху, это несомнѣнно слѣдуетъ изъ того, что какъ въ до-ледниковыхъ, такъ и въ послѣ-ледниковыхъ отложеніяхъ существовали приблизительно одинаковыя формы, отчасти вымершія теперь, отчасти существующія и до настоящихъ дней. Жизнь эта, конечно, не была ключемъ, а ютилась только въ укромныхъ мѣстахъ, куда не проникало мертвящее вліяніе сплошныхъ покрововъ материковаго льда.

Между такими ледниковыми животными особенно многочисленны млекопитающія. Изъ хищниковъ чаще другихъ, въ пещерахъ Франціи, Англіи, Моравіи, Германіи, Бельгіи, Италіи, южной Россіи и т. д., попадается пещерный медвѣдь, затѣмъ слѣдуютъ болѣе мелкіе хищники: росомаха, горностаѣй, куница, хорекъ, барсукъ, рѣчная выдра, волкъ, лисица и особая маленькая собака (*canis alpinus*), столь распространенная теперь въ Азіи. Отмѣтимъ еще пещерную гіену и пещернаго льва, послѣдними представителями котораго, быть можетъ, и были тѣ львы, которые, какъ гласятъ преданія, уже въ историческую эпоху водились въ Греціи и Македоніи. Рядомъ съ хищниками стоятъ копытныя, изъ которыхъ особенно многочисленны олени, напр. исполинскій олень,—громадное вымершее животное съ колоссальными рогами, затѣмъ лось, живущій теперь только на сѣверѣ, и сѣверный олень, распространенный въ ледниковую

эпоху почти по всей Европѣ. Въ Германіи, Франціи и Англии попадаются также многочисленные остатки мускуснаго быка, который въ настоящее время встрѣчается исключительно въ сѣверной Америкѣ, Гренландіи и по Гудзонову заливу. Изъ другихъ быковъ упомяну еще о бизонѣ или зубрѣ, который принадлежитъ теперь къ животнымъ вымирающимъ. Особенно любопытно было присутствіе среди этихъ животныхъ гиппопотамовъ и носороговъ. Самыя поучительныя находки остатковъ носорога, вмѣстѣ съ остатками мамонтовъ, были сдѣланы въ Сибири. Здѣсь, по берегамъ могучихъ сибирскихъ рѣкъ, Лены и Енисея, а также и въ другихъ частяхъ сѣвернаго побережья Сибири, въ слоѣ вѣчно мерзлой почвы или „мерзлотѣ“, были неоднократно находимы трупы этихъ животныхъ въ такой степени сохранности, что, казалось, они недавно были тутъ погребены. Последняя изъ такихъ находокъ была сдѣлана недалеко отъ устья Лены всего два-три года тому назадъ, причемъ здѣсь былъ найденъ почти цѣльный трупъ мамонта съ мясомъ, жиромъ, кожею и шерстью, которою, въ отличие отъ теперешнихъ слоновъ, были покрыты эти животныя. Собаки, дикіе хищники и птицы ѣли это мясо, какъ обыкновенную падаль. Такіе трупы въ Сибири вовсе не рѣдкость, на что указываетъ, между прочимъ, и общераспространенное между тамошними кочующими племенами повѣрье, по которому мамонтъ представляется то морскимъ звѣремъ, то чудовищною морскою крысою, тотчасъ же умирающею, какъ скоро она выходитъ на свѣтъ Божій,—повѣрье, существующее съ незапамятныхъ временъ и вошедшее даже въ китайскія лѣтописи, которыя дополняютъ его глубокомысленнымъ замѣчаніемъ, что великая загадка землетрясеній легко объясняется подземными движеніями этой громадной крысы. Изъ мелкихъ млекопитающихъ заслуживаютъ еще упоминанія: сурокъ, пищухи, альпійскій заяцъ, лемингъ (*Myades lemnus*) и форма, близкая къ нему (*M. torquatus*). Всѣ только что перечисленныя животныя въ настоящее время живутъ преимущественно на высокихъ горахъ или въ странахъ полярныхъ.

Если мы исключимъ теперь изъ числа этихъ ледниковыхъ формъ животныхъ вымершихъ, и остановимъ свое вниманіе только на нынѣ живущихъ, то по крайней мѣрѣ три четверти ихъ и теперь живетъ на равнинахъ и возвышенностяхъ умеренной и холодной Европы, остальные же, за немногими исключеніями, представляютъ собою полярныхъ и альпійскихъ животныхъ. Обращаясь затѣмъ къ вымершимъ формамъ, мы прежде всего исключимъ тѣ изъ нихъ, которыя безразличны въ рѣшеніи вопроса о климатѣ, послѣ чего останутся: мамонтъ, носорогъ и гиппопотамъ, современные представители которыхъ всѣ живутъ въ теплыхъ и даже жаркихъ странахъ. Но и въ этомъ случаѣ шерсть на кожѣ носорога и мамонта, а равно и другія обстоятельства достаточно удовлетворительно объясняютъ намъ ихъ

присутствіе въ семьѣ животныхъ ледниковой эпохи. Не забудемъ еще, что хотя бы чрезмѣрное развитіе ледниковъ, при достаточномъ количествѣ влажности, вовсе не исключаетъ близкаго сосѣдства съ ними мѣстностей умѣренно - теплыхъ и даже жаркихъ, какъ напр. въ Новой Зеландіи. Въ Гренландіи, подѣ 79° с. ш., средняя температура іюля достигаетъ +2,°5, а нѣсколько южнѣе—даже +7,°5. Такое близкое сосѣдство имѣетъ особенное значеніе въ объясненіи присутствія среди ледниковыхъ животныхъ гиппопотама, о наружныхъ покровахъ котораго мы ничего не знаемъ. Даже присутствіе гіенъ со львами нисколько не измѣняетъ общаго характера ледниковой фауны млекопитающихъ, такъ какъ извѣстно, что теперешніе тигры, хотя и живущіе по преимуществу въ теплыхъ странахъ Азіи, нерѣдко заходятъ на Амуръ и далѣе на сѣверъ.

Всѣ вышеизложенные факты, а также изученіе формъ, населявшихъ европейскія моря ледниковой эпохи, и ея флоры, вполне убѣдительно говорятъ намъ, что въ Европѣ во время образованія валунныхъ отложеній господствовалъ сравнительно суровый климатъ, значительно способствовавшій развитію ледниковъ, но вовсе не столь гибельный, чтобы окончательно прекратить органическую жизнь на этомъ материкѣ.

Говоря о ледниковыхъ явленіяхъ, я все время имѣлъ въ виду одинъ только европейскій материкъ. Теперь же замѣчу, что слѣды ледниковыхъ дѣйствій, а слѣдовательно и ледниковой эпохи, открыты во многихъ странахъ какъ сѣвернаго, такъ и южнаго полушарія. Характеръ ихъ повсюду одинъ и тотъ же; но представляютъ ли они одновременныя явленія, вызванныя дѣйствіемъ какихъ-либо общихъ космическихъ причинъ, или же явленія, не совпадающія по времени, а слѣдовательно и вызванныя причинами мѣстными,—все это вопросы открытые, хотя нѣкоторыя обстоятельства и заставляютъ предположить скорѣе послѣднее. Въ высшей степени поучителенъ въ этомъ отношеніи фактъ отсутствія ледниковыхъ образованій на западномъ склонѣ Урала или, по крайней мѣрѣ, развитія ихъ только въ сѣверныхъ частяхъ этого хребта. Несоотвѣтственно мало также развитіе ледниковъ на высокихъ скалистыхъ горахъ Сѣв. Америки сравнительно съ могучими ледниковыми образованіями ея болѣе низкой восточной половины. Всѣ эти данныя скорѣе говорятъ за вліяніе мѣстныхъ, не космическихъ причинъ на пониженіе температуры нѣкоторыхъ областей сѣвернаго полушарія втеченіи ледниковой эпохи.

Запросы любопытствующаго ума требуютъ теперь войти въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ причинъ, по крайней мѣрѣ—тѣхъ, которыя вызвали несомнѣнное оледенѣніе Европы. Оставляя въ сторонѣ астрономическія гипотезы Кролля, Сарторіуса, Кальтергаузена, Бландета и др. и въ то же время оставаясь въ тѣсномъ кругу предположеннаго нами вліянія чисто мѣстныхъ

причинъ, поищемъ ихъ въ-той же геологической обстановкѣ, изъ которой мы до сихъ поръ не выходили и которая ни разу еще не вывела насъ на ложную дорогу. Здѣсь прежде всего мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что теплое океанское теченіе, идущее къ берегамъ Европы изъ Мексиканскаго залива, теченіе, извѣстное подъ именемъ Гольфстрема, въ теперешнемъ его направленіи—сравнительно недавняго происхожденія. Если же было время, когда этого теченія совсѣмъ не существовало или оно имѣло иное направленіе, то одно отсутствіе его должно было сильно повліять на климатъ западной Европы, который, какъ извѣстно, значительно смягчается теперь именно этимъ теченіемъ. Затѣмъ, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказывается, что Сахара въ ледниковую эпоху была въ довольно значительной своей части хорошо орошена, а мѣстами даже покрыта моремъ, слѣды недавняго пребыванія котораго на югъ отъ Турціи чрезвычайно многочисленны. Разумѣется, и это обстоятельство должно было сильно способствовать пониженію температуры какъ южной, такъ и средней Европы. Если мы теперь представимъ себѣ на мѣсто палимой зноемъ Сахары хорошо орошенную страну и даже море, поглощающее теплоту, вмѣсто сухихъ и горячихъ континентальныхъ вѣтровъ съ юга—вѣтры морскіе, влажные и прохладные, приносящіе обильные осадки на Альпы, вмѣсто того, чтобы расплавлять ихъ ледники и ледниковыя поля, и, наконецъ, отсутствіе Гольфстрема, то мы получимъ такую наличность причинъ, которыхъ уже вполне достаточно, чтобы замѣтно понизить среднюю годовую температуру нашего материка, отличающагося теперь сравнительно умѣреннымъ климатомъ. Всѣ эти обстоятельства дѣйствительно могли имѣть мѣсто какъ при началѣ, такъ и во все продолженіе ледниковой эпохи, и совмѣстнымъ вліяніемъ ихъ вполне удовлетворительно объясняется необходимость ея наступленія для Европы.

Теперь мы стоимъ уже при концѣ нашего пути. Предъ нами въ утомительномъ однообразіи прошли многочисленные факты, несомнѣнно свидѣтельствующіе о господствѣ на поверхности земли иного порядка вещей, имѣвшаго мѣсто въ эпоху, которую мы назвали ледниковой. Остается только ближе опредѣлить ее относительно настоящаго времени. Я неоднократно называлъ ее „непосредственно предшествующею современной“, но у насъ есть и другое указаніе на ея относительную недавность: въ ледниковую эпоху Европа была уже обитаема человекомъ, который, по свидѣтельству геологіи, принадлежитъ къ сравнительно позднѣйшимъ поселенцамъ земли. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, но скажу только, что остатки этого доисторическаго или, лучше сказать, ледниковаго человѣка и многочисленны, и несомнѣнны. Слѣдовательно, та эпоха, въ теченіе которой существовали уже наши родичи, не можетъ

быть особенно отдаленною отъ современной, хотя все-таки—повторяю—время, протекшее съ тѣхъ поръ, слѣдуетъ считать не десятками и сотнями, а тысячами вѣковъ.

Такимъ образомъ, возвращаясь въ ближайшее геологическое прошлое, мы, минуя предѣлы исторіи, послѣдовательно переходимъ черезъ сотни вѣковъ и неизбѣжно попадаемъ въ обстановку, соотвѣтствующую обстоятельствамъ, сопровождавшимъ образованіе валунныхъ отложений. На этомъ долгомъ пути нѣтъ ни одного перерыва, картины его медленно замѣняютъ одна другую, и только тамъ, въ далекомъ прошломъ, на рубежѣ современной геологической эпохи, характеризующейся наличнымъ порядкомъ вещей, мы начинаемъ уже замѣчать значительную разницу сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли при началѣ пути. На мѣсто цвѣтущихъ луговъ и зеленѣющихъ горъ передъ нами унылый пейзажъ далекаго сѣвера. Безбрежныя ледяныя поля застилаютъ почти половину Европы. Съ горъ ползутъ ледники. Угрюмыя равнины Россіи окутаны въ плотный ледяной саванъ, искращійся милліонами огней подъ лучами негрѣющаго солнца. Нѣтъ разницы между лѣтомъ и зимою. Всюду снѣгъ и ледъ, ледъ и снѣгъ безъ конца. Мертво кругомъ. Тамъ и сямъ виднѣется корявая поросль или сѣровагый лишай; изрѣдка пробѣжить трусливый звѣрекъ и своимъ унылымъ крикомъ на минуту оживитъ могильное безмолвіе ледяной пустыни, разстилающейся отъ береговъ Ледовитаго океана до южныхъ склоновъ Альпъ и отъ западныхъ окраинъ Европы до побережій Волги. Только по южному краю ея, гдѣ снѣгъ и ледъ ведутъ неустанную борьбу съ лучами живительнаго солнца за каждую пядь земли, несмѣло ютятся органическая жизнь, проявляющаяся въ сравнительно разнообразныхъ формахъ. Но мертвящее дыханіе ледниковъ все дальше и дальше гонитъ ее къ югу, пока, наконецъ, не наступаетъ переломъ событій и порядокъ явленій измѣняется въ обратный. Столь-же медленно и постепенно наступаетъ реставрація современной Европы. Климатъ смягчается, сплошной ледяной покровъ сначала распадается на отдѣльныя поля, а затѣмъ окончательно исчезаетъ. Полярныя формы животныхъ и растений уходятъ или къ сѣверу, или на вершины горъ, чѣмъ объясняется теперешнее сходство альпійскихъ формъ съ полярными, а на ихъ мѣсто появляются многочисленные пришельцы изъ другихъ, болѣе счастливыхъ странъ, избѣжавшихъ непосредственнаго дѣйствія ледниковъ; составъ флоры и фауны измѣняется, все болѣе и болѣе приближаясь къ современному. Мало-по-малу устанавливаются наличныя физическія отношенія, и Европа окончательно слагается въ тѣхъ особенностяхъ, въ какихъ ее застаютъ уже исторія человѣчества.

В. Д. Соколовъ.

MEA CULPA! *)

(ПАМЯТИ ПОЭТА).

Умерла моя муза! недолго она
Озаряла мои одинокие дни:
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..

. . . . . страна моя родная,
. . . . .
. . . . . твой пѣсъ сторожевой,—
Я бѣ жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!

С. Я. Надсонъ.

Грезится часто въ бессонныя ночи
Мнѣ этотъ образъ страдальческій, блѣдный,
Но озаряетъ прекрасныя очи
Пламя идеи побѣдной!
Женственно-котокъ, отзывчивъ душою,
Все-жъ не бѣжалъ онъ позорно отъ битвы—
Въ дни, когда трусые подъ дикою грозою
Съ ужасомъ шепчутъ молитвы:
Нѣтъ, въ его слабомъ, болѣзненномъ тѣлѣ
Столько таилось могучаго чувства,
И убѣжденья аккорды гремѣли
Въ звучныхъ созданьяхъ искусства!..

---

*) Въ особомъ письмѣ на имя редакціи, присланномъ вмѣстѣ съ этимъ стихотвореніемъ, г. Бердяевъ говоритъ: „Редакція „Дѣла“ пойметъ, подъ ка-кимъ впечатлѣніемъ было написано прилагаемое стихотвореніе. Я надѣюсь, что мнѣ не будетъ отказано въ возможности хотя отчасти реабилитировать себя передъ памятью покойнаго Надсона. Я согласенъ на помѣщеніе этихъ стиховъ безъ всякой подписи, лишь-бы совѣсть моя могла нѣсколько успокоиться“. Мы охотно исполняемъ желаніе г. Бердяева и не видимъ для себя никакихъ основаній пропускать его подпись подъ этимъ стихотвореніемъ.

Ред.

Передъ безстыдно-ликующей ложью
 Не содрогалось сердце поэта:
 Поднялъ, во тьмѣ, онъ за истину Божью
     Знамя нетлѣнное свѣта;
 Жертвовалъ ближнимъ послѣднюю кровью,
 Хоть самому угрожала могила,—
 Въ мѣрѣ жъ, гдѣ шель онъ, объятый любовью,
     Ненависть властно царила...
 Въ душу его проникала бальзамомъ
 Каждая скромная радость народа,
 Но волновался онъ гнѣвомъ и срамомъ,
     Если страдала свобода...
 Понялъ онъ вѣрно свое поколѣнье,—
 Былъ его чуткимъ и смѣлымъ пророкомъ,
 То воспѣвая тоску и сомнѣнье,
     То возмущаясь порокомъ...
 Весь поддаюсь я раскаянья игу:
 Не отрывая печальнаго взгляда,
 Жадно читаю чудесную книгу
     Въ часъ рокового разлада:
 Рѣчи поэта звучать вдохновеньемъ,
 Полныя мысли и красокъ волшебныхъ,—
 Этимъ благимъ и высокимъ стремленьямъ
     Гимновъ не надо хвалебныхъ!
 Я, въ умиленьи, чарующій голосъ
 Слышу, невольныя слезы роняя:
 Много ль героевъ такъ стойко боролось
     Ради несчастнаго края?
 Вижу я царство далекаго юга,
 Въ зимнюю пору цвѣтуція розы,—
 Матушка-Русь тамъ лишилася друга:
     Блекнуть всѣ лучшія грѣзы!
 Вотъ онъ лежитъ, недвижимый, безмолвный,
 Въ мирныхъ объятіяхъ смертнаго ложа:
 Тихо журчатъ черноморскія волны,
     Вѣчнаго сна не тревожа...
 Солнце за темными тучами скрылось,
 Будто-бы жалко гѣвца ему стало,
 Будто-бы въ трауръ оно облачилось
     Здѣсь—по жрецѣ идеала:

Близкіе горько рыдають у гроба
 Этой угасшей безвременно жизни,—
 Прочь отлетѣли тутъ зависть и злоба:
     Нѣтъ для нихъ мѣста въ отчизнѣ!
 А молодежь вся слилась воедино
 У дорогой и завѣтной могилы
 Родины нашей достойнаго сына—
     Не покорившейся силы...
 Вдругъ вспоминается мелкая ссора,
 Чуждая смысла и цѣли, межъ нами:
 Нынѣ стыжусь я ея, какъ позора,—
     Рабъ, удрученный страстями...
 Умеръ онъ! путь мнѣ закрыть къ примиренью:
 Каяться поздно—нѣтъ больше возврата,—
 Стыдно теперь передъ славною тѣнью
     Честнаго мертваго брата!

Сергій Бердлевъ.

Январь, 1887 г.
 Кіевъ.

ЗА ГРОЗОЙ—ВЕДРО.

(Картинки изъ жизни почтоваго тракта).

Темносинее ночное небо только-что начинало блѣднѣть, и звѣздочки гасли одна за другой. Глубокая тишина царила въ лѣсу—тишина предразсвѣтная. Лѣсъ еще спалъ.

Первыми проснулись высокія сосны. Легкій утренній вѣтерокъ разбудилъ ихъ. Всколыхнулись кудрявыя вершины зеленыхъ исполиновъ, закачались раскидистыя вѣтви, поздоровались другъ съ другомъ, и шумъ—таинственный, какъ сказка, музыкальный, какъ пѣсня,—лѣсной шумъ пронесся по всему необъятному пространству вѣкового, дремучаго бора. Гдѣ-то упала съ вершины сухая сосновая шишка, гулко стукнулась о корень и, отскочивъ, уткнулась въ засыпанный хвоей мохъ. Потомъ гдѣ-то застучалъ дятель; въ придорожныхъ кустахъ орѣшника чирикнулъ воробей; изъ-подъ заросшей травой песчаной кочки выбѣжала сѣрая ящерица, поюлила, повертѣлась во всѣ стороны и опять скрылась.

А гдѣ-то, далеко-далеко за боромъ, проснулось, должно быть, уже и солнце. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и по блѣдно-голубому небу побѣжали маленькія, розоватыя облачка. Еще нѣсколько минутъ—и яркіе, теплые лучи скользнули по верхушкамъ деревьевъ, пробились между вѣтвями и, наконецъ, золотистой лентой раскинулись по сыпучему песку почтовой дороги, тянувшейся черезъ боръ съ востока на западъ. Холодная роса, серебрянымъ кружевомъ лежавшая на тощей придорожной травкѣ, заиграла разноцвѣтными огнями и, капля за каплей, покатила съ зеленыхъ листьевъ на песокъ.

А тамъ, у опушки бора, просыпалось лѣсное озеро, проспалась деревня.

Легкой дымкой стлался надъ озеромъ парь, переходившій въ туманъ тамъ, гдѣ озеро, сливаясь съ лѣсомъ, переходило въ лѣсное болото. Дымка надъ озеромъ становилась все меньше, все прозрачнѣе, туманъ убѣгалъ по болоту въ лѣсную глушь, и только то тутъ, то тамъ еще высывался бѣлыми языками изъ-за деревьевъ. Вѣтерокъ слегка зарябилъ воду, зашуршалъ высокимъ камышемъ, разросшимся, какъ бахрома, по берегамъ озера. Плеснулась рыбка. Тихонько гогоча, подкралось къ озеру нѣсколько гусей; осторожно одинъ за другимъ спустились они съ берега и поплыли, то опуская въ воду головы, то снова высывая ихъ на воздухъ и вытягивая кверху длинныя шеи.

Въ деревнѣ давно горланили на всѣ лады неугомонныя пѣтухи. Гдѣ-то скрипнула калитка. Кой-гдѣ изъ трубъ показался дымокъ. Стали появляться изъ воротъ мужики и бабы, отнимались шесты, которыми на ночь были приперты ставни, открывались окна.

— Танюшка! куды ты къ лѣшему коромысло сунула? раздается гдѣ-то на дворѣ рѣзкій, нѣсколько гнусавый голосъ.

Скрипять ворота и калитки, то тутъ, то тамъ прыгаютъ чрезъ подворотню на улицу гдѣ корова, гдѣ телка, гдѣ овцы съ ягнятами, и бѣгутъ, скучиваясь и поднимая пыль. Въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ пахнетъ парнымъ молокомъ. Мычанье, блеянье несутся со всѣхъ сторонъ. Изрѣдка слышится однообразное тьяканье дворняжки. Вонъ, откуда-то выскочила свинья и, завернувъ колечкомъ хвостикъ, мелкой рысцой бѣжитъ по улицѣ, жалобно визжа и хрюкая, точно ее, беззащитную, кто-нибудь тяжко, горько обидѣлъ. Тяжелыя утки, окруженныя желтенькими утятами, выползли изо всѣхъ дворовъ и, переваливаясь, тоже куда-то торопятся. Гуси, важно выступая и шипя, идутъ, оглядываясь во всѣ стороны. Нѣсколько босоногихъ мальчишекъ съ нечесанными, непокрытыми головами, верхомъ на мохнатыхъ, невзрачныхъ лошаденкахъ, держась, за отсутствіемъ у коней узды, за гривы, смѣясь и покрикивая, промчались по деревнѣ. Все спѣшить къ водою, къ озеру. Туда же прошли бабы и дѣвки съ ведрами на коромыслахъ. Изъ однихъ воротъ выѣхала телѣга, запряженная маленькой пѣгонькой лошадкой; въ телѣгѣ, на туго набитомъ мѣшкѣ, сидитъ мужикъ.

— Куды, Пахомъ? какъ-то вяло спрашиваетъ мужика изъ желта-сѣдая голова, беззаботно-равнодушно выглядывающая изъ окна сосѣдней избы.

— Въ село, на мельницу, Митрей Яковличъ. Тебѣ чего тамо-тка не надо ли?

— Нѣту-ка. Часъ добрый.

— Спасибо. Будь здоровъ.

И телѣга застучала по улицѣ, исчезая въ пыли.

Отовсюду показываются изъ воротъ лошади, запряженные въ повернутыя раломъ кверху сохи, и направляются пахарями сперва къ озеру—напиться, а потомъ назадъ, чрезъ деревню, въ поле.

Проснулся и цѣловальникъ, Иванъ Петровичъ, отперъ двери своего новенькаго домика, вышелъ на крылечко и посмотрѣлъ вокругъ. Потомъ неторопливо спустился по ступенькамъ, отворилъ ставни, поправилъ по дорогѣ привязанную къ крыльцу елочку, откатилъ въ сторону стоявшую слишкомъ близко у входа на крыльцо порожнюю бочку изъ-подъ водки, снова поднялся по ступенькамъ, опять посмотрѣлъ кругомъ на просыпающуюся деревню, потянулся, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и вернулся въ свои горенки. Черезъ минуту его сытая фигура съ самодовольно-добродушнымъ лицомъ показалась въ растворившемся окнѣ „питейнаго“, и чья-то услужливая рука, высунувшись изъ за его спины, поставила передъ нимъ на подоконникѣ стаканъ горячаго чаю.

Проснулась и почтовая станція. На почтовомъ дворѣ кто-то уронилъ дугу, и звякнулъ колокольчикъ. Слышно, какъ Василій Васильичъ, содержатель станціи—онъ же и смотритель—ругаетъ своимъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ заспавшихся ямщиковъ и посылаетъ ихъ поить лошадей. Отворились ворота станціи, и изъ нихъ показались ямщики съ лошадьми.

Впереди идетъ Илья—Илью кто не знаетъ: весь трактъ, въ обѣ стороны на сто верстъ, знаетъ Илью. Лихой ямщикъ. Вонъ онъ шагаетъ—не замай его! Красавецъ парень. Въ кудри выются русые волосы, вьется русая борода, на щекахъ сквозь загаръ пробивается румянецъ, голубые глаза на все свысока глядятъ. Илья босикомъ, а на головѣ у него ямщицкая зимняя шапка съ мѣдной почтовой бляхой; у старыхъ плисовыхъ шароваръ наложены на колѣняхъ суконныя заплаты; новая кумачная рубаха засалена и запачкана въ дегтѣ; на плечи накинутъ старенькій, рваный полушубокъ.

За Ильей идетъ его тройка: впереди гнѣдко, за гнѣдкомъ сивка и бурка. Илья не ведетъ коней въ поводу—онъ только предводительствуетъ ими. Если сивка или бурка вздумаютъ су-

нуться впередъ, гнѣдко сейчасъ-же оскалить зубы и цапнетъ выскочку за шею: знай свое мѣсто! Красивый конь гнѣдко, ко-ренникъ, и пользуется особеннымъ расположеніемъ Ильи. Гнѣдко любить бурку, а къ сивкѣ относится съ видимымъ пренебреже-ніемъ, порой съ недоброжелательствомъ. Съ буркой гнѣдко уже пять лѣтъ вмѣстѣ бѣгаютъ, съ перваго-же дня подружились, а сивку Илья купилъ всего два года тому назадъ, и хотя новый товарищъ и скакалъ исправно, и постромки натягивалъ туго, и права былъ дружелюбнаго, а только не полюбился онъ гнѣдку— не къ масти. И самъ Илья, когда покупалъ сивку, подумывалъ, что онъ въ тройкѣ пестрить будетъ; да продавецъ подзадорилъ его словами, что и въ сказкѣ-де говорится: „сивка-бурка, вѣ-щяя коурка“—значить, какъ есть къ масти. А послѣ конь-то оказался добрый, и гнѣдко не любилъ его совсѣмъ зря.

Проходя мимо „питейнаго“ и завидѣвъ сидящаго у окна за чаепитіемъ пѣловальника, Илья снимаетъ шапку и, ухарски махнувъ ей въ воздухъ, кричитъ привѣтствіе:

— Иванъ-Петровичу! чай да сахаръ!

Въ голосѣ слышится панибратская нотка: видно, что пріятели.

— Здорово, Илюша! Поить повели? спрашиваетъ Иванъ Петровичъ, хотя каждое утро видитъ, какъ проводятъ лошадей мимо его оконъ къ водопою.

— Поить,—неизмѣнно, Богъ знаетъ въ который разъ отвѣ-чаетъ Илья и продолжаетъ путь.

За Ильей, ведя въ поводу четверку разномастныхъ лошадей, идетъ Сережка, тоже ухарь-парень, изъ безсрочно-отпускныхъ; а за нимъ ведетъ еще тройку молчаливый, угрюмый на видъ старикъ, дядя Иванъ.

— Тетка Аграфена! а тетка Аграфена! ты что, али улицу поливать подрядилась? кричить, смѣясь, Илья идущей на встрѣчу бабѣ.

Тетка Аграфена, тщедушная бабенка лѣтъ сорока, но на видъ гораздо старше, несетъ на коромыслѣ чрезъ плечо желѣз-ныя ведра съ водой; одно изъ ведеръ проржавѣло, и вода, струясь изъ него, оставляетъ слѣдъ на пути, пройденномъ тет-кой Аграфеной.

— Чего зубы-то скалишь! съ напускной сердитостью отвѣ-чаетъ баба.—Твое дѣло охальничать только. А нѣтъ, чтобъ сказать: тетка Аграфена! дай-ко ведерко-то—въ село починить свезу. На это васъ нѣтъ. Охальники...

— Тетка Аграфена! дай, ведро въ село починить сvezу, — передразниваетъ ее Илья, — ну, ну, не сердчай; тащи ужь твое ведро на станцію: такъ и быть, ужь уважу — сvezу, — кричить онъ ей, уходя впередъ.

Подойдя къ водопою, кони фыркають. Потомъ спускаются въ воду, одни — по колѣно, другіе — по брюхо. Столпившіеся у берега гуси гогочутъ и даютъ имъ дорогу.

Гнѣдко попилъ воды, выпелъ на берегъ, выбралъ мягкую, зеленую лужайку, повалился на спину и давай ногами по воздуху дрыгать. Повалился, всталъ, отряхнулся лошадиной нервной дрожью, щипнулъ травки и опять подходитъ къ водѣ.

— Ю-бю-бю-бю-ю, — посвистываетъ Илья, этимъ звукомъ приглашая гнѣдка попить еще, но гнѣдко стоитъ въ раздумьѣ. Онъ протягиваетъ морду къ водѣ — она уже мутна отъ множества побывавшихъ здѣсь лошадиныхъ и коровьихъ ногъ, и онъ идетъ дальше, въ сторону, отыскивая чистое мѣстечко. Потянувъ тамъ еще раза два воды, гнѣдко выходитъ на берегъ, подходитъ къ Ильѣ, и тогда вся тройка, съ Ильей во главѣ, направляется въ обратный путь, догоняя Ивана и Серезку, уже отпоившихъ своихъ коней и ушедшихъ впередъ.

Мало-по-малу утренній шумъ затихаетъ. Скотину угнали въ поле, гуси и утки уплыли въ камыши, мужики разбрелись по полямъ пахать подъ озимое, бабы принесли воды и занялись стряпней и домашней работой. Только ребятишки играютъ кучками то тутъ, то тамъ у воротъ, да мошки, какъ тучи, кружатся мѣстами около озера и тянутъ свою хоровую пѣсню.

А изъ-за бора уже поднимается горячее солнце, обѣщая знойный день.

Ямщики задали лошадямъ корму, убрали навозъ изъ конюшни и, собравшись въ избѣ, усѣлись закусывать и пить чай.

Послѣ чаепитія Василій Васильичъ послалъ Серезку въ поле за сѣномъ, а дядя Иванъ притащилъ въ ямскую избу старый хомутъ, досталъ съ полки ящичекъ съ гвоздиками, молоточкомъ, шильцемъ и прочими принадлежностями шорнаго мастерства, досталъ трубку и кисеть съ табакомъ, закурилъ и молча принялся за починку оторвавшагося гуза. Илья выпелъ на крыльцо станція, свернулъ себѣ изъ бумажки папиросу, сѣлъ на ступеньку и началъ дымить, поплеывая сквозъ зубы. Теперь Илья въ высокихъ сапогахъ, безъ полушубка, а вмѣсто

шапки на головѣ его надѣта на бекрень и немного на затылокъ ямщицкая шляпа съ бляхой.

Сережка и дядя Иванъ служатъ у содержателя станціи работниками и ѣздятъ на хозяйскихъ лошадахъ, а Илья ѣздитъ отъ него-же, но на своихъ лошадахъ и за прогоны только копѣйкой дешевле казенныхъ, и платитъ содержателю, по условію, и за кормъ для своихъ коней, и за свои харчи. Содержатель станціи—человѣкъ небогатый, лошадей у него всего тройка да двѣ пары, а разгону временемъ бываетъ много; поэтому онъ и взялъ къ себѣ Илью, и Илья уже третій годъ живетъ теперь у него, какъ жилъ прежде точно такимъ-же образомъ на другихъ станціяхъ по тракту.

Ильѣ тридцатый годъ, но онъ до сихъ поръ еще не женатъ, хотя давно къ нему деревенскія свахи забѣгаютъ. Прежде онъ жилъ въ этой деревнѣ вдвоемъ съ матерью, занимался хлѣбопашествомъ, а зимой иногда извозомъ. Потомъ мать умерла, Ильѣ одному хозяйничать стало несподручно. Продавъ онъ свою избенку, коровенку и весь домашній скарбъ; передалъ земельный надѣлъ; вымѣнялъ у проѣзжаго татарина своего прежняго рабочаго коня на гнѣдка, давъ семьдесятъ рублей придачи, купилъ еще коня-бурку да легкую телѣжку съ плетенымъ коробомъ и пустился ямщичать. Сначала онъ поселился въ ближайшемъ селѣ, откуда ѣздилъ и за прогоны, и „на долгихъ“, и „помѣсячно“. Потомъ его потянуло къ перемѣнѣ, и онъ два года ѣздилъ по всему тракту, живя то на одной станціи, то на другой, пока, наконецъ, не поселился опять въ своей родной деревнѣ у Василя Васильича.

Тройка у Ильи стоила хозяина. Другіе ямщики восемь, десять, много что одиннадцать верстъ въ часъ выѣзжаютъ. Съ плохимъ сѣдокомъ и Илья ѣдетъ десять верстъ въ часъ; но съ „хорошими господами“, кто „на водку“ не жалѣетъ, гонитъ Илья въ часъ верстъ четырнадцать, пятнадцать, а зимой, по хорошей дорогѣ, и всѣ семнадцать. Чудеса выдѣлываютъ его кони, когда разойдутся да услышать знакомый посвистъ. Иной разъ такъ подхватитъ лихая тройка, что колокольчики подъ дугой замолкаютъ: желѣзные язычки прильнуть къ звонкой мѣди, словно струсятъ, боязливо прижмутся къ стѣнкамъ колокольчика—и не шевелятся; и только изрѣдка чуть слышно звякнетъ который-нибудь изъ двухъ и опять точно прилипнетъ къ стѣнкѣ.

А ужъ и колокольчики же у Ильи!—звонкіе-звонкіе, сереб-

ристые и въ ладъ подобраны. Какъ пойдетъ гнѣдко, послѣ здоровой гонки, шагомъ, съ перевалочкой, дуга потихоньку покачивается—слушать надо, не наслушаешься, какъ эти колокольчики другъ передъ дружкой стараются—поютъ точно: гнѣдко только ушами потряхиваетъ. И далеко слышно ихъ по лѣсу, слышно, что Илья коньямъ роздыхъ даетъ.

— Милыя! лошадушки! голуби!—крикнетъ Илья и свистнетъ, подбирая распущенныя возжи.

Затрещатъ туго натянутыя построики, крупной рысью зашагаетъ гнѣдко, и только пыль столбомъ взвѣется по дорогѣ.

— Гнядко! грабать!—крикнетъ Илья, чтобъ потѣшить свою душеньку.

Гнѣдко, небось, не выдастъ.

Проѣзжающіе любятъ Илью—самый скупой не дастъ ему меньше пятиалтыннаго на водку. Но по тракту проѣзжаютъ иногда молодые помѣщики, богатые купчики, прикащики, и Илья не разъ получалъ на водку не только рублевки, но и трешницы. Однажды какой-то купчикъ везъ цѣлый мѣшокъ мелкой серебряной монеты. Илья „разуважилъ“ „его милость“, и купчикъ отсчиталъ ему на водку тридцать два новенькихъ гривенничка—по гривеннику на каждую версту станціоннаго перегона: а и прогоны то за тройку платились по девяти копѣекъ съ версты.

Столько перепадало Ильѣ пальныхъ денегъ, что могъ бы онъ давно копѣчку скопить и, пожалуй, и самъ станцію снять, да деньги какъ-то не держались у него—всѣ уходили по назначенію: на водку. Еще въ началѣ, когда вольное ямщицкое житье не совсѣмъ его избаловало, сколотилъ онъ пятидесятирублевую серію, собственноручно зашилъ ее въ свои—тогда еще новые—плисовые штаны и на этомъ успокоился: копить, казалось, больше не стоило. И не то, чтобы Илья былъ пьяница—нѣтъ, его мало кто видѣлъ пьянымъ; а любилъ онъ угощать компанію, любилъ, чтобъ его уважали. Вся деревня—всѣ ему други-пріятели. Придетъ Илья въ питейный, присутствующіе придерутся къ случаю, что онъ отъ проѣзжающаго много на водку получилъ, и вызовутъ его на угощеніе. А Илья никогда не откажетъ—почитай, все, что получить, все и проугощаетъ. Только двугривенные и полтинники и остаются еще иногда у Ильи въ карманѣ, а рублевки почти всегда полностью поступаютъ къ Ивану Петровичу. И „мірскіе“ любители выпивки ужъ всегда знаютъ, съ кѣмъ поѣхалъ Илья, рассчиты-

вають, сколько онъ на водку получить, и ко времени его возвращенія заблаговременно соберутся въ кабакъ.

— Ахъ, Илья, Илья!—скажеть ему иногда много извѣдавшій въ жизни Василій Васильичъ,—охота тебѣ зря деньги этимъ пропойцамъ пропаявать. Копилъ бы себѣ лучше.

— А мнѣ что больно беречь-то,—небрежно-развязно отвѣтитъ Илья:—кабы у меня баба была, ребята—ну, нешто.

— Да вѣдь еще женишься же, чай.

— Ну, тогда и беречь будемъ. А теперь мнѣ некуда. Коней я, самъ знаешь, кормлю вволю; опять же, сбрую ежели поправить, тоже это—денегъ не жалѣю. Надыть было третью лошадь прикупить—накопилъ: за сивку, вона-ка, тоже шестьдесятъ цѣлковыхъ отдалъ... А почему же и мѣръ не угостить?.. Мѣръ всегда уважать надо.

И въ кабакъ Илья проповѣдывалъ ту-же философію и, разумѣется, всѣ слушатели были его послѣдователями и еще добавляли къ этому, что Ильѣ и жениться совсѣмъ не слѣдуетъ, потому что „супротивъ его жизни—дай Богъ всякому. А что ему съ женой-то да съ ребятишками путаться: только одни хлопоты—маета одна.“

Ходили слухи, что у Ильи были кой-какія любовныя похождения и въ своей деревнѣ, и въ селѣ, и на почтовой станціи въ другой деревнѣ, и даже въ помѣщичьей усадьбѣ, въ сторону отъ тракта, куда Илья частенько возилъ тамошняго барина.

Да и' немудрено. Красавецъ и удалецъ, Илья любилъ угощать не только пріятелей водкой, но и дѣвушекъ сластями. Изъ села никогда не пріѣзжалъ онъ домой безъ угощенія. Лѣтомъ въ хороводъ, зимой на вечерки никогда не являлся онъ съ пустыми руками. А если заѣдетъ въ деревню офеня, да у Ильи деньги есть—непремѣнно онъ кому-нибудь либо платокъ, либо бусы купить. Но самъ онъ наряжаться не любилъ.

— Знають попа и въ рогожкѣ, — съ важностью говорилъ обыкновенно Илья, когда кто-нибудь изъ дѣвушекъ шута посмѣется надъ его заплатанными штанами или грязной рубахой.

Илья былъ довольно равнодушенъ ко всѣмъ своимъ возлюбленнымъ. Безпечно относился онъ къ жизни вообще, а тѣмъ болѣе былъ безпеченъ въ отношеніи любви. Немало дѣвушекъ изъ хорошихъ крестьянскихъ семей тайно изнывали по Ильѣ, многія были бы не прочь выйти за него замужъ; ни одна семья не отказалась бы принять Илью въ домъ, хотя всѣ и

называли его мотушкой, — да у Ильи и въ мысляхъ, казалось, того не было, чтобъ домогъ заводиться. А изъ всѣхъ невѣсть имѣлась въ виду одна, даже и очень — по-крестьянски — богатая. Это была дочь содержателя постоялаго двора въ селѣ — Марья. Дѣвкѣ было уже тридцать лѣтъ; она была некрасива и работата, притомъ на жениховъ разборчива, а потому до сихъ поръ и не вышла замужъ. Но была и еще причина, что она засидѣлась въ дѣвкахъ: полюбился ей Илья. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ, продавъ свой домъ, въ первый разъ пріѣхалъ ямщицать въ село и остановился на постояломъ дворѣ ея отца, спить и видить Марья — выйти за Илью замужъ. И самъ богатый дворникъ не прочь былъ назвать его своимъ зятемъ. Но Марья Ильѣ не нравилась, и онъ — отъ грѣха подальше — видя, что дѣвка сама ему въ жены напрашивается, недолго нагостилъ въ селѣ и поѣхалъ жить по другимъ станціямъ на трактѣ. Между тѣмъ въ селѣ всѣ замѣтили, что молодая, богатая дворничиха льнетъ къ Ильѣ, и ждали, что, долго ли, коротко ли, а быть Марьѣ за Ильей. Да Марья и дѣвка была хорошая: здорвая, дородная, привѣтливая — всѣмъ взяла — лицомъ только „такъ, самую малость не вышла“, какъ говорили про нее женихи.

Можетъ быть, Илья, которому и послѣ отъѣзда изъ села не разъ случалось опять бывать тамъ и видаться съ Марьей, и сдался бы, и женился бы на ней; но дѣло въ томъ, что какъ ни былъ онъ, повидимому, избалованъ любовью къ нему женщинъ, и какъ ни казался безпечнымъ въ отношеніи прочной связи, а была и у него тайная зазнобушка, о которой никто не догадывался.

Полюбилась ему Дуня, дочь того самаго мужика Никифора, которому Илья продалъ свою избушку. Въ тотъ же день, въ который умерла мать Ильи, умерла мать и у Дуни, а въ девятый день, на поминкахъ, въ домѣ Никифора случился пожаръ, и изба и дворъ Никифора, а за ними и еще пять сосѣднихъ дворовъ превратились въ пепель. Илья, видѣвшій, какъ убивался Никифоръ на пожарѣ, тотчасъ-же предложилъ ему поселиться съ семьей въ его избѣ, а когда Никифоръ получилъ изъ земства страховую сумму — изба была застрахована въ земствѣ — то тутъ-то Илья и продалъ ему задешево свою избу со всѣмъ скарбомъ. Семья Никифора въ это время состояла изъ старухи тещи, семнадцатилѣтней дочери Дуни и сынишки, восьмилѣтняго молодца Гришутки. Никифоръ любилъ выпить, и если прежде жилъ исправно, то только благодаря домовитости жены;

со смертью же ея онъ совсѣмъ опустился, и никакія просьбы дочери не могли выжить его изъ кабака. И году не нажилъ послѣ того Никифору. Въ одну бурную зимнюю ночь онъ, возвращаясь пьяный изъ села съ базара домой, вывалился въ ухабѣ изъ саней; лошадь добѣжала домой одна, а Никифора нашли на другой день утромъ у самой дороги замерзшимъ. Но, оставшись безъ отца, семья зажила ничуть не хуже прежняго: домовитость матери перешла къ Дунѣ, и работала Дуня, рукъ не покладаячи; когда ни погляди, минутки не сидитъ безъ работы: исправивъ домашнее дѣло, она то ленъ мнетъ и треплетъ, то новины ткеть, то шерсть прядетъ. Земельный надѣлъ на братишку обрабатывали гдѣ своими руками, гдѣ „помочью“, а гдѣ и наймомъ. При отцѣ у нихъ была одна корова; послѣ его смерти, Дуня, продавъ лошадь, купила еще корову, топила масло и посылала его при оказіи на продажу въ село, знакомому лавочнику. Телятки родились—продавала туда-же.

Дуня и въ будни всегда была одѣта чистенько, красиво, а въ праздникъ и щегольнуть была не прочь. Но зря денегъ на наряды не бросала—знала она цѣну копѣечкѣ.

Когда больная мать ея, незадолго до смерти, почувствовала, что конецъ ея близокъ, она подозвала дочку и, тихонько передавая ей свертокъ въ платкѣ, сказала:

— На вотъ, Дунюшка... тутъ шестьдесятъ два рубля... это тебѣ, дѣвка, на приданое... береги, мотри, дѣвка... я горбомъ добывала, по грошику сколачивала... Да батькѣ-то не сказывай: узнаетъ—выманить да и пропеть... Я, крадучись же отъ него, копила...

И Дуня не только сберегла деньги, но еще и прибавить къ нимъ успѣла; теперь у ней уже за восьмой десятокъ перевалило.

Дуня не была красавицей; но въ ней было что-то особенно привлекательное. Смугло-румяная, черноглазая, черноволосая, она все-таки носила отпечатокъ вполне русскаго склада лица съ округленнымъ носикомъ, съ нѣсколько выпуклыми щеками. Она была молчалива, скромна, но въ то-же время и рѣшительна, когда приходилось отстаивать свои права, а ласкова—со всѣми. Всякій, кому приходилось говорить съ Дуней, не могъ оторвать глазъ отъ ея красивыхъ, улыбающихся губъ, изъ-за которыхъ видѣлся рядъ ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ, и всякій самъ невольно вмѣстѣ съ ней улыбался. Но оставаясь одна, она становилась серьезна, сосредоточена; видно было, что она много думаетъ и мало съ кѣмъ дѣлится своими думами.

Полюбилась Дуня Ильѣ. Приглянулся и онъ ей; полюбила она его за красоту, за веселость, за ласку, съ которой онъ пріютилъ ея семью послѣ пожара—такъ полюбила, что день и ночь онъ у нея изъ ума нейдетъ. Сидитъ ли у окна Дуня—глядитъ, не пройдетъ-ли, не проѣдетъ-ли Ильѣ; въ хороводъ-ли играютъ—Дуня украдкой все на Ильѣ смотритъ; на вечеркахъ соберутся—Дуня только Ильѣ слушаетъ. Но и виду никому не подаетъ она, что Ильѣ совсѣмъ завладѣлъ ея сердцемъ. Она даже какъ будто сторонится отъ него; въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Ильѣ присватался къ ней, а она отказала. Это случилось послѣ того, какъ Ильѣ, долго подлаживаясь къ Дунѣ, убѣдился, что она дѣвка стойкая и если и полюбитъ его, то только какъ мужа.

— Дуня... слушай-ка... я тебѣ чего-то сказать хотѣлъ,—обратился къ ней однажды Ильѣ, подходя и облакачиваясь на прясло гумна, гдѣ Дуня собирала бѣлившіеся на солнцѣ холсты.

— Сказывай,—улыбаясь и краснѣя отвѣтила Дуня.

— Давай, Дуня, поженимся,—чуть слышно сказалъ Ильѣ, глядя въ землю и трепля кончикъ своего пояса.

Дуня промолчала; лицо ея приняло строгій видъ. Она продолжала собирать холсты, собрала, подхватила ихъ въ охапку и остановилась въ раздумьѣ. Ильѣ молчалъ.

— Дай срокъ подумать, Илюша,—отвѣтила, наконецъ, Дуня и тронулась домой.

— Нешто, подумай,—сказалъ Ильѣ, не находя, что сказать еще.

Но чѣмъ больше думала Дуня, тѣмъ больше не могла она рѣшиться выйти за Ильѣ.

— Нѣтъ, Ильѣ, не надумала,—сказала она ему, когда онъ спросилъ ее объ этомъ при слѣдующей встрѣчѣ,—можетъ, надумаю, а теперь нѣтъ—чего-то все еще не надумала.

Самолюбіе Ильѣ было задѣто.

— Какъ знашь, медленно сказалъ онъ ей, поглядывая на нее изподлобья,—что кочевряжишься? И почице тебя найдутся—съ моимъ удовольствіемъ пойдутъ... Напрасно ты это меня, Дуня... я тебя, знашь, какъ уважаю... отъ всего сердца...

Дуня промолчала, и они разошлись.

Это было давно—вскорѣ послѣ того, какъ Ильѣ вернулся въ свою деревню.

Но время шло; уже третій годъ, какъ жилъ здѣсь Ильѣ, любовь съ той и другой стороны, хотя и затаенная, не остывала,—а Дуня все думала и не могла надумать.

Илья, казалось, примирился съ отказомъ, какъ будто махнулъ на это дѣло рукой и, послѣ двухъ-трехъ попытокъ, не заговаривалъ больше съ Дуней о женитьбѣ. О тайныхъ переговорахъ между ними никто не зналъ: Илья не рѣшился бы говорить о полученномъ отказѣ—самолюбіе не позволяло, а Дуня вообще была молчалива, да и не такое это было дѣло, чтобъ дѣлиться имъ съ посторонними. Отношенія Ильи и Дуни были, казалось, самыя дружескія,—и только; заходилъ онъ иногда и въ избу къ ней, и въ людяхъ встрѣчались, и каталъ онъ ее о масляницѣ вмѣстѣ съ другими дѣвушками на своей тройкѣ,—но никто не думалъ, что они другъ по дружкѣ тоскуютъ: за Ильёю всѣ дворничиху изъ села прочили, а къ Дунѣ ужъ другой паренъ свататься собирался. Никому и невдомѣкъ было, что Илья, бродившій въ первые два года своего ямщичества со станціи на станцію, потому и засѣлъ теперь въ своей деревнѣ, что отъ Дуни оторваться не можетъ. Весель Ильи, гулять попрежнему, попрежнему, куда ни прійдетъ, съ дѣвками хорошится, попрежнему онъ первый гость у Ивана Петровича; но порой и въ людяхъ, и въ кабакѣ за чаркой задумается Илья, перестанетъ горланить и уйдетъ на станцію: гнѣдку-де овса подсыпать надо. Но и на станціи еще пуще не даютъ ему покоя мысли о Дунѣ, и опять его къ кабаку тянетъ: на народѣ-то оно какъ будто изъ ума вонъ.

Тоскуеть и Дуня. Порою, сидя за своимъ ткацкимъ станкомъ, она, нѣтъ-нѣтъ, да задумается, положить руки на берда *) и подолгу смотреть на нити натянутой основы, какъ будто считаетъ ихъ. Что жъ ей думать? Сама же и любить, и сама же согласья не даетъ... Согласье дать легко, да каково-то ей будетъ за Ильей замужемъ жить—вотъ о чемъ думаетъ Дуня. Бойтса Дуня, что у Ильи нравъ ужъ очень веселый, гулять любить, часто въ кабакѣ сидитъ. „Правда, больно гораздъ—пьяный никогда не живетъ, да вѣдь все это, можетъ, до поры до времени“. Крѣпко сидѣло у ней въ памяти, какъ мать съ пьянымъ отцомъ маялась, какъ потомъ сама она его отъ кабацкой стойки оттащить не могла, какъ онъ мало-по-малу совсѣмъ съ пути сбился и поволокъ изъ дому, что попало.

„И то сказать,—думаетъ она,—мужикамъ, не какъ бабамъ, и не пить нельзя; гдѣ ихъ, не пьющихъ-то, взять? На нашу сестру такихъ и не наберешься“.

*) Одна изъ частей ткацкаго станка, имѣющая форму гребня.

„Дѣло“ № 4. Апрѣль, 1887 г. Отд. I.

А тамъ снова вспоминается отецъ, вспоминается, какъ привезли его мертвого, закоченѣлаго, скорченного... и страшно Дунѣ. А мать опять... мать... чего-чего не натерпѣлась она отъ него, отъ пьянаго-то—и вспомнить тошно.

И Дуня рѣшительно не хочетъ идти замужъ.

„Ну, еще туда-сюда терпѣть, когда неволей, отецъ съ матерью отдадутъ: терпи—доля така бабья. А самой-то, по доброй-то волѣ закабалиться—да сохрани Господи! Кажись, лучше вѣкъ въ дѣвкахъ вѣковать... А что милъ-то?—такъ еще хуже, еще тошнѣе на милаго-то, на пьянаго-то глядѣть—сердце изболить... А уѣдетъ куда съ проѣзжающимъ, да какъ вотъ эдакъ-же, какъ отецъ—одни лошади домой-то придутъ... О, Господи, прости! до чего додумалась... Нешто Илья таковской“...

И снова начинаетъ Дуня стучать бердами, снова летаетъ изъ конца въ конецъ легкой челнокъ *).

Одну невеселую думу смѣняетъ другая: думаетъ Дуня, что красивъ больно Илья, дѣвки его больно любятъ, да и онъ до дѣвокъ охочъ. И къ ней вѣдь тоже сперва-то „съ подгорѣлымъ солодомъ подѣбжалъ“. Ладно—не на таковскую напалъ! Вездѣ-то у него полюбовницы-разлучницы будутъ. „Старыхъ которыхъ и оставить, такъ нешто новыхъ не найдется?“

И отъ одной этой мысли кровь бросается въ лицо Дунѣ.

„А я-то изъ себя и не больно красива—есть и краше меня... Поди жъ ты, вотъ—стало приглянулась—присватался же ко мнѣ, а не къ другой... Да кто знаетъ, что у него на умѣ-то. Такъ, вотъ, спроста не далась, такъ давай женюсь; а опосля-то и разлюбить... Вонъ, и Аксюшка, и Анка красивѣе меня, а къ нимъ вотъ не льнетъ... Эхъ, Илюшенька, кабы только ты да чувствовалъ, какъ сердечушко мое по тебѣ изнываетъ! Вся-то я твоя, да и на вѣкъ бы твоей осталася. Эхъ, не пилъ бы ты винаща этого проклятаго, милъ-сердешный мой... А поди жъ ты—сколько времени прошло—молчить и не заикается... знать, ужъ теперь и забывать начинается. А я, дура неповитая, все только о немъ и думаю, словно вчера онъ мнѣ со своимъ сватовствомъ кланялся... Не пойти же теперь самой ему на шею вѣшаться?.. Забывать бы пора. Эхъ, правду говорить: у бабы волосъ дологъ—умъ коротокъ“.

И сегодня, въ сотый разъ передумывая одну и ту же ду-

*) Одна изъ принадлежностей ткацкаго станка.

мушку, сидѣла Дуня за своимъ ткацкимъ станкомъ у открытаго окна. Повременамъ она вставала и подходила къ печкѣ, по-смотримъ, не пора ли вынимать хлѣбы.

Сегодня ей что-то особенно было невесело, и она вполголоса тянула пѣсенку, въ которой сулила милому всѣ блага міра и богатую невѣсту, а сама отрекалась отъ всего:

„Тебѣ, милай, корегу,
А мнѣ черный гробъ“.

А Илья, докуривъ на крылечкѣ станціи свою папироску, бросилъ окурокъ и долго смотрѣлъ, какъ тоненькая струйка дыма вилась отъ тлѣющей на землѣ бумажки; потомъ поглядѣлъ въ сторонѣ, почесался, всталъ и направился къ кабаку — благо, недалеко: всего наискосокъ черезъ улицу; поболталъ тамъ кой-о-чемъ съ Иваномъ Петровичемъ, переливая, какъ говорится, изъ пустого въ порожнее, выпилъ стаканчикъ „бальзянчику“ и тихонько побрелъ-себѣ на другой конецъ деревни.

„Питейный“ находился почти при выѣздѣ изъ деревни въ боръ, отдѣляясь отъ него только небольшимъ клочкомъ выгона; изъ оконъ „питейнаго“ чрезъ дорогу влѣво виднѣлась станція, а вправо, какъ разъ противъ выгона и у самой опушки лѣса, было видно озеро. А другой конецъ деревни упирался въ хлѣбныя поля, окружавшія деревню съ трехъ сторонъ. За ними шель опять лѣсъ, въ который убѣгала пролегавшая чрезъ деревню и поля почтовая дорога. Въ этомъ концѣ была изба Дуни—третья отъ околицы.

Къ ней направился теперь Илья, распѣвая пѣсенку, которой научилъ его подъ веселую руку проѣзжій купчикъ:

„Ай, вы кони, ахъ, вы други!
Мчитесь соколомъ, быстрѣй“...

Купчикъ должно быть плохо выучилъ его, а можетъ быть и самъ не зналъ больше, потому что Илья, пропѣвъ эти слова, гикнулъ, свиснулъ и опять запѣлъ все то-же.

„Ай, вы кони, ахъ, вы други!
Мчитесь соколомъ, быстрѣй“...

доносился его звонкій голосъ до слуха Дуни.

— Помогай Богъ, хозяева! шуливо-привѣтливо произнесъ Илья, подходя къ окну, гдѣ сидѣла Дуня.

— А, Илья Митричъ, ты! здравствуй, — сказала Дуня, выглядывая изъ-за станка въ окно.

— Здравствуй, Дунюшка. Али ткешь?

- Тку.
- Нешто... одна сидишь-то?
- Одна.
- А баушка гдѣ?
- Съ Гришанькой по грибы да по ягоды ушодчи.
- Бродить старуха-то еще...
- Ничего—бродить. Глазами-то слаба малость стаеть.
- Та-акъ... Бывать это подь старость-то.

Помолчали.

- Чтой-то ты, на лѣто глядя, ткать вздумала?
- Вишь, неурядливая: за зиму-то не ткѣла, на печи лежала, такъ теперь принялась.

— Ну, да—пролежишь ты на печи—какъ-же!

Дуня улыбулась.

— Хлѣбы сегодня пеку—за то и дома сижу, зато и ткать принялась.

— Такъ... Чего ткешь-то?

— Пестрядь—баушкѣ на рубашку.

— Нешто... Въ котору сторону пошли за грибами-то?

— Туда, за озеро.

— Версть за семь отселя, тамъ, по тракту, грибовъ-то много. Надьсь я порожнемъ назадъ ѣхаль—зашель это въ лѣсь—такъ всего какихъ-нибудь десятокъ шаговъ отъ дороги отошелъ: полную шапку рыжиковъ набралъ. Тако-то жаркое вышло у Василья Васильича—первый сортъ.

— Ничего, и этто-ка много. За озеромъ-то этто боровики все больше. Вечдръ мы съ Гришанькой два кузова большихъ притащили. Вонъ, на печи сушить разложили: все устлали—мѣста не стало.

Илья снялъ шапку и отеръ рукавомъ потъ, струившійся у него по лбу и щекамъ.

— Заходи въ избу-то, Илья, чего на солнцѣ-то жарисься,—сказала Дуня.

— Нешто, постою и здѣсь, не растаю, отвѣчалъ Илья,—не холоднѣе вѣдь и въ избѣ-то; печь-то тоже топила...

— Ой, хлѣбы надо вынимать! Заболталась съ тобой—чуть не забыла.

И Дуня встала, подошла къ печи, открыла заслонку, посмотрѣла, потомъ взяла лопату и стала вынимать одинъ за другимъ ржаные короваи. Уставивъ ихъ рядкомъ на столѣ и на-

крывъ вдвое сложенной скатертью, она закрыла печь, опять сѣла за станокъ и застучала бердами.

— А и жарко же сегодня будетъ, заговорилъ опять Илья, поглядывая на поднимавшееся все выше и выше солнце.

— Тепло.

— Почему сушены-то грибы продаешь?

— Всяко; больше по три гривенника, по сороку; бывать по полтинѣ. Нонѣ еще не зачинала продавать-то. Ужо вотъ въ воскресенье съ сусѣдомъ въ село поѣдемъ.

— Василью Тимофеичу тамъ продаешь?

— Ему.

— Ай-ай, мужикъ оборотливый. Всѣмъ торгуетъ. Давно ли торговать зачалъ, а смотри-ка, какіе хоромы схлопаль—лучше, чѣмъ у попа.

— Къ нему нонѣ изъ города купцы въ гости ѣздятъ. А самъ-отъ обходительный: надъсы масло ему продала—чаемъ меня угостилъ.

— Поди ты.

Опять помолчали.

— А и ты ловка, Дуня! молодець, братъ! право слово, молодець,—сказалъ Илья; голосъ его какъ будто дрогнулъ.—Тоже, братъ, лучше другого мужика торгуешь.

Дуня наклонилась, чтобы поправить что-то на подножкахъ станка, и не видалъ Илья, какъ лицо ея мгновенно вспыхнуло и опять отошло.

— А что жъ, Дуня... ты вотъ тогда не надумала... а важно бы этто... кабы ты да я... вмѣстѣ бы... слышь... Ты бы, значить дома—я бы ѣздилъ... а деньги бы вмѣстѣ... Жили бы...

Илья говорилъ прерывисто, тихо, роняя слово за словомъ, какъ будто онъ осторожно дотрогивался до больного мѣста. Не рѣшаясь смотрѣть на Дуню, онъ немного отвернулся въ сторону и смотрѣлъ на извивавшуюся между полями дорогу.

— Да вѣдь ты, бають, на дворниковой Марьѣ жениться хочешь?—проговорила Дуня.

— Мало ли что по-пусту народъ болтаетъ! Ты не вѣрь... Кабы на Марьѣ—давно бы ужъ жениться можно было. Что мнѣ Марья?—сердце не лежитъ. Ни къ кому не лежитъ, oprичъ тебя. Что жъ, что у ней отецъ богатый? Ты вотъ небогата да, значить, по душѣ—такъ я когда еще тебѣ сказывалъ: Дуня, значить, говорю, поженимся. Ты вотъ только...

Дуня молчала.

— Право бы, Дуня, значить... И тебѣ бы лучше.
 — Мнѣ и въ дѣвкахъ ничего, хорошо.
 — Знамо, хорошо... Это точно... Я это такъ, къ слову...
 — Больно ты часто къ Ивану Петровичу въ гости ходишь,— сказала чуть слышно Дуня, близко наклоняясь къ бѣрдамъ и поправляя нити.

— Господи, Боже мой! Да нешто я пьяница какой, что-ли? Да много ли пью-то? И то, значить, потому, что дѣваться некуда. Кабы у меня дворъ бы свой былъ, я бы, значить, дѣломъ какимъ ни есть заимствовался. А то что жъ мнѣ? Лошади, сбруя, все исправно— ну, и пойдешь отъ скуки къ Ивану Петровичу. Ну, какъ будто низачѣмъ-то припелъ— глядишь, и выпьешь... А ежели другой разъ мѣръ пристанетъ— угости, значить... Никакъ, проѣзжающій,— сказалъ вдругъ Илья, оборачиваясь и всматриваясь вдаль.

Вѣтерокъ, чуть замѣтно дувшій съ поля, доносилъ издали звукъ колокольчика. Выѣхавъ изъ лѣсу, показалась въ полѣ тройка, закутанная въ густое облако пыли. По мѣрѣ того, какъ она приближалась, можно было разглядѣть, что она запряжена въ большой тарантасъ и что ямщикъ усердно награждаетъ своихъ лошадей ударами кнута.

— Проѣзжающій и есть!— сказалъ Илья, — ну, прощай, Дуня. Побѣгу на станцію— моя очередь.

И онъ побѣжалъ.

Илья уже былъ на станціи и надѣвалъ хомуты на своихъ коней, когда мимо оконъ Дуни промчался, весь въ пыли, огромный тарантасъ. Высунувшаяся изъ окна Дуня замѣтила въ глубинѣ экипажа двухъ господъ, но разглядѣть ихъ не успѣла, а только увидала, что на козлахъ, рядомъ съ Ѳедюшкой, ямщикомъ со станціи изъ села, сидѣлъ кто-то еще.

Ѳедюшка лихо осадилъ тройку у самаго крыльца станціи. Человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ и оказавшійся старымъ лакеемъ съ давно небритой бородой, соскочилъ съ козелъ, откинулъ подножку и поддержалъ подъ руки вылѣзавшаго изъ экипажа еще не старого, высокаго роста генерала.

Завидѣвъ красную подкладку генеральскаго пальто, смотритель Василий Васильичъ, уже дожидавшійся проѣзжающихъ на крыльцѣ, тоже подскочилъ къ тарантасу, но опоздалъ и только успѣлъ предложить свою помощь вылѣзавшему вслѣдъ за генераломъ какому-то толстяку, одѣтому въ бѣлый пиджакъ изъ чичунчи и такіе-же панталоны, жилетъ и фуражку.

Генераль, вопросительно взглянув на Василя Васильича, проговорилъ, нѣсколько картавя:

— Смотритель?—И, не дождавшись отвѣта, внушительнымъ тономъ произнесъ:—Живо, лошадей!

— Сю минуту, ваше превосходительство,—отвѣчалъ, смиренно сгибаясь, смотритель.

— Пожалуйста, самую лучшую тройку. Курьерскія есть?—говорилъ генераль, пока лакей снималъ съ него пальто и отряхивалъ пыль.

— У насъ, ваше превосходительство, особыхъ курьерскихъ не полагается,—отвѣчалъ смотритель,—а ужъ насчетъ лошадей не извольте беспокоиться — такихъ впряжемъ, что, можно сказать, по всему тракту первыя лошади.

— Смотри же, чтобъ были хорошія. Я, братецъ, и на водку меньше полтины не даю. Но чтобъ хорошо везъ, каналья,—благодарушно-шутливымъ тономъ выругалъ генераль еще неизвѣстнаго ему ямщика, который долженъ былъ везти его.

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству: нашему ямщику рубля не пожалѣете. Останетесь довольны, ваше превосходительство. У насъ по тракту есть любители, что окромя Ильи—Ильей прозывается—съ нашей станціи лошадей другихъ не берутъ. Приѣдутъ на станцію: чья очередь? Если выходитъ Сергій или Иванъ—не надо: вотъ тебѣ за очередного прогоны, а вели Ильѣ впрягать—вотъ тебѣ другіе прогоны. А ему на водку, окромя того, рубль—другой разъ и два дадутъ.

— Ого!—сказалъ генераль, сдѣлавъ внушительную мину,—ну, это ужъ баловство, это лишнее... это... это мальчишество. А вотъ что, братецъ: самоваръ у тебя чистый есть? луженый? а? Сливки есть? а?

— Все есть, ваше превосходительство.

— Распорядись-ка! Иванъ Александровичъ, закусимъ? а?—обратился генераль къ своему спутнику.

— Время, ваше превосходительство,—отвѣчалъ толстякъ въ чичунчѣ,—да и станція-то впереди, кажется, большая. Да, тридцать двѣ версты,—продожалъ онъ, поглядывая на стоящій у крыльца верстовой столбъ.

— Василій,—обратился генераль къ лакею,—неси погребецъ.

И генераль, сопровождаемый своимъ спутникомъ, вошелъ въ станціонный домъ. Изъ разговоровъ и распросовъ, которые онъ благодарушно велъ съ смотрителемъ, выяснилось, что онъ,

взявъ короткій отпускъ, ѣхалъ осматривать продававшееся съ торговь имѣніе, дорога въ которое сворачивала въ сторону съ одной изъ слѣдующихъ станцій тракта. Его спутникъ былъ главноуправляющій его имѣніями.

Пока генераль, со стаканомъ чаю въ рукахъ, разгуливалъ отъ стѣны къ стѣнѣ въ маленькой станціонной комнатѣ, разминая свои отеки отъ долгаго сидѣнья въ экипажѣ ноги, — у крыльца столпилась кучка зѣвакъ, пришедшихъ поглазѣть на „корегу“ и на ямщиковъ.

Федюшка отпрегъ лошадей и привязалъ ихъ къ забору. Вся тройка, напряженно раздувая красныя ноздри, тяжело дышала, и отъ нея валилъ паръ. Повременамъ то тотъ, то другой конь вздрагивалъ. Пыль, смѣшавшись съ пѣной, покрывала слоемъ грязи груди взмыленныхъ коней, и вся шерсть на нихъ изъ гладкой превратилась въ курчавую, а на бокахъ и спинахъ виднѣлось безчисленное множество сливавшихся и перекрецивавшихся полосъ кнута. Видно было, что Федюшка поусердствовалъ.

Илья, похлебавъ наскоро еще несовсѣмъ сварившихся щей, уже выводилъ изъ воротъ свою тройку. Дядя Иванъ съ Сережкой уже копались у тарантаса и насилиу поднимали передокъ его рычагомъ на дугу, чтобъ мазать оси. Дядя Иванъ нашель въ ящикъ подъ козлами ключъ и сало, но никакъ не могъ справиться съ замысловатой двойной гайкой на оси, и только вмѣшавшійся въ дѣло Федюшка, уже обученный обращенію съ гайками генеральскимъ лакеемъ, помогъ, наконецъ, снять колесо.

— Ну, братъ, Илья, и тарантасъ же! — глубокомысленно замѣтилъ дядя Иванъ, — какъ ты только эдаку машину попрешь.

— Ничего! можетъ, на ходу легка, — возразилъ Илья, косо поглядывая на „машину.“

— Ничего — не больно тяжело, — вмѣшался Федюшка.

— Тебѣ чего тяжело, на козлахъ-то сидѣть, — сердито оборвалъ его дядя Иванъ, — а посмотри-ка, у коней-то какъ животы подвело — не отдышатся. Вонъ, онъ ходъ-отъ какой у дьявола — шире колеи. Одно-то колесо по колеѣ пойдетъ, а другое по песку.

— Это точно, — согласился Федюшка, почесывая затылокъ, — хватать маненько въ сторону.

— Тото-то, маненько. Тебя бы въпречь; небось, упрыгался бы, — сердито говорилъ дядя Иванъ.

— Чаво ворчишь-то? Тебя не въпрягутъ, небось, — огрызнулся въ свою очередь Федюшка.

Дядя Иванъ сплюнулъ въ сторону и замолчалъ.

— Скажи спасибо, что не въ дышло, — продолжалъ Оедюшка, — прошлый годъ къ намъ въ село архирей пріѣзжалъ — вотъ тарантасъ, такъ тарантасъ — куды больше этого, да съ дышлой. Я въ тѣ поры съ нимъ съѣздилъ: шестерку впрягли, лошади непривышны, дышло во всѣ стороны вилять — страсть неловко.

Илья привязывалъ лошадей за желѣзный ободокъ козелъ и тоже сталъ помогать подмазывать. Сивка опустилъ внизъ голову и началъ грызть оглоблю; бурка стоялъ въ безстрастномъ спокойствіи, а гнѣдко, вытянувъ свою морду и положивъ ее на шею бурки, задумчиво смотрѣлъ на собравшихся вокругъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые съ засунутыми въ ротъ пальцами и выпученными впередъ животами, таращили глаза на невиданный ими экипажъ и на хорошо знакомую имъ сцену подмазки колесъ.

Тарантасъ былъ дѣйствительно изъ рѣдкихъ: съ фордекомъ, со стеклами, съ мѣдными втулками и задокъ на рессорахъ. Сдѣланный изъ сравнительно легкихъ по тонкости работы частей, въ общемъ онъ имѣлъ видъ массивный.

— Ну, штука! — вставилъ и свое замѣчаніе дѣдушка Трофимъ, дотрогиваясь пальцамъ до мѣдныхъ втулокъ у шарнировъ, на которыхъ держался кожаный верхъ экипажа, — телѣга, братъ, важная. Намъ бы эдакую — снопы возить.

Особенность дѣдушки Трофима состояла въ томъ, что онъ являлся вездѣ, гдѣ его не спрашивали и гдѣ въ немъ не было ни малѣйшей надобности. Ему было лѣтъ подъ семьдесятъ, но, хотя сѣдой какъ луна, онъ былъ еще очень бодрый старикъ. Ни на какія работы онъ, однако, не ходилъ, предоставивъ ихъ своимъ домочадцамъ, а самъ неустанно ковырялъ лапти, которые, надо отдать ему справедливость, выходили у него особенно прочны и красивы. Трофимъ любилъ выпить и почти весь свой личный заработокъ относилъ къ Ивану Петровичу. Но не упускалъ онъ случая выпить и на чужой счетъ, гдѣ только представлялась возможность, и зорко слѣдилъ за всѣми, кто направлялся къ кабаку. Не пропускалъ онъ, разумѣется, ни одной мірской сходки, непременно являлся четвертымъ тамъ, гдѣ собиралось почему-нибудь трое, былъ одинъ изъ наиболѣе находчивыхъ изобрѣтателей предлога сорвать съ кого-нибудь четвертнюю, полведра, а нѣтъ — и все ведро, въ пользу міра или „стариковъ“. Никто такъ горячо не отстаивалъ преимущества

„холостецкаго“ житья для Ильи, какъ Трофимъ, и никто такъ аккуратно, какъ онъ, не являлся на угощенія, когда Илья пропивалъ свою „на водку“. Разумѣется, и при закладкѣ генеральскаго тарантаса дѣло не могло обойтись безъ дѣдушки Трофима.

— Ну, братъ, Илюша, — сказалъ онъ одобрительнымъ тономъ, — счастье на твою долю — все сѣдокъ къ сѣдоку: надъсы сусловскаго барина возилъ, теперь, глибо-сь, какой генераль прикатилъ.

Трофимъ досталъ изъ кармана штановъ берестяную табакерку и зарядилъ обѣ ноздри самодѣльнымъ табакомъ, который, несмотря на свою крѣпость и большіе приемы, уже не производилъ никакого дѣйствія на привыкшій къ нему картофелеобразный носъ Трофима.

Илья молча, быстро и толково запрягалъ лошадей. Дѣдушка Трофимъ хотѣлъ было подвязать поводъ у пристяжной — Илья выдернулъ у него поводъ изъ рукъ.

— Оставь. Знаешь, не люблю, когда въ мою упряжку мѣшаются, — сказалъ онъ сердито.

Трофимъ посторонился. Онъ пощупалъ подножку экипажа, посмотрѣлъ, какъ она закрывается, и всталъ въ сторонѣ, въ ожиданіи генеральскаго выхода.

Сережка уже подавалъ Ильѣ возжи, дядя Иванъ укладывалъ подъ козлы ключъ и сало.

Подошла какая-то старуха и, подперши ладонью подбородокъ, издали посматривала то на тарантасъ, то на окна станціи, какъ-бы желая сквозь никогда не выставлявшіяся двойныя рамы увидать владѣльца этой штуки.

Наконецъ лошади запряжены. Илья осмотрѣлъ, все ли въ исправности, и побѣжалъ въ избу. Черезъ минуту онъ вышелъ съ кнутомъ и кафтаномъ въ рукѣ. Бросивъ кафтанъ на козлы, онъ еще разъ обошелъ кругомъ экипажа, ощупалъ гайки на осяхъ, поправилъ дугу и, щелкнувъ по воздуху кнутомъ, присѣлъ на ступеньку крыльца.

— Дядя Иванъ, — обратился къ старому ямщику Федюшка, — тарантасика-то дадите, что-ли?

— Нѣту тарантасовъ, — отвѣчалъ Иванъ, — на вашей станціи нашъ тарантасъ есть, да на Воробьевской два — теперь только и осталось, что подъ приѣзжающихъ.

— Ишь ты, — почесываясь произнесъ Федюшка, — больно неохота верхомъ-то ѣхать

— Слава те, Господи! ямщикъ называешься!—насмѣшливо сказалъ Сережка, — авось, не стеклянный, не разобьешься и верхомъ... Кормить-то будешь, аль нѣтъ?

— Нѣтъ, поѣду. Передохнуть маленько кони-то, чайку пощю покуда да и поѣду.

Въ концѣ улицы показалась Дуня съ ведрами. Ей хотѣлось посмотрѣть, какъ поѣдетъ Илья, но идти просто „глазѣть“ было совѣстно, и она захватила ведра, чтобъ былъ предлогъ—какъ будто пошла за дѣломъ. Она подошла къ станціи, молча всѣмъ поклонилась и остановилась, глядя на тарантасъ.

— Садись, Дунюшка, прокачу, —ласково сказалъ Илья, — вотъ для тебя какую карету заложили.

— Куды намъ, —улыбаясь, отвѣчала Дуня, — ладно и въ телѣгѣ трясемся.

Она подошла къ гнѣдку и стала гладить его по шеѣ. Любопытный сивка воспользовался случаемъ и, сунувъ свою морду въ пустое ведро, чуть не спиѣ и его, и коромысло съ плечь Дуни.

— Ишь ты, баловникъ, сказала Дуня и хлопнула сивку по мордѣ, —нешто принести имъ свѣжей водицы, Илья?

— Нѣтъ, пошто, —сейчасъ поили. Что зря брюхо-то имъ наливать, отвѣтилъ Илья: —дорѣгой, у Косого мостика, попою. Ну, Дуня, нынче назадъ поѣду, на твое счастье грибовъ посмотрю—сколь ни есть наберу. Уждѣ-тка вечеромъ привезу.

— Пошто, не надо, краснѣя сказала Дуня.

— Готово? раздался съ крыльца голосъ смотрителя.

— Готово, отвѣтилъ Илья, вставая со ступеньки и подходя къ козламъ.

— Ну, ладно. Не уходи. Сейчасъ выходить, —сказалъ смотритель и ушелъ снова въ комнату.

Федюшка подошелъ поближе къ крыльцу. Дуня отошла въ сторону. Мальчишки и дѣвчонки плотнѣе сбились въ кучу.

Генераль съ своимъ спутникомъ показали на порогъ. Позади ихъ смотритель тащилъ погребецъ, а лакей—генеральское пальто.

Федюшка снялъ шапку и выдвинулся впередъ.

— Старый ямщикъ? спросилъ его генераль, засовывая руку въ карманъ.

— Ямщикъ-съ, отвѣчалъ Федюшка, —вашу милость привезъ.

— Ну, на вотъ, братецъ. Плохо везъ... плохо... ну, все-таки—на. Да... плохо... на.

И генераль далъ ему три двугривенныхъ. Оедюшка низко поклонился.

— Изволите надѣтъ, ваше превосходительство? обратился къ генералу лакей, подавая пальто.

— Ну тебя—и такъ жарко.

Генераль былъ въ кителѣ.

— Ты повезешь? обратился генераль къ Ильѣ, стоявшему у козелъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

Генераль сжалъ губы. Смотритель засуетился, поспѣшилъ сунуть въ тарантасъ погребецъ и сердито шепнулъ на ухо Ильѣ: „дура! скажи: ваше превосходительство“.

Илья смутился.

— А ха-ра-шо повезешь, братецъ? а? снова обратился къ Ильѣ генераль,—ты, говорятъ, хорошій ямщикъ—а?

— Стараться будемъ. Уважимъ ваше... вашу милость уважимъ, отвѣчалъ немного растерявшійся Илья.

— Лошади у тебя видныя—ничего. Иванъ Александровичъ, обратился онъ къ своему спутнику,—видныя лошади? Ничего, а?

— Лошади, ваше превосходительство, хорошія,—отвѣчалъ управляющій.

— Смотри, Илья, внушительно произнесъ смотритель,—я тебя нахвалилъ—ужь ты не ударь въ грязь лицомъ.

— Тяжеловата карета-то маленько, а то ужь, что возможно, уважимъ, отвѣчалъ увѣренно Илья.

Дуня, мелькомъ взглянувша на генерала, тотчасъ-же шмыгнула подальше въ сторонку и пошла къ озеру. Пока генеральскій лакей поправлялъ сбившееся сидѣнье, пока генераль усаживался и заставлялъ снова поправлять подушки за спиной, она уже была на озерѣ, зачерпнула воды въ ведра и ждала.

Наконецъ сборы кончились, лакей вскочилъ на козлы, Илья тронулъ возжами, колокольчики запѣли, и съ грохотомъ прокатилъ мимо стоявшей у озера Дуни тяжелый экипажъ. Илья ее замѣтилъ, и съ улыбкой весело кивнулъ ей головой.

Уже тарантасъ давно скрылся за изгибомъ дороги въ лѣсу; уже поднятая имъ пыль давно улеглась, и давно замеръ въ лѣсу звукъ колокольчиковъ; мальчишки и дѣвчонки, разбѣжавшись отъ станціи, играли въ городки; Оедюшка сбѣгалъ въ кабакъ и, „пропустивъ“ стаканчикъ, вернулся на станцію и угощался въ ямской избѣ чаемъ; дѣдушка Трофимъ уже сидѣлъ у своей

избы на заваленкѣ и ковырялъ лапоть,—а Дуня все стояла неподвижно близъ дороги, у озера, и въ раздумьѣ смотрѣла въ ту сторону, куда скрылся генеральскій экипажъ.

Она простояла бы, можетъ быть, еще долго, если бы ее не вывела изъ оцѣпенѣнія подбѣжавшая собаченка, бросившаяся къ ней ласкаться, виляя хвостомъ. Дуня очнулась и, поманивъ за собой собаченку, поспѣшно пошла домой, неся ненужную ей воду.

Идетъ она деревней, а въ ухахъ у ней все еще звенятъ серебрястые колокольчики, слышится топотъ копытъ и грохотъ экипажа, чудится ей молодецкій посвистъ Ильи. И въ жаръ, и въ холодъ бросаетъ дѣвку—и любимый красавецъ словно какъ тутъ, передъ ней стоитъ.

„Грибовъ, баить, привезу“,—думаетъ Дуня, идя домой.— „Эхъ, соколикъ ты, желанный мой! Ничего-то мнѣ не надо—не надо мнѣ подарочковъ твоихъ; и безъ нихъ-то приворожилъ ты меня, словно корешкомъ приворотнымъ... Глико-сь, глико-сь: опять про старое заговорилъ... По душѣ, говорить, ты мнѣ... Жили бы, говорить... Ахъ, умишку моего бабьяго не хватаетъ, что и дѣлать-то?.. И люблю-то я тебя, писанный ты мой; да и боюсь-то... вѣдь, вонъ, надъсь онъ въ кабакъ-то съ воробьевскимъ ямщикомъ чуть-чуть не разодрался... Кто знаетъ, каковъ будетъ и со мной-то, какъ ежели зашибать-то станетъ... Эхъ, да что и думать-то—волковъ-то бояться, въ лѣсъ не ходить... Да развѣ мнѣ прожить безъ него?!.. Тянетъ меня къ нему... Голубчикъ мой, голубчикъ—самъ, самъ опять заговорилъ: поженимся, слышь... А отъ меня ни отвѣту, ни привѣту!.. А какъ да онъ и впрямь на Марьѣ женится?.. Да развѣ мнѣ легко тогда будетъ смотрѣть-то на нихъ? Какъ жить-то будутъ хорошо—а я сиди, да локоть кусай, да думай: мой, вѣдь, онъ--мой!.. О, Господи!—лучше, что хошь будь, да вмѣстѣ съ нимъ!.. Кабы только онъ почувствовалъ-то, какъ вѣдь я люблю-то его... Чѣмъ бы это, чѣмъ ему любовь-то мою доказать?.. А то что!—какъ всякая другая... и другія вѣдь его любятъ... да все же не какъ я... Кабы онъ это понялъ-то... А я, кажись, жисти своей для него не пожалѣю... только бы чувствовалъ-то ты это, миленькой... да бабу свою глупую жалѣлъ бы...“

Къ вечеру, еще до заката солнца, порядочная кучка народу собралась у питейнаго. Съ поля сегодня многіе вернулись рано: одни потому, что отпахали свои полосы,—другіе потому, что отъ

сильной жары лошаденки ужь очень утомились. Кой-гдѣ только еще остались въ полѣ запоздавшіе пахари.

Цѣловальникъ Иванъ Петровичъ вышелъ на крылечко и сѣлъ на лавку рядомъ съ мухорчатымъ мужиченкой, ожесточенно дымившимъ изъ березовой трубки.

— Что, братъ, Михайло, пригорюнимшись сидишь? о чемъ закручинился?—сказаль Иванъ Петровичъ, ударивъ слегка по колѣну мужиченка.

— Вишь, по водкѣ стосковался,—смѣясь, отвѣтилъ за него стоявшій у перилъ молодой парень.

— Такъ чего глядѣть-то, — сказаль Иванъ Петровичъ, — поди, вонъ, моя хозяйка за стойкой стоитъ—поднесеть.

— Да вѣдь, чай, платить надо,—философски равнодушно проговорилъ мужиченко.

— Это ужь какъ водится.

— То-то: *пойло*-то есть—*купилы*-то нѣтъ. Вотъ что худо.

— Да, ужь это хуже всего.

— А ты, Иванъ Петровичъ, угости-ка насъ отъ себя.

— И радъ бы, други мои милые, да хозяину деньги больно нужны.

— А вѣдь и впрямь угости—ты самъ, Иванъ Петровичъ, посулилъ,—оживленно вмѣшался дѣдушка Трофимъ.

— Это когда?

— А какъ же! Помнишь, осенью, какъ прикащикъ хозяйскій къ тебѣ пріѣзжалъ, мы вамъ дозволенье на питейный давали, а вы насъ водкой поили—ты чего говорилъ? Ребята, баяль, торговля пойдетъ хорошая, я васъ, баяль, не разъ въ годъ-отъ угощу.

— Мало ли чего?—невозмутимо отвѣчалъ Иванъ Петровичъ,—кабы торговля была хорошая, и угощаль бы. А то—какая торговлишка-то? Вы вотъ въ кабакъ гурьбой-то только ходите—а много ли напьете? И бутылки-то на полкахъ давно мухи заплевали—вотъ она, торговля-то. Вы только и норовите, гдѣ бы на даровщинку, а небось, свой-отъ грошъ у васъ багромъ невытащишь изъ кармана-то.

— Эхъ, Трофимъ, Трофимъ,—прервалъ рѣчь цѣловальника степенный мужикъ, лѣтъ сорока, съ окладистой бородой и большой лысиной,—ничего, братъ, мы съ тобой отъ Ивана Петровича не дождемся; али забылъ, какъ говорится: *сумиха недѣль*—родная сестра. Пойдемъ-ка, выпьемъ съ устатку-то на свои.

И онъ вошелъ въ питейный. Его примѣру послѣдовало еще нѣсколько человекъ. Но Трофимъ остался.

— Чтожь ты, Трофимъ, не пошелъ съ сосѣдомъ-то?—спросилъ цѣловальникъ.

— Ему ладно—онъ богатый, а мы не больно-те. Опять же онъ съ устатку—съ пашни; а я что—не больно измаялся, лапти-то ковырялши.

— Эхъ, ты! лаптепромышленникъ! Ужь подожди, подожди Илью,—подразнивая, посмѣивался надъ нимъ цѣловальникъ,—прійдетъ, угостить.

При имени Ильи многіе взглянули въ сторону озера и лѣса.

— Знамо, угостить! Не таковской, какъ ты,—отвѣтили въ одинъ голосъ два парня.

— Чего-то нонче замѣшкался,—сказалъ Трофимъ,—глико-съ, уѣхалъ еще до обѣда, а по-кѣхъ поръ нѣту.

— Не чуетъ его душенька, что ты его здѣсь заждался,—посмѣялся опять цѣловальникъ.

Трофимъ не отвѣтилъ, а только про себя подумалъ: „Эко диво! долго!“ Старикъ уже и въ самомъ дѣлѣ соскучился дожидаться: онъ пришелъ къ кабаку однимъ изъ первыхъ.

— Кого повезъ-то Илья?—спросилъ одинъ изъ мужиковъ, бывшихъ днемъ въ полѣ.

— Енерала, вишь,—отвѣтилъ Трофимъ,—тарантасища эво—какой! большущій. А винты всѣ мѣдны. Экого я и не видывалъ. А енераль добрый. На што Ѳедюшкѣ, и то шесть гривенъ на водку далъ.

— Ишь ты! И житье же этимъ самымъ ямщикамъ! Ты, вотъ, за шесть-то гривенъ поди-ка, поломай спину-то.

— Это кому како счастье. Вонъ, Сережка сейчасъ поѣхалъ съ почтальнономъ—ему, окромя ругани, ничего не попадетъ.

Долго еще терли мужики свои спины о столбики и перила кабацкаго крыльца; то входили, то выходили изъ питейнаго, толковали о домашнихъ дѣлахъ, позѣвывали и съ каждой минутой все нетерпѣливѣе поглядывали въ сторону лѣса, откуда долженъ былъ прійхать Илья.

А тамъ, въ другомъ концѣ деревни, въ окнѣ избушки виднѣлась смуглая головка Дуни. Дуня высунулась, опершись грудью на подоконникъ, и съ нетерпѣніемъ поглядывала въ сторону бора, не ѣдетъ ли Илья. Съ той же стороны должны были придти и бабушка съ братишкой—тоже что-то замѣшкались, да не ихъ посматривала Дуня.

— Чу, братцы, ѣдетъ! — сказалъ кто-то изъ стоявшихъ у кабака парней, настороживъ ухо.

Далеко изъ лѣсу чуть слышно доносился звонъ колькокольчиковъ, то вдругъ на мгновеніе замолкая, то раздаваясь снова.

— Ъдеть.

Толпа какъ будто ожила, и самъ Иванъ Петровичъ, не отрываясь, смотрѣлъ въ сторону лѣса. Разговоры прекратились.

Звонъ колокольчика доносился все явственнѣе, ровнѣе. Привычное ухо могло различить, что кони идутъ крупнымъ шагомъ. Но вотъ колокольчики вдругъ залились во всю, и вслѣдъ затѣмъ изъ лѣсу крупной рысью выбѣжала тройка Ильи. Видно было, какъ Илья тронулъ возжами, пристяжныя подхватили, и стрѣлой пронеслась мимо питейнаго почтовая телѣжка, прямо къ станціи. Но толпа не проглядѣла ни улыбающагося, запыленного лица Ильи, ни двухъ рублевыхъ бумажекъ, которыми онъ, въ знакъ привѣтствія ожидавшимъ его пріятелямъ, ухарски махнулъ надъ головой.

Какъ вкопанные, стали кони у воротъ станціи. Илья выскочилъ изъ телѣжки, пропелъ въ калитку, вынулъ засовъ у воротъ и настежь распахнулъ ихъ, чтобъ пропустить во дворъ свою тройку.

Пристяжные уже готовы были рвануться впередъ... но гнѣдко уперся. Онъ вдругъ задрожалъ-задрожалъ, припалъ на колѣни и повалился на ноги едва успѣвшаго отскочить сивки.

„Что за притча?“ мелькнуло въ головѣ у Ильи: — „никогда не бывало“...

Онъ подскочилъ къ гнѣдку и дернулъ его за поводъ. Но гнѣдко не поднимался... Шевельнулъ только головой, опять опустилъ ее и тяжело дышалъ.

— Гнядко!.. что ты? дурашка!.. ну!.. вставай! — говорилъ Илья.

Голосъ его начиналъ дрожать, какъ бы въ предчувствіи чего-то недобраго. Забывъ о пристяжныхъ, которыя порывались впередъ, Илья торопился распуснуть чрезсѣдельникъ, расупонить хомутъ — и опять пробовалъ поднять гнѣдка.

Дядя Иванъ и смотритель, вышедшіе къ воротамъ на звонъ колокольчика, суетились тутъ-же; они отпрягли пристяжныхъ и увели ихъ во дворъ. Отпрягли и гнѣдка, и отодвинули назадъ тарантасъ. Подбѣжали и парни отъ кабака, приплелись за ними и старики. Всѣ помогали поднимать гнѣдка, тянули и за узду, и за гриву, и за хвостъ, но гнѣдко не поднимался.

— Господи Иисусе!.. что такое попритчилось? Ахъ ты, Гос-

поди!—кричалъ Илья, бѣгая вокругъ гнѣдка и колотя себя ладонями по бедрамъ.

— Гнядко!.. Гнядышка! что ты?.. Христось съ тобой... ну-ну! вставай!—говорилъ онъ, поглаживая гнѣдка по мордѣ и поправляя у него растрепавшуюся чолку.

Гнѣдко, какъ-бы внимая увѣщаніямъ хозяина, пробовалъ приподняться, ложился на брюхо, поднималъ шею; но потомъ опять, обезсилѣвъ, падалъ на бокъ, опять вытягивалъ шею по землѣ, высовывалъ на сторону языкъ и только подергивалъ ногами и закатывалъ глаза.

— Что ты, гналь что ли больно?—спросилъ смотритель.

— Извѣстно, какъ всегда ѣздимъ,—отвѣчалъ Илья, — не впервой. Какъ слѣдуетъ ѣхалъ. Точно, тяжеловатъ тарантасъ-то, на ходу-то, значить: однимъ колесомъ песокъ забираетъ. Ну, и жарко было—отъ солнца-то пекло ужъ очень. Да все же ничего такого: доѣхали туда благополучно... Ну-ну! гнядко!.. вставай, что ли!.. Дрогнулъ это онъ у меня тамъ маленько, какъ выпрягъ я его,—да ничего: постояли съ полчаса, покуда я чайку попилъ, потомъ запрегъ я его, попоилъ маненько, да и поѣхалъ. И всю дорогу самъ такъ и торопить—впередъ идетъ. Еще тутъ я приворотилъ въ лѣсокъ—грибовъ посбиралъ—опять значить, передохнули; а потомъ и поѣхалъ ровненько.

— А пошто здѣсь-то погналь?—замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Господи,—обидчиво возразилъ Илья,—такъ завсегда къ станціи на машокъ подѣвзаемъ. Что жъ за диковина—погналь, какъ всегда.

И Илья опять ходилъ вокругъ гнѣдка и хлопалъ себя по бедрамъ.

— Нѣтъ, ужъ это онъ туда ѣхамши надорвался,—замѣтилъ дядя Иванъ.

— Кровь бы бросить,—сказалъ кто-то.

— А коноваль-отъ гдѣ? Въ село, что-ли, теперь за имъ гнать,—возразилъ другой.

— А такъ бы, безъ коновала. Дядя Иванъ! можетъ, умѣшь?—обратился къ старому ямщику какой-то парень.

Дядя Иванъ молчалъ.

— Какъ можно безъ коновала,—вмѣшался дѣдушка Трофимъ,—долго ли лошадь спортить. А она, можетъ, и такъ отойдетъ.

Илья стоялъ теперь, потушивъ глаза въ землю.

Гнѣдко вдругъ сильно вздрогнулъ, брыкнулъ одной задней

ногой, приподнявъ—было шею и, хлопнувшись опять головой о землю, захрапѣлъ.

Дядя Иванъ нагнулся къ нему, посмотрѣлъ на глаза и сурово произнесъ:

— Сдохъ.

Илья, какъ опалѣлый, медленно обвелъ глазами толпу; потомъ провелъ рукой по лбу; потомъ взглянулъ на неподвижнаго, вытянувшася гнѣдка, сорвалъ съ головы шапку и, съ ожесточеніемъ бросивъ ее подъ ноги, упалъ на трупъ гнѣдка и зарыдалъ.

Безмолвная, дрожащая, прерывисто дыша, съ скрещенными у пояса руками, стояла въ толпѣ Дуня. Она приближала въ числѣ первыхъ—она еще изъ окна увидала, какъ упалъ гнѣдко. Илья не замѣчалъ ея, хотя она была близко, впереди другихъ. Она тоже забыла все окружающее и сквозь подступившія къ глазамъ слезы видѣла только Илью и распростертаго на землѣ гнѣдка. А въ головѣ у ней какъ-то смутно носились, быстро смѣняя другъ друга и снова возвращаясь, безсвязныя слова, обрывки мыслей. То, что давно, сто разъ и на всѣ лады было передумано, беспорядочно мѣшалось теперь съ тѣмъ, что внезапно нахлынуло вновь. „Отдамъ... выручу...“ думалось Дунѣ, — „почувствуетъ... помогу... заживемъ... пуцай меня узнаеть... какъ люблю... остепенятся... выручу...“

— Ну, что жъ—не стоять же надъ нимъ: надо убирать,—сказалъ смотритель.

Дядя Иванъ пошелъ запрягать въ телѣгу хозяйскую лошадь, чтобъ свезти гнѣдка куда-то въ яму, въ лѣсъ, а Илья, переставъ реветъ, въ угрюмомъ молчаньи стаскивалъ съ гнѣдка сбрую.

Толпа стала расходиться.

Дуня тоже пошла домой, сопровождаемая братишкой и бабушкой, которые вернулись какъ разъ въ то время, когда у воротъ станціи стояла толпа. Братишка тормозилъ Дуню, хватаясь найденными имъ грибами, но Дуня шла молча, не слушая его.

Ушелъ и дѣдушка Трофимъ. „Нешто... жалко парня“, думалъ старикъ, доставая на ходу табакерку и запуская въ нее свои толстые пальцы, — „ну, и конь былъ—добрый конь!.. Хмъ! теперь ужъ эдакъ Ильѣ не ѣздить“... Трофимъ понюхалъ и проворчалъ себѣ подъ носъ: „гливо-сь, зря вѣдь въ кабаки вечеръ-отъ просидѣлъ. Дома-то, знашь бы, поль-лапта бы сплелъ“.

Разумѣтся, на даровое угощеніе отъ Ильи на сегодня никто не могъ разсчитывать, и кабакъ тоже опустѣлъ.

Илья одинъ повезъ своего гнѣдка въ лѣсъ. Дядя Иванъ долженъ былъ остаться на станціи, потому-что могли наѣхать проѣзжающіе, Серезки дома не было, а изъ постороннихъ никто не вызвался поѣхать съ Ильей — каждыя ждалъ ужинъ, всѣ устали, а завтра чуть свѣтъ опять надо пахать ѣхать. Дядя Иванъ и еще нѣсколько человѣкъ помогли только Ильѣ взвалить гнѣдка на телѣгу.

— Ничего, свалишь и одинъ, сказалъ кто-то изъ парней Ильѣ, — накренишь телѣгу-то и спустишь.

— Ничего, свалю, сердито отвѣчалъ Илья, — давай лопату, дядя Иванъ.

— Куда-те лопату? ужли, на ночь глядя, закапывать станешь? Лучше завтра поутру сходишь.

— А какъ волки ночью-то придуть.

— Ну, не придуть. А и придуть—всего не съѣдятъ, останется. Не то, на вотъ топоръ, — наруби ельнику и прикрой до утра.

— Ну, ладно.

И Илья повезъ своего гнѣдка въ лѣсъ, по той-же самой дорогѣ, по которой гнѣдко только что сегодня утромъ, гордо поднявъ подъ самые колокольчики голову, весело помчался въ свою роковую, послѣднюю путину.

Въ деревнѣ еще поговорили, поговорили о бѣдѣ, обрушившейся на Илью, да и спать стали собираться. Не ложился только цѣловальникъ Иванъ Петровичъ, не то сводившій какіе то счеты, не то разбавлявшій къ предстоявшему празднику водку водицей. Да не ложилась еще Дуня. Она дала поужинать своимъ домашнимъ, поужинала и сама. Бабушка съ внучкомъ улеглись и скоро заснули, а Дуня потихоньку вышла за ворота и пошла къ лѣсу.

— Куды, касатка? спросила ее у одной избы баба, вышедшая припереть ставни.

— Утка съ утятами чего-то не пришла домой, другой день запропастилась, — солгала, краснѣя, Дуня, — дойду къ пруду, посмотрѣть, нѣтъ ли тамо-де.

— Нешто, — сказала баба.

Дуня шла затѣмъ, чтобъ встрѣтить Илью, когда онъ будетъ возвращаться изъ лѣсу. У ней созрѣла мысль помочь Ильѣ въ бѣдѣ деньгами—отдать ему въ долгъ, на покупку лошади, все, что у ней было: восемьдесятъ рублей. Это, казалось ей, должно

было заставить Илью почувствовать, что у ней „душа добрая“, заставить понять, какъ она его любитъ. И если онъ послѣ этого опять заговорить о женитьбѣ—она рѣшилась согласиться сейчасъ-же. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ее тревожила мысль, что Илья можетъ съ горя зацѣпъ. Вотъ почему спѣшила она встрѣтить его теперь-же въ лѣсу, чтобъ поддержать его, ободрить, не допустить до кабака.

Рано ложится спать утомленная дневной работой деревня. Лѣтняя ночь, смѣнивъ сумерки, еще только надвигалась, еще едва-едва можно было различить звѣздочки на потускнѣвшемъ небѣ, когда Дуня вошла въ лѣсъ и сѣла при дорогѣ, недалеко отъ озера. Мертвая тишина была кругомъ.

Не долго ждала она. Скоро по дорогѣ, въ лѣсу, послышался стукъ колесъ: Илья возвращался. Когда телѣга его поровнялась съ Дуней, она его окрикнула.

Илья вздрогнулъ и хотѣлъ уже погнать лошадь, но узнавъ подходящую къ нему Дуню, остановился.

— Дуня, ты? спросилъ онъ.—А я было испугался—думаль, видѣніе какое. Ты что тутъ?

— Утку свою съ утатами на озерѣ искала,—солгала опять Дуня,—да вотъ присѣла, а ты ѣдешь... Свезъ?

— Свезъ.

— Эко горе тебѣ, Илья. Больно ужъ ты давѣ убивался, поглядѣла я на тебя.

— Не поминай лучше. Эхъ, Дунюшка—конь-отъ какой! все равно—родной.

— Больно ужъ у меня за тебя душа болитъ, Илья. Чего теперь будешь дѣлать-то? Новаго надо покупать.

— Эдакаго не сыщешь. Да и не на что еще и покупать-то. Есть деньги-то, да на нихъ не купишь; я за гнядка-то больше того придачи далъ. Ну, да буду сусловскому барину кланяться—авось поможетъ; дастъ, чай, полсотни—опосля заѣзжу. Лошади только эдакой ужъ не найти...

— Слушай, Илья, застѣнчиво промолвила Дуня,—я вотъ что... у меня есть... хочешь, возьми... значить, на лошадь... восемьдесятъ рублей... опосля отдашь. Мнѣ теперь-ка не надо... а ты возьми—купишь...

— Дуня?!—могъ только промолвить Илья и, вытаращивъ на нее глаза, молча сидѣлъ съ открытымъ ртомъ.—Ну, только Дуня!.. только ну!—произносилъ онъ растеряннымъ голосомъ.—А?!. смотри-ка!.. Ну-ну!.. Вотъ такъ ты!.. только ну!..

Дуня конфузилась отъ этихъ немногорѣчивыхъ, но отъ души исходившихъ похвалъ.

Нѣкоторое время они оба молчали. Наконецъ Илья пришелъ въ себя. Онъ соскочилъ съ телеги и взялъ Дуню за руку. Дуня стояла, опустивъ глаза въ землю.

— Что жъ ты за меня замужъ-то не шла? а?.. Теперь бѣду мою жалѣешь, послѣднее отдаешь... стало—любишь?.. Что жъ ты раньше-то?.. Слышь... Дуня?..

Вмѣсто отвѣта Дуня прильнула ему на грудь головой.

Илья горячо обнялъ ее и потомъ, приподнявъ ея голову и сквозь сумракъ окончательно наступившей ночи засматривая ей въ глаза, дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— Любишь, что-ли? а? Дунярка, любишь?..

— Люблю...

.....
Далеко за-полночь проискала Дуня свою утку съ утатами.

Алексѣй Луговой.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Друзья мои! О васъ въ моемъ лѣсномъ изгнаньи
Я часто думаю... нѣтъ, чтобъ сказать вѣрнѣй,—
Я думаю всегда: о васъ воспоминанье
Сроднилось со мной, какъ часть души моей.

Порой въ густой травѣ, какъ въ ароматномъ морѣ,
Я лягу, весь покрыть зеленою волной,
И медленно слѣжу въ лазуревомъ просторѣ,
Какъ тучки тянутся и таютъ надо мной.
Моя мечты плывутъ за ними вслѣдъ, далеко
Въ счастливый, мирный край забытыхъ дѣтскихъ сновъ;
И мой усталый взоръ спокойно и глубоко
Уходитъ за черту прозрачныхъ облаковъ.

Порой въ лѣсной глуши, у пня сухой березы,
Часами долгими сижу я, одинокъ,—
А въ головѣ моей свободно зрѣютъ грезы,
И книга праздная валяется у ногъ.
Я чутко слушаю осины робкій трепеть,
И пѣсню стрекозы, и перепела крикъ,
И вѣтромъ тронутыхъ вершинъ гнѣвливыи лепеть;
Всѣ звуки для меня—одинъ живой языкъ:
Мнѣ шепчетъ голосъ ихъ съ любовной, тихой лаской
О томъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ жило въ душѣ моей,
Что мнѣ казалось иль няниною сказкой,
Иль грезой смутною забытыхъ раннихъ дней...

Такъ, въ сладкомъ ужасѣ, я грезамъ отдавался;
На мигъ я былъ борцомъ за страждущихъ людей,
И мой смущенный умъ до боли упивался
Страданіемъ моимъ и славою моею.

И долго годы шли... И съ каждымъ днемъ все рѣже
Міръ вольныхъ, гордыхъ думъ манилъ мой робкій взоръ;
Лишь въ глубинѣ души таились думы тѣ-же—
Онѣ рвались на свѣтъ, на волю и просторъ.
Но тайный голосъ ихъ былъ робокъ и невнятенъ;
Жизнь много унесла изъ прежнихъ чистыхъ грезъ,
И на душѣ моей скопилось много пятенъ
Отъ тайно пролитыхъ, бессильно-злбныхъ слезъ.

И въ часъ, когда вашъ другъ подъ медленной грозою
Въ бессильи головой усталою поникъ,
Явились вы, друзья, и былъ водой живою
Для робкихъ силъ моихъ свободный вашъ языкъ.
Пусть это мигъ лишь былъ, пусть сонно и бесплодно
Вдали отъ васъ пройдетъ мой одинокій вѣкъ:
Все-жъ я извѣдалъ часъ, когда во мнѣ свободно
И радостно возсталъ могучій человекъ!

Вотъ почему слѣжу счастливыми глазами
Далекихъ облаковъ невѣдомый полетъ:
То прошлое мое съ блаженными мечтами—
Оно изъ свѣтлый путь, за вами вслѣдъ зоветъ...

---

* * *

Не упрёкай меня за то, что смолкъ мой стихъ,
Что пѣсня замерла и дремлетъ, недопѣта;
Что средь забавъ и встрѣчъ ничтожныхъ и пустыхъ
Поникъ и ослабѣлъ свободный духъ поэта.

Ты правъ—я отъ нѣмыхъ друзей моихъ отвыкъ
И пыли съ ихъ листовъ давно ужъ не сметаю;
Но умъ не дремлетъ мой: мудрѣйшую изъ книгъ—
Я рядъ людскихъ сердецъ, людскихъ страстей читаю.

Какъ въ книгѣ бытія, въ великой книгѣ той
Слѣшу перевернуть страницу за страницей,—
И новыхъ думъ и чувствъ невѣдомый мнѣ рой
Несется предо мной волшебной вереницей.

Живые образы на дно моей души
Я уношу отъ бурь измѣнчиваго свѣта—
Но пѣсенъ нѣтъ еще: слагаются въ тиши
Онѣ въ минуты грезъ и гордыхъ думъ поэта.

С. Караскевичъ.

Василій Степановичъ Брага. *)

(Очеркъ изъ жизни юговосточной Россіи).

Василій Степановичъ Брага состоитъ лѣсничимъ казеннаго участка въ одной изъ юговосточныхъ русскихъ губерній. Недавно онъ получилъ громаднѣйшее наслѣдство. Въ распоряженіи его оказалось вдругъ шестнадцать милліоновъ рублей наличнаго капитала, и случилось это какъ нельзя болѣе кстати. Можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, никогда еще деньги не попадали такъ на дѣло, и не оказывались такимъ могучимъ и благотворнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка, какимъ онѣ обѣщаютъ быть въ этотъ разъ.

Исторія доставшагося Брагѣ наслѣдства представляетъ яркія черты стариннаго русскаго экономическаго быта, и не можетъ не заслуживать нѣкотораго вниманія.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ и дѣйствовалъ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ юговосточнаго края откупщикъ, купецъ Демидъ Захаровичъ Хмѣль. Дѣятельность этого человѣка была необъятна. Онъ держалъ на откупѣ соляныя озера юговостока и доставлялъ соль въ Петербургъ и другіе внутренніе города, держалъ также на откупѣ продажу вина въ нѣсколькихъ губерніяхъ, откупалъ рыбныя ловли на всѣхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ только они отдавались на откупъ; далѣе у него въ арендѣ были степи по Дону и въ Приволжьи; онъ торговалъ скотомъ, имѣлъ хлѣбныя конторы во всѣхъ портовыхъ городахъ Азовскаго моря и отправлялъ огромными массами хлѣбъ за границу; скупалъ почти поголовно молодыхъ лошадей

---

*) Настоящій очеркъ и слѣдующіе за нимъ составляютъ продолженіе статей: „Борьба съ земельнымъ хищничествомъ“, помѣщенныхъ въ журналѣ „Новь“ 1886 г., №№ 19—22.

Прим. авт.

на Дону, а также во всѣхъ калмыцкихъ, киргизскихъ и туркменскихъ ордахъ, и держалъ лошадиное депо, откуда сдавалъ табуны для ремонта русской арміи и цѣлыми тысячами перегонялъ ихъ за границу. Онъ имѣлъ, кромѣ того, нѣсколько винокуренныхъ заводовъ и вообще захватилъ въ свои руки всѣ самыя крупныя и выгодныя статьи промышленности. У него генералы служили прикащиками и получали жалованья десятки тысячъ рублей. Въ конторахъ его принимали отъ повѣренныхъ деньги въ звонкой монетѣ и кредитныхъ билетахъ не считомъ, а въсомъ, на пуды, связками и кипами.

Хмѣль былъ дѣдъ Браги по матери. По происхожденію своему онъ былъ хохоль и смолоду былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ. Уроженецъ онъ былъ этого-же края и жилъ между 1780 и 1847 годами. Въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія на луганскомъ литейномъ заводѣ можно было видѣть хохла-крестьянина, возившаго тачкою о двухъ колесахъ, и запряженною однимъ воломъ, на заводъ песокъ, уголь и желѣзную руду. Это былъ Хмѣль. Будучи въ то время еще крѣпостнымъ, онъ состоялъ у помѣщика на оброкѣ. Въ 1812 году, во время войны съ французами, когда на русскихъ чугунолитейныхъ заводахъ были усилены работы, по случаю заготовленія крѣпостныхъ принадлежностей и разныхъ боевыхъ снарядовъ, Хмѣль попалъ въ надсмотрщики за нагрузкой и отправкой чугунныхъ ядеръ къ западнымъ границамъ Россіи.

Съ завода требовалось далеко больше, нежели сколько онъ успѣвалъ заготовить *). Поэтому ядра, пушки и все прочее чуть не горячими, прямо изъ формъ, клались на телѣги и увозились въ дѣйствующую армію къ Смоленску и другимъ пунктамъ. Нагружалось все, что успѣвали заготовить на заводѣ, гдѣ всѣ способы были пущены въ ходъ для усиленія дѣятельности. Каждый день употреблялось подъ кладъ сотни телѣгъ, но извозчиковъ, желавшихъ брать кладъ, были цѣлыя тысячи. Они стояли кругомъ завода и другъ передъ другомъ старались добиться полученія выгоднаго извоза, такъ какъ цѣна была по рублю слишкомъ отъ пуда. Хмѣль воспользовался этимъ и каж-

---

*) Тогда было точно такъ-же, какъ и потомъ въ крымскую войну, когда русскіе казенные литейные заводы не успѣвали заготовлять, кажется, половины того количества боевыхъ снарядовъ, какое требовалось, и правительство вынуждено было въ этомъ отношеніи призвать на помощь частную предпримчивость, что, по горячности дѣла, обошлось недешево.

дый разъ при нагрузкѣ объявлялъ, что кто изъ извозчиковъ желаетъ получить кладъ прежде другихъ, долженъ свезти и его пудъ. Всякій радъ былъ это сдѣлать, лишь-бы не стоять при заводѣ лишнихъ два-три дня, а не то и цѣлую недѣлю: не терять времени и не тратиться на харчи себѣ и лошади. Ежедневно, за отправленные пуды, цѣлыя пригоршни рублей высыпались въ карманы хохлацкихъ штановъ Хмѣля, а къ концу войны у него оказалось ни больше, ни меньше, какъ тысячь 50 рублей. Хмѣль послѣ этого выкупился у барина на свободу, сдѣлался купцомъ и пустился въ откупа, и дѣла его быстро пошли въ гору.

Умеръ Хмѣль во всемъ величіи несмѣтнаго богача-откупщика, коммерціи совѣтника, весь увѣшанный орденами и медалями. Онъ оставилъ состояніе миллионовъ въ 30 рублей. Это состояніе, а также всѣ дѣла его, откупа и промышленныя заведенія перешли въ руки его сына Марка Демидовича. Хотя у Хмѣля, кромѣ сына, были еще двѣ дочери, но одна изъ нихъ къ этому времени уже умерла, другая (мать Браги) была устроена особеннымъ образомъ и находилась отъ прямого участія въ наслѣдствѣ въ сторонѣ.

Маркъ Демидовичъ наслѣдовалъ отъ отца въ полной силѣ алчность къ богатству и честолюбіе, но не наслѣдовалъ отъ него той силы предприимчиваго и дѣятельнаго духа, какою отличался богатырь-хохолъ. Онъ перевелъ всѣ промыслы отца на деньги и занялся ростовщичествомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. На его деньги промышленялъ не только весь уѣздный городокъ, гдѣ онъ жилъ, но торговала чуть не половина купцовъ всѣхъ портовыхъ городовъ юго-востока Россіи. Обширныя имѣнія, земельные участки, угольные рудники, сотни домовъ въ каждомъ большомъ городѣ были у него въ залогѣ, и все это часто отходило въ его владѣніе, продавалось и перепродавалось. Маркъ Демидовичъ не бралъ откуповъ, но слѣдилъ за ними неупустительно. По нѣсколькѣ разъ въ годъ онъ или самъ являлся въ Петербургъ, или посылалъ повѣренныхъ на торги по крупнымъ откупамъ. Торговаться онъ никогда и не думалъ, но представлялъ залого, бралъ каждый разъ отступныхъ по 200, 300 тысячъ руб. и болѣе и уѣзжалъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Подобныя операціи во время существованія откуповъ продѣлывались всѣми капиталистами, у кого только хватало на залого.

Честолюбіе, а отчасти нѣкоторыя экономическія соображенія и виды увлекли Марка Демидовича сдѣлать одинъ важный про-

махъ, отравившій всю его жизнь. Онъ захотѣлъ быть дворяниномъ *по происхожденію* и выдти въ чины. Для этого онъ, по совѣту стряпчачаго, купилъ документы у одного бѣднаго дворянина изъ Малороссіи по фамиліи Хмѣленко и сталъ самъ подписываться вездѣ на бумагахъ не Хмѣль, а Хмѣленко. Всѣ удивлялись этой перемѣнѣ, но до истинной причины сначала немногіе додумывались. Далѣе онъ какъ-то устроилъ такъ, что, не бывъ никогда на Кавказѣ, состоялъ тамъ въ одномъ изъ полковъ, отличался въ сраженіяхъ и стычкахъ съ горцами, получалъ раны. За все это ему давали чинъ за чиномъ, и онъ дослужился до полковника. Сначала это доставляло ему большое удовольствіе и весьма потѣшало, тѣмъ болѣе, что по службѣ ему было очень мало работы: онъ раза два въ годъ только подписывалъ нѣсколько бумагъ, которыя ему присылали съ Кавказа. Потомъ же вышло то, что онъ тысячу тысячъ разъ проклялъ тотъ день и часъ, когда пріобрѣлъ себѣ потомственное дворянство.

Трудно представить себѣ, какой адъ создалъ себѣ въ жизни Маркъ Демидовичъ. Онъ подчинялся во всемъ своему стряпчачему, который, съ корыстною цѣлью, больше и больше запутывалъ его, заставляя дѣлать подлогъ за подлогомъ. Милліонеръ трепеталъ всякаго, кто только ни вздумывалъ погрозить ему доносомъ. Каждую угрозу, даже какого-нибудь бездѣльника, онъ щедро оплачивалъ. Дошло до того, что не только все уѣздное, но даже губернское крѣпостничество сосредоточивалось около него, какъ акулы около раненаго кита, и рвало, кому сколько удавалось. Устроили даже такъ, что онъ попалъ все-таки подъ судъ. Хотя его тутъ-же за милліонную взятку и освободили, но какъ освободили? Его сочли умершимъ и поэтому поводу прекратили производствомъ въ судѣ его дѣло. Несчастный милліонеръ, дворянинъ и полковникъ, былъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ, но продолжалъ жить, и велъ свои денежные операціи отъ имени жены и дѣтей. Послѣ этого всѣмъ мукамъ его и терзаніямъ не было ужъ никакой мѣры. Онъ писался умершимъ, но его могъ воскресить всякій злоумышленникъ, и послѣдняя вина могла быть для него горше всѣхъ первыхъ. Наконецъ онъ умеръ не фиктивно уже, а настоящимъ образомъ, и похороненъ секретно, подъ чужимъ именемъ. Тутъ тоже потребовались большія взятки и духовнымъ и свѣтскимъ властямъ.

Многимъ въ маленькомъ городкѣ N... и теперь, да и долго еще, будетъ въ память жизнь богатой Хмѣлиной и Хмѣленковой

семьи. Послѣ смерти стараго Хмѣля долго еще, болѣе 10 лѣтъ, жива была его жена. Это была закоренѣлая хохлушка. Она была уже сѣдая старуха, но все такая-же, какъ и смолоду, съ твердою поступью, суровая, грубоголосая. Безъ галушекъ она не могла прожить и одного дня. Говорила она до смерти чистымъ малороссійскимъ языкомъ и съ особенною чистотою выговаривала слова: „шо, якъ, се винъ, бисова дитына“. Жила она отдѣльно отъ сына, въ другомъ дворѣ и совершенно одна. При ней была только необходимая прислуга. У ней были свои особые обычаи и привычки. Подъ старость пѣшею ее нигдѣ нельзя было увидѣть: она всегда ѣздила на линейкѣ, запряженной бѣлою какъ снѣгъ лошадыю, такую-же старою, какъ она сама. Какъ только увидишь бывало бѣлую лошадь, запряженную лѣтомъ въ линейку, а зимою въ открытыя съ высокимъ, расписаннымъ задкомъ сани, тихо, осторожно, будто ощупью идущую по улицѣ города, такъ ужъ и знаешь, что это Хмѣлиха ѣдетъ къ сыну, въ церковь или въ лавки за покупками. Обыкновенно она только въ эти три мѣста и отлучалось изъ дому.

У старухи въ домѣ были свои обычаи. Когда ребятишки приходили къ ней на рождественскій праздникъ славить Христа, то у ней на этотъ разъ рядомъ вдоль стѣны стояли: большою коричневаго цвѣта сундукъ и три большіе, аршина полтора вышиною, посконные куля. Сундукъ, какъ ребятишками предполагалось, былъ полонъ мѣдныхъ денегъ, а кули были: одинъ съ пряниками, другой съ конфектами и третій съ орѣхами. Всѣхъ ребятишекъ, каждаго отдѣльно, она надѣляла своеручно. Давала сначала, не считая, каждому по горсти денегъ (одною рукою она пріоткрывала немножко крышку сундука, а другою набирала въ сундукъ денегъ, такъ что бывало въ сундукъ никакъ не заглянешь), а потомъ еще по горсти-же давала изъ каждаго куля того, что въ нихъ заключалось. Если кто изъ дѣтей, при славленіи Христа, особенно ей успѣвалъ понравиться, то она употребляла особый маневръ, чтобы показать свое благоволеніе. Счастливицу она давала изъ сундука двѣ горсти: достанетъ тихо, не торопясь одну горсть, потомъ съ особенными жестами другую. Это всегда разносилось дѣтьми по всему городу и въ тотъ-же день всѣмъ было извѣстно, кто изъ дѣтей удостоился получить отъ Хмѣлихи двѣ горсти денегъ. Но хитрая старуха этимъ маневромъ дѣлала только одну честь и славу:

двумя горстями она доставала изъ сундука содержимаго немножко только больше, чѣмъ и одною.

Маркъ Демидовичъ имѣлъ жену и трехъ сыновей. Домъ его одною своею половиною совершенно былъ открытъ для всѣхъ его знакомыхъ. Къ нему приходили, играли въ карты, пили, ѣли и уходили. Онъ же почти никогда и не показывался гостямъ; выходилъ только развѣ въ день своихъ и женниныхъ именинъ. Постоянно же онъ сидѣлъ все въ своемъ кабинетѣ, писалъ счетныя книги или совѣтывался съ секретаремъ и стряпчимъ. На его половину изъ бывавшихъ у него въ домѣ заходили и видѣлись съ ними лично только по очень нужнымъ дѣламъ; все же остальное устраивалъ его старшій лакей. Послѣдній распоряжался всѣмъ въ домѣ: принималъ гостей и удовлетворялъ всѣ ихъ требованія.

Жена Марка Демидовича была необыкновенно популярна въ народѣ. Она крестила дѣтей почти у всего города: у богатыхъ и бѣдныхъ. На Святую она обыкновенно дѣлала всѣмъ своимъ крестникамъ визиты, и карета ея стоитъ бывало какъ у богатыхъ, такъ и у самыхъ бѣдныхъ домовъ и лачугъ. На главные годовые праздники у ней въ домѣ бывалъ весь городъ—какъ мужчины, такъ и женщины. Въ это время она ужъ сама принимала гостей. Вообще она пользовалась величайшимъ почетомъ и вела себя важно, величественно, какъ царица. Окружные помѣщики поэтому никакъ ее и не называли иначе, какъ „Марфа-посадница“. Каждый праздникъ она бывала въ церкви, и тамъ ей отдавали почетъ, какъ архіерею. Ей отведено было особое мѣсто, дьяконъ торжественно выносилъ ей каждый разъ изъ алтаря на блюдѣ просвиру, а когда она выходила, по окончаніи обѣдни, изъ церкви, то ее со всѣхъ сторонъ подхватывали подъ руки, несли ей шлейфъ. Мужчины и женщины другъ передъ другомъ тѣснились къ ней и цѣловали у ней руку. Такъ какъ желающихъ сподобиться этого была масса, то она держала обѣ руки врозь, протянувъ ихъ въ стороны на всю длину, и двигала ими взадъ и впередъ, смотря потому, откуда протягивались къ нимъ губы для цѣлованія. Ее почти на рукахъ несли по церкви, по паперти и до самой ея кареты.

Маркъ Демидовичъ жилъ послѣ смерти отца только двадцать лѣтъ. Не устройся его жизнь такъ несчастно, онъ навѣрное удвоилъ бы и утроилъ капиталъ отца. Не смотря на гостепріимство и хлѣбосоольство (это дѣлалось съ расчетомъ и по необходимости), онъ былъ такъ скупъ и скарденъ, какъ и во-

образить трудно. Отецъ въ числѣ капитала оставилъ ему билетъ одного изъ русскихъ кредитныхъ учрежденій на 7 милліоновъ рублей. Откупщикъ изъ этихъ денегъ по милліону предназначалъ двумъ своимъ дочерямъ, но Маркъ и не подумалъ удовлетворить и одну, оставшуюся въ живыхъ послѣ смерти отца, сестру. Онъ намѣренъ былъ взять эти деньги и пустить въ оборотъ. Но, къ несчастью его, онъ вздумалъ это сдѣлать уже въ то время, когда приобрѣлъ дворянство и перемѣнилъ фамилію. Ихъ человѣку другого происхожденія не оказывалось уже возможнымъ получить. Марко утрашился, что этимъ можетъ обнаружиться его подлогъ, и счелъ за лучшее скрыть даже отъ своего семейства существованіе этихъ семи милліоновъ.

Трехъ сыновъ своихъ Маркъ Демидовичъ воспиталъ домашнимъ образомъ. Они почти ничему не учились и съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкли мотать и повѣсничать. Еще при жизни отца, матери часто приходилось расплачиваться за ихъ безобразія; когда же отецъ умеръ, то мотовству ихъ ужъ не было удержу и предѣловъ. Они вращались въ высшемъ кругу губернскаго дворянства, часто бывали и въ столицахъ, и ихъ обирали всѣ, у кого являлась только охота. Самый крупный расходъ каждаго изъ нихъ однако была на музыкантовъ, актрисъ и цыганокъ.

Черезъ десять лѣтъ по смерти несчастнаго Марка Демидовича коллосальнаго состоянія уже не существовало. Не существовало также и всей знаменитой семьи. Конецъ исторіи ея былъ темень. Одинъ изъ сыновей, кажется, имѣлъ мужество застрѣлиться; другого, какъ были слухи, отравила жена; третій опился. Мать долго еще жила въ одиночествѣ и крайней бѣдности, а умерла въ губернской богадѣльнѣ. Уже послѣ ея смерти обнаружилось существованіе семи милліоновъ капитала, которые съ процентами за 40 лѣтъ съ лишнимъ и достались теперь Брагѣ.

Василій Степановичъ получилъ воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Онъ окончилъ курсъ въ самомъ началѣ послѣдней русско-турецкой войны и ему пришлось попасть въ дѣйствующую противъ турокъ русскую армію. Онъ служилъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, много разъ отличался въ сраженіяхъ и возвращенъ былъ съ войны въ Россію въ массѣ раненыхъ. Вообще въ полку онъ — вѣрный тому закалу и направленію, какіе получилъ въ года своего воспитанія — былъ солдатъ настоящій: неусыпно дѣятельный, энергическій, безстрашный. Въ послѣдній разъ онъ

былъ въ ротѣ субалтернъ-офицеромъ. Ротѣ, въ которой онъ находился, пришлось идти первому на одинъ турецкій окопъ. Старшіе офицеры были убиты, Брага остался одинъ и велъ свою роту на сильнѣйшій непріятельскій огонь. Рота бѣгомъ спѣшила добраться до окопа; многіе изъ солдатъ падали на пути убитыми и ранеными. Брага тоже вдругъ былъ раненъ и упалъ. Солдаты смѣшались и готовы были повернуть назадъ, но Брага вскочилъ, выхватилъ у одного изъ убитыхъ солдатъ штыкъ и, опираясь на него, какъ на костыль, прыгалъ на одной уцѣлѣвшей ногѣ дальше и кричалъ: „впередъ, братцы, Богъ намъ поможетъ!“ Солдаты съ ревомъ, какъ львы, бросились за нимъ и ворвались въ окопъ.

Послѣ войны Брага скоро оправился отъ полученныхъ имъ ранъ и поступилъ на правительственную службу. Онъ перепробовалъ множество всевозможныхъ профессій по службѣ, нѣсколько лѣтъ велъ скитальческую жизнь изъ края въ край Россіи, и наконецъ очутился на теперешнемъ мѣстѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ передъ собою тотъ путь и тотъ родъ дѣятельности, къ которымъ стремилась его душа съ ранней молодости. Но прежде, нежели говорить о дѣятельности Браги въ это время, необходимо пояснить дѣтство его, жизнь въ родной семьѣ и воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ.

Отецъ Василя Степановича былъ русскій помѣщикъ и то, что онъ былъ зятемъ богатой семьи, оказывалось для него величайшимъ несчастьемъ. На юго-востокѣ строеніе семьи еще нѣсколько патріархальное, и старшій въ крѣпко держащейся семьѣ имѣетъ совершенно деспотическую власть. Случается, что мать, оставаясь въ семьѣ безъ отца старшею, бьетъ сына, иногда заслуженнаго офицера, полковника, даже генерала. „Матушка, вспомните: вѣдь я генералъ“ говорить сынъ.— „Я не генерала бью, а моего сына!“ отвѣчаетъ мать. Поэтому здѣсь положеніе принятаго въ семью зятя и въ простой земледѣльческой семьѣ весьма тяжело. Тестъ обременяетъ его непосильными работами, теща ненавидитъ, жена заставляетъ исполнять всевозможные прихоти и капризы. „Зятнина пуба всегда подъ лавкой, зятнино мѣсто въ красномъ углу, гдѣ рогаши ставятъ, зять ѣстъ коржи съ саломъ“ (ржаная пышка, когда другіе члены семьи ѣдятъ пшеничныя и съ масломъ) — такъ гласятъ народныя поговорки. Всякій, увидѣвши куцую собаку, скажетъ: „должно быть въ зятяхъ была, что хвоста сбыла“. Вообще о слабо-

сильныхъ, забытыхъ и заморенныхъ собакахъ ходить въ народѣ множество анекдотовъ и всегда къ нимъ приравнивается положеніе зятя. Такъ, зять съ тестемъ на гумнѣ складывали снопы съ воза. Въ это время собака прыгнула черезъ загородъ и, не перепрыгнувъ, свалилась съ забора, упавъ плашмя бокомъ. Тестъ замѣтилъ: „Что это съ нашей собакой?“ — „Должно быть, она въ зятяхъ была“, отвѣчалъ зять. Тестъ замоталъ себѣ это на усъ и говоритъ послѣ женѣ: „Должно быть нашему зятю у насъ не хорошо—вишь, что онъ говоритъ“. Тещу это взорвало: „Какого же ему еще лѣшлага нужно? вареники варимъ—юшка *) вся за нимъ, раковъ варимъ—тоже юшка за нимъ“.

Таково тутъ положеніе зятя и въ бѣдной чернорабочей семьѣ. Но еще хуже оно въ семьѣ привилегированной и богатой. Здѣсь зять прискивается какъ тряпье на писчебумажную фабрику, какъ мѣдъ въ ломъ, для передѣлки въ другія формы. Таково именно было положеніе двухъ зятевъ въ семьѣ откупщика Хмѣля. Дочери у него были почти однолѣтки, и онъ выдалъ ихъ замужъ въ одно время, устройвъ ихъ участь сообразно своему идеалу. Онъ подобралъ имъ въ женихи бѣднѣйшихъ дворянъ, служившихъ маленькими чиновничками въ глухихъ уѣздныхъ судахъ. Они оба были красавцы наподобь, но бѣднѣйшіе-пребѣднѣйшіе, и по нраву своему, казалось, были способны на всякую передѣлку. Могучій хохоль имѣлъ намѣреніе перемѣнить даже фамиліи на свою и сдѣлать ихъ точь-въ-точь похожими копіями самого себя; но перваго однако онъ не сдѣлалъ по нѣкоторымъ важнымъ соображеніямъ, такъ что зятя сохранили свои собственныя прозвища.

Хмѣль купилъ каждому зятю по деревнѣ съ крестьянами, построилъ дома, снабдилъ ихъ роскошною мебелью. Самыя свадьбы дочерей онъ справлялъ съ неслышанною роскошью. Для народа изъ подваловъ его выкатились бочки съ водкой. По ночамъ кругомъ его дома горѣли десятки смоляныхъ бочекъ. Брачныя постели невѣсть стоили каждая, кажется, 10 тысячъ рублей. Особеннаго, впрочемъ, въ нихъ ничего и не было. Кровати были изъ орѣхового дерева. На нихъ сначала былъ положенъ коверъ, а потомъ лежали перины, застланныя батистовыми, обшитыи кружевами, простынями и покрытыя атласными, розоваго цвѣта, одѣялами. Потомъ лежали шесть подушекъ съ тюлевыми бѣлаго цвѣта наволоками и въ розовыхъ тафтяныхъ чехлахъ, обшитыхъ широкимъ рюшемъ. Надъ кро-

*) Горячая вода, въ которой варились вареники или раки.

ватами были занавѣсы изъ малиноваго штофа, обшитые широкою, малиноваго-же цвѣта, бахромой.

Въ приданое къ невѣстамъ зятя получили отъ Хмѣля по 300 тысячъ рублей. Кромѣ того тесть въ это-же время обѣщаль давать каждому рожденному дочерью ребенку на зубокъ по 30 тысячъ руб., а въ случаѣ его смерти дочери должны были получить отъ брата еще по милліону рублей ассигнаціями (тогда деньги на серебро еще не считались). Можно бы, кажется, и тутъ сказать: „какого имъ еще лѣпшаго было нужно — юшки имъ много“. Но богатство и роскошная обстановка несовсѣмъ-то сладко пришлись обоимъ зятьямъ. Дѣло въ томъ, что Хмѣль умѣль брать людей въ тиски, обставлять ихъ и управлять ими—какъ никто. Зятьямъ пришлось такъ солоно, что они не знали, что и дѣлать. Черезъ годъ же семейныя дѣла одного изъ нихъ, мужа старшей дочери Хмѣля, сложились такъ, что онъ сошелъ съ ума и, зарѣзавъ жену, вскорѣ умеръ и самъ, не оставивъ наслѣдниковъ. Брага устоялъ, да и то только благодаря мягкому и ласковому нраву крѣпко привязавшейся къ нему жены. Онъ долженъ былъ служить у тестя по откупамъ, исполнялъ обязанности ревизора и по настоянію его устроилъ два винокуренные завода. Но, при его кроткомъ нравѣ и религіозномъ направленіи, это непонутру было ему, и онъ отводилъ душу во всевозможныхъ благотвореніяхъ крестьянамъ. Онъ устроилъ въ слободѣ своей церковь, завелъ школу, держалъ пѣвчихъ. Между прочимъ онъ держалъ домашнюю аптеку и лѣчилъ крестьянъ. Былъ онъ всѣми чтимъ и уважаемъ и умеръ скоропостижно, отравившись лѣкарствомъ, которое приготавливалъ для больныхъ крестьянъ. Обыкновенно онъ приготавливалъ лѣкарства по народнымъ рецептамъ, существующимъ у знахарей и лѣкарокъ, куда часто входятъ значительными дозами сулема, вострая водка, ртуть, семибратская кровь, кучелѣбы, нефть и проч. Прежде, чѣмъ давать такой составъ больнымъ, онъ отвѣдывалъ его самъ, и если лѣкарство было слишкомъ крѣпко, то ослаблялъ. Въ послѣдній разъ онъ отвѣдалъ настолько крѣпкаго состава, что его спасти не могло уже никакое противоядіе.

Покойный послѣ смерти своей оставилъ жену съ восьмилѣтнимъ сыномъ при хозяйственныхъ дѣлахъ, крайне разстроенныхъ. Милліона рублей, завѣщаннаго Хмѣлемъ, имъ не удалось получить отъ брата; между тѣмъ винокуренные заводы дѣйствовали уже много лѣтъ въ убытокъ. Брага и послѣ освобож-

денія крестьянъ, не желая нарушать установившійся уже въ той мѣстности экономической порядокъ, продолжалъ имѣть заводы и курилъ водку, когда акцизъ на нее возвысился, а рожь, вслѣдствіе заграничнаго торга хлѣбомъ, стала доходить въ цѣнѣ до 9 руб. за четверть. Такимъ образомъ онъ и накурилъ себѣ большой бѣды.

По смерти мужа, Анна Демидовна — такъ звали мать Василя Степановича Браги — сочла за лучшее сбыть имѣніе и переѣхать для образованія сына въ губернскій городъ, что она и сдѣлала. Потомъ она переѣхала съ сыномъ и въ столицу. По уплатѣ бывшихъ на имѣніи долговъ, у ней остался небольшой капиталъ; она помѣстила его въ кредитныя учрежденія и жила на проценты, получая что-то около 500 руб. въ годъ.

Съ ранняго дѣтства у Василя Степановича обнаруживалась натура дѣятельная и чрезвычайно любознательная. У него было странное, необъяснимое стремленіе къ крестьянской жизни и крестьянскому труду. Самое большое удовольствіе было для него — дѣлать что-нибудь такое, что похоже на крестьянскую работу. Поэтому любимыя игры у него были: копать колодцы, строить пруды, избы, пахать, молотить или, нарядившись бурлакомъ, косаремъ, съ косою черезъ плечо, идти въ дальнюю сторону на заработки. Когда нянька, рассказывая ему сказки, спрашивала его, кѣмъ бы онъ желалъ быть, когда вырастетъ большой, то онъ отвѣчалъ: „я желаю быть крестьяниномъ, и придутъ ко мнѣ другіе хорошіе крестьяне, и мы построимъ множество крестьянскихъ деревень“. Мысль дѣлать, строить, садить и сѣять не покидала его маленькую головку ни во-снѣ, ни на-яву. Любознательность его доходила до болѣзненности. Во все онъ хотѣлъ проникнуть, всѣмъ овладѣть. Такъ, отъ матери онъ научился еще в лѣтъ отъ роду вязать иглами и шить, и мать говаривала, видя его за работой: „тебѣ, Васинька, быть бы только дѣвочкой“. Отъ няньки своей и дворовыхъ крестьянскихъ бабъ онъ научился въ это-же время прясть и даже ткать. Учась въ гимназіи въ губернскомъ городѣ, онъ перебивалъ много разъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась кака-либо работа; любимымъ дѣломъ его было снимать гимназическую форму и, одѣвшись подходящимъ образомъ, отправляться въ какую-нибудь мастерскую — сапожную, кузнечную или столярную — и тамъ или присматриваться къ работѣ, или работать наравнѣ съ подмастерьями. Поэтому, когда онъ получилъ отъ гимназіи аттестатъ

въ знаніи науки, то въ то-же время ему можно было выдать такой-же аттестатъ и въ знаніи всѣхъ народныхъ и мастерскихъ работъ, какія только производились въ той мѣстности. Онъ отлично могъ: отбить косу, приправить ее къ косью и косить, наладить крестьянскій плугъ; нехудо владѣль топоромъ, пилой и долотомъ, а также молотомъ и клещами, иглой и шиломъ. Сапоги онъ могъ шить, правда, некрасивые, но самые крѣпкіе въ мірѣ; подковать же лошадь, напрутить косу, настальить топоръ и лемехъ онъ могъ, какъ искуснѣйшій мастеръ.

Въ высшемъ учебномъ заведеніи духъ практической любознательности не покидалъ Брагу. Онъ пробылъ въ заведеніи 6 лѣтъ, и каждое лѣто, кромѣ лѣта перваго и послѣдняго годовъ, какъ только наступали каникулы, онъ уходилъ изъ столицы на югъ и удовлетворялъ своей странной жаднѣ неустаннаго физическаго труда. Это не было съ его стороны потѣхой и шуткой и въ дѣтскіе года, теперь же, когда онъ былъ уже мужчиной съ мощною физическою силой, это былъ регулярный упорный трудъ, дающій результаты. Онъ странствовалъ по югу и юго-востоку, какъ рабочій, въ толпѣ чернаго люда, а въ концѣ лѣта возвращался—истощенный, загорѣлый—въ учебное заведеніе продолжать науки. Никто и не подозрѣвалъ, какое подвижничество выносила каждый разъ эта молчаливая и скромная личность, какія могучія воспринимала впечатлѣнія, сколько тратила физическихъ силъ.

Василій Степановичъ выросталъ и развивался безъ всякой помѣхи. Въ учебныхъ заведеніяхъ онъ держался особнякомъ. Товарищества у него не было. Изъ учителей тоже никто на него не имѣлъ особаго вліянія. Послѣднее если и было, то со стороны кроткой, молчаливой, глубоко-набожной и любящей его матери. Мать и сынъ безъ словъ понимали другъ друга и чувствовали одинъ другого и на далекомъ разстояніи въ разлукѣ. Даже и потомъ, когда Брага въ зрѣломъ уже возрастѣ, въ трудахъ и подвигахъ, стремился къ осуществленію своихъ идей, онъ никогда не переставалъ чувствовать, что тамъ далеко, въ отдаленной улицѣ бѣлокаменной и златоглавой Москвы, въ чистой и уютной комнатѣ, горять неугасимыя лампы, льются горячія слезы и возсылаются за него молитвы къ небу. Старушка давно уже умерла, но Брагѣ и теперь представляется ея образъ—худой, истощенный, благословляющій и падающій ницъ предъ иконой Спасителя.

Старушка много лѣтъ подѣ конецъ жизни была молчальницей по обѣту. Она не дѣлала сыну наставленій, ни о чемъ его не спрашивала и глядѣла только на него съ какою-то безпредѣльною мукой и тревогой. Брага читалъ въ глазахъ матери всѣ ея мысли, и ни одинъ мудрецъ міра не могъ сказать ему такъ много, такъ наэлектризовать его, какъ этотъ нѣмой взглядъ матери. Молча она благословляла его, молча давала иногда деньги и говорила только: „да, нѣтъ, возьми, приходи, не надо“. Когда Брага первый разъ отлучался надолго, она благословила его иконой святаго Сергія Радонежскаго, а на шею ему повѣсила ладонку, состоящую изъ двухъ деревянныхъ дощечекъ въ вершокъ длиною и полвершка шириною, сложенныхъ ящичкомъ, задѣланныхъ въ кожу и всунутыхъ въ сумочку малиноваго бархата. Въ самомъ ящичкѣ находился листъ бумаги и на немъ мелкимъ, но четкимъ почеркомъ были написаны первоначальныя молитвы: Иисусу Христу, Духу Святому, Пресвятой Троицѣ, молитва Господня и нѣкоторыя другія; въ концѣ же псаломъ 90-й. Въ послѣднемъ были подчеркнуты слова: „Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится, яко Той избавить тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна; плещма Своима осѣнитъ тя и подѣ крилѣ Его надѣбнися; оружіемъ обыдетъ тя истина Его. Не убоишия отъ страха ночнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тѣмѣ приходящія, отъ сряца и бѣса полуденнаго. Падетъ отъ страны твоя тысяща и тѣма одесную тебе, къ тебѣ же не приблизится. На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія. Яко на Мя упава, и избавлю, и покрю, яко позна имя Мое. Воззоветъ ко Миѣ и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, и изму его, и прославлю его. Долготою дней исполню его и явлю ему спасеніе Мое“.

Входя въ комнату Анны Демидовны, нельзя было не чувствовать какого-то трепетнаго благоговѣнія. Все было тутъ тишина, миръ, благословеніе. Это была именно комната русской религіозной женщины, и все въ ней имѣло глубокой смыслъ. Въ ней было три окна, и горѣло неугасимо три лампы. Она была уставлена иконами, между которыми, кромѣ иконъ Спасителя и Пресвятой Дѣвы, были иконы всѣхъ великихъ святыхъ подвижниковъ Россіи, начиная отъ Владиміра Святого, Антонія Печерскаго, митрополитовъ Петра и Алексѣя, святыхъ Зосимы и Савватія и до Митрофанія Воронежскаго и

Тихона Задонскаго. Но на первомъ планѣ послѣ Спасителя почему-то были иконы Сергія Радонежскаго и святыхъ Авраамія Трудолюбиваго и Онуфрія Молчаливаго, мощи которыхъ почитаютъ въ Кіевѣ, въ трапезѣ преподобныхъ печерскихъ.

Анна Демидовна проводила время въ постоянномъ трудѣ. Она кажется вовсе не спала. Постоянно она молилась, читала псалтырь и евангеліе или занята была вязаньемъ чулокъ и косынокъ, которые приготовляла по заказу купцовъ. За работу эту она брала дешево, но зарабатывала довольно много. Эти трудовыя свои деньги она употребляла на масло для лампадъ и свѣчи, раздавала нищимъ, а не то всё цѣликомъ отдавала сыну. Старушка держала прислугу-женщину, которую нашла гдѣ-то въ больницѣ, умирающею отъ неизлѣчимой болѣзни. Она взяла ее къ себѣ, вылѣчила, и та жила у ней до самой ея смерти.

Втеченіи четырехъ лѣтъ своей учебной жизни въ столицѣ Брага перебивалъ во всѣхъ мѣстностяхъ юга и юго-востока Россіи и перепробовалъ всѣ промыслы и занятія народа. Работу себѣ онъ вездѣ находилъ легко, такъ какъ за заработной платой не стоялъ, а дѣлать былъ радъ все, что подвернется. Всѣ похождения его въ это время были для него весьма важны въ томъ отношеніи, что сближали его съ народомъ и посвящали его во всѣ сокровеннѣйшія тайны его жизни. Такъ какъ все переиспытанное имъ въ то время отражается на характерѣ его теперешней дѣятельности, то нельзя хотъ вкратцѣ не коснуться всѣхъ многообразныхъ его походовъ.

Въ первый годъ Василій Степановичъ плылъ на бѣлянѣ *) и плотахъ по Волгѣ до Царицына. Эта первая служба его была для него какъ нельзя болѣе удачною. Обыкновенно бурлаки на плотахъ бываютъ или коренные, взятые съ мѣста на весь путь, съ дачей имъ задатковъ, или добавочные, взятые временно, гдѣ понадобится, безъ срока и безъ задатка. Брага поступилъ на бѣяну добавочнымъ бурлакомъ, но въ короткое время прошелъ всѣ бурлацкія должности: онъ былъ въ лямкѣ и коснымъ (въ хвосту шеренги бурлаковъ, при тягѣ сваривающей бичеву: должность самая низкая), и шипкой (передовой въ лямкѣ), и водоотливомъ, и наконецъ въ послѣднее время пути исправлялъ

*) Бѣяна—самая большая барка, бѣлая, несмоленая. Это—плоскостонное, неуклюжее и самой грубой работы рѣчное судно. Бѣяны сплавляются весной по Волгѣ съ лѣсомъ, смолою, лыками и рогами; за ними часто идутъ плоты того-же хозяина.

должность даже лоцмана. Какъ всё бурлаки, онъ носилъ при-
своенный знакъ: ложку на шляпѣ.

Въ Царицынѣ Брага первый разъ увидѣлъ массу бродя-
чаго русскаго рабочаго люда. Пестрѣе и разнохарактернѣе
толпы трудно себѣ и представить. Каждую весну, съ откры-
тіемъ навигаціи, сюда сползаются десятки тысячъ чернаго люда.
Рабочіе идутъ сюда, а также въ Дубовку, Саратовъ, Калачъ,
Ростовъ, Таганрогъ и др. пункты сухимъ путемъ, ѣдутъ паро-
ходами, плывутъ на плотахъ изъ губерній пензенской, сим-
бирской, саратовской, воронежской, курской, тульской и дру-
гихъ. Въ общемъ вся эта толпа тратитъ страшную массу вре-
мени, нравственныхъ и физическихъ силъ, прибывая сюда еже-
годно весной и уходя обратно осенью. Бѣлая часть рабо-
чихъ, по недостатку денегъ, проходитъ пѣшкомъ 1000 и болѣе
верстъ весной и столько-же при обратномъ слѣдованіи осенью.
Многіе большею частью еще дома въ селахъ группируются въ
партіи большія и малыя, соединяются человекъ по 5—10 и
болѣе, справляютъ плохенькую лошаденку, тележку и отпра-
вляются въ путь. Лошадь покупаютъ самую дешевую, рублей въ
5—6, лишь-бы она шла шагомъ и везла нетяжелую телегу
съ харчами и лишнимъ платьемъ. Многіе рабочіе воронежской
и тульской губ. соединяются человекъ по 10—20 и болѣе муж-
чинъ и женщинъ (многіе рабочіе бываютъ съ женами), поку-
паютъ лодку рублей за 10—15, или дѣлаютъ ее сами, кла-
дутъ въ нее свои пожитки и плывутъ внизъ по Дону до низо-
выхъ казачьихъ станицъ и городовъ Ростова и Таганрога. Это
бываетъ для нихъ далеко дешевле, нежели-бы они ѣхали же-
лѣзною дорогой или парохомомъ. Въ пути своемъ они не лѣ-
нятся, попеременно работаютъ веслами и достигаютъ предначер-
таннаго мѣста нисколько не медленнѣе, какъ ѣхали бы на паро-
ходѣ. Тамъ на мѣстѣ, въ низовьяхъ Дона, они не безвыгодно сбы-
ваютъ свою лодку, покупаютъ лошаденку и углубляются въ степи.

Уходя изъ дому рабочіе совершенно не знаютъ, что именно
ихъ ожидаетъ на тѣхъ мѣстахъ заработковъ, куда они стре-
мятся. Это бываетъ причиною, что здѣсь часто разыгрываются
тяжелыя драмы. Въ урожай на хлѣбъ и траву, а также въ годы
промышленнаго и торговаго оживленія на пристаняхъ Волги и
въ портахъ юго-востока, сотенъ тысячъ приходящаго сюда на-
рода оказывается еще мало. Цѣны на рабочія руки поднимаются
страшно. Въ Царицынѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ и другихъ пунк-

тахъ одинъ работникъ выработываетъ въ сутки 5 — 6 руб. Въ степяхъ цѣна косарю доходитъ до 3 и 3½ руб. сер. въ день, гребельщицѣ — до 1 р. 50 к., а парами мужч. и женщ. — до 4½ и 5 руб. Между хозяевами и рабочими въ такихъ случаяхъ начинается борьба, и—кому взять верхъ—рѣшаютъ обстоятельства. Рабочіе, нанятые на срокъ, большею частью разбѣгаются, рассчитывая на болѣе высокій заработокъ поденно. Иногда цѣлыя партіи рабочихъ, забравъ деньги впередъ, снимаются и исчезаютъ. Мировые судьи и всѣ правленія бывають завалены разборомъ дѣлъ по объявленіямъ о сбѣжавшихъ. Разыскивать и возвращать сбѣжавшихъ бываетъ бесполезно; переписка же продолжается цѣлыя годы и хорошо еще, если кончается возвращеніемъ забранныхъ и неотработанныхъ денегъ. О томъ, что рабочіе своимъ уходомъ причинили вредъ хозяину несвоевременною уборкой хлѣба и порчей его, ужъ въ большинствѣ случаевъ и рѣчи не заводится: доказать убытки нечѣмъ и взять съ рабочихъ нечего.

Нельзя не признать, что положеніе степного хозяина при урожаѣ часто бываетъ печально до трагическаго. Чтобы спасти хозяйство, онъ долженъ сносить пьянство, лѣнь, грубости, оскорбительныя выходки рабочихъ и всякіе беспорядки. Пришельцы рабочіе берутъ верхъ и пользуются своею силою ужъ безъ всякой сдержанности: хозяинъ положительно у нихъ въ рукахъ. Ходъ отношеній въ такихъ случаяхъ именно таковъ. Нанята партія сроковыхъ рабочихъ отъ троицы до 1 октября по 60 — 70 руб. Имъ выданы на руки задатки, и до страдной поры ихъ занимаютъ какими-нибудь домашними работами. Живутъ они мирно и работаютъ усердно, пока не опредѣлится урожай на травы и хлѣба. Если урожай плохъ или посредственъ — рабочіе проживутъ все лѣто; если же онъ хорошъ, то, какъ только опредѣлится поденная цѣна, которая обыкновенно вдвое или втрое выше сроковой, — со стороны рабочихъ начинаются неудовольствія, капризы, пьянство и распушенность въ исполненіи работъ. Придирки доходятъ до того, что рабочіе заставляютъ хозяевъ давать имъ по 4 раза въ день горячую пищу, а работаютъ такъ, что 25—30 человекъ убираютъ въ день по 2 и по 2½ десятины, тогда какъ въ самое дорогое время уборка десятины стоитъ около 15 руб. Всѣмъ этимъ рабочіе доводятъ хозяина до того, что онъ ихъ рассчитываетъ; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то рабочіе бѣгутъ, оставивъ свои письменные виды.

Какъ рабочими, такъ и хозяевами здѣсь выработаны особая системы найма и отношеній. Самымъ удобнымъ временемъ для найма сроковыхъ и годовыхъ рабочихъ считается святая и троица. Обыкновенно въ сроки на лѣто нанимають съ этого времени и до успенья, покровя, филипповскихъ заговень, а если на годъ, то непременно съ святой и до святой, или съ троицы до троицы. Если съ покровя или филипповскихъ заговень нанимають, то никакъ не иначе, какъ на срокъ до святой или до троицы, т. е. до опредѣленія степени горячности рабочаго времени; на годъ же съ этого времени никогда не нанимають: хозяину назначить работнику въ это время настоящую годовую плату невозможно, такъ какъ онъ не знаетъ, каковъ будетъ урожай и нуженъ-ли ему еще будетъ рабочій; рабочій, съ своей стороны, за безцѣнокъ кабалить себя на годъ не согласится. Поэтому сдѣлокъ и не бываетъ. Существуютъ особые пункты, куда съ обширныхъ окружностей сходятся для найма тысячи народа, а также прїѣзжаютъ и хозяева-наниматели. Это всегда такія мѣста, гдѣ существуютъ весеннія ярмарки *): георгиевская 23 апрѣля, никольская 9 мая и троицкая. Всѣ въ окружности, находящіеся въ сроковыхъ и поденныхъ работахъ, рабочіе, а также и вновь прибывшіе изъ внутреннихъ губерній, спѣшатъ къ сроку въ такіе пункты, видятъ другъ съ другомъ, узнають цѣны, спросъ на работы, разныя новости, а также получаютъ вѣсти съ родины отъ пришедшихъ оттуда земляковъ. Даже работники и работницы, живущіе уже по нѣскольку лѣтъ у хозяевъ, и тѣ въ такое время уходятъ въ ближайшій ярморочный пунктъ, гдѣ хотя и опять нанимаются къ тому-же хозяину, но по новой сдѣлкѣ, совершенной въ этомъ обычномъ мѣстѣ. Окружные хозяева, кому нужны сроковые и годовые рабочіе, тоже ждутъ этого времени и являются къ сроку. Непосредственно самимъ имъ однако трудно бываетъ подобрать себѣ рабочихъ, и поэтому на это здѣсь существуютъ особые комисіонеры изъ мѣстныхъ жителей—мужчины и женщины. Если кому нужно нанять даже одну кухарку, то самому все-таки это бываетъ трудно. Самое лучшее—дать рубль какой-нибудь мѣстной старухѣ и поручить ей эту операцію. Этотъ агентъ энергически ринется въ цѣлое море работниковъ и работницъ, отыщеть непременно подходя-

*) Весенними ярмарками край весьма богатъ. Такъ, въ донской области, въ разныхъ мѣстахъ георгиевскихъ ярмарокъ 23 апрѣля существуетъ 15, никольскихъ 9 мая—13 и троицкихъ—11.

щую женщину и возьметъ ее. Приятно старуха будетъ лгать немилосердно, не будетъ щадить словъ, чтобы расхвалить хозяина, поручится за него, хотя часто видитъ его первый разъ въ жизни.

Въ концѣ лѣта, начиная съ успенья, въ хорошій годъ рабочій людъ ворочается съ юго-востока домой съ хорошими заработками, веселый, бодрый, хотя долгимъ, тяжелымъ трудомъ и истощенный физически. По грунтовымъ дорогамъ тянутся вездѣ толпы пѣшеходовъ; вагоны желѣзныхъ дорогъ и пароходы по Волгѣ и Дону биткомъ набиты чернорабочими пассажирами, возвращающимися со степей во внутреннія губерніи. Вездѣ можно видѣть веселыя лица, слышать пѣсни, гармоникки, балалайки. Большинство рабочихъ однако уходитъ пѣшкомъ. Въ этомъ отношеніи часто можно видѣть отсутствіе всякаго соображенія. Такъ, многіе изъ рабочихъ стараются уйти съ заработковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы быть дома къ 1-му сентября; но изъ нихъ только немногіе работаютъ до 28, 29 сентября, зарабатываютъ по 15 — 20 руб. лишнихъ, отдаютъ за пароходъ или желѣзную дорогу 5 — 6 р. и спокойно въ одинъ или два дни доѣзжаютъ домой; большинство же бросаетъ работу ранѣе, отправляется пѣшкомъ и бываетъ въ дорогѣ двѣ-три недѣли, не рассчитывая, сколько теряетъ времени, расходуетъ на харчи и бьетъ въ пути обуви.

Благоприятный исходъ лѣтняго путешествія народа на заработки однако бываетъ изъ десяти лѣтъ только три-четыре раза; въ остальные же года картина выходитъ совсѣмъ не такая. Въ портахъ, а также на пристаняхъ и тоняхъ Волги и Дона, никогда и въ хорошіе по торговлѣ и промышленности года не можетъ хватить работы на весь приходящій сюда народъ; въ годы же торговаго затишья и вовсе ея нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ вся масса народа устремляется въ степи и биткомъ набиваетъ всѣ степныя крестьянскія слободы и казачьи станицы. Приходятъ еще заблаговременно, далеко до начала покоса, и ждутъ времени, когда дѣлается готовою трава и начинается покосъ. Нѣкоторая часть рабочихъ и тотчасъ по приходѣ находятъ себѣ работу: кладутъ у казаковъ изъ камня и дерна стѣны, плетутъ плетни для огорожи базовъ, копаютъ рвы, прудятъ пруды и ставы. Большинство же пришедшихъ ждетъ наступленія покоса безъ всякаго дѣла, питается то милостыней, то на запасенныя съ дому копѣйки. Многіе закладываютъ косы, сапоги, лишнія рубашки, запасныя лапти. Берутъ ссуду подѣ

залогъ этихъ вещей у лавочниковъ и кабатчиковъ, такъ какъ только эти люди тутъ при деньгахъ. Закладываютъ напримѣръ сапоги, стоющіе 3 р., за полтинникъ, лапти—за 3 к., съ тѣмъ, чтобы при самомъ наступленіи работы черезъ какіе-нибудь три-четыре дня отдать въ выкупъ за первые рубль, а за вторые 7—10 к. При урожаѣ, если на обиліе работы вѣрная надежда, лавочники и кабатчики берутъ въ залогъ и папорты и ссужаютъ деньги только ужъ за удвоенный и утроенный противъ вышеозначеннаго процентъ. Гребельщицы закладываютъ платки, косынки, плахты, чулки, даже юбки. Хорошо еще, если послѣ всего этого дозрѣетъ трава и хлѣбъ и начнется покосъ. Косари выкупаютъ все и забудутъ нужду, но на половину бываетъ такъ, что передъ самымъ созрѣваніемъ травы и хлѣба вдругъ засуха: трава и хлѣбъ погораютъ, и рабочіе, теряя надежду на работу, въ ужасѣ разбѣгаются, возвращаясь обратно—кто откуда пришелъ. Нѣтъ мѣры лишеніямъ, голоду и всяческимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ, которыя переносятъ въ это время масса народа. По дорогамъ, въ степяхъ, по рынкамъ и улицамъ поселеній лежатъ и сидятъ обыкновенно больные, исхудалые прохожіе, возвращающіеся на родину. Многіе тутъ-же умираютъ отъ истощенія силъ и различныхъ болѣзней, зародившихся вслѣдствіе переходящихъ всякую мѣру лишеній. Въ казачьихъ станицахъ и крестьянскихъ слободахъ въ такіе года можно усмотрѣть значительный расходъ изъ общественныхъ суммъ на погребеніе безродныхъ, странниковъ и прохожихъ. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть желѣзныя дороги и особенно много скопляется рабочихъ, какъ напр. въ Ростовѣ и Калачѣ, на Дону и по Волгѣ, движеніе товарныхъ поѣздовъ если не совсѣмъ прекращается, то сокращается на значительную часть. По требованію мѣстнаго начальства, въ такихъ случаяхъ дѣлается усиленное движеніе поѣздовъ пассажирскихъ. Машины увозятъ насчетъ правительства рабочій народъ, спасая его отъ голодной смерти.

Явленіе это всегда поражало народное воображеніе. По Дону въ казачьихъ домахъ, между картинами „Ермака“, „Платова“, „Власова“, „Два дурака дерутся, а третій смотритъ“ (приэтомъ на картинѣ бываетъ только два дурака, третьяго нѣтъ; онъ предполагается передъ картиной)—между этими картинами въ домѣ какого-нибудь есаула или сотника можно встрѣтить картину, раздѣленную на двѣ половины съ надписью подъ каждою половиною. Съ одной стороны представленъ путникъ, бодро идущій по дорогѣ.

Видно, что это косарь и держитъ дальній путь. За нимъ бѣжитъ собачка, на плечѣ у него коса, на которой виситъ чѣмъ-то наполненная котомка и нѣсколько паръ новыхъ лаптей. На встрѣчу прохожему идетъ мѣстный житель и начинаетъ разговоръ: „Прохожій, куда идешь?“ — На Донъ! — „Зачѣмъ?“ — Косить! — „А собачку зачѣмъ ведешь?“ — Блины ѣсть. — На другой сторонѣ картины представленъ тотъ-же косарь, но худой, истощенный, безъ косы и собачки, съ костылемъ въ рукахъ и пустою сумкой за плечами. Онъ тихимъ шагомъ плетется по дорогѣ, едва, какъ замѣтно, передвигая ноги и переводя духъ. Надпись внизу объясняетъ все: „Прохожій, откуда идешь?“ — Съ Дону. — „Что ты тамъ дѣлалъ?“ — Косилъ. — „А собачку гдѣ жъ ты дѣлъ?“ — Да съѣлъ.

Мѣстные жители въ это время обыкновенно сами нуждаются неменѣе заходящихъ рабочихъ. Кто и желалъ бы помочь нуждающимся — не имѣетъ къ тому способовъ. Даже калмыки оказывать помощь въ такихъ случаяхъ считаютъ дѣломъ святымъ и богоугоднымъ, и между ихъ бакшами и обушами существуетъ рассказъ про одного, жившаго между людьми, мудраго и милосерднаго учителя. Онъ воздержался отъ десяти черныхъ грѣховъ, стяжалъ десять доблестей и былъ надѣленъ отъ всевышняго бурхана способностью къ превращеніямъ, могъ, по желанію своему, принимать разные виды. Одинъ разъ онъ встрѣтилъ въ степи умирающаго голодною смертію прохожаго и не могъ ничѣмъ помочь ему. Сострадательный будда (мудрецъ) однако нашелся: онъ обратился въ зайца и отдался въ руки прохожаго, принявъ добровольно муки насильственной смерти, чтобы спасти умирающаго.

Случается, что на другой годъ, послѣ полнѣйшей неудачи заработковъ для народа, юго-востоку угрожаетъ такой-же или еще большій неурожай, надежды на заработки нѣтъ никакой, народъ имѣетъ и слухи объ этомъ, но все-таки идетъ изъ внутреннихъ губерній въ меньшемъ количествѣ, какъ будто онъ чѣмъ-то обязанъ совершить это ежегодное странствованіе.

Вполнѣ обезпечены отъ недостатка работы только тѣ изъ приходящихъ на юго-востокъ рабочихъ, которые знаютъ какое-либо ремесло. Это артели плотниковъ, овчинниковъ, кожевниковъ, полеваловъ, печниковъ. Они находятъ по ремеслу работу втеченіи всего лѣта, пріѣзжая обыкновенно сюда въ половинѣ или въ концѣ апрѣля, а возвращаясь домой къ масляницѣ. Если покоса и полевыхъ работъ нѣтъ, то они такъ только ремесломъ своимъ и занимаются, получая хорошій заработокъ; если же годъ

урожайный, то они на мѣсяцъ и болѣе самаго горячаго времени и высокихъ цѣнъ на полевья работы бросаютъ свое специальное занятіе и нанимаются косить, что для нихъ въ это время вдвое-втрое выгоднѣе ремесла.

Въ Царицынѣ, въ годъ перваго прибытія туда Брага, работы были хотя и выгодны, но ихъ было недостаточно для всей массы рабочихъ. Далеко не всѣ изъ пришедшихъ попадали на заработокъ, и тѣ, которые оставались свободными, толпами шли изъ города, направляясь на югъ—къ кавказской линіи и Дону. Брага счелъ нужнымъ пробить нѣкоторое время въ Царицынѣ—этомъ чрезвычайно характерномъ съ экономической и промышленной стороны вообще пунктѣ. Онъ, по своей готовности дѣлать все, что подвернется, и за всякую плату, какъ бы она мала ни была, на каждомъ шагу находилъ себѣ работу, тѣмъ болѣе, что здѣсь, кромѣ выгрузки, перегрузки и передвиженія отъ Волги къ станціи желѣзной дороги и обратно всевозможныхъ товаровъ, идущихъ съ Каспійскаго моря, съ верху и низу Волги на Донъ, а также съ Дону, Азовскаго и Чернаго морей на Волгу, для отправления по ней и желѣзной дорогѣ на сѣверъ и югъ,—кромѣ всѣхъ этихъ работъ, здѣсь существуетъ еще заработокъ разными ремеслами. Довольно обширно развиты здѣсь кустарныя ремесла: ковальское, столярное и плотницкое. Промышленники лѣсомъ держатъ въ этомъ городѣ цѣлыя депо готовыхъ домовъ, амбаровъ и другихъ зданій. Они настраиваютъ ихъ десятки и сотни разной величины и формы и потомъ продаютъ ихъ готовыми на свозъ въ степи казакамъ, крестьянамъ и калмыкамъ. Домъ въ длину 12 аршинъ, а въ ширину 8 арш., крытый тесомъ, можно здѣсь купить за 250—300 руб. Это вдвое дешевле того, если бы купить лѣсъ на Волгѣ, свезти его въ степи и нанять къ нему мастеровъ, которыхъ часто въ степяхъ и не найдешь.

На торговыхъ пристаняхъ по городамъ и селамъ, а также и на рыбныхъ тоняхъ очень часто можно встрѣтить рабочихъ одиночекъ; на работахъ же въ степяхъ и въ бурлацкомъ промыслѣ—на баркахъ, разшивахъ, бѣлянахъ и плотахъ—такіе встрѣчаются, какъ самыя рѣдкія исключенія. Здѣсь рабочіе нанимаются партіями или по крайней мѣрѣ по двое. Въ этомъ отношеніи въ народѣ существуетъ правило: „товарищъ въ дорогѣ и въ работѣ необходимъ, такъ-же какъ въ городѣ порука, а въ деревнѣ сосѣдь“, и принципъ товарищества стоитъ строго.

Зачастую плывущіе безостановочно по Волгѣ (остановиться бываетъ убыточно и часто невозможно) плоты и разшивы высаживаютъ гдѣ-нибудь на берегъ трудно-больного рабочаго, но онъ остается не одинъ: съ нимъ высаживается и совершенно здоровый его дорожный товарищъ. У нихъ все пополамъ: и заработокъ и убытокъ, и горе и радость. То-же самое встрѣчается и въ степяхъ. Вообще въ средѣ рабочаго люда на каждомъ шагу чувствуется потребность товарищества для взаимной поддержки.

Брага тоже почувствовалъ необходимость товарищества. На первый разъ ему подвернулся въ товарищи человекъ уже пожилыхъ лѣтъ, показавшійся ему съ перваго-же раза чрезвычайно практическимъ, смышленнымъ, трезвымъ и дѣятельнымъ. Онъ и дѣйствительно былъ такимъ, но вскорѣ оказалось, что въ товарищи Браги онъ негодится такъ-же, какъ скоморохъ попу. Онъ былъ дѣленъ посвоему. Въ черной работѣ и нѣкоторыхъ ремеслахъ онъ былъ дилетантъ: работалъ только временно, сколько ему взлюбитъ и схочется; главное же занятіе его было праздничное. Онъ былъ музыкантъ, имѣлъ гармонику и съ помощью ея дѣлалъ значительный заработокъ. По праздникамъ онъ выходилъ на людную площадь, гдѣ было нѣсколько кабаковъ и собирался народъ; садился тутъ гдѣ-нибудь и, когда достаточно собиралось народу, заявлялъ о себѣ игроку на своемъ инструментѣ. Онъ игралъ сначала самую заунывную русскую пѣсню, которая стонала, лилась какъ слезы и хватала всѣхъ за сердце. Иногда онъ подъ гармонику поддѣввалъ. Это еще лучше выходило, и около него собирался большой кругъ. Дальше онъ игралъ какую-нибудь самую забористую плясовую пѣсню. Игралъ такъ, что многіе не могли удержаться, чтобы не плясать. Площадь покрывалась группами пляшущихъ. Многіе плясали съ великимъ азартомъ и послѣ говорили, что они никогда не могутъ утерпѣть и не плясать при хорошей музыкѣ, потому что имъ, какъ надо полагать, попадаютъ всегда сапоги изъ кожи бѣшеной коровы: такова уже ихъ участь. Музыкантъ, возбудивъ общій энтузіазмъ, умолкалъ и игралъ уже послѣ этого только тогда, когда ему платили. Охотниковъ всегда было много. За каждую извѣстную пѣсню у него была установлена особая такса, которую онъ по произволу дѣлалъ и больше и меньше, смотря по степени своего утомленія и расположенію къ музыкѣ публики. Нанимали его иногда играть и на часъ, на два, и на цѣлый день. Такъ онъ зарабатывалъ

отъ 10 до 20 рублей въ каждый праздникъ. Самая гармоника у него была на славу. Онъ заплатилъ за нее, какъ говорилъ, 30 руб. сер., и по устройству своему она дѣйствительно стоила этихъ денегъ. Она была довольно значительной величины, съ двойными клавишами, а по угламъ ея сверху были приправлены колокольчики, которые въ нужныхъ случаяхъ, по волѣ музыканта, звучно звякали и дѣлали тактъ.

Другой товарищъ Браги былъ молодой парень. Онъ встрѣтилъ его на площади между рабочими и въ первый разъ принялъ за сумашедшаго. Парень одѣтъ былъ только въ одну рубашку и порты, безъ шапки и сапогъ, за спиной и въ рукахъ у него ничего не было. Исхудалое лицо его было черно и подергивалось конвульсіями. Онъ дико смотрѣлъ глазами и все озирался, какъ будто чего-то страшился; обращаясь къ комунибудь на площади, онъ спрашивалъ что-то и поспѣшно отбѣгалъ въ другую сторону. Никто на него не обращалъ вниманія. Дѣло было въ томъ, что онъ нѣсколько уже недѣлъ тому назадъ вышелъ на работу одинъ и за все это время не нашелъ никакого заработка. При выходѣ изъ дому цѣль его была добратъся до Дубовки на Волгѣ, на переѣздъ куда онъ отдалъ послѣднія деньги. Работы тамъ для него не оказалось, и онъ направился изъ Дубовки деревнями въ Царицынъ. Дорогой не вездѣ его кормили ради Христа, и онъ проѣлъ все: косу, которою собирался на заработкахъ косить, сапоги, шапку, запасное бѣлье и онучи. Наконецъ, на послѣднемъ ночлегѣ казачка взяла у него за ночлегъ и сумку, и онъ остался безъ всего. Брага имѣлъ въ карманѣ до трехъ десятковъ рублей, и такой горемыка какъ разъ подошелъ ему въ товарищи.

Потомъ уже, на дорогѣ изъ Царицына въ степи, Брага и его сотоварищъ сошлись еще съ 10-ю косарями. Это были крестьяне симбирской губерніи, партія — на подборъ молодець къ молодцу. Изъ нихъ нѣкоторые были уже пожилые люди, прѣвшіе зубы въ хожденіи по заработкамъ. Артель эта была за большою славой. Она ежегодно ходила въ одни и тѣ-же мѣста и имѣла обширное знакомство. Между казаками въ донскихъ станицахъ она слыла партіей Алексѣвичей. Казаки другъ передъ другомъ всегда старались нанять косить Алексѣвичей; народъ это былъ — золото: ихъ только поставь, укажи работу и хоть не заглядывай. Многіе отцы, посылая сыновей на базаръ нанимать косарей, говорили: „погляди, не будетъ-ли зна-

комыхъ Алексѣевичей, что косили у насъ позапрошлый годъ“. Имя партіи этой далъ старикъ Алексѣевичъ, бывшій въ ней старшимъ и вожакомъ когда-то много уже лѣтъ тому назадъ. Давно уже старикъ умеръ на родинѣ въ симбирской губерніи и пересталъ ходить на заработки, а партія его и теперь все партія Алексѣевича. Послѣ — какъ видно будетъ ниже — крестьяне эти основали въ донскихъ степяхъ поселеніе и назвали его поселокъ „Алексѣевичи“. Такъ личныя достоинства и доблести не умираютъ между людьми. Брага и его товарищъ присоединились къ этой артели и не испортили собою десятка. Они тоже стали называться Алексѣевичами.

Работы въ приволжскихъ степяхъ и на Дону еще въ это время не предстояло, такъ какъ была только вторая половина мая. На Дону хотя и былъ хорошій урожай травы и хлѣба, но до покоса оставалось еще недѣли три; поэтому партія Алексѣевичей направилась на линію Кавказа, гдѣ покосъ начинается ранѣе, нежели въ донской области, недѣлями тремя или даже мѣсяцемъ. Путь былъ дальній, а партія спѣшила къ дѣлу, какъ нельзя болѣе. Маршъ былъ самый форсированный: проходили въ сутки по 80 и 90 верстъ. Брага выносилъ тяжкое испытаніе и выдерживалъ пробу: терпѣніе его было такъ-же велико, какъ и страсть къ приключеніямъ всякаго рода.

Отбывъ покосъ на Кавказѣ и заработавъ на брата рублей по 50, Алексѣевичи воротились на Донъ въ калмыцкія кочевья и застали еще и тутъ косовицу. Живущіе здѣсь калмыки всѣ и всегда, а коннозаводчики, арендаторы-посѣвщики и казаки почти наполовину, нанимаютъ косарей косить отъ копны. Они приговариваютъ партію косарей и гребельщиковъ, указываютъ имъ траву и тѣ косятъ, гребутъ и кладутъ въ копны. Плату получаютъ отъ копны. Обыкновенно цѣна за копну отъ 20 до 40 коп., смотря по урожаю травы. Если трава хороша и при костьбѣ набориста, косарь накашиваетъ въ день десять и болѣе копенъ, то цѣна за копну ниже. Бываетъ же трава урожаемъ такова, что самый хорошій косарь накоситъ въ день только двѣ-три копны. Тогда и цѣна за копну выше. Большею частью въ послѣднемъ случаѣ, если трава ужъ очень плоха, то отъ копны и не нанимаются косить. Косари, прежде нежели наняться, всегда внимательно осматриваютъ траву и уже послѣ этого дѣлаютъ условіе. Условливаются, чтобы копна была семи-саженная (3 сажени черезъ верхъ и 4 кругомъ), чтобы прини-

мать хозяину копны, сдѣлать имъ счетъ и мѣрить черезъ два дня не болѣе послѣ ихъ складки и проч. Со стороны недобросовѣстныхъ косарей употребляются часто, при такой работѣ, всевозможныя хитрости. Кладутъ сѣно, давши ему хорошо высохнуть и потопорщиться. Каждый навилень стараются класть сторчъ, а не плашмя. Кладутъ копны на кустахъ бурьяна и калючки; начиная копну, первый навилень кладутъ ребромъ, другой къ нему тоже приставляютъ ребромъ и т. д.; сѣно лежить въ копнѣ не ровно плашмя, а натопорено туда и сюда; его мало, а копна кажется большою. Стараются сдать хозяину такія копны передъ дождемъ, а не послѣ него, когда онѣ облягутъ. Отъ малѣйшаго дождя онѣ сильно затекаютъ и портятся. Вообще хозяевамъ мало бываетъ расчета нанимать косарей отъ копны, но все-таки этотъ способъ многими практикуется, особенно калмыками.

Если косари косятъ отъ копны, то харчи обыкновенно у нихъ бываютъ свои, отъ хозяина они часто выговариваютъ только извѣстное число барановъ для мяса. Еще заблаговременно они запасаются въ достаточномъ количествѣ пшеномъ, саломъ, сухою рыбой для постныхъ дней; хлѣбъ же или нанимаютъ печь гдѣ-нибудь въ ближнемъ селѣ за извѣстную плату отъ пуда, или завозятъ съ собой сухари изъ дому, а не то покупаютъ ихъ у священниковъ и дьяконовъ ближайшихъ селъ. Духовенство получаетъ здѣсь доходъ отъ приходовъ деньгами въ самомъ незначительномъ количествѣ; больше имъ платятъ разными продуктами: масломъ, яйцами, мясомъ, животными, хлѣбомъ въ зернѣ и хлѣбомъ печенымъ. Печенаго хлѣба каждый причтъ собираетъ сотню возовъ. Все это дѣлится, сушится и потомъ сбывается прохожимъ, проѣзжимъ и желающимъ изъ мѣстныхъ жителей. У cadaго священника, дьякона и причетника можно найти всегда большіе запасы, цѣлые закромы сухарей. Продаются самые лучшіе сухари на мѣру 50—60 коп. и на пудъ 1 р. и 1 р. 20 к.

Въ первой половинѣ іюля партія симбирцевъ-Алексѣвичей спѣшила домой, чтобы успѣть убирать созрѣвшую къ этому времени рожь у себя дома. Брагъ было рано ворочаться въ учебное заведеніе, и случай указалъ ему особый путь. Онъ нашелъ для себя удобнымъ наняться въ табунщики къ татарамъ, пріѣхавшимъ изъ Крыма.

На лошадей въ коннозаводскихъ степяхъ Дона всегда существуетъ довольно хорошій сбытъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ коннозаводчики выгоняли лошадей для продажи на ярмарки. Теперь они этого почти не дѣлаютъ. Если и случается встрѣтить на какой-нибудь ярмаркѣ лошадей, то это только бракъ изъ молодыхъ, или старья, отслужившія уже въ табунахъ свою службу лошади. Годныхъ же лошадей покупаютъ въ табунахъ на мѣстѣ ремонтеры войскъ, барышники и казаки для службы. Ремонтеры и барышники захватываютъ молодыхъ лошадей большею частью годовиками, съ тѣмъ иногда, чтобы взять ихъ изъ табуна черезъ лѣто и зиму весной, т. е. въ то время, когда они будутъ уже третьяками. Отсюда они угоняютъ ихъ въ свои депо и по нѣкоторой выдержкѣ тамъ доставляютъ въ свои части войскъ. Нѣкоторые барышники угоняютъ табуны молодыхъ коней и кобылицъ, годныхъ для ремонта войскъ, за границу, что въ послѣдніе года воспрещается.

Старыхъ табунныхъ лошадей, негодныхъ уже для приплода, а также и молодыхъ, имѣющихъ какіе-нибудь физическіе недостатки, покупаютъ на зарѣзъ калмыки и татары. Есть и между коннозаводчиками гастрономы, которые употребляютъ въ пищу конину, особенно молодыхъ, сосущихъ еще матерей жеребятъ, находя ихъ мясо вкуснѣе всякаго другого. Нѣкоторые изъ нихъ никакого другого мяса и не употребляютъ. Они рѣжутъ своихъ калѣкъ-жеребятъ, а также скупаютъ такихъ въ чужихъ табунахъ. Любители эти находятъ, что самое вкусное мясо у лошади получается изъ холки и спины.

Но все-таки браковухъ лошадей, годныхъ только на мясо, оставалось бы еще много отъ мѣстнаго потребленія, еслибы на нихъ не было спроса на сторону. Въ этомъ отношеніи коннозаводчиковъ выручаютъ крымскіе татары. Они пріѣзжаютъ сюда иногда партіями, скупаютъ цѣлые табуны старыхъ, матерыхъ кобылицъ, отгоняютъ ихъ въ извѣстные пункты крымскихъ степей, отгуливаютъ тамъ и бьютъ на мясо. Эти скупщики иногда находятъ для себя выгоднымъ покупать этотъ товаръ по довольно высокой сравнительно цѣнѣ, и они согласны скорѣе купить хотя и ослабѣвшую, старую, но мясистую, громадную кобылицу, нежели молодую и въ полной силѣ. Цѣна на старыхъ кобылицъ опускается до 15—10 руб. и поднимается до 40—50 руб. сер. за голову.

Къ такимъ-то купцамъ татарамъ Брага поступилъ въ погонщики табуна. Онъ весьма успѣшно сослужилъ эту службу и

получилъ хорошій заработокъ. Кромѣ того, такой благопріятный случай далъ ему возможность ознакомиться со степями Крыма и бытомъ татаръ. Изъ Крыма онъ воротился въ великую Россію тоже при дѣлѣ. Онъ былъ рабочимъ при гуртѣ рогатаго скота, который скупили въ Малороссіи и гнали въ Москву коломскіе купцы.

Подобное-же странствованіе и съ тою-же партіей симбирцевъ (артель сходилась каждый разъ въ условленномъ мѣстѣ) Брага продолжалъ и еще три лѣта. На другой годъ послѣ описаннаго лѣта Алексѣевичамъ однако была полная неудача, какъ и вообще всѣмъ, пришедшимъ въ этотъ край для заработковъ. Годъ былъ самый несчастный. Еще съ зимы начались дурные признаки. Зима была почти безъ снѣгу, хотя и съ большими морозами и частыми гололедицами. То вся земля была покрыта льдомъ, то онъ исчезалъ, вымерзая мало-по-малу. Корму къ зимѣ хотя и было заготовлено въ достаточномъ количествѣ, но такъ какъ, вслѣдствіе гололедиць, скоту съ самаго начала зимы нельзя было пасть въ полѣ, то онъ и былъ весь стравленъ. У многихъ корму даже не достало на всю зиму: морозы были лютые и скотъ истреблялъ кормъ въ далеко большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ. Весной и въ первой половинѣ лѣта была засуха. Трава не выросла, озимая пшеница и рожь повымерзли еще зимой, а посѣянный весной яровой хлѣбъ не взопелъ и остался въ землѣ. Пашни всѣ чернѣли, точно вчера вспаханныя.

Рабочихъ изъ внутреннихъ губерній сошло однако въ степи и въ этотъ годъ, какъ обыкновенно. Казалось даже, что ихъ было больше, нежели въ предшествовавшіе года. Узнавъ положеніе дѣлъ, народъ отхлынулъ въ ужасѣ. Это было бѣгство, подобное бѣгству французовъ изъ-подъ Москвы. На самой срединѣ лѣта край представлялъ самый печальный видъ. Народу угрожалъ страшный голодъ, скоту—гибель отъ безкормицы. По степнымъ дорогамъ воровство и грабежи усилились до того, что никому даже изъ официальныхъ лицъ нельзя было проѣхать безъ усиленнаго конвоя. Денегъ въ народѣ вовсе не было. Продать было нечего, кромѣ скота; между тѣмъ послѣдній цѣнился ни во что. Его выгоняли на ярмарки вдвое-трое противъ обыкновеннаго, но большею частью отдавали въ мѣну на красный и сапожный товаръ, на деготь; многіе промѣнивали цѣлые десятки коровъ и быковъ на табакъ и крендели и послѣ развозили эти продукты для продажи и мѣны по поселкамъ и калмыцкимъ кочевьямъ. Почти всѣ ярмарочные торговцы съ каждой ярмарки

гнали гурты скота. Изъ воронежской и екатеринославской губерній, а также съ Волги, промышленники привозятъ въ степи множество повозокъ и разныхъ другихъ экипажей. Въ этотъ разъ они мѣняли свои издѣлія тоже на скоть. Брали за возъ, стоящій 10—12 р., быка въ дѣну 40—50 руб., за повозку 5-рублеваго достоинства — корову въ 30—40 р. Кто привезъ на ярмарку 100 возовъ—тотъ погналъ домой 100 быковъ; кто привезъ 100 повозокъ—100 коровъ.

Хлѣба въ народѣ, такъ-же какъ и денегъ, почти не было. Его имѣла свой собственный, можетъ быть, только пятая часть населенія, —остальнымъ нужно было его покупать. Изъ общественныхъ магазиновъ засыпка хлѣба была вся разобрана еще среди лѣта. Кто только имѣлъ какія-нибудь деньги, то спѣшили закупить хлѣбъ въ Ростовѣ-на-Дону, въ Царицынѣ, Саратовѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ ссыпки хлѣба. Многіе готовились питаться преимущественно мясомъ. Поэтому готовили кадки и чаны для соленья мяса и рѣзали скотину и овецъ еще осенью, пока она не исхудала отъ безкормицы.

Менѣ всего обнаруживали безпокойства изъ мѣстныхъ жителей калмыки. Эти привыкли довольствоваться мясною и молочною пищею, имъ не нужно ни квасу, ни капусты для щей, ни пшена для каши. Хлѣба же имъ надо такъ мало, что на всю зиму примѣрно съ покрова и до святой достаточно бываетъ одного пуда ржаной муки на каждую душу въ семьѣ. Обыкновенно калмыки хлѣба не пекутъ: не умѣютъ да и посуды у нихъ на это нѣтъ. Въмѣсто печенаго хлѣба они употребляютъ буданъ: кипятятъ воду, сыпятъ туда немного муки и разбалтываютъ. Употребленіе этого кушанья замѣняетъ у нихъ хлѣбъ, хотя и не считается главною пищею, такъ какъ главнѣйшая и самая питательная пища калмыковъ — бараній или говяжій шюлюнь (отворъ, бульонъ), потомъ уже мясо, молоко, лепешки кислаго творогу, замѣняющія у нихъ квасъ и кислую капусту.

Многіе русскіе изъ коренныхъ жителей на юго-востокѣ въ эту зиму жили рѣшительно на калмыцкій манеръ: употребляли въ пищу преимущественно мясо, хлѣба не пекли, а дѣлали буданъ. Недостатокъ квасу (его не изъ чего было варить) и кислой капусты (огородныя овощи въ тотъ годъ тоже не родились) замѣняли арьяномъ (особенно приготовленный изъ кислаго молока напитокъ) и деревомъ-кислицей, барбарисомъ. Послѣдняго еще лѣтомъ и осенью наламывали вѣтками вмѣстѣ съ плодами и

листьями, клали въ кадлушки и наливали водою, которая черезъ нѣсколько дней дѣлалась кислою, какъ уксусъ. Когда вода вычерпывалась, то кадлушку вновь наливали. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ одна большая кадлушка со вѣтками и плодами барбариса служила всю зиму и доставляла квасъ.

Въ послѣдней половинѣ лѣта того года кое-гдѣ въ степяхъ выпадалъ дождь. По дорогамъ и степнымъ низинамъ повыросли лебеда, перекасти-поле, колючка, просянка; появился также во многихъ луговыхъ мѣстахъ кустистый бурьянъ-солодникъ. Казаки, крестьяне и калмыки косили и били топорами все это другъ передъ другомъ, возили въ зеленомъ видѣ домой, складывали на сараи и закуты и тщательно сушили. Все это предназначалось частью на кормъ скоту, а частью въ пищу для себя. Съ растеній этихъ по высушкѣ ихъ обивались сѣмена и листья для перемола въ муку. На мельницахъ многіе мололи всевозможную солому и особенно овсяную мякину, подмѣшавъ туда нѣкоторое количество зеренъ пшеницы, ржи или ячменя. Въ лѣсахъ, гдѣ по буеракамъ и рощамъ произрастали дубы, собирали жолуди, которые въ тотъ годъ весьма уродились.

Степи къ зимѣ почти опустѣли. Многіе степные поселки крестьянъ цѣликомъ, совсѣмъ съ хатами и домашними животными, скочевали внутрь Россіи, гдѣ больше было шансовъ не умереть съ голоду. Тѣ коннозаводчики, помѣщики и купцы-арендаторы, которые обыкновенно держали по 20—30 и болѣе сроковыхъ и годовыхъ рабочихъ, занимавшихся у нихъ лѣтомъ полевыми работами, а зимой присмотромъ за скотомъ и подвозкой для него корму, теперь оставили изъ 20 — двухъ, а изъ 30—трехъ только человекъ; остальныхъ разочли и отпустили. Въ эту зиму возить ничего не предстояло: скоть была только надежда прокормить подножнымъ кормомъ. Большинство разочтенныхъ и отпущенныхъ сроковыхъ рабочихъ посправляли кое-какія тележки и кочевали съ семьями на сѣверъ, везя съ собою и весь свой скарбъ. Планъ ихъ былъ тотъ, чтобы пріютиться гдѣ-нибудь на родинѣ около родныхъ, которые не дадутъ все-таки умереть съ голоду на время зимы, а весной опять воротиться на прежнія мѣста.

Симбирцы, товарищи Браги, подобно другимъ рабочимъ, уѣхали со степей: для нихъ происходившее здѣсь было почти обычное явленіе. Но Брага остался: онъ пораженъ былъ и прикованъ къ мѣсту ужасами народныхъ бѣдствій, катастрофами

хозяйствѣ. Нельзя знать, что было бы съ нимъ, еслибы среди лѣта ему не подвернулись новые товарищи и не увлекли его за собой. Это были шестеро мужичковъ южной окраины пензенской губерніи. Они ремесломъ были полстовалы. Каждый годъ послѣ покоса у себя въ губерніи ржи, они справляли сообща надежную лошадку (за нею они всѣ въ дорогѣ и на мѣстахъ, гдѣ останавливались, ухаживали съ необыкновенною любовью, другъ передъ другомъ кормили ее сѣнкой изъ ржаной соломы, пересыпанной мукой), отправлялись на Донъ или на Уралъ и тамъ весь остатокъ лѣта, осень и зиму производили свое ремесло. Они работали казакамъ, калмыкамъ и киргизамъ; работы было такъ много, что они не успѣвали все подѣлать. Обыкновенно они били шерсть, валяли теплые сапоги (валенки), ботинки, кенди, а также войлоки, налавники и проч. Зарабатывали они этимъ промысломъ въ 5—6 мѣсяцевъ на брата по 100 руб. и болѣе. Обыкновенно въ путь изъ дому они отправлялись въ первой половинѣ августа, а ворочались всегда уже къ масляницѣ, такъ чтобы масляницу провести „съ женами“. Это время, когда они съ хорошими заработками ворочались въ родную семью, было для нихъ самое счастливое и веселое въ году время.

Брага присоединился къ этимъ ремесленникамъ. На этотъ годъ пензенцы сочли болѣе для себя удобнымъ отправиться за Уралъ и работали тамъ зиму у казаковъ и киргизовъ довольно удачно. Брага искусился и въ этомъ ремеслѣ. Онъ, попеременно, то работалъ струною шерстобитной балалайки, то валялъ войлоки для калмыцкихъ и киргизскихъ кибитокъ.

Все, видѣнное и переиспытанное въ этотъ годъ Василиемъ Степановичемъ Брагой, сильно углубило его. Онъ возмужалъ духомъ, осмотрѣлся, и кругозоръ его въ средѣ народной жизни, ея нужды и потребностей широко раздвинулся. Для своей дѣятельности на будущій годъ онъ создалъ ужъ опредѣленный и ясный планъ. У него теперь было въ сберегательной кассѣ около 200 руб., и онъ съ помощью этого капитала придумалъ употребить свой и своихъ товарищей трудъ съ возможно наибольшей выгодой. Судьба благопріятствовала его замысламъ. Слѣдующіе затѣмъ два года были на юго-востокѣ урожайные и дали ему возможность привести въ исполненіе задуманный имъ планъ. Онъ незамѣтно теперь сталъ передовымъ вожакомъ, атаманомъ въ партіи Алексѣевичей. Правду сказать, атаманъ

былъ хоть куда: еслибы и самъ старый Алексѣевичъ всталъ теперь изъ гроба, то могучему косарю ничего-бы не оставалось дѣлать, какъ аплодировать, кричать ура и бросать шапку вверхъ. Брага повелъ въ битву небольшую, но храбрую армию!..

На другой годъ Алексѣевичи были на степи недалеко отъ Ростова-на-Дону и сначала сами отъ себя косили и продавали сѣно, а потомъ ловили въ гирлахъ Дона рыбу. На третій годъ они очутились на донскихъ соляныхъ озерахъ и угольныхъ копяхъ и во всѣхъ мѣстахъ этихъ имѣли хорошій заработокъ. Всѣ промыслы эти съ успѣхомъ практикуются многими рабочими крестьянскими партіями и заслуживаютъ вниманія, какъ отраднѣйшее явленіе въ народной жизни. Они являются фактомъ, доказывающимъ пробужденіе и въ средѣ народной массы духа промышленности, сметливости и сообразительности.

Нѣкоторыя крестьянскія партіи около Ростова и Таганрога начинаютъ самостоятельныя промышленныя предпріятія, совершенно не имѣя денегъ. Они являются предъ началомъ покоса травъ къ какому-нибудь землевладѣльцу и заявляютъ свое желаніе косить траву съ копны. Косятъ на такихъ условіяхъ: если трава хороша, то съ третьей копны, т. е. хозяину одну копну, а себѣ двѣ; плоше трава, то косятъ съ 4-й копны, или даже съ пятой. Свое сѣно косари тотчасъ, еще зеленымъ, накладываютъ на воза и возятъ въ городъ на базаръ, гдѣ въ это время свѣжее сѣно всегда въ высокой цѣнѣ. Продають они и на мѣстѣ въ степи сѣно копнами и стогами. Заручившись деньгами, они часто перестаютъ уже косить съ копны, а снимаютъ степь за деньги и косятъ ужъ свою траву.

Артель Браги съ перваго раза сняла степь за деньги. Товарищи за 75 руб. сняли степь, гдѣ можно было накосить сѣна болѣе 2000 копенъ. Для возки сѣна на рынокъ одна лошадь у нихъ была, другую они недорого прикупили на первыхъ-же дняхъ работы. При снятіи степи за деньги копна сѣна въ травѣ обходилась имъ около 3 коп., тогда какъ еслибы они косили сѣно съ копны и отдавали бы землевладѣльцу 3-ю копну, то такимъ образомъ приплачивали бы ему за каждую изъ оставшихся на ихъ долю двухъ копенъ по 30—35 копѣекъ. Изъ 2 тысячъ копенъ, накопленныхъ ими, двѣсти копенъ у нихъ осталось непроданными. Они сметали ихъ въ стога и отдали для продажи на комиссію надежному лицу.

Рыболовство на Дону развито только въ низовыхъ стани-

цахъ, особенно у гирлъ Дона. Заниматься имъ могутъ только мѣстные жители-казаки, и каждая станица въ своемъ юртѣ. Правилами и постановленіями станицъ запрещено ловить рыбу чужими неводами изъ части, имѣтъ промыселъ подъ чужимъ именемъ, а также и принимать въ компанію постороннихъ лицъ. Но во всѣхъ станицахъ многіе изъ казаковъ часто поставлены въ необходимость нарушать эти постановленія. Всѣ обзаведенія для рыбнаго промысла стоятъ недешево. У хозяина-рыбака должны быть: домъ для помѣщенія рабочихъ, заводъ, т. е. хорошо устроенный сарай, наполненный бутами, коягами, бочками, солилами, шалыками и другими снарядами для соленія рыбы, бугунъ для сушки рыбы, два по крайней мѣрѣ дуба (плоскодонныя лодки для укладки невода), два и болѣе каюка, сѣжи, вентери, два непременно невода изъ густой и рѣдкой дѣли и одну или двѣ волокуши (тоже неводъ, только въ меньшемъ по длинѣ и ширинѣ размѣрѣ) для мелководныхъ во время половодья тоней. На все это затрачивается 4—5 тысячъ рублей. Далѣе нужно нанять партію рабочихъ, которымъ необходимо почти всегда половину жалованья отдать впередъ. Ихъ нужно одѣть, продовольствовать, выписать паспорта, и это—исторія обширная. Обыкновенно рыбаки забродчики нанимаются на срокъ: отъ масленицы до троицы 35 р., отъ троицы до 8 сентября 50—60 р., отъ 8 сентября до 15 ноября 25—40 р. и отъ 15 ноября до масленицы 25 р. Такимъ образомъ простой забродчикъ стоитъ въ годъ отъ 135 до 160 руб.; рыбакъ же заводчикъ (это тоже забродчикъ, но старшій въ партіи, управляющій дубомъ и рабочими) получаетъ въ годъ 300 рублей и болѣе. Всѣ рабочіе бываютъ на своемъ платьѣ. Въ холодное время, болтаясь въ водѣ часто съ пловучими льдинами, они бываютъ буквально обшиты самою лучшею юфтью, не пропускающею воды. Сапоги у нихъ съ голенищами выше колѣна, а сверху въ родѣ шароваръ по поясъ надѣваются юфтовые порты, которые ниже колѣнъ, сверху голенищъ, плотно завязываются шнурками; на рукахъ прочныя рукавицы.

По причинѣ значительности затратъ на этотъ промыселъ донскіе рыбаки большею частью только обзаводятся всѣми необходимыми для рыболовства снастями и препаратами; рабочихъ же часто принимаютъ изъ части: пополамъ, за треть и т. д. Поэтому Братъ съ товарищами, имѣвшему около полуторы тысячи заработка съномъ, легко было пристроиться къ этому выгодному промыслу.

Алексѣевичи пришли къ гирлямъ Дона уже въ то время, когда прошелъ ледъ, прошла холодная вода и начала прибывать теплая. Холодной воды было мало, она не разливалась: во время хода ея берега Дона были на полгора и болѣе аршина видны изъ воды. Теплой воды было нѣсколько больше, но и она выступила только изъ болѣе низкихъ береговъ, высокіе же остались все-таки незатопленными *). Несмотря на позднее для рыболовства время, Алексѣевичи все-таки успѣли поймать около 70 тысячъ разной рыбы и до 150 тысячъ тарани. Первую продавали въ Ростовѣ за тысячу отъ 17 до 34 р., а вторую солили и вѣшали для сушки на рыбоспѣтномъ заводѣ. Выручка дѣлилась съ хозяиномъ завода пополамъ.

Къ концу рабочаго сезона у симбирцевъ оказалось заработка около 4 тысячъ рублей, тогда какъ обыкновеннымъ покосомъ даже и въ хорошіе года они не зарабатывали и тысячи руб. За удовлетвореніемъ обыкновенныхъ своихъ домашнихъ нуждъ они теперь могли имѣть въ остаткѣ около 3 тысячъ рублей. Давно уже они подумывали купить участокъ земли и завести въ степяхъ свои хозяйства, теперь рѣшили этотъ вопросъ окончательно. Выборъ ихъ палъ на одну изъ самыхъ глухихъ мѣстностей донской области. Это былъ отдѣлъ степи, разрѣзанный на участки въ потомственную собственность донскимъ офицерамъ и чиновникамъ. Подходящими къ покупкѣ оказались участки двухъ подполковниковъ, каждый въ 400 десятинъ. Участки эти лежали рядомъ и были нарѣзаны такими длинными и узкими полосами, что ихъ необходимо было покупать только оба вмѣстѣ: на одномъ изъ нихъ отдѣльно нельзя было завести и одного самостоятельнаго хозяйства. Они оба тянулись по длинѣ глубокой и скалистой балки, прилегая къ ней каждый одною своею стороною, такъ что межа между ними проходила по углубленію балки. Мѣстность эта была замѣчательна по своей дикости и пустынности. Природныя свойства ея поверхности, черноземной, но во многихъ мѣстахъ каменистой (по балкамъ вездѣ были высокія скалы), и обитавшія здѣсь дикія животныя давали ей особый отпечатокъ.

Всею окружностью въ избранной симбирцами мѣстности вла-

---

*) Весной полая вода въ Дону прибываетъ два раза: первый разъ, какъ только таетъ снѣгъ въ южныхъ частяхъ Дона; потомъ въ другой разъ, недѣля черезъ три, начинается опять прибывать отъ растаявшаго снѣга въ верховьяхъ Дона. Первая прибыль воды называется холодною, вторая—теплою.

дѣль, на правахъ арендатора, купецъ—посѣвщикъ хлѣба и вмѣстѣ скотопромышленникъ. У него въ отношеніи арендованія земли было что-то въ родѣ маніи. Онъ наарендовалъ ея и частной и казенной (войсковой) столько, что и счетъ потерялъ всѣмъ крупнымъ и мелкимъ участкамъ, которые взялъ въ аренду. Въ мѣстности находилось множество участковъ войсковой земли мелкихъ, по нѣскольку десятковъ или сотенъ десятинъ. Были такіе-же участки и частныхъ собственниковъ, нарѣзанные на крестьянскіе души по 8 ревизіи. Послѣдніе были величиною начиная съ 15 десятинъ, какъ полагалось на одну душу. Купецъ десятками бралъ такіе участки на торгахъ и столько наарендовалъ ихъ, что нѣкоторые вовсе упустилъ изъ виду и земля иногда много лѣтъ никому какъ-бы не принадлежала и была невладѣемою. Были, можетъ быть, и такіе участки, про которые само правительство забыло и никому ихъ не отдавало въ аренду. Между мѣстными крестьянами, а также проѣзжими чумаками и скотопромышленниками, такія совершенно свободныя мѣста назывались „Божіею землею“, т. е. землею, принадлежащею одному Богу. Ими пользовался всякій, кто желалъ; многіе даже тихонько сѣяли хлѣбъ и косили сѣно, но всякій разъ старались какъ можно скорѣе копны сѣна и хлѣбъ свезти домой. Проходящіе обозами чумаки ужъ такъ привыкли къ этому явленію, что всегда, желая покормить воловъ, спрашивали: „нѣтъ-ли гдѣ тутъ поблизости Божіей земли?“ Купецъ, владѣя такъ беспорядочно землею, не былъ однако въ убыткахъ. Онъ арендовалъ всего земли болѣе 200 тысячъ десятинъ по цѣнѣ отъ 5 до 50 коп. Изъ всего этого количества онъ самъ распахивалъ ежегодно около 2—3 тысячъ десятинъ цѣлинной земли; на остальной землѣ косилъ сѣно, пасъ скотъ, отдавалъ подъ попасъ другимъ скотопромышленникамъ и подъ распашку крестьянамъ, возвышая арендную плату за десятину до 12 р. с. Самъ купецъ распахивалъ земли сравнительно весьма мало, такъ какъ обработка десятины обходилась наемными рабочими и волами въ 45 р. За одну распашку десятины цѣлины платилось по 8 р.

Подполковникамъ за упомянутые участки купецъ Разбойниковъ *) платилъ по 25 коп. за десятину, а всего каждому за

---

*) Такова странная фамилія мѣстнаго арендатора земли. Крестьяне называли его просто Разбойникъ, но чаще почему-то Сахаръ. Послѣднее прозвище дано ему, можетъ быть, оттого, что онъ всегда, если хотѣлъ арендовать у казаковъ нужную ему землю на выгонныхъ кондціяхъ, то разыскалъ

участокъ въ 400 десятинъ по 100 р. Но подполковники отдавали Разбойникову землю только съ тѣмъ, чтобы онъ пасъ на ней скотъ, производилъ сѣнокосъ и распахивалъ ее, если пожелаетъ, но не имѣлъ права бить на ней птицу и звѣрей. Поэтому каждый изъ нихъ бралъ еще плату съ партіи казаковъ-охотниковъ за право бить изъ ружей, ловить капканами, тенетами и сѣтями всевозможную дичь. Казаки платили подполковникамъ по 150 руб. каждому и производили здѣсь свой промыселъ. Такимъ образомъ эксплуатація этой земли выходила весьма оригинальною. Замѣчательно, что подполковники не имѣли совершенно никакого понятія о землѣ и ея свойствахъ. Они нисколько не цѣнили драгоцѣнной дѣвственности и нетронутости земли. Они не додумались даже до того расчета, что мѣстные крестьяне охотно-бы отдали имъ по 10 руб. аренды за одинъ годъ владѣнія цѣлиной для распашки. Въ условіяхъ аренды неприкосновенность и самой малой части земли не оговаривались, и купецъ могъ въ первый-же годъ распахать ее изъ конца въ конецъ. Рано или поздно онъ и добрался бы до нея, но покуда еще очередь до нея не дошла, такъ какъ она удалена была отъ населенныхъ мѣстъ на разстояніе около сотни верстъ. Дальше же судьбою назначена была этой землѣ другая участь.

Можно сказать, что участки подполковниковъ съ тянущеюся по длинѣ ихъ скалистою балкой были для охотниковъ золотое дно. Они производили здѣсь охоту на всевозможную дичь втеченіи всего года, выѣзжая сюда въ благоприятное для каждаго рода охоты время. И какого только животнаго эти смѣтливые люди не уничтожали здѣсь и не обращали въ свою пользу. Они били желтобрюховъ (большихъ безногихъ ящерицъ, похожихъ на ужей и змѣй и водящихся въ множествѣ по мѣстамъ дикимъ, степнымъ, скалистымъ), сурковъ, ежей, сусликовъ, зайцевъ, лисицъ, волковъ, сайгаковъ, дудаковъ, стрепетовъ, утокъ. Нельзя подробно здѣсь не коснуться этой оригинальной промышленности, которая производится и въ настоящее время на юго-востокъ, но уже, за недостаткомъ удобныхъ мѣстъ, въ небольшихъ размѣрахъ и въ очень немногихъ мѣстахъ. Специалисты-охотники уже весьма рѣдко встрѣчаются между казаками, но они еще есть.

Самый фундаментальный доходъ давала промышленникамъ

самымъ вліятельнымъ въ ихъ обществѣ головы сахару. Многимъ также въ такихъ случаяхъ онъ дарилъ халаты.

охота на сурковъ и желтобрюховъ. Сурки (байбаки) водились здѣсь во множествѣ, и степь усѣяна была кургашиками, заключающими ихъ чрезвычайно длинныя, идущія въ землѣ самыми замысловатыми вверхъ и внизъ зигзагами, образующими углы и спиральные круги, норы. Самое гнѣздо сурка бываетъ устроено въ концѣ норы, гдѣ-нибудь надъ самую возвышенную поверхность земли. Случалось привязывать сурка на арканъ и пускать въ нору—и самага длиннаго аркана не доставало, чтобы допустить сурка до его гнѣзда. Онъ втягивалъ его въ нору весь. Животное это имѣетъ довольно цѣнную пушную шкуру, величиною бываетъ далеко больше зайца; встрѣчаются особи, достигающія роста средней величины собаки. Лѣтомъ сурки страшно жирны и охотники пользуются отъ нихъ, кромѣ шкурки, еще жиромъ, который цѣнится довольно дорого. Чтобы охотиться на сурковъ, нужна особая сноровка и ловкость. Ихъ трудно заставить вдали отъ норъ, когда они кормятся, такъ какъ дѣлаютъ они это ночью и по зарямъ; среди же дня, въ солнечное время, сурки выходятъ изъ норъ на свои кургашики и здѣсь бѣгаютъ другъ за другомъ, кувыркаются, а больше сидятъ около самыхъ своихъ норъ на заднихъ лапкахъ, поднявъ переднія вверхъ, и посвистываютъ. Охотнику нужно подкрасться къ сурку изъ-за другого кургана и выстрѣломъ убить его наповаль, попавъ въ голову или въ сердце; если же его только ранить, то онъ моментально опускается въ нору, и оттуда его ужь не достанешь. Ловятъ также сурковъ капканами, но это не всегда удается; опытнаго сурка въ капканъ не возьмешь, подобно какъ и травленнаго, бывалаго волка.

Охота на желтобрюховъ тоже производится весьма оригинально. Животныя эти въ этой мѣстности нѣсколько лѣтъ тому назадъ водились въ огромномъ количествѣ. Любимые притоны ихъ были каменистыя скалы, расположенныя по балкѣ, съ расщелинами и множествомъ наваленныхъ другъ на друга внизу каменныхъ глыбъ. Желтобрюхи достигаютъ большихъ размѣровъ роста. Средняя и обычная величина ихъ отъ полутора до 3-хъ аршинъ; но они встрѣчаются даже до 5 и болѣе аршинъ. Случается ѣхать на волахъ по дорогѣ и вдругъ, въ то время, когда сидишь на переднемъ возу, а сзади вереницей привязано еще нѣсколько паръ воловъ съ возами, желтобрюхъ или изъ любопытства, или изъ шалости, желая показать свое удалство, подползаетъ къ какому-нибудь заднему возу, взбирается

на него, и въ то время, когда голова его лежитъ на дышлѣ воза, а туловище тянется по подтоку или полудробкамъ, хвостъ виситъ съ воза и тянется по дорогѣ. Часто желтобрюхъ начинаетъ въ такомъ положеніи шипѣть, показывая языкъ и страшно приэтомъ пугаетъ воловъ, которые поднимаютъ ревъ, какъ при нападеніи волка. Извиваясь и ползая по возу, онъ иногда нечаянно попадаетъ подъ колесо; оно переѣзжаетъ ему туловище, брюхо или голову, и часто по степнымъ дорогамъ можно видѣть трупы громадныхъ желтобрюховъ, распластанные во всю свою длину. Животное это вообще робкое и безвредное: не имѣя зубовъ, оно пастью только щиплетъ. Когда испугается чьего-либо присутствія и спрятаться ему негдѣ, оно поднимаетъ шею и голову вверхъ иногда на аршинъ и болѣе, такъ что самая голова бываетъ всегда выше травы четверти на двѣ аршина, и убѣгаетъ съ необыкновенною быстротою, со свистомъ и шелестомъ качающейся кругомъ травы. Тутъ по немъ можно стрѣлять изъ ружья, но догнать бываетъ трудно и невозможно даже на быстрѣйшей лошади. Издали желтобрюхъ въ такомъ случаѣ кажется торчащимъ изъ травы и съ необыкновенною быстротою удаляющимся коломъ.

Желтобрюхи не всегда однако робки и безвредны. Лошадямъ и скоту не всегда удается спокойно пасть въ томъ мѣстѣ, гдѣ они водятся. Самые большіе изъ нихъ со злостью бросаются на скотъ и лошадей, хватаютъ пастью ихъ за хвостъ и, дѣлая изгибы туловищемъ, опираясь кольцами въ землю, бьютъ животное хвостомъ, какъ кнутомъ или цѣпомъ, съ такою силою, что иногда засѣкаютъ до полусмерти. Лошадь или корова крутятся на одномъ мѣстѣ, брыкаются, бросаются уходить, а желтобрюхъ продолжаетъ свое, покуда ему заблагоразсудится выпустить изъ пасти хвостъ. Бываютъ случаи, что желтобрюхи нападаютъ даже на людей. Недалеко отъ описываемаго мѣста былъ такой случай. Крестьяне раздѣлили степь на пай и начали косить траву. Одинъ изъ крестьянъ косилъ свой пай поодаль отъ другихъ, и вдругъ его не стало видно. Товарищи сначала думали, что онъ прилежъ отдохнуть; потомъ же, черезъ нѣкоторое время, порѣшивъ, что онъ болѣнъ, отправились его навѣстить. Оказалось, что онъ лежитъ безъ чувствъ, весь избитый желтобрюхомъ. Самъ желтобрюхъ, избившій крестьянина, тоже былъ мертвъ, перерѣзанный, какъ было видно, стоявшею кверху лезвіемъ косою, на которую онъ упалъ, бросая

хвостомъ. Можно было полагать, что крестьянинъ косилъ вблизи гнѣзда ящерицы, и послѣдняя дѣйствовала въ защиту своего жилища и семьи. Крестьянинъ съ перваго раза оторопѣлъ и и былъ пришибленъ до безпамятства.

Желтобрюхи питаются насѣкомыми, а также мышами, сусликами, молодыми зайцами, разоряютъ птичьи гнѣзда и хватаютъ самыхъ небольшихъ птицъ. Случается, что желтобрюхъ схватитъ какую-нибудь ласточку или шпура, живущихъ обыкновенно въ норахъ по ярамъ балокъ, и схватитъ не съ головы, а съ хвоста; крылья птички въ такомъ случаѣ растопорятся, желтобрюхъ не можетъ ее проглотить, но и выпустить изъ пасти не желаетъ и потому свернется въ кольца и лежитъ въ забыть и иногда по нѣскольку дней. Крылья птички въ это время бываютъ у него растопорены какъ-бы на спинѣ, и онъ кажется крылатымъ.

Желтобрюховъ бьютъ изъ ружей, а больше дубинами и камнями, особенно въ то время, когда у нихъ бываетъ течка. Они тогда собираются большими шайками и ворочаются иногда въ свалѣ клубомъ. Ихъ топятъ на жиръ. Самый чистый и дорогой жиръ изъ нихъ называется сыротокъ. Онъ получается, когда убитыхъ желтобрюховъ вѣшаютъ во всю длину головами вверхъ на жердь, положенную на высокіе подсошки. На землю подъ ними ставятъ горшки, и жиръ течетъ въ нихъ отъ солнечнаго жара.

Ежей берутъ, когда они особенно жирны, начиная съ середины лѣта и до осени. Удобнѣе всего и выгоднѣе брать ихъ изъ гнѣздъ, куда они залѣзаютъ на зиму. Ихъ огнюдь не рѣжутъ ножемъ, а чѣмъ-нибудь пришибаютъ или просто живыми бросаютъ въ котелъ на огнѣ. Если зарѣзать ежа и выпустить изъ него кровь, то онъ даетъ сала почти въ половину менѣе. Во многихъ степныхъ хуторахъ нѣкоторые казачьи семейства для освѣщенія своихъ избъ не употребляютъ никакого другого матеріала, кромѣ ежеваго сала. Они нарочито ѣздятъ за ежами въ степь и во множествѣ находятъ ихъ въ старыхъ гумнахъ и таковищахъ, гдѣ они залѣзаютъ на зиму въ кучи половы и въ скирды соломы, особенно старой, перегнившей. Ихъ привозятъ цѣлые воза и сначала бросаютъ въ печь живыхъ, осмаливаютъ съ нихъ иглы и потомъ уже жарятъ для полученія сала. При бросаніи въ печь ежей, они развертываются, бѣгаютъ въ огнѣ и кричатъ. Крикъ ихъ въ это время похожъ на крикъ маленькихъ дѣтей. Картина ужасная по своей жестокости.

Сусликовъ охотники тоже били и набирали цѣлыя телеги,

когда ихъ въ неблагопріятную погоду засѣкаль дождь и они лежали пластомъ, укрывая всю землю. Ихъ топятъ на сало. Если они неособенно жирны, то деруть съ нихъ шкурки, выдѣлываютъ и употребляютъ на мѣха подъ легкія шубки, тулупчики, поддевки, кафтаны. Мѣхъ бываетъ подобенъ мѣху изъ сибирскихъ бѣлокъ. Могутъ идти на мѣхъ шкурки сусликовъ не всегда, а только тогда, когда животныя эти несовсѣмъ жирны. При ожиреніи ихъ, шкурка у нихъ не такъ крѣпка и ее не отдерешь отъ мяса и сала.

Волковъ, лисиць, зайцевъ, сойгаковъ и всевозможныхъ птицъ охотники били въ этихъ мѣстахъ зимою, лѣтомъ и во всякое время во множествѣ. Здѣсь на каждомъ шагу можно было находить волчьи логовища и лисьи норы. Охотники набирали большія партіи волченятъ и лисятъ, свозили ихъ домой въ сапеткахъ, воспитывали въ глубокихъ ямахъ, и когда они осенью достигали полнаго роста и шерсть на нихъ дѣлалась пушистою, убивали ихъ для мѣха. При убиваніи волковъ калмыки приѣзжали къ казакамъ изъ дальнихъ мѣстъ и иногда очень дорого покупали волчью желчь, идущую у нихъ на лѣкарства.

Такую-то совершенно дикую и необитаемую мѣстность порѣшили приобрести себѣ въ вѣчную собственность симбирцы. Они сторговали оба участка, всего 900 десятинъ (800 удобной земли и 100 неудобной) за 8,000 рублей и уплатили 3,000 р. съ тѣмъ, чтобы остальные деньги отдать черезъ годъ. Подполковники, не имѣя никакого понятія о хозяйствѣ, рады были сдѣлать такую продажу, такъ какъ земля надоѣла имъ до смерти и была уже заложена въ банкѣ. Они не платили туда % и можно было ожидать скорой продажи участковъ съ аукціона. Въ такомъ случаѣ цѣна за десятину могла опуститься до 5—6 рублей, тогда какъ крестьяне дали по 10. Со стороны симбирцевъ былъ нѣкоторый рискъ. Въ случаѣ невноса остальныхъ денегъ чрезъ годъ, они должны были на всю неуплаченную еще сумму платить большой процентъ.

Чтобы оплатить свою покушку, Брага и всѣ остальные Алексѣевичи порѣшили пристроиться къ соляной промышленности и на другой годъ очутились на донскихъ соляныхъ озерахъ. По положенію здѣсь изъ родившейся соли долженъ даваться пай только явившимся на промыселъ кореннымъ жителямъ донской области; но каждый казакъ и донской крестьянинъ можетъ на-

нять сколько угодно постороннихъ людей или принять въ компанію и получить пай по числу рабочихъ у него. Много хозяевъ изъ казаковъ и крестьянъ въ былые года имѣли здѣсь хорошій заработокъ. Они принимали человекъ по 20—30 рабочихъ, запасались для нихъ мѣсяца на два провизіей и отправлялись съ ними къ озерамъ ко времени садки соли. Получали они тамъ пай по числу рабочихъ въ своей партіи. Многие дѣлали и такъ, что тамъ, на мѣстѣ добычи, нанимали поденныхъ рабочихъ и платили обыкновенно: рабочему, который возилъ на тачкѣ соль съ озера, по 1 руб. въ день, а тому, который грабками или лопатой сгребалъ ее на мѣстѣ рожденія въ кучки, 70 коп. На харчи тому и другому выходило по 30—40 коп. Между тѣмъ они двое добывали и вывозили съ озера 200 пуд. соли и болѣе, которая тутъ-же и сдавалась въ войсковые запасы или частнымъ лицамъ по цѣнѣ отъ 10 до 12 коп. пудъ. Такимъ образомъ хозяинъ-предприниматель, приведши на соляной промыселъ 20 человекъ рабочихъ, всегда могъ получить отъ нихъ чистой выгоды въ недѣлю до 1,000 и 1,200 руб. сер. Рискъ былъ только въ томъ, что иногда приходилось даромъ приводить на озера изъ-за версты 150—200 рабочихъ. Соль въ иной годъ вовсе не садеть, по причинѣ дождей, или и садеть, но рабочимъ долго приходится этого ждать. Иной разъ она уже готовая размывается дождемъ, и опять приходится ждать двѣ-три недѣли. Но изворотливые хозяева и тутъ выходили изъ затрудненія. Покуда соль на озерахъ не садилась, они употребляли приведенныхъ туда рабочихъ на устройство прудовъ и колодезей на участкахъ окружныхъ коннозаводчиковъ, уборку хлѣба, костьбу сѣна. Сѣно въ такихъ случаяхъ кашивали отъ стога. При хозяйской травѣ стогъ величиною 12 сажень кругомъ и 9 черезъ верхъ накашивали и сметывали за 3 руб.

Брага и его товарищи съ большимъ успѣхомъ работали на соляныхъ озерахъ болѣе пяти недѣль. Соли въ тотъ годъ родилось много; они работали бы и большій срокъ времени, но выпалъ сильный дождь, смылъ соль и наполнилъ русла озеръ рапою. Новой садки соли, по причинѣ близившейся уже осени, ожидать было нельзя, и симбирцы избрали другой, не менѣе выгодный, промыселъ. Они передвинулись отъ озеръ версты на 200 въ сѣверозападную сторону и очутились на угольныхъ кояхъ донской-же области. Пристроиться на работу имъ и тутъ было нетрудно.

Въ болѣе или менѣе значительныхъ центрахъ угольной про-

мышленности донецкаго бассейна шахты устроены по всѣмъ требованіямъ современной техники. Здѣсь дѣйствуютъ паровыя машины, какъ водоотливныя, такъ и углеподъемныя. Обыкновенно здѣсь хозяева шахтъ приговариваютъ артели рабочихъ выработывать уголь на такихъ условіяхъ, чтобы рабочіе употребляли ихъ орудія, машины, лошадей, канаты и проч., жили въ ихъ землянкахъ и получали за каждый вытасченный изъ-подъ земли пудъ угля по 3—3½ коп. Приэтомъ хозяева шахтъ получаютъ отъ рабочихъ выгоду еще стороннимъ образомъ. Они держатъ пекарни и мелочныя лавки, и, по условію, артели рабочихъ должны забирать хлѣбъ и все нужное у нихъ. Очень часто приэтомъ у хозяевъ съ рабочими выходятъ большіе нелады: хлѣбъ иногда заготавливается сырой и дурного качества, между тѣмъ цѣна за него назначается высокая. Также и съ другими продуктами. Выведенные изъ терпѣнія рабочіе начинаютъ брать провизію въ другихъ мѣстахъ, но хозяева все-таки ставятъ имъ въ счетъ и небратое ими. Побѣда всегда на сторонѣ хозяевъ.

Но есть на Дону много еще и такихъ мѣстъ, преимущественно въ станичныхъ юртахъ, гдѣ углепромышленность идетъ еще очень просто. Шахты устроены на скорую руку, часто даже не вертикальныя, а полозовыя. Въ такихъ мѣстахъ нѣтъ уже паровыхъ машинъ, не всегда даже выгрузка угля наверхъ производится лошадиною силою, а чаще посредствомъ ручного ворота, движимаго людьми. Тутъ какихъ-либо приспособленій и орудій, облегчающихъ трудъ человѣка, и впомянутъ нѣтъ: рабочей вооруженъ только ломомъ, лопатой и клевакомъ. Въ такихъ шахтахъ не бываетъ даже никакой искусственной вентиляціи, и часто среди лѣта, когда воздухъ въ подземныхъ ходахъ холоднѣе, а потому и тяжелѣе внѣшняго воздуха, и не можетъ возобновляться, то работаютъ оцущью, впотъмахъ, такъ какъ свѣчи и жирники перестаютъ тамъ горѣть. Но самое главное препятствіе въ угольныхъ работахъ—вода, которую обыкновенно выливаютъ. На большихъ шахтахъ поэтому существуютъ водоотливныя машины; въ шахтахъ же первобытныхъ нѣтъ никакихъ на это приспособленій, и воду приходится вытаскивать ведрами и бадьями, а потому разработка угля производится тутъ только до перваго притока подземныхъ водъ, и вообще на такихъ углубленіяхъ, на которыхъ не препятствуетъ вода,—сажень до 7—10 глубины, тогда какъ большія шахты съ паровыми машинами выработываютъ уголь на 40—60 сажень въ глубину.

Въ одно изъ такихъ-то глухихъ мѣстъ, гдѣ едва только начинается добываніе угля, повелѣ Брага свою партію. Это былъ юрът одной донской казачьей станицы. Обыкновенно общества станицъ, имѣющія въ юртахъ своихъ угольные залежи, богатствомъ этимъ распоряжаются какъ имъ вздумается: отдаютъ на откупъ, или раздаютъ желающимъ изъ своихъ гражданъ. Въ этой станицѣ (куда явились дѣятелями Алексѣевичи) нѣсколько десятковъ лѣтъ уже до того граждане занимались добычею угля, но добывали его только для себя, на отопленіе домовъ и на работы въ кузницахъ. Только съ открытіемъ воронежско-ростовской желѣзной дороги уголь стали добывать и на продажу. Тутъ ужъ оказывалось невозможнымъ брать его вольно, гдѣ кто вздумаетъ, и потому граждане установили такой порядокъ: отводить всѣмъ гражданамъ, кто пожелаетъ, для добычи угля участки, полагая каждый отводъ въ $\frac{1}{4}$ квадратной версты. Сначала изъ 4 съ лишнимъ тысячъ паевыхъ гражданъ нашлось охотниковъ взять участки только около 40 человекъ. Граждане соединялись въ компаніи, принимали иногородныхъ купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ у нихъ въ станицѣ. Нѣкоторые держали участки и въ одиночку, но выработывали уголь только въ свободное отъ полевыхъ занятій время—осенью и зимою. Но скоро число охотниковъ получать угольные участки стало сильно возрастать. Многие граждане стали получать отводы подъ шахты не для собственнаго промысла, а чтобы только сдать ихъ съ пользою для себя въ другія руки. Они старались только утвердить за собой участки административнымъ порядкомъ, а потомъ сдавали ихъ черезъ аренду или продажу гражданамъ другихъ станицъ или иногороднымъ. Сдавали ихъ за самую ничтожную сумму: иногда на такихъ условіяхъ, чтобы арендаторъ выработывалъ уголь какъ знаетъ и сколько можетъ, хозяину же платилъ только въ годъ 10—15 р. При такомъ оборотѣ дѣла граждане чуть не всѣ поголовно стали хлопотать объ отводѣ имъ участковъ; между тѣмъ мѣста съ залежами угля были уже всѣ въ рукахъ иногородныхъ. Граждане взялись за умъ: разрушили всѣ прежнія насчетъ этого дѣла постановленія и сдѣлки и приговорили: отводить угольные участки только тѣмъ изъ гражданъ, которые будутъ заниматься добычею угля сами, хотя и черезъ наемныхъ рабочихъ.

Симбирцы вошли въ сдѣлку съ однимъ изъ гражданъ этой станицы, имѣвшимъ въ то время шахту. Они условились работать у него на угольномъ отводѣ, какъ сочтутъ для себя удоб-

нымъ и лучшимъ, и платить ему отъ пуда одну копѣйку. На участкѣ шахтъ было двѣ: одна пологовая, шедшая въ косогорь балки, а другая вертикальная. Последняя была сажень 6 глубиною и только-что начата разработкой. Поэтому работа Алексѣвичей шла необыкновенно успѣшно. Поднимали они изъ шахты уголь лошадью, устроивъ воротъ съ барабаномъ у самой шахты. Работали они полтора мѣсяца и выработали угля около 40,000 пудовъ. Цѣна ему на мѣстѣ была отъ 4 до 6 к. пудъ, но симбирцамъ удалось доставить его наемными фурами къ ближайшей станціи желѣзной дороги, гдѣ они сбыли его по 12 к. пудъ. За всѣми расходами они получили пользы на каждомъ выработанномъ пудѣ около 8 копѣекъ.

Послѣ этого Алексѣвичи очистили купленную ими землю уплатой всѣхъ остальныхъ денегъ, и у нихъ еще осталась нѣкоторая сумма на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ. Приобрѣтенная ими площадь имѣла поверхность ровную, съ самою незначительною покатостью въ одну сторону. Они устроили на ней запруду въ самомъ низу проходившей по ней балки, такъ что последняя сдѣлалась водною на все свое протяженіе. Далѣе Алексѣвичи распланировали землю на 12 равныхъ частей вдоль по балкѣ и порѣшили имѣть ее въ общинномъ владѣніи, но установить подворную систему хозяйствованія, чтобы землю ужъ не передѣлять, а каждый навѣки поселился бы въ одномъ мѣстѣ и зналъ бы свой участокъ. На каждый изъ дворовъ пришлось немного менѣе квадратной версты. Дѣлили ихъ товарищи между собою по жребію. Брага получилъ часть наравнѣ съ другими. Дворъ его припелся на самой срединѣ участковъ, и здѣсь онъ хотѣлъ устроить рай своей жизни. Онъ мечталъ года черезъ два жениться и, явившись сюда, создать здѣсь по своему идеалу жизнь и цивилизацію. Но судьба рѣшила иначе.

На другой годъ крестьяне пріѣхали уже съ своими женами и дѣтьми, привезли много всякаго домашняго скарба. Они уже не занимались работать, а работали на своей собственной землѣ: косили сѣно, сѣяли хлѣбъ, хотя на первыхъ порахъ и въ небольшомъ количествѣ, по недостатку рабочей силы. Для жилья каждый изъ нихъ устроилъ себѣ землянку. Потомъ ими устроены были закуты для мелкихъ домашнихъ животныхъ: свиней, утокъ, гусей, куръ, овецъ; далѣе сарай и базы *). Все это по недостатку деревяннаго строительнаго матеріала дѣлалось у нихъ изъ гли-

*) Мѣсто для загона скота.

ны. Матеріаль этотъ былъ на каждомъ шагѣ: стоило только сбросить черноземный пластъ въ аршинъ толщиною—и тамъ оказывалась глина. Крестьяне разрыхляли ее лопатами, смѣшивали съ полѳвой и мелкой полуизгнившей соломой, которую брали недалеко на старомъ арендаторскомъ гумнѣ, размѣшивали тутъ-же въ ямѣ волами или лошадыю и лѣпили. Послѣ они ямы эти, глубиною иногда сажени въ три, засыпали въ дворахъ всякимъ мусоромъ. Постройки изъ глины съ полѳвой воздвигаются скоро и легко; но арендаторы-купцы въ степяхъ строятъ всѣ зданія въ своихъ хуторахъ еще легче. Они не даютъ себѣ труда даже мѣсить глину, а строятъ иногда громадные зданія изъ дерну, оголяя десятки и сотни десятинъ земли отъ чернозема. Обыкновенно въ дернѣ идетъ верхній слой земли, крѣпко проросшій корнями. Рѣжутъ его квадратными плитами въ $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ или четверти въ полторы, при толщинѣ тоже около четверти аршина. Стараются вырѣзать его въ дождь и въ сырую погоду, когда онъ особенно крѣпокъ, вьзять возами и тутъ-же кладутъ въ стѣны. Сырой дернѣ меньше крошится и ломается и лучше слегається въ стѣнѣ.

Симбирцы образовали въ степи поселокъ и назвали его „Алексѣевичи“. Это было оригинальнѣйшее поселеніе, расположенное особнякомъ въ глухой, бездорожной, дѣвственной степи. Кругомъ поселка на обширное пространство была могучая растительность. Травы были всевозможныхъ видовъ, но по цѣлинѣ преобладали пырей и ковыль. Послѣднія травы отличаются крѣпостью и скользкостью. Поэтому крестьяне первые года жизни здѣсь вовсе не употребляли колесныхъ экипажей, а ѣздили зиму и лѣто на саяхъ. Сани по густой растительности шли также легко, какъ и по снѣгу. Даже и теперь крестьяне хлѣбъ на тока лѣтомъ вьзять съ полей на саяхъ *). Сани они предпочитаютъ телегамъ и арбамъ потому, что на нихъ ѣздить легче, не нужно покупать дегтю и притомъ хлѣбъ на сани легче накладывать, такъ какъ они ниже, да еще и хлѣбъ въ пути не трясется, не высыпается.

Вообще на Дону въ глухихъ степяхъ существуютъ чрезвычайно разнообразныя поселенія. Въ послѣдніе года много можно

---

*) За десять слишкомъ лѣтъ владѣнія землей крестьяне-Алексѣевцы не сгубили еще растительности, укрывающей ихъ землю. Они хотя и разводять скотъ, но пасутъ его на своей землѣ мало, больше держатъ вдали отъ поселка на вьзятыхъ въ аренду участкахъ.

встрѣтить именно такихъ поселеній. Земледѣльцы покупаютъ въ собственность землю и селятся на ней или товариществами, или въ одиночку. Есть примѣры, что селятся въ степи одинокими хуторами чиновники, получившіе участки на чины. Но изъ этихъ послѣднихъ $\frac{9}{10}$, устроившись на занятія большою частью изъ банка деньги, и начавши обработку земли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, черезъ годъ-два бѣгутъ съ хуторовъ, продавая ихъ купцамъ или сдавая въ аренду. Много еще здѣсь большихъ поселеній, устроенныхъ на такихъ началахъ: купецъ арендуетъ большой участокъ войсковой земли на 6 — 12 лѣтъ, отдаетъ ее въ аренду крестьянамъ подесятинно, селится нерѣдко самъ на ней и занимается посѣвомъ хлѣба, а больше всего старается заманить къ себѣ крестьянъ поселенцевъ и населяетъ ими большія временныя слободы. Можно встрѣтить такія поселенія дворовъ по 200—300. Иногда по балкамъ (оврагамъ) тянутся непрерывно временныя поселенія на 10 — 15 верстъ. Иныя такимъ образомъ живутъ на одномъ мѣстѣ, на отдаваемой въ аренду казачьей станичной или войсковой (казенной) землѣ и переходятъ отъ одного арендатора къ другому. Обыкновенно арендаторы прижимаютъ этихъ поселенцевъ до послѣднихъ предѣловъ. На первыхъ годахъ, при поселеніи крестьянъ, купецъ условливается съ ними брать во весь срокъ аренды извѣстную плату за десятину пахатной и сѣнокосной земли, а также за попасъ скота и овецъ отъ головы; за усадьбу же, огородъ, токъ, гумно не полагаетъ ничего. Объ этомъ или вовсе умалчивается, или упоминается вскользь на словахъ. Потомъ черезъ годъ-два, когда крестьяне устроятся на мѣстахъ и сходить имъ съ участка тяжело и убыточно, купецъ требуетъ и получаетъ съ нихъ за все вышеозначенное, сколько назначитъ, мотивируя свои требованія тѣмъ, что самъ терпитъ убытки. Крестьяне платятъ, такъ какъ имъ оставить заведенное хлѣбопашество и устроенную городьбу — значить вдосталь раззориться. Если арендаторъ не желаетъ дальше продолжать аренду уже выработанной и раззоренной имъ земли, то въ послѣдній годъ срока своей аренды онъ совершенно заѣдаетъ крестьянъ: вышааетъ плату за пастьбу втеченіи лѣта головы скота съ 50 коп. до 5 рублей, за усадьбу до 10 руб. въ годъ, огородъ до 3 рублей и проч. Иногда у крестьянъ съ арендаторомъ еще и такое условіе, что они не смѣютъ уйти съ земли до окончанія срока аренды. Въ послѣдній годъ они, если не желаютъ

оставаться долѣе на землѣ, обыкновенно посылаютъ развѣдчиковъ въ разныя мѣста съ цѣлью приискать мѣсто, удобное для поселенія. Приискиваютъ его еще за годъ до времени окончательнаго переселенія и принимаютъ мѣры относительно заготовленія корма для скота при переходѣ, устройства дворовъ и проч. Когда придетъ время переселяться, то цѣлое село, дворъ въ 200, бросаетъ стѣны своихъ дерновыхъ построекъ; все же деревянное изъ огорожи, а также весь домашній скарбъ кладетъ на воза и уѣзжаетъ въ одинъ разъ, ничего не оставляя: возовъ, повозокъ, воловъ и другого рабочаго скота у такихъ поселенцевъ обыкновенно бываетъ достаточно. Идетъ иногда по степи большой обозъ. Возы наложены разнымъ деревомъ, домашнею посудой, платьемъ. Тамъ-же сидятъ куры, индѣйки, утки, гуси, а съ боковъ идутъ свиньи, собаки, овцы, козы, коровы. Это ѣдетъ *крестьянское село* (!). На новомъ мѣстѣ дворы опять устраиваются улицами или вразбросъ, какъ удобнѣе; все дѣлается изъ глины или дерна, приправляются деревянные двери, крыши къ чему нужно—и въ двѣ недѣли все готово. Обыкновенно такія поселенія не знаютъ никакихъ сельскихъ властей, ни полиціи. Они не состоятъ даже въ спискахъ населенныхъ мѣстъ губерніи, и о существованіи ихъ не имѣютъ никакихъ свѣдѣній ни администрація, ни земство, хотя они существуютъ иногда на одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ. Исчезаютъ они иногда чуть не моментально. Ѣдешь иногда по степи—стоитъ село дворовъ въ сотню и болѣе, нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ по буграмъ кругомъ, дома значительныхъ размѣровъ, амбары, базы, сараи, есть садики и деревья. Вдругъ ѣдешь тамъ-же дня черезъ три—и ничего нѣтъ: все снесено и свезено, деревья срублены. Видны одни груды полуразрушенныхъ дерновыхъ и глиняныхъ стѣнъ. Это село перешло на другое мѣсто, или вовсе ушло во-внутрь Россіи. Живутъ такимъ образомъ въ степяхъ большею частью крестьяне другихъ отдаленныхъ губерній: у нихъ и здѣсь хозяйство, и тамъ гдѣ-нибудь—въ воронежской, рязанской, орловской губерніи. Сынъ съ женою и дѣтьми, иногда и еще съ однимъ—двумя братьями, тоже женатыми, живетъ и хозяйствуется здѣсь, а тамъ—дома, въ губерніи—хозяйствуется отецъ одинъ или тоже съ сыномъ—двумя и живутъ за одинъ домъ. Иногда братья перемѣняютъ другъ друга: одинъ, пробывъ годъ-два въ степи, уѣзжаетъ домой на „Русь“, а другой ѣдетъ на его мѣсто отсюда. Иногда такія семейства, похозяйствовавъ пять-шесть лѣтъ, уѣзжа-

ють совсѣмъ на Русь, а иногда, напротивъ, тамъ бросаютъ землю и всею ужь семьею переселяются въ степь, бродя здѣсь съ мѣста на мѣсто. Арендуютъ землю у арендаторовъ такіе поселенцы двумя способами: или, какъ они сами говорятъ, „до скучнаго часу“, т. е. безъ срока, или на извѣстное число лѣтъ. Въ первомъ случаѣ крестьяне имѣютъ право, въ случаѣ какой прижимки со стороны купца, уйти съ его земли во всякое время—и это для нихъ большая гарантія отъ притѣсненій. Немало можно встрѣтить крестьянскихъ поселковъ и такихъ, что арендуютъ землю товариществами, и живутъ по 20 и болѣе лѣтъ. Они арендуютъ землю обществомъ и платятъ въ казну извѣстную сумму, которую собираютъ, полагая плату за распашку десятины, а также за покосъ, и взимая съ cadaго члена своего общества за то число десятинъ, какое находится въ его личномъ пользованіи. Чего такимъ образомъ не дополучается для уплаты полной аренды, то раскладывается на число головъ наличнаго у cadaго рогатаго скота, овецъ и лошадей. Эта раскладка бываетъ приблизительно за овцу—10 коп., корову—50 к. и лошадь—1 р. Такимъ образомъ платятъ за землю всѣ безобидно. Купцы арендаторы часто какъ враны высматриваютъ такихъ поселенцевъ и на торгахъ другъ передъ другомъ всегда стараются взять за себя владѣемую такимъ образомъ крестьянами землю. Послѣ они требуютъ съ крестьянъ отступныхъ, иногда весьма значительную сумму. Крестьянамъ не хочется сходить съ привольныхъ и излюбленныхъ мѣстъ, и они часто приплачиваютъ этимъ хищникамъ. Поэтому-то въ послѣднее время правительство, въ огражденіе крестьянъ отъ раззоренія, постановило отдавать поселившимся на землѣ крестьянамъ землю безъ торговъ, если они надбавятъ арендной платы на 10%. Этимъ сильно сокращены были злоупотребленія со стороны капиталистовъ-арендаторовъ. Есть такіа крестьянскія общества, что при первоначальномъ поселеніи платили аренды за землю только по 5—7 к. за десятину; теперь же, чрезъ надбавки за истеченіемъ сроковъ арендованія 10%, аренда возвысилась до полтора и болѣе рублей. Иногда съ окончаніемъ срока аренды крестьянамъ невыгодно уже бываетъ надбавить 10%, и они бросаютъ землю, предварительно выработавъ ее вдосталь. Казна въ такомъ случаѣ много теряетъ. Цѣна на такую землю сразу обрывается.

Кочевка и бродяжничество, можно сказать, въ духѣ этого края. Здѣсь половину населенія можно считать еще не усѣвшимися на

мѣстѣ. Неговоря уже о кочующихъ здѣсь инородцахъ—калмыкахъ, тургутахъ, киргизахъ, а также казакахъ, выкочевывающихъ изъ своихъ станицъ и хуторовъ со скотомъ лѣтомъ въ степь, а зимою на пахатныя поля къ токамъ, гдѣ у нихъ бываетъ заготовленъ кормъ,—неговоря уже объ этихъ явленіяхъ, здѣсь есть цѣлыя большія слободы, населенныя цыганами, ведущими поголовно кочующій образъ жизни. Цыгане эти поселены на юго-востокѣ на правахъ государственныхъ крестьянъ и надѣлены землею, но они въ рѣдкихъ только случаяхъ занимаются земледѣліемъ и хозяйствомъ. Большею же частью землю отдаютъ окружнымъ крестьянамъ, а сами только зиму проводятъ въ селѣ въ своихъ домахъ. Многіе имѣютъ иногда хорошіе дома и дворовый пристрой, но какъ только настаетъ весна, они забиваютъ ставни оконъ въ домахъ, выкатываютъ изъ сараевъ и навѣсовъ громадные крытые фургоны, устроенные со всѣми удобствами, и уѣзжаютъ на цѣлое лѣто. Ѣздятъ они по ярмаркамъ, торгуютъ лошадьми, нѣкоторые куютъ, часто гдѣ-нибудь просто проживаютъ на свободѣ, остановившись въ привольномъ мѣстѣ таборомъ, раскинувъ шатры и дожидаясь какой-нибудь ярмарки. Къ осени они возвращаются домой, а нѣкоторые и всю зиму проживаютъ такъ въ шатрахъ, вблизи казачьихъ станицъ или крестьянскихъ слободъ, нанимая иногда только на самое холодное время зимы избы. Изъ нихъ есть купцы, состоящіе въ гильдіяхъ.

Симбирцы захозяйствовались въ степяхъ на славу. Они дѣйствовали дружно. На первыхъ-же годахъ они стали брать въ аренду мелкіе казенные и частные участки земли, находившіеся кругомъ ихъ поселка. Тамъ дальше они сбили и стерли не одного арендатора купца, а черезъ 5 лѣтъ они прикупили еще участокъ земли, и годъ отъ года землевладѣніе ихъ дѣлалось все крупнѣе и крупнѣе.

Василія Степановича Браги Алексѣевцы, со времени своего водворенія на новомъ мѣстѣ, уже не видали. Они имѣли объ немъ только нѣкоторый слухъ и нѣсколько разъ писали ему, призывая хозяйствовать на своемъ участкѣ. Но Брагѣ было не до того: не тотъ былъ уже передъ нимъ горизонтъ жизни! Онъ испыталъ къ этому времени еще многіе великіе научные и физическіе труды и перенесъ всѣ страданія, какія только могутъ выпасть на долю человѣка: обиды и несправедливость людей,

скитальчество, безпріютную жизнь на чужбинѣ, тоску по родинѣ, горестныя и невозвратныя потери, холодъ одиночества, эгоизмъ, ехидство, массу холодящаго душу звѣрства и скотства среды, въ которой ему приходилось вращаться — все это тяжелымъ камнемъ ложилося на душу Браги и все это перенесъ онъ съ твердостью философа-стойка, но приобрѣлъ тяжелый недугъ: онъ пересталъ чувствовать себя отдѣльно отъ другихъ, потерялъ способность думать о себѣ и жить лично для себя. Мучительно широко, изъ края въ край, охватывалъ онъ всю жизнь его родной страны и поднималъ на себѣ всѣ тяготы ея, всѣ бѣды...

И планъ великаго подвига созрѣлъ въ головѣ Василя Степановича самъ собою. Онъ задумалъ, почувствовалъ настоятельную необходимость — чего же? — ни больше, ни меньше, какъ измѣнить климатъ и возродить умирающую природу страны, улучшить народный трудъ, дать иное направленіе промышленности и поднять всѣмъ этимъ жизнь населенія цѣлаго края. Лицомъ къ лицу стояло тутъ передъ нимъ хищничество страны во всѣхъ своихъ видахъ, и онъ, подобно П. И. Волгѣ *), поднялъ знамя великой съ нимъ борьбы.

Брагѣ было въ это время ровно тридцать лѣтъ отъ роду. Безъ денегъ, безъ крупнаго общественнаго положенія, онъ задумалъ создать благополучіе цѣлой страны. Онъ хотѣлъ сдѣлать все силою одной глубоковыстраданной мысли; ею онъ хотѣлъ освѣтить экономическій и нравственный хаосъ страны и работать неустанно, денно и нощно. Лично для себя онъ ничего не добивался, его стремилась одна святая, великая идея, и ей онъ отдавалъ упорный трудъ и бессонныя ночи, кровь сердца и мозгъ своихъ костей... Бѣдный страдалецъ! даже теперь, когда providѣніе послало ему на помощь мощную силу миллионную, достанетъ ли его жизни и на половину того, что онъ задумалъ? Онъ рвется совершить дѣло, на которое мало столѣтій: какая жъ горькая неудовлетворенность ждетъ его тамъ, впереди, когда настанетъ конецъ его силамъ, конецъ борьбѣ? гдѣ жъ будетъ справедливал оцѣнка его стремленію — награда трудамъ, утѣшеніе страданіямъ?..

Брага ничего не обличалъ, никого не задѣвалъ. Онъ только широко выяснялъ положеніе экономическихъ дѣлъ и сопоставлялъ факты нравственныхъ явленій. Онъ выдвигалъ на видъ только свои идеи, оставаясь самъ лично незамѣтнымъ. Въ этихъ

*) См. очеркъ „Борьба съ земельн. хищнич.“ того-же автора. „Новь“, 1886.

видахъ онъ сдѣлался корреспондентомъ и сотрудникомъ многихъ газетъ и журналовъ, участвовалъ въ трудахъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, сносясь съ правительственными комиссіями по сельскохозяйственному и промышленному дѣламъ, со съездами сельскихъ хозяевъ и углепромышленниковъ. Усилія его не пропадали даромъ, да и не могло быть иначе: онъ указывалъ на поразительные факты, и мысль его проникала всюду, подобно току электричества. Она имѣла давленіе заряда глубокихъ страданій, подавляющаго горя, безпредѣльно-мощной самой въ себѣ и ничѣмъ несокрушимой энергіи духа! Мысль его имѣла страшную живучесть: она стояла передъ глазами, давила сердце, не давала покоя и отдыха; въ ней былъ крикъ и стонъ муки, чувствовалась душа, избитая и израненная въ борьбѣ съ жизнью!..

И Брага не былъ нравственно одинокимъ: какъ изъ земли выросли и множились послѣдователи, готовые идти напроломъ за выставленныя положенія. Сознаніе экономическихъ вопросовъ и потребностей стало мало-по-малу проникать въ массы, направляло умы, возбуждало энтузіазмъ, дѣлило на партіи всѣхъ мыслящихъ людей въ краю, на голоса за и противъ. Одно за другимъ возникали общества сельскохозяйственныя, горныя, углепромышленныя, дровяного и лѣснаго промысла и проч. Каждое изъ этихъ обществъ возникало и боролось во имя какой-нибудь отрасли экономическихъ вопросовъ. Кипѣла горячая полемика въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ, шла борьба мнѣній и въ теоріи и на практикѣ.

Общественное мнѣніе раздѣлилось надвое. Главнымъ образомъ образовалось двѣ партіи: „угольная“, развивавшая приемы осуществленія идей Браги, и противная ей „дровяная“. За первую стали представители мѣстныхъ правительственныхъ властей, все лучшее и мыслящее края: сельскохозяйственные съезды, общества углепромышленниковъ, ихъ правленія и депутаты, а также лица, стоящія во главѣ губернскихъ горныхъ правленій, профессора горнаго института, всѣ инженеры, дѣйствовавшіе въ южной Россіи. Вторую партію составили промышленники, сплавыящіе лѣсъ по Волгѣ, вообще купечество, старинные помѣщики, у которыхъ еще не были проданы и истреблены лѣсныя дачи, а главная основа этой послѣдней партіи были строители желѣзныхъ дорогъ, общества желѣзнодорожныя и пароходныя и (на первыхъ порахъ) вся темная масса крестьянства и казачества. Ожесточенію не было предѣловъ, и дѣло шло не

на шутку. Между казаками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходили настоящіе открытые бунты противъ властей. Темная масса дреколемъ избивала и изгоняла лѣсничихъ и партіи землемѣровъ, посылаемыхъ губернскимъ начальствомъ для обмежеванія лѣсныхъ пространствъ. Это было не далѣе, какъ въ 1881 году.

Угольная партія стояла за сохраненіе и разведеніе лѣсовъ, чрезъ введеніе новыхъ лѣсныхъ порядковъ, а также за развитіе горнаго дѣла и распространеніе угольнаго отопленія; дровяная партія, напротивъ, шла за дровяное отопленіе и за сохраненіе старыхъ лѣсныхъ порядковъ. Если прослѣдить всю исторію борьбы этихъ двухъ партій, какъ она отразилась въ перепискѣ правительства, въ протоколахъ комиссій и всевозможныхъ сѣздовъ, въ распоряженіяхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ, а также въ газетной полемикѣ, то нельзя не дивиться той степени ожесточенія, съ которымъ партіи шли одна на другую. Съ одной стороны привычка и личная матеріальная выгода заставляли стоять на своемъ; съ другой — всѣ спорные экономическіе вопросы слишкомъ ужъ наболѣли въ лучшихъ душахъ края, и борцы были готовы на всякое усиліе, всякую жертву.

Сводъ всѣхъ требованій и мотивовъ нововведеній угольной партіи былъ именно слѣдующій. Съ состояніемъ лѣсовъ связаны общее благо, всѣ интересы и выгоды страны, а поэтому они не могутъ быть отданы въ безусловную и неограниченную собственность частныхъ лицъ и обществъ. Частныя лица и общества должны быть лишены права распоряжаться лѣсомъ по своему произволу. Доходъ съ него и всѣ рождаемые имъ продукты должны принадлежать всецѣло владѣльцу, но онъ можетъ брать только то, что ему будетъ указано высшею властью чрезъ приставленныхъ къ тому спеціальныхъ лицъ. Поэтому не только общинные казацкіе и крестьянскіе лѣса, но и лѣса частныхъ владѣльцевъ должны быть взяты подъ присмотръ. Правительство и страна имѣютъ право потребовать ото всѣхъ землевладѣльцевъ правильнаго хозяйства въ лѣсахъ, чтобы каждый землевладѣлецъ обязанъ былъ на извѣстное пространство земли имѣть извѣстное количество десятинъ лѣсу. Нѣтъ его — онъ долженъ развести: иначе онъ не можетъ владѣть землей. Изъ существующихъ и установившихся уже лѣсовъ владѣльцы ихъ могутъ вырубать ежегодно не болѣе того количества, какое ежегодно же приростаетъ, а вырубленные лѣсныя пространства они должны возобновлять новымъ лѣсомъ. Оборотъ рубки дѣлать не

менѣе 40—50 лѣтъ, и поэтому установившіеся уже лѣса должны быть по рубкѣ раздѣлены на 40—50 частей. Партія считала настоятельно необходимымъ принять всѣ мѣры для охраненія лѣса отъ топора, скота, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и фабричныхъ заведеній. Для этого она требовала повсемѣстнаго распространенія минеральнаго топлива чрезъ обязательство желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и фабрикъ не отоплять машинъ дровами. Она выясняла, что еще въ 1873 г., какъ точно извѣстно, на Волгѣ было болѣе 600 пароходовъ, отапливавшихся дровами и ежедневно истреблявшихъ болѣе 20 тысячъ деревь, а втеченіи пятимѣсячной навигаціи ежегодно болѣе 3 миллионъ деревь; приводила въ гласность—сколько лѣсу сплавляется плотами внизъ по Волгѣ и Дону, сколько его уничтожается по Россіи на протяженіи 13-ти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ безчисленное множество паровозовъ, отапливаемыхъ тоже дровами. Далѣе партія доказывала, что настоять неотложная надобность развить до возможныхъ предѣловъ на юго-востокѣ Россіи чугунно-литейное, желѣзо-дѣлательное и механическое производство, что необходимы субсидіи желѣзнымъ заводамъ, поддержка ихъ большими заказами и обезпеченіе сбыта по сходной цѣнѣ выдѣланнаго товара; но приэтомъ обязательно, чтобы не только увеличивалось желѣзодѣланіе и употребленіе желѣза въ народѣ, но и всѣ желѣзныя издѣлія выдѣлывались изъ своего туземнаго матеріала: руды и угля. Въ противномъ случаѣ, если желѣзо-дѣлательное искусство будетъ развиваться, но работы будутъ производиться изъ привознаго англійскаго чугуна и пожалуй еще англійскимъ углемъ (какъ въ Петербургѣ, Одессѣ и др. мѣст.), то страна и народъ отъ этого ничего не выиграютъ.

Угольно-брагинская партія могла считать въ своихъ рядахъ тысячи самыхъ свѣтлыхъ личностей. Это была обширная корпорація, разбросанная по всѣмъ сферамъ общественной и частной дѣятельности. Члены ея сносились и лично и письменно съ самыми высшими правительственными сферами и дѣйствовали энергически. Ежегодно возбуждалась масса всевозможныхъ ходатайствъ, направленныхъ къ осуществленію главной идеи. Какъ на самыя характерныя изъ этихъ ходатайствъ, можно указать на слѣдующія: 1) Возбуждено было дѣло объ отводѣ мѣста по берегамъ Дона и Волги для устройства каменноугольныхъ пристаней. Представленіе увѣнчалось успѣхомъ, и углепромышленники стали имѣть возможность пользоваться собствен-

ными пристанями безъ платежа владѣльцамъ желѣзныхъ дорогъ ихъ произвольныхъ и ничѣмъ неограниченныхъ налоговъ. 2) Ходатайствовали, чтобы грушевско-донская желѣзная дорога, построенная специально для развитія угольной промышленности, не отдавалась въ аренду припелъцу, равнодушному къ нуждамъ края, а тѣмъ болѣе не продавалась ему, но была отдана обществу мѣстныхъ углепромышленниковъ. Послѣдніе и аренду за нея имѣютъ возможность—при наличности у нихъ общественнаго капитала—платить аккуратно, тогда какъ купецъ-арендаторъ по цѣлымъ годамъ задерживалъ арендные деньги. Дѣло это тянулось долго, нѣсколько разъ грушевско-донская жел. дорога отбиралась у арендатора (объ этомъ существуютъ постановленія областного правленія донской области), но все-таки дѣло кончилось тѣмъ, что дорога была оставлена за нимъ (арендаторомъ), а потомъ и вовсе была ему продана. 3) „Комиссія для распространенія употребленія угля и антрацита въ южной Россіи и на Волгѣ“ ходатайствовала о введеніи обязательнаго употребленія ископаемаго отопленія на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, заводахъ, фабрикахъ по Волгѣ и въ нѣкоторыхъ казенныхъ заведеніяхъ. Это дѣлалось при полномъ выясненіи того, что средняя и южная Россія, а также и вся середина и низовье Волги губятъ основу послѣдняго своего благосостоянія, дожигая остатки сохранившихся еще у нихъ лѣсовъ. Комиссія доказывала, что замѣна древеснаго топлива ископаемымъ углемъ представляетъ даже прямая выгоды. Такъ средняя, бывшая въ то время, продажная цѣна угля на Дону, въ мѣстахъ добычи его,—6 коп. за пудъ; сажень же кубическая дровъ доходитъ въ цѣнѣ до 15 р. Между тѣмъ одна кубическая сажень сосновыхъ дровъ замѣняется 71-мъ пудомъ угля. Такимъ образомъ употребленіе угля на царицынской желѣзной дорогѣ было бы въ большой мѣрѣ выгодно. Далѣе цѣна антрацита на Волгѣ въ Царицынѣ была 20 коп. пудъ, поэтому употребленіе его, сравнительно съ цѣнностью дровъ (въ Саратовѣ 12 р. сажень и въ Астрахани 15 р.), уже выгодно для пароходовъ отъ Саратова до Астрахани; если же чрезъ предоставленіе каменноугольному производству нѣкоторыхъ льготъ и преимуществъ, цѣны за пудъ угля понизятся въ Царицынѣ до 17 к., то употребленіе угля будетъ выгодно и отъ Нижняго Новгорода до Астрахани. Ходатайство это однако возбудило страшное противодѣйствіе и не привело ни къ какимъ благимъ результатамъ.

Противная „дровяная“ партія не дремала. Въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ возникло сильное общество, куда вошли съ обширнѣйшаго района арендаторы земель, лѣсопромышленники, заправители желѣзнодорожнаго дѣла и другіе дѣятели. Общество это составило комиссію „Волжской Лѣсоторговли“ и выпустило ее на единоборство съ комиссіею „Распространенія антрацита“. Громъ и молнія были великіе! Комиссія антрацита стояла твердо, брагинцы не робѣли, но противная партія шла съ непримѣрною наглостью, на бумагахъ защищаясь статистическими данными, а въ дѣйствительности выставивъ толстое брюхо впередъ, заслоняясь туго набитыми кошельками. Она дѣлала свои выстрѣлы въ упоръ, неотразимо: опасеніе, что усиленіе пароходства на Волгѣ—такъ возвышала свой голосъ „дровяная“ партія—окончательно истребить приволжскіе лѣса, неосновательно. На Волгѣ и Камѣ лѣсу еще такъ много, что его тамъ и дѣвать некуда: тамъ во многихъ мѣстахъ лѣса гниютъ на корнѣ и гибнутъ отъ пожаровъ и буреваловъ. Волжскіе и камскіе пароходы по примѣрному расчету потребляютъ 350,000 кубическихъ сажень дровъ. Если къ этому прибавить 150,000 кубическихъ сажень на удовлетвореніе потребностей въ дровахъ приволжскихъ городовъ, то примѣрная цифра общаго средняго потребленія дровъ на Волгѣ опредѣлится въ 500,000 кубическихъ сажень. Цифра эта велика—соглашалась дровяная комиссія—но лѣсовъ все еще будетъ достаточно на многіе годы и для вдвое большаго потребленія. Такъ въ казенныхъ луговыхъ лѣсахъ казанской губерніи, расположенныхъ какъ нельзя болѣе выгодно, сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ по настоящее время еще значительно ниже производительности лѣсовъ. Цѣна дровъ на мѣстѣ въ лѣсу неслыханно низка, вслѣдствіе недостатка спроса. Въ казенныхъ лѣсахъ, расположенныхъ на Волгѣ и Ветлугѣ, сажень дровъ стоитъ 1 р. 75 к., а въ лѣсахъ частныхъ и удаленныхъ отъ этихъ рѣкъ она доходитъ до 1 р. 50 к. и 1 руб. за куб. сажень. Между тѣмъ 71 пудъ антрацита, соотвѣтствующіе сажени дровъ, даже на мѣстѣ добычи стоятъ 4 р. 26 к. (по 6 коп. пудъ). Какая же выгода будетъ замѣны дровъ углемъ? То-же самое, если прослѣдить оба эти продукта далѣе. На мѣстахъ потребленія дровъ одна кубическая сажень сосновыхъ дровъ въ торговлѣ стоитъ: на казанскихъ пристаняхъ 8 р. 40 к., въ Саратовѣ—12 р. и въ Астрахани—15 р. А если 71 пудъ антрацита могутъ замѣнить

сажень дровъ, то выходить, что послѣдній можетъ успѣшно конкурировать съ дровами только въ томъ случаѣ, если пудъ его будетъ стоять на казанскихъ пристаняхъ 11,8 к., въ Саратовѣ 16,8 и въ Астрахани 21 коп. Между тѣмъ до этого далеко: уголь вездѣ въ этихъ мѣстахъ на 5 и болѣе к. за пудъ дороже. Дальше цѣна на него можетъ только возвышаться, а никакъ не понижаться. Такъ напирала дровяная партія.

Оба враждебные лагеря зашли такъ далеко во взаимной непріязни, что дровяная сторона готова была на всевозможныя жертвы, чтобы только одолѣть враговъ. Къ удивленію, къ этой сторонѣ примкнули всѣ безъ исключенія существующія въ краѣ промышленныя общества, получившія пособія и гарантіи отъ правительства и земства. Угольной топкѣ пришлось плохо: она подверглась повсемѣстному остракизму. Такъ пароходное общество „Самолетъ“ еще съ 1865 г. отопляло углемъ свои пароходы, начиная съ устья Камы внизъ по Волгѣ; но тутъ оно возвратилось къ употребленію дровъ вмѣсто угля, мотивируя это тѣмъ, что уголь оказывается значительно дороже дровъ и что, кромѣ того, при угольной топкѣ требуется несравненно болѣе большой ремонтъ печей, нежели при топкѣ дровами. Также точно поступили и нѣкоторыя другія кампаніи. Это сдѣлало даже и общество волжско-донской желѣзной дороги, передѣлавъ существующія уже много лѣтъ угольныя топки своихъ локомотивовъ на дровяныя. Это ужъ была величайшая несообразность, бросающаяся въ глаза особенно тѣмъ, что уголь въ это время подешевѣлъ почти вдвое противъ прежняго. Враги угля пошли бы и дальше: они убили бы потребление донскаго угля и на Каспійскомъ морѣ, но къ счастью это было невозможно. Каспійскіе морскіе пароходы не могутъ не употреблять каменнаго отопленія, такъ какъ они не имѣютъ возможности запастись дровами на цѣлый морской рейсъ. Поэтому донской уголь все-таки и теперь шель съ Дону въ Царицынъ и оттуда доставлялся Волгою въ Астрахань. На царицынской и волжско-донской желѣзныхъ дорогахъ можно было постоянно видѣть странную картину: идетъ поѣздъ желѣзной дороги, нагруженный каменнымъ углемъ, какъ товаромъ, и движимый локомотивомъ, который отопливается дровами, стоящими вдвое дороже угля. Это упрямство и злоба хищниковъ приносили жертву, чтобы донечь обогащающую ихъ страну. Брага, видя такое пограние святой, завѣтной идеи, переживалъ страшныя минуты отчаянія. Это было въ 1882 году.

Вообще желѣзнодорожныя правленія были всё противъ угольнаго отопленія. Нѣкоторыя изъ нихъ (какъ напр. лозово-севастопольская дорога въ 1873 г.) вовсе отказывались отъ всякой перевозки угля, кромѣ какъ если потребуется для собственной надобности. Не соглашались брать угольный грузъ даже при большихъ настоянїяхъ пароходныхъ компаній (днѣпровская камп.), мотивируя это тѣмъ, что не имѣютъ на это подвижнаго состава. Другія всё желѣзныя дороги заявляли съѣздамъ углепромышленниковъ, что они будутъ давать вагоны подъ уголь, но отнюдь не въ такомъ количествѣ, сколько ихъ будетъ требоваться, а сколько будутъ въ состоянїи дать.

Вмѣстѣ съ антагонизмомъ къ угольной промышленности дровяная партія старалась пришибить и всякое развитіе на югѣ Россіи чугунно-литейнаго дѣла. Члены этой партіи повсемѣстно распространяли мнѣніе, что въ донецкой каменноугольной площади нѣтъ благонадежныхъ мѣсторожденій доброкачественныхъ желѣзныхъ рудъ, годныхъ для выплавки чугуна, и когда, лѣтъ шесть тому назадъ, при министерствѣ финансовъ образовалось Высочайше утвержденная комиссія для пересмотра существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и тарифахъ по привозу изъ заграницы металловъ и металлическихъ издѣлій, то „дровяники“ пустили въ ходъ всё пружины, всё тайные ходы, чтобы ввозъ изъ границы чугуна былъ повсемѣстно въ Россіи свободнымъ. Но брагинцы-угольщики тоже въ эту рѣшительную минуту бодрствовали... Закипѣла страшная битва. Мнѣніе комиссіи было весьма важно. Оно должно было порѣшить вопросъ: развиваться дальше горному дѣлу на юго-востокѣ Россіи, или остановиться. Съ обѣихъ враждебныхъ сторонъ дѣлались большія усилія, но, къ счастью для края, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергическихъ угольщиковъ былъ членомъ въ самой комиссіи. Онъ съ успѣхомъ боролся съ врагами края въ личныхъ словесныхъ пренїяхъ, а запасшись документальными доказательствами отъ совѣта управленія горною и соляною частями въ донской области (въ 1879 г.), и совсѣмъ пришибъ враговъ. Угольщики разбили дровяниковъ на голову: ввозъ англійскаго чугуна въ порты Чернаго и Азовскаго морей вовсе былъ воспрещенъ. Мало того, угольной и чугунно-литейной промышленности даны были помощь, льготы, преимущества.

Правительство всегда дѣйствовало по направленію идеи Браги. Еще въ 1857 году, при пересмотрѣ тарифа, ввозъ чу-

гуна и желѣза въ порты Азовскаго моря былъ запрещенъ въ видахъ поддержки юговосточныхъ чугунныхъ заводовъ, хотя ввозъ ихъ во всѣ прочіе порты дозволенъ почти безъ пошлины. Вообще оно обращало особое вниманіе на южную Россію, на развитіе тамъ горнозаводскаго дѣла и на распространеніе минеральнаго топлива. Оно не щадило денежныхъ затратъ и субсидій для поощренія первыхъ заводчиковъ и устройства собственныхъ заводовъ (луганскій заводъ, петровскій около сѣверной границы міускаго округа донской области, лисичанскій на рѣкѣ Донцѣ). Когда въ Новочеркаскѣ образовалось общество каменноугольнаго и желѣзнаго производствъ, съ намѣреніемъ устроить на рѣкѣ Калміусѣ екатеринославской губерніи чугунные заводы, то правительство выдало ему субсидію въ 500 тысячъ руб. и опредѣлило на извѣстное количество пудовъ рельсовъ, которое оно будетъ выдѣлывать на своихъ заводахъ, по пятьдесятъ коп. преміи на пудъ. Такая-же субсидія дана заводу англичанина Юза на Міусѣ. Строителя курско-харьковско-азовской желѣзной дороги правительство, при выдачѣ концессіи, обязало выстроить рельсовый заводъ съ ежегоднымъ производствомъ 500 тысячъ пудовъ рельсовъ и предоставило ему право получить нужную для этого землю безвозмездно. Всѣ горные заводы, устраиваемые въ екатеринославской губерніи и донской области освобождаются отъ горныхъ податей на 20 лѣтъ, а пошлины за добычу каменнаго угля въ пользу казны совсѣмъ не существуетъ. И это еще не все. Кромѣ образованія при высшихъ правительственныхъ сферахъ разныхъ комиссій по экономическимъ дѣламъ вообще въ имперіи, съ 1879 года стала дѣйствовать юговосточная подкомиссія по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла. Мѣстныя губернскія горныя правленія, по указанію свѣше, въ послѣдніе года работали усиленно, и въ настоящее время ничто уже не можетъ задерживать на юго-востокѣ чугуннаго и желѣзнаго производствъ. Сдѣланы обширныя развѣдки по пространству и паденію желѣзныхъ рудъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ горныхъ инженеровъ. Добыто много положительныхъ данныхъ объ условіяхъ залеганія желѣзныхъ рудъ во всѣхъ мѣстностяхъ и ихъ количествахъ. Все это отчасти публикуется въ отчетахъ о краѣ. Теперь остается только водвориться тутъ самостоятельной русской чугунной и желѣзной промышленности, а процвѣтаніе ей обѣщаютъ какъ обиліе минеральнаго топлива, такъ и близость желѣзныхъ путей сообщенія и южныхъ портовыхъ городовъ.

Въ послѣдніе годы дѣятельность Василя Степановича Браги обнаруживалась не въ одной только теоріи. Онъ не переставалъ, со свойственною ему энергіею, работать и въ практической средѣ, стараясь пролить свѣтъ кругомъ себя, чѣмъ только можно, и сколько можно. Въ 15 верстахъ отъ его мѣстожителъства (онъ живетъ при самомъ лѣсничествѣ) находится уѣздный городъ, гдѣ, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ, существуетъ уѣздное училище. Брага исколоталъ себѣ право преподавать въ этомъ училищѣ безмездно начала земледѣлія и лѣсоводства и ѣздилъ туда для этого три раза въ недѣлю. Кромѣ того онъ завелъ обширный древесный питомникъ и раздастъ изъ него молодыя деревца всѣмъ, кто только пожелаетъ ихъ получить.

Но главные труды и заботы Василя Степановича были обращены на ввѣренное ему лѣсничество. Въ немъ считалось всего около 3 тысячъ десятинъ, но въ сущности занятаго лѣсомъ пространства было только 2 т. десятинъ. Остальное мѣсто было занято лѣсомъ лѣтъ 30 тому назадъ, теперь же было пусто, хотя и считалось подъ лѣсомъ. Являлась задача облѣсить всѣ эти пустыя мѣста дачи, но для этого нужны были средства довольно большія. Брага порѣшилъ создать ихъ во что бы то ни стало и придумалъ цѣлый рядъ операцій.

Въ томъ лѣсничествѣ хозяйство велось въ послѣдніе годы уже правильно. Лѣсъ ежегодно продавался дѣлянками на срубъ и получалось такимъ образомъ дохода съ него около 4 тысячъ рублей. Брага исходатайствовалъ изъ этой суммы 20% ежегодно для употребленія на разведеніе лѣса на всѣхъ пустотахъ площади; исколоталъ онъ также въ свое распоряженіе для той-же цѣли и деньги, поступавшія отъ всѣхъ другихъ доходныхъ статей въ лѣсничествѣ: отдачи на откупъ снятія плодовъ, попаса скота, а также откупа сѣнокоса въ безлѣсныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ въ первый-же годъ у него получилось, для приведенія въ исполненіе начертанныхъ плановъ, болѣе тысячи рублей. Половину этихъ денегъ онъ немедленно употребилъ по назначенію, засѣявъ и засадивъ лѣсомъ нѣсколько десятковъ десятинъ; другую половину тоже немедленно пустилъ въ выгодный оборотъ, чтобы увеличить свои средства и способы къ приведенію въ исполненіе своей цѣли. Онъ завелъ сначала самое небольшое кожевенное производство, но оно увеличивалось, разрасталось и удваивалось чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ, и теперь, черезъ 7 лѣтъ существованія, кожевенный заводъ его представляетъ обшир-

нѣйшее учрежденіе. Постановка его и ходъ дѣла на немъ не можетъ, кажется, не интересоватъ даже специалистовъ этого мало еще развитаго въ Россіи производства.

Самъ Брага на заводѣ не больше, какъ главный только пайщикъ; управу же на заводѣ и ходъ всему дѣлу даетъ особое правленіе изъ выборныхъ мастеровъ. Всѣ рабочіе на немъ дѣлятся: на мастеровъ-пайщиковъ, просто мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. Ученикомъ на заводѣ можетъ поступить каждый желающій, такъ что еслибы желающихъ поступить явилось разомъ нѣсколько тысячъ, то и то, кажется, они съ удовольствіемъ были бы приняты на полное отъ завода содержаніе. Далѣе ученикъ, за успѣхи въ работѣ, можетъ быть удостоенъ званія подмастерья и получать уже, при содержаніи въ артели при заводѣ, жалованья отъ 30 до 50 р. въ годъ. Подмастерье дѣлается мастеромъ съ жалованьемъ въ 100 р. и больше; а если мастеръ скопитъ 100 р. и вложить ихъ въ обороты завода, то дѣлается мастеромъ-пайщикомъ и получаетъ уже на свой пай не менѣе 200 р. съ общаго дохода завода. Съ увеличеніемъ взноса растутъ и его доходъ.

Съ помощью приглашенныхъ специалистовъ-мастеровъ Брага поставилъ на заводѣ дѣло на самую современную научную почву. Устроены всѣ приспособленія, выработанныя въ послѣднее время техникой. Всякая кожа, какъ извѣстно, по своей величинѣ и толщинѣ требуетъ для своей выдѣлки различнаго времени, но у Браги поставлено дѣло такъ, что самая толстая сырая кожа выдѣлывается въ одинъ мѣсяць. Это увеличиваетъ выгоду производства, такъ какъ затрачиваемый на покупку сырыхъ кожъ капиталъ дѣлаетъ въ годъ до 12 оборотовъ, что едва-ли бываетъ въ какомъ-либо другомъ производствѣ. Въ коммерческомъ отношеніи дѣло стоитъ такъ: большая воловья кожа стоитъ въ покупкѣ 12 р., выдѣлка ея обходится въ 3 р.; она даетъ полтора пуда подошвеннаго товару, а считая пудъ 30—40 руб., въ продажѣ она стоитъ 50—60 р.; шкура лошади — въ покупкѣ 4—5 р., выдѣлка 2 р., продажная цѣна 15—18 р.; козель — въ покупкѣ 1 р., выдѣлка — 1 р., продажная цѣна — 3—4 р. Поэтому-то оборотный капиталъ завода и въ состояніи давать чистой прибыли въ годъ 200 и 300%.

Василій Степановичъ поставилъ на заводѣ цѣлью выдѣлывать кожи по заграничнымъ образцамъ и сообщать имъ ту прочность, тонкость и изящество, которыя отличаютъ товаръ англій-

скій и берлинскій. Получая сырыя кожи — незалежавшіяся, свѣжія — изъ первыхъ рукъ, прямо отъ мясниковъ и скотопрмышленниковъ, — онъ и успѣваетъ въ этомъ, дѣлая выработанный товаръ даже доступнѣе по цѣнѣ и добротнѣе заграничнаго. Своей конкуренціей Брага думаетъ подавить англичанъ и нѣмцевъ, и на полную побѣду надъ ними у него самыя основательныя надежды. И теперь уже товаръ его, не уступая, какъ сказано выше, добротностью заграничному, далеко дешевле его цѣной. Далѣе Брага думаетъ спустить цѣну его ниже и ниже, и товарамъ берлинскому и англійскому не сдобровать, тѣмъ болѣе, что за границей выдѣлка кожъ никогда не можетъ быть такъ выгодна и дешева, какъ въ Россіи. Тамъ, напримѣръ, дубовая кора обходится 3 р. пудъ, въ Россіи же она — 30 коп. пудъ. Нѣмцы-берлинцы везутъ русскія кожи къ себѣ и платятъ за провозъ; у Браги же онѣ подъ руками.

У Браги при выдѣлкѣ кожъ, кромѣ главнаго матеріала, получаютъ еще достигающіе значительной цѣнности разные продукты кожевеннаго производства: волосъ, соли, кислоты, дубовая кора и проч. Всѣ отбросы идутъ тутъ въ дѣло и имѣютъ цѣнность. Волосъ употребляется, смотря по роду животныхъ, которымъ принадлежали кожи: лошадиный идетъ на матрацы высшей цѣнности, воловій на войлоки и обойщикамъ. Рога и копыта видоизмѣняются въ пуговицы, на выдѣлку напильниковъ, ножей и вообще разныхъ инструментовъ англійской отдѣлки. Известъ съ остатками шерсти идетъ на штукатурку стѣнъ. Остатки дубовой коры — на устройство трудно воспламеняющихся крышъ. Вся мелочь и смѣсь, никуда негодная, идетъ на кирпичъ для топки и на удобреніе почвы.

При кожевенномъ заводѣ устроенъ также клеевой заводъ, что весьма выгодно, такъ какъ оба завода помогаютъ другъ другу. На клеевой заводъ поступаютъ всѣ обрѣзки, мездра и другія разложившіяся части кожъ. Если этого бываетъ мало, то покупаются на клей плохія, негодныя кожи, ноги воловьи, бараньи и лошадиныя. Даже изъ купленнаго такимъ образомъ матеріала клей на заводѣ въ работѣ обходится пудъ въ 3 руб.; продается же онъ: простой за пудъ 7—8 руб., а очищенный химически 12—14 руб. При самомъ добываніи клея получается еще костяное масло, отдѣляющееся отъ клея. Химически очищенное, оно имѣетъ хорошій сбытъ, такъ какъ предохраняетъ различныя части машинъ отъ скорой порчи. Цѣнится оно по

2 руб. за фунтъ и дороже. Клеевой заводъ, въ свою очередь, помогаетъ кожевенному. Теплота, дѣйствующая при выдѣлкѣ клея, направляется на высушку кожъ. Если же клеевого завода не было бы, то настояла бы надобность въ устройствѣ особой сушильни.

Изъ своего лѣсничества Василій Степановичъ создалъ совершенно безгрѣшную статью дохода, дававшую ему въ послѣдніе года никакъ не меньше того, что даетъ и кожевенный заводъ. Всѣ безлѣсныя мѣста въ лѣсничествѣ въ прежнія времена отдавались за бездѣнокъ по 6—7 коп. за десятину подъ покосъ желающимъ, для чего каждый разъ дѣлались торги съ предварительною публикаціею. Брага сталъ употреблять ихъ хозяйственнымъ образомъ. Онъ сдѣлалъ представленіе лѣсному начальству—не продавать покосныхъ мѣстъ, а косить на нихъ сѣно и потомъ продавать послѣднее съ аукціона желающимъ. Въ видахъ полученія большаго дохода это и было ему разрѣшено съ тѣмъ, чтобы операцію эту онъ производилъ на отпускаемыя ему по хозяйству лѣса деньги. Выходило такъ, что лѣсное начальство распоряжалось всегда продать накошенное сѣно тотчасъ послѣ покоса его и сметанія въ стога. Это бывало среди самаго лѣта, когда у мѣстнаго населенія обыкновенно нѣтъ денегъ. За сѣно на торгахъ давали цѣну самую низкую, и Брага находилъ возможнымъ брать его за себя, не дѣлая этимъ никому ни вреда, ни подрыва. Потомъ онъ сбывалъ сѣно зимой, когда цѣна на него возвышалась. Брала его больше купцы-скотопромышленники, которые или стравливали его на мѣстѣ гуртами скота, или увозили въ другія мѣстности. Въ то-же время Брага прессовалъ сѣно и отправлялъ самъ во внутренніе города Россіи. Эта послѣдняя операція была выгоднѣе всѣхъ другихъ, но каждый разъ при отправкѣ значительныхъ количествъ этого товара приходилось вести жестокую войну съ желѣзными дорогами.

Размѣры разведенія лѣса въ своемъ лѣсничествѣ Василій Степановичъ годъ отъ году все увеличивалъ. Но тутъ ему приходилось вести тяжкую борьбу. Часто и борьба была невозможна: оставалось только терпѣть и страдать. Зимой его одолевали вьюги и бури, часто съ неестественными холодами при совершенномъ безснѣжьи; лѣтомъ—засухи, сухіе восточные вѣтры, животныя и насѣкомыя. Въ той мѣстности, гдѣ находится его лѣсничество, нѣсколько уже десятковъ лѣтъ существуетъ та-же

поразительная и невыносимая для растительной жизни неровность климата, какая замѣчается и во многихъ другихъ пунктахъ этого края. Молодые лѣсныя поросли вырастають здѣсь среди тяжелой борьбы за свое существованіе. Прежде нежели подняться ростомъ въ колъ, они выносятъ цѣлый рядъ бѣдствій и по нѣкоторымъ мѣстамъ, особенно неблагоприятнымъ, гибнуть почти поголовно. Картина роста посаженнаго вновь или посѣяннаго лѣса именно такова: въ безснѣжную и холодную зиму мало того, что вымерзають корни молодыхъ деревцъ; но морозъ выдергиваетъ ихъ прочь изъ земли. Гдѣ проходятъ трещины лопнувшей отъ морозу земли, тамъ гибнуть цѣлые ряды даже взрослыхъ деревъ. Въ иной годъ тяжелая зима, — глубокой снѣгъ лежитъ до первыхъ чиселъ апрѣля; тогда какъ въ другой — она весьма легкая, но съ чрезвычайными неровностями: то перепадаетъ дождь, то снѣгъ, то дѣлается оттепель, то морозъ — и эти переходы то возбуждаютъ растенія къ жизни, то останавливаютъ ее въ нихъ. Въ безснѣжную зиму теплота солнца часто мгновенно согрѣваетъ открытую землю, производитъ неестественно раннюю весну и развитіе растительности; но вдругъ все смѣняется 20% морозомъ, растительность гибнетъ. Въ такія зимы иногда въ первыхъ числахъ февраля начинаются совершенно весенніе дни: снѣгъ сходить, балки и рѣчки наполняются водою, куропатки расходятся попарно, начинаютъ пѣть жаворонки, прилетаютъ дикіе гуси, стрепеты, дрофы, утки, выходятъ изъ земли змѣи и ящерицы, начинаютъ кричать лягушки, сороки и воробьи вить гнѣзда, на небѣ можно видѣть сверкающую молнію, по долинамъ вездѣ кучки свѣжей земли, нарытой кротами; степь зеленѣетъ и покрывается весенними цвѣтами, на деревьяхъ разбухаютъ почки, распускаются листья и появляются цвѣты. Но такую весну нельзя никогда считать прочною и благоприятною: она сопровождается всегда значительными утренними морозамъ, губельно дѣйствующими на всякую жизнь. Такъ продолжается иногда до половины апрѣля, а тутъ въ иной годъ начинаются жары и засуха, дуетъ восточный или юговосточный сухой жгучій вѣтеръ, разыгрываются бури. Рыхлая земля, вздуваемая огромными и густыми тучами, подымается съ плантацій и засѣянныхъ полей. Лучшей земли такимъ образомъ сносится слой верхка въ три толщиною и ее валить въ балки и низменности, наматаетъ пласты отъ 4-хъ верхковъ до аршина. Сила вѣтра бываетъ часто такъ велика,

что проходящіе не могутъ держаться на ногахъ, а въ лицо ихъ до большой боли бьютъ крупинки земли, несомыя вѣтромъ. У непривычныхъ къ степи въ это время лицо дѣлается чернымъ, и поверхность его, а также шея и руки, высыхаетъ до того, что кожа на нихъ трескается и слущивается. Такая погода приноситъ большой вредъ молодымъ порослямъ. Буря распатываетъ деревца, выдувая изъ-подъ нихъ землю, обнажаетъ и сушитъ ихъ корни, также сушитъ и обиваетъ развивающіяся почки и молодые листья, сушитъ не только вѣтви, но и цѣлыя стволы, особенно вновь насаженныхъ и не привившихся еще деревцевъ.

Но этимъ бѣды далеко еще не кончаются. Вдругъ послѣ всего этого, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а иногда въ первой половинѣ мая, температура понижается до 2-3 градусовъ, и лѣсъ не только молодой, но и старый, представляетъ грустную картину: молодые побѣги и листья на всѣхъ деревьяхъ померзаютъ. То-же самое дѣлается съ хлѣбомъ и травами. Прекрасная и роскошная зелень лѣса и травы исчезаетъ; лѣсъ—гдѣ представляется желтымъ, гдѣ бурымъ, а въ иныхъ мѣстахъ совершенно чернымъ. Это смотря по роду деревьевъ и по высотѣ мѣста: чѣмъ мѣсто выше, тѣмъ вредъ отъ мороза бываетъ больше, и наоборотъ. Нѣкоторыя молодыя деревца совершенно теряютъ стволы и послѣ идутъ только отъ пней и корней. У другихъ отмерзаютъ только верхнія части стволиковъ, и поэтому послѣ они бываютъ корявыми, на нихъ образуется много боковыхъ вѣтвей безъ верхушки. И вездѣ въ степи правильныхъ, прямыхъ и съ верхушками деревьевъ вырастаетъ очень мало. Уродуетъ ихъ такимъ образомъ морозъ, а не то тающій снѣгъ въ снѣжную зиму. Тогда деревья и на ровныхъ мѣстахъ, а въ буеракахъ особенно, бываютъ до самыхъ верхушекъ завалены снѣгомъ. Когда весной послѣдній начинаетъ таять, то, осѣдая, обламываетъ деревья, кривитъ ихъ, уродуетъ.

Послѣ побитія морозомъ деревья однако всегда скоро оправляются, т. е. тѣ изъ нихъ, въ которыхъ еще сохранилась жизнь. Но имъ можно ждать еще новой бѣды. Около троицына дня на степномъ лѣсѣ часто появляется такое множество личинокъ степныхъ бабочекъ, что онѣ укрываютъ не только лѣсъ, но и всю землю кругомъ его, сѣдаютъ листья и плоды на деревьяхъ, а также всю растительность кругомъ. Отъ нихъ защищаются: отряхаютъ ихъ съ деревьевъ и мажутъ дегтемъ и смолой нижнія части стволовъ послѣднихъ, чтобы личинки не

могли вползати на нихъ съ земли, кладутъ между деревьями окуръ изъ навоза, вѣшаютъ раковъ на вѣтви, чтобы отъ гнѣнія ихъ распространялся убійственный для гусеницъ запахъ. Но всѣми этими средствами немного успѣваютъ сдѣлать, и лѣсъ все-таки теряетъ свою листву, а плодовые деревья — и плоды. Случается, что приэтомъ погибаютъ и деревья; въ массѣ же они только задерживаются въ ростѣ. Недѣли черезъ полторы-двѣ на нихъ опять вырастаютъ почки и листья.

Такимъ образомъ степному лѣсу въ борьбѣ за свою жизнь часто приходится три раза въ одинъ годъ пускать почки и листья: разъ ихъ побьетъ морозъ, въ другой съѣдятъ гусеницы и только третьи удержатся. Кромѣ всего этого лѣсу много вредятъ еще зайцы и крысы (послѣднія по низкимъ, займищнымъ мѣстамъ), обглаживая стволы молодыхъ деревьевъ. Въ инныя зимы и весны они дѣлаютъ страшныя нашествія и производятъ опустошенія, но все-таки отъ этихъ враговъ можно защищаться съ помощью собакъ, ружей, тенетъ, капкановъ и дубинъ.

Брага разводилъ лѣсъ по буеракамъ, гдѣ онъ почти наголо былъ истребленъ мѣстными жителями; даже корни его не уцѣлѣли. Развести въ такихъ мѣстахъ лѣсъ вообще весьма трудно, но все-таки возможно. Брага пришелъ даже къ убѣжденію, что степные буераки необходимо всѣ занять куртинами лѣса, такъ какъ они только на это большею частью и годны: къ хлѣбопашеству они обыкновенно неспособны по крутизнѣ скатовъ своихъ, да и укосъ сѣна могутъ давать сравнительно небольшой и плохой. Лѣсу же стоитъ только тутъ укорениться. На первыхъ порахъ только трудно и почти невозможно бываетъ развести его по скатамъ, но можно сначала разводить на низкихъ мѣстахъ, въ самыхъ ложбинахъ; когда же тутъ будетъ поросль, то съ увеличеніемъ ея постепенно будутъ уменьшаться неблагоприятныя условія и къ посадкамъ на скатахъ.

Такимъ образомъ Василій Степановичъ Брага на практикѣ въ послѣдніе года подвизался въ просвѣщеніи народа (какъ выше сказано, онъ состоялъ безмезднымъ преподавателемъ лѣсоводства и земледѣлія въ училищѣ), въ разведеніи лѣса, сѣнокошеніи и обширномъ производствѣ кожъ. Но это было далеко не полный кругъ начертанной имъ себѣ практической дѣятельности. Съ самаго того момента, какъ онъ далъ въ душѣ обѣтъ отдать себя на служеніе нуждамъ своей страны, у него

какъ-бы нарисовались въ мозгу, стояли передъ глазами днем и ночью, во снѣ и на яву, слова: „русская домна, уголь и чугуны!“ Эти слова были его пароль и лозунгъ. Они какъ-бы начертаны были на знамени, которое развивалось передъ его глазами и звало его впередъ. Для полнаго оздоровленія экономической жизни края онъ, кромѣ разведенія лѣса, считалъ необходимымъ прежде всего выкопать изъ земли и взять въ руки богатыря-уголь—эту силу, производящую тепло и паръ, — потомъ дать жизнь тѣмъ 52 пластамъ желѣзной руды, которые лежатъ въ грунтѣ донецкаго бассейна, и эти двѣ силы устремить на защиту лѣса, а съ нимъ вмѣстѣ климата и плодородія земли. Этой идеи Брага отдавалъ всю свою душу. Развѣтѣемъ угольной и желѣзной промышленности, а также прекращеніемъ отпуску сырыхъ русскихъ кожъ за границу и широкимъ развитіемъ скотокошенія (для отправки во внутренніе города Россіи, на прокормку тамъ на мѣстѣ нужнаго промышленнымъ центрамъ скота) онъ хотѣлъ отвлечь мѣстное населеніе отъ болѣзненныхъ, одностороннихъ занятій въ сельскомъ быту, сократить значительно хлѣбопашество и убить вовсе кочевое, бродячее скотоводство. И вотъ онъ бился въ промышленныхъ операціяхъ, чтобы скопить хоть нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Дальше онъ намѣренъ было испросить субсидію у правительства, открыть разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ хоть небольшія на первыхъ порахъ доменные печи съ угольными шахтами и пустить русскій чугуны на рынокъ въ борьбу съ англійскимъ. Подвижникъ опредѣлилъ себѣ великую цѣль! Онъ далъ слово умереть только тогда спокойно, когда русскій уголь станетъ согрѣвать не только сердце Россіи, Москву съ Волгой, но и всѣ окраины, и когда бунты его, и произведеннаго имъ чугуна, загородятъ петербургскій и другіе порты отъ англичанъ и нѣмцевъ. Бѣдному труженнику предстоялъ трудный путь нужды и лишеній!..

Но судьба разомъ выручила Василю Степановича, давъ ему въ руки шестнадцатимилліонный капиталъ. Теперь онъ точно вышелъ изъ душнаго горнаго ущелья на широкій, неоглядный просторъ поля, годнаго для самой великой, самой богатырской борьбы и битвы! Горную промышленность въ краю онъ надѣется поставить сразу такъ, чтобы домны его вырабатывали изъ рудъ чугуна въ годъ неменѣе 10 милл. пудовъ *).

*) Извѣстно, что всего въ Россіи выплавляется теперь изъ рудъ чугуна около 15 милл. пудовъ. Въ 1870 г. его было выплавлено 16.960,282 пуд. и изъ

Въ такомъ случаѣ потребуется на выплавку только чугуна 120 миллионѡвъ пудѡвъ угля; на выдѣлку изъ чугуна желѣза, а изъ этого послѣдняго издѣлій потребуется его столько-же или больше. Добываніе рудъ и угля, подвозка ихъ къ мѣстамъ производства, а также и доставка къ мѣстамъ сбыта потребуетъ громаднѡхъ силъ, и это дастъ выгодный заработокъ миллионамъ народа. Далѣе онъ намѣренъ выкупить въ свѣе распоряженіе двѣ тысячи верстъ уже существующихъ желѣзныхъ дорогъ и на такое-же разстояніе построить новыхъ путей (построить ихъ онъ думаетъ поразительно просто и дешево), уложить по нимъ не только два, но три, четыре и болѣе пути, завести въ избытѣкъ подвижной составъ, приспособивъ вагоны собственно къ перевозкѣ угля, и возить этотъ послѣдній продуктъ во всѣ концы Россіи: въ столицы, на Уралъ *), на Волгу, Днѣпръ, къ побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей. Онъ надѣется, что сбытъ угля на Уралѣ будетъ доходить до 500 миллионѡвъ пудѡвъ, до 100 миллионѡвъ въ каждую изъ столицъ (въ Москвѣ на одни фабрики и заводы по точному исчисленію нужно угля 68 милл. пуд.) и по столько-же на Волгу, на Днѣпрѣ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Брага готовится нанести тяжкій ударъ англійской угольной промышленности, вытѣснивъ ея уголь со всѣхъ русскихъ балтійскихъ портовъ. Онъ и не думаетъ просить какой-либо покровительственной пошрины со стороны правительства (въ видѣ наложенія напр. высокаго тарифа на англійскій уголь и поднятія тѣмъ цѣнъ на русскій, чтобы дать такимъ образомъ возможность всѣмъ съ выгодною провозить его сюда): напротивъ, его желаніе — еще понизить цѣны на уголь въ Петербургѣ и др. мѣстахъ. Онъ хочетъ бороться свободно, выходитъ на поединокъ, одинъ на одинъ съ экономическимъ врагомъ страны. Сдѣлать это онъ думаетъ очень просто: уголь въ случаѣ надобности онъ намѣренъ провозить своими дорогами, гдѣ можно, бесплатно, какъ развозятъ хлѣбъ въ голодные года.

Нельзя не замѣтить приэтомъ, что Василій Степановичъ въ торговлѣ и промыслахъ врагъ всякаго рода стѣсненій. По его мнѣнію, правительство должно вмѣшиваться въ дѣла про-

---

этого количества получено желѣза 13.797,980 пуд. *Работа однако производится на древесномъ углѣ.*

*) На Уралѣ хотя и есть залежи каменнаго угля, но, по расположенію и качеству пластовъ, ихъ не стѣитъ разрабатывать.

мышленности, но въ извѣстной мѣрѣ. Такъ въ настоящее время необходимо обложить самою высокою пошлиной всякаго рода машины и металлическія издѣлія, привозимыя въ Россію изъ за-границы, чтобы совершенно преградить имъ путь сюда, — но это сдѣлать только временно, лѣтъ на 15—20: пока русскій мастеръ станетъ на ноги, осмотрится. Послѣ того предоставить его въ борьбѣ собственнымъ силамъ („ребенка надо вскормить, воспитать и дать на-правление, а жить и работать онъ долженъ по своей волѣ и желанію“).

Для постановки на самую широкую ногу чугунно-литейной промышленности Брага хочетъ употребить особый маневръ. Онъ намѣренъ самъ устроить въ нѣсколькихъ мѣстахъ доменные за-воды и производить чугунъ изъ руды и вмѣстѣ съ тѣмъ при-влечь къ этому дѣлу капиталы со стороны. Послѣднее онъ ду-маетъ сдѣлать, объявивъ, что будетъ покупать у частныхъ вла-дѣльцевъ чугунъ, выплавленный изъ туземныхъ матеріаловъ, въ извѣстномъ количествѣ ежегодно и по извѣстнымъ цѣнамъ. Если на это откликнутся предприимчивые люди, разберутъ все коли-чество гарантированнаго такимъ образомъ чугуна и станутъ до-ставлять его, онъ устроить соответствующее число желѣзо-дѣла-тельныхъ заводовъ, а если не будетъ успѣвать перерабатывать на своихъ заводахъ весь скопившійся чугунъ въ желѣзо, то сдѣлаетъ объявленіе, что капиталисты, построившіе желѣзо-дѣлательные заводы на югѣ Россіи, могутъ получать чугунъ по извѣстнымъ цѣнамъ и въ извѣстномъ количествѣ ежегодно. Вся пѣль Браги заключается въ томъ, чтобы въ Россіи накопилось какъ можно больше своего собственнаго чугуна, чтобы онъ по-явился на рынкѣ (теперь его нѣтъ), чтобы цѣна на него упала и онъ вытѣснилъ привозный англійскій чугунъ. Брага ду-маетъ объявить цѣну на производство изъ рудъ чугуна самую высокую и выгодную для производителей; напротивъ, пригото-вленный чугунъ уступать желѣзнымъ заводчикамъ по низкой цѣнѣ, т. е. выгодно для потребителей его, согласно мѣстнымъ цѣнамъ на желѣзо. Въ такомъ случаѣ трудно предположить, чтобы не нашлось достаточнаго числа предприимчивыхъ лицъ. Играя та-кимъ образомъ цѣнами, Брага надѣется создать и подвинуть въ ширь промышленность, вызвать на поприще этой новой дѣятель-ности энергическихъ и предприимчивыхъ дѣятелей и поднять благосостояніе и достоинство народа и страны. Разница между высокою и низкою цѣною на чугунъ, при приѣмѣ его и отпу-скѣ, будетъ убытокъ ему, но это будетъ его жертва...

Относительно специальности своей, разведенія лѣса на юго-востокѣ, Брага готовить неслыханно смѣлый планъ. Въ послѣдніе года въ донской и кубанской областяхъ раздаются даромъ участки казенной (войсковой) земли подъ разведеніе лѣса, лишь-бы берущіе землю начали работу по разведенію рощъ втеченіе трехъ лѣтъ. На этомъ основаніи Брага надѣется испросить у правительства въ свое распоряженіе на семь пространствъ юго-востока 3.000,000 десятинъ земли *) въ нужныхъ мѣстахъ и разной величины участками. Онъ думаетъ, что и частные владѣльцы земель, если сами не желаютъ разводить нужный степямъ лѣсъ, должны будутъ, на основаніи закона, уступать часть своихъ земельныхъ владѣній подъ лѣсныя посадки. Совершить это дѣло онъ надѣется даже безъ особенно большихъ затратъ капитала, такъ какъ на первыхъ порахъ будетъ возможность эксплуатировать землю сѣнокосомъ и посѣвомъ хлѣба, а дальше станетъ давать доходъ и самый лѣсъ. Хотя Брага готовъ сократить хлѣбопашество въ краю до послѣдней возможности, но онъ считаетъ необходимымъ, удобнымъ и выгоднымъ предварительно посадки лѣса на извѣстномъ пространствѣ распахать землю и года два-три передъ тѣмъ сѣять на ней хлѣбъ.

И теперь рисуется: Василю Степановичу великая картина предначертанныхъ имъ работъ. Въ то время, когда на угольныхъ и чугунныхъ рудникахъ, на чугунно-литейныхъ, желѣзодѣлательныхъ и кожевенныхъ заводахъ миллионы народа найдутъ себѣ выгодный трудъ, когда тамъ будутъ дѣйствовать, управляемые мастерами и техниками, машина, вода, молотъ, лошадь и вошь, будутъ слышны неумолкаемое шипѣнье пара, гулъ машинъ, стукъ колесъ и молотовъ, — въ это время долины и буераки степей тоже не менѣе будутъ оживлены: тамъ, въ перемежку съ хлѣбопашествомъ и сѣнокосеніемъ, будутъ разводиться лѣса. 3 миллиона десятинъ земли Брага думаетъ раздѣлить на 1,000 лѣсныхъ участковъ, полагая въ каждый по

---

*) Такого количества лѣсного пространства Брага считаетъ на первый разъ достаточнымъ для всего юго-востока, особенно если въ нему присоединить тѣ лѣса, которые уже существуютъ здѣсь и будутъ еще разведены обязательно частными владѣльцами. Извѣстно, что въ восточныхъ русскихъ губерніяхъ теперь лѣса находятся на лицо только отъ 0,8% до 2,5% въ отношеніи ко всей удобной землѣ, что въ среднемъ выводитъ для всего юго-востока даетъ только 1 1/8%, тогда какъ за необходимую въ климатическомъ, экономическомъ и санитарномъ отношеніяхъ норму количества лѣса въ каждой сторонѣ считается, какъ извѣстно, 25% всей ея площади.

3,000 десятинь, и поручить каждый участокъ особымъ спеціально подготовленнымъ лицамъ. Ему потребуются цѣлые полки лѣсничихъ и таксаторовъ, и эту отборную армію онъ поведетъ ужъ лично самъ въ битву съ засухами, непогодами и бурями степей.

Таковы теперешніе планы и желанія Василя Степановича Браги. Насколько онъ достигнетъ своихъ цѣлей, приложить дальше къ дѣлу и желѣзную силу своего характера, и тѣ миллионы, которые теперь—во искупленіе своихъ экономическихъ и народныхъ грѣховъ—точно высунулъ ему изъ могилы дѣдъ его Хмѣль,—все это будетъ видно, можетъ быть, только въ отдаленномъ будущемъ...

Ив. Тимощенковъ.

* * *

Оттого-ли, что когда-то
Я любилъ тебя всѣхъ больше, —
Мнѣ твое вниманье свято
И его вліянье дольше;

Или, можетъ быть, въ пустынѣ
Моего существованья
Я сберегъ еще понинѣ
Тѣ-же чувства и желанья:

Самъ не знаю я... но только
При тебѣ, мой ангелъ милый,
Свѣжихъ чувствъ и мыслей столько —
Что ихъ высказать нѣтъ силы!

С. Ф. Дуровъ. *)

---

*) Это посмертное стихотвореніе С. Ф. Дурова найдено въ бумагахъ покойнаго и доставлено намъ нашимъ сотрудникомъ В. С. Лихачевымъ. *Ред.*

Вѣчная страница.

Этюдь Кастельнуово.

Экцельзіоръ—(таковъ былъ псевдонимъ молодого литератора)—написалъ въ этотъ вечеръ столь желанное слово *конецъ* подъ послѣдней страницей своего новаго романа. Потомъ онъ сталъ лихорадочно перебирать 475 листиковъ рукописи, которую завтра долженъ былъ отнести къ издателю. Онъ пробѣгалъ взглядомъ эти страницы, стоившія ему столько мѣсяцевъ труда, бессонныхъ ночей, давшія столько и муки и восторга, останавливался на минуту на наиболѣе драматическихъ мѣстахъ, прочитывалъ громко нѣкоторыя фразы, стараясь заранѣе уловить, какое впечатлѣніе произведутъ они на душу читателя.

Время летѣло; керосинъ въ лампѣ опускался все ниже, и, когда Экцельзіоръ дошелъ до послѣднихъ страницъ своей рукописи, было уже два часа ночи. Онъ поднялъ голову и, подперши подбородокъ ладонью, долго оставался неподвиженъ, погруженный въ свои думы. Мало-по-малу глубокая грусть изобразилась на его лицѣ. Онъ всталъ съ мѣста и нервными шагами началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да!—воскликнулъ онъ, бросая взглядъ на рукопись, лежавшую на письменномъ столѣ,—и ты кончишь такъ-же, какъ твои старшія сестры! Ты появишься въ свѣтъ при лестномъ ропотѣ одобренія; тебя встрѣтятъ нѣсколько благосклонныхъ рецензій, внушенныхъ, быть можетъ, и дружбой къ издателю; ты доставишь мнѣ рукопожатіе какой-либо милой читательницы... а потомъ... потомъ тебя съ почетомъ похоронятъ въ шкапахъ библиотекъ. Такъ вотъ, стало быть, для чего я столько думалъ, столько учился, столько страдалъ? Да... есть что-то трагическое въ судьбѣ огромнаго большинства книгъ, проходящихъ какъ тѣни предъ глазами публики, — точно съ крикомъ: аве

Caesar, morituri te salutant!—римскіе гладіаторы въ циркѣ. Да, именно такъ: идущіе на смерть! Но только книги—не гладіаторы; онѣ не борятся съ ожидающей ихъ погибелью. Гдѣ имъ! Онѣ умираютъ отъ анеміи.

— Ахъ, еслибъ кроты, именуемые бібліотекарями, были умные люди—съ какою жгучею насмѣшкою вписывали бы они въ свои каталоги выходящія новинки! Для нихъ слѣдовало бы завести особую графу, какъ въ метрическихъ книгахъ для мертворожденныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая горькая иронія для книжки изящнаго формата, въ свѣженькомъ переплетѣ съ иголочки, странички которой еще пахнутъ типографской краской, съ красивой заглавной виньеткой, помѣченной текущимъ, а иногда и будущимъ годомъ, — какая горькая иронія, говорю я, для этой книжки очутившись рядомъ со старыми, извѣденными червями, неуклюжими фоліантами—быть вынужденной сказать себѣ: мнѣ всего годъ отъ роду, можетъ быть всего мѣсяць, день, а я уже умерла и погребена, тогда какъ между этими столѣтними стариками есть вѣчные юноши, которые не умрутъ во вѣки вѣковъ!

— Такъ, стало быть, есть-же между книгами безсмертные полубоги, съ челомъ, озареннымъ олимпійскимъ сіяніемъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе останутся друзьями и утѣшителями людей?

— О, есть-ли!..

Экцельзиоръ обвелъ глазами собственную свою бібліотеку и вскорѣ различилъ среди нѣсколькихъ шеренгъ корешковъ дюжины полторы томовъ, которые онъ самъ раскрывалъ всего чаще.

— Но въ чемъ же тайна вашей живучести?—продолжалъ онъ свой монологъ:—откроете-ли вы мнѣ ее, или нѣтъ? Между книгами, которыя давнымъ-давно не читаются больше, неужели не было ни одной, равной вамъ по достоинству? Счастье, случайность—не играютъ-ли и они своей роли въ славѣ? или-же знаменитость—результатъ лишь достоинства? А если такъ, то откуда же исходитъ божественное дыханіе, спасающее васъ отъ тлѣнія? изъ ума или изъ сердца? отъ горя или отъ радости? отъ любви или отъ ненависти, которою вы дышете? отъ вѣры или невѣрія? отъ тишины или отъ бури, которую вы съ собой несете? Кто можетъ рѣшить! Развѣ существуетъ одинъ общій законъ, который-бы управлялъ умами всѣхъ людей? Развѣ можетъ распусться при одинаковыхъ условіяхъ цвѣтокъ ихъ души? Одинъ почерпнулъ въ глубокомъ умѣ то, что дру-

гой нашель въ младенчески чистомъ сердцѣ. Для одного источникомъ вдохновенія послужили перенесенныя страданія, оскорбленія и униженія, жажда мести, тоска изгнанія, бить голода; у другого крылья фантазіи распустились среди глубокаго мира, въ святилищѣ семейной жизни, подъ невинный лепеть дѣтей. Одинъ почувствовалъ свое величіе въ молитвѣ, другой—въ сомнѣніи. Одному необходимъ былъ монашескій аскетизмъ, другому нужны были женщины, вино и пѣсня. Но и женщина не для всѣхъ означаетъ одно и то-же. У одного была Беатриче, у другого Лаура, у третьяго Фіаметта. Тамъ была матерія, здѣсь былъ духъ. Для многихъ „женщина“ означало „женщины“. Гёте и Байронъ не знали бы, что имъ дѣлать съ идеальной любовью, вдохновлявшей музу Петрарки. При всевозможныхъ условіяхъ, слѣдуя всевозможнымъ путямъ, поширая въ прахъ каноны всякихъ школъ, рождается „безсмертная книга“...

Экцельзиоръ въ задумчивости остановился посреди комнаты; онъ замолчалъ на минуту, потомъ вдругъ, какъ-бы озаренный новой мыслью, прибавилъ:

— Безсмертная книга! Не вѣриѣ-ли сказать: „безсмертная страница?“ Да, вотъ ключъ ко всему. Безсмертіе дается книгѣ страницами, — часто одной, только одной страницей. Эта страница можетъ быть нѣжна, какъ поцѣлуй влюбленнаго, можетъ потрясти душу, какъ вопль матери, потерявшей дѣтей, можетъ быть мирна и спокойна какъ тихая ночь, бурна, какъ бушующій океанъ, гармонична, какъ отдаленная музыка, порывиста, какъ горный потокъ весною. Она можетъ быть гимномъ или проклятіемъ—что за дѣло! Въ эту страницу авторъ вложилъ частицу своей души или, лучше, души человѣчества. Эта страница не умираетъ, и столѣтіе за столѣтіемъ, когда глазъ человѣка пробѣгаетъ ее, когда она навливается на ней отзывчивый умъ, въ ней будто оживаетъ то мощное трепетаніе жизни, которымъ она была внушена; и кажется, что изъ-за печатныхъ строкъ играетъ улыбка или блещитъ слеза, которую нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ другой человѣкъ сумѣлъ воплотить въ періодъ, во фразу, иногда въ одно слово!..

Вѣчная страница! Блаженъ тотъ, кому удалось включить ее въ свою книгу. Она-то и держитъ вмѣстѣ всѣ прочія страницы. Еслибъ ея не было—ихъ разнесло бы вѣтромъ, какъ сухія листья деревъ. Но она есть—и прочія жмутся къ ней, держатся за нее, освѣщенныя ея свѣтомъ. Подобныхъ этимъ прочимъ было напи-

сано много, — и дѣля сокровища мысли разеяны по сотнямъ забытыхъ книгъ. Но эти книги поумирали, потому что въ нихъ не было „вѣчной страницы“.

... ..

— И ея нѣтъ, я это чувствую, — съ горечью продолжалъ юноша, — въ этихъ четырехстахъ семидесяти пяти листкахъ, которыя завтра я отнесу въ типографію, — какъ не было ея въ написанномъ мной раньше, какъ не будетъ въ томъ, что я напишу впредь... Не будетъ! Но почему знать?.. Что, еслибы просмотрѣть еще разъ мой романъ... еслибы передѣлать...

Но въ эту минуту лампа, давно уже поыхивавшая, внезапно потухла, наполнивъ смрадомъ всю комнату. Возвращенный къ дѣйствительности, Экцельсіоръ сталъ искать ощупью спички и зажечь свѣчу. Затѣмъ онъ взглянулъ на часы: стрѣлка показывала четыре, и отвратительный запахъ керосина уничтожалъ всякую возможность оставаться въ комнатѣ. Молодой человѣкъ ушелъ въ свою спальню, и вѣчная страница такъ и осталась ненаписанной. Не написалъ онъ ее ни на другой день, ни черезъ мѣсяць, ни черезъ годъ.

... ..

Нѣсколько лѣтъ спустя онъ лежалъ на одрѣ смерти. Тогда, призвавъ къ себѣ женщину, которую онъ любилъ больше свѣта солнечнаго, больше жизни, онъ сказалъ ей:

— Всѣ мои рукописи, всѣ мои книги — твои. Я хотѣлъ бы публично посвятить тебѣ всѣ свои произведенія — но къ чему приковывать твое имя къ трупу? Я все ждалъ страницы, достойной тебя, вѣчной страницы...

ПО ПОВОДУ «ЮРКШИРСКОЙ ТРАГЕДИИ».

Письмо къ издателю „Дѣла“ *),

Позвольте вашему сотруднику и искреннему доброжелателю „Дѣла“ подѣлиться съ вами кое-какими замѣчаніями, относящимися къ напечатанной вами „Юркширской трагедіи“. Вы ее напечатали какъ произведеніе Шекспира и, несомнѣнно, имѣли на это полное право, такъ какъ въ изданіи in-quarto 1608 года, она вышла съ именемъ великаго англійскаго поэта. Значительно меньшее право, я думаю, имѣлъ В. Крестовскій (псевдонимъ) рекомендовать эту трагедію вашимъ читателямъ, какъ произведеніе, несомнѣнно принадлежащее Шекспиру, и въ пользу этого мнѣнія приводитъ доводы Франсуа Гюго. Мнѣ очень жаль, что по этому поводу я принужденъ разойтись съ почтеннымъ беллетристомъ, талантъ котораго я высоко цѣню; но не могу не сознаться, что предисловіе его нѣсколько удивило меня. Вопросъ такой значительной литературной важности требовалъ если не спеціальнаго изученія, то по крайней мѣрѣ обстоятельнаго знакомства съ его постановкой въ Англии. А между тѣмъ, г. Крестовскій, вмѣсто ссылокъ на англійскихъ критиковъ и шекспирологовъ, ограничился передачей (да и то неполнѣ) аргументаціи французскаго переводчика Шекспира, писавшаго, къ тому-же, свое „введеніе“ къ „Юркширской трагедіи“ въ 1866 году, т. е. болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Еслибы аргументація Фр. Гюго

*) Мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто этому письму, хотя доводы нашего почтеннаго сотрудника весьма мало—правду сказать—поколебали нашу увѣренность въ правильности возрѣній Гюго на подлинность „Юркширской трагедіи“. Возраженіе наше г. Чуйво появится, за недостаткомъ мѣста, въ слѣдующей книгѣ журнала. Французская и нѣмецкая критика, какъ видно изъ самаго письма г. Чуйво, высказались въ смѣслѣ противномъ англійской. Вопросъ такимъ образомъ становится тѣмъ болѣе любопытнымъ, что за безусловную подлинность изъ числа апокрифовъ Шекспира— „Эдварда III“ и „Юркширской трагедіи“ высказалась критика чужестранная въ противности національной. Но Шекспиръ принадлежитъ всему человѣчеству, и врядъ ли Англичане, такъ долго гнавшіе своего поэта (смотри предисловіе „Юркширской трагедіи“ В. Крестовскаго псевдонимъ) могутъ считаться исключительными руководителями, какъ то думаетъ нашъ уважаемый сотрудникъ. *Прим. ред.*

даже и вполнѣ отвѣчала состоянію науки въ то время, то, во всякомъ случаѣ, двадцать лѣтъ — промежутокъ не маленькій. Даже помимо всякихъ справокъ, можно было предполагать а priori, что съ тѣхъ поръ въ шекспировской критикѣ были сдѣланы кое-какія открытія, а при малѣйшей справкѣ оказалось бы, что вопросъ о такъ называемыхъ „спорныхъ“ пьесахъ (spurious plays) Шекспира разрабатывался за это время весьма тщательно не только въ Англии, но даже и въ Германіи: стобить только перелистовать двадцать три „Ежегодника веймарскаго шекспировскаго общества“, чтобы убѣдиться въ этомъ. Довѣряясь вполнѣ Франсуа Гюго, г. Брестовскій заключаетъ, что „Йоркширская трагедія“ была написана Шекспиромъ. Между тѣмъ англійская критика — окончательно пришла къ совершенно противоположному выводу, и притомъ единогласно. Въ настоящее время вы не найдете ни одного шекспиролога, хоть сколько-нибудь серьезнаго, который бы вспомнилъ безъ улыбки эстетическія увлеченія Шлегеля и Тика по вопросу о спорныхъ пьесахъ.

Франсуа Гюго могъ быть, въ данномъ случаѣ, наименѣе подходящимъ руководителемъ. Талантливый переводчикъ, человекъ, превосходно изучившій старый англійскій языкъ, давшій очень добросовѣстный и, по временамъ прекрасный французскій переводъ Шекспира, — Франсуа Гюго былъ, тѣмъ не менѣе, очень плохимъ шекспирологомъ. Романтикъ до мозга костей, воспитанный въ школѣ своего отца, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на полу-бога, не получившій никакого научнаго образованія, онъ имѣлъ весьма смутное представленіе о строго-научномъ, историческомъ методѣ. Это былъ эстетикъ старой школы, припутывавшій въ вопросамъ искусства и поэзіи не только философію, но и политику, нравственность, социализмъ и проч. Онъ открылъ, что Шекспиръ зналъ все, подобно доктору Панкрасу, „басни, мифологію и исторію; грамматику, поэзію, риторику, діалектику и софистику; математику, ариметику, оптику, физику...“ Однимъ словомъ, онъ принадлежалъ къ той школѣ, во главѣ которой стояли Ульрици и Гервинусъ *) и которая до такой степени напустила туману въ критику, что потомъ нужно было не мало усилій исторической школы, чтобы разобраться въ этой путаницѣ. По этому поводу, одинъ англійскій писатель („Shakespearean Literature“; — Bently's Quarterly Review, октябрь, 1859 г.) сказалъ, что давно пора явиться новому Лессингу, который бы вымелъ эти безпорядочныя мечты нѣмецкой фантазіи. „Если книги попадаютъ въ Елисейскія поля, — прибавляетъ онъ, — то каково должно быть удивленіе Шекспира, узнающаго изъ этихъ книгъ, сколько

*) Имена довольно почтенныя.

Прим. ред.

въ его произведеніяхъ сказывается преднамѣренности, таинственныхъ взглядовъ и теорій, которыхъ онъ самъ и не подозрѣвалъ и которыя находятся въ явномъ противорѣчій съ духомъ и философіей его времени“. Приведу одинъ примѣръ, изъ котораго можно видѣть, къ какимъ странностямъ приводила эта метафизическая критика.

Вопросъ касается „Троила и Крессиды“. Какъ объяснить эту странную пьесу, въ которой Шекспиръ такъ ядовито осмѣиваетъ „Иліаду“ Гомера? Гервинусъ совершенно серьезно увѣряетъ, что, приступая къ этой драмѣ, Шекспиръ имѣлъ намѣреніе помѣриться силами съ Гомеромъ и показать, что онъ выше греческаго поэта! Другіе вослищаютъ: какъ великъ, однако, Шекспиръ, который, не довольствуясь „Макбетомъ“ и „Гамлетомъ“, сочинилъ кромѣ того нѣчто въ родѣ „Прекрасной Елены“ гораздо раньше Мельяка, Галеви и Офенбаха, и жестоко осмѣялъ греческихъ героев! Ульрици привѣтствуетъ въ „Троилѣ и Крессидѣ“ протестъ во имя нравственности и религіи противъ увлеченія классическимъ міромъ! По слѣдамъ его пошелъ и Франсуа Гюго: онъ видитъ въ Шекспирѣ особаго рода революціонера, безжалостно срывающаго „паріи“ съ классической трагедіи, срывающаго, такъ сказать, преждевременно, такъ какъ въ XVI столѣтіи трагедія еще не напяливала на себя классическаго парика, вслѣдствіе чего и протестъ великаго поэта имѣетъ значеніе настоящаго пророчества; по мнѣнію Фр. Гюго, Шекспиръ впередъ протестовалъ противъ псевдо-классицизма во имя свободы искусства! („Il a voulu retirer aux types classiques un prestige qui devenait dangereux pour la liberté de l'art... Il a voulu protester d'avance contre une réaction littéraire dont il pressentait les excès“). Читая подобныя выходы, невольно удивляешься, какъ могъ здравомыслящій человѣкъ въ XIX столѣтіи писать серьезно такія нелѣпости! Уже одно это показываетъ, что такому знатоку Шекспира довольно опасно довѣряться...

Вопросъ о „Юркширской трагедіи“ не представляется особенно запутаннымъ. Я уже замѣтилъ, что она была напечатана въ первый разъ въ 1608 году, съ именемъ Вильяма Шекспира на обложкѣ. Когда она могла быть написана?—Не раньше 1605 года, потому-что въ этомъ году именно случилось трагическое событіе въ городѣ Юркѣ, давшее сюжетъ для трагедіи. Если, слѣдовательно, предположить, что „трагедія“ написана Шекспиромъ, то значить она принадлежитъ къ эпохѣ наибольшаго разцвѣта его гевія, когда писались „Отелло“ и „Король Лиръ“, когда Шекспиръ думалъ уже о „Макбетѣ“ и когда были уже написаны „Юлій Цезарь“ и „Гамлетъ“. Одно сопоставленіе этихъ драмъ съ „Юркшир-

ской трагедіей“ съ очевидностью доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что великій поэтъ въ эту эпоху своей жизни не могъ написать такую слабую пьесу. Тѣмъ не менѣе, имя Шекспира стоитъ на изданіи 1608 года. Какъ объяснить эту странность?—Она объясняется очень просто. Въ XVII столѣтіи въ Англіи не существовало права литературной собственности; поэтому злоупотребленія встрѣчались на всякомъ шагѣ. Гейвудъ рассказываетъ, въ прологѣ къ одной изъ своихъ пьесъ, что она, вслѣдствіе встрѣченнаго ея одобренія, была записана „стенографически“ и напечатана, но въ этомъ изданіи не было „почти ни одного вѣрнаго слова“. Съ одной стороны, намъ достовѣрно извѣстно, что нѣкоторыя изъ изданій in-quarto шекспировскихъ пьесъ, появившихся при жизни поэта, были напечатаны мошенническимъ образомъ, не только безъ вѣдома самого автора, но и помимо его воли. Но этого мало: въ началѣ XVII столѣтія, Шекспиръ, несмотря на свое соперничество съ Бенъ-Джонсономъ, считался однимъ изъ лучшихъ драматурговъ; театръ „Глобусъ“ преимущественно посѣщался въ тѣ дни, когда давались его пьесы; его изданія in-quarto быстро раскупались, а нѣкоторыя достигали въ короткое время нѣсколькихъ изданій. Всего этого было вполне достаточно, чтобы обратить на него вниманіе ловкихъ промышленниковъ-издателей. И дѣйствительно, они не разъ пользовались его именемъ, выдавая за его произведенія пьесы третьестепенныхъ драматурговъ, успѣхъ которыхъ далеко не былъ бы обезпеченъ, если бы не стояло его имени на обложкѣ. Такъ случилось, между прочимъ, съ пьесой „London prodigal“, вышедшей въ 1605 г. съ именемъ Шекспира,—пьесой до такой степени бездарной и слабой, что ее, безъ явной нелѣпости, не только невозможно приписать Шекспиру, но даже и послѣднему изъ театральныхъ *faiseur*’овъ, подвизающихся на третьестепенныхъ бульварныхъ парижскихъ театрахъ. Даже Фр. Гюго не рѣшается, хотя-бы отчасти, приписать эту пьесу англійскому поэту: „Toute cette fiction,—говоритъ онъ,—est maladroite, improbable, immorale, brutale“—и заключаетъ: „Passons vite devant cette oeuvre dont la première page, digne préface de toutes les autres, est un faux“.—А, между тѣмъ, „London prodigal“ находится въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ мы видимъ „Йоркширскую трагедію“. Какъ одна, такъ и другая давались на сценѣ „Глобуса“ при жизни Шекспира; какъ одна, такъ и другая вышли отдѣльнымъ изданіемъ при жизни Шекспира и съ его именемъ en toutes lettres; какъ одна, такъ и другая считались нѣмецкой критикой начала XIX столѣтія за достовѣрно шекспировскія пьесы. Слѣдовательно, самая простая логика, неизбѣжно, принуждаетъ насъ заключить, что если одна изъ этихъ пьесъ

подложна, то и другая подложна, если, однако, въ этой другой не встрѣчается такихъ *явныхъ* признаковъ шекспировскаго творчества, что *сомнительное* становится нелѣпнымъ. Къ сожалѣнію, именно этой-то логики и не зналъ Фр. Гюго, въ качествѣ легкомысленнаго француза, для котораго законъ не писанъ.

Но какіе же это такіе „явные“ признаки шекспировскаго творчества, о которыхъ споръ невозможенъ и которые ясны для всякаго? Очевидно, такими признаками не могутъ быть соображенія субъективно-эстетическаго характера, ни для кого необязательныя. Такъ, напримѣръ, вы не сомнѣваетесь, что „Гамлетъ“—одна изъ величайшихъ, самыхъ глубокихъ, драмъ всемірной литературы, а между тѣмъ вспомните мнѣніе Вольтера объ этомъ предметѣ, высказанное въ концѣ XVIII столѣтія; вспомните къ тому-же, что Рюмелинъ считаетъ эту драму слабой во многихъ отношеніяхъ, а Бенедиксъ превзошелъ въ этомъ отношеніи даже и самого Вольтера, и что Рюмелинъ и Бенедиксъ — не какіе-нибудь выходцы съ того свѣта, а люди нашего времени: Рюмелинъ—довольно почтенный ученый, а Бенедиксъ—извѣстный поэтъ и драматургъ. *Явные* признаки шекспировскаго творчества, стало-быть, заключаются не въ этихъ субъективно эстетическихъ взглядахъ, а въ такихъ опредѣленныхъ свойствахъ—если можно такъ выразиться — таланта, которыя бросаются въ глаза всякому внимательному читателю, въ особенности при сравненіи съ другими писателями. У всякаго писателя существуютъ ему лишь принадлежащія умственные привычки, свой складъ ума, свои приемы, свой складъ рѣчи, свои излюбленные обороты, однимъ словомъ, извѣстный опредѣленный *habitus*, который отличаетъ его отъ другаго писателя. Къ такому *habitus*'у, прежде всего, принадлежитъ извѣстная драматическая система автора, система, которой онъ придерживался въ теченіе всей своей литературной дѣятельности. Мы очень хорошо знаемъ, что Шекспиръ никогда не признавалъ системы правильной, классической драмы, всегда нарушалъ единство времени и мѣста, всегда реагировалъ своими произведеніями противъ этой системы. Если, поэтому, намъ встрѣтится англійская драма того времени, приписываемая Шекспиру, написанная въ духѣ классической трагедіи, съ соблюденіемъ единства времени и мѣста, то не смотря на все, мы *принужденны* будемъ признать эту драму подложной, какъ идущую вразрѣзъ съ драматической системой Шекспира. И вотъ, какъ разъ, мы встрѣчаемъ такую драму — „Юреширскую трагедію“, въ которой единство времени и мѣста соблюдено почти въ такой-же мѣрѣ, какъ оно соблюдено въ любой трагедіи Корнеля и Расина. Ничтожныя исключенія, замѣчаемыя въ ней въ этомъ от-

ношеніи, объясняются особенностями англійской драмы того времени: величайшій представитель классицизма въ Англии въ началѣ XVII столѣтія, Бенъ-Джонсонъ, допускаетъ въ своихъ трагедіяхъ и комедіяхъ такого же рода исключенія.—Одного этого факта было бы вполне достаточно, чтобы мы были *принуждены* признать подложность „Йоркширской трагедіи“. Но существуютъ и другія доказательства этой подложности.

„Йоркширская трагедія“, написана на „злобу дня“; *c'est une piéce de circonstance*, какъ говорятъ французы. Случилось трагическое событіе; оно обратило на себя вниманіе общества своимъ бессмыслиемъ и своей жестокостью; общественное мнѣніе было возбуждено, заинтересовано въ высшей степени. Немудрено, что театральные антрепренеры воспользовались имъ. Театральная пьеса играла тогда въ Англии такую же точно роль, какую въ настоящее время играетъ романъ. Развѣ мы не знаемъ, какъ пишутся современные романы? Нѣтъ такого, болѣе или менѣе любопытнаго уголовнаго дѣла, которое не послужило бы темой для романа. То-же самое было и въ Англии въ XVI и XVII столѣтіяхъ, съ тою только разницею, что вмѣсто романа являлась театральная пьеса. И вотъ, какому-нибудь третьестепенному драматургу, на жалованіи у антрепренеровъ, заказываютъ драму на „Йоркширское событіе“ съ цѣлью эксплуатировать любопытство публики. Въ казіе-нибудь нѣсколько дней драма написана, спетована, поставлена. Вотъ и все. Обратите вниманіе на то, что Шекспиру такая драма *не могла* быть заказана. Въ то время (въ 1605 г.) Шекспиръ и самъ былъ однимъ изъ собственниковъ театра „Глобусъ“, считался богатымъ человѣкомъ и, разумѣется, не сталъ бы писать драму на сюжетъ, ему антипатичный, не представляющій серьезнаго драматическаго интереса. Необходимо вспомнить также и то, что Шекспиръ *никогда* не писалъ на злобу дня, никогда не гонялся за тѣмъ, что, въ данную минуту, возбуждаетъ публику, никогда не прислуживалъ публикѣ, никогда не заискивалъ въ ней. Въ этомъ отношеніи его можно считать единственнымъ англійскимъ драматургомъ, который держался совершенно независимо, и писалъ только то, что ему нравилось, не справляясь со вкусами публики; онъ независимѣе даже Бенъ-Джонсона, который пользовался, однакожъ, болшею извѣстностью, а подъ конецъ жизни получалъ пенсію отъ короля Якова 1-го. Свои сюжеты Шекспиръ заимствовалъ или изъ англійской исторіи, или изъ средневѣковыхъ хроникъ и новеллъ, или изъ Плутарха. Исключеніемъ можно считать, до извѣстной степени, только „Комедія Ошибокъ“ и „Виндзорскихъ кумушекъ“. Первая—передѣлка комедіи Плавта, вторая—есть изображеніе современнаго поэту ан-

лійскаго общества, но сюжетъ заимствованъ не изъ современности, а изъ эпохи Генриха V, т. е. изъ временъ Азинкура и Столѣтней войны. Невѣроятно, поэтому, чтобы Шекспиръ, на старости лѣтъ, достигнувъ извѣстности, выдающагося и обеспеченнаго общественнаго положенія, вздумалъ измѣнить своей *всегдашней* системѣ и написалъ нѣчто въ родѣ театральнаго памфлета, не имѣющаго никакой внутренней цѣнности и интереснаго только какъ воспроизведеніе дѣйствительнаго событія.

Съ другой стороны, не мѣшаетъ также обратить вниманіе и на то, какъ написана эта трагедія. Небрежности, недомолвки, пропуски встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Герой и героиня—не названы по имени, а фигурируютъ только въ качествѣ мужа и жены. Другіе дѣйствующие лица точно также не названы, за исключеніемъ *слугъ*, не играющихъ въ событіи никакой роли. Очевидно, что авторъ, въ жару сочинительства, гораздо больше интересовался слугами, компарсами, чѣмъ героями своей пьесы. Встрѣчаемъ ли мы такія небрежности и несообразности въ другихъ пьесахъ Шекспира, хотя бы даже и самыхъ раннихъ?—Нѣтъ. Шекспиръ всегда называетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ и, если не беретъ имена прямо изъ исторіи или изъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовалъ сюжетъ, то всегда придумываетъ названіе, имѣющее извѣстный опредѣленный характеръ. Вспомните имена Офеліи, Миранды, Дездемоны, Віолы, Гамлета, Полонія, Постума, Калибана, Гораціо; даже имена солдатъ, обязанныхъ сказать всего нѣсколько словъ,—Марцелло, Бернардо, Франциско, Рейнальдо. Всѣ эти имена имѣютъ опредѣленное значеніе. Во второй редакціи „Гамлета“ нѣкоторыя имена намѣренно измѣнены: прежній Корамбисъ превратился въ Полонія, Монтано становится Рейнальдо и проч. У Броуна („Notes on Shakespeare's Names“), и у Плумптра („Observations on Hamlet“) вы найдете множество любопытныхъ указаній на этотъ счетъ. Въ этомъ Шекспиръ напоминаетъ другого великаго художника слова, принадлежащаго уже нашему времени,—Бальзака, который, случалось, по цѣлымъ днямъ разѣбжалъ по Парижу, читая всѣ попадающіяся ему вывѣски и ища такой фамиліи, которая бы соотвѣтствовала задуманному имъ лицу въ романѣ. Шекспиръ не называетъ по имени только тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя въ пьесѣ нужны лишь для реплики и не участвуютъ въ драмѣ. Такъ, онъ выводитъ на сцену перваго, втораго, третьяго джентльменовъ, когда ему приходится экспозировать дѣйствіе. Даже шутовъ, клоуновъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, называетъ по имени.—Этотъ вопросъ о именахъ, конечно, мелочь, но онъ указываетъ на извѣстную опредѣленную умственную привычку, которой великій поэтъ всегда слѣдовалъ.

Въ этомъ отношеніи „Йоркширская трагедія“ опять-таки идетъ въ разрѣзъ съ привычкой Шекспира.

Загѣмъ въ трагедіи встрѣчаются несообразности, которыя не могли быть допущены Шекспиромъ. Въ самомъ началѣ трагедіи, въ первой-же сценѣ, говорится о женщинѣ, которая, очевидно, должна была имѣть огромное вліяніе на развитіе драмы, а между тѣмъ, дальше объ этой женщинѣ нѣтъ и помину. Такую небрежность можно объяснить лишь крайнею неопытностью автора, не знающаго какъ справиться съ извѣстнымъ положеніемъ; но Шекспиръ въ 1605 году былъ опытиѣ всѣхъ тогдашнихъ драматурговъ. Въ концѣ второй сцены какой-то, совершенно неизвѣстный намъ джентльменъ, не участвующій даже косвенно въ драмѣ, является къ *мужу*, ссорится съ нимъ, упрекаетъ его за его поведеніе по отношенію къ *женѣ*, вызываетъ его на дуэль, ранитъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, уходитъ. Съ какой стати являлся этотъ джентльменъ? что ему было нужно? почему онъ вступился за жену?—Все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Тѣмъ не менѣе мужъ, хотя и серьезно раненый въ концѣ второй сцены, является совершенно здоровымъ въ началѣ третьей, послѣ промежутка всего въ нѣсколько минутъ. И такъ, вторая половина второй сцены есть не болѣе какъ эпизодъ, не имѣющій ровно никакого отношенія къ драмѣ, лишній, только замедляющій ходъ дѣйствія; онъ съ выгодой могъ бы быть выпущенъ, но подобная купюра укоротила бы на нѣсколько страницъ и безъ того уже тощую пьесу, которая въ чтеніи продолжается не больше двадцати минутъ, а на сценѣ—и того меньше. Спрашивается: были ли въ драматическихъ привычкахъ Шекспира—такіе эпизоды, не имѣющіе хотя-бы косвеннаго отношенія къ драмѣ? Переберите мысленно всѣ пьесы Шекспира, даже самыя незрѣлыя, какъ напр. „Love's Labour's Lost“, „Two Gentlemen of Verona“, „Comedy of Errors“; вспомните даже такія пьесы, которыя онъ только исправлялъ, но которыя ему не принадлежали,—по крайней мѣрѣ, въ цѣлости, какъ напр. первую часть „Генриха VI“,—и вы будете принуждены согласиться со мной, что именно *такого рода* эпизодовъ въ нихъ нѣтъ.

Я не буду касаться *эстетическихъ* подробностей, относящихся къ обрисовкѣ характеровъ въ „трагедіи“; объ этомъ каждый можетъ имѣть свое личное мнѣніе, для другихъ не обязательное. Но вы мнѣ позвольте указать на *пріемъ* обрисовки характеровъ въ „трагедіи“ и сравнить его съ *пріемомъ* Шекспира. Если что-либо можетъ считаться прочно установленнымъ, не подлежащемъ спору, такъ это именно *психологическій*, а не абстрактно-логическій *пріемъ* великаго поэта, прилагаемый имъ къ изображенію лица. Въ его твор-

чествъ нѣтъ ничего формальнаго, внѣшняго, нѣтъ ничего обобщающаго; напротивъ, все индивидуально и конкретно. Вслѣдствіе этого, каждое создаваемое имъ лицо имѣетъ свою исторію, оно движется во времени, развивается, однимъ словомъ—живетъ; въ натурѣ положены только извѣстные задатки, извѣстныя *возможности*, которыя или подавляются средой и обстоятельствами, или развиваются,—гармонично, если человѣкъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ жизни, односторонне—если онъ несчастенъ. Другой великій драматическій писатель—Мольеръ, напротивъ того, всегда прибѣгаетъ къ противоположному методу. Возьмите напр. Гарпагона: онъ ясенъ съ первыхъ-же словъ, произносимыхъ имъ, онъ весь какъ на ладони, съ его порокомъ—страстью, точно родившемся вмѣстѣ съ нимъ, съ его привычками, опять-таки находящимися въ гармоніи съ этимъ порокомъ. Въ комедіи мы не имѣемъ исторіи Гарпагона, постепеннаго падевія природы, постепеннаго роста скупости, мало по малу отравляющей весь его душевный организмъ; мы имѣемъ только нѣчто вполне цѣльное, опредѣленное, готовое, неспособное уже на дальнѣйшее развитіе. И все необыкновенное искусство Мольера заключается лишь въ томъ, чтобъ удержать Гарпагона на этой высотѣ. Съ другой стороны Альцестъ (въ „Мизантропѣ“) начинаетъ прямо съ того, что объясняетъ Филинту свою безграничную, абсолютную мизантропію, свое человѣконенавистничество. Сомнѣній относительно того, съ кѣмъ вы имѣете дѣло,—быть не можетъ: все ясно и опредѣленно. Но сопоставьте его съ другимъ, великимъ, „литературнымъ“ мизантропомъ,—съ Тимономъ Афинскимъ у Шекспира и во-очію увидите всю разницу въ творчествѣ. Наконецъ, обратите вниманіе на Тартюфа. Тартюфъ выходитъ и говорить:

Laurent, serrez ma haine avec ma discipline,
Et priez que toujours le ciel vous illumine.
Si l'on vient pour me voir,—je vais aux prisonniers,
Des aumônes que j'ai partager les deniers.

Картина личности полная. Какую черту можно еще прибавить къ изображенію такого лицемѣрія? Но что бросило его въ объятія этого лицемѣрія? какія жизненные испытанія? какія порочныя инстинкты сердца? боролся ли онъ противъ роста въ душѣ его этого порока? На всѣ подобные вопросы Мольеръ никогда не отвѣчаетъ; онъ всегда остается вѣренъ этому приему, никогда не измѣняетъ ему; никогда не выходитъ за предѣлы абстрактно-логическихъ построеній, что, впрочемъ, для него было бы и невозможно при господствѣ въ его время во Франціи закона единства и времени. То-же самое мы видимъ и у его современниковъ—у Корнеля и Расина. Человѣческая личность представ-

лется имъ не въ жизненной обстановкѣ, не конкретно, а абстрактно; они изображаютъ не того или другого человѣка, а вообще человѣка, вообще страсть, вообще чувство. Оттого у нихъ драма представляется лишь конечнымъ кризисомъ въ жизни человѣка, кризисомъ, для полного изображенія котораго законъ единства времени и мѣста вполне достаточенъ.

Сопоставьте этотъ приемъ съ приемомъ Шекспира. Англійскій поэтъ даетъ намъ не зрѣлище той или другой страсти, а ея исторію и къ тому-же не общую исторію страсти, не абстрактно, не въ обобщеніи, а совершенно конкретно, страсти дѣйствующей, живущей, развивающейся въ опредѣленной, живой личности. Отелло не есть олицетвореніе ревности, какъ Гарпагонъ есть олицетвореніе скупости; онъ—не ревнивецъ по натурѣ; онъ имъ сдѣлается вполнѣ въ послѣдствіи, съ наступленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, но онъ никогда не будетъ *типомъ* ревнивца. Бенедиктъ и Беатриче, Биронъ и Розалинда много издѣваются и шутятъ надъ любовью прежде, чѣмъ эта страсть овладѣетъ ихъ сердцемъ. Точно также и Макбетъ не есть вообще честолюбіе; честолюбивымъ человѣкомъ онъ сдѣлается опять-таки вполнѣ въ послѣдствіи, подъ влияніемъ своей жены. Вспомните тотъ продолжительный и мучительный душевный процессъ, который совершился въ сознаніи Гамлета прежде, чѣмъ онъ пришелъ къ полному скептицизму, къ отчаянію, къ извращенію своей собственной благородной природы. „Люди, выводимые имъ на сцену,—сказалъ Гете,—кажутся намъ дѣйствительными людьми, хотя они все-же не дѣйствительные люди. Эти таинственные и скрытныя созданія дѣйствуютъ передъ нами въ пьесахъ Шекспира, словно часы, у которыхъ и циферблаты, и все внутреннее устройство сдѣланы изъ хрусталя; они, по назначенію своему, указываютъ намъ теченіе времени, и въ то-же время всѣмъ видны тѣ колеса и пружины, которыя заставляютъ ихъ двигаться“ („Wilhelm Meisters Lehrjahre“, Drittes Buch, Eilftes Kapitel).

Таковъ общій, всегдашній приемъ Шекспира. Обнаруживается ли этотъ приемъ, хотя бы отчасти, въ „Йоркширской трагедіи?“—Нисколько. *Всѣ* дѣйствующіе лица „трагедіи“ построены по типу лицъ Мольера. Это не драма въ шекспировскомъ смыслѣ, а драма въ смыслѣ Расина; не душевную исторію человѣка мы въ ней имѣемъ, а лишь окончательный кризисъ. Главное лицо пьесы—*мужъ*—не есть какая либо опредѣленная индивидуальность, а просто олицетвореніе бѣшенства. Отъ насъ скрыта прежняя жизнь этого человѣка, до кризиса, мы не знаемъ какія испытанія и невзгоды сопровождали его нравственное паденіе, какъ отражались на его характерѣ, какъ отравляли его душу. Его поступки не

мотивированы и потому непонятны. Съ начала трагедіи и до самаго конца онъ находится въ припадкѣ *delirium tremens*; съ гнѣвой у рта, въ чаду, онъ убиваетъ, рѣжетъ, мучитъ людей, терзаетъ жену, не сознавая того, что дѣлаетъ. Въ его словахъ нѣтъ логики и почти нѣтъ здраваго смысла. Это не болѣе, какъ абстракція, и даже не страсти, а извращеннаго инстинкта; но подѣ этой абстракціей мы не видимъ человѣка, не видимъ темперамента, индивидуальности, опредѣленнаго характера; не знаемъ, чѣмъ онъ былъ прежде, не знаемъ, какія обстоятельства привели его къ теперешнему состоянію. *Жена* намѣчена талантливо, но слишкомъ эскизно; она въ туманѣ и мы ея не знаемъ; она — только страдаетъ, только подчиняется, только любитъ своего мужа животной страстью; въ этой фигурѣ мы не можемъ разглядѣть женщину, намъ неизвѣстны размѣры ея воли, свойства ея души. Это — не живое существо, а что-то безформенное, еще совсѣмъ неопредѣлившееся. Объ остальныхъ дѣйствующихъ лицахъ и того сказать нельзя. Это не люди, а просто манекены; авторъ обязываетъ ихъ выполнять на сценѣ извѣстныя функціи, автоматически, запрещая имъ вносить въ эти функціи что-либо сознательное, что-либо живое; ихъ нельзя отличить другъ отъ друга и, еслибы у нихъ не было, у каждаго, своей клячки, — джентльмена, старшины, слуга, — то мы бы такъ и не знали: который изъ нихъ джентльменъ, который слуга, который старшина.

Наконецъ, самый языкъ „трагедіи“, структура стиха невольно внушаютъ самыя серьезныя сомнѣнія. Мы очень хорошо знаемъ манеру Шекспира, въ эпоху разцвѣта его генія, около 1605 года и раньше. Эта манера рѣзко противоположна манерѣ „трагедіи“. Его бѣлый стихъ тогда уже вполне созрѣлъ и представляетъ то удивительное орудіе мысли, которое мы знаемъ по „Лиру“, по „Отелло“. Съ деревянностію стиха à la Марлоу онъ давнымъ-давно покончилъ, гораздо раньше того времени, къ которому мы можемъ причислить созданіе „Ромео и Джульеты“. Теперь этотъ стихъ славается съ содержаніемъ въ одно совершеннѣйшее цѣлое. Границы формъ опрокинуты; если мысль не можетъ быть окончена вмѣстѣ съ окончаніемъ стиха, то она переходитъ въ слѣдующій стихъ, расширяя форму и даже устранивая ее совершенно, когда этого требуетъ мысль, переходя отъ одной формы стиха къ другой, отъ ямба къ хорсею и наоборотъ, безразлично, иногда не оканчивая стиха, иногда давая только клочекъ его, или наоборотъ, — дополняя недостающій въ стихѣ слогъ опредѣленной паузой, такъ что невольно возникающій такимъ образомъ моментъ молчанія при чтеніи замѣняетъ собою слогъ. О рѣчѣ онъ пересталъ заботиться и прибѣгаетъ къ ней только въ чрезвычайно

рѣдкихъ случаяхъ, и то всегда съ опредѣленными цѣлями, для опредѣленнаго эффекта. Въ „Отелло“ наприѣръ только 86 рюмованныхъ стиховъ на 3317 бѣлыхъ и совершенно нѣтъ такъ называемыхъ догрелей*). Легкія окончанія (light endings)**) все больше и больше начинаютъ преобладать; стихъ становится нервнѣе, сжатѣе, содержательнѣе; въ немъ исчезаютъ лишнія слова, эпитеты, прибавляемыя ради пополненія недостающихъ слоговъ, или ради гармоніи; въ этомъ стихѣ нѣтъ красоты независимо отъ содержанія: Шекспиръ употребляетъ не самыя красивыя слова, а самыя мѣткія, характерныя, типичныя; мысль освобождается отъ оковъ внѣшней красоты формъ, и является въ своей непосредственной сущности, безъ прикрасъ, безъ кокетничанія, безъ полировки. И въ этомъ отношеніи, по признанію всего культурнаго человѣчества, нѣтъ мастера выше Шекспира.

Можно ли сравнивать эту мощь съ водянистымъ стихомъ „трагедіи“? По формамъ стиля, по стиху, „трагедія“ совершенно не находится въ условіяхъ шекспировскаго творчества; она его даже и не напоминаетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, трехъ-четырехъ фразъ, вѣроятно всею случайныхъ. Стихъ трагедіи—отрывочный, почти всегда съ конечной паузой, формальный стихъ à la Марлоу; легкія окончанія почти совсѣмъ нѣтъ. Типомъ этого стиха можетъ служить первый монологъ жены:

What will become of us? All will away... и проч.

Во всемъ этомъ монологѣ, состоящемъ изъ 24 стиховъ, легкія окончанія только три; въ общемъ, это пропорція не „Отелло“, а „Комедія Ошибокъ“,—одной изъ самыхъ раннихъ пьесъ Шекспира. Рюмы наоборотъ встрѣчаются довольно часто и къ тому же безъ всякой нужды. Прочитайте, наприѣръ, цѣлый рюмованный монологъ джентльмена во второй сценѣ. Догрели точно также попадаются, чего совершенно нѣтъ въ пьесахъ Шекспира, принадлежащихъ этому періоду.

Все это указываетъ на одно лишь обстоятельство: въ томъ видѣ, въ какомъ она написана, „Йоркшарская трагедія“ не есть законченное произведеніе, а первоначальный набросокъ, не законченный эскизъ, или даже просто сценарій. Въ пользу этого мнѣнія говорить, между прочимъ, и то, что каждая сцена трагедіи является не опредѣленнымъ, законченнымъ звеномъ въ цѣломъ, звеномъ, которое дополняетъ прошлое и приготовляетъ будущее, а простой—чаще всего вполне независимой отъ осталь-

*) Вирши.

***) Слова какъ напр. to be, can, do, have, I, they, thou, what, которыя означивая стихъ, требуютъ немедленнаго, безостановочнаго перехода къ слѣдующему стиху, безъ всякой паузы.

ного—схемой, общимъ намекомъ на то, что должно быть выполнено и развито впоследствии. Ни дѣйствіе, ни планъ, ни самый языкъ не развиты, не вышли еще изъ хаотическаго состоянія, не оформились; все находится въ томъ видѣ, въ какомъ находится глина, приготовленная для лѣпки изъ нея статуи, и только „оболваненная“, какъ говорятъ художники, оболваненная работниками, но въ которой рука художника еще не прикасалась.

Но эта *ébauche*, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свои эстетическіе достоинства, указанныя уже и г. Крестовскимъ въ его предисловіи. Къ общей характеристикѣ этого предисловія можно было бы прибавить еще нѣкоторыя указанія на характерныя выраженія, на отдѣльныя мѣста, преисполненныя силы и энергіи. Напримѣръ, можно было бы указать на монологъ въ послѣдней сценѣ, начинающійся словами: „Faith, and so I think I have...“ „Демонъ покидаетъ меня; онъ рвется изъ всѣхъ членовъ моихъ, приподнимаетъ мои ногти! О! ловите его, пытки, еще не извѣданныя никѣмъ! закуйте его въ тысячи цѣпей, ангелы, въ неизмѣримую бездну! да не выходитъ онъ оттуда никогда, чтобы заставлять людей разыгрывать уродливыя трагедіи, хватать отца, дѣлать изъ этого бѣшеннаго отца палача собственныхъ дѣтей, убійцу своей жены, своихъ слугъ, всѣхъ! Человѣкъ, котораго небо забыло—слѣпецъ!“ Въ этомъ монологе есть несомнѣнно много энергіи, напоминающей Шекспира, напр. въ „Королѣ Лирѣ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монологъ этотъ можетъ служить отличнымъ эпиграфомъ и для самой трагедіи: этого демона, напоминающаго собою необузданность Марлоу, нужно держать на привязи, чтобы онъ не заставлялъ людей разыгрывать уродливыя трагедіи:

Let him not rise

To make men act unnatural tragedie...

Лучшій, самый талантливый, чрезвычайно добросовѣстный шекспирологъ, Голіуэлъ-Филлипсъ замѣчаетъ въ своихъ „*Outlines of the Life of Shakespeare*“ (томъ первый, стр. 206) слѣдующее: „Около того времени, когда появилась въ печати великая трагедія (Антоній и Клеопатра) — ничтожная (*insignifiant*) пьеса, съ весьма слабыми достоинствами, безъ всякой драматической силы, подъ названіемъ „Юркширская трагедія“, была монументальнымъ образомъ издана, какъ произведеніе, написанное Уильямомъ Шекспиромъ. Она была напечатана въ 1608 г. типографщикомъ Р. Б. по заказу Томаса Пэвиера, извѣстнаго плутиздателя того времени. Трагедія эта, однако, имѣетъ значительный интересъ, какъ по своему характеру, такъ и по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ она была играна шекспировскою труппой въ театрѣ „Глобусъ: Первоначально она была названа „*All's*

Опе“ и принадлежала къ серіи четырехъ маленькихъ пьесъ, которыя были послѣдовательно играны актерами въ одно представленіе, вмѣсто одной правильной пятиактной драмы. Это любопытный фактъ изъ исторіи англійской сцены. „Юркширская трагедія“,—единственная, дошедшая до насъ пьеса изъ этой серіи—имѣетъ въ основаніи своемъ дѣйствительное событіе, случившееся весной 1605 года,—одно изъ тѣхъ исключительныхъ, ужасныхъ убійствъ, которыя какъ теперь, такъ и тогда, возбуждаютъ и приводятъ въ негодованіе публику. Одинъ юркширскій сьвайръ хорошей фамилии, взбѣшенный потерей своего состоянія, которое онъ промоталъ, зарѣзавъ двоихъ своихъ сыновей, покушался, кромѣ того убить свою жену и третьяго, единственнаго, оставшагося въ живыхъ, ребенка. Это событіе чрезвычайно сильно заинтересовало лондонскую публику. Весьма вѣроятно, что драма была представлена на сценѣ вскорѣ послѣ этого случая и, во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ охладѣлъ въ публикѣ интересъ, вызванный событіемъ. Это видно не только изъ поспѣшности, съ которою она была, повидимому, написана, но также и изъ неожиданнаго, оборваннаго окончанія, показывающаго, что она была окончена прежде, чѣмъ казнень убійца въ августѣ 1605 года. Повидимому онъ имѣлъ цѣлью обезчестить всю фамилію, вслѣдствіе угрожавшаго ему разоренія. Но передъ казнью онъ высказалъ желаніе заглядить свое ужасное преступленіе... Весьма вѣроятно, что издатель „Юркширской трагедіи“ воспользовался отъѣздомъ Шекспира изъ Лондона“...

Изъ этихъ словъ видно, что Голіуэлъ-Филипсъ не допускаетъ даже и того, чтобы трагедія могла находиться предварительно на разсмотрѣніи Шекспира и чтобы онъ могъ исправить ее мѣстами. Во всякомъ случаѣ, при всей совокупности обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе „Юркширской трагедіи“, изъ всѣхъ соображеній, почерпаемыхъ при изученіи ея,—очевидно, какъ мнѣ кажется, что она не была написана Шекспиромъ, и должна считаться, не то что „спорной“, а прямо подложной. Говорить, какъ говоритъ г. Крестовскій (псевдонимъ), что намъ, русскимъ, меньше всѣхъ пристало отвергать „спорнаго“ Шекспира, что это будетъ нерасчетливой и совершенно напрасной гордостью,—я думаю, не приходится. Въ дѣлѣ серьезной исторической критики національности, во всякомъ случаѣ, ни при чемъ. Почему другія національности имѣютъ право искать истину и высказывать ее прямо, хотя можетъ быть эта истина неприятна, и одни лишь мы, русскіе, должны скромно, какъ Молчалинъ, „не смѣть свое сужденіе имѣть?“ должны довольствоваться тѣмъ, что намъ другіе скажутъ? Въ такомъ международномъ литературномъ вопросѣ, какъ Шекспиръ,—

нашъ голосъ можетъ и долженъ быть услышанъ наряду съ голосами другихъ національностей. Вѣдь и мы тоже не совсѣмъ „лыкомъ шиты“; русская литература, хотя и моложе всѣхъ другихъ европейскихъ литературъ, доказала, смѣю думать, что и мы одарены чутьемъ прекраснаго и что, во всякомъ случаѣ, мы не такъ національно-исключительны, какъ напр. французы, которые и до сихъ поръ еще не понимаютъ, какъ должно, Шекспира. Вопросъ объ „Юркширской трагедии“ есть вопросъ критики, не имѣющей ровно никакого отношенія къ той или другой національности, а не вопросъ какихъ-либо спеціально-эстетическихъ или иныхъ соображеній. Совершенно вѣрно, что „сберегать наслѣдство — и честно, и разумно“. Если „Юркширская трагедія“ есть драгоценный алмазъ или, какъ думаетъ г. Крестовскій, обломокъ великой мраморной статуи, — тѣмъ лучше, мы сохранимъ этотъ мраморъ, будемъ имъ восторгаться; но зачѣмъ же неразумно обманывать себя и приписывать этотъ обломокъ рѣзцу Фидія, когда по всему видно, что онъ ему не принадлежитъ? Это будетъ ужъ не гордость, а просто самообманъ, ненужный и безцѣльный.

Г. Крестовскій, со словъ Фр. Гюго, указываетъ на то, какъ часто объявляются подложными картины, которыя впоследствии оказываются подлинными. Это справедливо. Но еще чаще бываетъ наоборотъ. По этому поводу я могъ бы указать на нѣсколько случаевъ такого рода, бывшихъ въ петербургскомъ эрмитажѣ. Можно было бы также указать на уголовное дѣло, разбиравшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, изъ котораго оказалось, что одинъ ловкій поддѣлыватель втеченіи десятиа лѣтъ надувалъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ и любителей искусства (въ томъ числѣ и Александра Дюма), продавая имъ за огромныя деньги картины собственнаго издѣлія, но выдавая ихъ за картины Діаза, Руссо, Коро и проч. Поддѣлки были превосходны и, безъ всякаго сомнѣнія, могли занимать не послѣднее мѣсто въ любой картинной галлерей; ловкій поддѣлыватель былъ несомнѣнно талантливымъ художникомъ, но, тѣмъ не менѣе, это были поддѣлки, къ которымъ и нужно относиться какъ къ поддѣлкамъ. Эта своеобразная промышленность весьма сильно распространена въ современной Европѣ, въ особенности въ Парижѣ и въ Италіи. На родинѣ Рафаэля и Микель-Анджело вы можете заказать какую угодно поддѣлку великаго мастера, и она будетъ выполнена превосходно, съ самымъ тщательнымъ подражаніемъ стилю, манерѣ, особенностямъ мастера. Въ гостинныхъ и даже общественныхъ галлерейхъ Европы и Америки такія поддѣлки встрѣчаются очень часто. И въ эрмитажѣ онѣ есть. Вообще можно сказать, что въ XIX столѣтіи спросъ на великія произведенія великихъ мастеровъ сталъ такъ

великъ, что многіе художники сдѣлали себѣ спеціальность изъ этихъ поддѣлокъ.

То-же самое случается и съ произведеніями слова, и здѣсь поддѣлки тѣмъ болѣе возможны и доступны, что по отношенію къ старому поэту, жившему двѣсти-триста лѣтъ назадъ, у насъ нѣтъ никакихъ біографическихъ указаній, нѣтъ полного списка его произведеній, а поэтому и контроль труднѣе. Въ исторіи литературы такихъ примѣровъ найдется множество. Понятно поэтому, что серьезная критика съ тѣмъ большею осторожностью должна относиться къ спорному произведенію, когда оно выдается за подлинное. Эстетическія соображенія въ данномъ случаѣ никоимъ образомъ не могутъ привниматься во вниманіе. Неужели же мы будемъ считать художественное произведение только тогда прекраснымъ, только тогда достойнымъ нашего вниманія и восхищенія, когда оно будетъ подписано великимъ именемъ, когда на немъ будетъ стоять ярлыкъ генія? Считайте „Йоркширскую трагедію“ шедевромъ—никто этого не запрещаетъ вамъ,—но развѣ одинъ только Шекспиръ создавалъ шедевры? Представьте себѣ, что существуетъ спорная поэма Пушкина. Обязанность исторической критики—выяснить: дѣйствительно-ли эта поэма была написана Пушкинымъ, или нѣтъ, и если окажется, что нѣтъ, то обязанность этой критики—исключить ее изъ собранія сочиненій Пушкина, хотя-бы она и была „перломъ созданія“.

Конечно, такое „историческое слѣдствіе“ иногда сопровождается чрезвычайными трудностями по причинѣ недостатка документальныхъ данныхъ и потому еще, что произведенія одной и той-же литературной эпохи имѣютъ всегда между собой много общаго въ языкѣ, въ стихѣ, въ манерѣ понимать сюжетъ и разрабатывать его, въ міровоззрѣніи, въ колоритѣ, въ идеалахъ. Художникъ, поэтъ, разсматриваемый не отдѣльно, а въ связи съ общностью его произведеній, не есть единичный фактъ; существуетъ, кромѣ того, цѣлое, въ которомъ онъ заключается, цѣлое, обхватывающее его—школа или семья художниковъ или поэтовъ той страны и того времени, къ которымъ онъ принадлежитъ. Вокругъ Шекспира напр., который на первый взглядъ кажется намъ чѣмъ-то необычайнымъ, непонятнымъ чудомъ, упавшимъ съ неба, группируется цѣлая дюжина замѣчательныхъ драматурговъ: Уэбстеръ, Фордъ, Мэссинджеръ, Марлоу, Бенъ-Джонсонъ, Флетчеръ, Бомонтъ, писавшихъ въ томъ-же направленіи и въ томъ-же духѣ, какъ и онъ. Ихъ произведенія имѣютъ тотъ-же характеръ; въ нихъ вы находите тѣ-же страстно-возбужденные персонажи, тѣ-же внезапныя и кровавыя развязки, тѣ-же бѣшенныя и неудержимыя страсти, тотъ-же безпорядочный, странный,

вычурный, блестящий, роскошно развѣтающій языкъ, тѣ-же нѣжные и глубоколюбящіе женскіе типы. Но и это еще не все. Эта самая семья художниковъ сама заключается въ другомъ, еще большемъ цѣломъ, которое есть среда ее окружающихъ и котораго вкусъ совпадаетъ съ вкусомъ этой семьи, потому-что художникъ не живетъ и не можетъ жить замкнутой жизнью; онъ питается всѣмъ тѣмъ, чѣмъ питается и окружающая его публика. Теперь, на разстояніи цѣлыхъ вѣковъ, мы, конечно, слышимъ только его голосъ; но за этимъ звучнымъ голосомъ, доходящимъ до насъ, мы различаемъ шумъ и безконечный, подавленный гулъ—великій, безконечно-разнообразный гулъ народа, дружно пѣвшаго вокругъ него.

Этотъ отпечатокъ общности, одного и того-же происхожденія, одной и той-же эпохи, тѣмъ рѣзче вкореняется въ произведенія искусства, чѣмъ и самая эпоха рѣзче и опредѣленнѣе. Вотъ почему, повременамъ, такъ трудно разобраться въ спорныхъ вопросахъ исторіи литературы. Возьмите хоть-бы ту же самую „Юркширскую трагедию“. Я уже указывалъ на нѣкоторые мѣста, напоминающія Шекспира. Къ этому можно было бы прибавить, что и самая концепція драмы, тотъ художественный идеалъ, который положенъ въ основаніи ея, несомнѣнно близокъ къ художественному идеалу Шекспира. Но если вы возьмете пьесу Форда, Марлоу, Мэссинджера, то вы увидите и тамъ ту-же общность художественныхъ идеаловъ,—вся разница только въ индивидуальности того или другого поэта, въ степени его таланта, въ большей или меньшей цѣльности его художественнаго темперамента. Но разобраться въ этихъ различіяхъ, уяснить ихъ себѣ, выдѣлать ихъ болѣе или менѣе ярко—иногда чрезвычайно трудно, иногда положительно невозможно. Спорное произведеніе приходится изучать долго, тщательно и не отдѣльно, пользуясь той или другой эстетической мѣркой, а въ связи съ цѣлой школой, и кропотливо отмѣчать все то, что въ немъ есть общаго съ другими произведеніями школы, и то, чѣмъ оно разнится отъ нихъ.

Къ сожалѣнію, по переводу на другой языкъ это сдѣлать почти не представляется возможнымъ. Всякій переводъ, даже самый талантливый, самый художественный, есть только приближительная передача подлинника. Вотъ почему и мои читатели, пользуясь прекраснымъ и вполне художественнымъ переводомъ П. А. Каншина, не могутъ провѣрить моихъ аргументовъ въ той мѣрѣ, въ какой бы это было желательно. Къ тому-же переводъ г. Каншина, вполне передавая „духъ“ трагедіи, страдаетъ нѣкоторыми отступленіями, которыя до извѣстной степени сглаживаютъ особенности художественнаго темперамента автора.

Въ трагедіи чувствуется не-шекспировскій или мало шек-

спировскій приѣмъ, съ деревянными бѣлыми стихами, съ рѣ-
мами, съ догреями, а въ переводѣ, напротивъ того, употреб-
лены всѣ приѣмы шекспировскаго творчества, и эти приѣмы даже
преувеличены безъ нужды. Выходитъ такъ, какъ будто-бы г.
Каншинъ намѣренно скрасилъ подлинникъ, ступевалъ всѣ его
своеобразности. При этихъ условіяхъ, русскому читателю, по-
знакомившемуся съ трагедіей по переводу г. Каншина, трудно,
если не невозможно, рѣшить вопросъ о подлинности траге-
діи. На этомъ основаніи, я могу только посовѣтовать читать
переводъ г. Каншина для эстетическаго удовольствія, но непре-
мѣнно заглянуть въ подлинникъ, если читатель захочетъ со-
ставить себѣ свое личное мнѣніе о томъ, принадлежитъ-ли
„Горкширская трагедія“ Шекспиру, или же она—просто одно изъ
множествъ „поддѣльных“ пьесъ, какъ это утверждаютъ едино-
гласно англійскіе критики и лучшіе шекспирологи.

В. Чуйко.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ТАБАЧНАЯ МОНОПОЛІЯ И БАНДЕ- РОЛЬНАЯ СИСТЕМА.

Табакъ хотя и не принадлежитъ къ числу предметовъ первой необходимости, но вполне способенъ вынести высокое обложение налогомъ, а потому совершенно понятно, что министерство финансовъ, изыскивая источники для увеличенія средствъ казны, остановилось на табакѣ. Также вполне естественно, что при обсужденіи разныхъ системъ взиманія налога съ табака министерство финансовъ обратило серьезное вниманіе на монополію, такъ какъ до сихъ поръ эта система налога на табакъ давала самыя большіе сборы и безспорно должна быть признана совершенно исключительной.

Исключительность эта обусловливается тѣмъ, что всѣ другіе способы взиманія косвенныхъ налоговъ имѣютъ въ виду обложение налогомъ товара, не касаясь частныхъ интересовъ и оставляя за промышленностью свободное развитіе, монополія же передаетъ всю промышленность и торговлю въ руки чиновниковъ и потому естественно даетъ правительству полную возможность регулировать эту промышленность по своему усмотрѣнію.

Съ теоретической точки зрѣнія такое изъятіе промышленности изъ частныхъ рукъ не выдерживаетъ никакой критики и, еслибы правительство пошло далѣе въ этомъ направленіи и забрало постепенно всѣ другіе виды промышленности, то частному труду не было бы примѣненія въ странѣ и весь народъ пришлось бы зачислить въ чиновники въ вицмундирахъ, или въ казенные работники на фабрикахъ и при землѣ.

Съ практической же стороны реглація на табакъ вполне доказала свою силу и способность приносить казначейству весьма крупный доходъ, а потому, въ виду крайней необходимости въ уве-

личеніи государственныхъ ресурсовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Но такъ какъ система взиманія налога путемъ монополизаци цѣлой промышленности безспорно встрѣтитъ при примѣненіи ея въ Россіи массу затрудненій, то прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, вводить-ли у насъ табачную монополію, необходимо выяснитъ выгодныя и невыгодныя стороны этой системы и тѣмъ улучшить, которыя можно сдѣлать въ системѣ бандерольной.

Всѣ правительства, вводя табачную монополію, чистосердечно думали, что система эта можетъ способствовать развитію табаководства внутри страны и уменьшить ввозъ въ нее иностраннаго табака. Такое предположеніе дѣлалось на томъ основаніи, что плантаторы при свободѣ промышленности всегда жалуются на торговцевъ табака и фабрикантовъ и, не зная хорошо казеннаго хозяйства, охотно подаютъ голосъ за казенную монополію. Причина жалобъ лежитъ въ томъ, что при свободѣ промышленности продажа табака не обезпечена и зависитъ отъ многихъ условій, между тѣмъ какъ при монополіи плантаторы садятъ табакъ, такъ сказать, по заказу казны, и казна обязана его принять, каковъ-бы онъ ни былъ, причѣмъ цѣна опредѣляется, разумѣется, по оцѣнкѣ, но во всякомъ случаѣ не можетъ быть ниже извѣстной нормы.

Жалобы плантаторовъ въ сущности не имѣютъ никакого значенія: также жалуются и продавцы хлѣба и продавцы водки и продавцы всякаго товара, такъ какъ при свободѣ промышленности и торговли ни одинъ производитель не обезпеченъ не только въ полученіи хорошей цѣны за товаръ, но даже и въ самой продажѣ товара. Неудовлетвореніе плантаторовъ и надежды на лучшее при монополіи служили вездѣ основаніемъ для проведенія монополіи и причиной симпатіи къ ней среди извѣстной группы табаководовъ, тѣмъ болѣе, что организаторы монополіи обыкновенно сами вѣрили тому, что монополія улучшить положеніе табаководства въ странѣ.

Французское правительство выставило слѣдующіе мотивы для учрежденія монополіи на табакъ:

„Изъ всѣхъ предметовъ, облагаемыхъ налогомъ, табакъ всѣхъ способнѣе выносить большой налогъ. Обстоятельство это не ускользало отъ нашего вниманія. Опытъ указалъ намъ всѣ неудобства принимавшихся до настоящаго времени мѣръ по обложенію табака налогомъ. Число фабрикантовъ, и безъ того небольшое, пришлось еще сократить. Цѣна на фабрикованный табакъ была такъ высока, какъ и во время покупной системы. Незначительная часть дохода поступала въ казну, остальное дѣлилось между фабрикантовъ. Послѣ зрѣлаго обсужденія мы пришли къ заключенію, что всѣ условія, даже интересы земледѣлія, требуютъ, чтобъ фабрикація

табака перешла въ руки особой администраціи въ пользу государственной казны. Земледѣліе будетъ достаточно гарантировано и покровительствуемо, когда мы предпринемъ администраціи фабриковать табакъ только изъ табака произрастаемаго на французской почвѣ; при томъ-же размѣрѣ потребленія планторъ не можетъ потерпѣть убытка отъ организаціи особаго управленія. Наконецъ эта реформа даетъ намъ возможность, не отягощая населенія, приобрести источникъ дохода, который опредѣляютъ приблизительно въ 80 мил. франковъ, что намъ позволитъ уменьшить на такую-же сумму личный и имущественный налоги и обезпечить назнѣ нашей имперіи доходъ, всегда пропорціональный обстоятельствамъ и потребностямъ“.

Насколько же оправдались надежды и обѣщанія французскаго правительства?

Плантаціи табака во Франціи въ послѣдніе 3 года до введенія монополіи было 14,400 гектаровъ, и собиралось съ нихъ ежегодно до 16.677,000 килограммъ табака (11,677 десятинъ и 753,322 пуда табака). По введеніи монополіи въ первый-же годъ плантаціи осталось всего 7,138 гектаровъ, въ слѣдующемъ 1812 году ихъ было 8,558 гектаровъ, въ 1813 г.—5,238 гектаровъ, въ 1814 г.—8,401, въ 1824 году—7,305 и т. д.; въ 1868 году 12,500 и въ 1883 году 14,225 гектаровъ. Слѣдовательно плантаціи, вмѣсто увеличенія, уменьшились вдвое и очень долго держались въ томъ-же размѣрѣ, увеличиваться же начали только послѣ 1853 года и лишь теперь, послѣ 72 лѣтъ, сравнялись съ тѣмъ количествомъ гектаровъ, которое было до 1811 года.

Интересно приэтомъ отмѣтить, что французское министерство финансовъ предполагало разрѣшить садить табакъ въ 1811 году на 11,000 гектарахъ, но желающихъ явилось только на 7,138 гектаровъ. Причина такого большаго уменьшенія плантаціи заключается въ распоряженіи администраціи о выдачѣ разрѣшеній садить табакъ, вмѣсто 46 департаментовъ, всего только въ 8, а потомъ въ 6, въ недостатѣ въ этихъ департаментахъ лицъ, способныхъ заняться табаководствомъ, и частью въ нежеланіи многихъ плантаторовъ подчиняться надзору и новымъ правиламъ о продажѣ табака администраціи.

Вслѣдствіе уменьшенія плантаціи уменьшилось и количество собираемаго въ странѣ табака, а потому вмѣсто обѣщанія фабриковать табакъ только изъ табака, произрастаемаго на французской почвѣ, пришлось дѣлать болѣе значительныя покупки иностраннаго табака, и начавъ уже примѣшивать этотъ табакъ ко внутреннему въ большемъ противъ прежняго количествѣ, министерство принуждено было не увеличивать числа плантаціи,

тѣмъ болѣе, что боялось внутренней контрабанды. Съ 1815 по 1837 годъ покупалось во Франціи въ средней сложности иностраннаго табака въ годъ около 36% всего потребляемаго табака, съ 1837 по 1847 г. около 50,3%, съ 1847 по 1857 г. около 46%, съ 1857 по 1867 годъ около 34,5%, въ 1883 болѣе 56%, — между тѣмъ какъ до монополіи, судя по количеству собираемаго табака и его потребленія, ввозъ иностраннаго табака во Францію былъ самый ограниченный и не могъ превышать 3% всего потребляемаго табака, такъ какъ до монополіи внутри страны собиралось болѣе 16 милліоновъ килограммъ табака, а потребленіе составляло около 13.445,000 килограммъ.

Другія страны, въ которыхъ введена табачная монополія, представляютъ то-же явленіе уменьшенія плантацій съ уничтоженіемъ свободы табаководства и фабрикаціи, но мы ограничимся приведенными цифрами и посмотримъ, можетъ-ли въ дѣйствительности монополія содѣйствовать развитію и улучшенію табаководства.

Первое основное условіе монопольнаго хозяйства—это самый строгій и экономичный контроль за плантаціями. Контроль такой возможенъ только въ томъ случаѣ, если плантаціи будутъ сгруппированы въ немногихъ уѣздахъ и если въ мѣстностяхъ, немѣющихъ большого числа плантацій, онѣ будутъ вовсе воспрещены. Слѣдовательно первое распоряженіе администраціи монополіи должно быть направлено къ тому, чтобы запретить посадку табака въ мѣстностяхъ, немѣющихъ болѣе извѣстнаго числа десятинъ подъ плантаціями, и такимъ образомъ лишить сразу десятки губерній права садить табакъ.

Независимо отъ этого администрація принуждена будетъ ограничить повсемѣстно число плантацій опредѣленіемъ наименьшаго ихъ размѣра; затѣмъ, при всемъ желаніи поддерживать табаководство внутри страны, администрація, въ виду борьбы съ корчемствомъ, принуждена будетъ идти все дальше и дальше въ расширеніи контроля за плантаціями или ограниченіи плантаторовъ, стремясь къ тому идеалу, до котораго дошли во Франціи, т. е. до счета листьевъ, такъ какъ только при такомъ контролѣ можно сказать, что корчемство доведено до своего minimum'a.

Наконецъ на табаководство вліяетъ самая система фабрикаціи и оцѣнка табака, дѣлаемая чиновниками при монополіи. Какъ-бы ни желала администрація монополіи фабриковать большее количество сортовъ, она никогда не можетъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ частной фабрикаціей и, въ видахъ однородности и удобства хозяйства, неминуемо должна будетъ значительно сократить число сортовъ и вообще опредѣлить нѣсколько типовъ табakovъ.

Понятно отсюда, что, разъ установивъ типы фабрикованныхъ табаковъ и опредѣливъ сообразно этимъ типамъ цѣны на сорта сырого табака, администрація не будетъ въ силахъ давать особья цѣны за табаки по качеству выше установленныхъ сортовъ, а потому такіе табаки не могутъ существовать при монополіи, которая можетъ и должна поддерживать и развивать только сорта табаковъ, ей необходимыя для фабрикаціи. Во Франціи плантаторамъ прямо раздаются сѣмена отъ администраціи, и они обязаны въ посадѣхъ и уходѣ за табакомъ строго слѣдовать указаніямъ чиновниковъ.

Всѣ эти данныя даютъ право придти къ заключенію, что табачная монополія должна неминуемо повліять на сокращеніе числа плантацій и количество собираемаго внутри страны табака, совершенно уничтожить всѣ попытки къ улучшенію табаководства въ странѣ и увеличить ввозъ въ страну иностраннаго табака, уменьшивъ вывозъ табака изъ страны за границу.

Въ Россіи засѣвалось табакомъ въ 1886 году 176,623 плантацій въ количествѣ 55,233 десятинъ и собрано было 3.414,400 пуд. табаку. Плантаціи эти разбросаны почти по всей странѣ, и легче перечислить губерніи въ которыхъ онъ не разводится, чѣмъ тѣ, въ которыхъ его садятъ. Плантаціи находятся въ 33 губерніяхъ Европейской Россіи, въ Западной Сибири и Закавказскомъ Краѣ. Пространство, занимаемое этими губерніями, равняется по крайней мѣрѣ 15-ти Франціямъ.

Табачная администрація первымъ дѣломъ должна будетъ запретить посадку табака въ Западной Сибири и въ губерніяхъ, въ которыхъ садится менѣе 1,000 десятинъ. Такихъ губерній 23. Табакъ садится въ нихъ на 5,127 десятинъ. Независимо отъ этого необходимо было бы лишить права посадки табака многіе уѣзды; изъ остальныхъ 10 губерній и Закавказскаго Края, въ результатъ получится сокращеніе плантацій по меньшей мѣрѣ на 10,000 десятинъ. Это будетъ первое и необходимое послѣдствіе введенія монополіи. Но этимъ, разумѣется, дѣло не ограничится. Какъ только вступить въ жизнь монополія съ своимъ стѣснительнымъ надзоромъ и произволомъ въ оцѣнѣхъ табака, основанной главнымъ образомъ на рублѣ, какъ это до сихъ поръ открыто практикуется въ Австріи, то начнется повальное бѣгство плантаторовъ: съ одной стороны всѣхъ любителей, главнымъ образомъ двигающихъ культуру табака и способствовавшихъ сильному уменьшенію къ намъ ввоза иностранныхъ табаковъ, а съ другой стороны всѣхъ обиженныхъ и притѣсненныхъ—и въ результатъ у насъ останется не болѣе 25,000 десятинъ плантацій, ведомыхъ ординарнымъ образомъ, безъ всякаго будущаго. При такомъ уменьшеніи посадки

табака долженъ значительно увеличиться привозъ табака иностраннаго, и повторится та-же исторія, которая была во Франціи.

Въ настоящее время въ Россію ввозится иностраннаго табаку 75,000 пуд., что составитъ ко всему потребляемому въ Россіи табаку (3.545,417 пуд.) около 3%, а при неминуемомъ уменьшеніи при монополіи плантацій привозъ увеличится по крайней мѣрѣ до 35%. Вотъ какое покровительство получаютъ плантаторы отъ монополіи. Если же принять во вниманіе тѣ ошибки и несправедливости, которыя непремѣнно будутъ происходить при приѣмѣ чиновниками табака отъ плантаторовъ и его оцѣнкѣ, то радоваться плантаторамъ врядъ-ли придется, за исключеніемъ, разумѣется, богатыхъ и ловкихъ людей, которые всегда будутъ въ состояніи, гдѣ нужно, подмазать и надуть.

Въ Россіи классификація табака и оцѣнка его представитъ особенныя затрудненія, несуществующія въ другихъ странахъ, такъ какъ ни въ одной странѣ табакъ не имѣетъ такого разнообразія сортовъ.

Въ Европейской Россіи табакъ растетъ отъ Нижняго-Новгорода до Карса на протяженіи 20° с. ш., на различныхъ почвахъ и при различныхъ климатахъ, цѣною отъ 50 к. до 50 руб. за пудъ. Во Франціи растетъ табакъ вездѣ почти одинаковаго качества, и казна платитъ за него отъ 1 р. 50 к. до 5 руб. 25 коп. за пудъ. Въ Австріи сортовъ больше: 3 сорта въ Галиціи и 10 сортовъ въ Венгріи, цѣны же все-таки не представляютъ такого разнообразія, какъ у насъ: главные сорта стоятъ отъ 7 до 12 гульденовъ за центнеръ, и только за три сорта платятъ около 22 гульденовъ.

Понятно, что только большіе знатоки могутъ разобраться въ разнообразіи существующихъ у насъ сортовъ, а чиновники при всемъ желаніи ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что всякій сортъ долженъ быть раздѣленъ еще на 3 или 6 классовъ и табакъ будетъ представляться мокрымъ, смѣшаннымъ и проч.

Одно изъ самыхъ главныхъ затрудненій для табачной администраціи въ Австріи напр. состоитъ въ выборѣ свѣдущихъ чиновниковъ для приѣмки табака. Не говоря уже о трудности оторвать отъ прямыхъ обязанностей разомъ необходимыхъ для приѣмки 250 человекъ на цѣлые два мѣсяца, совершенно невозможнымъ представляется назначить для приѣмки табака людей спеціальныхъ и безусловно добросовѣстныхъ; поэтому-то повсемѣстно слышны жалобы на нечестный и неправильный приѣмъ табака. Обыкновенно для приѣма табака назначается часть чиновниковъ изъ служащихъ на фабрикахъ, часть изъ отставныхъ служившихъ при табачномъ дѣлѣ и, наконецъ, остальные изъ финансовыхъ дирекцій. Чтобы сократить по возможности потребность въ лицахъ, отдаляютъ срокъ окончанія приѣмки табака и такъ распредѣляютъ самую

пріемку, чтобы одни и тѣ-же чиновники могли принимать въ нѣсколькихъ магазинахъ. Но, несмотря на эти мѣры, которыя возможны только въ Венгріи, гдѣ пріемка продолжается очень долго, администрація не въ состояніи найти потребное число знакомыхъ съ дѣломъ и добросовѣстныхъ лицъ для 24 вѣсовъ въ Галиціи и 87 вѣсовъ въ Венгріи.

Изъ классификаціи табака въ Австріи видно стремленіе администраціи точно опредѣлить различные сорта табака и вмѣстѣ полная невозможность достигнуть этой цѣли. Всѣ эпитеты въ родѣ: хорошій, зрѣлый, здоровый, сухой, неспорченный и пр.—неимѣютъ абсолютнаго значенія, а потому не устанавливаютъ и точныхъ границъ одного класса отъ другого. Не только два человѣка могутъ не сойтись въ понятіи о зрѣлости, здоровьи и т. д., но даже одному и тому-же человѣку нынче можетъ показаться табакъ совершенно хорошимъ и неспорченнымъ, а завтра онъ не признаетъ за нимъ этихъ качествъ и найдетъ въ немъ недостатки. Опредѣленіе такихъ качествъ находится въ зависимости частью отъ общаго строя личности человѣка и его опытности въ дѣлѣ и частью отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ получилъ предъ опредѣленіемъ. Слѣдовательно, неговоря уже о возможной во всякомъ дѣлѣ недобросовѣстности, вполне справедливая оцѣнка сдаваемого казнѣ табака немислима по самому свойству дѣла, а потому нельзя избѣжать ни жалобъ, ни неудовольствій со стороны плантаторовъ.

Самый порядокъ пріема табака слѣдующій. Въ объявленный срокъ, обыкновенно около 1 декабря, являются въ магазины представители волостей съ своими плантаторами и предъявляютъ технику-наблюдателю, обыкновенно фервальтеру магазина, свои вѣдомости. Послѣдній опредѣляетъ, на какихъ вѣсахъ должна сдавать каждая деревня. При вѣсахъ находится техникъ для оцѣнки табака и контролеръ для записки опредѣленнаго класса и принятаго количества. Затѣмъ каждый плантаторъ подходит поочередно къ вѣсамъ, предъявляетъ свой табакъ, связанный въ папушахъ по классамъ, и передаетъ свою книжку. Техникъ, осмотрѣвъ папуши и удостовѣрившись въ правильности сдѣланной плантаторомъ классификаціи, въ доброкачественности табака вообще и въ томъ, не намоченъ-ли онъ для приданія большаго вѣса, перевѣшиваетъ каждый сортъ отдѣльно и заноситъ въ книгу. Контролеръ заноситъ все въ книжки плантаторовъ. Такимъ порядкомъ одинъ плантаторъ слѣдуетъ за другимъ. Для разрѣшенія недоумѣній, возникающихъ при классификаціи, у каждого стола вывѣшиваютъ образцовыя папуши каждаго сорта урожая прошлаго года. Папуши эти впоследствии замѣняются образцами новаго уро-

жая табака. Контролеръ, по перевѣскѣ табака примѣрно у 20 или 30 плантаторовъ, требуетъ фервальтера магазина для удостовѣренія правильности классификаціи и вѣса принятаго табака. Фервальтеръ осматриваетъ табакъ и, въ случаѣ сомнѣнія, перевѣшиваетъ нѣкоторыя партіи. Такимъ образомъ приемка табака отъ плантаторовъ комиссіями соединяется вмѣстѣ со сдачей его въ магазинъ, гдѣ отвѣтственность за цѣлость и достоинство табака лежитъ исключительно на фервальтерѣ. Затѣмъ вѣдомость контролера передается въ счетное отдѣленіе, находящееся при каждомъ магазинѣ. На обязанности послѣдняго лежитъ исчисленіе причитающихся денегъ, отмѣченныхъ въ вѣдомости плантаторовъ, какъ за табакъ, такъ и перевозку его въ магазинъ и занесеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній въ книжки плантаторовъ. Послѣ этого плантаторъ, по заявленіи своей книжки кассиру, получаетъ слѣдующія ему деньги и возвращается домой.

Приемка сырого табака казенными магазинами безспорно составляетъ одинъ изъ очень важныхъ отдѣловъ табачной монополіи. Положимъ, министерство опредѣлило цѣны на табакъ, принявъ въ расчетъ всѣ данныя и руководясь исключительно финансовымъ взглядомъ; но всѣ его соображенія теряютъ всякій смыслъ и значеніе, если приемщики табака будутъ дѣлать неправильную оцѣнку по недобросовѣстности или невнимательности. Подобнымъ исполненіемъ предписанныхъ опредѣленій для классификаціи табака приемныя комиссіи въ дѣйствительности измѣняютъ назначенныя цѣны, а слѣдовательно и расчеты министерства.

Если нельзя достигнуть при приемѣ табака абсолютной вѣрности классификаціи, если не только различные приемщики, но даже одинъ и тотъ-же можетъ легко сдѣлать неодинаковую расцѣнку того-же самаго табака, предъявленнаго ему утромъ и вечеромъ одного дня, то понятно, какъ необходимо устранить при исполненіи этого дѣла невнимательность и недобросовѣстность. Въ Австріи это дѣло ведется крайне дурно, и рѣшительно всѣ плантаторы жалуются даже на взяточничество; не отвергаютъ того-же и высшіе чиновники, признавая себя не въ силахъ устранить это зло.

Опредѣлить процентъ злоупотребленій при приемѣ табака въ Австріи разумѣется невозможно, но, судя по слышаннымъ мною заявленіямъ и нѣкоторымъ фактамъ, сообщеннымъ мнѣ крестьянами, онъ долженъ быть очень великъ. Насколько я успѣлъ приглядѣться къ дѣлу, злоупотребленія при приемѣ табака бываютъ двухъ родовъ: неправильно высокая оцѣнка и неправильно низкая оцѣнка. Первая дѣлается, разумѣется, за деньги, вторая же съ цѣлью пополнить недостатокъ лучшихъ сортовъ и выгородить отъ отвѣтственности фервальтера магазина. Жалобы на

неправильность классификаціи поступаютъ, разумѣется, отъ плантаторовъ, неплатившихъ денегъ. Чтобы по возможности предупредить или ослабить ихъ значеніе, приѣмщики табака дѣлаютъ низкую оцѣнку у небогатыхъ крестьянъ или у плантаторовъ, умышленно испортившихъ свой табакъ для приданія ему лишняго вѣса, напр. намочившихъ его передъ сдачей (что случается очень часто). Въ виду же того, что отъ самихъ приѣмщиковъ зависитъ измѣненіе сдѣланной ими расцѣнки, понятно, что если, при рѣзко недобросовѣстной классификаціи, плантаторъ потребуетъ составленія протокола, то приѣмщики всегда могутъ отстранить жалобу, удовлетворивъ немедленно желаніе недовольнаго ихъ первымъ рѣшеніемъ.

Право приносить жалобы хотя безусловно полезно, но далеко еще не гарантируетъ ни казеннаго, ни частныхъ интересовъ. Въ виду постоянныхъ нареканий на приѣмщиковъ табака, инспекторъ въ Галиціи заставляетъ техниковъ и контролеровъ вынимать предъ началомъ приѣмки жребіи на вѣсы, чтобы плантаторы не могли знать, кто будетъ у нихъ принимать табакъ, и не имѣли возможности войти съ ними въ соглашеніе. Но и эта мѣра, мнѣ кажется, едва-ли приноситъ пользу, такъ какъ врядъ-ли нужно какое нибудь предварительное соглашеніе съ приѣмщиками. Плантаторъ кладетъ ассигнацію въ свою книжку и предъявляетъ ее технику—этимъ и опредѣляется взглядъ приѣмщика на достоинство табака. Независимо отъ этого распредѣленіе плантаторовъ къ вѣсамъ лежитъ на обязанности фєрвальтера магазина, за котораго также не всегда можно поручиться, а многіе магазины имѣютъ одни или двое вѣсовъ, гдѣ уже такая система вовсе невозможна.

Злоупотребленія производятся не въ одной только классификаціи табака, но и въ его вѣсѣ. Я слышалъ о нѣсколькихъ открытых случаяхъ излишняго показанія вѣса принятаго табака, несмотря на всю трудность доказать такой обманъ.

Отъ такого порядка приѣмки выигрываютъ нѣкоторые помѣщики и въ особенности евреи, въ убыткѣ же остаются, какъ и вездѣ, крестьяне: ихъ обманываютъ и въ качествѣ и въ количествѣ табака. Кромѣ того проигрываетъ при этомъ и правительство. До введенія табачной монополіи въ Венгрію напр. всѣ овраги были завалены табакомъ, не продававшимся по своей малой цѣнности; въ настоящее же время казна принимаетъ всякую дрянъ и подкуетъ ея насильно потребителей.

Я нарочно дольше остановился на этой сторонѣ монополіи, такъ какъ она часто упускается изъ виду лицами, увлекающимися монополіей, а между тѣмъ оцѣнка и приѣмка табака имѣетъ огромное значеніе—отъ нихъ зависитъ судьба табаководства въ странѣ, правильное веденіе фабрикаціи и всего монопольнаго хозяйства.

Защитники монополіи заявляютъ, что и безъ возвышенія налога на табакъ они могутъ увеличить сборъ съ табака при монополіи, такъ какъ при этой системѣ казна получитъ съ табакъ не только акцизъ, но и всѣ барыши фабрикантовъ и складчиковъ; кромѣ того казна можетъ сдѣлать экономію на фабрикаціи, храненіи, на этикетахъ и упаковкѣ и наконецъ на скидкахъ торговцамъ. Чтобы разсчитывать увеличить государственный доходъ отобраніемъ доходовъ табачныхъ фабрикантовъ, нужно доказать во-первыхъ, что доходы эти значительны, а во-вторыхъ, что казна въ состояніи фабриковать также выгодно, какъ и частные лица.

По точнымъ свѣдѣніямъ, табачные фабриканты за послѣднее время въ лучшихъ случаяхъ не получаютъ болѣе 9% на капиталъ, что вполне подтверждается слѣдующими данными. Фабрика Кроненберга въ Варшавѣ ликвидировала свои дѣла. Товарищество „Лафермъ“ нѣсколько лѣтъ получало убытки и только благодаря своему капиталу могло выдержать переживаемыя затрудненія. Фабрики Бостанджогло и Миллера находятся тоже въ тяжеломъ положеніи. Самая большая фирма Богданова выдаетъ около 10% дивиденда. Другія же фабрики получаютъ много менѣе и часто несутъ убытокъ, такъ какъ имѣютъ много потерь отъ торговцевъ. Но если принять даже въ среднемъ 6—7% дохода, то во всякомъ случаѣ доходъ этотъ почти равняется тому %, который и безъ того получаетъ каждый на свой капиталъ въ процентныхъ бумагахъ. Изъ этого ясно, что если монополія и съумѣетъ воспользоваться доходами фабрикантовъ, то государственный доходъ много отъ этого увеличиться не можетъ, въ виду необходимости затраты большого капитала.

Посмотримъ теперь, можетъ-ли дѣйствительно казна фабриковать дешевле частныхъ лицъ. Оставляя въ сторонѣ русскіе казенные заводы, которые никогда ничего не давали казнѣ, кромѣ убытковъ и убытковъ громадныхъ, мы обратимся къ табачнымъ фабрикамъ во Франціи, имѣющей замѣчательную администрацію по честности, знанію и исполнительности.

Насколько фабрикація обходится дорого при казенномъ управленіи, это видно изъ того, что въ 1817 году 1 килограммъ фабрикованнаго табака обходился въ 2 фр. 30 с., въ 1825 году въ 1 фр. 77 с., въ 1835 г. въ 1 фр. 58 с. и въ 1851 г. въ 1 фр. 46 с.

Обращаясь къ настоящему времени, мы видимъ, что и одновременно расходы на фабрикацію весьма неодинаковы на разныхъ фабрикахъ *). Такъ, напримѣръ, производство 1 килогр. нюхатель-

*) Въ расходахъ на фабрикацію заключаются лишь жалованье рабочимъ и мелочные расходы, но не входятъ расходы на содержаніе чиновниковъ на фабрикахъ.

наго табака обходится: въ Бордо—26 сант.; въ Морлэ—24 сант., въ Парижѣ—16 сант., въ Ліонѣ—10 сант., въ Страсбургѣ—7 сант. Также неодинаковы расходы на производство другихъ сортовъ на разныхъ фабрикахъ. Производство курительнаго стоитъ: 21 сант., 19 с., 17 с., 14 с., 12 с., *roles* отъ 97 до 77 сант.; сигарь въ 25 фр. отъ 4 фр. 55 сант. до 3 фр. 29 сант. и сигарь въ 12 фр. 50 с. отъ 2 фр. 32 с. до 1 фр. 87 с.

Данныя эти указываютъ, что самое большое разнообразіе въ стоимости расходовъ на фабрикацію должно быть отнесено къ нюхательному табаку, къ которому примѣняются наиболѣе машины, затѣмъ къ курительному, нуждающемуся тоже въ машинахъ, хотя и не въ томъ размѣрѣ, какъ нюхательный, и, наконецъ, разница въ расходахъ значительно уменьшается для сигарь, дѣлаемыхъ обыкновенно руками. Обстоятельство, что правительство еще до сихъ поръ работаетъ нюхательный и курительный табакъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ безъ помощи машинъ и тѣмъ непроизводительно увеличиваетъ налогъ, подтверждаетъ еще разъ весьма извѣстный фактъ, что только одна конкуренція способна двигать производство впередъ и что казенныя фабрики всегда хуже и убыточнѣе частныхъ. Если казенныя фабрики не въ силахъ вести правильно свое дѣло при существованіи рядомъ частныхъ фабрикъ, то можно себѣ представить хозяйство на фабрикахъ при монополіи, когда отстранена даже возможность сравненія и опредѣленія, насколько фабрикація далека отъ современнаго ея состоянія и насколько она дороже частной. Понятно, что развѣ могли бы существовать при свободѣ фабрикаціи, фабрики въ Бордо и Морлэ, работающія 1 килограммъ нюхательнаго табаку за 26 и 24 сант., когда тотъ-же табакъ въ остальныхъ пяти фабрикахъ обходится отъ 7 до 1 к. килограммъ. Также можно сказать о фабрикаціи курительнаго табака и жевательнаго. Неговоря о томъ, что казна, при необходимости установить на фабрикахъ извѣстныя формальности, отчетность въ каждой мелочи, контроль и пр. и при несуществованіи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, никогда не въ силахъ сравняться съ частной фабрикаціей въ *minimum* расходовъ,—при монополіи мы замѣчаемъ, что администрація спокойно переноситъ такое различіе въ расходахъ, какъ 26 с. и 7 с. на 1 килограммъ, и снѣшить введеніемъ машинъ въ Бордо, Морлэ и др. мѣстахъ.

Несмотря на все мое стараніе найти возможность сравнить частную фабрикацію въ Германіи съ казенной во Франціи, несмотря на собраніе свѣдѣній по этому предмету въ Баденѣ, Бельгійи и Саксоніи, я не могъ добиться никакого результата въ цифрахъ, хотя и убѣдился наглядно, что разница въ расходахъ громадна.

Во Франціи въ особенности много пропадаетъ въ матеріалѣ, т. е. много напрасно бросается табака, вслѣдствіе небрежности, невнимательности рабочихъ и служащихъ. Представить на это добросовѣстныхъ доказательства въ цифрахъ очень трудно при разнообразіи фабрикаціи. Какъ опредѣлить, напримѣръ, математически качество производства или качество употребляемаго листового табака? А между тѣмъ отъ этихъ двухъ условій зависятъ расходы производства и проценты траты матеріала. Впрочемъ, послѣ долгихъ расчетовъ и распросовъ, я пришелъ къ заключенію, что сравненіе все-таки возможно, но исключительно относительно расходовъ на фабрикацію сигаръ.

Вотъ данныя по этой фабрикаціи изъ Лейпцига и Мангейма. На фабрикѣ г. Chicorius въ Лейпцигѣ выдѣлываютъ 5 мил. сигаръ, продаваемыхъ въ розницу отъ 1 до 1½ коп. сер. за штуку. Работа тысячи сигаръ на этой фабрикѣ съ расходами на изготовленіе обходится въ 78 к., сортировка 7½ к. и упаковка 22½ к.— всего расходовъ на 1,000 сигаръ падаетъ 1 р. 7½ коп., а на сотню 10,75 к. На фабрикѣ г. Маасъ въ Мангеймѣ расходы на фабрикацію сигаръ составляютъ отъ 1 р. до 2 р. 50 к. на 1,000, смотря по цѣнности ихъ, слѣдовательно для низшаго сорта 10 к. на сотню, т. е. почти то-же самое, что и въ Лейпцигѣ. Посмотримъ теперь стоимость расходовъ фабрикаціи низшаго сорта сигаръ во Франціи. Чтобы устранить всякія возраженія, я не приму въ расчетъ жалованье директора, инженера и прочихъ высшихъ чиновниковъ, а возьму лишь исключительно расходы на работу. Расходы на фабрикацію сигаръ въ 12 фр. 50 с. кил. или 5 фр. сотня, т. е. 1¼ коп. штука, обходятся на французскихъ фабрикахъ отъ 1 фр. 87 с. до 2 фр. 32 сант. на 1 кил., что составитъ въ среднемъ 2 фр. на 1 кил. или 20 коп. на сотню, т. е. на 100% дороже, чѣмъ въ Германіи. Приэтомъ необходимо замѣтить, что 100 сигаръ этой цѣны въ Германіи вѣсятъ около 1½ фунта, а во Франціи менѣе фунта, что указываетъ на еще большіе сравнительно расходы. Если же рассчитать производительную трату матеріала, разница въ стоимости расходовъ окажется еще значительнѣе. На означенной выше фабрикѣ въ Лейпцигѣ выдается рабочимъ на 1000 сигаръ низшаго сорта: 10,3 фунт. табаку бразильскаго для Wickel Einlage и 8,5 ф. колумбійскаго для Deckblatt, всего 18,8 ф. Изъ этого количества получаютъ: 1000 сигаръ вѣсомъ 14,77 фунта, Rippen 2,83 ф. (15%) и потери 1,2 ф. (6,38%), слѣдовательно изъ 18,8 ф. табака на сигары употребляется 78,62%. Посмотримъ, сколько % табака идетъ въ дѣло во Франціи и Австріи.

На сигары низшаго сорта въ 12 фр. 50 с. кил. (250 шт.)

употребляется во Франціи 30% кентуки, 12% венгерскаго табака и 58% внутренняго изъ разныхъ департаментовъ. На 1000 сигаръ, вѣсящихъ 11,2 фунт., употребляютъ 16,2 фунт. разныхъ сортовъ табака, слѣдовательно Rippen и потери оказывается 30,9%, т. е. изъ 16,2 фунт. на дѣло идетъ лишь 69,1% вмѣсто 78,62%, какъ на частныхъ фабрикахъ. Въ Австріи для фабрикаціи 1000 сигаръ, продаваемыхъ въ розницу по 1 коп. за штуку, употребляютъ 22,8 фунта внутренняго табаку. Изъ этого количества остается 16,8 ф., именно: стеблей 4,5 фунт., разорванныхъ листьевъ 4 ф. и негодныхъ обрѣзковъ и сора 4,3 фунта. Slѣдовательно изъ 22,8 ф. листового табака на дѣло идетъ лишь 22,3% и отбрасывается 77,7%, вѣсятъ же австрійскія сигары 0,43 ф. сотня.

Для удобства сравненія выпишемъ всѣ цифры. На 1000 лейпцигскихъ сигаръ по 1 коп. штука употребляютъ 18,8 ф. табаку, изъ нихъ въ дѣло идетъ 78,62% и отбрасывается 21,38%; 1000 сигаръ вѣсятъ 14,77 фунта. На 1000 французскихъ сигаръ по 1¼ коп. штука—16,2 фунта табаку, изъ нихъ на дѣло 69,1% и отбрасывается 30,9%; 1000 сигаръ вѣсятъ 11,2 фунта. На 1000 австрійскихъ сигаръ по 1 коп. штука—22,8 фунта, изъ нихъ на дѣло 22,3% и отбрасывается 77,7%; 1000 сигаръ вѣсятъ 4 фунта.

Что касается сравнительнаго качества сигаръ, то его можно опредѣлить по качеству употребляемаго въ нихъ табака. На сигары въ Лейпцигѣ, стоящія по 1 коп. за штуку, употребляютъ исключительно табакъ американскій, именно бразильскій и колумбійскій, и дѣлаютъ ихъ вѣсомъ 14,77 ф. 1000 штукъ. На сигары французскія, стоящія по 1¼ коп. за штуку, употребляютъ лишь 30% самаго худшаго американскаго табаку кентуки и дѣлаютъ ихъ вѣсомъ 11,2 ф. 1000 штукъ. На сигары австрійскія, стоящія по 1 коп. за штуку, употребляютъ исключительно внутренній табакъ и дѣлаютъ ихъ вѣсомъ 4 фунта 1000 штукъ. О количествѣ фабрикатовъ можно судить также по системѣ, принятой во Франціи для фабрикаціи простаго курительнаго табака и сигаръ низшаго сорта. Французская администрація употребляетъ въ эти сорта табаки почти всѣхъ департаментовъ для достиженія однородности фабрикаціи во всей странѣ и затѣмъ, посредствомъ смачиванія въ табачномъ соусѣ, отнимаетъ у табака всякій оригинальный вкусъ, а сигары дѣлаетъ нарочно возможно слабыми, чтобы тѣмъ принудить ихъ больше курить. Кромѣ того монополія платитъ и за табаки дороже частныхъ лицъ.

Изъ подробныхъ соображеній приведенныхъ, въ моемъ изслѣдованіи, *) видно, что во Франціи за табакъ правительство пла-

*) „Исторія табака и системы налога на него въ Европѣ и Америкѣ“.

тить 70 франковъ за 100 килограммовъ, а въ Палатинатѣ лучший табакъ стоитъ 54 фр., т. е. въ сущности табакъ въ Эльзасѣ оцененъ на 29,63% дороже его дѣйствительной стоимости. Что этотъ выводъ вѣренъ, доказывается цѣной на табакъ, покупаемый торговцами въ самомъ-же Эльзасѣ, которая въ средней сложности еще ниже цѣны въ Палатинатѣ, именно только 52 франка за 100 килограммовъ. Такая возвышенная цѣна необходима при монополии, и, несмотря на это, плантаціи все-таки не развиваются, потому что увеличеніе цѣны далеко не окупаетъ всѣхъ стѣсненій, несправедливости въ оценкѣ и злоупотребленій. Покупка заграничнаго табака обходится во Франціи также по крайней мѣрѣ на 20% дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ. Можно-ли послѣ этого говорить о выгодности казенной фабрикаціи въ Россіи? Мы совершенно убѣждены, что на русскихъ фабрикахъ ко всѣмъ изложеннымъ невыгодамъ нужно еще прибавить неумѣлость и недобросовѣстность, и въ результатѣ получится не выгода, а громадный убытокъ, который новой тягостью ляжетъ на все населеніе.

Объ экономіи на храненіи, этикетахъ и улаковѣхъ смѣшно говорить, потому что храненіе казнѣ обойдется навѣрно дороже, а этикетки на всѣхъ русскихъ фабрикахъ стоятъ не болѣе 400 т. рублей, и, какъ-бы казна ни ухудшила ихъ, все не получить барыша болѣе 400 т. рублей, которыя тутъ-же истратить на управленіе, увеличеніе контроля и пр. Нужно еще принять во вниманіе русский формализмъ, мѣшающій всякому живому дѣлу и подрывающій инициативу въ отдѣльныхъ лицахъ, формализмъ, при которомъ невозможно вести экономно такое большое промышленное дѣло, какъ табачная монополія.

Единственно на чемъ можетъ соблюсти экономію монополія, это на уменьшеніи скидокъ торговцамъ; но вводить монополію, чтобы воспользоваться 10% или 15% получаемыхъ торговцами, мы думаемъ, не стоитъ, такъ какъ этотъ барышъ окажется недостаточнымъ на покрытіе убытковъ, происходящихъ отъ однихъ неудачныхъ покупокъ табака чиновниками и другихъ промаховъ, не говоря о злоупотребленіяхъ, тогда какъ того-же самаго результата можно достигнуть и безъ монополіи, о чемъ мы и скажемъ ниже.

Независимо отъ большой стоимости фабрикаціи, фабрикуемые табаки при монополіи получаютъ вездѣ худшаго качества, что совершенно естественно и неизбѣжно, какими-бы высокими намѣреніями монополія не задавалась. Главный двигатель во всякомъ производствѣ—это конкуренція. При монополіи она уничтожается вовсе; знаніе же фабрикаціи и умѣнье смѣшивать разные сорта табаковъ замѣняется ординарной фабрикаціей съ самыми упрощенными манипуляціями, имѣющими одну цѣль—доходъ, такъ какъ

если министерство финансовъ совершить эту страшную ломку въ странѣ, то должно будетъ оправдать себя доходомъ, а потому все будетъ принесено ему въ жертву.

Расходы взиманія налога на табакъ при монополіи, если считать правильно всѣ потери при покупкахъ внутренняго и иностраннаго табака и при фабрикаціи, должны составить около 20%, такъ что эти расходы съ избыткомъ покроютъ доходы фабрикантовъ, экономію отъ этикетовъ и проч., которые казна возьметъ въ свою пользу.

О размѣрахъ корчемства и контрабанды при монополіи въ Россіи нечего и говорить, такъ какъ нѣтъ страны въ мірѣ, наиболѣе подверженной этому, какъ Россія, по своимъ размѣрамъ, географическому положенію и длинѣ сухопутной границы. Табакъ же—самый удобный предметъ для переноса и утайки.

При бандерольной системѣ повидимому контрабанда и корчемство должны играть ту-же роль, но это только повидимому, такъ какъ при бандерольной системѣ съ контрабандой борется не одна таможенная стража, но и фабриканты, удовлетворяющіе самымъ разнообразнымъ вкусамъ потребителей, между тѣмъ какъ монополія, нигдѣ недѣлающая и неимѣющая возможности дѣлать хорошіе табакъ, будетъ заставлять потребителей искать табакъ для удовлетворенія своихъ привычекъ.

Во Франціи для борьбы съ контрабандой образованы три зоны или полосы, въ чертѣ которыхъ табакъ продается по пониженнымъ цѣнамъ, и, несмотря на это, контрабанда была такая громадная въ первое время по введеніи монополіи, что доходъ съ табака держался въ одной цифрѣ, около 40 милліоновъ франковъ, втеченіи 20 лѣтъ, безъ всякаго увеличенія, несмотря на экономическое развитіе страны, приростъ населенія, вездѣ замѣченное увеличеніи куренія и пр. Въ слѣдующіе затѣмъ 20 лѣтъ до 1851 года доходъ достигъ 95 милліоновъ франковъ и въ 1884 году 377 милліоновъ франковъ, т. е. пачиная съ 1831 по 1851 годъ увеличеніе дохода составляло въ среднемъ 2½ милліона въ годъ, а съ 1851 до 1884 года по 8½ милліоновъ франковъ въ годъ.

Такой высокой доходъ съ табака при табачной монополіи и составляетъ ея привлекательную сторону. Доходъ отъ табачной регалии получается дѣйствительно вездѣ очень значительный, кромѣ Турціи, гдѣ монополія дала за 2 года 14% убытка, и Сербіи, гдѣ система эта потерпѣла тоже полное фіаско и будетъ замѣнена другой. Первое мѣсто по доходу отъ монополіи занимаетъ Франція: въ ней получается валового сбора 2 р. 48 к. и чистаго 1 р. 99 к. съ души; въ Австріи—валового сбора 1 р. 93 к. и чистаго 1 р. 24 к. съ души, въ Италіи валового сбора 1 р. 48 к. и чи-

стаго 1 р. 6 к. съ души, въ Румыніи валового сбора 1 р. 41 к. и чистаго 96 к. съ души. Слѣдовательно, въ среднемъ, во всѣхъ государствахъ, кромѣ Франціи, получается валового сбора около 1 р. 50 к., а во Франціи около 2 р. 50 к. съ души,—приэтомъ расходы взиманія и цѣнность табака стоятъ вездѣ около 45 к. на душу и только въ Австріи обходятся 69 к. съ души.

Во всѣхъ поименованныхъ выше странахъ табаководство очень ограничено и далеко не удовлетворяетъ внутренней потребности: Франція покупаетъ иностраннаго табаку 56%, Австрія около 91%, Италія 75% и только одна Румынія покупаетъ иностраннаго табаку лишь 15%, но надолго-ли—это неизвѣстно, такъ какъ монополія въ Румыніи введена только въ 1879 году послѣ откупа. Единственная страна, имѣющая табачную монополію и въ то-же время большое табаководство— это Венгрія, и въ ней чистый доходъ составляетъ всего около 66 к. на душу. Но въ этой странѣ покровительствуется табаководство, и въ ней собирается до сихъ поръ до 3.660,000 пуд. табаку.

Изъ этого видно, что монополія даетъ большіе доходы въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ табаководство крайне ограничено, въ странѣ же, какъ Венгрія, гдѣ табаководство поощряется, доходъ монополіи не представляетъ ничего исключительнаго.

Бандерольная система въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ дала въ 1881—1882 гг. чистаго дохода 1 р. 20 к. съ души и теперь послѣ значительнаго пониженія налога все-таки даетъ 87 к. съ души. Эти данныя вполне доказываютъ, что бандерольная система выдерживаетъ вполне по доходу сравненіе съ монополіей во всѣхъ странахъ, кромѣ Франціи. Въ то-же время въ Америкѣ существуетъ огромное табаководство въ размѣрѣ 236,500 десят. и собирается до 13 милліон. пуд. табаку.

Слѣдовательно преимущество монополіи предъ бандерольной системой въ смыслѣ большей доходности и эластичности выразилось только въ одной Франціи, именно тѣмъ, что французская регалія поставила себѣ задачей отучить французовъ отъ всѣхъ другихъ сортовъ табака и заставить ихъ курить табакъ, фабрикуемый регаліей. Такая система стоила очень дорого. Франція ей пожертвовала табаководствомъ, по ея винѣ доходъ съ регаліи держался въ одной цифрѣ въ теченіи 20 лѣтъ, но въ настоящее время Франція обладаетъ системой взиманія налога съ табака, крайне послушной въ рукахъ администраціи и дающей постоянное увеличеніе дохода.

Но французскую систему никто не рѣшится принять и никто не въ силахъ будетъ выполнить ее на практикѣ, такъ какъ она требуетъ безусловной честности и настойчивости всѣхъ органовъ

адміністраціи и возможна при небольшомъ числѣ плантацій и большой населенности въ странѣ, а потому при возбужденіи вопроса о введеніи табачной регалии взоры обращаются по преимуществу на Австрію и Румынію; эти же страны не представляютъ особыхъ преимуществъ предъ бандерольной системой даже въ смыслѣ дохода, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не выдерживаютъ никакой критики.

Интересно при этомъ разсмотрѣть сравнительныя цифры потребления табака въ государствахъ Европы: въ Австріи 3,4 фунт. на душу, во Франціи 2,3, въ Румыніи 1,8, въ Италиі 1,5 и въ Россіи 1, 4 фунт. Слѣдовательно по потребленію Россія занимаетъ послѣднее мѣсто среди приведенныхъ государствъ; но если принять въ расчетъ еще, что въ Россіи изъ 3.535,417 пуд. потребляемаго табаку 2.663,280 пуд. или 75% всего количества потребляется махорки по 24 к. фунтъ простымъ народомъ, не могущимъ вынести большого налога, то слѣдается яснымъ, что какую бы систему налога на табакъ ни ввели въ Россіи, доходъ казны не можетъ быть очень большимъ, а для постепеннаго и разумнаго увеличенія дохода можетъ вполне служить существующая бандерольная система.

Чтобы выяснитъ мою мысль, необходимо опредѣлить, въ чемъ заключается главная основа табачной монополіи. Главная основа монополіи заключается въ продажѣ низкаго качества табака по высокимъ цѣнамъ и полученіи такимъ способомъ налога, достигающаго до 800% со стоимости фабриката.

Во Франціи весь мѣстный табакъ покупается по цѣнѣ около 7,3 к. фунтъ или 2 р. 92 к. пудъ; иностранный табакъ покупается въ среднемъ по 14 к. фунтъ или 5 р. 60 к. пудъ. Такимъ образомъ фунтъ смѣшаннаго табаку стоитъ во Франціи 11 к.; расходы администраціи и фабрикаціи составляютъ на фунтъ 9,3 к., слѣдовательно 1 ф. табаку стоитъ казнѣ 20,3 коп., а продается за вычетомъ 10,6% торговцамъ по средней цѣнѣ 1 р. 5 к. (цѣны 2-ымъ сортамъ 1 р. 30 к. и 1 р. 4 к. или 2 ф. — 2 р. 34 к. — 20,5 коп. уступки торговцамъ = 2 р. 9½ к. 2 фунта или 1 руб. 5 коп. фунтъ), что составитъ 400% налога. Отдѣльно же низшій сортъ стоитъ не болѣе 12,5 коп. фунтъ и слѣдовательно обложенъ 800% налога.

Еслибы въ Россіи можно было продавать махорку по 1 руб. 4 коп., цѣна низшаго сорта во Франціи, то казна получила бы дохода съ одной махорки—1 р. 04 к.—12,5 к. (% торговцамъ) = 91,5 коп.—15 коп. стоимость табака = 76,5 к. $\times$ 100.000.000 жителей = 76.500.000 рублей. Прибавивши же доходъ съ высшихъ сортовъ табака, получимъ болѣе 100 милліоновъ руб. при

потребленіи 1,4 фунта на душу; если же увеличить потребленіе до нормы Франціи, то получимъ около 200 милліоновъ, т. е. то, что даетъ Франція, 2 р. съ души. Вопросъ только въ томъ, вынесетъ-ли русскій народъ такой сборъ? На это всѣ отвѣтятъ: нѣтъ, не вынесетъ. Слѣдовательно дѣло не только въ системѣ налога, но и въ степени благосостоянія народа и размѣрахъ потребленія табака въ странѣ.

Но почему же Румынія даетъ 96 коп. съ души чистаго дохода? Потому, что Румынія гораздо богаче Россіи, безпорно самой бѣдной страны въ Европѣ, если принять во вниманіе климатическія и географическія условія и малонаселенность, эти страшныя тормазы экономическаго и политическаго развитія народа.

Самая близкая къ Россіи страна въ Европѣ—это Венгрія, но и та, разумѣется, имѣетъ громадное предъ Россіей преимущество въ климатѣ и почвѣ, если сравнивать Россію въ ея цѣломъ. Венгрія напр. при 17 милліонахъ жителей собираетъ столько же табака, сколько Россія при 100 милліонахъ жителей, а вина и скота вывозитъ навѣрно болѣе, чѣмъ Россія. У насъ есть сходныя черты съ Венгріей въ природныхъ условіяхъ земледѣлія и въ его значеніи, какъ главномъ заработкѣ народа. Отсюда можно придти къ выводу, что и степень благосостоянія русскаго народа имѣетъ извѣстное соотношеніе со степенью благосостоянія венгерскаго народа, а потому размѣръ налога на табакъ въ Венгріи 66 коп. съ души можетъ служить нѣкоторой нормой налога на табакъ у насъ.

Такого приблизительно размѣра налога на табакъ можно, я думаю, достигнуть и въ Россіи, при бандерольной системѣ, не подрывая табаководства и свободной фабрикаціи въ странѣ, не затрачивая по меньшей мѣрѣ 150 милліоновъ рублей на выкупъ фабрикъ, устройство новыхъ фабрикъ и покупку запасовъ табака, машинъ и пр. и не создавая новой арміи чиновниковъ. Для этого нужно только основательно изучить фабрикацію табака въ Россіи и установить затѣмъ такія шахм'альныя цѣны на табакъ, при которыхъ прибыль фабриканта и уступка торговцамъ были бы поставлены въ правильныя границы.

Бандерольная система имѣетъ въ себѣ много рациональнаго. Она оставляетъ свободными культуру табака, его фабрикацію и торговлю и облагаетъ табакъ въ моментъ его поступленія къ потребителю, т. е. въ моментъ, самый удобный для обложенія. Система эта доказала, что въ ряду другихъ практикуемыхъ способовъ взиманія налога съ табака, за исключеніемъ монополіи, она приноситъ наибольшій доходъ казнѣ. На этомъ основаніи нужно признать, что бандерольная система, существующая только въ Рос-

сія и Америкѣ,—самая лучшая система взиманія налога съ табака, такъ какъ она удовлетворяетъ вмѣстѣ и теоретическимъ и практическимъ требованіямъ. Интересная особенность этой системы, дающая ей большую эластичность, это опредѣленіе maximum'a продажной цѣны фабрикатовъ. Условіе это очень важно, такъ какъ оно устраняетъ возможность надбавки въ пользу фабриканта при возвышеніи налога и даетъ администраціи средства облагать населеніе только на сумму налога, качество же табака, насчетъ котораго фабрикантъ можетъ увеличить свой доходъ, регулируется весьма сильной конкуренціей.

Министерство финансовъ имѣетъ предубѣжденіе противъ бандерольной системы и много лѣтъ уже пытается перейти къ монополіи, возлагая на послѣднюю преувеличенныя, какъ мнѣ кажется, надежды и вѣря, что оно съумѣетъ и при монополіи охранить табаководство и его развитіе.

Неизвѣстно, оправдается-ли вѣра и исполнятся-ли надежды, а между тѣмъ монополія уничтожитъ цѣлую промышленность, имѣющую большую будущность, и замѣнитъ привычную бандерольную систему казенной регалией, всегда и вездѣ возбуждавшей нареканія и ропоть.

Въ виду этого, я предлагаю воспользоваться срокомъ, назначеннымъ г. министромъ финансовъ до 1 января 1889 года, и сдѣлать въ это время опытъ увеличенія сбора съ табака путемъ примѣненія моего предложенія, что не представитъ никакихъ затрудненій, такъ какъ всѣ предлагаемыя мною мѣры только подготавливаютъ министерство къ переходу къ монополіи, а въ случаѣ успѣха могутъ и остановить введеніе ея въ Россію, гдѣ самое слово „монополія“ возбуждаетъ невольный трепетъ въ сердцахъ.

Русское министерство финансовъ сдѣлало очень важный шагъ въ улучшеніи бандерольной системы—это подчиненіе обложенію акцизомъ 2½ миллионъ пудовъ махорки, и если оно пойдетъ дальше въ томъ-же направленіи, то безспорно достигнетъ хорошихъ результатовъ.

Мы всѣ согласны въ томъ, что необходимо найти новые источники государственнаго дохода, согласны и въ томъ, что табакъ, приносящій государству 22 милліона рублей, долженъ непременно дать больше дохода (приэтомъ мы видѣли, что табачная монополія вездѣ даетъ очень большой доходъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выяснили уже, что табачная монополія имѣетъ крупныя недостатки: она нарушаетъ принципъ разграниченія государственной и частной дѣятельности, она уничтожаетъ возможность развитія табаководства въ странѣ, она лишаетъ потребителей табака возможности удовлетворять своимъ вкусамъ, она создаетъ источ-

никъ новыхъ столкновений частныхъ лицъ съ чиновниками государства, создаетъ новый видъ преступлений и массу контрабандистовъ и корчемниковъ.

Вслѣдствіе такихъ опасеній мы задаемся вопросомъ, нельзя-ли, не вводя монополію, настолько улучшить существующую бандерольную систему, чтобы сдѣлать табакъ источникомъ серьезнаго дохода, близкаго, положимъ, къ доходу, получаемому въ Венгріи, т. е. до 60 милліоновъ рублей или 60 к. съ души. Я смѣло утверждаю, что это совершенно возможно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Мы выяснили причины большой доходности монополей системы и указали на недостатки системы бандерольной. Принявъ во вниманіе всѣ изложенныя выше данныя о выгодныхъ и невыгодныхъ сторонахъ обѣихъ системъ, мы можемъ примѣнить къ бандерольной системѣ выработанныя монополіей основанія и такимъ образомъ внести въ нее необходимыя поправки и дополненія.

Контроль за плантаціями долженъ быть устроенъ возможно правильно, чтобы весь табакъ съ плантацій поступалъ на фабрики. Отъ такого контроля безспорно послѣдуетъ сокращеніе плантацій на 5 или на 6 тысячъ десятинъ, но такъ какъ культура табака все-таки будетъ свободна, и табакъ будетъ покупаться не казной, а фабрикантами по произвольнымъ цѣнамъ, то уменьшенное число плантацій скоро возстановится въ болѣе благопріятныхъ для нихъ мѣстностяхъ, и культура табака, т. е. улучшеніе его качества, не встрѣтитъ никакихъ препятствій къ развитію.

Фабрики должны находиться подъ строгими надзоромъ и учетомъ, причемъ налогъ на каждый сортъ табака долженъ быть такъ рассчитанъ, чтобы фабриканту и торговцу оставалась прибыль, соответствующая расходамъ на фабрикацію и на торговлю при монополіи. На этомъ основаніи, на махорку, при максимальной продажной цѣнѣ 24 к. фунтъ, можно-бы назначить налогъ вмѣсто теперешнихъ 4—8 к. по слѣдующему расчету: изъ 24 к. слѣдуетъ торговцу 15% или 3,6 к. и фабриканту 12,4 к.—остаются свободными 8 к.; фабриканту совершенно довольно 12, 4 к. за фунтъ или 4 р. 96 к. за пудъ, такъ какъ это вполне подтверждается расчетомъ фабрикаціи—табакъ стоитъ 5 к., фабрикація, этикетки 2 к., административные расходы 1 к., прибыль 4,4 коп. и такъ какъ теперь большая часть фабрикъ продаютъ махорку по цѣнѣ, близкой къ пяти руб. и даже ниже.

Махорка продается оптовымъ торговцамъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

	Прессован.		Крошен.		Сырой табакъ.				
	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	ДО	РУБ.	КОП.
Въ Ромнахъ.	5	60	6	—	1	50	„	2	50
Фабр. Кіевскія	5	—	5	40	1	50	„	2	50

	Прессован.		Крошен.		Сырой табакъ.				
	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	ДО	РУБ.	КОП.
Фабр. Харьковскія .	5	20	5	60	—	—	"	—	—
" Ростовскія . .	5	80	6	20	—	—	"	—	—
" Ярославскія .	6	60	7	—	—	—	"	—	—
" Костромскія .	6	40	6	80	—	—	"	—	—
" Елецкія. . . .	5	20	5	60	—	—	"	—	—
" Курскія. . . .	5	—	5	40	—	—	"	—	—
" Острогорскія.	4	60	5	—	—	50	"	1	50
" Моршанскія .	5	40	5	80	—	80	"	2	—
" Козловскія . .	4	60	5	—	—	80	"	2	—
" Тамбовскія . .	4	60	5	—	—	80	"	2	—
" Усманьскія . .	4	20	4	60	—	50	"	1	50
" Старога Оскола	4	20	4	60	—	—	"	—	—

Если же увеличить продажную цѣну махорки по проекту министра финансовъ до 28 к. за фунтъ и до 32 к. при продажѣ восьмушками, что въ дѣйствительности равняется увеличенію цѣны на весь табакъ до 32 к., то налогъ можно возвысить не на 8 к., какъ предлагаетъ министерство, а на 14 к. ($32 - 4,8 = 27,2 - 13,2$ фабр. = 14 коп.), т. е. получить дохода съ одной махорки до 14 милліон. рублей.

При такой пропорціи налога мы достигаемъ того, что торговцы получаютъ 15% вмѣсто 25—30%, а фабрикація со всѣми расходами будетъ стоить столько-же, сколько и во Франціи при монополіи. То-же самое затѣмъ нужно сдѣлать и по отношенію къ другимъ сортамъ табака: такъ, на III сортъ можно было бы смѣло увеличить налогъ на 3 к. при настоящей продажной цѣнѣ въ 40 коп. и на 10 к. при цѣнѣ въ 48 к., на II сортъ можно увеличить налогъ до 60 к. при сохраненіи цѣны 1 р. 44 к., а на I сортъ возвысить налогъ до 90 к.

Такое увеличеніе на II и III сорта отозвалось бы на качествѣ табака и могло бы вредно повліять на табакорводство, еслибы не существовалъ табакъ I сорта, продаваемый любителямъ и знатокамъ по всѣмъ цѣнамъ отъ 2 до 12 р. за фунтъ. При такой организаціи бандерольной системы, я вполне увѣренъ въ возможности въ скоромъ времени увеличить доходъ съ табака до 50 и даже 60 милліоновъ рублей, несмотря на общій экономическій застой въ Россіи, такъ какъ увеличеніе дохода главнымъ образомъ основано не на возвышеніи сборовъ съ народа, а на улучшеніи системы взиманія самаго налога.

При предложенномъ теперь министерствомъ финансовъ размѣрѣ продажныхъ цѣнъ на разные сорта табака можно-бы получить, руководствуясь моими расчетами, не 8½ милліон. рублей, какъ предполагаетъ министерство, а около 17 милліон. рублей, именно:

	Налогъ:	Продажи. цѣна:	Увеличеніе:
Курительный I сортъ — р. 90 к.		Произвольн.	931,000 р.
„ II „ — „ 60 „		1 р. 44 к.	3.617,318 „
„ III „ — „ 22 „		— „ 48 „	720,322 „
Нюхат. съ фунта . . . — „ 60 „		— „ — „	22,136 „
Папиросы I сортъ. . 2 „ — „		— „ — „	1.109,286 „
„ II „ 1 „ 20 „		— „ — „	416,000 „
Сигары . . . . . 10 „ — „		— „ — „	142,000 „
Махорка. . . . . — „ 14 „		— „ 32 „	10.316,520 „
			<hr/>
			17.274,532 р.

Единственное измѣненіе въ продажныхъ цѣнахъ противъ цѣнъ министерства сдѣлано мною на махорку вмѣсто 28 к.—32 к., но въ дѣйствительности министерство само говоритъ, что для махорки, продаваемой въ восьмучечныхъ помѣщеніяхъ, придется назначить цѣну въ 32 к., такъ какъ при раздѣленіи 28 на 8 не получается цѣлаго числа копѣекъ. Повѣрно, что при разрѣшеніи продавать осьмушки по 32 к. за фунтъ, весь табакъ потребители получатъ за 32 к., а казна выручитъ 8 коп., которые она легко можетъ получить при цѣнѣ даже 24 к. за фунтъ.

При такомъ измѣненіи налога доходъ съ табака возвысится до 40 милліоновъ. Въ процентномъ отношеніи налогъ составитъ на II сортъ 100%, на махорку тоже около 100%, если исключить ранѣе уступку торговцамъ.

Затѣмъ, при установленіи правильнаго контроля за плантаціями, необходимо должна выясниться крупная невѣрность или въ количествѣ десятины плантацій или въ количествѣ собираемаго табака. Въ Россіи въ 1885 г. съ 50—759 десятинь плантацій собрано 3.275,479 пуд., т. е. по по 64,5 пуд. съ десятины въ среднемъ, между тѣмъ во всѣхъ почти странахъ сборъ табака съ десятины составляетъ около 100 пуд. (во Франціи 98,7 пуд., въ сѣверной Германіи 96 пуд., въ южной Германіи 105,3), а въ Россіи средній урожай долженъ-бы быть еще выше, такъ какъ въ ней главнымъ образомъ (75%) производится махорка, табакъ очень тяжелый, котораго получается въ среднемъ около 150 пуд. съ десятины. Въ виду этого я полагаю, что если даже принять во вниманіе развитіе въ послѣднее время табакводства высшихъ сортовъ въ Бессарабіи, Крыму и Кавказѣ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что десятина должна давать въ среднемъ не менѣе 80 пуд., и сборъ табака долженъ-бы быть въ 4.060,000 пуд. т. е. на 800,000 пуд. болѣе, чѣмъ теперь заявляется, которые при ихъ развѣсканіи должны дать налогомъ 4½ мил. руб. Затѣмъ, если всѣ предположенія оправдаются и установится над-

зоръ за плантаціями, то можно будетъ современемъ еще поднять цѣну на махорку до 40 в., увеличивъ въ то же время налогъ на 7 в., чрезъ что сборъ возвысится еще на 9 мил. руб. и такимъ образомъ достигнетъ почти 60 милліоновъ.

При дальнѣйшей разработкѣ вопроса можно-бы предложить еще нѣкоторыя измѣненія въ системѣ, которыя установятъ въ ней большую правильность и поднимутъ еще выше доходность.

Вотъ выводы, къ которымъ я пришелъ послѣ долгаго и серьезнаго изученія табачнаго вопроса и изслѣдованія монополюющей системы, произведеннаго мною въ Австріи и Франціи. Въ заключеніе я резюмирую главныя положенія.

Табачная регалія есть нравственное и экономическое зло, она сократитъ наше табаководство и убьетъ развитіе культуръ табака, она лишитъ заработка нѣсколько сотенъ тысячъ семействъ, она дастъ скверный табакъ милліонамъ потребителей и создастъ цѣлую армію контрабандистовъ. Даже по отношенію къ доходу, монополія можетъ неполнѣ отвѣтить ожиданіямъ, такъ какъ потребуетъ значительнаго капитала при введеніи, неминуемо уменьшитъ потребленіе табака и вызоветъ огромные расходы на взиманіе налога вслѣдствіе неопытности чиновниковъ, злоупотребленій и борьбы съ контрабандой.

Бандерольная система безъ всякой ломки и нарушенія экономическаго строя можетъ легко дать 50 или 60 милліоновъ руб. государственнаго дохода при самыхъ ничтожныхъ расходахъ на его взиманіе и при сохраненіи свободы культуры табака, его фабрикаціи и торговли.

Вслѣдствіе всего этого было бы непростительно навязывать Россіи табачную монополію, не испытавъ всѣхъ средствъ къ улучшенію бандерольной системы и не убѣдившись окончательно и безповоротно, что при этой системѣ дѣйствительно невозможно соответственное и постепенное увеличеніе государственнаго дохода съ табака; а такого убѣжденія нѣтъ и быть не можетъ.

Другіе государства имѣли основаніе вводить монополію на табакъ, потому что не владѣли бандерольной системой и не знали ея силы, но мы имѣемъ эту систему и не хотимъ изучить ее и разработать, а желаемъ взять готовое изъ-за морей.

Но, твердо вѣря, что бандерольная система можетъ дать полное удовлетвореніе государственнымъ требованіямъ, я вѣрю также, что русскій народъ, избавившійся отъ монополіи права владѣнія человекомъ и монополіи вина, избѣгнетъ и монополіи табака, которая погубитъ цѣлую промышленность, разоритъ массу людей и создастъ новый источникъ злоупотребленій и преступленій.

Евгеній Рагозинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Общественная гигиеническая библиотечка. Выпускъ первый. Три яда: табакъ, алкоголь и сифились. — Вліаніе ихъ на здоровье, жизнь, бытъ и на болѣзни человѣка и его потомство. Д-ра медицины *А. И. Ильинскаго*. Москва 1887.

„Излагать науку популярно—не значитъ унижать ее, но дѣлать болѣе понятною и доступною для умовъ, жаждущихъ просвѣщенія“... Таковъ эпиграфъ, предпосланный авторомъ его изслѣдованію. Мы выписываемъ этотъ эпиграфъ и съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ его, какъ фактъ, указывающій на то, что люди науки въ наше время оставляютъ холодныя академическія выси ради „грѣшной земли“, этой темной юдоли, и идутъ на встрѣчу общественнымъ потребностямъ, заставляя науку—какъ и должно быть въ дѣйствительности—служить непосредственно интересамъ массы.

Хорошія рѣчи ведетъ д-ръ Ильинскій, хотя—спору нѣтъ—его рѣчи не новыя, но добрыя, полезныя рѣчи, пока онѣ не дошли до людскаго сознанія, невольно приходится повторять. И д-ръ Ильинскій имѣлъ право еще разъ повторить слова: „Да погибнетъ Карфагенъ“!.. Онъ рисуетъ передъ читателемъ страшную картину послѣдствій для человѣческаго организма куренія табаку, пьянства и сифилиса. Мы остановимся на первой главѣ, посвященной табачному яду (никотину). Никотинъ—одинъ изъ сильнѣйше дѣйствующихъ ядовъ; $\frac{1}{2}$ капли его убиваетъ собаку, кошку, а 2 капли убиваютъ такихъ большихъ животныхъ, какъ корова и лошадь.

Куреніе табаку прежде всего вредно отражается на процессѣ и органѣ дыханія. При дыханіи творится новая кровь, способная къ поддержанію жизни; назначеніе легкихъ—вдыхать только чистый воздухъ, содержащій въ себѣ кислородъ, необходимый для обновленія крови. Курильщики же вмѣсто того, чтобы вдыхать легкими самою природою назначенный чистый воздухъ, дышатъ воздухомъ, насыщеннымъ табачнымъ дымомъ или же, при „затягиваньи“, прямо табачнымъ дымомъ *). Умѣренный курильщикъ,

*) „Вата гаванна“, приготовляемая г. Розенблатомъ, будто бы нейтрализующая никотинъ—ничто иное, по словамъ автора, какъ неудачная попытка, такъ какъ изъ дыма, прошедшаго черезъ эту вату, можно добыть никотинъ: если этотъ дымъ пропустить черезъ воду, подкисленную сѣрною кислотой, то образуется сѣрчokokислый никотинъ, а слѣд. слой ваты не истребляетъ никотина.

предположимъ, выкуриваетъ въ день 20 папирозъ (нынѣ, какъ извѣстно, самый распространенный способъ употребленія табаку въ папирозахъ), что составить въ годъ 7300 штукъ; если принять во вниманіе, что куреніе начинается съ 20-лѣтнаго возраста и если считать средній предѣлъ жизни человѣка 50 лѣтъ, то окажется, что 30 лѣтъ нашъ предполагаемый „умѣренный“ курильщикъ сожжетъ болѣе 200,000 папирозъ. Изъ 1 фунта табаку выходитъ 500 папирозъ (какъ печатается на фабричной обложкѣ папирозныхъ ящиковъ), слѣд., курильщикъ истребитъ втеченіи жизни 400 фунт., т. е. 10 пудовъ табаку. А изъ 10 пудовъ табаку, какъ доказываютъ изслѣдованія, можно добыть болѣе 2 фунтовъ чистаго никотина, того самого яда, двухъ капель котораго за одинъ приемъ совершенно достаточно для того, чтобы убить быка. Если даже допустить, что при сгораніи табаку половина или даже болѣе значительная часть указаннаго количества никотина улетучивается, то все-таки и малый остатокъ этого яда не можетъ быть безъ вреда воспринять человѣческимъ организмомъ. Курильщикъ отравляется незамѣтно, ибо отравляется мало-помалу, постепенно, изо дня въ день... А если принять въ расчетъ, что курильщики, обыкновенно, не ограничиваются 20-ю папирозами въ день, но истребляютъ ихъ штукъ 30 — 40 и болѣе, то выше приведенный расчетъ значительно измѣнится и картина получится еще болѣе мрачная.

Въ человѣческомъ организмѣ, какъ въ машинѣ, нельзя ни одной части привести въ разстройство безнаказанно, т. е. безъ того, чтобы это разстройство не отразилось гибельно на цѣломъ. Нашъ организмъ устроенъ превосходно, образцовымъ манеромъ; онъ въ высшей степени деликатенъ и въ то-же время устойчивъ и проченъ, легокъ и въ то-же время способенъ оказывать громадное сопротивленіе вѣшнимъ неблагоприятнымъ вліяніямъ. Природа лѣчитъ тѣ раны, которыя она сама наноситъ, но, какъ вѣрно замѣтилъ Фейхтерслебенъ, если человѣкъ дѣлаетъ себѣ вредъ по своей волѣ, то природа не будетъ жалостлива къ нему...

При куреніи слюнные железы и поджелудочная железа усиленно отдѣляютъ слюну, а потому пища не только при жеваніи остается невоплотѣ приготовленною, но и въ желудкѣ пищевареніе будетъ невоплотѣ правильно, потому что отдѣленіе поджелудочной железы, излишне и не во-время потраченное, не будетъ участвовать въ пищевареніи, отчего и превращеніе извѣстныхъ веществъ не совершится надлежащимъ образомъ; если же поджелудочная железа и дастъ достаточно своей жидкости во время пищеваренія, то сама она отъ чрезмѣрной, усиленной дѣятельности станетъ ослабляться, атрофироваться (уменьшаться въ объемѣ) и пищевареніе рано или поздно сдѣлается валымъ, труднымъ, болѣзненнымъ; отсюда—хроническіе катарры желудка, которыми такъ часто страдаютъ курители табаку. Легкія при куреніи, какъ уже сказано, прежде всего заболѣваютъ, такъ какъ нарушается правильное питаніе самой легочной ткани, а вслѣдствіе этого разстройства происходитъ катарральное состояніе, которое и принимаетъ мало-помалу хроническій характеръ. Вслѣдствіе этого затажного катарра у курильщиковъ образуется воздушная опухоль легкыхъ (эмфизема), а подъ вліяніемъ ея начи-

нается усиленная работа правой половины сердца, и эта часть сердца расширяется; страданіе правой половины сердца неизбежно влечетъ за собой и болѣзнь лѣвой половины сердца, является одышка,—и такимъ образомъ центральный органъ кровообращенія разстраивается въ конецъ. Разстройства пищеваренія, дыханія и кровообращенія не могутъ въ свою очередь пройти безслѣдно для нервной системы: отправления спинного и головного мозга также приходятъ въ безпорядокъ,—а отсюда уже всевозможныя нервныя болѣзни и даже помраченіе умственныхъ способностей...

Кромѣ этихъ общихъ органическихъ разстройствъ вслѣдствіе куренія табаку, появляются мѣстныя заболѣванія, получающія иногда также грустный исходъ. Такъ, напр., зубная эмаль трескается и зубы быстро портятся, на губахъ и на языкѣ образуются ссадины, трещины, язвы, а иногда даже эпителиальная карцинома (т. е. по просту—„ракъ“). Наконецъ, отъ табачнаго дыма заболѣваютъ глаза, зрѣніе слабѣетъ, и человѣкъ иногда совсѣмъ слѣпнетъ.

Д-ръ Ильинскій, указавъ на вредъ куренія, разбираетъ весьма основательно и тѣ предрасудки, что существуютъ по поводу табаку. Такъ, нѣкоторые думаютъ, что употребленіе табаку, уменьшая чувство голода, можетъ служить какъ-бы подспорьемъ питанію. Но это, конечно, большая ошибка. Куреньемъ можно только на время обмануть желудокъ, но обманывать не значитъ удовлетворять его. Также точно неосновательно повѣрье, что жеваніе табаку будто-бы предохраняетъ отъ развитія скорбута, ибо скорбутъ—не болѣзнь десенъ, а болѣзнь крови, вслѣдствіе которой и появляются сыпи, разрыхленіе десенъ, кровоточивость ихъ и т. д. Неосновательны также предположенія о томъ, что табакъ служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ заразныхъ болѣзней, что куреніе его будто-бы развеселяетъ человѣка, возбуждаетъ мозгъ, способствуетъ проявленію охоты къ умственной работѣ, что нюханіе табаку лѣчитъ болѣзни носа, боли головы, слабость зрѣнія, различныя нервныя припадки и др. болѣзни.

Эти нелѣпыя мнѣнія держались очень долго да не вымерли окончательно и до сего дня. Возникли они въ ту пору, когда табакъ впервые появился въ Европѣ, вскорѣ послѣ открытія Америки, когда Jean Nicot, французскій посолъ при португальскомъ дворѣ, привезъ табачныя листья королевѣ Еватеринѣ Медичи въ 1559 г. Врачи того времени—какъ, признаться, и нынѣшніе врачи—были падки на новинку, схватились за новое, неизвѣстное имъ растеніе и начали рекомендовать нюханіе его, какъ модное лѣченіе, отъ всѣхъ болѣзней. Поэтому, табакъ и называли тогда „herbe propre à tous les maux“ (трава отъ всѣхъ болѣзней), „herba divina“ (божественная трава), „heilige Wundkraut“ (святая трава) и т. под. При младенческомъ состояніи медицинской науки въ то время, врачи не знали даже состава табаку, который былъ изслѣдованъ лишь въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія профессоромъ брюссельскаго университета Стасомъ по поводу процесса графа Бокармэ, въ Парижѣ, отравившаго никотиномъ, имъ самымъ добытымъ, своего зятя, Густава Фуни. Врачи XVI столѣтія съ азартомъ рекомендовали табакъ отъ всевозможныхъ болѣзней, и эти „патентованные“ невѣжды немало

способствовали распространению вѣры въ благодѣтельную силу табачнаго яда. Это повѣрье, въ видѣ анахронизма, сохранилось и до нашихъ дней вслѣдствіе „неизбѣжнаго закона преданія, преемственности и наслѣдованія отъ предковъ дурныхъ привычекъ, съ которыми вмѣстѣ наслѣдуются и вселяются въ потомствѣ и самыя болѣзни предковъ“.

Г. А. Ильинскій, конечно, говоритъ дѣло... Если даже и допустить съ его стороны нѣкоторое преувеличеніе, если даже принять въ расчетъ, что часть никотина при сгораніи табаку уничтожается, то все-таки должно признать, что табачный ядъ—даже и въ менѣе значительныхъ дозахъ,—безъ нужды вводимый нами въ организмъ, не можетъ не оставить по себѣ вредныхъ послѣдствій. Все это—такъ, все это—совершенно вѣрно, всѣ эти рѣчи—истина святая, но тѣмъ не менѣе, при чтеніи книги д-ра А. Ильинскаго намъ невольно думалось:

«И погромче насъ были витія,
Да не сдѣлали пользы перомъ...»

И далѣе намъ думалось: а самъ-то авторъ, работая надъ своимъ изслѣдованіемъ табачнаго яда, не „отравлялся“ ли папиросами или сигарами и не запивалъ ли злокачественный табачный дымъ стаканомъ не менѣе злокачественнаго (подкрашеннаго) бѣлаго или краснаго вина?..

Развитіе женскаго образованія. Историческій очеркъ *Владимира Овцына*. Спб. 1887. Авторъ въ своемъ сжатомъ и толковомъ очеркѣ представилъ то поступательное движеніе, какое сдѣлалъ въ наше время такъ называемый „женскій вопросъ“. Онъ далъ поучительную картину той борьбы и тѣхъ усилій, съ какими женщины XIX столѣтія завоевывали себѣ право высшаго образованія и какъ, наконецъ, въ большинствѣ государствъ европейскихъ—за исключеніемъ Турціи и Германіи—онѣ завоевали это право.

Право образованія—не привилегія, не награда за поведение: каждый человѣкъ имѣетъ на образованіе такое-же неотъемлемое, прирожденное, „естественное“ право, какъ право на воздухъ или на землю. Если же до сего времени одна половина человѣческаго рода была лишена этого права, то только потому, что въ средѣ другой половины человѣческаго рода, узурпировавшей въ свое исключительное пользование право образованія, образованіе было недостаточно распространено.

Издавна сложилось убѣжденіе, что „всякій серьезный трудъ противорѣчить физиологическимъ особенностямъ женскаго организма“, замѣчаетъ авторъ, противорѣчить естественному назначенію женщины—быть женою, матерью, прародительницею будущаго человѣчества. Но странное дѣло! — подобныя физиологическія законы примѣнялись, обыкновенно, лишь къ самому незначительному меньшинству женщинъ, т. е. женщинъ, принадлежащихъ къ зажиточнымъ классамъ; при видѣ же деревенской бабы, работавшей въ полѣ наравнѣ съ мужикомъ, никто и не думалъ о противорѣчій со стороны этой крестьянки „ея естественному назначенію“. Пока женщина вмѣстѣ съ мужчиной работала въ полѣ, на фабрикѣ или на заводѣ,—добрые люди нимало не опасались ни за ея организмъ, ни за потерю женственности, ни за будущность человѣчества вообще. Когда же женщины захотѣли

наравнѣ съ мужчинами потрудиться и на другихъ поприщахъ, задумали быть врачами, учительницами, учеными,—тутъ вдругъ поднялся великій шумъ и пошли рѣчи о нарушении „законовъ природы“, объ искаженіи женской природы и т. д. А между тѣмъ въ этомъ случаѣ женщины „нашего круга“, пожелавъ раздѣлять трудъ мужчины, добивались лишь того, что уже исповонъ вѣковъ было житейской необходимостью и обязанностью для женщины изъ народа.

Конечно, и прежде встрѣчались женщины высокообразованныя, женщины—ученыя, но онѣ являлись, какъ исключенія, какъ счастливыя случайности; эти выдающіяся женщины появлялись и исчезали; у нихъ не было непосредственныхъ предшественницъ и послѣдовательницъ, — т. е. не выработалось тѣхъ традицій и преемственности, безъ которыхъ никакая культура немыслима. Такъ, напр., одна итальянка Бетизія Гаццедина, окончившая курсъ въ Болоньи, въ 1209 г. получила дипломъ доктора правъ. Въ средніе вѣка въ университетахъ Падуи, Болоньи, Милана и Павіи многія женщины получили дипломы врачей. Въ XVI столѣтіи испанка Оливія Сабукко была извѣстна своими блестящими познаніями въ медицинѣ и въ 1588 г. напечатала въ Мадридѣ свои научные труды. Въ XVII вѣкѣ Анна Моранди-Маццоліни занимала катедру анатоміи въ болонскомъ университетѣ. Въ 1788 г. Марія Петраччини получила докторскій дипломъ во Флоренціи, и впослѣдствіи, выйдя замужъ за Феррети, написала сочиненіе о дѣтской гигиенѣ. Дочь ея кончила курсъ въ болонскомъ университетѣ и получила дипломъ врача и т. д. Но все это были лишь свѣтлыя точки, загоравшіяся и затѣмъ пропадавшія безслѣдно. Только современной женщинѣ—вмѣсто разрозненныхъ явленій—удалось установить преемственность и традицію въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія.

Съ особенною любовью и настойчивостью женщины стремятся къ занятію медициной, которая во всѣ время, у всѣхъ народовъ, охотно предоставлялась ихъ вѣдѣнію...

Правительство маленькой гористой страны, ассигнующей ежегодно на народное образованіе половину своихъ государственныхъ доходовъ, первое гостепріимно раскрыло для женщинъ двери своихъ университетовъ. Цюрихскій университетъ не забудетъ забыть въ исторіи развитія женскаго образованія... Когда въ 1870 г. вюрцбургскій университетъ сдѣлалъ запросъ цюрихскому насчетъ учившихся тамъ женщинъ, то цюрихскіе профессора дали самый лучший отзывъ о посѣщеніи слушательницами лекцій и объ ихъ практическихъ занятіяхъ въ лабораторіяхъ, въ анатомическихъ и физическихъ кабинетахъ, гдѣ женщины выполняли свои работы съ замѣчательнымъ умѣньемъ и стараньемъ. Присутствіе студентовъ на лекціяхъ одновременно съ студентками—по свидѣтельству профессоровъ—не только не вызвало никакихъ непріятностей, но—напротивъ—благоприятно дѣйствовало на самихъ студентовъ. „Профессора указывали также на безупречное поведение всѣхъ женщинъ, посвятившихъ себя изученію университетскаго курса въ Цюрихѣ“.

Такое свидѣтельство профессоровъ, людей вполне компетентныхъ, разумѣется, было весьма важно въ виду грязныхъ сплетенъ, клеветъ и инсинуацій, распускаемыхъ досужими людьми по адресу

учащихся женщинъ... Изъ всѣхъ слушательницъ швейцарскихъ университетовъ половину составляли русскія женщины—не безъ гордости отмѣчаемъ этотъ фактъ, особенно принявъ во вниманіе, что сами швейцарки составляли самый ничтожный процентъ университетскихъ слушательницъ—несмотря на образованіе общее образованіе въ Швейцаріи. Впрочемъ, число нашихъ соотечественницъ въ швейцарскихъ университетахъ съ 1872 г. разомъ сократилось, такъ какъ въ это время въ Петербургѣ были основаны „Женскіе врачебные курсы“ и русскія учащіяся женщины предпочли остаться дома.

Во Франціи законъ никогда не воспрещалъ женщинамъ слушать университетскія лекціи; университетскія аудиторіи для нихъ всегда были открыты, но французенки, въ сожалѣнію, не могли пользоваться ими, такъ какъ были лишены серьезнаго систематическаго образованія. Женщины, до появленія ихъ въ университетскихъ аудиторіяхъ въ 1870 г., получали здѣсь ученныя степени въ „Collège de France“. Нынѣ во Франціи получили сильное развитіе профессиональныя школы системы Элизы Лемонье и подготовительныя школы при фабрикахъ, заводахъ и т. д. Какъ близко къ сердцу принимаютъ нынѣ французы вопросъ о женскомъ образованіи, видно изъ публичной рѣчи бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Ренэ-Гобля, произнесенной имъ 1 авг. 1886 г. при раздачѣ премій въ амьенскомъ женскомъ лицей. Упомянувъ о томъ, какую великую услугу расширенію женскаго образованія во Франціи оказала нынѣшняя республика, Гобль указалъ на многочисленные примѣры проявленія женскаго ума и твердости женскаго характера и въ особенности обратилъ вниманіе на то, что высшее образованіе, занятія въ лабораторіяхъ и анатомическихъ кабинетахъ нимало не лишаютъ женщинъ нѣжности, женственности и другихъ врожденныхъ особенностей женской натуры. „Тѣ, которые предполагаютъ противное, сказалъ министръ, составили себѣ ложныя понятія о женщинѣ и совсѣмъ не знаютъ ея“.

Въ Англіи только послѣ сильной борьбы женщины добились права на высшее образованіе. То имъ разрѣшали слушать публичныя лекціи, то опять запрещали, и, наконецъ, въ концѣ 60-хъ годовъ женщины отвоевали свое право. По университетскому уставу въ 1867 г. женщинамъ, по окончаніи университетскаго курса, разрѣшалось присуждать ученныя степени, и въ University-College женщины допущены на всѣ факультеты. Въ Лондонѣ въ 1869 г. были учреждены двѣ спеціальныя женскія коллегіи. Въ 1870 г. въ университеты Кембриджа, Дублина и Эдинбурга женщины допущены въ званіи студентокъ. Въ эдинбургскомъ университетѣ изъ общаго числа 5 студентокъ 4 внесены были въ почетный списокъ и одна изъ нихъ окончила курсъ *лучше всѣхъ* обучавшихся въ томъ году эдинбургскихъ студентовъ; всѣ эти четыре студентки имѣли право на высшую награду и не получили ея исполнѣ лишь вслѣдствіе противодѣйствія враговъ женской эмансипаціи. Въ 1874 г. открыта новая женская коллегія при кембриджскомъ университетѣ, въ слѣдующемъ году женщины проникли въ Оксфордъ, въ 1876—77 гг.—въ прочіе британскіе университеты, и только позже всѣхъ лондонскій университетъ, въ 1878 г., допустилъ женщинъ въ свои аудиторіи.

Кромѣ того, одинъ гуманный, великодушный челонѣкъ, д-ръ Томасъ Галловэй близъ Лондона — въ мѣстечкѣ Egham, — выстроилъ на свои средства женскій университетъ, потративъ на него около 8 миллюновъ руб. и положивъ еще капиталъ въ лондонскій банкъ на вѣчныя времена—съ тѣмъ, чтобы процентами съ него обезпечивалось содержаніе университета... Зданіе галловэйскаго университета предназначено для общежитія 400 студентокъ; аудиторія, кабинеты, лабораторіи—однимъ словомъ, все въ этомъ зданіи полно удовлетворяетъ и научнымъ потребностямъ и требованіямъ гигиены. Преподаваніе въ университетѣ должно находиться въ рукахъ женщинъ: ректоръ, профессора и всѣ остальные служащіе при университетѣ обязательно должны быть женщины. Университетъ названъ по имени основателя и получилъ титулъ „королевскаго“—The Halloway Royal college. 30 июня 1886 г. королева Викторія почтила своимъ присутствіемъ открытіе женскаго университета.

Въ Италіи, въ 1867 г., 15 университетовъ сдѣлались доступны для женщинъ. Даже въ несчастной Испаніи, поминутно смущаемой всякими pronunciamento, обнищавшей и фанатизированной католическимъ духовенствомъ, двери университетскихъ аудиторій открыты для женщинъ. Австрійская императрица заявила свое полное сочувствіе дѣятельности женщинъ-врачей, давъ одной изъ нихъ въ 1885 г. званіе придворнаго врача. Въ Германіи и обществу и профессора относятся къ учащимся женщинамъ крайне нечувствительно, хотя женщины и допущены въ нѣкоторые университеты. Женщинамъ, получившимъ медицинское образованіе въ заграничныхъ университетахъ, въ 1880 г. было воспрещено заниматься практикой, а впослѣдствіи двумъ женщинамъ-врачамъ разрѣшено безвозмездно принимать больныхъ женщинъ и дѣтей. До чего германское правительство относится враждебно къ женскому образованію—можно заключить изъ того, что недавно прусскій министръ народнаго просвѣщенія воспретилъ принимать женщинъ въ прусскіе университеты... Нигдѣ не идетъ дѣло женскаго образованія такъ хорошо, какъ въ С. Америкѣ. Кромѣ законодательной дѣятельности, въ Америкѣ нѣтъ уже ни одной профессіи, которая не была бы доступна женщинамъ.

У насъ, какъ извѣстно, въ 1869 г. въ Петербургѣ были основаны „Владимірскіе вечерніе курсы“ съ университетскими лекціями и „Аларчинскіе женскіе курсы“, а въ 1878 г. открылись „Высшіе женскіе курсы“ профессора Бестужева-Рюмина; въ Москвѣ въ 1868 г. были устроены „Лубянскіе женскіе курсы“ и вслѣдъ за ними „Курсы профессора Герье“. Но самыми горячими общественными симпатіями пользовались у насъ „женскіе врачебные курсы“... Главнымъ военнымъ инспекторомъ Козловымъ при участіи профессоровъ: Руднева, В. Тарновскаго, Здекауэра, Красовскаго и др. былъ составленъ проектъ о допущеніи женщинъ къ слушанію полнаго медицинскаго курса при медико-хирургической академіи, и этотъ проектъ въ январѣ 1870 г. былъ внесенъ въ медицинскій совѣтъ. Тогдашній военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, съ горячимъ участіемъ отвнесся къ проекту, выражавшему собой желанія лучшей части русскаго общества,—и въ 1872 г. появились курсы „ученыхъ акушеровъ“, затѣмъ

вскорѣ переименованные въ „женскіе врачебные курсы“. Во время послѣдней турецкой войны наши курсистки медички въ качествѣ докторскихъ помощниковъ немало поработали на пользу страждущаго человечества, — и заслуги ихъ въ этомъ отношеніи засвидѣтельствованы официальными правительственными заявленіями... Женщины, прошедшія курсы, получали званіе врача и могли занимать мѣста врачей въ городскихъ, земскихъ и др. общественныхъ учрежденіяхъ. Много женщинъ-врачей ушло на служеніе земству. Въ 1878 г. ихъ было устранили изъ земства, но въ 1880 г. ихъ снова допустили на мѣста земскихъ врачей, ибо необходимость въ нихъ была признана. Довѣріе и сочувствіе общества къ женщинамъ-врачамъ выражались и въ печатныхъ отзывкахъ, и въ официальныхъ отчетахъ, въ частныхъ и общественныхъ пожертвованіяхъ... Въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ 1 врачъ приходится на 600 ч., въ Англіи—на 1,350, во Франціи—на 1,400, въ Италиі—на 1,600, въ Германіи, Австріи и Норвегіи—на 3,000, а у насъ, на Руси,—1 врачъ на 6,226 чел. Принимая въ расчетъ эти цифры и ту пользу, какую приносили наши женщины-врачи въ земствахъ, во время ветлянской эпидеміи, на полѣ битвы, въ роли думскихъ врачей—однимъ словомъ, всему обществу, нельзя не пожалѣть о томъ, что „женскіе врачебные курсы“ прекратили свое существованіе.

Вообще было бы весьма поучительно для нѣкоторыхъ прочесть „Историческій очеркъ“ г. Вл. Овцына, а для желающихъ болѣе детально изучить развитіе женскаго образованія этотъ „очеркъ“ можетъ служить отличнымъ конспектомъ—тѣмъ болѣе, что въ началѣ книжки указано и немало источниковъ.

Изъ прошлаго женскихъ курсовъ. *Е. Некрасовой*. Москва. 1886.

Книга г-жи Некрасовой распадается на два очерка; первый изъ нихъ посвященъ московскимъ лубянскимъ курсамъ, а второй—петербургскимъ врачебнымъ курсамъ.

Интересно прослѣдить по рассказамъ автора: какимъ образомъ живыя требованія, встрѣчаясь съ кабинетными программами, ломали и гнули ихъ по-своему. Напримѣръ, правила лубянскихъ курсовъ не стѣсняли слушательницъ въ выборѣ предмета, и естественно, что тѣ предметы, въ знаніи которыхъ женщина чувствовала болѣшій пробѣлъ, насчитывали и болѣе число слушательницъ. Въ первый-же годъ такими излюбленными предметами сдѣлались математика, физика, а также и русскій языкъ. „Меньшее число слушательницъ приходилось на иностранные языки, которые, за исключеніемъ латинскаго, вмѣстѣ съ лекціями по закону Божію, съ октября 1870 г. должны были совсѣмъ прекратиться, за неимѣніемъ слушательницъ. Исключивъ изъ программы нѣсколько предметовъ, женщины сдѣлали запросъ на другіе, которые вовсе не упоминались въ уставѣ курсовъ: они заявили требованіе на изученіе химіи.хлопоты по этому дѣлу въ ноябрѣ 1870 г. увѣнчались успѣхомъ. Въ концѣ второго года курсистки обратились съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о дозволеніи открыть лекціи по высшей алгебрѣ и аналитической геометріи—и министръ разрѣшилъ открытіе этихъ лекцій. Въ 1871 г. были еще открыты лекціи по астрономіи. И вообще курсы за всѣ 10 лѣтъ своего существованія ни разу не встрѣчали препятствій

въ расширенію своей программы со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

Въ особенности же интересенъ второй очеркъ, въ которомъ авторъ описываетъ возникновеніе и первое время существованія врачебныхъ курсовъ. Замѣчательно, съ какою выдержанностью, съ какимъ тактомъ берегли медицинскіе курсы и сами учащіяся женщины и начальствующіе.

При открытіи курсовъ, когда слушательницы собрались въ молебну въ академической церкви, почетная инспектриса курсовъ, М. Г. Ермолова, размѣстила ихъ всѣхъ въ ряды, а сама стала въ сторонкѣ. Это не понравилось слушательницамъ: между ними были матери семействъ, женщины пожилыя, давно вышедшія изъ положенія ученицъ „Представлять изъ себя институтокъ—намъ даже не по лѣтамъ!—писала 2-го ноября 1872 г. студентка N:—потому я вмѣстѣ съ Д. помѣстилась въ сторонкѣ, готовая, впрочемъ, въ случаѣ замѣчанія покориться неизбѣжной участи“. Эта приписка, говоритъ авторъ, весьма характерна для студентокъ перваго выпуска: ихъ задача—упрочить существованіе курсовъ, обратить изъ временныхъ въ постоянные и добиться для себя и для слѣдующихъ поколѣній степени врача. Какъ бы имъ ни было тяжело, но во имя этой цѣли, онѣ готовы претерпѣть даже больше, чѣмъ странное положеніе институтокъ“. (Стр. 70). Или, напр., профессоръ Голубевъ такъ прекрасно читалъ лекціи по гистологіи, что слушательницы пришли въ восторгъ и рѣшили непременно выразить ему свою благодарность. Но какъ это сдѣлать?.. Въ правилахъ запрещались на лекціяхъ всякія выраженія одобренія и порицанія,—и поэтому, *изъ боязни повредить курсамъ*, слушательницы обратились къ М. Г. Ермоловой съ просьбой—передать ихъ благодарность профессору Голубеву. Такая осторожность даже въ глазахъ инспектрисы, казалось, превосходила всякія ожиданія покорности и благопристойности; даже сама г-жа Ермолова удивилась „безпримѣрной примѣрности“ студентокъ и замѣтила съ улыбкой: „Такія вещи—я полагаю—можно и лично заявлять профессору“ (71). Конечно, все это—мелочь, пустяки, но по этимъ мелочамъ уже можно видѣть: какъ учащіяся женщины берегли свои курсы, какъ дорожили ими и какъ глубоко сознательно, серьезно относились къ нимъ...

А гдѣ слушательницамъ не хватало осторожности, тамъ на помощь имъ являлось само начальство, не менѣе ихъ, казалось, охранявшее курсы, порученные ихъ надзору... „Ермолова взяла на себя теперь обязанность—писала одна слушательница—слѣдить, чтобы студентки не приходили въ аудиторію съ короткими волосами, а носили бы сѣточки“. На „сѣточкахъ“ Марья Григорьевна дѣйствительно весьма настаивала. Обычно она просила студентокъ заранѣе являться въ назначенный день въ сѣткахъ,—но многія забывали объ этомъ, а нѣкоторыя, можетъ, и не забывали, но въ академію все-таки являлись съ короткими волосами. Опытная Марья Григорьевна запасалась цѣлыми дюжинами сѣточекъ и по прїѣздѣ въ академію облекала въ нихъ слушательницъ. Много комизма было съ этими сѣточками, въ особенности, когда г-жа Ермолова отбирала ихъ у студентокъ и прятала опять въ шкафъ на будущее „про запасъ“ (82). Когда выходили

какія-нибудь неприятности и недоразумѣнія, г-жа Ермолова говорила слушательницамъ: „это можетъ дурно повліять на курсы“,— и словъ ея было достаточно... Судьба курсовъ для студентокъ была всего дороже; онѣ знали, что за нее лежала на нихъ отвѣтственность передъ будущимъ поколѣніемъ женщинъ.

„Сколько грязи бросалось, сколько распускалось сплетенъ и всякой другой мерзости про этихъ честныхъ труженицъ!“ говоритъ авторъ. Недовѣрчивое, недружелюбное или прямо враждебное отношеніе слѣдовало за ними по пятамъ. „Вишь, выборгскія царицы ѣдутъ! давайте дорогу!“ съ хохотомъ выкрикивали мастера, когда студентки, бывало, въ общественныхъ саняхъ проѣзжали по улицамъ. Нѣкоторые наши „извѣстные“ публицисты относились къ нимъ еще хуже пьяныхъ мастеровыхъ... Да! Правда... Много приходилось выносить учащейся женщинѣ въ первое время, зорко приходилось слѣдить за собой, за каждымъ своимъ шагомъ. Она хорошо знала, что враждебно настроенное къ ней общество не проститъ ей ни малѣйшей оплошности, недовѣрчивости, или даже какой-нибудь странности въ ея поведеніи... {Но несмотря на всю враждебность со стороны нѣкоторой части нашего общества, учащаяся женщины, поддерживаемыя въ своихъ стремленіяхъ ближайшимъ начальствомъ, профессорами, гр. Милутинымъ, а главное—благосклоннымъ отношеніемъ самого покойнаго Государя, добились исполненія своихъ ближайшихъ цѣлей: курсы были превращены изъ „временныхъ“ въ *постоянные*, изъ четырехгодичныхъ—въ пятигодичные и переименованы изъ „акушерскихъ“ во „врачебные“...

Спасибо г-жѣ Е. Некрасовой, что она напомнила объ этихъ „дѣлахъ давно минувшихъ дней“...

Очерки современной Россіи. *Г. Колышко*. Спб. 1887. Книги съ громкими заглавіями внушаютъ намъ большое предубѣжденіе, ибо мы слишкомъ часто разочаровывались въ нихъ,—но давно уже ничто такъ не разочаровывало насъ, какъ книга г. Г. Колышко. Его „очерки современной Россіи“ мало того, что сухи и безжизненны и даютъ о живой современной дѣйствительности столько же понятія, сколько даетъ его любая справочная книга, какойнибудь путеводитель или календарь; мало того, что они вздорны и порой даже нелѣпы; хуже всего то, что эти очерки скучны, скучны невыносимо,—и едва ли найдется въ цѣлой Россіи, за исключеніемъ рецензентовъ, такихъ десять „праведниковъ“, которые смогутъ терпѣливо прочесть всѣ 500 страницъ „Очерковъ“ г. Колышко. Очевидно, не только съ деревней, но и съ провинціальной жизнью вообще—авторъ почти не знакомъ или знакомъ очень мало. Поэтому, на каждомъ шагу все его удивляетъ, поражаетъ, то приводитъ въ какой-то превысшренній восторгъ, то погружаетъ въ самое тягостное уныніе; Америки открываются чуть не на каждой страницѣ; то авторъ пытается быть глубокомысленныхъ и порывается дѣлать такіа широкія обобщенія, которыя даже гимназисту IV класса показались бы банальны; то авторъ пускается въ остроуміе и приэтомъ живо напоминаетъ телушку, прыгающую по двору, задрывъ хвостъ, и воображающую про себя, что она выдѣлываетъ ни вѣсть какіе мудреные пируэты; то авторъ плохо управляется съ русской грамотой, то

вдругъ начинаетъ строчить правильнымъ канцелярскимъ языкомъ, словно какое-нибудь донесеніе по начальству за № такимъ-то, а то впадаетъ въ тонъ кумушекъ-сплетницъ, что-то невнятно лепечетъ, на что-то намекаетъ, на кого-то киваетъ...

Чтобы дать читателю понятіе объ „Очеркахъ современной Россіи“ г. І. Колышко, мы приведемъ нѣсколько выписокъ...

Разсказывая объ устройствѣ верещагинской фермы, онъ пишетъ: „Свинарникъ, рядомъ съ скотнымъ дворомъ, это просто шедевръ... Я, какъ полагаю и многіе, не чувствую особой симпатіи къ симъ мерзкимъ животнымъ и вошелъ только изъ любви (?) въ ихъ апартаменты. Но, признаюсь, несмотря на душливый ароматъ, долго въ ней (?) оставался. Свиньи здѣсь совсѣмъ не такія, какими я привыкъ ихъ видѣть. Каждая въ стойкѣ, вокругъ чистота и порядокъ. Всѣ онѣ преимущественно англійскихъ и японскихъ породы, круглыя какъ боченны, съ мягкой, рѣдкой и лоснящейся шерстью. Просто красавицы (стр. 7). Далѣе: либеральная „газетка“—извольте видѣть—*„громко стоимъ* за Н. В. (т. е. за сыровара Верещагина), причисляя его къ „своимъ“ съ особеннымъ смѣхомъ (?) на всѣ лады повторяя слово *артель*“... „Въ нихъ онѣ чуяли что-то „новое“, „западное“, какое-то начало „общаго труда“ и „капитала“, словомъ, что-то въ родѣ коммуны“. „Поэтому—торжественно заявляетъ авторъ—считаю за особенное удовольствіе пояснить, что значать отъ *а* до *з* верещагинскія артели. Это просто рядъ сыроваренъ, куда крестьяне ежедневно, утромъ и вечеромъ, сносятъ свое молоко“... (8). Мы не помнимъ и даже не можемъ представить себѣ, чтобы у насъ существовала когда-нибудь такая глупенькая газетка, которая приравнивала бы сыроваренную артель къ коммунѣ. Ясное дѣло, что вся эта неумѣстная тирада „съ ковычками“ и съ безграмотными выраженіями понадобилась автору лишь для того, чтобы лягнуть какія-то неприятныя для него „газетки“...

На стр. 9 г. Колышко выказываетъ свои познанія въ дѣлѣ скотоводства и сельскаго хозяйства вообще. Онъ говоритъ, что крестьянамъ выгодно заводить побольше скота, „со скотомъ получается и навозъ, который ужъ есть *почти* хлѣбъ“ (къ счастью, въ этому хлѣбу у насъ еще не прибѣгали даже въ самые голодные годы!). Совершенно новый взглядъ на навозъ... Если же для скота нѣтъ пастбищъ, то авторъ серьезно совѣтуетъ кормить скотъ хлѣбомъ. По его расчету, такая комбинація была бы для крестьянъ чрезвычайно выгодна (только, къ сожалѣнію, наши любезныя простодушныя сочли бы автора подобнаго „прожета“ человѣкомъ „не въ своемъ умѣ“...). По какому-то фантастическому расчету, по сказанію г. Колышко, оказывается, что „самая плохая корова при хорошемъ кормѣ даетъ среднимъ числомъ около 22 фун. молока“ (въ день), а такъ какъ изъ 22 фун. молока получается около фунта сливочнаго масла, да около 3 фунт. тощаго сыра, то корова, такимъ образомъ, даетъ въ день 1 руб. дохода („считая масло самое дешевое по 40 к. за фун. и сыръ по 15 к.“). Считая корову, дающую въ день по 1 р. дохода, за „самую плохую“, разумѣется, г. Колышко уже немудрено было придти къ тому заключенію, что „сыроварни поднимаютъ благосостояніе населенія“. Но такое умозаключеніе надо еще доказать, ибо дова-

зательства автора построены на водѣ... „Повлонники сыроваренъ уже давно толкуютъ, что до введенія этихъ сыроваренныхъ коммунъ бабы „выливали на полъ молоко“, а теперь, дескать, оно утилизируется“. Странствуя въ 1872 г. по тверской губ., мы спрашивали въ деревняхъ у бабъ: „выливаютъ ли онѣ на полъ молоко?“ Бабы, разумеется, только усмѣхались; усмѣхались и мы... „Въ дер. Певисевѣ завражской волост., торжковск. уѣз. мы спрашивали: „Понесли ли бы бабы молоко въ сырю?“—„Да какъ же это?—отвѣтила намъ одна изъ бабъ (Матрена Ефремова)—что же останется-то? Квасъ да вода“...—„И кто это говоритъ?“ спрашивали насъ мужики по поводу „выливанія молока на полъ“. „Одинъ господинъ пишетъ объ этомъ въ газетѣ,“ отвѣчали мы. „Онѣ, знать, рѣчей не находятъ!“ замѣтилъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ. — „Пустое болтаетъ!“ подтвердилъ другой“...

Далѣе... При посѣщеніи морозовской фабрики въ Твери, г. Колюшко обращаетъ вниманіе на смотрительницу пріюта, „высокую, полную женщину, съ доброй улыбкой“, которая, точно насѣдка, была окружена обхлѣпившими ее птенцами. „Школа здѣшняя, говоритъ онъ съ паѳосомъ, переполнила шѣру нашихъ восторговъ“ (22). Затѣмъ, авторъ приводитъ слова управляющаго: „Директора у насъ такіе, какихъ немного. Это отцы для рабочихъ“ и т. д. Однимъ словомъ, по слащавому описанію г. Колюшко, морозовская фабрика безъ малаго—рай. Авторъ осмотрѣлъ все подробно—и *мюльмья* машины, и *ватера-колечковья*, и *опальныя*, и отбѣльныя и мн. др. Онъ посѣтилъ школу, больницу, пріютъ, вездѣ выходилъ, все высмотрѣлъ—„бувашекъ, мошекъ, таракашекъ“, и не видалъ только сущихъ пустяковъ—самихъ рабочихъ...

Г. Колюшко почему-то съ особеннымъ удовольствіемъ и чрезвычайно пространно описываетъ волостныя правленія. Говоря, напр., объ одномъ волостномъ правленіи, онъ отзывается такъ: „Домикъ былъ очень малъ, но и очень милъ, благодаря палисаднику“ (25); естатѣ, ужъ не въ этомъ ли палисадникѣ подъ открытымъ небомъ производились—въ хорошую погоду—извѣстныя экзекуціи?.. Опять мы встрѣчаемъ совершенно новый взглядъ на предметъ. „Милое волостное правленіе“... Впрочемъ, авторъ и самъ признается въ своей слабости къ волостнымъ правленіямъ. „Въ моихъ поѣздкахъ—говоритъ онъ—я взялъ себѣ за правило обращать первое (?) вниманіе на помѣщеніе волостного правленія, и личность самого волостнаго старшины“ (105)... Въ „Очеркахъ современной Россіи“ г. Колюшко также съ особенной любовью останавливается на волостныхъ писаряхъ, онъ любитъ этими господами,—и при описаніи ихъ рассказы автора становятся даже поэтичны. Такъ, напр., живописуетъ онъ одного писаря: „Его голось подымался все выше самаго низкаго и бархатнаго, движенія были хотя быстры, но округлены, манера переворачивать страницы журналовъ, стучать молоточками на счетахъ—была въ высшей степени благообразна, закончена, если такъ можно выразиться. Такъ, при переворачиваніи страницъ онъ употреблялъ не 2-й, а 3-й палецъ и сгнулъ его почти незаметно. На счетахъ онъ тоже дѣйствовалъ тѣмъ же 3-мъ пальцемъ, только при этомъ граціозно приподымалъ остальные три, пятый выше и граціознѣе всѣхъ“ (27)...

„Жить можно, значить?“ спросилъ авторъ одного волостного старшину.—„Какъ нельзя!.. Весьма даже можно. Слава Господу, не жалуюсь...“ отвѣчалъ ему старшина,—и этотъ отвѣтъ г. Колышко тотчасъ же заносить на страницы своихъ „очерковъ“, какъ будто и всякій другой старшина не то же бы самое отвѣтилъ на вопросъ барина... Захотѣлось автору повидѣться съ извѣстнымъ Сютаяевымъ, и вотъ онъ съ исправникомъ ѣдетъ отыскивать его, останавливаются въ волостномъ правленіи и вызываютъ туда Сютаяева. Барину угодно посмотрѣть на этого звѣрька... Поутру явился Сютаяевъ... „нерѣшительно переступилъ порогъ нашей комнаты—разсказываетъ авторъ—маленькій, худощавый мужичекъ, въ потертомъ армякѣ и тяжелыхъ продранныхъ сапогахъ. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ просто жалкимъ. Какъ будто разочарованіе почувствовалъ я при видѣ этого немощнаго старичка. Я ожидалъ чего-то другого, хотя чего—не могъ бы объяснить“ (107). Авторъ по своей наивности, очевидно, не можетъ и представить себѣ душевной мощи и величія иначе, какъ въ блестящемъ мундирѣ или во фракѣ съ лентою черезъ плечо. Въ самомъ дѣлѣ, какая же особенная нравственная сила можетъ быть „въ потертомъ армякѣ“ и въ „продранныхъ сапогахъ!..“ Поговоривъ съ Сютаяевымъ часа два, г. Колышко, разумѣется,—по его мнѣнію—вполнѣ разгадалъ этого „немощнаго старичка“. Г. Колышко вообразилъ, что нашъ крестьянинъ такъ простъ и глупъ, что передъ каждымъ встрѣчнымъ, калыкающимъ съ нимъ изъ прайднаго любопытства, сейчасъ же и выложитъ всю свою душу, какъ на ладони. Авторъ, кажется, и не подозрѣваетъ, что во всей сценѣ съ Сютаяевымъ въ „миломъ“ волостномъ правленіи—въ присутствіи г. исправника и „граціознаго“ писаря,—самъ онъ, г. Колышко, игралъ весьма жалкую и смѣшную роль...

Однимъ словомъ, описанія своихъ поѣздокъ съ исправниками, своихъ разговоровъ съ писарями, урядниками и т. п. „граціозными созданіями“, выписки изъ мѣстныхъ „памятныхъ книжекъ“ и календарей—авторъ выдаетъ почему-то за „Очерки современной Россіи“... Мы не знаемъ: сколько лѣтъ автору... онъ, можетъ быть, еще очень молодой человѣкъ. Но весь тонъ его писаній сильно напоминаетъ собой старческую, безсвязную и скучную болтовню о томъ—о семъ, а иногда и вовсе ни о чемъ...

Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ.—*Русскіе педагогическіе дѣятели*. Москва. 1887.

Авторы даютъ намъ краткіе, но обстоятельные очерки жизни и дѣятельности: Пирогова, Ушинскаго и Корфа. Эти три замѣчательные человѣка представляютъ собой три различные типа педагогическихъ дѣятелей. Пироговъ первый провелъ въ сознаніе общества гуманный взглядъ на семейное и общественное воспитаніе; Ушинскій, какъ философъ-теоретикъ, пролилъ своими сочиненіями яркій свѣтъ въ наши темныя школьныя дебри; Корфъ—практикъ-педагогъ—первый организаторъ нашей народной школы, организаторъ правильнаго первоначальнаго обученія. Эти три дѣятеля другъ друга пополняютъ; они немислимы одинъ безъ другого, и дѣятельности ихъ—въ широкомъ смыслѣ—составляютъ одно неразрывное цѣлое...

Особенно живо написаны два послѣдніе очерка (Ушинскій и

Корфъ), очеркъ же, посвященный Пирогову, составленъ нѣсколько сухо и вяло.

Жизнь Ушинскаго, исполненная тревоженій и трудовъ на общественную пользу, ярко рисуется передъ читателемъ. Самый кипучій періодъ его дѣятельности представляетъ трехлѣтнее его инспекторство въ Смольномъ институтѣ. Въ это время вокругъ него группировались наши лучшія педагогическія силы: Водозовъ, Модзалевскій, Семеновъ, М. Семевскій, Миллеръ, Лемени, Дестунисъ, Лядовъ, Павловскій, М. Косинскій, Буссе, Массонъ, священникъ Головинъ и др. Ушинскій внесъ жизнь и свѣтъ—внесъ струю свѣжаго воздуха—въ прозябавшіе дотолѣ институтскіе интернаты; онъ былъ еще молодъ, полонъ энергіи и его дѣятельность обѣщала впереди еще много добрыхъ, плодотворныхъ результатовъ,—какъ вдругъ неожиданно въ началѣ 1862 г. онъ вынужденъ былъ не только оставить инспекторство, но даже нѣсколько сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писать свое оправданіе въ цѣломъ рядѣ самыхъ тяжкихъ обвиненій, которыя взвела на него гнусная клевета—обыкновенное орудіе въ рукахъ всѣхъ во-истину неблагонамѣренныхъ людей. За писаніемъ этихъ печальныхъ оправдательныхъ страницъ Ушинскій сразу посѣдѣлъ и сталъ каплять кровью. Покойная императрица Марія Александровна лично знала Ушинскаго съ самой безупречной стороны, и ея вниманіе спасло неповиннаго страдальца... Но надежда на свѣтлое будущее не оставляла его, что можно видѣть изъ его „писемъ изъ Швейцаріи“.

„Теперь именно настаетъ пора, писалъ онъ осенью 1862 г.,—когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные—и много, много школъ нужно! Иначе—и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, какую могли бы принести эти истинно-великіе шаги впередъ. Школу, народную школу, дайте Россіи—и тогда, лѣтъ черезъ 30, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждеть, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ: готовьтесь безъ утотій, но и безъ охлажденія“... Ушинскій оставилъ послѣ себя „Родное Слово“ (вышедшее недавно 66-мъ изданіемъ—фактъ неслыханный у насъ); „Дѣтскій Миръ“ (вышелъ въ 1861 г. и въ томъ-же году выдержалъ три изданія); громадный трудъ подъ заглавіемъ: „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія—опытъ педагогической антропологіи“ (въ 2 томахъ, а 3-й остался лишь въ черновыхъ наброскахъ), и, наконецъ, онъ оставилъ цѣлую массу богатыхъ содержаніемъ статей, какъ, напр.: „Трудъ“, „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“, „Проектъ учительской семинаріи“ и т. д.

Баронъ Н. Корфъ воспользовался этими, какъ-бы изъ могилы завѣщанными ему трудами, и самъ посвятилъ 17 лучшихъ лѣтъ своей недолгой жизни тому-же благу дѣлу—народнаго образованія. Дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка была просто изумительна: то онъ является школьнымъ учителемъ, то руководителемъ учительскихъ сѣздовъ, то устройтелемъ сельскихъ школъ, то педагогомъ, для изученія начальной школы путешествующимъ по Россіи и заграницей, то писателемъ, то горячимъ,

краснорѣчивымъ ораторомъ, защищающимъ свободу и развитіе русской народной школы,—и при всемъ этомъ онъ еще находилъ время вести переписку по педагогическимъ вопросамъ болѣе чѣмъ съ 250 корреспондентами въ Россіи. У Корфа — также, какъ у Ушинскаго, также, какъ и у всякаго выдающагося дѣятеля, безкорыстно и беззавѣтно преданнаго служенію родины,—враговъ было не мало, враговъ злыхъ и ожесточенныхъ... Московскій университетъ избираетъ Корфа почетнымъ своимъ членомъ; то-же дѣлаютъ петербургское педагогическое общество и московскій комитетъ грамотности; Петербургскій комитетъ грамотности награждаетъ Корфа золотую медалью за труды по народному образованію. Въ то-же время землевладѣльцы александровскаго уѣзда забаллотировываютъ Корфа, за то онъ избирается въ гласные *крестьянами*—фактъ знаменательный и такой отрадный... Московскій городской голова, г. Чичеринъ, и нѣкоторые гласные предложили Корфу баллотироваться въ члены управы и завѣдывать городскими училищами—и для того вызвали его въ Москву. Конечно, московскимъ городскимъ училищамъ такой завѣдывающій, какъ баронъ Корфъ, не принесъ бы ничего, кромѣ добра; но Корфъ, къ сожалѣнію для дѣла, долженъ былъ отказаться, „чтобы не вносить раздора въ московское городское общество“, какъ говорить онъ въ письмѣ. „Дѣло въ томъ, замѣчаетъ авторъ этого очерка, г. Д. Семеновъ,—что нашлись вліятельныя газеты—одна московская и одна петербургская, которыя осудили кандидатуру Корфа и незаслуженно оклеветали всю его прошлую дѣятельность, его завѣтныя убѣжденія. „Безбожникъ“, „врагъ духовенства“, „утилитаристъ“, „нѣмецъ“, „пришлецъ“, „представитель нѣмецкой педагогіи“, „матеріалистъ“, „помѣщикъ, а не педагогъ“, „неблагодарный человѣкъ“, „противникъ закона Божія“,—вотъ какіе эпитеты посыпались на голову того человѣка, у котораго Евангеліе было настольною книгой“...

Недаромъ жили эти люди... Даже самое воспоминаіе о нихъ полезно. И хорошая мысль пришла нашимъ почтеннымъ авторамъ—возобновить въ памяти русскаго общества образы этихъ благородныхъ труженниковъ. Воспомяніе о такихъ людяхъ должно быть дорого всякому, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія. И совершенно вѣрно замѣчаетъ г. В. Острогорскій, что „въ эпохѣ затихша умственной жизни и апатичнаго равнодушія къ безкорыстной дѣятельности на общую пользу отрадно обратиться къ воспомяніямъ хорошаго прошлаго“. Отрадно и *полезно*, добавимъ мы отъ себя...

В—нз.

ХРОНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

1. По Руси православной.

Шутники въ былия времена и теперь. — Желѣзнодорожники-женоненавистники. — Литература свежло-сахарнаго направленія. — Кіевскіе конклары и тамошній папа. — Новая „планида счастья“ бердичевскаго происхожденія. — О томъ, какъ жена мужа высѣкла. — Легкомысленная жена и скрывшійся путникъ. — Бразильскія канарейки и американскій житель. — Калифорнія на Волыни. — Ромны и желѣзнодорожники. — Какъ строятъ въ Омскѣ и какъ судятъ въ Умані. — Раутъ съ судебной подкладкой въ Ярославѣ. — Милый папаша въ Одессѣ. — Вотъ оно доброе, милое, старое время! — Тифлисскій qui pro quo. — „Гимнастика сердца“ г. Леонарда. — Брюки г. Бѣльскаго и дѣло о незаконной подписи. — Директоръ банка г. Свворцовъ, носящій „законъ въ своемъ нутрѣ“. — Лессепсъ и г. Байковъ.

Многое, конечно, было мило и хорошо въ прежнее, доброе, старое время, когда бабушки наши зачитывались до одурѣнія книгами, въ родѣ „Любовныхъ упражненій Хлои и Ксаверія“, когда дѣдушки наши затравливали жидовъ густопсовыми и разоряли мосты подѣ носомъ у недюбимаго губернатора, но все это было нѣчто дѣтское, некультурное и стихійное. Вонъ и Васька Буслаевъ „шуточки шутить робятливыя“, т. е. кому руку вывихнетъ, кому искалѣчить ногу, и Иванъ Васильевичъ напускаетъ на своихъ гостей медвѣдей, и графъ Орловъ надѣваетъ на голову нѣмецкому офицеру оловянную миску и съ братомъ шутить шутки—перешвыривается полѣньями; но этимъ милымъ шуткамъ пришелъ конецъ: онѣ переданы по принадлежности частью въ архивы, а частью перешли въ широкія длани купечества и крестьянства, и замѣщены въ болѣе культурномъ словѣ шутками остроумными, направленными преимущественно къ тому, чтобы, благодаря имъ, шутнику было „что жрать“, а чтобы ближнему наоборотъ жрать было нечего.

Бывають шутки и высоконравственныя, направленныя къ тому, чтобы „поднять духъ“, возвысить уровень и даже анализировать нѣкоторые экономическіе законы, отъ которыхъ у читателей подчасъ „дрожать лытки“. Да вотъ хотя-бы знаменитый

законъ Мальтуса, въ силу котораго человѣкъ самъ себя пожретъ точь въ точь, какъ щедринскій „пѣунъ“, который самъ себя съѣлъ (впрочемъ, слѣшимъ замѣтить, что подвидъ „пѣунъ-самоѣдъ“ водится только у насъ на Руси, тогда какъ въ западной Европѣ о нихъ до сихъ поръ еще ничего не слыхали, равно какъ и объ унтеръ-офицершѣ, которая сама себя высѣкла)? Этому закону, несмотря на протесты маменекъ и тетушекъ, объявила непримиримую войну не на жизнь, а на смерть динабургго-витебская дорога. Слѣдуетъ замѣтить, что эта дорога вообще носить какой-то особый отпечатокъ: тутъ путешественникъ, мнящій „ся быти“, въ дорогѣ отечествѣ, не услышитъ отъ служащихъ ни одного русскаго слова; кондуктора, машинисты, начальники станцій и даже вся желѣзнодорожная мелкая сошка ходитъ здѣсь съ выпяченною впередъ колесомъ грудью и сильно смахиваютъ на тѣхъ „будто бы эллиновъ“, которые торгуютъ рахатъ-лукумомъ и халвою на вербѣ; какъ послѣдній на вопросъ: „а какой ты, братецъ, роты?“ опустивъ руки по швамъ и пожирая начальство глазами, отвѣтитъ: „11-й роты, вашескорodie“! такъ и эти переодѣтые ландверманы, ну, такъ и кажется, рявенуть хоромъ: „die Wacht am Weichsell“ Привыкнувъ къ войнѣ, динабургго-витебская желѣзная дорога объявила наконецъ таковую и закону Мальтуса и врожденной плодовитости нѣмецкаго этнографическаго типа: она потребовала отъ всѣхъ своихъ служащихъ обязательнаго безбрачія. Нѣкоторые скептики хотятъ видѣть въ этомъ мѣру чисто политическую, дабы подначальные ландверманы, принужденные къ тому самою природою вещей, употребляли свои досуги на созиданіе въ пограничныхъ съ фатерландомъ мѣстностяхъ мѣстнаго типа, но мы, признаться, видимъ здѣсь простое желаніе воевать съ вѣмъ бы то ни было, безъ всякой задней мысли о томъ, на что именно будутъ употреблять свои досуги достойные Фрици и Карлуши. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій своихъ правленіе постановило: никому изъ агентовъ, служащихъ на упомянутой дорогѣ, начиная отъ сторожей и кончая помощниками и начальниками станцій—не дозволяется жениться, причемъ всѣмъ служащимъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность выдать слѣдующую подписку: „Обязуюсь и отказываюсь (?) на все время служенія на дорогѣ не вступать въ бракъ“. Взгляды правленія на адюльтерныя шалости на сторонѣ еще остались невыясненными, и мы рѣшительно не можемъ сказать, какія именно исправительныя мѣры будетъ оно употреблять противъ тѣхъ, кто не можетъ „вмѣстить“; думаемъ однако, что съ теченіемъ времени въ правленіи будутъ происходить слѣдующія сцены, при вступленіи новыхъ ландвермановъ, отѣвшихся на дешевыхъ русскихъ хлѣбахъ:

— Да вѣдь вы не вмѣстите?

— Постараюсь! попробую, херъ лѣтенантъ!

— А все же вамъ бы лучше... того...

Ландверманъ во имя блага родины соглашается, его уводятъ, слышится легкій крикъ изъ смежной комнаты, а затѣмъ онъ снова появляется, но говоритъ уже дискантомъ и никакого обязательства не подписываетъ, такъ какъ, благодаря новой остроумной выдумкѣ правленія для борьбы съ закономъ Мальтуса, всякія обязательства становятся излишними...

Само собою разумѣется, что до принятія рекомендуемой нами радикальной мѣры на безбрачной линіи будутъ случаться скандалы немалые. Что сдѣлаеть, напримѣръ, правленіе, если окажется, что кузина Амальхенъ ни съ того, ни съ сего начнетъ толстѣть, и наконецъ оцѣнится двумя-тремя юными будущими ландверманами... Кузину, положимъ, правленіе отдереть и отправить съ весеннимъ пароходомъ въ Петербургъ на заработки—ну, а дѣтей? не открывать же желѣзнодорожные воспитательные дома, не выбрасывать же ихъ въ Двину, которую теперь, напротивъ того, задумали регулировать? Само собою разумѣется, что люди слабые и притомъ ехидные будутъ противъ мудраго мѣропріятія правленія и укажутъ намъ на „нелѣпо человѣку быти едину“, на опасность для міра опустѣть и совершенно обезлюдѣть, если всѣ желѣзныя дороги, число которыхъ съ году на годъ увеличивается, будутъ требовать отъ своихъ служащихъ обѣтовъ безбрачія, на облагораживающее вліяніе женщины, которая однимъ хорошо испеченнымъ пирогомъ можетъ излить въ сердце мужчины фіалъ добродушія; но у насъ въ рукахъ есть такой аргументъ, который въ пухъ и прахъ разбиваетъ ехидныя рѣчи скептиковъ: подумайте только, еслибы вездѣ и повсюду, во всѣхъ департаментахъ и канцеляріяхъ, Иванъ-Ивановичи пылали нѣжною страстью только къ своимъ эзекуторамъ, столоначальникамъ и директорамъ! Идетъ по департаменту директоръ, и все чиновничество изнываетъ отъ любви къ нему; нѣкоторые, наиболѣе увлекающіеся, падаютъ на колѣни, цѣлуютъ край одежды любимаго существа, другіе движимые ревностью ихъ снѣдающею, дѣлаютъ на соперниковъ полезные доносы... Что можетъ быть умилительнѣе этой картины и могли ли мечтать наши бабушки о такихъ „любовныхъ упражненіяхъ“. Вотъ, по нашему, къ чему клонится желѣзнодорожное безбрачіе; цѣль эта до такой степени остроумна и практична, что выдумать ее могъ только нѣмецъ, который, говорятъ, даже и теленка перехитрилъ.

Послѣ неожиданнаго афронта, преподнесеннаго сахарозаводчикамъ г. министромъ финансовъ, понявшимъ, что никакихъ осо-

бенныхъ запасовъ сахара въ ихъ подвалахъ не имѣется и что все это были лишь подвохи изъ-за субсидій, сахарозаводчики ухитрились однако перехитрить и самого нѣмца, и порѣшили издавать особую „безцензурную газету съ свеклосахарнымъ направленіемъ“. Сладко будетъ читать передовыя статьи новаго органа! Говорятъ, газету эту хотѣли назвать „Патока“, но, порѣшили остановиться на названіи „Премія“. Мы еще не знаемъ, кто будетъ редакторомъ новой газеты, но слышали, что уже приглашенъ въ сотрудники тотъ еврей, который доставлялъ изъ Динабурга въ Островъ сундуки съ гамаками для двухъ запрятанныхъ въ него воровъ. Взгляды новой газеты мы можемъ опредѣлить довольно вѣрно, если скажемъ, что въ портфель редакціи имѣются уже слѣдующія руководящія статьи: „Казанская сирота изъ Сполы“, „Какъ незамѣтно поднадуть правительство“, „Только то зданіе и крѣпко, что построено на песцѣ (сахарномъ)“, „Сахарозаводчики-благодѣтели“ и нѣкоторыя другія, между которыми особенное вниманіе обращаетъ на себя фельетонный романъ г. Перевировича-Вральченко: „Сахароварные Юханцевы“. Пока, адресъ редакціи довольно неопредѣленъ, а именно: „между небомъ и землей“; контора помѣщается напротивъ редакціи, а подписка принимается временно у Балабухи, гдѣ продается извѣстное кievское сухое варенье, фунтъ котораго выдается въ видѣ преміи каждому подписчику, при уплатѣ имъ подписной суммы.

Когда стали тѣ, кому вѣдать подлежить, думать о томъ, кого выбрать редакторомъ новаго изданія, то чуть-было не поссорились, но скоро примирились, такъ какъ милые бранятся—только тѣшатся... Графъ Куницынскій полагалъ, что редакторскій стулъ ему не довлѣетъ, въ силу его position sociale, а г. Перещенко заявилъ, что кромѣ амурныхъ посланій онъ ничего въ жизни не писалъ, да и то еще не знаетъ хорошенько, гдѣ это проклятое „ѣ“ ставится, а гдѣ и безъ него обойтись можно... а тутъ еще какое-то гротовское правописаніе выдумали (orthographe grotesque какъ называетъ его beau monde)... Послали депутацію къ кievскому городскому головѣ, который, какъ слышно, даже и запятыя разставляетъ безошибочно; но опять бѣда приключилась, такъ какъ г. Толли (не Барклай де) годится въ редакторы любого сатирико-юмористическаго изданія, но въ руководители серьезной газеты никакъ негодится. Вотъ и надняхъ онъ разыгралъ въ думѣ такой водевилъ своего собственнаго изобрѣтенія, что агентство Рейтера уплатило нашему Сѣверному Телеграфному Агентству 30000 р. за передачу телеграммою всего водевила безъ малѣйшихъ пропусковъ. Какъ и подобаетъ всякой думѣ, въ кievской думѣ думали „утенувъ брады аки козлища“... а о чемъ думали

думные люди, того мы не вѣдаемъ, такъ какъ чужіе мозги—потѣмки; наступило время отбросить думы и заняться дѣломъ излюбленнымъ, а именно выборами. Тутъ всегда на Руси люди тѣшатся; изойдутъ они изморомъ отъ думы, выпьютъ по рюмочкѣ, а то и побольше, желудочной, закусятъ балычкомъ или икоркой и начнутъ шутки шутить: то изъ-за голенища дудку вытянутъ и во время предварительной рѣчи председателя выпускаютъ вовсе не идущіе къ дѣлу звуки, то шары свои, поддѣльные, начнутъ подбрасывать въ избирательныя урны, то подсунуть туда-же кусочекъ селедки или брючную пуговицу... и ржутъ потомъ своимъ обывательскимъ хохотомъ, словно устроили невѣсть какую остроумную штуку. Зная всѣ эти милыя ухватки своихъ согражданъ, г. Толль, говорятъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы въ карманахъ и за голенищами гг. избирателей не находилось ничего не подходящаго, затѣмъ пропустилъ ихъ всѣхъ черезъ горнило избирательныхъ списковъ для того, чтобы въ среду ихъ какими-нибудь путями не попали переодѣтые пожарные, кухарки и т. п., какъ это не разъ случалось, и затѣмъ завершилъ все такую выдумкою, которую онъ видимо перенялъ изъ Рима; онъ слышалъ, а, быть можетъ, и читалъ, что при выборахъ новаго святѣйшаго отца кардиналовъ запираютъ въ залѣ конклава и даже водятъ ихъ въ укромное мѣсто въ сопровожденіи двухъ жандармовъ или драбантовъ. Такъ поступилъ и г. Толли; когда избиратели, выпивъ и закусивъ, снова собрались въ думской залѣ, городской голова заперъ ее на ключъ, положилъ этотъ послѣдній въ карманъ и отправился домой пить чай съ балабухинскимъ вареньемъ и съ московскими калачами, привезенными съ курьерскимъ поѣздомъ изъ первопрестольной столицы. И вотъ еще находятся у насъ люди, которые осмѣливаются утверждать, что у насъ пустыя головы; нѣтъ, господа, поищите-ка во всемъ мірѣ подобной находчивости!

Впрочемъ у насъ столько развелось скептиковъ, что хоть прудъ пруди! а ужъ если человѣкъ вышелъ на путь сомнѣній, такъ ему удержу нѣтъ, и онъ даже и въ слѣдующемъ фактѣ не найдетъ остроумія. Дѣло въ томъ, что законъ строго воспрещаетъ у насъ продажу иностранныхъ лотерейныхъ билетовъ разныхъ гамбургскихъ и другихъ банкировъ, которые мошенничаютъ донельзя ловко и, наобѣщавъ въ рассылаемыхъ ими циркулярахъ горы золота, обираютъ довѣрчивыхъ людей, благо послѣднимъ жаловаться не на кого. Проявились и у насъ на Руси доморощенные банкиры изъ Бердичева, которые стали и сами ловить на удочку людей, жаждущихъ легкаго обогащенія; такъ напримѣръ надняхъ бердичевская полиція при обыскѣ нашла у еврея автера Фукса 310 билетовъ и массу писемъ съ бланками какихъ-то подполь-

ныхъ еврейскихъ банкировъ; оказалось, что билеты Фуксъ сбываетъ въ разные города и мѣстечки нашей все еще глупой на этотъ счетъ родины. Фуксъ—птица бывалая, такъ какъ онъ нѣсколько раньше отсидѣлъ въ тюрьмѣ цѣлыхъ полтора года за свои „банкирскія“ и другія операціи, но въ это многотрудное время не прекращалъ своихъ „дѣловъ“ по сбыту иностранныхъ лотерейныхъ билетовъ. Видимо, это мастеръ на всѣ руки; такъ напримѣръ, нѣсколько времени тому назадъ онъ судился за другое преступленіе, показывающее его находчивость. Дѣло было такъ. Въ мѣстечкѣ Хмельникѣ аццизными чиновниками конфискованъ былъ на винокуренномъ заводѣ какой-то химическій составъ, имѣвшій видъ бѣлаго порошка и употреблявшійся для того, чтобы приводить въ бездѣйствіе контрольный снарядъ. Порошокъ при гонѣхъ спирта вспылалъ въ барабанъ, гдѣ онъ, соединяясь со спиртомъ, сгущается и останавливаетъ стрѣлку, показывающую количество выходящаго спирта. Само собою разумѣется, что порошокъ, несмотря на протесты его изобрѣтателя, послали въ мѣстную аптеку для анализа, но, такъ какъ въ аптекѣ никто (!) не могъ опредѣлить составъ порошка (ай да химики!), то онъ былъ опечатанъ печатами судебного слѣдователя и аптеки и отправленъ по почтѣ въ Кіевъ — авось - де тамъ между профессорами найдутся люди нѣсколько знакомые съ основами химіи. Фуксъ, въ качествѣ агента отъ хмельницкихъ заводчиковъ, обратился къ почтовымъ бердичевскимъ чиновникамъ съ просьбою подмѣнить посылку, но новые цинцинаты почтового вѣдомства предпочли скромное свое жалованье и непорочность капиталамъ и пятну на совѣсти, и отвергли предложеніе Фукса, который принесъ на почту имъ-же самимъ сдѣланную „фальшивую“ посылку и поддѣльные печати судебного слѣдователя и аптеки. По видимому и профессора не добрались до состава порошка, по крайней мѣрѣ мѣстная лѣтопись объ этомъ обстоятельствѣ весьма скромно умалчиваетъ, а Фуксъ, несмотря на то, что онъ являлся изобрѣтателемъ въ родѣ Эдиссона, сѣлъ сначала на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ въ острогъ. Почти вслѣдъ затѣмъ онъ былъ обличенъ въ подлогѣ векселя и снова посидѣлъ въ острогѣ. Находчивость Фукса и двукратное, а быть можетъ, и долгое пребываніе его въ „воровской академіи“ не могли не обратить на него вниманіе иностранныхъ „банкировъ“, которые лучше Θемиды умѣютъ цѣнить блестящія способности людей, и ему-то они поручили „щипать русскихъ куръ“. Лотерейная „штука“ очень проста: печатаютъ и рассылаютъ билеты тысячь приблизительно на 10 р., затѣмъ сами назначаютъ тѣ 5—6 номеровъ, которые выиграютъ рублей тысячу, а остальную сумму преспокойно оставляютъ въ своемъ карманѣ.

Ужь сколько разъ правительство оповѣщало публику обо всемъ этомъ, но ему не вѣрятъ и суютъ свои заработанныя, трудовыя деньги въ мошенническія предпріятія, ожидая великихъ и богатыхъ милостей. „Сама себя раба бьетъ“, говоритъ наша русская пословица, „коли не чисто жнетъ“, и пора бы перестать заботиться о тѣхъ, кто попадаетъ на удочку, такъ какъ тутъ раба бьетъ себя-же за свою глупость; иное дѣло, когда „раба“ бьетъ другого, какъ это случилось недавно въ петербургскомъ уѣздѣ. Въ покосившемся отъ дряблости на бокъ домикѣ, занималъ комнату-камерку сапожникъ Филемонъ, у котораго была Бавкида очень молодая, а потому и энергичная и домысливая. Филемонъ, за.неимѣніемъ нектара, упивался день деньской, а иногда и ночью, зеленымъ виномъ, въ которое кабатчики прибавляютъ „для скусу“ скипидару и купоросу; Бавкида созерцала пьянаго Филемона и не могла не источать цѣлыя ручьи слезъ, которые по велѣнію боговъ обращались уже не въ свѣтлыя ручейки, а въ смрадные лужи, стоявшія всегда вокругъ ихъ хижины. Судьба Бавкиды вовсе не напоминала той, о которой вѣщаютъ намъ классическіе поэты древности, и Бавкида „ревѣла какъ корова“ да выдумывала разныя болѣе или менѣе подходящія средства для того, чтобы отучить Филемона отъ усиленнаго поклоненія Діонисію-Вакху. Давала она ему чахоточныхъ плевковъ съ мухами, заячьей мочи, но ничто не помогало и Филемонъ пилъ безъ просыпа. Выбившись изъ силъ надъ средствами „дозволенными“, Бавкида рѣшилась наконецъ попросить супруга „честью“, но въ произшедшемъ вслѣдствіе такого рѣшенія единоборствѣ Филемонъ, случайно на ту бѣду не пьяный, взялъ верхъ и такъ „изъѣдидъ“ супругу, что она нѣсколько дней не рѣшалась показаться на улицу въ виду сильнаго распространенія по ея лицу какихъ-то синихъ пятенъ. Поняла тутъ Бавкида, что въ открытомъ бою ей съ Филемономъ не совладать, а потому и придумала хитрость, которую рѣшилась пустить въ ходъ какъ разъ въ субботу, когда чело-вѣку по закону подобаетъ быть пьянымъ. Въ первую-же субботу Филемонъ явился къ своей Бавкидѣ въ такомъ „градусѣ“, что, не добравшись даже до постели, свалился на полъ; Бавкидѣ только этого и нужно было. Осторожно (чтобы не обезпечить „любимца боговъ Филемона) подкравшись къ спящему „и сладку слюну наслажденія изъ устъ испускающу“ мужу, она крѣпко связала ему сапожнымъ ремнемъ руки и ноги; приподнявъ затѣмъ голову „по чертогамъ боговъ“ разгуливающаго въ пьяномъ снѣ супруга, она стала поливать ее холодною водою. Понятно, что супругъ, витавшій на Олимпѣ и никакъ не ожидавшій такого неприятнаго пассажа, очнулся и сообразилъ, что глава его обрѣтается

подъ ведромъ, а руки и ноги связаны, какъ древле связаны были онѣ у Прометея, и потому сталъ упрашивать Бавкиду, чтобы она поскорѣе его развязала.—„Развяжи, душечка, я отрѣзвѣлъ уже“. — „А пить будешь?“—„Ей-ей не буду“, божился Филемонъ-Прометей, но неумолима Бавкида сказала: „Нѣтъ, голубчикъ, я тебѣ не вѣрю... Если и не будешь, то все же тебя поучить нужно, чтобы памятиѣ было“. Съ этими словами юная Бавкида ушла изъ комнаты, оставивъ связаннаго отнюдь не „сладкими узами любви“ Прометея. Немного спустя она вернулась съ громаднымъ пучкомъ розогъ въ рукахъ. Какъ ни клялся несчастный Филемонъ, что пить никогда болѣе не будетъ, какъ ни угрожалъ перунами Зевса и своими собственными дланями, что рано или поздно и на его улицѣ будетъ праздникъ, неумолимая Бавкида не оставляла своего намѣренія хорошенько поучить пьяницу-Филемона. Исполнивъ необходимую передъ всякимъ добропорядочнымъ сѣченьемъ операцію, выражающуюся въ приспособленіи необходимыхъ частей тѣла къ большей чувствительности черезъ удаленіе съ нихъ служащихъ лишь помѣхою частей туалета, Бавкида стала такъ отклестывать своего провинившагося Филемона, что въ горницѣ только „свистъ стоялъ“, какъ потомъ она выражалась. Филемонъ долго взывалъ къ Юпитеру, но его въ наличности не оказалось, вѣроятно вслѣдствіе того, что сей богъ, какъ безпаспортный, уклоняется отъ посѣщенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ завелись урядники; сбѣжались сосѣди и сосѣдки, которые хотали до упаду при видѣ представившейся ихъ глазамъ сцены. „Не пей; не пей!“ приговаривала разсвирѣпѣвшая Бавкида, шлепая по разкровяненному тѣлу Филемона значительнo уже поистрепавшимся пучкомъ. Наконецъ, придя къ тому заключенію, что она достаточно поучила любимца боговъ, она уложила на постель стенающаго отъ боли Филемона и оставила его въ покоѣ. На утро мужъ долго косился на супругу, но пить однако пересталъ. По совѣту добрыхъ сосѣдей, онъ рѣшился отмстить женѣ и привлечь ее къ суду. Отжили свой вѣкъ Филемонъ и Бавкиды и подъ вліяніемъ высшей культуры перестали быть такими, какими описывали намъ ихъ поэты древности. Говорятъ, Филемонъ ходилъ къ мѣстному оракулу-Афоньѣ и тотъ за двугривенный и полштофъ водки напророчилъ ему, что Бавкиду судья прикажетъ „постегать“ въ свою очередь.

Да и оракулы-то нынче стали уже не тѣ! Прежде они довольствовались и небольшими приношеніями, а теперь требуютъ больше выигрышныхъ билетовъ, такъ какъ находятъ, что на нихъ гадать и „бобы разводить“ удобнѣе, нежели на внутренностяхъ животныхъ. Жила-была въ Кіевѣ нѣкая г. Т.; жила она тихо и смирно,

но судьбѣ угодно было смутить ея спокойствіе знакомствомъ съ нѣкіемъ кievскимъ оракуломъ новѣйшаго пошиба. Недавно г. Т. заявила, что, прочитавъ объявленіе (ужь не губернскаго ли вѣдомости распространяють таковыя?) „предсказателя будущности“ Керимова, она въ январѣ нынѣшняго года „ходила къ нему въ кабинетъ и заплатила ему за предсказанія 36 рублей“. Затѣмъ 16 февраля Керимовъ, зная, что у Т—ской есть выигрышные билеты, предложилъ ей, умницѣ, если она желаетъ выиграть 200 тысячъ рублей, отдать ему всѣ билеты съ купонами на сумму 8130 р. Само собою разумѣется, что умница послушалась Керимова и передала ему билеты. Керимовъ въ ея присутствіи зашилъ билеты въ холщевый тючекъ и, вручая этотъ тючекъ Т—ской, приказалъ ей носить его на себѣ до дня розыгрыша, причемъ требовалъ строжайшаго соблюденія тайны, такъ какъ иначе его наука окажется безсильною и выигрышъ падеть на такой билетъ, который находится не у умницы въ рукахъ. За нѣсколько дней до розыгрыша Т—ская получила изъ Москвы, за подписью Пашковскаго, слѣдующую телеграмму: „Пріѣзжай немедленно по интересному дѣлу. Поѣдемъ въ Петербургъ. Отвѣтъ до востребованія“. Такъ какъ Т—ская имѣла родственника, носившаго фамилію Пашковскаго, то она отвѣтила, что просить увѣдомить, о какомъ интересномъ дѣлѣ идетъ рѣчь. На этотъ спросъ получена была вторая телеграмма: „Секрета не бойся, не говори никому, пріѣзжай, встрѣчу“. 1 марта Т—ская получила телеграмму уже прямо отъ Керимова все изъ той же Москвы: „Завтра тиражъ, пріѣзжай скорѣй“ (что означаетъ это „ты“ въ телеграммѣ, исторія умалчиваетъ, хотя оно и могло бы раскрыть—во всемъ ли была послушна умница своему оракулу). Наконецъ, 3-го получена была новая телеграмма: „Не пріѣзжай, ѣду въ Кіевъ“. 4 марта умница, желая убѣдиться въ выигрышѣ, развернула газеты, а затѣмъ и завѣтный тючекъ, въ которомъ оказалось: стекло, чистая бумага, афиша на гастрольный спектакль Горевой и т. п. Тогда только Т—ская поняла, что Керимовъ похитилъ у нея процентныя бумаги... Производится дознаніе, а, собственно говоря, не слѣдовало бы и дознаваться: умница впередъ будетъ умнѣе.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что повсюду на Руси на благо „умницамъ“ появились болѣе или менѣе ловкіе учителя, которые даютъ частныя уроки, и хотя и берутъ за свою науку сравнительно дорого, но за то надолго отучають учениковъ своихъ отъ излишней довѣрчивости. Въ Москвѣ (а также и у насъ въ Петербургѣ) съ первыхъ дней великаго поста стали разгуливать по домамъ какіе-то джентельмены, предлагая пріобрѣсти у нихъ за сравнительно дешевую цѣну „бразильскихъ канареекъ“, которыя

скоро, по ихъ словамъ, окончательно вытѣснятъ изъ домовъ своихъ тульскихъ и тирольскихъ собратій и будутъ продаваться по баснословнымъ цѣнамъ. Птички имѣли очень миленькій видъ и блистали чуть не всѣми цвѣтами радуги. Многіе умники и умницы конечно не замедлили попасться въ ловушку и заплатили по 2 р. 50 к. и больше за пару небывалыхъ пташекъ; но каково же было ихъ изумленіе, когда черезъ нѣсколько дней краски, мало-помалу стираясь, пропадали и въ клѣткахъ у нихъ оказывались самыя обыкновенныя воробы...

Мы бы никогда не кончили, еслибы вздумали описывать здѣсь всѣ случаи съ умниками и умницами, а потому и расскажемъ здѣсь всего лишь два, но не безынтересные и притомъ явно доказывающіе, что далеко не одни великороссы отличаются безшабашною довѣрчивостію. Недавно проживающая въ Прагѣ (Варшавской), при своемъ отцѣ, желѣзнодорожномъ чиновникѣ, Каролина М., 18-лѣтняя красивая дѣвушка, безслѣдно исчезла изъ дома родительскаго. Надняхъ, послѣ долгихъ и совершенно безплодныхъ поисковъ, отецъ дѣвушки получилъ извѣстіе, что дочь его находится въ Одессѣ въ ужасномъ положеніи; онъ немедленно отправился за нею и оказалось, что „умница“ склонилась на увѣщанія нѣкоего негодянта Фиглера бѣжать съ нимъ и „предаться любовнымъ утѣхамъ, на зло всѣмъ докучнымъ помѣхамъ“, гдѣнибудь въ шалашѣ. Впрочемъ, счастливый ловеласъ бился, собственно говоря, не для себя, а для другихъ, такъ какъ состоялъ торговцемъ „живого товара“ и агентомъ цѣлой многочисленной шайки безсовѣстныхъ мерзавцевъ, производящихъ свои операціи по различнымъ мѣстностямъ Европы, преимущественно же въ Австріи, въ Польшѣ и въ югозападныхъ губерніяхъ Россіи. Фиглеръ, обладающій красивою наружностью, и выдающій себя за человѣка изъ высшихъ общественныхъ сферъ, сумѣлъ склонить къ побѣгу несчастную „умницу“, обѣщавъ на ней жениться... Подобнымъ путемъ негодяю удалось вывезти изъ Варшавы, а равно и изъ другихъ мѣстностей не одну жертву своего подлаго промысла, которымъ онъ зарабатывалъ очень большія деньги. При арестованіи Фиглера въ Поти, при немъ найдены три дѣвушки (Каролина М. осталась въ Одессѣ по болѣзни), находившіяся въ состояніи искусственнаго возбужденія, достигаемаго усиленными приемами внутрь толченой шпанской мушки... Право, приходится иногда пожалѣть, что для подобныхъ преступниковъ не существуетъ смертной казни. Въ той-же Варшавѣ надняхъ въ пивную лавку Каменевскаго пришли двое неизвѣстныхъ людей и, заявивъ, что они странствующие фокусники, умѣющіе вызывать духовъ, просили у хозяина разрѣшенія дать въ его лавкѣ спери-

тическое представлѣніе, на что „умникъ“ и согласился тотчасъ же, имѣя, вѣроятно, въ виду насмотрѣться разныхъ чудесъ на даровщинку да и поторговать на славу во время представленія. Удалившись въ сосѣдную комнату—спальню Каменевскаго—и что-то приготовивъ тамъ въ тишинѣ, фокусники скоро снова вошли въ лавку и попросили потушить лампы. Затѣмъ въ спальнѣ послышался скрежетъ зубовъ, собачій вой, мяуканье, ревъ и пѣніе пѣтуха... все это закончилось тѣмъ, что всѣ присутствующіе услышали совершенно явственно, какъ духи разбились стекло въ спальнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ двери изъ спальни распахнулись настезъ и на порогѣ показалась бѣлая фигура, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ; потомъ все исчезло и снова водворилась тишина. Нетерпѣливый хозяинъ, по прошествіи четверти часа, зажегъ свѣчу и пошелъ въ спальню; здѣсь увидѣлъ онъ разбитый и перерытый комодъ и выбитое въ окнѣ стекло. Ясно, что вмѣсто духовъ въ спальнѣ побывали шутники, пошутившіе надъ довѣрчивыми хозяевами и стащившіе у нихъ много носильнаго платья и 135 руб. денегъ. Видимо, все пускается въ ходъ, чтобы открыть калифорнію, разбогатѣть или же хоть немного пожить на счетъ умниковъ и умницъ, разсыпанныхъ по лицу нашего отечества.

А между тѣмъ калифорнія-то у насъ подъ бокомъ, и мы, какъ и подобаетъ потомкамъ славныхъ головотяповъ, тпаемся головами и ищемъ рукавицъ, когда онѣ у насъ за поясомъ. Впрочемъ на наше счастье калифорнію эту, до сихъ поръ скрывавшуюся отъ взоровъ русскихъ наблюдателей и экспертовъ отъ наукъ, открыли нѣмцы, которые и вывозятъ оттуда золото, благо мы не съумѣли тамъ распорядиться. Такъ, напримѣръ, князь Любомирскій продалъ свое имѣніе Дубно; за часть этого имѣнія, состоящаго изъ фольварка и 10 т. десятинъ лѣса, выручено 120 т. рублей. Не успѣлъ еще новый владѣлецъ взглянуть на купленное имъ, какъ находится новый покупатель, предлагающій 240 тыс. рублей. Отказаться было трудно и имѣніе продано вторично съ заработкомъ въ 120 т. рублей. Еще не успѣли окончить новую купчую крѣпость, какъ появляется на сцену нѣкій берлинскій торговецъ, предлагающій владѣльцу 280 тыс. руб. только за право рубки лѣса и дающій всѣ деньги впередъ. Этими деньгами уплачено прежнему собственнику 240 т. руб., 40 т. руб. выручено чистаго заработка, и имѣніе досталось даромъ. Но прошло не болѣе двухъ лѣтъ—и оказалось, что въ дѣйствительности выигралъ только одинъ нѣмецъ: никто изъ владѣльцевъ не зналъ дѣйствительной стоимости своего имущества, а нѣмецъ оцѣнилъ его и наживаетъ милліоны; среди дубенскихъ лѣсовъ возникла цѣлая нѣмецкая колонія Кенебергъ, выстроенъ громадный паровой лѣ-

сопильный заводъ, колонія соединяется собственнымъ рельсовымъ путемъ съ радзивиловскою вѣтвью югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ, на р. Иевѣ, впадающей въ Стырь, устроена пристань. Въ колоніи вы, конечно, не услышите русскаго слова: администрація, мастера, писаря, рабочіе—все нѣмцы...

А мы, между тѣмъ, все еще сидимъ и размышляемъ надъ вопросомъ: выгодно-ли для городовъ, когда желѣзнодорожная станція находится въ нихъ, или же лучше устранивать таковыя на большемъ отъ послѣднихъ разстояніи? Вотъ и теперь, когда сотни русскихъ городовъ плачутся на то, что желѣзныя дороги тщательнo ихъ обходятъ, комиссія, образованная изъ специалистовъ-инженеровъ для рѣшенія вопроса, можно-ли довести строящуюся ромно-кременчугскую желѣзную дорогу вплоть до г. Ромень, пришла къ такому заключенію, что Ромны находятся въ столь неблагоприятныхъ географическихъ (?) условіяхъ, что для постройки дороги до самаго города потребуются миллионныя затраты (не на тунели-ли въ степяхъ и на огромные мосты черезъ Грязициски, Поганки и озера Свиной бродъ и Куриный водопой?); само собою разумѣется, что это извѣстіе чрезвычайно опечалило роменскихъ обывателей, которые надѣялись на то, что съ проведеніемъ желѣзной дороги поднимется экономическое благосостояніе города. Дѣло въ томъ, что прошлою осенью вопросъ этотъ въ принципѣ былъ рѣшенъ въ пользу города, такое рѣшеніе было признано цѣлесообразнымъ мнѣніемъ комитета министровъ и Высочайше утверждено. Послѣ уже кукуевцы, для которыхъ никакой законъ неписанъ, стали избирать удобное мѣсто для подведенія дороги къ Ромнамъ, но по прошествіи нѣкотораго времени заявили, что они затрудняются выборомъ такого мѣста (съ Усмани они просили 20 т. рублей за выборъ такого мѣста, а Ромны богаче), такъ какъ окрестности Ромень крайне неблагоприятны „по своему географическому положенію“. Роменцы пожалѣли о безграмотности кукуевцевъ и подослали къ нимъ ученика перваго класса гимназіи, который старался вразумить ихъ, что географическимъ положеніемъ мѣстности называется ея удаленіе отъ экватора и отъ перваго меридіана; но новые юпитеры не вняли лепету ребенка и продолжали лепетать еще хуже его. Была вслѣдъ затѣмъ образована особая комиссія изъ специалистовъ-инженеровъ, въ которую не вошелъ однако ни одинъ изъ обывателей Ромень. Вышла и съѣла комиссія всего много и наконецъ нашла, что для подхода къ Ромнамъ существуетъ два пути—лозовскій и бобринскій и что оба они ровно никуда негодятся. Истинно несчастный городъ, если къ нему и подобраться-то невозможно! Бобринскій подходъ, по мнѣнію комиссіи, требуетъ миллионныхъ

затратъ (а тратить-то мы будемъ), такъ какъ придется сооружать двѣ громадныя насыпи и построить высокой мостъ; лозовскій же—крайне неподатный, такъ какъ почва здѣсь обладаетъ плавунами, песковыми розсыпями и пływучею глиною (ни дать ни взять Кукуевка!). Вслѣдствие этого стробители предполагаютъ оставить Ромны въ сторонѣ отъ строящейся желѣзной дороги—не слѣдъ-де вамъ съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ соваться! Интересно бы узнать: сколько можно приварманить денегъ съ кубической сажени плавунна, песковыхъ розсыпей и пływучей глины? и что возьмутъ кукуевцы съ города за то, чтобы всѣхъ этихъ ужасовъ не было вовсе? Слава Богу, однако: вопросъ объ измѣненіи направленія новой дороги снова поступилъ въ комитетъ министровъ для окончательнаго утвержденія того пункта, гдѣ должны соединяться либаво-роменская и ромно-кременчугская желѣзныя дороги, а пока-что роменскіе обыватели проливаютъ слезы и еще болѣе ухудшаютъ географическое положеніе своего города тѣмъ обиліемъ воды, которую они источаютъ изъ своихъ глазъ.

Охъ, ужъ эти инженеры! вотъ ужъ путешники-то по рожденію! Не успѣли еще финляндскіе инженеры облечься въ арестантскія куртки, какъ на сцену выплыли туркестанскіе, а за ними вслѣдъ и омскіе. Нынѣшнею весною прибудетъ въ Омскъ особая комиссія для осмотра и ревизіи зданія сибирскаго кадетскаго корпуса. Зданіе это, поглотившее болѣе 400 т. рублей, оказалось выстроеннымъ очень сомнительно, а отчетъ отъ строителя былъ вытребованъ лишь спустя много лѣтъ послѣ окончанія работъ, да и то послѣ безчисленныхъ настояній, такъ что пришлось обратиться даже къ содѣйствию министра внутреннихъ дѣлъ. Но и представленный такимъ образомъ отчетъ далеко не удовлетворилъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, такъ что оно вынуждено было поручить командированному въ 1886 году для ревизіи этого корпуса генералу (прогоны на 120 лошадей, суточныхъ 100 р., подъемныхъ 1000 р., негласнаго пособія 3000 р., пищевыхъ 66 р. 33 $\frac{1}{2}$ к., столовыхъ 2000 р., квартирныхъ 1000 р., на обрусѣніе 10000 р. и на непредвидѣнные расходы 10000 р.), ознакомиться съ дѣлами лично по постройкѣ зданія. Генералъ былъ очень милый, но смыслилъ очень мало, а потому ознакомленіе его и показало только, что для провѣрки правильности постройки необходимо назначить особую комиссію (жалованье председателю 5000 руб., членамъ по 3000 р., столовыхъ и другихъ вмѣстѣ съ обрусѣніемъ около 150 т. рублей). На самомъ дѣлѣ зданіе оказывается построеннымъ такъ, что въ немъ нельзя дѣлать фронтнаго ученія кадетамъ, ибо полъ слишкомъ трясется и угрожаетъ проваломъ; печи въ залахъ пришлось поставить въ

амбразурахъ стѣнъ; нѣкоторыя стѣны дали уже трещины. Поговариваютъ и о многихъ другихъ „неудобствахъ“, которыя могутъ однако оказаться лишь прямымъ слѣдствіемъ, „неблагопріятнаго географическаго положенія“ Омска.

Должно быть, вслѣдствіе неблагопріятнаго-же географическаго положенія нашъ народъ все еще остается дикимъ, несмотря на возгласы народниковъ, которые даже и намъ предлагаютъ вернуться въ первобытное состояніе. Тѣ-же народники вѣзасось наслаждаются тѣмъ безобразіемъ, которое принято у насъ называть „самосудомъ“. Довольно поучительный примѣръ такого „непосредственнаго проявленія въ народѣ чувства правды“ имѣлъ наднихъ мѣсто въ с. Кочубіевкѣ, уманьскаго уѣзда. Послѣ новаго года крестьяне этого села узнали, что кто-то изъ молодыхъ людей умудрился похитить у своихъ родителей молодую овцу, зарѣзать ее и въ пріятной компаніи на „досвіткахъ“ съѣсть. На бѣду парня у одного крестьянина еще раньше того также пропала овца. Хозяинъ пропавшей овцы потребовалъ отъ сельской власти розысканія виновныхъ. Сельскія власти, чуя могарычи, отнеслись крайне сочувственно къ означенному заявленію и принялись за розыски. Они арестовали одну молодую дѣвушку изъ той семьи, у которой пропала съѣденная на досвіткахъ овца, и при участіи еще двухъ крестьянъ приступили къ допросу предполагаемой преступницы. Допрашивали ее втеченіи двухъ дней, требуя выдать виновныхъ, но дѣвушка только плакала и отговаривалась незнаніемъ. Что тутъ было дѣлать „нетронутымъ натурамъ?“ Составляется засѣданіе самосуда (радуйтесь, народники!) изъ тѣхъ-же сельскихъ властей и двухъ крестьянъ, и вотъ эти непрошенныя судьи „по-своему, по мужицкому, бласлови Господи, разумѣнію“ признаютъ, что въ отказѣ дѣвушки видно особенное упорство съ цѣлью укрывательства виновныхъ, и рѣшаютъ: „провести дѣвушку черезъ селеніе для посрамленія“. Самосудъ этотъ приведенъ въ исполненіе черезъ недѣлю. Несчастную дѣвушку одѣли въ овечью бѣлую кожу и при ударахъ въ дырявое жестяное ведро провели ее два раза черезъ все село. Истязаніе дѣвушки продолжалось болѣе трехъ часовъ, причемъ ругали ее, осыпали насмѣшками, останавливались около каждаго дома, вызывая зрителей съ предложеніемъ посмотрѣть „кто вона така“. Въ концѣ концовъ дѣвушка сильно заболѣла и затѣмъ подала жалобу на милыхъ судей.

Но это, по крайней мѣрѣ, хоть и не праведный судъ, да скорый, а вотъ поглядите-ка, какъ судятъ въ Ярославлѣ. Я вообще никогда не могъ безъ смѣха слушать, какъ на заявленіе секретаря, что повѣстка не была вручена свидѣтелю Петру Петрову за смертью онаго, предсѣдатель совершенно серьезно обращался

къ товарищу прокурора съ приглашеніемъ дать заключеніе; прокуроръ заявлялъ, что „на основаніи статей х, у и з, свидѣтель не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за неявку“. Въ послѣднюю сессію суда въ Ярославлѣ было назначено интересующее мѣстное общество дѣло актера Матвѣева, обвиняемаго въ присвоеніи и растратѣ чужой собственности. Съ девятаго часа утра со всѣхъ сторонъ потянулись въ судъ алчущіе и жаждающіе послушать этотъ любопытный процессъ; присяжные засѣдатели шли и ѣхали степенно и важно, тогда какъ публика горячилась, спорила и строила предположенія о результатѣ суда. Свидѣтели, боясь опоздать, спѣшили въ судъ, чтобы въ чужомъ пиру не отвѣдать похмѣлья; въ числѣ послѣднихъ находились частный приставъ, антрепренеръ, который на этотъ разъ не удралъ и не пустилъ въ трубу своихъ подначальныхъ, артисты, на лицахъ которыхъ можно было безошибочно видѣть, кого они изображаютъ на подмосткахъ, купцы и предводитель дворянства; одни поневолѣ бросили свою службу, другіе оставили, боясь штрафа, свои собственные дѣла и занятія. Не явилась только свидѣтельница Арсеньева, которую, несмотря на строгость паспортнаго устава и на всѣ послѣднія мѣропріятія, вызванныя нынѣшнимъ неспокойнымъ временемъ, не могли розыскать во многихъ городахъ. Десятки собравшихся присяжныхъ и свидѣтелей заняли отведенныя для нихъ мѣста въ залѣ суда. Загудѣлъ большой судейскій колоколъ, возвѣстившій торжественное вшествіе сулей, занявшихъ мѣста на возвышеніи... полѣзъ на трибуну и подсудимый, а подлѣ него стала стража. Все смолкло — потому, неравно, оштрафуютъ. И вдругъ судъ, самъ-же назначившій дѣло на субботу, во всеобщему, очень большому удивленію и величайшему огорченію обвиняемаго, обращается къ товарищу прокурора и проситъ дать заключеніе, спрашиваетъ-ли онъ возможнымъ слушать дѣло въ субботу, такъ какъ въ числѣ свидѣтелей есть три еврея, въ день субботній неприемлющихъ присяги и немогущихъ по своей религіи давать какія-либо показанія. Прокурорская власть, въ лицѣ очень юнаго товарища прокурора, весьма торжественно и краснорѣчиво, ссылаясь на сенатское разъясненіе, требуетъ непременно отложить дѣло. Защитникъ подсудимаго сначала заявилъ, что онъ не будетъ протестовать прочтенію показанія потерпѣвшей Арсеньевой, и очень убѣдительно упраскивалъ судъ не откладывать засѣданія изъ-за Арсеньевой, потому что впоследствии крайне трудно, почти невозможно будетъ собрать свидѣтелей-артистовъ, которые скоро, по окончаніи театральнаго сезона, разъѣдутся по разнымъ мѣстамъ; противъ же прокурорскаго заключенія о днѣ субботнемъ, конечно, ничего нельзя было сказать, и защитникъ, по поводу назначенія дѣла на невозможный

для него день, лишь пожалъ плечами и съ яснымъ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія опустилсѣ на свамяю. Подсудимый поблѣднѣлъ. Публика, сочувственно посматривая на него, недоумѣваетъ: что же все это значить? къ чему же было назначать дѣло на субботу, если слушать его въ этотъ день невозможно? Судъ удалется на совѣщаніе. Въ публикѣ слышится ропотъ: всѣ какъ-то переполошились, зашептали, заговорили. Никто не выходитъ изъ залы засѣданія, полагая, что „начальство“ смируется. Всѣмъ очень интересуется неслыханною еще причиною (не доглядѣли) для отлагательства дѣла. Какъ ни простъ былъ вопросъ, какъ ни ясна была необходимость отложить дѣло, тѣмъ не менѣе судъ совѣщался около часа и вынесъ рѣшеніе, которымъ, конечно, отложилъ дѣло до 19 марта. Мертвенно-блѣдный, угрюмый, съ пониженною головою, подсудимый спускается съ трибуны, повидимому крайне недовольный оттяжкой дѣла. Да и понятно: человѣкъ онъ женатый, семейный, а дѣло—когда еще состоится; между тѣмъ ступай до поры до времени въ бутузку или выкладывай большой кушъ денегъ въ залогъ за себя. А гдѣ же ихъ взять бѣдному актеру? Ужъ если дѣло не состоялось въ нынѣшнюю, самую удобную для него сесію, то, какъ совершенно справедливо доказалъ защитникъ, очень трудно, почти невозможно состояться ему тогда, когда всѣ странствующие актеры, какъ птицы перелетныя, разлѣются по всему бѣлу свѣту, и ужъ если судъ не сумѣлъ розыскать одну свидѣтельницу Арсеньеву, то вдесятеро будетъ труднѣе собирать снова всю эту ораву. Защитникъ совершенно резонно сослался на чье-то дѣло, откладывавшееся изъ-за свидѣтелей 6 разъ и въ концѣ концовъ состоявшееся все-таки безъ свидѣтелей. Почему бы не назначить дѣла днемъ раньше или позже? или тутъ воскресенье будетъ помѣхой? Вѣдь ужъ во всякомъ же случаѣ совершенно неправильно было назначено на субботу такое дѣло, которое въ субботу ни въ какомъ случаѣ слушаться не могло. Къ чему же было и назначать его? зачѣмъ было занимать канцелярію и массу полицейскихъ управленій совершенно непроеводительнымъ трудомъ? зачѣмъ было разсылать повѣстки въ Пошехонье, въ Варшаву, въ Москву, въ Царское Село и др. мѣста? къ чему было собирать всю эту кучу свидѣтелей, для чего совершенно напрасно безпокоить десятки занятыхъ людей, приглашая ихъ засѣдателями?

Непутевое рвеніе можетъ привести къ самымъ ужаснымъ результатамъ; вообще, не обузданность всякая вредна, какъ это еще недавно доказало громкое, потрясающее дѣло Доманскаго, разбиравшееся въ одесскомъ окружномъ судѣ и оставившее на всей рѣшительно публикѣ самое тяжелое, угнетающее впечатлѣніе. Этотъ ужасный случай, гдѣ сынъ явился мстителемъ-убійцею отца за семью,

свѣжъ еще въ памяти читающихъ газеты, но, даже и зная всю обстановку преступленія, страшно было слушать хладнокровные рассказы дѣтей объ ужасахъ, какими переполнялъ ихъ жизнь необузданный старикъ... Даже люди сильные духомъ, и тѣ не могли удержать слезъ... Залъ суда былъ биткомъ набитъ публикою, и масса ея, непопавшая въ залу, наполнила коридоры зданія, дворъ и даже прилегающую площадь (словно пришли смотрѣть Сарру Бернаръ или Гореvu). Подсудимый, Павелъ Доманскій, симпатичный юноша, блондинъ, занялъ роковую скамью почти безъ всякаго волненія да и вообще во все время хода дѣла велъ себя совершенно спокойно. Понятно, что всѣ симпатіи присутствовавшихъ были на сторонѣ этого несчастнаго; взгляды, полные искренняго участія, встрѣчалъ онъ со всѣхъ сторонъ. Слѣдуетъ замѣтить, что семья Доманскихъ жила болѣе 5 лѣтъ въ домѣ Герарда по Болгарской улицѣ, и во все это время, какъ утверждаютъ, помимо несчастныхъ дѣтей, свидѣтели сосѣди, не проходило почти ни одного дня, чтобы глава семьи, Спиридонъ Доманскій, не свирѣпствовалъ въ домѣ. Муки, которыя терпѣли отъ него дѣти и въ особенности мать—трудно поддаются описанію. Въ роковой вечеръ дѣти: Павелъ, служившій прикащикомъ въ чайномъ магазинѣ Оборина, сестра его (двѣточница) Матрена 17 лѣтъ и младшій братъ Михаилъ—пришли, по обыкновенію, домой вмѣстѣ. Дома они застали обычную картину: мать, избитая отцомъ, сидѣла въ слезахъ на порогѣ и сообщила имъ, что отецъ еще страшнѣе, чѣмъ былъ когда-либо; она боялась войти въ квартиру и предостерегала о томъ и дѣтей. Павелъ постучалъ въ окно, съ кровати поднялся отецъ, подошелъ къ окну и, сначала вовсе отказываясь впустить его, сказалъ наконецъ: „васъ впущу, а ее—ни за что, пусть здыхаетъ тамъ!“ Дѣти, страшно возмущенныя поведеніемъ отца, сказали матери: „не бойся, мама, насъ четверо—сумѣемъ защититься отъ одного“. И вотъ семья вошла въ квартиру. Деспотъ схватилъ жену за волосы; подскочилъ Павелъ, умоляя его не трогать мать. „Ну, такъ я сдѣлаю, какъ сдѣлалъ Тарасъ Бульба. Я—Тарасъ Бульба, я убью тебя!“ загремѣлъ на юношу отецъ и схватилъ его за горло. Тутъ и совершилась катастрофа. Сраженный пулею сына въ правый високъ, старикъ упалъ головою на кровать и черезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Убійца пошелъ тотчасъ-же съ матерью въ полицію и заявилъ о совершенномъ имъ преступленіи. На судѣ показанія дѣтей и матери были вполне согласны со словами подсудимаго. Установлено между прочимъ, что въ роковой день Павелъ говорилъ своимъ сотоварищамъ по службѣ, что отецъ его сталъ въ послѣднее время совсѣмъ невыносимъ, и что если онъ

и его такъ-же станеть терзать, какъ мать, то послѣдствія могутъ быть ужасныя. Общественная совѣсть признала Павла Доманскаго невиновнымъ...

Хорошо, коли имѣется эта общественная совѣсть, а каково, коли она уже успѣла испариться, коли она съ давнихъ поръ, еще съ добраго стараго времени всѣмъ выѣла безстыжіе глаза, и люди ходятъ въ подлости, какъ во тьмѣ, подчасъ удивляясь даже, какъ это можно жить на бѣломъ свѣтѣ съ какою-то совѣстью. За примѣрами ходить недалеко, и вотъ что разсказываютъ, напримѣръ, о нѣкоемъ Псоѣ Пудовичѣ Кособрюхомъ, живущемъ Божіею милостію куда какъ не далеко отъ нашей объевропившейся столицы. Въ томъ-же городѣ (назовемъ его Н.) жилъ-былъ или, вѣрнѣе, появился вдругъ, совершенно для обывателей неожиданно, нѣкій податной инспекторъ-невзяточникъ. Собирается присутствие по податнымъ дѣламъ, котораго, какъ извѣстно, податной инспекторъ ех officio является предсѣдателемъ; собирается оно для раскладки податей и повинностей на будущій годъ... Почтенный городской голова обращается къ предсѣдателю съ слѣдующими словами: „Ну-съ, Иванъ Ивановичъ, что тамъ долго тянутъ! мы ужъ раскладочку составили по-своему, по-домашнему, да кстати и васъ не забыли“. — „Я васъ не понимаю“, отвѣчаетъ невинный младенецъ, онъ же инспекторъ, „мы собрались“... „Да что тутъ канитель тянуть; коли не понимаете, такъ я вамъ пояснѣ скажу: составили мы, значить, въ наилучшемъ порядкѣ раскладку, а вамъ назначили 1000 р.... прикажите получить, и только“. — „Я васъ прошу замолчать немедленно“, отвѣчаетъ инспекторъ и приступаетъ къ дѣлу. „Извольте-съ, коли такъ“. Началось засѣданіе. Что ни слово, то споръ съ инспекторомъ: по каждому пункту выходитъ разногласіе, и предсѣдатель остается одинъ при своемъ мнѣніи. Такъ шло засѣданіе до той минуты, когда голова, увлекшись своимъ протестами, позволилъ себѣ сказать инспектору невѣжливое слово и за это слово получилъ пощечину. Прекрасно. Голова подаетъ жалобу мировому судѣ за оскорбленіе. Мировой судья оказывается другомъ обиженнаго и приговариваетъ инспектора не къ денежному штрафу, а къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ цѣль головы достигнута. Инспекторъ отстраняется волею-неволею отъ должности, ибо онъ попадаетъ въ тюрьму.

Другой случай. Оказывается, что недоразумѣнія, возникшія между бывшимъ экзархомъ Грузіи, высокопреосвященнымъ Павломъ, и мѣстнымъ дворянствомъ, имѣли подкладкою повальное презрѣніе, съ которымъ владыко относился къ дворянству; само собою разумѣется, что предводитель этого сословія г. Ки—ни заступался за своихъ дворянъ, которыхъ архипастьрь безъ даль-

нихъ околичностей предалъ всѣхъ проклятію. Экзархъ перевелся, а почтенный предводитель дворянства чуть-ли не долженъ былъ проѣхать за границу, благо о налогѣ на паспорта и разговора еще не было; нѣкоторыя газеты поглумились надъ г. Ки—ни, но не дали себѣ труда развѣдать дѣло, которое, напротивъ того, показываетъ, что есть еще на Руси люди, дорожащіе честью своихъ однословниковъ и идущіе даже противъ силы, когда эта сила дѣлаетъ что-либо неподходящее.

Хорошо бы, еслибы отправили за границу нѣсколько провѣтриться нѣкоторыхъ провинціальныхъ „спасителей гибнущей родины“, вмѣстѣ же имъ легіонъ! Прежде всего надо бы отправить туда извѣстнаго г. Леонарда, который снова послѣ долгой беременности разрѣшился брошюрою: „Соціальная боль“. Этотъ неунывающий россиянинъ изъ цинцаръ, валаховъ или изъ другой какой-то національности, должно быть, очень богатъ, такъ какъ пишетъ, печатаетъ свои художественныя измышленія на свой коштъ и разсылаетъ ихъ при газетахъ, дабы волею-неволею подписчики этихъ газетъ попользовались для той или другой цѣли его твореніями. Сей бессарабскій іеремія можетъ считать себя уже давно заслужившимъ всеобщее уваженіе русскимъ философомъ, такъ какъ онъ усердно давалъ работу типографскимъ машинамъ и способствовалъ къ наибольшему распространенію удобрительнаго пудрета посредствомъ примѣси къ нему листковъ своихъ брошюръ. Онъ печатался еще во времена „Голоса“, помѣщая, впрочемъ, свои „упражненія“, чрезвычайно подходившія подъ рубрику: „Взглядъ и нѣчто“, въ отдѣлѣ объявленій и за конторскимъ номеромъ. Писалъ онъ о взятіи Константинополя, о „да не зайдетъ солнце во гнѣвъ твоемъ“, о коготкахъ, о паденіи курса, о подъемѣ духа, о спасеніи вообще и чрезъ него, Леонарда, въ особенности, о свиньяхъ, о себѣ, о деньгахъ и ихъ пользѣ и вредѣ, писалъ витіевато, пошловато, случивовато и мнилъ ся быти если не бессарабскимъ Шопенгауэромъ, то по крайней мѣрѣ кишиневскимъ Иванъ-Яковлевичемъ; лавры въ видѣ счетовъ изъ типографій не осыпали его, онъ все сидѣлъ и думалъ, чѣмъ еще подобаешь удивить міръ. Много ночей не спалъ онъ и бродилъ вокругъ пушкннскаго памятника, опирался спиною объ домъ Инзова, но чувствовалъ лишь безплодныя потуги; и вдругъ онъ нашель „слово“! бѣгомъ долетѣлъ до дому, взялъ стопу бумаги и сталъ писать... Слово это или, вѣрнѣе, цѣлыхъ два слова были: „гимнастика сердца!“ Сердце автора переполнилось истинами, высказанными въ самое послѣднее время графомъ Толстымъ, и онъ узрѣлъ всю мерзость заустѣнія, въ которой погрязъ міръ. Конечно, сапоги шить г. Леонардъ не пошелъ и печей не сталъ класть, а сталъ куситься и стенать. Кишинев-

ская полиція („въ ротъ ей пирогъ съ горохомъ“, утверждаетъ г. Леонардъ) не обратила во-время вниманія на сердечныя корчи г. Леонарда и на новую болѣзнь, которая его обуяла, такъ какъ „соціальной боли“ въ справочныхъ книжкахъ для окологородныхъ не значилось, а также и не указавъ тотъ Пастеръ, который этотъ родъ бѣшенства лѣчить; поэтому недогодливая администрація выдала г. Леонарду заграничный паспортъ—уѣзжай, дескать, и не блажи. Но эта-то парижская поѣздка и сдѣлала всю кутерьму. Исторія умалчиваетъ, въ какомъ именно костюмѣ ѣздилъ нашъ новый Иванъ Яковлевичъ въ столицу міра, но кондуктора сказываютъ, что на немъ было вретиче (джутовое), и глава его была посыпана пепломъ безащитной, контрабандной сигары; философъ путешествовалъ въ спальномъ вагонѣ, но и здѣсь онъ „слышалъ мелкіе стоны и жалобы со всѣхъ сторонъ; онъ видѣлъ людей, которые какъ-бы выплакали всѣ слезы, истощили всѣ силы (см. брошюру его: „Старческое истощеніе, или нѣтъ болѣе ханаановой привычки“), впали въ отчаяніе (см. брошюру: „Отчаяніе—признакъ гибели, или югозападныя желѣзныя дороги“) и какъ-бы (?) готовятся умереть (см. брошюру: „О томъ, какъ люди какъ-бы готовятся умереть“); онъ чувствовалъ изнеможеніе (см. бр.: „Физическая истома, или Зюлейка“), убогость духа (см. бр.: „Нѣсколько словъ о томъ, что я“), беспомощность“. Какъ ни старались европейскіе кондукторы приласкать и успокоить мятушагося философа, но онъ замѣтилъ, что „теперь и по желѣзнымъ дорогамъ, въ роскошныхъ вагонахъ, возятъ людей больныхъ и убитыхъ душевно“ (см. бр. его: „Можно ли возить по желѣзнымъ дорогамъ падаль и дохлятину, или не въ бровь, а прямо въ глазъ“). Все осмотрѣлъ г. Леонардъ за границей, совалъ свой философскій носъ повсюду, даже и въ мѣста неуказанные, но все-таки вывелъ заключеніе, что западная культура даетъ намъ лишь „хламъ роскоши и комфорта“. Какъ же спастись отъ этого хлама, а слѣдовательно и отъ леонардовскаго? Очень просто! „Надо обратиться къ гимнастикѣ сердца, т. е. стать у сердца человѣка и отъ него ждать исправленія, просвѣтлѣнія и возрожденія“. Пусть однако г. Леонардъ дѣлаетъ стойку надъ сердцемъ и кричитъ ему: „прыгать—ein, zwei, drei! зъ рукамъ впередъ—ein, zwei, drei!“ и гимнастируетъ сколько его душенькѣ угодно, пока окологородные не примутъ его за сумасшедшаго и не свезутъ въ домъ умалишенныхъ; у насъ есть заботы помимо гимнастики сердца...

Да вотъ хотя-бы г. Бѣльскій и его брюки! это ли не жгучій вопросъ? Вся Астрахань чуть не взбунтовалась изъ-за нихъ. Нѣкій съ виду моншеръ сталъ драться; составили протоколъ и тутъ оказалось, что сей моншеръ есть не кто иной, какъ директоръ-распорядитель мѣстной драматической труппы, извѣстный подъ своимъ

театральнымъ *nom de guerre*—А. П. Бѣльскаго, а просто—Кукушкинъ; человекъ, котораго онъ „училъ“, оказался рецензентомъ мѣстной газеты. Дѣло въ томъ, что на подмосткахъ астраханскаго театра подвизалось товарищество странствующихъ балаганщиковъ и петрушекъ, которые не столько ломаютъ камедь, сколько истребляютъ зварыкинскаго вина и не брезгаютъ даже калмыцкой бузой, такъ какъ и ею нарѣзаться можно до осатѣнія. Исполнялись пьесы этою труппою такъ, что кошки выли на заборахъ и сливки свертывались на погребкахъ; въ мѣстный клубъ явился громадный осетръ и, оставивъ слѣды своего тамъ пребыванія, отправился на кухню, гдѣ и былъ немедленно освѣжованъ; тюлени, обидѣвшись, что это ихъ изображаютъ подъ видомъ герцоговъ и графовъ, отправили депутацію къ актрисѣ Горевой, чтобы она пріѣхала на будущій годъ въ Астрахань и показала, какъ слѣдуетъ играть; обыватели взревѣли бѣлугами, а сіи послѣднія стали шептаться. Главная сила труппы г. Кукушкинъ бралъ преимущественно въ классическихъ роляхъ фасономъ брюкъ: это сводило съ ума астраханскихъ дамъ, которыя, подобно астраханскимъ сельдамъ, и ходили стаями за сердцеѣдомъ, лишь совершенно случайно попавшимъ въ актеры. И вотъ рецензентъ „Астраханскаго Листка“, британецъ гордый, г. Кларкъ, вдругъ не призналъ таланта г. Кукушкина и отнесся къ нему неособенно благосклонно. Кукушкинъ потребовалъ объясненій, а когда Кларкъ счелъ ихъ излишними, то актеръ сталъ наносить ему удары; позвали бутарей, которые и оттащили Бѣльскаго за воротъ отъ его жертвы. Въ слѣдующемъ антрактѣ неудавшійся актеръ сталъ снова бить несчастнаго рецензента, который и почелъ послѣ этого за лучшее отдаться подъ охрану полиціи. „Вышибало“ поневолѣ утихъ. Астраханцы, конечно, возмущены этимъ фактомъ, но астраханки увѣряютъ, что душка-Бѣльскій тутъ жертва интриги и что у него такъ мило спиты брюки, что онъ не можетъ быть виновенъ, а если и „пошалилъ“, то мило, какъ рѣзвый балованный ребенокъ.

Предоставимъ однако астраханцамъ возжаться со своимъ кукиромъ и прислушаемся къ толкамъ по поводу недавняго процесса г. Пятова, который только-что завершёнъ въ астраханской соединенной палатѣ. Г. Пятовъ, красноярскій предводитель дворянства, одинъ изъ заслуженныхъ общественныхъ дѣятелей, былъ преданъ суду за оскорбленіе на письмѣ астраханскаго губернатора г. Цеймерна. Рѣзкій и довольно громкій разладъ между этими двумя „кораблями большого плаванія“, доходившій и до Петербурга, произошелъ изъ-за чистыхъ пустяковъ, какъ и общеизвѣстная ссора Довгочуна; къ сожалѣнію Богъ не послалъ Астрахани поэта, который могъ бы воспѣть эту ссору, а еслибы такой

и былъ въ наличности, то онъ побоялся бы, чтобы его не побили, какъ Кларка, или просто не проглотили астраханскія бѣлуги. Первоначальная искра недоразумѣній вспыхнула изъ-за личныхъ антипатій; просто на просто: у васъ зубъ со свистомъ, а съ другой стороны: а у васъ носъ волчкомъ. Еслибы во главѣ администраціи и дворянства стояли все красавцы, подобные Антиноямъ, то ничего бы и не было. Скоро послѣдовали „пререканія“: а позвольте васъ спросить? а почему у пожарныхъ только пять пуговиць? Г. Пятовъ, по своему званію, предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, куда принятъ былъ на службу по вольному найму нѣкто Букаревъ. Мѣсто писмоводителя оставалось вакантнымъ, и Букаревъ, фактически завѣдуя дѣлопроизводствомъ, подписался на нѣсколькихъ исходящихъ бумагахъ. Г. Цеймернъ опротестовалъ подпись Букарева, какъ лица, не имѣющаго права на государственную службу, и потребовалъ отъ г. Пятова немедленнаго увольненія Букарева. Г. Пятовъ отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ подпись Букарева была простою формальностью, что она объясняется совершенною случайностью и что впродъ Букаревъ не позволитъ себѣ такой оплошности. Тогда г. Цеймернъ повторилъ г. Пятову свое требованіе объ удаленіи Букарева и, получивъ вторичный отказъ, вошелъ съ представленіемъ „о неслыханномъ дѣлѣ“ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Объясненія, данныя г. Пятовымъ министерству, и послужили поводомъ для преданія его суду, по обвиненію въ оскорбленіи губернатора. Судъ вынесъ обвинительный приговоръ, но по самой низшей степени наказанія; конечно, г. Пятовъ остался рѣшеніемъ недоволенъ и приносить аппеляцію въ сенатъ. Ну, развѣ это не напоминаетъ исторію о томъ, какъ два царя у Гейне вели войну и „все изъ-за коровы“?

Иное дѣло, когда споръ идетъ изъ-за вещи общецѣнной, на примѣръ, изъ-за денегъ; вотъ и саратовскій хроникеръ долженъ сохранить на вѣки въ своихъ „повѣстяхъ временныхъ лѣтъ“ имя недавняго грозы и вототилы мѣстнаго банка, купца и кавалера разныхъ медалей и орденовъ В. И.³Скворцова. Этотъ финансистъ, могущій однако быть при случаѣ цѣловальникомъ или кошедеромъ, самъ, добровольно и безъ всякаго суда, удалился отъ дѣлъ, такъ какъ, потянувъ носомъ воздухъ, прочувалъ, что на слѣдующихъ выборахъ его „уонтентуютъ и утопятъ“. Скворцовъ далеко не самомнящій, а между тѣмъ онъ новый Лоу, котораго саратовцы почему-то не хотѣли признать таковымъ, хотя онъ всю жизнь и шелъ противъ того, что писано въ банковомъ уставѣ; онъ говорилъ, что „законъ ему не писанъ“, и велъ банковскія дѣла такъ, какъ велъ бы скупу кошачьихъ шкуръ. А между

прочимъ банковскій уставъ предъявляетъ совершенно невозможныя требованія и безусловно запрещаетъ открывать кредитъ директору банка и его приснымъ. „A la guerre, comme à la guerre!“ воскликнулъ г. Скворцовъ и наводнилъ саратовскій банкъ векселями своими и своихъ многочисленныхъ сродниковъ, отчего банкъ преобразился въ контору „Скворцевъ и родичи“. Настала однако пора расчета; пришли ревизоры и вмѣсто портфеля нашли фотографическій альбомъ всего скворцовскаго семейства... Пошелъ шумъ, вопли, воззванія къ мести, и Скворцовъ, чтобы не давать повода къ лишнимъ пересудамъ и разговорамъ, ушелъ изъ директоро́въ, произнеся великія слова: „важный человѣкъ долженъ самъ, въ своемъ нутрѣ, законъ носить!“ Это-ли еще не великая истина? Говорятъ, саратовцы заказали уже мраморный памятникъ, на которомъ будетъ изображено „нутро“, а въ немъ „законъ“ въ видѣ лающей шавки; внизу высѣчена золотыми литерами подпись, содержащая великія слова Скворцова-Лоу.

Вообще у нашихъ мѣстныхъ воротилъ замѣчается въ послѣднее время стремленіе копировать великихъ европейскихъ дѣятелей. Вотъ и великій Байковъ, голова изъ Ростова, созидаетъ подобно Лессепсу франкорусскій союзъ для прорытія канала между Волгою и Дономъ. Дѣйствующая армія союзниковъ состоитъ изъ 18 ростовцевъ и 18 парижанъ, со взносомъ въ 1500 р. съ каждаго; ростовцы пойдутъ отъ Волги къ Дону, а парижане—отъ Дона къ Волгѣ; посрединѣ канала будетъ устроенъ русскофранцузскій кабачекъ, гдѣ зварыкинское смѣшается съ бордо и цимлянское съ шамбертѣнъ; тутъ „канальскіе“ дѣятели сойдутся, побратаются, облобызаются и протанцуютъ pas de сапаux, причѣмъ оба будутъ одѣты канотьерами. Счастлива та страна, гдѣ есть Байковы!

Бывалый.

2. Письма изъ Москвы. Письмо третье.

Истекшій великопостный сезонъ въ Москвѣ былъ наполненъ всевозможными благотворительными концертами, литературными музыкальными вечерами, чтеніями, утрами, надобными всѣмъ въ концѣ концовъ до тошноты, такъ какъ вездѣ участвуютъ одни и тѣ-же лица, поются тѣ-же пріѣвшіея всѣмъ романсы, всѣ они начинаются ровно чрезъ полтора часа послѣ назначеннаго времени и не обходятся безъ часовыхъ антрактовъ. Въ послѣднее время москвичами овладѣла положительно кака-то магія благотворительности. Трудно встрѣтить москвича, занимающаго хоть какое-нибудь общественное положеніе, который не былъ бы завербованъ въ члены одного изъ безчисленныхъ попечительствъ о „бѣдныхъ“, „неимущихъ“, „безпріютныхъ“ и т. д. дѣтяхъ или калѣкахъ, неговоря уже о томъ, что всѣ молодые люди, прикомандированные къ какому-либо вѣдомству или же только надѣющіеся на это, состоятъ всѣ поголовно членами таковыхъ. Благотворительность здѣсь сдѣлалась какимъ-то лозунгомъ, чѣмъ-то въ родѣ общественной программы. Ею такъ интересуются, что явился даже специально посвященный благотворительности журналъ, имѣющій возможность существовать вотъ уже второй годъ, несмотря на то, что онъ наполняется исключительно жизнеописаніями благотворителей всѣхъ странъ и временъ, дамского издѣлія. Отчеты благотворительныхъ обществъ составляютъ цѣлую обширную литературу, наполненную иногда, какъ напримѣръ послѣдній отчетъ нѣмецкаго евангелическаго братства, пространными трогательными повѣствованіями, потребовавшими очевидно затраты немало времени и трудовъ отъ авторовъ и ничуть не уступающими по тону и по жизненной правдѣ хотя-бы одному изъ послѣднихъ изданій для народа „Посредника“— „Свѣтъ жизни“, гдѣ такъ правдоподобно описывается, какъ бѣдный, но добродѣтельный мужикъ былъ безконечно счастливъ зажиточнаго, но злого барышника, купившаго у него послѣднюю телку. Благотворительное дѣло поставлено здѣсь на такую широкую ногу, что подобные благотворители рѣшаются даже затѣвать такія обширныя коммерческія предпріятія, какъ напр. устройство народныхъ гуляній въ манежѣ, гдѣ однѣ затраты съ ихъ стороны достигаютъ 20—30 тысячъ и болѣе.

Общественныя симпатіи къ благотворительности укоренились настолько сильно, что одинъ изъ видныхъ представителей ея въ Москвѣ выступилъ даже съ публичной лекціей о личной дѣятельности при благотворительности, гдѣ, побѣдоносно разбивъ всѣхъ тѣхъ, которые относятся съ недовѣріемъ къ ней, полагая что она является лишь забавой праздныхъ лицъ и скорѣе распложаетъ нищенство, чѣмъ уменьшаетъ его, далъ немало полезныхъ указаній для организаціи благотворительности, указавъ, какъ на конечный идеаль для московскихъ благотворителей, на городъ Буфало, гдѣ извѣстенъ каждый бѣднякъ (какія ненормальныя общественныя отношенія, должно быть, существуютъ въ этомъ Буфало!).

Какъ и всякій пропагандистъ своего ученія, лекторъ въ своемъ страстномъ панегирикѣ благотворительности умолчалъ объ оборотной

сторонѣ медали, которая слишкомъ ярко бросается въ глаза при всей несомнѣнной полезности этого рода дѣятельности для общества.

Не будемъ уже говорить о томъ, что тѣ десятки тысячъ пожертвованій, изъ которыхъ притомъ добрая половина уходитъ на администрацію и такъ-называемые неизбѣжные канцелярскіе расходы благотворительныхъ учрежденій, являются каплей въ бездонномъ морѣ московской нищеты, увеличивающейся годъ отъ году; что присущіе роковымъ образомъ этимъ учреждениямъ недостатки не могутъ быть устранены, какъ указалъ моголѣтній опытъ, никакимъ самымъ добросовѣтнымъ отношеніемъ къ дѣлу; что помощь является всегда случайной и потому бесполезной: помимо всего этого, модное увлеченіе благотворительностью имѣетъ, намъ кажется, тотъ несомнѣнный вредъ, что отвлекаетъ силы отъ болѣе продуктивнаго и полезнаго дѣла. Укажемъ хотя-бы на организацію дешеваго кредита для того перебивающагося со дня на день люда, который закладываетъ въ московскихъ ссудныхъ кассахъ, судя по послѣднему отчету ревизіонной комиссіи городской управы, ежегодно на сумму свыше 5 милліоновъ рублей (цифра, равная городскому бюджету), давая закладчикамъ наживать притомъ 60%, т. е. до 3 милліоновъ рублей.

Если принять во вниманіе, что, кромѣ явныхъ, существуетъ множество тайныхъ ссудныхъ кассъ, ускользающихъ отъ контроля, что ежегодно на нѣсколько сотъ тысячъ закладовъ не выкупается и поступаетъ чрезъ подставныхъ скупщиковъ на аукціонахъ въ пользу тѣхъ-же закладчиковъ по минимальной оцѣнкѣ, то дань, собираемая ими съ бѣднаго люда, окажется еще болѣе обильной. Вырвать это дѣло изъ рукъ закладчиковъ было бы конечно болѣе полезно, чѣмъ основать десятки благотворительныхъ обществъ; но для достиженія этой цѣли пришлось бы затратить болѣе труда и энергіи, чѣмъ пожертвовать 10—15 рублей и успокоиться на этомъ, полагая, что, по мѣрѣ возможности, исполнено требованіе гр. Л. Н. Толстого жить для своего ближняго. А что гр. Толстому принадлежитъ значительная доля вины въ этомъ благотворительномъ повѣтріи, то это несомнѣнно. Никогда популярности знаменитаго писателя не достигала такого распространенія, какъ въ послѣднее время. Отъ бѣдной каморки студента до аристократическихъ салоновъ, вездѣ, гдѣ только соберется нѣсколько человѣкъ, тотчасъ-же начинается споръ о новыхъ доктринахъ Толстого, получившихъ особенно интензивный интересъ послѣ его реферата въ московскомъ психологическомъ обществѣ. Конечно, проповѣдь самоотреченія и нравственнаго самосовершенствованія автора „Войны и Мира“ не имѣетъ ничего общаго съ увлеченіемъ пошленькой благотворительностью, но таково ужъ судьба всѣхъ ученій, вызывающихъ къ одному нравственному чувству, — опошляться и обезцвѣчиваться при распространеніи въ массахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, падая на другую почву, повліявши на людей, у которыхъ сложились твердые, провѣренныя теоріей взгляды на то, какая работа на пользу ближняго будетъ дѣйствительно плодотворна для общества, ученіе Толстого можетъ создать какое-либо новое общественное движеніе; но въ этомъ будетъ заслуга уже не Толстого.

Какъ мы уже связали выше, особенные толки возбудилъ въ обществѣ прочитанный недавно гр. Толстымъ въ психологическомъ

обществѣ рефератъ: „Понятіе жизни“. Выступленіе гр. Толстого съ своими возрѣвнїями въ ученомъ обществѣ, равно какъ и оригинальное содержаніе его реферата, было настолько интересно, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Давно уже было извѣстно, что гр. Толстой предложилъ психологическому обществу прочесть рефератъ, и потому нѣсколько послѣднихъ засѣданій общества, посвященныхъ пренїямъ по поводу реферата Н. Я. Грота „О свободѣ воли“ были переполнены публикой, несмотря на то, что засѣданія происходили закрытыми. Наконецъ днемъ прочтенія реферата было объявлено 14 марта. Круглая зала университетскаго правленія, гдѣ происходило засѣданіе, была полна юристами, естествоиспытателями, врачами, профессорами—всѣ сливки московской интеллигенціи были на лицо. Къ началу засѣданія гр. Толстой не прїѣхалъ, и предсѣдателю проф. Легонину пришлось предложить обществу продолжать пренїи по реферату г. Грота. Снова начались длившіяся уже два засѣданія безконечныя, безрезультатныя ссылки на Канта, Конта, Гегеля, Дарвина и т. д., но глаза всѣхъ поминутно обращались на часовую стрѣлку. Наконецъ около десяти часовъ, когда всѣ уже потеряли надежду услышать Толстого и оппонентамъ приходилось кричать, чтобы заглушить раздовавшійся во всѣхъ углахъ громкій говоръ, все моментально смолкло, задвигались стулья, прозвенѣлъ въ послѣдній разъ предсѣдательскій звонокъ и наступила мертвая тишина. Толстой прїѣхалъ. Прошло около минуты напряженнаго ожиданія, и въ дверяхъ залы показалась высокая фигура знаменитаго сарани въ блузѣ и съ тетрадкой въ рукахъ. Замѣтно смутившись подъ взглядами съ напряженнымъ любопытствомъ изучавшей его залы, Толстой опустился на заранѣе приготовленное для него мѣсто и началъ среди гробовой тишины переловывать свою тетрадку. Несмотря на то, что Толстой въ послѣднее время является наиболѣе попуринымъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ, кромѣ развѣ другого колосса русской литературы, М. Е. Салтыкова, что каждый шагъ его разносится съ безчисленными комментаріями въ обществѣ, благодаря его крайне удлиненной жизни, его личность мало была кому извѣстна изъ присутствовавшихъ.

Слѣды мучительной, напряженной работы мысли легли замѣтной тѣнью на лицѣ автора „Смерти Ивана Ильича“, мало гармонировавшею съ авторитетностью и увѣренностью недопускавшаго возраженій тона, который не покидалъ его во время завязавшихся послѣ прочтенія реферата пренїй,—что сильно напомнило, казалось намъ, другого гениальнаго русскаго художника въ годы его переписки съ друзьями и сожженія „Мертвыхъ душъ“. Но возвратимся къ реферату.

Допустимъ невозможное, допустимъ, что все, что желаетъ познать современная наука о жизни, открыто, что каждый деревенскій мальчишка знаетъ, какъ изъ неорганической матерїи зарождается органическая, какъ силы, движенія матерїи переходятъ въ чувство, волю, мысль. Что же? могу ли, или не могу я руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли? Вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и другихъ чувства и мысли, остается не только неразрѣшеннымъ, но даже и незатронутымъ. Между

тѣмъ „вопросъ, неотдѣлимый отъ понятія жизни, не есть вопросъ о томъ, откуда взялась жизнь, а о томъ, какъ надо жить, и, только начавъ съ этого вопроса, можно придти къ какому-нибудь рѣшенію о томъ, что есть жизнь“.

Доказывая затѣмъ далѣе, что искать рѣшенія этого вопроса необходимо путемъ изученія самого себя: „какъ, что такое, что я въ себѣ знаю, совсѣмъ независимо отъ времени, пространства и причины“,—Толстой говорить, что неизбѣжный выводъ изъ этого самоанализа тотъ, что „любимая мною жизнь оказывается чѣмъ-то ничтожнымъ, мгновенно преходящимъ, страдальческимъ, а жизнь внѣ меня, нелюбимая, почти неизвѣстная мнѣ, есть настоящая, радостная, вѣчная жизнь. То, что для меня важнѣе всего, и то, что одно живеть, какъ мнѣ кажется, то погибнетъ, то будутъ кости, черви, не я; а то, что для меня неважно, то жизнь, что я не чувствую, что мнѣ только представляется, то останется и будетъ жить вѣчно“. Затѣмъ слѣдуетъ высокохудожественный анализъ чувства ужаса, охватывающаго человѣка предъ неизбѣжностью смерти, проходящій красной чертой во всѣхъ послѣднихъ произведеніяхъ Толстого. Какъ же спастись отъ этого состоянія мучительнаго раздвоенія? Разрѣшаетъ его только полное отреченіе отъ личности, перенесеніе желанія блага со своей личности на безконечный мѣръ и на существа внѣ насъ. Это отреченіе не есть подвигъ, а необходимое послѣдствіе сознанія ничтожества своей личности, это есть подчиненіе своей личности закону разума, „требованія котораго переносятъ дѣятельность человѣка внѣ себя, въ состояніе сознаемаго нами, какъ радостное состояніе любви“. Такимъ образомъ единственно разумная, не животная жизнь будетъ жизнь для другихъ, которая и служить средствомъ избавиться отъ страха смерти. „Для человѣка, полагающаго свое благо и свою жизнь въ подчиненіи законамъ разума, не можетъ быть несчастья и смерти. Страданія и смерть организма мы знаемъ и видимъ, но страданія и смерти разумнаго сознанія само разумное сознаніе не можетъ знать. Смерть видна человѣку только тогда, когда онъ перестаетъ жить разумно, когда онъ отраженіе своей жизни (жизнь для себя) принимаетъ за свою жизнь. Только когда онъ опускается на степень животнаго, только тогда онъ видитъ смерть. Человѣкъ, видящій смерть, есть человѣкъ больной, нарушившій законъ своей жизни, неживущій разумной жизнью. Онъ—то-же, что животное, нарушившее свой законъ жизни, больное, недышащее, непитающееся. Какъ страдаетъ оно, такъ-же страдаетъ и человѣкъ, переставшій жить разумно“. Итакъ, высшая цѣль и смыслъ жизни—любовь къ Богу (истинѣ) и любовь къ ближнему. Подъ любовью къ ближнему не слѣдуетъ разумѣть только любовь къ женѣ, дѣтямъ, знакомымъ, даже соотечественникамъ; это все могутъ быть высшія формы эгоизма. Отреченіе отъ своей личности не есть стремленіе, подобно буддистамъ, къ нирванѣ, къ небытію, а напротивъ къ дѣятельной жизни для блага ближнихъ, высшаго прогресса человѣчества. И чѣмъ болѣе мы отречаемся отъ своей личности, чѣмъ менѣе причиняемъ страданій людямъ, чѣмъ сильнѣе въ насъ дѣятельная любовь къ истинѣ и къ ближнимъ, тѣмъ болѣе мы сливаемся съ жизнью общаго, тѣмъ

глубже познаемъ смыслъ разумной жизни и тѣмъ рѣшительнѣе торжествуемъ надъ своими несчастіями, страданіями и смертью.

Пренія были очень кратки, въ виду явнаго нежеланія Толстого участвовать въ нихъ: на замѣчанія г. Астафьева, заключавшіяся въ томъ, что полное отреченіе отъ себя немислимо по невозможности для нашего сознанія отрѣшиться отъ самого себя, онъ заявилъ, что „мы съ вами посмотримъ на вещи подъ разными углами зрѣнія и потому никогда не поймемъ другъ друга— намъ не для чего и спорить“. Въмѣсто гр. Толстого взялся-было возражать г. Астафьеву г. Гротъ, но и онъ былъ скоро прерванъ Толстымъ на словѣ „альтруизмъ“. — „Къ чему намъ употреблять иностранныя слова, когда у насъ есть для выраженія этого понятія прекрасное русское слово—любовь?“—рѣзко замѣтилъ Толстой. Затѣмъ гг. Бугаевымъ и Полоновымъ сдѣланы были два-три замѣчанія „не по существу“, оставшіяся безъ отвѣта, и предсѣдатель, по просьбѣ Толстого, видимо сильно утомленнаго, объявилъ засѣданіе закрытымъ, выразивъ „глубокую благодарность референту за крайне интересное сообщеніе“. Этимъ и закончилась краткая, но поучительная исторія хожденія гр. Толстого къ ученымъ людямъ.

Заговоривъ о вліяніи гр. Толстого, нельзя пройти молчаніемъ замѣчаемое въ Москвѣ въ послѣднее время нѣкоторое оживленіе народной литературы, въ чемъ починъ принадлежитъ исключительно Толстому. До сихъ поръ наблюдалась странное явленіе. Несмотря на то, что въ Москвѣ существуетъ до 14 фирмъ спеціально народныхъ изданій, дѣлающихъ миллионныя обороты на копѣчныхъ книжкахъ, расходящихся въ невообразимо-громадномъ количествѣ въ народныхъ массахъ (достаточно сказать, что изданій „Посредника“, составляющихъ лишь незначительную часть изданій одного не изъ самыхъ крупныхъ народныхъ издателей, Сытина, разошлось въ два года болѣе 5 миллионъ экземпляровъ), громадное большинство книгъ, изданныхъ для народа интеллигенціей, принадлежитъ исключительно Петербургу. Правда, въ Москвѣ существуютъ двѣ интеллигентныя издательскія фирмы народныхъ книгъ, а именно „Народная бібліотека“ г. Маракуева и „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ (извѣстное въ публикѣ болѣе подъ именемъ общества бесполезныхъ книгъ), но дѣятельность ихъ поставлена на такую ложную почву, что можетъ служить только указаніемъ, какихъ книгъ не слѣдуетъ издавать для народа. Первая изъ этихъ фирмъ считаетъ возможнымъ издавать для народа мало понятныя даже для интеллигенціи аллегорическія индійскія повѣсти („Сакунтала“, „Шакья-Муни“ т. д.), безцвѣтные пересказы трагедій Шекспира, невозможные переводы Флобера и Эдгара По, которыя, конечно, если и достигаютъ народа, то имъ не читаются; но врядъ-ли они и доходятъ до народа, благодаря сравнительно высокой цѣнѣ изданій—6, 8, 10 копѣекъ. Лубочныя фирмы продаютъ свои изданія недороже 12—15 руб. за тысячу экзempl. и дешевле. Книжки выше этой цѣны нѣтъ выгоды брать главнымъ распространителямъ ихъ—офенямъ. Еще безнадежнѣе, чѣмъ изданія Маракуева, у котораго еще можно найти нѣсколько вносныхъ книжекъ, являются изданія названнаго выше благотворительнаго общества, состоящаго исключительно изъ нравственно-назидательныхъ, сентиментально-слащавыхъ разсказовъ

напоминающихъ по формѣ такъ обильно раздававшихся публикѣ во время послѣдней московской выставки пашковскія изданія. Изданіе и распространеніе книгъ для народнаго чтенія служитъ также основной задачей здѣшняго комитета грамотности, но дѣятельность его, давно уже сведшаяся, невпримѣръ его петербургскому собрату, къ полному нулю, выразилась въ послѣдній годъ лишь въ возбужденіи ходатайства предъ св. синодомъ о высылкѣ комитету на болѣе льготныхъ условіяхъ его изданій, оставшагося, по замѣчанію отчета, безъ отвѣта. Собранія этого, ставшаго какою-то фикціей, общества происходятъ такъ рѣдко, что лицамъ, заявившимъ желаніе быть членами его, приходилось, болѣе полугода дожидаться баллотировки. Горячая проповѣдь Толстого о необходимости для интеллигенціи взять въ свои руки дѣло народныхъ изданій и громаднѣйшій успѣхъ напечатанныхъ имъ для народа книгъ внесли—въ этомъ его высокая заслуга—сильное оживленіе въ эту безотрадную картину апатіи и неумѣнья взяться за дѣло. Помимо уже того, что появились самостоятельныя интеллигентныя изданія, доступныя по цѣнѣ для сбыта въ народъ черезъ офеней и такимъ образомъ нерискуюція лежать по многу лѣтъ въ земскихъ складахъ и книжныхъ лавкахъ, какъ это было до сихъ поръ,—помимо этого лубочные издатели въ послѣднее время получаютъ довольно много матеріала для своихъ изданій чрезъ интеллигенцію, благодаря чему, даже при полномъ ихъ неумѣньи разобраться въ этомъ матеріалѣ, мало-по-малу нелѣпо-фантастичные и скабрзные рассказы начинаютъ уступать мѣсто біографіямъ, историческимъ рассказамъ, повѣстямъ изъ народнаго быта и т. д. Въ китайской стѣнѣ непроходимаго невѣжества этихъ господъ, такъ безнадежно обрекавшей народъ на полное разобъщеніе съ интеллигенціей, сдѣлана брешь. Они увидали, что интеллигентная книжка идетъ въ народъ гораздо лучше, чѣмъ прежняя безграмотная макулатура.

Простой коммерческой расчетъ заставитъ ихъ перейти къ той же литературѣ, на которой воспитывается образованное общество, и нѣтъ сомнѣнія, что не пройдетъ 10—15 лѣтъ, какъ народную литературу постигнетъ значительный переворотъ. Что этотъ взглядъ—не результатъ беспочвеннаго оптимизма—доказывается массой изданій Пушкина, выпущенныхъ лубочниками. Кромѣ полного собранія сочиненій, изданнаго гг. Земскимъ, Сытинимъ, Леухинимъ, Прѣсновымъ (все торговцы никольскаго рынка), появилась безчисленная масса лубочныхъ изданій отдѣльныхъ произведеній—повѣстей, сказокъ, сборниковъ стихотвореній. Въ народную сѣрю массу брошены сразу миллионы экземпляровъ произведеній гениальнаго поэта. Поймутъ ли? Громадный спросъ доказываетъ, что объ этомъ нечего и спорить, да и странно было бы думать, что „Капитанская дочка“ будетъ менѣе понятна, чѣмъ „Приключенія милорда англійскаго“. Конечно, есть и обратная сторона медали. Грязная рука лубочниковъ не преминула оставить свой слѣдъ при изданіи и Пушкина. Кромѣ того, что всѣ эти изданія отличаются, какъ и слѣдовало ожидать, страшной безграмотностью, произвольными пропусками, неумѣлымъ и часто крайне неудачнымъ подборомъ стихотвореній,—многіе снабжены, что хуже всего, аляповатыми картинками соблазнительнаго содержанія (характерна напр.

картинка на обложкѣ „Графа Нулина“, издавнаго отдѣльной книжкой Морозовымъ, изображающая сцену въ спальнѣ). Конечно, это уже всецѣло вина интеллигенціи, не сумѣвшей взяться за дѣло такой громадной важности, какъ изданіе Пушкина для народа.

Остается утѣшать себя тѣмъ, что даже исковерканный Пушкинъ будетъ имѣть все-таки громадное воспитательное значеніе для народа и создать въ немъ, какъ это было съ нашимъ обществомъ 20-хъ годовъ, болѣе ысокія требованія отъ книжки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что почва для того уже подготовлена, подъ влияніемъ очевидно земской школы. Появившіяся, вслѣдствіе пробудившагося въ обществѣ интереса къ лубочной литературѣ, изслѣдованія ея обнаружили, что въ послѣднее время въ ней начали появляться, конечно, подъ измѣненными заглавіями, издаваемые контрабандою рассказы Гоголя, Тургенева, Глѣба Успенскаго и даже Щедрина („Пропавшая совѣсть“, сказка Карманова, изд. Сытина). Фактъ очень знаменательный. Благополучно существовавшій десятки лѣтъ „Англійскій милордъ“ начинаетъ терять свое обаяніе, недостатки этого сорта книжекъ уже поняты народомъ, они перестали удовлетворять его, и онъ, еще не зная имени автора, уже увлекается Гоголемъ. Тѣ классики, исклѣчительное право собственности на изданіе которыхъ уже прекратилось, также начинаютъ появляться на народномъ книжномъ рынкѣ. Такъ фирмой Прѣснова (имѣющей самое большое число изданій изъ всѣхъ лубочниковъ) уже изданы многіе отдѣльные рассказы изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, а также „Бѣдная Лиза“ и „Марфа Посадница“. Еще немного—и исклѣчительное господство „Гуака“ и „Битвы русскихъ съ кабардинцами“ рухнетъ безвозвратно. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ переворотъ ускорится появленіемъ на никовльскомъ рынкѣ какой-либо самостоятельной интеллигентной фирмы, что—надо думать—не заставитъ себя ждать въ виду успѣха „Посредника“. Но обратимся къ другимъ московскимъ дѣламъ.

Насколько искренно модное увлеченіе благотворительностью, о которомъ мы говорили въ началѣ письма, довольно ярко характеризуетъ напечатанная недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ статья съ сенсационнымъ заглавіемъ: „70 тысячъ въ долгахъ“. Статья эта повѣствуетъ о томъ, что въ Москвѣ существуетъ общество для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ здѣшняго университета, которое, благодаря щедрымъ жертвованіямъ въ татьянинъ день и студенческимъ концертамъ, имѣетъ возможность затрачивать въ годъ свыше 15 тысячъ рублей на взносъ платы за слушаніе лекцій и единовременныя займообразныя вспомошествованія, кромѣ выдачи безвозвратныхъ пособій (напримѣръ, на обѣды въ ялинской кухмистерской). И вотъ изъ этихъ ссудъ у общества накопилось долгу за бывшими питомцами университета, среди которыхъ немало прокуроровъ, судей, присяжныхъ повѣренныхъ, врачей и т. п., свыше 70 тысячъ рублей. Громадное большинство должниковъ общества, покидая университетъ и занимая общественное положеніе, рѣшительно забываетъ обязанность уплатить долгъ обществу, несмотря на всевозможныя льготы, представляемыя для уплаты. Казалось бы, всего естественнѣе было ожидать, что помощь, оказанная въ такую трудную

минуту, будетъ долго памятна и возмѣщена при первой возможности, тѣмъ болѣе, что отъ своевременности этихъ уплатъ зависитъ существованіе самаго общества; но дѣйствительность показываетъ обратное, и только, быть можетъ, та крайняя мѣра, въ которой такъ долго не рѣшалось приступить обществу, — опубликованіе списка своихъ должниковъ, заставить вспомнить объ этомъ долгѣ чести. Какъ же можно серьезно относиться къ филантропическимъ увлеченіямъ въ томъ обществѣ, гдѣ такъ мало развито элементарное чувство порядочности?

Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ мы говорили о томъ, что купеческая партія въ московскихъ общественныхъ учрежденіяхъ получила въ послѣднее время такое преобладающее вліяніе, что считаетъ возможнымъ съ развязной беззащѣтностью продѣлывать въ своихъ интересахъ такія явно не красивыя дѣла, на которыя еще такъ недавно у ней не хватало рѣшимости просто изъ чувства приличія. Однимъ изъ послѣднихъ проявленій этого „откровеннаго“ направленія было глубоко возмутившее всѣхъ забаллотированіе мирового судьи г. Волкова, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ московскихъ общественныхъ дѣятелей. Превосходный и извѣстный въ спеціальной литературѣ юристъ, гуманный и добросовѣстный судья, честный и независимый дѣятель — это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ мировыхъ судей въ духѣ судебныхъ уставовъ, которые и въ столицахъ попадаются какъ счастливое исключеніе. 15-лѣтняя служба мировымъ судьей снискала ему такую популярность среди бѣднаго люда, товарищей и адвокатуры, какая рѣдко выпадаетъ на долю скромныхъ тружениковъ мировыхъ учреждений. Не пользовался г. Волковъ лишь расположеніемъ владѣльцевъ московскихъ фабрикъ, которыхъ было довольно много въ районѣ его участка. Неудовольствіе гг. фабрикантовъ происходило по очень понятной причинѣ: еще работая въ качествѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ въ трудахъ учрежденной по инициативѣ московскаго генерала-губернатора князя В. А. Долгорукова извѣстной комиссіи по изслѣдованію фабрикъ и заводовъ, г. Волковъ немало послужилъ для защиты рабочихъ отъ безсовѣстной эксплуатаціи, царившей на фабрикахъ московскаго района. Эта защита интересовъ обчитываемыхъ и прижимаемыхъ всѣми правдами и неправдами со стороны фабрикантовъ рабочихъ неуловно проводилась г. Волковымъ и въ его дѣятельности въ качествѣ мирового судьи. И нельзя сказать, чтобы она была безрезультатна. Какъ ни всеяльны гг. фабриканты, но въ районѣ г. Волкова имъ приходилось быть осторожнѣе въ эксплуатаціи рабочихъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря его авторитетности, въ сѣздѣ дѣло фабрикантовъ также не выгорало. Такъ говорятъ, что въ районѣ г. Волкова почти совершенно исчезли дѣла по счетамъ о возвратѣ неправильно удерживаемыхъ фабрикантами паспортовъ рабочихъ, благодаря приужденію рабочимъ по дѣламъ такого рода 10—25 р. за веденіе дѣла. Отмѣтимъ впервые высказанный г. Волковымъ и получившій санкцію сената взглядъ, что, по уставу о наказаніяхъ, покушеніе на растрату ненаказуемо, — взглядъ, примѣненный имъ по обвиненію рабочихъ въ этомъ

преступленіи при залогѣ выработанныхъ матеріаловъ, на что рабочіе обыкновенно вынуждаются задержкой заработной платы.

Предъ послѣдними выборами наконецъ было рѣшено на предварительномъ совѣщаніи думскихъ заправиль „провалить“ г. Волкова, и, только благодаря поддержкѣ третьяго разряда и интеллигенціи, онъ прошелъ въ кандидаты на должность мирового судьи—такъ-называемые „добавочные“ судьи. Эта забаллотировка произвела на всѣхъ очень сильное, тяжелое впечатлѣніе, и, какъ мы слышали, совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ рѣшено поднести г. Волкову сочувственный адресъ и судебныя уставы въ цѣнномъ серебряномъ переплетѣ. Характернымъ доказательствомъ преобладанія исключительныхъ интересовъ купческаго сословія въ нынѣшнемъ городскомъ самоуправленіи служитъ также дѣло о завѣщаніи Новиченкова, по которому завѣщано до 300 тысячъ капитала и домъ въ пользу города. Выраженіе завѣщанія „предоставить эту сумму въ распоряженіе „Дома Градскаго Общества“ дало поводъ нынѣшней управѣ утверждать, что подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не городъ, а купеческое общество, несмотря на то, что всѣми судебными инстанціями въ процессѣ города съ купеческимъ обществомъ по этому дѣлу было признано, что подъ домомъ градскаго общества слѣдуетъ считать городъ. Управа авторитетно заявила, что судебныя мѣста впади въ ошибку, полагая, что капиталъ Новиченкова завѣщанъ въ пользу города, съ чѣмъ поспѣшила согласиться и безгласная въ полномъ смыслѣ этого слова дума, несмотря на горячія протесты думской интеллигенціи. Это далеко уже не первый случай упорнаго отреченія думы отъ правъ города въ пользу купцовъ. Дальше идти уже некуда.

С.—

IV.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе нашей международной хлѣбной торговли въ послѣдніе годы.— Причины упадка нашего хлѣбнаго отпуска.—Новый государственный заемъ и нѣкоторыя особенности въ условіяхъ его реализаціи.—Ежегодный весенній кризисъ, переживаемый деревней.

Въ разгаръ увлеченія Европы ученіемъ Мальтуса, кто могъ подумать, что, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ближайшаго будущаго законъ его будетъ такъ блистательно опровергнутъ, какъ это случилось въ настоящее время. Европа уже какъ-бы примирилась съ печальной перспективой постепеннаго поднятія цѣнъ на главные продукты потребленія, добываемые изъ земли. Но вдругъ съ ней приключился совершенно особаго рода кризисъ, который можетъ быть характеризованъ словами: „бѣда отъ дешеваго хлѣба“. Нѣкоторые правительства Европы успѣли уже оградить свое населеніе отъ наплыва дешеваго хлѣба, обложивши его высокою таможенною пошлиною. Другія, вывозящія хлѣбъ, слѣлать это, понятно, не могли — и имъ остается только жаловаться на это новое „бѣдствіе“. Въ послѣднемъ положеніи оказалось именно и наше отечество, все благополучіе нѣкоторой части производителей котораго основано на вывозѣ за границу хлѣба.

Въ основаніи самаго „бѣдствія“ лежитъ, какъ извѣстно, конкуренція по снабженію Западной Европы хлѣбомъ сперва Америки, затѣмъ Индіи и Австраліи; наконецъ въ перспективѣ еще видѣется конкуренція Египта, Алжира и т. д. Еще въ началѣ хлѣбо-торговаго кризиса, вопросъ этотъ разсматривался въ петербургскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, засѣданія котораго по этому поводу были открыты рѣчью барона П. Л. Корфа. Почтенный ораторъ въ полусутиливой-полусерьезной рѣчи очень краснорѣчиво охарактеризовалъ бѣдственное положеніе нашихъ помѣщиковъ, какъ наиболѣе крупныхъ производителей хлѣба. Онъ началъ такъ: „Мм. гг. Нашему времени, повидимому, суждено быть свидѣтелемъ великаго переворота въ экономической жизни не только Россіи, не только Европы, но, можно сказать, всего человѣчества. Мечта гуманистовъ, мечта нѣкоторыхъ философовъ и социологовъ (?) о благоденствіи рода человѣческаго, о томъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ если не супъ съ курицей, то, по крайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба, т. е. былъ обезпеченъ въ первыхъ потребностяхъ жизни,—готова осуществиться или, по крайней мѣрѣ,

осуществленіе ея уже показывается на горизонтѣ. Намъ суждено быть свидѣтелями постепеннаго пониженія цѣнъ на предметъ самой первой потребности человѣчества—на зерновой хлѣбъ.“... Указывая на постепенно падающія цѣны, ораторъ обратился къ своимъ товарищамъ съ слѣдующими, исполненными горечи, словами: „мы всѣ на своихъ карманахъ опускаемъ, какое пониженіе цѣнъ совершилось въ нынѣшнемъ (1884) году“. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ бѣдствія. Онъ видитъ ихъ попреимуществу въ развитіи путей сообщенія, которое рождаетъ новыхъ конкурентовъ для Россіи. Наиболѣе же повиннымъ въ „бѣдствіи“, постигшемъ насъ, оказывается Лессепсъ, прорывшій Суэзскій каналъ. „Мы—иронизируетъ ораторъ надъ нашей простотой,—которые привѣтствовали открытіе этого канала, мы не ожидали тогда, что по этому самому пути явится намъ конкуренція на всевозможные продукты сельскаго хозяйства, какая явилась въ послѣднее время“... Говоря о конкуренціи Индіи, ораторъ указываетъ, что теперь желѣзныя дороги тамъ начинаютъ только доходить до хлѣбородныхъ мѣстъ, но когда онѣ пройдутъ дальше, то трудно даже сообразить, какія совершается измѣненія на международномъ хлѣбномъ рынкѣ“. Поэтому онъ опять обращаетъ свои жалобы на виновника бѣдствія—Лессепса, который „въ этомъ отношеніи, прорытіемъ Суэзскаго канала, человѣчеству оказалъ услугу—подалъ хлѣбъ, а намъ, производителямъ послѣдняго,—камень“. Но злокозненныя дѣянія „великаго француза“ на этомъ не кончаются. „Построивъ Суэзскій каналъ, онъ въ настоящее время занятъ сооруженіемъ Панамскаго канала“. Съ открытіемъ же этого послѣдняго „въ Европѣ явится калифорнская пшеница къ вѣщему облегченію потребителей и къ большому затруденію производителей хлѣба, а въ томъ числѣ и русскихъ“. Приподнимая завѣсу будущаго, ораторъ проникательнымъ окомъ прозрѣваетъ ту печальную перспективу, которая яко-бы угрожаетъ нашему отечеству. „Вѣдь есть страны—говоритъ онъ,—которыя были прежде житницами другихъ,—каковы Сицилія, Малая Азія и т. п., но которыя теперь сами, какъ Сицилія, покупаютъ хлѣбъ. И можетъ случиться, что въ исторіи человѣчества, черезъ 200—300 лѣтъ, говоря объ интересныхъ временахъ нашего вѣка, когда появился дешевый хлѣбъ, въ числѣ странъ, которыя затерты были международной экономической борьбою и *обратились въ пустыню* (?), назовутъ и нашу страну“. „Конечно—заключаетъ печально ораторъ,—съ точки зрѣнія всемірной исторіи паденіе одной страны уравнивается возвышеніемъ другой; но мнѣ не хотѣлось бы быть въ той странѣ, которая подлежитъ паденію“ *).

Эта наивная и несовѣтъ грамотная рѣчь невѣру огорченнаго „производителя хлѣба“, въ сущности, вѣрно изображаетъ характеръ переживаемаго нами кризиса въ хлѣбной торговлѣ Россіи. Абсолютная цифра вывозимаго изъ Россіи какъ всего хлѣба, такъ и въ частности пшеницы, упала только въ послѣдній 1886 г. сравнительно съ предшествовавшимъ; въ особенности же упадокъ значителенъ былъ относительно пшеницы, кото-

*) Труды комиссіи при имп. вольн. экономич. обществѣ по вопросу о вѣшной хлѣбной торговлѣ. Спб. 1885 г.

рой вывезено на $6\frac{1}{2}$ мил. четвертей меньше. Но это уменьшеніе вывоза въ свою очередь объясняется исключительно пониженіемъ цѣнъ на пшеницу, которое вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ продолжаетъ прогрессировать. Такъ, десять лѣтъ тому назадъ, именно въ 1877 году, четверть пшеницы въ Лондонѣ стояла 11,58 руб. метал., а въ прошломъ 1886 г.—8 р. метал., что составитъ паденіе цѣны почти на 23%. Что касается послѣднихъ лѣтъ, то это паденіе совершается еще съ большею прогрессією. Именно, съ 1879 по 1882 г. цѣны въ Лондонѣ упорно стояли на 10 руб. за четверть съ весьма небольшими колебаніями; но въ 1883 г. цѣна упала сразу на рубль и за три послѣдніе годы еще на рубль съ небольшимъ. Соответственно съ этимъ произошло паденіе цѣнъ на пшеницу и на другихъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ рынкахъ какъ Россіи, такъ и Западной Европы. Въ Берлинѣ напр. въ 1880 г. четверть пшеницы стоила 11 руб., въ 1882 г.—10 руб. 36 коп., въ 1883 г.—9 р. 55 к., въ 1885 г.—8 р. 20 к., въ 1886 г.—7 р. 70 к. Нашъ консулъ изъ Марсели сообщаетъ, что, на основаніи составленныхъ тамъ расчетовъ, пониженіе цѣнъ на хлѣбъ оказывается слѣдующимъ: съ 1866 г. по 1881 г. средняя цѣна за хлѣбъ во Франціи стояла около 30 фр. за гектолитръ*), т. е. 15 руб. метал. за четверть, съ 1881 по 1887 г. цѣна эта упала до 21 фр., несмотря на пошлину въ 3 фр., т. е. въ сущности гектолитръ стоитъ теперь 18 фр. или до 9 р. мет. за четверть.

Въ отношеніи другихъ хлѣбовъ если и замѣчается въ свою очередь паденіе цѣнъ, то не столь значительное. Такъ, рожь въ Берлинѣ стояла въ 1879 г. 67 коп. метал. за пудъ, въ 1886 г.—66 коп. Впрочемъ, на рожь въ этотъ промежутокъ времени цѣны весьма значительно колебались, благодаря неурожаю 1880—81 гг.; именно въ эти годы пудъ ржи въ Берлинѣ стоилъ около 90 коп. Но если исключить эти два года, то съ рожью было, что называется, безъ переменъ. Нѣкоторое возвышеніе цѣнъ послѣдовало только въ 1885 г. въ виду предстоявшаго тогда въ Германіи введенія пошлины на хлѣбъ. Точно также весьма незначительное и съ тѣми-же колебаніями потерпѣлъ пониженіе и овесъ, который является вмѣстѣ съ рожью и пшеницею однимъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ нашего хлѣбнаго вывоза. Въ 1879 г. онъ стоилъ въ Берлинѣ 64 к. метал. за пудъ, а въ 1886 г.—60 к., что составитъ только около 6% пониженія.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, если разсматривать кризисъ съ точки зрѣнія паденія цѣнъ на хлѣбъ, онъ долженъ быть признанъ по преимуществу „пшеничнымъ“. Паденіе цѣны на пшеницу достигло уже такой цифры, при которой производство ея въ Россіи является дѣломъ весьма мало выгоднымъ, по крайней мѣрѣ, для большинства нашихъ производителей хлѣба, ведущихъ свое хозяйство кое-какъ. Дѣйствительно, для Россіи уже давно минуло то „доброе старое время“, когда она была единственной кормилицей гнилого запада и когда, слѣдовательно, она являлась госпожею рынка и хлѣбныхъ цѣнъ.

Если прослѣдить исторію хлѣбной торговли Россіи, то мы увидимъ, что въ началѣ настоящаго столѣтія Россія была единствен-

*) Гектолитръ= $\frac{1}{2}$ нашей четверти.

нымъ поставщикомъ хлѣба на западно-европейскіе рынки, хотя и доставляла туда этого продукта въ совокупности менѣе 2 мил. четвертей. Затѣмъ, еще въ началѣ 60-хъ годовъ цѣны на хлѣбъ опредѣлялись урожаемъ въ Россіи. Но вмѣстѣ съ нею доставлять хлѣбъ въ Европу начинаютъ уже и Сѣв.-Америк. Соединенные Штаты. Въ 1868 г. они доставили почти половину того, что доставляла Россія, именно изъ 18 мил. четвертей — 6,8 мил.; почти такое-же отношеніе существовало и между вывозомъ изъ обѣихъ странъ пшеницы. Прошло пять лѣтъ — и роли этихъ государствъ значительно измѣнились. Въ 1873 году Америка доставила уже 23 мил. четвертей изъ 43; въ отношеніи же пшеницы она обогнала Россію еще чувствительнѣе, продавши ея 12 мил. четв., тогда какъ Россія продала только около 7 мил. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ паденія вывоза пшеницы изъ Америки, продолжавшагося до 1877 г., въ 1879 году Америка вывозитъ пшеницы вновь вдвое болѣе противъ Россіи. Всего въ этомъ году доставлено было хлѣба на западно-европейскіе рынки 89,603 тыс. четв.; изъ нихъ Россія доставила уже только около 38 мил., а Америка 50 мил. Въ 1883 году въ Западную Европу привезено было пшеницы 54 мил. четвертей, изъ которыхъ Россія доставила уже только немногимъ болѣе одной четвертой части (14 мил. четв.), Америка болѣе половины (28 мил. четв.); почти 11 мил. новый конкурентъ нашъ — Остъ-Индія и 1½ мил. другой новый конкурентъ — Австралія. Наконецъ, въ 1884 г. Америка вывезла на европейскіе рынки 25 мил. четвертей, Россія — 11,8 мил. Такимъ образомъ въ общемъ ввозъ въ Зап. Европу пшеницы Россіи участвовалъ: въ 1868 г. въ размѣрѣ 69%, въ 1876 г. 50%, въ 1884 г. 26%.

О дальнѣйшемъ пониженіи относительнаго нашего участія въ снабженіи Западной Европы хлѣбомъ можно судить по нашей торговлѣ имъ съ Англіей. Въ 1883 г. Россія доставила 20% всей ввезенной въ Англію пшеницы, въ 1884 г. — 11%, въ 1885 г. — 19%, а въ 1886 г. цифра эта опускается сразу до 7,9%.

Такимъ образомъ постепенно Россія теряла свою способность вліять на хлѣбныя цѣны, устанавливающіяся на западно-европейскихъ рынкахъ. Намъ уже приходится продавать теперь за то, что дадутъ. Цѣны же, какъ мы видѣли, установились въ Западной Европѣ, благодаря конкуренціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Остъ-Индіи, весьма низкія. Но въ началѣ настоящаго десятилѣтія въ низкімъ цѣнамъ присоединились еще и пошлины, введенныя Германіей и Франціей на привозный хлѣбъ. Первоначально — въ 1879 г. въ Германіи и 1881 г. во Франціи — онѣ были сравнительно весьма незначительны; именно въ Германіи онѣ составляли на пшеницу около 5 коп. метал. съ пуда или до 8 к. кред.; во Франціи — около 3 к. метал. Но въ 1885 г. онѣ были значительно повышены: въ Германіи до 15 коп. метал. или 25 к. кред. (1 р. кред. = 60 к. метал.); во Франціи — 12 к. метал. или 20 к. кред. А такъ какъ пудъ пшеницы стѣитъ приблизительно около 1 р., то продажная стоимость ея повышена въ Германіи и Франціи почти на процентъ, равный пошлинѣ въ кредитныхъ копѣйкахъ. Наконецъ, въ мартѣ настоящаго года французская палата приняла предложеніе правительства о новомъ повышеніи ввозной пошлины на пшеницу въ размѣрѣ 2 фр. на гектолитръ. Кромѣ

того, какъ Германія, такъ и Франція, особенно высокими пошлинами обложили муку—первая 63 к. кред. пудъ, вторая 40 к. кред.

Благодаря этимъ пошлинамъ, нашъ вывозъ пшеницы въ 1886 г. еще болѣе сократился и притомъ весьма значительно. Это и должно было случиться, если принять во вниманіе, что наша пшеница черезъ южные порты шла главнымъ образомъ во Францію. Дѣйствительно, по донесенію російскаго генеральнаго консула въ Марсели отъ 4 марта, провозъ пшеницы изъ Россіи упалъ здѣсь съ 3,544 тыс. гектолитровъ до 2,480 тыс., т. е. болѣе чѣмъ на 1 мил. гектолитровъ или 500 тыс. четв. Кроме того, тотъ-же консулъ сообщаетъ, что нашимъ твердымъ хлѣбамъ болѣе всего угрожаетъ конкуренція со стороны Алжиріи. Вывозъ зерна изъ этой послѣдней, по словамъ нашего консула, увеличивается съ каждымъ годомъ, а такъ какъ—добавляетъ онъ—алжирскіе хлѣба не платятъ ввозной пошлины, то соперничество съ ними станетъ въ недалекомъ будущемъ весьма затруднительнымъ *).

Точно также упалъ весьма значительно и ввозъ нашей пшеницы въ Германію, именно противъ 1885 г. онъ уменьшился на 11.073,562 пуда **).

Но пошлины на привозный хлѣбъ, установленныя въ Германіи и Франціи, коснулись не одной только пшеницы. Такъ какъ ввозъ другихъ хлѣбовъ во Францію изъ Россіи былъ всегда весьма незначителенъ, то и установленная на нихъ здѣсь пошлина—около 10 к. вр. съ пуда на овесъ, ячмень и рожь—не имѣетъ для насъ большого значенія. Гораздо важнѣе для насъ установленіе пошлинъ на эти сорта хлѣба Германіей, куда они преимущественно вывозились. Пошлина, какъ извѣстно, установлена на рожь 25 к. кред. съ пуда, на ячмень, овесъ, гречиху, горохъ—8,5 коп. Когда эта пошлина только вводилась, то очень многіе пророчили, что ввозъ хлѣба въ Германію черезъ это нисколько не уменьшится, въ результатѣ же придется за него только дороже платить. (Сдѣлако это пророчество не оправдалось. Напротивъ, мы видимъ, что въ истекшемъ 1886 г. въ Германіи послѣдовало общее сокращеніе привоза хлѣба съ 144 мил. пудовъ 1885 года до 97 мил. 1886 г. Разница получилась огромная, въ 47 мил. пудовъ, и притомъ исключительно насчетъ уменьшенія привоза хлѣба изъ Россіи; именно изъ Россіи вывезено меньше противъ 1885 г. на 24,6 мил. пудовъ, что составитъ болѣе половины всего уменьшенія ввоза хлѣба въ Германію. Недаромъ пошлины эти названы были „боевыми“! На отдѣльные хлѣба уменьшеніе ввоза изъ Россіи послѣдовало: для пшеницы, какъ мы уже говорили, 11 мил. пуд., ржи—5,7 мил. пуд., овса—5 мил. пуд., ячменя—2,3. Несмотря на это уменьшеніе привоза хлѣба въ Германію, вывозъ его отсюда не только не уменьшился, но еще увеличился на 2,500 тыс. пудовъ. Изъ этого можно видѣть, что производство хлѣба въ Германіи за послѣдній годъ значительно поднялось.

Такимъ образомъ, отчасти общее паденіе цѣнъ на хлѣбъ и въ особенности на пшеницу, отчасти установленіе пошлинъ на привозные хлѣба въ Германіи и Австріи, произвели въ результатѣ

*) Вѣстн. Фин. и Пром. 1887 г. № 11.

**) Торговля Германіи съ Россіей въ 1886 г. Ibid. 1887 г. № 10.

небывалое до сихъ поръ сокращеніе нашего вывоза хлѣба за границу. Общая цифра вывоза хлѣба упала въ истекшемъ году сравнительно съ 1885 г. почти на 7 мил. четвертей; именно въ этомъ послѣднемъ году она составляла 36,489 тыс. четв., а въ 1886 г.—29,114 тыс. четв. Все это уменьшеніе послѣдовало исключительно насчетъ сокращенія вывоза пшеницы, которой вывезено въ прошломъ году почти на 7 мил. четв. менѣе 1885 г.: вмѣсто 15,406 т.—8,666 т. четв. Ржи вывезено на 900 т. менѣе противъ 1885 г. вслѣдствіе указаннаго нами сокращенія требованія ея въ Германіи. Но послѣдняя разниця все-таки не можетъ оказаться сколько-нибудь чувствительной, точно такъ-же, какъ и разниця на всѣ другіе сѣрые хлѣба.

Слѣдовательно, какъ мы уже сказали выше, кризисъ въ нашей хлѣбной торговлѣ является исключительно пшеничнымъ; въ основаніи же его лежитъ паденіе цѣнъ на этотъ хлѣбъ наивысшей стоимости. Дѣйствительно, на кризисъ наши хозяева и торговцы жаловались даже и тогда, когда общая цифра нашего вывоза пшеницы не только не уменьшалась, но еще значительно увеличивалась. Такъ, въ 1885 г., сравнительно съ 1884 г., она увеличилась на 4 мил. четв. Впрочемъ это увеличеніе въ значительной степени должно быть отнесено насчетъ ожидавшагося тогда повышенія во Франціи пошлины на привозный хлѣбъ и въ особенности на пшеницу. Если же исключить этотъ годъ, то нашъ отпускъ пшеницы, начиная съ 1883 г., года приниженія цѣнъ, послѣдовательно падаетъ: въ 1883 г. онъ составлялъ 14 мил. четв., въ 1884 г.—11 мил. четв. и въ 1886 г.—8,6 мил. четв.

Органъ министерства финансовъ также видитъ причину кризиса въ нашей хлѣбной торговлѣ по преимуществу въ конкуренціи на главнѣйшихъ европейскихъ рынкахъ со стороны Америки, Индіи, Австраліи и другихъ странъ, которыя имѣютъ возможность производить и доставлять хлѣбъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ мы. Естественнымъ выходомъ изъ такого положенія является лишь необходимость пониженія цѣны и на нашу пшеницу, и притомъ такое, которое произошло бы безъ убытка для ея производителей. Для этого же въ свою очередь должна быть понижена стоимость какъ производства этого продукта, такъ и доставки его на рынки.

Что касается самаго производства у насъ хлѣба, т. е. состоянія нашего сельскаго хозяйства, то Россія въ этомъ отношеніи заставляеть, какъ извѣстно, желать очень многого. Дѣйствительно, если мы обратимся къ тѣмъ областямъ нашего отечества, которыя по преимуществу производять хлѣбъ на вывозъ, т. е. къ нашему Поволжью и Новороссіи, то мы увидимъ, что здѣсь вовсе не существуетъ сколько-нибудь устойчиваго типа сельскаго хозяйства. Основнымъ стремленіемъ со стороны нашихъ землевладѣльцевъ является, какъ извѣстно, эксплуатація земли съ возможно меньшимъ приложеніемъ капитала и личной дѣятельности. Благодаря этому, огромное количество частновладѣльческой земли сдается въ краткосрочную аренду крестьянамъ, собственный же инвентарь въ большинствѣ имѣній почти вовсе отсутствуетъ. Если помѣщичья запашка и существуетъ, то только въ размѣрѣ той площади, которая можетъ быть обработана сосѣдними крестья-

нами съ ихъ-же инвентаремъ въ вознагражденіе за пастища, прогоны для скота, арендуемую землю и т. д. Въ результатѣ—у насъ есть только землевладѣльцы, но почти вовсе нѣтъ помѣщиковъ. Такъ, въ саратовской губ., по даннымъ земской статистики, землевладѣльцы сдаютъ въ аренду стѣ 60 до 80% своихъ пахатныхъ земель; въ херсонской губ. подъ распашкой находится въ среднемъ только 14% частновладѣльческой земли. Въ этой послѣдней губерніи, по словамъ одной одесской газеты, роль землевладѣльца сводится къ раздачѣ земли мелкими участками крестьянамъ и къ умѣнью взять за нее хорошую цѣну. Конечно, и это нетрудное дѣло возлагается на управляющаго. При такой системѣ не нужно ни заводить скота, ни прикупать земледѣльческихъ орудій; достаточно управляющему имѣть тележку и ѣздить къ съемщикамъ за полученіемъ арендной платы.

Крестьяне въ свою очередь не располагаютъ ни нужными капиталами, ни знаніями для того, чтобы цѣлесообразно эксплуатировать поступающую въ ихъ распоряженіе землю. Напротивъ, принужденные платить высокія арендныя цѣны и обремененные казенными платежами, они поставлены въ необходимость извлекать изъ земли въ каждый данный годъ по возможности больше, не имѣя въ тоже время средствъ заботиться даже о близкомъ будущемъ. Вслѣдствіе этого, отношеніе къ землѣ получается у нихъ самое хищническое, при которомъ производительная сила ея съ каждымъ годомъ ослабѣваетъ. Въ концѣ концовъ даже въ такихъ слабонаселенныхъ мѣстностяхъ съ богатымъ черноземомъ, какъ напр. губерніи самарская, крестьяне давно уже жалуются, что земля „старѣтъ стала“, „выпахалась“, „перестаетъ родить“—и вотъ они цѣлыми массами выселяются еще далѣе на востокъ, въ губерніи уфимскую и оренбургскую, все въ поискахъ за „цѣлиной“.

Нужно сказать, что такимъ своимъ положеніемъ наше сельское хозяйство едва-ли не больше всего обязано нашей-же протекціонной таможенной политикѣ и общему, невмѣру усиленному, покровительству обрабатывающей промышленности. Благодаря искусственному насажденію промышленности, съ воспособленіями ей за счетъ государства во всевозможныхъ видахъ, въ эту сферу производства и уходятъ всѣ наши капиталы и энергія, такъ что, при общей нашей бѣдности ими, для земледѣлія уже ничего не остается. Поэтому мы и видимъ, что большинство нашихъ хозяйствъ ведется безъ всякихъ капиталовъ, и общее стремленіе хозяевъ, какъ мы сказали,—затрачивать на веденіе хозяйства возможно меньше, хотя-бы и съ полученіемъ меньшаго дохода.

Всѣ изслѣдователи положенія нашего сельскаго хозяйства одинаково согласны относительно того, что мы могли бы, усиливши производительность земли, получать хлѣбъ значительно болѣе дешевый, чѣмъ мы получаемъ теперь. Для этого нужно было бы къ производству хлѣба приложить больше капитала и энергіи. Но они отвлекаются отъ земледѣлія для обрабатывающей промышленности. Такимъ образомъ, въ результатѣ нашей односторонней покровительственной политики, мы должны дороже платить и за продукты земледѣлія и за продукты обрабатывающей промышленности.

Но, кромѣ дороговизны самаго производства, нашъ хлѣбный

экспортъ значительно страдаетъ и отъ весьма несовершенной организаціи транспортировки, а въ особенности сбыта хлѣба мелкими хозяевами, т. е. крестьянами. Такъ, относительно путей сообщенія нужно сказать, что огромное большинство нашихъ подвозныхъ грунтовыхъ дорогъ находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Еще въ худшемъ состояніи находятся наши водные пути, по которымъ движется большинство хлѣбныхъ грузовъ. Извѣстно, на примѣръ, что у насъ есть огромное число такихъ рѣкъ, которыя, при весьма незначительныхъ затратахъ, могли бытъ превращены въ судоходныя и прекрасно приспособлены для сплава небольшихъ хлѣбныхъ грузовъ. Все бы это значительно удешевило перевозку хлѣба. Но, къ сожалѣнію, не сюда направляются наши капиталы и предпримчивость.

Что касается организаціи сбыта, то она нуждается въ меньшихъ улучшеніяхъ. У насъ даже крупныя производители хлѣба жалуются на то, что значительная часть барышей попадаетъ въ карманы неимовѣрнаго числа посредниковъ, черезъ руки которыхъ проходитъ хлѣбъ прежде, чѣмъ онъ попадетъ къ потребителю. Но у насъ до сихъ поръ нѣтъ элеваторовъ и кредита для производителей хлѣба подъ ихъ продуктъ. Вѣроятно, большинство русскихъ людей знаетъ про похождения „мартышекъ“, „шабаевъ“, „зайцевъ“ и разнаго прочаго наименованія посредниковъ, дѣйствующихъ въ нашихъ южныхъ городахъ. Здѣсь выработалась цѣлая наука обмана, которая примѣняется по преимуществу къ мелкимъ продавцамъ—производителямъ хлѣба. Вся эта „самобытная“ наука состоитъ въ техническихъ приспособленіяхъ для обмѣра, обвѣса, обсчитыванія и т. д. По вычисленію, сдѣланному г. Джуричемъ, при продажѣ хлѣба въ Таганрогѣ, каждый продавецъ теряетъ, благодаря разнымъ ухищреніямъ посредниковъ, отъ 91 к. до 2 р. на четверть. А это и составитъ почти всю ту разницу, которая нужна нашимъ хозяевамъ, чтобы продавать свой хлѣбъ съ выгодой.

Кромѣ того, наши торговцы весьма мало заботятся о будущемъ нашей хлѣбной торговли и не жалѣютъ усилій, чтобы подорвать довѣріе иностранцевъ къ доброкачественности русскаго хлѣба. Торговый принципъ „не обманешь—не продашь“ твердо засѣлъ въ головахъ нашихъ комерсантовъ. „Мнѣ извѣстенъ—разсказываетъ г. Ермоловъ—такого рода фактъ, что владѣлецъ тщательно очищаетъ свою пшеницу отъ куколя; но приѣзжаетъ хлѣбопромышленникъ и, покупая пшеницу, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ: продайте мнѣ и куколь. Спрашивается, для чего?—а для того, чтобы обратно вогнать куколь въ пшеницу, такъ какъ ему будто-бы выгоднѣе продать пшеницу не чистою и отсортированную, а вмѣстѣ съ куколемъ. Поэтому за границею не считаютъ возможнымъ пустить русскій хлѣбъ на рынокъ безъ сортировки; даже тотъ хлѣбъ, который привозится отъ насъ подъ видомъ сортировочнаго, тамъ считается несортировочнымъ и подвергается новой и тщательной сортировкѣ... Америка и Австралія сортировкѣ научены и поставляютъ хлѣбъ въ томъ именно видѣ, какъ его требуютъ“ *). Благодаря этому, цѣны на русскія хлѣба за границею стоятъ дѣйствительно ниже, чѣмъ на хлѣбъ всѣхъ дру-

*) Труды комиссіи при имп. в. эк. общ., докладъ Ермолова.

гихъ странъ. Дѣло дошло до того, что въ печать проникъ слухъ объ организуемомъ яко-бы правительствомъ надзорѣ за доброкачественностью вывозимаго отъ насъ хлѣба.

Затѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ потери, которыя несутъ производители хлѣба, въ особенности мелкіе, отъ вынужденной продажи его прежде установленія цѣнъ или вслѣдствіе необходимости продать свой продуктъ именно въ данный моментъ, когда наступаютъ сроки разныхъ платежей, и т. д. Извѣстно напр., что по осени торговцы всегда опускаютъ цѣны на хлѣбъ, чтобы дешево приобрести тѣ хлѣбные грузы, которые направляются въ это время крестьянской нужды въ деньгахъ на базары.

Вообще зло отъ обилія посредниковъ по хлѣбной торговлѣ у насъ очень велико, и, благодаря имъ, наши хозяева продаютъ свой хлѣбъ значительно дешевле тѣхъ цѣнъ, за которыя могли бы продать при болѣе совершенной организаціи сбыта. Мы не будемъ говорить здѣсь о необходимости примѣненія у насъ системы элеваторовъ, которая значительно могла бы ослабить зло, наносимое нашей хлѣбной торговлѣ многочисленнымъ посредничествомъ. Вопросъ этотъ въ нашей литературѣ достаточно уже обсуждался. Но самое дѣло, какъ извѣстно, почти вовсе не подвинулось впередъ—и „возь—какъ говорится—и нынѣ тамъ“. Мы только считаемъ нужнымъ замѣтить, что если устройство элеваторовъ, имѣющихъ сосредоточить въ себѣ весь нашъ хлѣбный экспортъ, представляется дѣломъ труднымъ и сложнымъ, то облегченіе сбыта хлѣба для мелкихъ хозяевъ посредствомъ учрежденія хлѣбныхъ складовъ и съ выдачею ссудъ подъ доставленный туда хлѣбъ уже вовсе не представляется дѣломъ особенно труднымъ. Въ настоящее же время буквально ограбленные по осени крестьяне, при продажѣ своего хлѣба скупщикамъ-кулакамъ, являются въ результатѣ не только несостоятельными передъ государствомъ и земствомъ плательщиками, но еще почти ежегодно весною требующими хлѣбныхъ ссудъ какъ изъ земскихъ, такъ и изъ государственныхъ — продовольственныхъ капиталовъ. Но опять-таки не сюда направлены наша энергія и капиталы.

Вообще, еслибы вся та масса попеченій со стороны государства, тѣ его средства, которые ушли на искусственное насажденіе у насъ обрабатывающей промышленности за послѣдніе 25 лѣтъ, были направлены на поднятіе земледѣлія—распространеніе среди земледѣльцевъ агрономическихъ знаній, устройство образцовыхъ фермъ и школъ, облегченіе сбыта—улучшеніе подвозныхъ путей, организацію общественныхъ складовъ, развитіе для производителей хлѣба кредита, еслибы, наконецъ, капиталы и энергія не отвлекались искусственно отъ земледѣлія,—то мы, вѣроятно, не очутились бы теперь лицомъ къ лицу съ тѣмъ хлѣбо-торговымъ кризисомъ, который мы въ настоящее время переживаемъ.

Наши не по разуму усердные протекціонисты обыкновенно ссылаются на Сѣв. Американскіе Соединенные Штаты, какъ на государство, въ которомъ яко-бы благодѣтельное вліяніе покровительственной таможенной политики весьма мирно уживается съ развитіемъ производительности хлѣба и процвѣтаніемъ сельскаго хозяйства. Но они забываютъ, что если Америка закрываетъ ворота для нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, то она зато ши-

рово открываетъ ихъ для всякихъ иностранныхъ предпринимателей. Поэтому, если тамъ протекціонная политика и оказываетъ нѣкоторое благотворное вліяніе, то больше потому, что стѣсненіе ввоза продуктовъ иностранныхъ производителей привлекаетъ сюда самыхъ производителей. Это-же случилось и у насъ въ видѣ развитія нѣмецкой промышленности на русской территоріи и въ особенности на западной окраинѣ. Но Америка по существу своему является скорѣе какою-то всесвѣтною самоуправляющеюся колонією, чѣмъ государствомъ въ европейскомъ значеніи этого слова. Поэтому переселеніе въ страну иностранныхъ капиталистовъ, предпринимателей и рабочихъ, рассматриваемое тамъ какъ благо, у насъ признается явленіемъ для государства даже небезопаснымъ. Естественно поэтому, что для насъ необходимо, чтобы тѣ капиталы и энергія, которыми располагаетъ государство и частныя лица, расходовались съ наибольшою для страны пользою, т. е. чтобы они направлены были преимущественно въ ту область производства, которая по существующимъ условіямъ является наиболѣе выгодною.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца опубликованъ именной Высочайшій указъ управляющему министерствомъ финансовъ, данный 27 марта, о заключеніи 4% внутреннего займа на сто мил. руб. кредитныхъ нарицательнаго капитала, погашаемыхъ съ 1 апрѣля 1888 г. въ теченіе 80 лѣтъ. Подписная цѣна назначена въ 84% нарицательной стоимости облигацій. Но подписная цѣна новыхъ облигацій нѣсколько уменьшается, а процентъ увеличивается, вслѣдствіе особыхъ условій, которыми обставлена уплата со стороны покупателей денегъ за новыя облигаціи. Именно уплата эта разсрочена на 7 мѣсяцевъ—первый взносъ 14 апрѣля и послѣдній 1 декабря. Слѣдовательно изъ подписной суммы въ 84 руб. нужно вычесть процентъ за разсрочку. Этотъ процентъ въ размѣрѣ 4 скидываетъ и банкъ для всѣхъ покупателей, вносящихъ деньги до срока. Благодаря указанной скидкѣ, подписная цѣна облигацій понизится приблизительно на 1%. Затѣмъ оплата перваго купона новыхъ облигацій будетъ произведена 1 октября до срока полнаго расчета съ подписавшимися, причемъ для покупателей съ разсрочкой купонъ этотъ зачислится въ счетъ слѣдующаго съ нихъ срочнаго платежа, назначеннаго 2 марта, другими словами—покупатели, и невнесшіе еще всѣхъ денегъ, будутъ получать полный процентъ. При такихъ условіяхъ фактически выручаемая за каждую облигацію сумма не даетъ государственному банку и 83 р., процентъ же повысится до 4,6 годовыхъ. Наконецъ, нужно замѣтить, что настоящія облигаціи являются до нѣкоторой степени облигаціями съ выигрышами. Дѣло въ томъ, что банкъ погашаетъ ихъ въ 1 апрѣля будущаго года по номинальной стоимости въ 100 руб. Слѣдовательно счастливые обладатели облигацій, имѣющихъ выйти въ тиражъ въ первый-же срокъ ихъ погашенія, получаютъ на свои 83 р. 4 р. обыкновеннаго процента и 17 р. разницы, т. е. получаютъ на свои деньги около 24% годовыхъ, клиенты слѣдующаго года—12% годовыхъ и т. д. Въ общемъ этотъ шансъ на погашеніе поднимаетъ процентъ по каждой облигаціи на 0,25. Такимъ образомъ въ результатѣ заемъ слѣдуетъ считать заключеннымъ за 4,85%.

Условія приобрѣтенія новыхъ облигацій для покупателей значительно облегчены. Такъ, прежде всего уменьшены противъ прежнихъ годовъ размѣры взносовъ. Затѣмъ государственный банкъ выдаетъ даже подъ несполнѣ оплаченныя облигаціи ссуды за 4% годовыхъ, т. е. значительно меньшій процентъ, чѣмъ взимается обыкновенно. Такая льготная выдача ссудъ производится до 1 января будущаго года. Благодаря имъ, для покупки новыхъ облигацій нужно имѣть въ наличности, и то въ продолженіи семи мѣсяцевъ, меньше половины той суммы, на которую покупатель желаетъ ихъ приобрѣсти: именно, сдѣлавши взносъ, вы можете сейчасъ-же получить подъ него ссуду въ размѣрѣ 90%. Такимъ образомъ всю покупку облигацій можно разбить на три операціи. Для первоначальной операціи требуется лишь наличныхъ 12 р. 60 к. на каждую облигацію для оплаты 5% при подписѣ и 10% при разверствѣ, всего 15% стоимости облигаціи. Затѣмъ подъ эту оплату вы можете получить ссуду въ размѣрѣ 11 р. 34 коп. на облигацію, такъ что къ слѣдующему взносу въ 15% 1 іюля нужно будетъ прибавить къ ссудѣ только 1 р. 26 к. на облигацію. Для второй операціи, при наступленіи второго взноса въ 20% 1 августа, нужно имѣть 16 р. 60 к.; къ слѣдующему такому-же платежу 2 октября, за полученіемъ ссуды и зачетомъ 2 руб. купона, еще остается 34 коп., и, наконецъ, къ 1 декабря для послѣдняго взноса въ 14% нужно уплатить 11 р. 62 к. А всего, слѣдовательно, нужно имѣть на каждую облигацію по 41 р. 72 к. и притомъ въ теченіи 7 мѣсяцевъ, не считая, конечно, незначительной уплаты за сдѣланныя ссуды. Такія условія реализаціи чрезвычайно облегчаютъ покупку облигацій для небогатыя публики, весьма склонной вообще къ покупкѣ въ разсрочку.

Но едва-ли не больше другихъ будутъ находить выгоду въ покупкѣ новыхъ облигацій лица, имѣющія дѣло съ правительствомъ по поставкамъ и подрядамъ. Для нихъ новыя облигаціи будутъ имѣть то особое достоинство, что при приѣмѣ ихъ въ видѣ залоговъ онѣ пойдутъ по нарицательной стоимости, т. е. за 100 вмѣсто 83. Такимъ образомъ, каждый подрядчикъ будетъ имѣть возможность фактически уменьшить свой залогъ на 17%. Пострадаешь-ли отъ этого или нѣтъ казна въ качествѣ заказчика, вслѣдствіе того, что выполнение подрядовъ гарантируется залогомъ, — это вопросъ другой.

Наконецъ, весьма важную особенность условій реализаціи настоящаго займа составляетъ и то обстоятельство, что залогомъ принимались не только наличными деньгами, но и процентными бумагами, чѣмъ покупатели вполне и воспользовались. Именно, изъ всѣхъ подписавшихся, внесшіе залогъ процентными бумагами подписались на 1.069.560,000 руб., а наличными деньгами подписались лишь на 361.841,700 р. Благодаря этому, реализація новаго займа не сопровождалась паденіемъ другихъ процентныхъ бумагъ, что обыкновенно бываетъ, когда при объявленіи новаго займа капиталистамъ нужно сдѣлать свободною болѣе или менѣе крупную наличность.

Въ результатъ подписки на облигаціи новаго займа дала довольно благоприятные результаты. Какъ опубликовано министерствомъ финансовъ, число подписчиковъ опредѣлилось въ 21,969, общая подписная сумма составила 1.972.663,900 руб.

Наибольшей суммы подписка достигла въ С.-Петербургѣ — 1.431.401,700 рублей или почти $\frac{3}{4}$ общаго итога; число подписчиковъ въ государственномъ банкѣ было 5,638, или 10,8% общаго числа; сравнительно съ процентомъ подписной суммы, относительное число подписчиковъ менѣе значительно, ибо въ подпискѣ на крупныя суммы принимали участіе банки, за свой счетъ или за счетъ своихъ кліентовъ. Въ Москвѣ подписная сумма составила 386.087,300 рублей или около 20% всей подписки, число же подписчиковъ достигло 3,763 или 7,2%. Наибольше крупныя затѣмъ суммы внесены въ Варшавѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Таганрогѣ.

Что касается распредѣленія подписной суммы по размѣрамъ подписки, то наибольшая доля приходится на подписку свыше 500,000 рублей. Свыше этой суммы подписалось 180 лицъ на 1.825.887,000 рублей или свыше 92% общей суммы; въ этомъ числѣ въ С.-Петербургѣ на 1.387.920,200 рублей 69 лицъ, или почти половина всего числа этой категоріи подписчиковъ, въ московской конторѣ на 356.919,000 рублей 61 лицо или нѣсколько менѣе $\frac{1}{3}$ подписавшихся на эту сумму, въ варшавской конторѣ на 17.680,000 рублей 12 лицъ или $\frac{1}{11}$. На сумму отъ 100,000 рублей до 500,000 подписалось 243 лица на 60.181,900 рублей, что составляетъ немногимъ болѣе 3% подписной суммы. Наибольшая сумма подписки въ этомъ размѣрѣ — 23.335,000 рублей — и наибольшее число подписчиковъ — 95 — приходится на С.-Петербургъ; затѣмъ слѣдуютъ Москва (49 подписчиковъ на 11.799,400 рублей), Кіевъ (16 подписчиковъ на 4.014,000 рублей) и Варшава (15 подписчиковъ на 3.883,000 рублей). Наибольшее число подписчиковъ — 9,361 или 42,6% общаго ихъ числа — подписалось на сумму отъ 500 до 1,000 рублей; всего же подписная сумма указаннаго размѣра составила 9.165,700. Затѣмъ 4,233 лица или 19,3% подписалось, въ размѣрѣ до 500 руб. каждое, на сумму 1.382,400 рублей.

Изъ этихъ данныхъ видно, что главный контингентъ подписчиковъ дали капиталисты и больше всего, вѣроятно, банки, дѣйствовавшіе также за счетъ иностранныхъ банкировъ. Что же касается „публики“, то, несмотря на всѣ льготы, сдѣланныя для нея банкомъ, она участвовала въ подпискѣ очень слабо, хотя и приобрѣла до $\frac{1}{10}$ всего займа.

Объявивъ настоящій заемъ, г. Вышнеградскій какъ-бы заявилъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ тѣхъ самобытно-московскихъ финансовыхъ теорій, которыя ему съ такимъ усердіемъ навязывались и по которымъ всякая потребность государства въ деньгахъ можетъ покрываться новыми выпусками кредитныхъ билетовъ, такъ какъ умноженіе числа ихъ не только не вредно для страны, но даже напротивъ — оно оживляетъ торговые и промышленные обороты. Но при настоящемъ положеніи нашего курса и внутренней заемъ нельзя считать дѣломъ особенно выгоднымъ. Такъ, заграничные покупатели, вѣроятно, постараются воспользоваться низкимъ курсомъ нашего рубля и сдѣлаютъ оплату облигацій до срока. Если же затѣмъ курсъ поднимется до нормальной въ послѣдніе годы высоты — 65 к., то доходъ съ облигацій увеличится для покупателей на всю эту разницу, т. е. около 10 к. съ рубля процента. Получать деньги, слѣдовательно, приходится

нашему государственному банку при низкомъ ихъ курсѣ, а платить проценты и погашать вѣроятно уже при повысившемся.

Въ прошломъ обозрѣніи мы представили картину тѣхъ условій, при которыхъ современному крестьянину приходится вести хозяйство. Мы видѣли, что даже въ такой плодородной области, какъ саратовская и самарская губерніи, конечнымъ результатомъ этихъ условій является крайній упадокъ крестьянскаго благосостоянія и полное хозяйственное разстройство, постигшее уже сравнительно довольно значительную часть мелкихъ земледѣльцевъ. Естественно, что самарскій и саратовскій земледѣльцы не представляютъ собою, съ точки зрѣнія подобныхъ условій, явленія исключительнаго. Хозяйство идетъ, что называется, черезъ пень-колоду у большинства современнаго крестьянства. Особенно неблагоприятно поэтому бываетъ положеніе нашей деревни къ концу хозяйственнаго года, т. е. весною. Къ этому времени у большинства крестьянъ обыкновенно дождаются остатки непроданнаго съ осени хлѣба; точно также приходятъ къ концу и сдѣланные запасы корма для скота.

Весна настоящаго года по примѣру прошлыхъ лѣтъ изобилуетъ плохими вѣстями, идущими изъ деревни. Недостатокъ продовольствія, ходатайства передъ земствами о ссудахъ, усилившаяся дѣятельность благодѣтелей-кулаковъ, злоупотребленія, допускаемыя сельскими властями изъ кулаковъ-же, при взысканіи съ крестьянъ разныхъ денежныхъ повинностей, и бѣгство цѣлыми массами изъ насиженныхъ мѣстъ въ поиски за новыми землями—вотъ обычная тема писемъ изъ деревни для настоящаго времени. Въ настоящемъ году затруднительное положеніе крестьянъ осложнилось еще, съ одной стороны промышленнымъ кризисомъ и послѣдовавшимъ отсюда упадкомъ заработковъ на сторонѣ, которые являются для нихъ главнымъ источникомъ дохода въ сѣверныхъ и среднихъ нечерноземныхъ губерніяхъ, а съ другой—крайнимъ упадкомъ цѣнъ на хлѣбъ. Благодаря всему этому, повторяемъ, жалобы на печальное положеніе, въ которомъ очутилось сельское населеніе, раздаются со всѣхъ концовъ Россіи. Дѣла крестьянъ нашего уѣзда, пишутъ изъ Никольска, вологодской губ., крайне плохи. Въ настоящую зиму крестьяне переживали и переживаютъ такое тяжелое время, какого не запомнить и старожилы уѣзда. Праздники, обыкновенно высокочтимые крестьянами, съ неизбѣжными угощеніями виномъ и пивомъ, снаряженіе къ отправкѣ рекрутъ, взносъ государственныхъ и земскихъ податей и повинностей, выправка билетовъ на вырубку необходимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ лѣса и дровъ, уплата за разные арендуемыя крестьянами оброчныя казенныя статьи и многіе т. п. неизбѣжные и неотложные расходы ставили и ставятъ крестьянъ въ крайне тяжелое положеніе. Нечего и говорить, что у громаднаго большинства крестьянъ лежалыхъ денегъ нѣтъ, а между тѣмъ все это требовало и требуетъ денегъ. У крестьянъ только и заботъ, какъ бы раздобыться деньгами, но, несмотря на всѣ хлопоты, раздобыться деньгами крестьянамъ въ настоящую зиму крайне трудно, какъ давно уже не бывало. Заработковъ нигдѣ нѣтъ, цѣны на хлѣбъ стояли все время очень низкія. И вотъ,

рѣшительно не зная, гдѣ взять средства на удовлетвореніе всѣхъ неотложныхъ расходовъ, крестьяне по необходимости обращались и обращаются въ кулакамъ, которымъ въ настоящую зиму особенно вольготно живется. Сами выйдя изъ крестьянъ, и зная всѣ ихъ нужды и слабости до мельчайшихъ подробностей, они ловко обдѣлываютъ свои дѣла и, пользуясь чужою нуждою, другъ передъ другомъ стараются содрать послѣднюю шкуру съ нуждающихся крестьянъ. Приэтомъ не только цѣны на хлѣбъ, муку, ленъ и овесъ стоятъ на сѣверѣ чрезвычайно низкія, но даже и вовсе нѣтъ спроса на всѣ эти продукты. Нѣкоторыя конторы, по словамъ корреспондента, какъ напримѣръ Зимина, Поповыхъ, Ногиныхъ, Оленева, скупавшія ранѣе всѣ эти товары въ громадномъ количествѣ, вовсе прекратили свою дѣятельность, другія же, какъ напримѣръ Грибанова, Линдеса, Спириныхъ, сократили свою дѣятельность по отправкѣ этихъ товаровъ въ г. Архангельскъ до крайности; насколько велико сокращеніе закупки конторами ржи, овса, льна, льняного сѣмени, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ прежніе года одна только контора Грибанова отправляла изъ г. Никольска до 50 барокъ съ этими товарами, а въ предстоящую навигацію намѣревается отправить лишь 3 барки. Съ сокращеніемъ дѣятельности конторъ по отправкѣ въ г. Архангельскъ ржи, овса, льна, льняного сѣмени, сократились до minimum'a и заработки крестьянъ по подвозу этихъ товаровъ къ конторамъ, по вырубкѣ лѣса на барки и по постройкѣ барокъ, а въ прежніе года всѣ эти заработки доставляли крестьянамъ весьма и весьма значительную сумму.

Нелучше положеніе крестьянъ и въ черноземныхъ губерніяхъ, насколько можно судить объ этомъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ мѣстными газетами. Такъ въ кременчугскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента „Одесскаго Листка“, поселане нуждаются не только въ сѣменахъ для посѣва яровыхъ въ предстоящую весну, но и въ поправкѣ всякой необходимой утвари и въ кормѣ для воловъ, лошадей и мелкаго скота, такъ какъ у весьма многихъ крестьянъ здѣсь давно нѣтъ даже хлѣба для дневного пропитанія семьи. Нужда во всемъ у поселанъ теперь самая жестокая; до травы приходится еще ждать почти три мѣсяца, а скоть уже и такъ сильно изнуренъ отъ одной соломы, да и той у нѣкоторыхъ домохозяевъ нѣтъ; для себя же и семьи подчасъ теперь и хлѣба-то заработать негдѣ, такъ какъ съ поста сразу требованіе вездѣ на рабочія руки упало и поденный трудъ ни во что почти не цѣнятся. Жидъ-кабатчикъ и кулакъ-мироѣдъ теперь здѣсь торжествуютъ, въ чаяніи, что къ нимъ поселане-бѣдняки придутъ скоро на поклонъ. Зима настоящаго года, пишутъ въ „Кіевское Слово“ изъ каменецкаго уѣзда подольской губерніи, особенно тяжела для нашихъ крестьянъ. Недостатокъ корма для скота заставляетъ многихъ хозяевъ продавать свой скоть; цѣны на скоть очень упали: за 30 рублей теперь можно купить пару воловъ, стоившую въ прошлую зиму 50 — 60 рублей... Хлѣбомъ, говоритъ затѣмъ корреспондентъ „Курскаго Листка“, похвастаться Дмитровскъ и его уѣздъ не могутъ, такъ какъ приходится не продавать, а покупать. Изъ всѣхъ деревень и селъ слышны жалобы, что хлѣбушка мало и, Богъ знаетъ, какой будетъ урожай въ этомъ году.

Нѣкоторые крестьяне давнымъ давно начали покупать хлѣбъ... Съ каждымъ годомъ бытъ крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи ухудшается; это замѣтно для каждаго, даже ненаблюдательнаго, человѣка... Зато нужно отдать пальму первенства кулакамъ-міроѣдамъ—они ловко и энергично обдѣлываютъ свои дѣлишки и, какъ пауки запутываютъ въ сѣти мухъ, такъ она запутываютъ въ свои сѣти довѣрчивыхъ, простодушныхъ сѣряковъ, выжимая съ послѣднихъ „мытемъ и катаньемъ“ послѣдній грошъ.

Что касается губерній юговосточныхъ, то здѣсь, какъ извѣстно, всѣ хлѣба пострадали отъ усиленно лившихся въ концѣ прошлаго лѣта дождей, благодаря чему во многихъ мѣстахъ хлѣбъ остался и вовсе даже неубраннымъ, въ большинствѣ же онъ оказался очень недоброкачественнымъ. Поэтому покупается онъ очень неохотно, и цѣны на всѣ сорта хлѣбовъ стояли на рынкахъ очень низкія. Такимъ образомъ, по словамъ самарскаго корреспондента „Русскаго Курьера“, вся цѣнность собраннаго сырого хлѣба въ большинствѣ случаевъ менѣе цѣнности затраченныхъ на его обработку капиталовъ. Такъ напр. пудъ пшеницы перерода самому производителю, со всѣми расходами, обходится въ самарскомъ уѣздѣ и другихъ близлежащихъ южныхъ мѣстностяхъ губерніи не менѣе 80 коп.; тотъ-же пудъ пшеницы теперь на самарскомъ рынкѣ идетъ максимумъ за 60 к., но въ большинствѣ случаевъ за 40 и 50 к. Въ уѣздахъ и того не даютъ: платятъ 10—15 к. дешевле самарскаго. Овесъ нынѣшняго урожая, сырой, покупали здѣсь по 22 к., а въ Красномъ Яру, слободѣ самарскаго уѣзда, за тотъ-же овесъ не даютъ дороже 15 коп. за пудъ. При такой малоцѣнности попорченнаго хлѣба земледѣльцу нечего и думать не только о полученіи какой-либо выгоды отъ урожая прошлаго года, но и объ уплатѣ тѣхъ издержекъ, которыя онъ употребилъ для полученія этого малоцѣннаго, плохого хлѣба. Сѣмя льбяное, прошлогодняго урожая, такъ называемое „рыжикъ“, вышло тоже плохого качества и продается по небывалой здѣсь низкой цѣнѣ, недороже 40 к. пудъ; подсолнуховъ хотя уродилось и много, но, вслѣдствіе сырой погоды, они вышли безъ зеренъ. Такіе подсолнухи продаются теперь по 30 к. пудъ. Сѣно все попорчено, и возъ его теперь продается въ три раза дешевле прошлогодняго—всего только 1 р. 50 к. за 25 пудовъ. Городскіе жители предпочитаютъ для корма малоцѣнный овесъ и пшеницу и сѣна покупаютъ мало, для подкорма. То-же самое и въ пензенской губерніи, какъ сообщаютъ въ „Волжскій Вѣстникъ“. Несмотря на сравнительно далеко неутѣшительный сборъ хлѣбовъ въ минувшемъ году, осенью, да отчасти и теперь, здѣшніе базары завалены хлѣбомъ, такъ какъ крестьяне, понуждаемые энергично къ уплатѣ выкупныхъ платежей, везутъ на базаръ почти весь хлѣбъ, едва не до послѣдняго зерна. До урожая большинству крестьянъ придется „положить зубы на поле“. Вслѣдствіе большого предложенія хлѣба и всеобщаго застоя въ торговлѣ, цѣна на хлѣбъ стоитъ очень низкая. Въ экономіяхъ большими партиями рожь покупаютъ по 32—35 к. Въ Пензѣ хорошая сухая рожь продается по 36—38 к., овесъ 25 к., пшено средняго качества 50 к. Одно время въ Пензѣ цѣна плохой ржи нынѣшняго урожая спускалась едва ли не до 16 к. за пудъ! Не удивительно, говорить корреспон-

дентъ, что при такихъ низкихъ цѣнахъ на зерно крестьянамъ приходится теперь выпродавать почти весь наличный хлѣбъ для уплаты податей.

Изъ областей южныхъ повидимому больше другихъ пострадало население Дона. Въ концѣ зимы на имя министра путей сообщенія получена была слѣдующая телеграмма отъ наказного атамана войска донского: „Требуется немедленная доставка хлѣба голодающимъ донской области; ненадежная зима вызываетъ усиленную транспортровку хлѣба, который, въ ожиданіи очереди погрузки, задерживается на станціяхъ воронежской и грязе-царицынской дорогъ. Прошу распоряженія о подачѣ вагоновъ отправителямъ хлѣба безъ очереди“. Рядомъ съ этимъ въ Новочеркасскѣ, по сообщенію мѣстной газеты, открыта была подписка въ пользу голодающихъ на Дону. По словамъ газеты, больше половины населенія донской области находится въ тяжкомъ положеніи. При прошлогоднемъ сборѣ хлѣба нѣтъ. Скотъ сильно упалъ въ цѣнѣхъ, население кормится картофелемъ, ячменемъ, капустой и свеклой. Правительство отпустило ссуду въ 950 тысячъ рублей, но она недостаточна и для многихъ запоздала. Сильно пошли въ ходъ займы за огромные проценты.

При такихъ условіяхъ сельское населеніе особенно сдѣлалось падко до заработковъ. Крестьяне заполняютъ собою пристани, города и помѣщичьи усадьбы. Но работы въ достаточномъ количествѣ, конечно, нигдѣ не находится, такъ такъ всѣ работодатели въ свою очередь сокращаютъ обороты, преимущественно вслѣдствіе переживаемаго кризиса въ хлѣбной торговлѣ. Торговня заведенія вездѣ закрываются, въ числѣ ихъ даже и кабаки. Изъ многихъ мѣстностей сообщаютъ, что тамъ, гдѣ еще недавно было два-три кабака, теперь нѣтъ ни одного. Хотя сокращеніе пьянства въ нашихъ деревняхъ вообще является желательнымъ, но было бы лучше, еслибы оно обусловливалось другими причинами. Затѣмъ изъ другихъ мѣстностей пишутъ о крайнемъ развитіи нищенства, особенно въ городахъ, куда крестьяне сходятся изъ деревень, но, за отсутствіемъ работы, начинаютъ питаться „Христовымъ именемъ“. Въ Самарѣ напр., по словамъ корреспондента „Волжскаго Вѣстника“, въ настоящее время, при громадномъ количествѣ своихъ нищихъ, появились еще нищие изъ сосѣднихъ губерній, — особенно много нищихъ татаръ казанской губерніи.

Къ общимъ причинамъ крестьянскаго обѣднѣнія присоединяются еще и очень крупныя злоупотребленія, допускаемыя мелкими сельскими властями при взысканіи разнаго рода платежей и недоимокъ. Случаи продажъ съ аукціона крестьянскихъ имуществъ все возрастаютъ. Затѣмъ при подобныхъ продажахъ крестьянскаго имущества, говоритъ корреспондентъ „Современныхъ Извѣстій“, почти всегда неизбѣжно присутствуютъ окольные вулаки, бывшіе мирофды, кабатчики и имъ подобная „тля“, которая, стаснувшись между собою, понижаетъ цѣну продаваемаго крестьянскаго имущества до minimum'a и дѣлитъ затѣмъ барыши между собою. Къ этимъ стачкамъ часто примыкаютъ и сами распорядители продажъ — волостные старшины и старосты, въ роли которыхъ сплошь и рядомъ фигурируютъ теперь тѣ-же вулаки.

ЗАКАСПІЙСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Статья Арминія Вамбэри.

Закаспійская желѣзная дорога не принадлежитъ къ тѣмъ гигантскимъ сооружеціямъ, которыми обогатилась цивилизація послѣдняго времени; она не охватываетъ ни колоссальнаго пространства, какъ тихоокеанская дорога, не прошла сквозь сердцевины горъ, какъ дорога сенготардскаго туннеля. Но, по своему стратегическому, торговому и культурному значенію, она смѣло можетъ соперничать съ величайшими путями сообщеній Европы и Америки. Если мы примемъ въ соображеніе короткое время, употребленное на постройку этой линіи, мы не можемъ не удивляться энергіи и искусству, съ которыми были преодолены немаловажныя техническія затрудненія. Проложеніе рельсоваго пути въ странѣ безводной, представляющей собою сплошную песчаную, безлѣсную степь, быть можетъ было далеко не меньшимъ подвигомъ, нежели покореніе дикихъ и хищныхъ кочевниковъ, занимавшихъ эти степи, а для меня, лично знакомаго на мѣстѣ съ еще недавнимъ и незабытымъ прошлымъ Средней Азіи и сравнивающего ея теперешнее состояніе съ этимъ прошлымъ, смѣлая русская линія представляетъ и спеціальныи интересъ. Не прошло еще четверти столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ я сидѣлъ на берегу Атрека, передъ входомъ палатки Куль-Хана, и слѣдилъ глазами голубыя очертанія далекихъ вершинъ Кюббетъ-Дага. Въ направленіи къ этимъ горамъ жили въ то время текке—туркмены, знаменитые своимъ хищничествомъ, воинственностью и богатствомъ. Я смотрѣлъ на лежавшее передо мною пространство не безъ чувства нѣкоторой тревоги. Между племенемъ юмудовъ, пріютившимъ меня, ходили многочисленныя разсказы о странѣ этихъ ахаль-теке, странѣ прекрасной какъ рай, гдѣ у каждаго жителя при каждомъ домѣ, было по семи колодцевъ, гдѣ изобиліе всевозможныхъ плодовъ и произведеній земли было такъ велико, что ими пользовались обитатели каждой бѣднѣйшей палатки, и гдѣ чело-вѣкъ, отъ избытка богатствъ, забылъ о Богѣ и объ обязанностяхъ, на-

лагаемыхъ на него закономъ. Такъ говорили о своихъ сосѣдяхъ іомуды-туркмены, несмѣвшіе приблизиться къ границамъ этого рая и вынужденные ежеминутно дрожать за свое существованіе въ бесплодныхъ, песчаныхъ пустыняхъ, доставшихся на ихъ удѣлъ. Въ это время были произведены мною нѣкоторыя попытки примирительныхъ переговоровъ между богатыми жителями Ахала и джафарскими индусами. Большая переписка была ведена мною по этому поводу, но всѣ попытки мои остались неосуществимою мечтою, и ни одинъ изъ обитателей береговъ Этрека попрежнему не рѣшался ступить на территорію Ахаль-Теке.

Все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Тамъ, гдѣ 25 лѣтъ тому назадъ верблюдъ мой съ глухимъ кашлемъ тяжело передвигалъ свои усталые члены по безводному песку,—теперь шипитъ и пытитъ локомотивъ, быстро пробѣгая пространство. Зыбучіе переносные пески и кочевья несѣдлыхъ турменъ или уничтожены, или закрѣплены на мѣстѣ. Волшебный желѣзный обручъ стянулъ непостоянную страну, сгладилъ ея неровности, согналъ углы—и тамъ, гдѣ раньше разстояніе измѣрялось сутками, недѣлями и мѣсяцами верблюжьяго пути, теперь мѣряютъ его часами работы парового двигателя. Да не удивится же поэтому читатель, что я, очевидецъ этой перемѣны, въ особенности заинтересованъ этой странной закаспійской желѣзной дорогой и, быть можетъ, болѣе нежели кто-либо, считаю себя компетентнымъ указать въ легкихъ чертахъ на ея зарожденіе и огромное историческое значеніе.

Извѣстно, что Россія, еще со временъ Петра Великаго, постоянно не упускала изъ виду восточные и южные берега Каспійскаго моря; на берегахъ Невы никогда не сводили внимательнаго взора съ пространства отъ низовьевъ Волги до глубины Средней Азии, даже до самыхъ границъ Индіи. Но до перваго десятилѣтія текущаго столѣтія Россія была бессильна сколько-нибудь приблизиться къ осуществленію своихъ вождедѣній. Посольство Муравьева отъ Красноводскаго залива въ Хиву, экскурсія Карелина и Бларамберга (причемъ послѣднему принадлежать первыя попытки изслѣдованія восточныхъ береговъ Каспійскаго моря) представляютъ собою лишь робкія попыткиразслѣдовать густую тьму, скрывавшую отъ европейскихъ очей землю и народы древней Гирваніи. Первый свѣтъ на эти туманныя страны былъ брошенъ послѣ подчиненія Хивы. Добытыя свѣдѣнія имѣли въ виду сначала, конечно, исключительно политическія цѣли—подчиненіе разнообразныхъ племенъ туркменскихъ; но свѣдѣнія эти несомнѣнно—даже, быть можетъ, и противъ воли русскихъ—обогатили общую сокровищницу человѣчества, всемірную торговлю и

западную цивилизацію. По всей вѣроятности, еслибы экспедиціи генераловъ Ломакина и Лазарева не кончились неудачею и сотни русскихъ солдатъ не легли жертвами ужасовъ странствія въ пустынь, лежащей между берегомъ Каспійскаго моря и Кизиларватомъ—Россія и не подумала бы еще долгое время приступить къ постройкѣ рельсоваго пути. Но Скобелевъ съ перваго раза сообразилъ, что сопротивленіе туркменъ могло быть сломлено далеко не столько силой русскаго оружія и храбростью войска, сколько установленіемъ хорошихъ, спокойныхъ путей сообщенія, и такъ какъ ему посчастливилось найти въ генералѣ Михаилѣ Николаевичѣ Анненковѣ помощника, котораго не въ силахъ были остановить никакія трудности или опасности предпріятія, то сооруженіе линіи и было начато въ 1880 году и въ настоящее время доведено уже до береговъ Оксуса (Аму-Дарьи), отсюда оно должно быть продолжено до Самарканда.

Все разстояніе было 1335 верстъ. Прежде всего представлялъ затрудненіе выборъ исходной точки пути. На Красноводскѣ нельзя было остановиться въ виду крутизны высотъ, которыми онъ окруженъ. Михайловскій заливъ, лежащій къ юго-востоку отъ Красноводска, не представлялъ такихъ затрудненій, но негодность его рейда оказалась серьезнымъ препятствіемъ для стоянки и выгрузки приходящихъ судовъ. Тотъ же недостатокъ представляется почти по всей юго-восточной части Каспійскаго берега. Въ моихъ странствіяхъ мнѣ какъ-то пришлось почти часъ барахтаться по мелководью, раньше нежели я могъ выйти на сухой берегъ съ жалкой туркменской ладьи, на которой я прибылъ изъ Персіи. Если подобная ладья не могла подойти къ берегу на сколько нибудь близкое разстояніе, то само собою понятны затрудненія, связанныя на такомъ прибрежьи съ разгрузкой парохода или высадкою войска. Вслѣдствіе этого русскіе принуждены были проложить начало рельсовъ на 12 верстъ по водѣ, на сваяхъ, къ западу отъ Михайловска, на берегу острова Узунъ-Ада, въ каковомъ мѣстѣ глубина воды достигаетъ 12 футъ (слишкомъ полторы сажени), что позволяетъ грузить и разгружать суда безъ вторичныхъ перегрузокъ. Перевѣздъ изъ Баку въ Узунъ-Ада—18 верстъ, но даже самый фарватеръ между Баку и Узунъ-Ада поддерживается искусственнымъ углубленіемъ во многихъ мѣстахъ, и затѣмъ есть еще одно важное препятствіе, заключающееся въ томъ, что Михайловскій заливъ можетъ въ холодную зиму замерзнуть и такимъ образомъ сообщеніе будетъ временно прервано. Хотя это затрудненіе можетъ быть разрушено ломкою льда, какъ-то производилось на фарватерѣ между Финляндіей и Швеціей, но во всякомъ случаѣ путь между Баку и Михайловскомъ представляется однимъ изъ труд-

нѣйшихъ звеньевъ длинной цѣпи, соединяющей центръ Россіи съ ея среднеазіатскими владѣніями. Усовершенствованіе механическихъ аппаратовъ, въ концѣ концовъ, въ весьма значительной степени устранить эти препятствія, но врядь-ли ихъ когда-нибудь совершенно уничтожить.

Переходя затѣмъ къ громаднѣйшимъ техническимъ затрудненіямъ, съ которыми сопряжено было самое проложеніе рельсоваго пути, мы должны въ особенности остановиться на трудностяхъ, сопряженныхъ съ пересѣченіемъ песчаныхъ пространствъ. Пространства эти раздѣляются на двѣ части: первая изъ нихъ простирается отъ берега, до самаго Асхабада, на разстояніи около 200 верстъ, а вторая—отъ Мерва до Чарджуя, на 232 версты; остальная часть пути на амурдарьинскомъ участкѣ, до самаго Самарканда, пролегаетъ по хорошо обработанной и довольно ровной странѣ, безъ всякихъ особенныхъ техническихъ препятствій. Что касается до обоихъ вышеупомянутыхъ трудныхъ мѣстъ между Михайловскомъ и Кизильбатомъ, то мы дадимъ слѣдующій очеркъ трудностей, съ которыми долженъ былъ бороться строитель. Во-первыхъ былъ недостатокъ воды не только для рабочихъ, но и для охранявшихъ линію частей войскъ. Препятствіе это было устранено такъ называемыми опрѣснителями (конденсаторами), доставлявшими ежедневно отъ 5 до 6000 ведеръ воды. По мѣрѣ того, какъ подвигалась постройка пути, воду возили за рабочими по рельсамъ. Второе препятствіе заключалось въ отсутствіи рабочихъ рукъ на мѣстѣ: приходилось получать работниковъ изъ внутренней Россіи, изъ различныхъ частей Кавказа, даже изъ Персіи; сверхъ того, весь строительный матеріалъ: шпалы, рельсы, винты и т. д.— все приходилось привозить въ разобранномъ видѣ изъ Россіи. Наконецъ, колоссальнѣйшее затрудненіе заключалось въ залежахъ зыбучаго, бездоннаго песку. Я до сихъ поръ не могу безъ трепета вспомнить то удивительное чувство страха, которое охватывало меня, когда приходилось перебираться чрезъ эти пространства подвижнаго песку, достигающаго глубиною во многихъ мѣстахъ отъ 150 до 200 футовъ (отъ 20 до 30 сажень). Для того, чтобы проложить въ этихъ мѣстахъ шпалы, русскимъ приходилось сначала подвести морскую воду, насытить ею песчаные колодцы и затѣмъ набросать назѣмъ, хворостъ и мусоръ, навезенный изъ близлежащей пустыни, и только послѣ того, когда такимъ образомъ сложенъ былъ искусственный фундаментъ, можно было наложить сверху рельсы. Я уже не буду упоминать о чрезвычайной жарѣ и сухости климата. Именно въ этой части пустыни я испытывалъ самый страшный и томительный зной, а полковникъ Маркотовъ 10 лѣтъ спустя, во время своей неудач-

ной экспедиціи въ Хиву, наблюдалъ температуру въ 55° Реомюра выше нуля. Не взирая на всѣ эти препятствія, линія была доведена до Асхабада къ январю 1886 года и отсюда продолжена до Мерва, съ быстротою, неимѣющей себѣ равной въ исторіи постройки желѣзныхъ дорогъ. Она создавалась какъ-бы сама собою, потому что по мѣрѣ того, какъ она подвигалась, шпалы, рельсы и весь строительный матеріалъ были завозимы впередъ на 5 или на 6 верстъ, помощью переносныхъ рельсовыхъ путей системы Девовиля. Правда, что русскими было употреблено въ дѣло огромное количество рабочихъ: кромѣ трехъ или четырехъ баталіоновъ русскихъ саперъ, около 2000 персовъ и 18 или 20000 туркменъ, бухарцевъ и хивинцевъ—въ общей сложности не менѣе 25000 человекъ были заняты постройкой пути, отдающаго въ руки Россіи сердце Азіи. Сначала предполагалось строить желѣзную дорогу исключительно русскими рабочими, но отъ этого плана пришлось вскорѣ отказаться. Непривычный къ климату и къ пищѣ, русскій рабочій не былъ въ состояніи выдержать свою обычную работу на сѣверныхъ склонахъ Персидскаго плоскогорья. Худые, мелкорослые сыны Средней Азіи оказались болѣе способными къ постоянной и трудной работѣ въ этихъ мѣстностяхъ. Съ юности привычные къ рытью канавъ и проведенію арыковъ, они оказались очень скоро весьма способными учениками саперъ. Относившіеся сначала съ недоувѣріемъ къ проклятымъ невѣрнымъ, узбеки, таджики, турмены, курды и персы скоро убѣдились, что „урусъ“ хорошо платитъ за работу наличными деньгами и что такимъ образомъ вошедшая въ пословицу воздержность, трезвость населенія центральной Азіи позволить имъ принести домой хорошія сбереженія. Раздѣленные на рабочія партіи, каждая подъ начальствомъ конныхъ русскихъ разъѣздчиковъ, азіятскіе рабочіе собирались на работу послѣ утренней молитвы по барабану; тотъ-же барабанъ указывалъ время отдыха и обѣда, а вечеромъ прекращеніе дневныхъ работъ.

Наконецъ, послѣднимъ препятствіемъ, но далеко не самымъ маловажнымъ, являлось отсутствіе какого-либо топлива. Сначала, когда въ первый разъ обсуждалась мысль объ устройствѣ желѣзной дороги въ этихъ мѣстностяхъ, предлагали замѣнить каменный уголь, котораго нѣтъ нигдѣ на берегахъ Каспійскаго моря, произрастающимъ тутъ-же деревомъ созаумомъ; но это оказалось несбыточнымъ. Правда, сучья этого кустарника даютъ большой жаръ и горять долго, но его чрезвычайно мало, въ гораздо меньшей степени, нежели на правомъ берегу Аму-Дарьи, и, сверхъ того, онъ оказался весьма непригоднымъ при отопленіи паровыхъ судовъ аральской флотиліи. Къ счастью, русскимъ уда-

лось найти богатые источники нефти и на восточной сторонѣ Каспійскаго моря. Что касается до нефтяныхъ источниковъ западнаго каспійскаго побережья, то Баку уже получило всемірную извѣстность своимъ производствомъ нефти. Нефтяные колодцы восточнаго берега неменѣе многочисленны и обильны. Это въ особенности надо сказать о тѣхъ изъ нихъ, которые расположены къ юго-востоку отъ горъ Балкана, гдѣ, во время путешествія моего въ Хиву, я одинъ разъ едва не погубъ съ цѣлымъ караваномъ въ нефтяномъ болотѣ. Въ памяти моей до сихъ поръ еще не исчезли ужасы этой ночи, когда земля стала колебаться подъ нашими ногами, верблюды мычали, мои проводники выли и въ совершенномъ мракѣ вокругъ насъ разливались тяжелыя испаренія нефти. Именно изъ этой нефтяной мѣстности русскіе и стали добывать нужное топливо для локомотивовъ за-каспійской желѣзной дороги. Отъ станціи Боляншеекъ, линія переносныхъ рельсовъ дековилевской системы простирается на 35 верстѣ къ ближайшимъ нефтянымъ источникамъ, гдѣ въ настоящее время пробуровано пять колодцевъ, каждый въ 85 сажень глубины. Они доставляютъ ежедневно 5000 пудовъ нефти, для службы паровозовъ, отопленія, освѣщенія и даже хлѣбопекаренъ; локомотивы же преимущественно отапливаются нефтяными остатками; станціи освѣщаются керосиномъ, перегоняемымъ изъ нефти, тутъ-же на мѣстѣ. Запасы угля замѣнены рядами колоссальныхъ жестянокъ или тому подобной посудой, полныхъ приготовленнымъ горючимъ веществомъ. Если мы примемъ въ соображеніе чрезвычайное богатство нефтяныхъ источниковъ, то мы убѣдимся въ томъ, что въ этой безлѣсной странѣ не представляется ни малѣйшей опасности, чтобы паровозное сообщеніе было прервано за отсутствіемъ топлива, и, сверхъ того, отопленіе котловъ будетъ по всей вѣроятности стоить дешевле, чѣмъ въ самыхъ богатыхъ каменноугольныхъ мѣстностяхъ.

Затѣмъ, какъ только были преодолены препятствія первыхъ 200 верстѣ пути и линія коснулась хорошо обработаннаго оазиса Ахаль-Теке, дальнѣйшія трудности представлялись уже маловажными. Постройка линіи безъ особеннаго затрудненія доведена была до Душака. Этотъ городъ, самое названіе котораго представляетъ персидское слово, означающее образованіе двухъ вѣтвей, будетъ современемъ точкой отправленія вѣтви на Сараксъ и затѣмъ на Герать. Душакъ лежитъ почти на половинѣ пути между каспійскимъ берегомъ и Бухарою.

Отъ Душака линія поворачиваетъ къ рѣкѣ Тадженту и, пройдя 50 верстѣ, переходитъ черезъ нее у деревни Чоджовлю, обходить по возможности Каракумскую стѣнь и достигаетъ богато орошен-

наго Мервскаго оазиса. Чтобы достигнуть отъ Мерва до Каспійскаго моря—разстояніе 750 верстъ,—прежде нужно было по крайней мѣрѣ мѣсяць пути; въ настоящее время достаточно полутора сутокъ, и, по всей вѣроятности, по мѣрѣ осѣданія пути и упорядоченія сообщенія, потребуется еще менѣе времени. Отъ Мерва сначала предполагалось вести линію на Бурдалыкъ и Керки, гдѣ наиболѣе мелководныя мѣста и лучший бродъ, чрезъ Аму-Дарью, вслѣдствіе чего разстояніе сокращалось бы около 100 верстъ; но бухарскій эмиръ отказалъ въ своемъ разрѣшеніи провести эту линію черезъ его владѣнія именно въ этомъ направленіи, и былъ совершенно правъ. При такомъ направленіи пути, онъ достигъ бы Бухары на Зарявшанѣ сквозь пустынную страну, тогда какъ направленіе на Чарджуй, обходно, соединяетъ между собою всѣ наиболѣе населенныя пункты бухарскихъ владѣній. Желѣзная дорога слѣдуетъ все вдоль стариннаго караваннаго пути, который, конечно, прокладывался по естественнымъ центрамъ страны и по дорогѣ изъ Мерва въ Чарджуй. Въ Чарджуй въ настоящее время не предполагается строить желѣзнодорожнаго моста и перегрузка производится помощью парходнаго сообщенія. Аму-Дарья въ этомъ мѣстѣ—шириною около 1½ версты, и постройка моста потребовала бы громаднаго расхода времени и денегъ, тогда какъ парходное сообщеніе устроено русскими такимъ образомъ, что при каждомъ рейсѣ груза принимается 10,000 пудовъ, за исключеніемъ пассажировъ.

Отъ Чарджуя дорога пересѣкаетъ песчаную степь, около 20 верстъ, въ срединѣ которой лежитъ озеро Каракель (Черное озеро), знаменитое въ рѣвности, когда оно было впрочемъ гораздо больше, чѣмъ теперь; по его берегу находятся рощи служившія мѣстомъ охоты Чингизъ-Хана. Зыбучіе пески этого двадцативерстнаго пространства для проведенія пути представляли еще большія трудности, нежели около Каспійскаго моря; но какъ тамъ морская вода, такъ здѣсь вода Аму-Дарьи оказалась достаточной для устройства прочнаго фундамента желѣзной дороги. За Каракелемъ не представлялось больше никакихъ уже препятствій для дороги, которая прошла не чрезъ обработанныя земли, а возможности вдоль ихъ окраинъ, чтобы избѣгнуть пересѣченія многочисленныхъ арыковъ, которые сдѣлали бы необходимымъ либо устройство мостовъ, либо же нарушили ирригаціонную систему края. Столица Бухарскаго ханства лежитъ въ настоящее время въ небольшомъ разстояніи отъ линіи, которая проходитъ съ правой стороны обработанныхъ земель по Зарявшану, по такъ-называемой Меликовой степи, огибаетъ Меликово озеро и поселеніе Авсачъ, касается города Кер-

мене и наконецъ достигаетъ вновь границы русской территоріи. Въ общей сложности 300 верстъ протяженія желѣзной дороги проходятъ по владѣніямъ бухарскаго эмира; участоѣ же, проходящій по русской территоріи, до города Самарканда, равняется 57 верстамъ. Въ Самаркандѣ желѣзнодорожная станція помѣщена въ недалекомъ разстояніи отъ самой крѣпости. Такимъ образомъ весь желѣзнодорожный путь, отъ берега Каспійскаго моря до бывшей столицы Тимура, равняется 1,335 верстамъ, касаясь въ своемъ протяженіи 62, болѣе или менѣе важныхъ, населенныхъ пунктовъ.

Расположеніе желѣзной дороги не позволяетъ еще судить съ достовѣрностью, которые изъ этихъ пунктовъ будутъ избраны желѣзнодорожными станціями; но надо думать, что главнѣйшими центрами предстоящей желѣзной дороги окажутся: Михайловскъ, или Узунъ-Ада, Кизиларватъ, Асхабадъ, гдѣ съ желѣзной дорогой соединяется главный путь на Хиву, Душакъ, будущая головная станція индійской желѣзной дороги; Мервъ, Чурджуй, Бухара и наконецъ Самаркандъ. Въ этихъ мѣстахъ несомнѣнно выростутъ и желѣзнодорожные вокзалы, со всѣми европейскими приспособленіями, тогда какъ промежуточные станціи еще долго, по всей вѣроятности, останутся въ ихъ теперешнемъ положеніи, въ видѣ деревянныхъ навѣсовъ или же нѣсколькихъ палатокъ.

Быстрота поѣздовъ въ настоящее время не превышаетъ 20 верстъ въ часъ, но она можетъ, по расположенію рельсовъ, быть увеличена вдвое или втрое; если мы скорость сообщенія будемъ однако считать не больше 40 верстъ въ часъ, то на переѣздъ разстоянія отъ Каспійскаго моря до Самарканда потребуется 36 часа, со включеніемъ остановокъ; прибавимъ къ этому 18 верстъ, нужныхъ для переѣзда моремъ изъ Баку въ Узунъ-Ада, и 24 часовъ желѣзнодорожнаго пути отъ Тифлиса до Баку—все время нужное для переѣзда изъ главнаго города Закавказья до исторической столицы Тамерлана, выразится въ трехъ суткахъ съ четвертью. Для специалистовъ, быть можетъ, нелишнимъ будетъ узнать, что закаспійская желѣзная дорога—одна изъ самыхъ дешевыхъ во всемъ мірѣ; ея стоимость опредѣлена только въ 30,000 рублей съ версты, изъ которыхъ 14,000 р. были израсходованы на рельсы, подвижной составъ и т. д., а 16,000 руб. на плату рабочимъ, содержаніе служащихъ, станціи и мосты. Такимъ образомъ, вся дорога отъ берега до Самарканда обошлась въ 40.500,000 р.—дешевле закавказской, которая вдвое ея короче. Эта замѣчательная дешевизна объясняется докторомъ Гейфельдеромъ, авторомъ лучшаго изслѣдованія закаспійской желѣзной дороги, слѣдующими причинами: 1) совершенствомъ вы-

работки плана постройки, причемъ была введена крайняя экономія въ казармахъ для рабочихъ, сторожевыхъ будкахъ и т. д., и въ чрезвычайной простотѣ всѣхъ такихъ построекъ; 2) дешевизною рабочихъ рувъ (одни только немногіе русскіе получали по 1 р. 50 к. въ день, а персы, текке, туркмены 30 к., бухарцы 20 к. въ день; правда, положеніе русскихъ, какъ завоевателей, позволяло бы имъ согнать и даровую рабочую силу, но надо сказать, что заработная плата въ этихъ мѣстахъ рѣдко бываетъ выше 22 к. въ день); 3) быстротою самой постройки (менѣе чѣмъ въ два года было окончено такое количество верстъ, которое, при другихъ поземельныхъ отношеніяхъ, потребовало бы 5 или 6 лѣтъ). Не представлялось никакихъ затрудненій при экспроприаціи земель, такъ какъ до самой бухарской границы русскіе нисколько не заботились о правахъ владѣльцевъ земель, обращаясь съ нею, какъ съ государственной собственностью. Ремонтъ пути будетъ такъ-же дешевъ, какъ и его постройка, за исключеніемъ, развѣ могущихъ приключиться разливовъ Таджента, Герируда и Аму-Дарьи. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни заборовъ, гдѣ глазъ охватываетъ горизонтъ почти на необъятное пространство, достаточно было поставить сторожевыя будки на разстояніи 12 верстъ другъ отъ друга. Будки эти въ сущности представляютъ собою хижины или маленькіе бараки, и въ нихъ живетъ команда изъ нѣсколькихъ рабочихъ и сторожей. Около такой будки воздвигается небольшая вышка, съ которой дорога можетъ быть осматрѣна на большое пространство. Но для усиленія надзора обыкновенно два человѣка ежедневно изъ каждой будки проходятъ по 6 верстъ въ оба направленія пути и затѣмъ возвращаются, что составляетъ для cadaго изъ нихъ 12 верстъ пути. Изъ этихъ людей одинъ идетъ пѣшкомъ, а другой верхомъ; сходясь послѣ своей шестиверстной прогулки, конный уступаетъ свою лошадь пѣшому товарищу, который возвращается домой уже верхомъ. Такимъ образомъ на cadaго изъ нихъ приходится не болѣе 6 верстъ пѣшаго обхода. На слѣдующій день они размѣниваются лошадьми, и, при помощи такого остроумнаго приспособленія, надзоръ за всей длинной линіей не требуетъ болѣе 120 такихъ сторожей и почти такого-же количества лошадей.

Мы описали въ предыдущихъ страницахъ, по возможности кратко, постройку и характеръ закаспійской желѣзной дороги, мы указали громадность замысла предпріятія—и въ настоящее время перейдемъ къ описанію величайшаго значенія этой новой дороги изъ Восточной Европы въ самое сердце Азии, какъ для Русской имперіи, такъ и для азіятскихъ странъ, которыхъ она коснется,

и вообще для европейской цивилизаціи. Значеніе этой центральной желѣзнодорожной вѣтви мы будемъ разсматривать съ точки зрѣнія цивилизаціи, торговли и военно-стратегическихъ сообщеній.

Относительно вліянія дороги на цивилизацію мы должны прежде всего имѣть въ виду тѣ социальныя измѣненія, которыя явятся вслѣдствіе облегченія и ускоренія сообщенія между Европой и этими областями, бывшими еще такъ недавно почти совсѣмъ недоступными. Нашей исходной точкой въ этомъ случаѣ должно быть наблюденіе надъ подобными-же преобразованиями въ другихъ мѣстахъ. Мы можемъ смѣло утверждать, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ эта новая дорога будетъ дѣйствовать въ родѣ проводника, по которому европейскій духъ съ его непрерывной и плодотворной дѣятельностью будетъ въ состояніи проникнуть вглубь центральной Азіи. Помчится пыхтящій паровозъ черезъ старый свѣтъ со своей удивительною быстротою, и искры, которыя онъ разсѣетъ по пути, оставятъ столько-же слѣдовъ на духѣ азіатскихъ народовъ, упорно придерживающихся устарѣлыхъ взглядовъ на жизнь, сколько на щепкѣ желѣзнодорожной линіи. Нашъ принципъ: „время — деньги“ слишкомъ противоположенъ принципу восточныхъ народовъ: „поспѣшность отъ дьявола, а медлительность отъ Бога“, — чтобы можно было допустить внезапную плодотворность уничтоженія разстоянія между нами и Востокомъ.

Изъ первобытныхъ туркменскихъ обитателей степей, прилегающихъ къ сѣвернымъ отрогамъ персидскихъ горъ, останется самая незначительная часть въ центрахъ, образованныхъ желѣзной дорогой. Юмуды, ахаль-текинцы, мервцы и прочіе дѣти степей переселятся насколько возможно далѣе отъ желѣзной дороги и попытаются продолжать насколько возможно прежнюю кочевую жизнь, къ которой они сильно привязаны. Они побѣгутъ отъ дыма локомотива, какъ чортъ бѣжитъ отъ ладоны. Но такъ какъ суровая природа каракумскихъ степей не смягчится и пораженные проклятіемъ безводныя песчаныя пустыни не дадутъ достаточнаго прокормленія ихъ табунамъ и стадамъ, то настоящая численность народонаселенія сократится въ скоромъ времени на половину, а быть можетъ, и на двѣ трети. Русскіе города, возникающіе на желѣзнодорожной линіи, служатъ признакомъ, что процессъ вымиранія туземцевъ уже начался. Мы видимъ Асхабадъ, состоявшій прежде изъ нѣсколькихъ глиняныхъ лачугъ, служившихъ амбарами, а нынѣ заключающій въ себѣ, вмѣстѣ съ гарнизономъ, до 8,000 жителей, живущихъ въ каменныхъ домахъ; но это не туркмены, а исключительно — русскіе, армяне, кавказцы и персіане; ихъ-же мы видимъ и въ Мервѣ, гдѣ, какъ-будто волшебной рукою, создались цѣлыя улицы съ каменными

домами, между обитателями которых встрѣчается однакожь лишь самая незначительная часть туркменовъ, да и то большинство изъ нихъ принадлежитъ къ такъ-называемому племени чумрусовъ, которые прежде занимались торговлей и такимъ образомъ приобрѣли склонность къ осѣдлой жизни; но для большей части туркменовъ осѣдлая жизнь—это смерть и раззореніе, что именно мы и видимъ по нижнему теченію Яксарта, гдѣ русское управленіе не имѣло успѣха въ дѣлѣ цивилизаціи киргизовъ, начатомъ столѣтъ тому назадъ.

Что же касается преобразованія культуры этихъ азіатскихъ племенъ, то на это можно разсчитывать только относительно персіанъ, кавказцевъ, таджиковъ и узбековъ. Эти народы, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ поселятся сами въ городахъ, возникающихъ вдоль желѣзнодорожной линіи, и поведутъ дѣла по азіатскому обычаю съ рѣзкимъ русскимъ оттѣнкомъ и въ новый строй жизни введутъ цивилизацію далекаго прошлаго. Въ цвѣтущее время, предшествовавшее вторженію монголовъ, жило по берегамъ рѣкъ областей Мерва, Ниссы, Абиверда и Абескуна племя иранское, а не туркменское. Повидимому, таково было положеніе въ періодъ, предшествовавшій введенію ислама, но не въ періодъ, предшествовавшій завоеванію Александра. Исторія о древнихъ центрахъ парянской цивилизаціи слишкомъ темна, чтобъ можно было навѣрно опредѣлить національный характеръ этой цивилизаціи. Равнымъ образомъ мы не можемъ раздѣлять поддерживаемыхъ въ русскихъ кружкахъ надеждъ относительно годности къ воздѣлыванію территории, прилегающей къ сѣвернымъ отрогамъ Кубетскихъ горъ. Еще баронъ Торнау болѣе чѣмъ четверть вѣка тому назадъ сказалъ въ своемъ предисловіи къ сочиненію Бодэ о туркменахъ, что берега Каспійскаго моря представляютъ величайшій интересъ для русскихъ, такъ какъ тамъ они нашли бы обширныя пастбища для своихъ табуновъ и богатый рынокъ для сбыта своихъ мануфактурныхъ издѣлій. Генераль Петрусевичъ въ свою очередь, въ описаніи своего путешествія, сдѣланнаго въ 1878 г., замѣтилъ, что долины въ Кубетскихъ горахъ обладаютъ плодородной почвой и что тамъ не имѣютъ понятія о дурныхъ урожаяхъ, такъ какъ онѣ изобилуютъ водой для орошенія; что многія изъ этихъ долинъ по изобилію водъ обѣщаютъ богатые урожаи риса и деревни окружены такими обширными садами, что путешественникъ по первому впечатлѣнію ошибается относительно ихъ размѣра и значительности; что въ верхнихъ долинахъ произрастаютъ пшеница и ячмень и при орошеніи ихъ обильными осенними дождями достаточно для обезпеченія хорошаго сбора двухъ-трехъ ливней въ сентябрѣ и

„Дѣло“ № 4. Апрель, 1887 г. Отд. II.

октябрѣ. Подобнымъ же образомъ генераль Анненковъ—съ цѣлю получить одобреніе своего проекта желѣзной дороги—говорить въ своей статьѣ подъ заглавіемъ „Ахаль-текинскій оазисъ и дорога въ Индію“: „Первая часть этой полосы земли отъ Кизиль-Арватъ до Бами плодородна и хорошо снабжена водой, но она не можетъ сравниться со второй частью, идущей отъ Бами чрезъ Геоукъ-Тепе къ Асхабаду и далѣе къ Тадженту. Эта часть страны представляетъ зеленый садъ, приносящій аккуратно два сбора въ годъ. Плодородность почвы является слѣдствіемъ искусственнаго орошенія, которое здѣсь введено, и слѣды котораго встрѣчаются на каждомъ шагѣ“. Конечно, мы не можемъ вѣрить такимъ преувеличеннымъ отзывамъ. Плодородіе азіатскихъ странъ и преимущественно тѣхъ, плодородіе которыхъ зависитъ отъ разработанной системы орошенія, которое въ свою очередь зависитъ отъ большаго или меньшаго выпаденія снѣга, не можетъ сравниться съ плодородіемъ наносной почвы въ болѣе сѣверныхъ широтахъ. Зеленые и роскошные луга, богатая нивы, холмы, покрытые лѣсомъ, и тѣнистыя рощи весьма рѣдко встрѣчаются въ этихъ азіатскихъ странахъ, и даже ихъ искусственные сады, которые такъ восхваляются, для глазъ, привыкшихъ видѣть культуру центральной Европы и Америки, представляются скудными и жалкими. Мы допускаемъ, что долины при рѣкахъ Чандыръ и Сумбатъ, на сѣверныхъ склонахъ Кизиль-Дага и Кубетъ-Дага, представляютъ въ нѣкоторые времена года роскошный видъ; и удивленіе доктора Гейфельдера было весьма естественно, когда онъ нашелъ на южныхъ склонахъ Кубетскихъ горъ дикія фиговныя, рябиновыя, тисовыя деревья, бѣлый букъ, каприфолій и проч. кусты и растенія—зелеными даже въ декабрѣ мѣсяцѣ. Однако жъ земледѣльцамъ приходится постоянно бороться противъ урагановъ, производимыхъ сѣверными и сѣверовосточными вѣтрами, несущими тучи песку изъ Каракумскихъ степей въглубь воздѣланной страны. Имъ приходится постоянно защищаться противъ этого зла, которое имъ угрожаетъ и въ будущемъ. Но если мы даже допустимъ, что естественныя благоприятныя условія Ахаль-текинскаго оазиса и полосы отъ Асхабада къ Тадженту таковы, что могутъ наконецъ пересилить проклятіе, тяготящее надъ ними втеченіи шести вѣковъ, и достигнуть прежняго цвѣтущаго состоянія (цвѣтущаго по азіатскимъ понятіямъ), что число населенія удвоится, то и въ такомъ случаѣ сангвиническія надежды, высказываемыя русской печатью, далеко еще не правдаются. Одну неоспоримую выгоду приобрѣтаютъ русскіе, а именно ту, что обладаніе Хорасаномъ предоставляетъ имъ возможность содержать болѣе многочисленную армію, что немисливо безъ этого усло-

вія. Что же касается поднятiя духовной стороны туркменскаго и персидскаго населенiя, сосѣдняго съ Хорасаномъ, то, бросая взглядъ на настоящее положенiе культуры и на результаты цивилизаторскихъ старанiй русскихъ въ другихъ областяхъ, мы достовѣрно можемъ сказать, что трудно надѣяться на успѣхъ умственной культуры этихъ племенъ, на развитiе ихъ духовныхъ силъ до уровня западныхъ народовъ. Закавказье и сѣверный Хорасанъ долго еще останутся подъ влiянiемъ Бухары. Это влiянiе до сихъ поръ преобладаетъ надъ татарами и башкирами, живущими въ губернiяхъ казанской, уфимской и тобольской, находящихся уже столько вѣковъ подъ русскимъ управленiемъ и на такомъ огромномъ разстоянiи отъ Бухары. То-же влiянiе распространится и на будущiе центры населенiя, которые образуются желѣзной дорогой въ Асхабадѣ, Мервѣ и Сераксѣ. На нѣкоторое время это влiянiе даже усилится вслѣдствiе облегченiя сообщенiя. Мусульманское населенiе этихъ мѣстностей останется непоколебимо вѣрно своей религiи; они сдѣлаются мирными и покорными подданными русскаго царя, но не измѣнятъ ни на одну юту своего азиатскаго образа мыслей, и не отдѣлятся отъ культуры магометанскаго міра. Русскiя школы и русскiе обычаи окажутъ современемъ извѣстное дѣйствiе на общественныхъ руководителей, - и здѣсь, какъ и на Кавказѣ, доставятъ сторонниковъ Россiи между мусульманами, людей въ родѣ Алихановыхъ, Тагировыхъ, Магометовыхъ и проч. Весьма вѣроятно, что между туркменами, благодаря ихъ воинственному духу, большiй контингентъ, чѣмъ между кавказскими магометанами, поддастся обрусѣнiю. Военный строй, шампанское и водка, а еще болѣе возможность отличiй, представляемая постояннымъ наступательнымъ движенiемъ русской военной партiи, привлекутъ боевъ и сердарей на сторону Россiи, но масса мусульманскаго населенiя останется тѣмъ не менѣе подъ влiянiемъ ишановъ и ахондовъ, пронизутою азиатскимъ духомъ. Русскимъ удастся скорѣй распространить цивилизацiю между населенiемъ сосѣдняго Хорасана. Ханы Буджурда, Диргоза, Кабушана и Келата принялись уже за изученiе русскаго языка; русское платье вошло въ употребленiе между высшими классами, а многочисленные склады шампанскаго и винокуренные заводы скоро приспособятъ податливыхъ шитовъ къ принятiю такъ-называемой русско-европейской цивилизацiи. Замѣчательно, что пѣлый городъ Мешкедъ, гдѣ гробница имама Ризы вызвала фанатическiй пароксизмъ шитской набожности, проявляетъ склонность повидимому къ перемѣнамъ, исходящимъ изъ сѣвернаго Хорасана. Число русскихъ, проѣзжающихъ чрезъ городъ, возросло, и я узналъ изъ частныхъ источниковъ, что на большой улицѣ

Хіабанъ открылось много питейныхъ заведеній, гдѣ продается аракъ—напитокъ, прежде строго воспрещенный.

Закаспійская дорога представляетъ гораздо болѣе выгоды Россіи въ торговомъ отношеніи; быстрое сообщеніе между Европой и центральной Азіей произведетъ сильный переворотъ въ торговлѣ, и львиная доля выгоды отъ этого переворота достанется несомнѣнно Россіи. Трудно предсказать, отзовутся-ли эти перемены только въ центральной Азіи или распространятся также на Индію и Китай; но одно несомнѣнно, а именно то, что торговля Афганистана, сѣверовосточной Персіи и трехъ ханствъ будетъ производиться посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ большею частью чрезъ Россію,—кавказской и закаспійской. Торговыми пунктами сдѣлаются: Бухара, Мервъ, Асхабадъ, Баку и Батумъ. Ханство бухарское съ своими 2.130,000 жителей отличалось всегда промышленной и торговой дѣятельностью. Его столица считается центромъ средне-азіятскаго міра не только по множеству заключающихся въ ней мечетей и по многочисленности ученыхъ теологовъ, но и по цвѣтущему состоянію въ ней торговли. Теперь же, при русскомъ управленіи Туркестана, обеспечивающимъ безопасность и удобства сообщенія, она расширилась еще болѣе. Сообразно съ цифрами таможенныхъ пошлинъ за 1867 годъ, русскихъ товаровъ было вывезено въ центральную Азію на 10.875,000 руб., а товаровъ изъ центральной Азіи въ Россію было вывезено на 8.504,000 руб. Эти цифры постепенно поднимались и, согласно съ послѣдними статистическими свѣдѣніями, вывозъ изъ Россіи въ центральную Азію втеченіи послѣдняго года составлялъ 900,000 пудовъ, стоимостью въ 37.000,000 руб., а ввозъ изъ центральной Азіи въ Россію равнялся 1.371,000 пуд., стоимостью въ 15.860,000 руб. Какъ только желѣзнодорожное движеніе установится надлежащимъ образомъ и фрахтовныя условія утвердятся, то столица Зарявшана, поддерживая свою прежнюю славу, займетъ положеніе главнаго торговаго пункта въ трехъ ханствахъ. Здѣсь образуется торговый центръ степей къ сѣверу и къ сѣверо-западу Яксартскаго бассейна и даже Ферганской области и восточнаго Туркестана. Согласно съ дѣятельнымъ торговымъ духомъ тадженовъ этого ханства, мелочная торговля останется, вѣроятно, въ ихъ рукахъ, русскіе же поведутъ оптовую торговлю и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это было до сихъ поръ. Только въ 1875 году агенты Русской Торговой Компаніи остановились здѣсь караваномъ и были почти плѣнниками, между тѣмъ какъ такъ-называемые русскіе торговцы были или татары, или жидаы. Корреспондентъ одной русской

газеты жаловался такъ: „Русскій Меркурій имѣеть своими представителями въ Заравшанѣ нашихъ ицекъ и мовшъ; православныхъ торговцевъ здѣсь нѣтъ и слѣда. Теперь же, когда русскій посланникъ находится въ Бухарѣ и эмиръ Абдуль - Агабъ относится къ нему съ большимъ уваженіемъ, православнымъ нетрудно будетъ удалить ицекъ и мовшъ, и на станціи новой желѣзной дороги, находящейся за бухарской границей, русскій языкъ сдѣлается преимущественно торговымъ языкомъ“.

Второе мѣсто послѣ Бухары займетъ, вѣроятно, Мервъ. Эта старая царица міра увѣнчается уже не эфемерной короной, предназначенной ей восточными хрониками. Но, хотя англичане проводятъ въ Герать желѣзную дорогу, Мервъ все-таки сдѣлается торговымъ центромъ Афганистана и сѣверовосточной Персіи. Правда, что оазисъ воздѣланной земли вокругъ города простирается неболѣе, какъ на 30 или на 40 англійскихъ миль, но хорошо устроенное орошеніе могло бы весьма скоро придать этому мѣсту его прежній блескъ. Мы не должны увлекаться настолько, чтобъ ожидать возрожденія Мерва въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до монгольскаго нашествія, съ его сотнями воротъ, сотнями мечетей, бань и проч. Мы удовольствуемся надеждой, что въ ближайшее 10-лѣтіе мѣсто древней Маргіаны будетъ занято русско-азиатскимъ городомъ. Такой-же будущности могъ бы ожидать еще съ большимъ основаніемъ и Асхабадъ. Такъ какъ его оазисъ врѣзывается съ сѣверной стороны въ Каракумскую степь, то онъ будетъ служить встрѣчнымъ мѣстомъ торговыхъ транспортовъ изъ Хивы къ сѣверу и изъ Персіи и Хорасана къ югу.

Въ виду этой перспективы, персидское правительство завязываетъ въ настоящее время сношенія съ Асхабадомъ. Генераль Гастегеръ-ханъ проводитъ дорогу изъ Асхабада черезъ Курдистанскія горы въ Персію. Мы не будемъ говорить теперь о возвышеніи значенія портовъ у восточныхъ и западныхъ береговъ Каспійскаго, а слѣдовательно и Чернаго моря. Достаточно всего связаннаго нами, чтобъ составить себѣ вѣрное представленіе о торговомъ значеніи закаспійской желѣзной дороги. Между тѣмъ какъ прежде караваны шли 3 мѣсяца изъ ханствъ къ цѣли своего назначенія по пути, представлявшемъ страшныя неудобства и опасности; между тѣмъ какъ товаръ портился отъ безпрестанныхъ нагрузокъ и выгрузокъ и перевозка ихъ обходилась гораздо дороже, — теперь тюки, въ которые они запаковываются, отправляются прямо изъ Заравшана и черезъ 4 или 5 дней приходитъ въ Москву, а черезъ 7 дней въ мануфактурные города Германіи, Франціи и Англій: несомнѣнно, что это большой шагъ впередъ къ цивилизаціи, и дорога эта была бы ро-

гомъ изобилія, еслибъ она только не находилась въ русскихъ рукахъ. Россія, стѣсняющая своими таможенными уставами ввозъ заграничныхъ издѣлій въ свои обширныя владѣнія, будетъ слѣдовать той-же политикѣ и относительно закаспійской желѣзной дороги. Россія не облегчитъ для Европы доступъ къ сокровищамъ Индіи и далекаго Востока, и эта дорога, предназначавшаяся нѣкогда для облегченія мирныхъ сношеній Востока съ Западомъ, будетъ въ настоящее время служить исключительно для военныхъ цѣлей. вмѣсто того, чтобъ служить проводникомъ цивилизаціи, она будетъ служить смертоноснымъ орудіемъ во всемірной войнѣ.

Обращаясь къ 3-му пункту относительно оцѣнки значенія закаспійской желѣзной дороги, можемъ смѣло утверждать, что Россія приступила къ постройкѣ этой желѣзно-дорожной линіи исключительно въ виду *стратегическихъ, военныхъ и политическихъ* соображеній.

Непосредственно послѣ занятія Россіею ею Самарканда раздались голоса изъ Россіи и Европы, кричавшіе о необходимости постройки міровой желѣзной дороги, начинающейся отъ Волги и проходящей черезъ центральную Азію къ Индіи. Явилось множество проектовъ въ это время. Одинъ изъ нихъ былъ представленъ инженеромъ Барановскимъ, предлагавшимъ построить линію отъ Саратова на Волгѣ, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, а оттуда черезъ Балхъ и Кабулъ къ Пешаверу. Другой проектъ былъ Лессепса-Стюарта. Въ этомъ проектѣ предполагалось провести линію отъ Оренбурга черезъ Ташкентъ и Самаркандъ къ Карши и оттуда уже, какъ предполагалось прежде, провести черезъ Балхъ и Индъ къ Пешаверу. Были представлены и другіе проекты болѣе или менѣе фантастическіе. Но русское правительство не приняло ни одного изъ нихъ. Для доступа центральной Азіи съ сѣвера пришлось бы преодолѣвать много затрудненій, проводить линію черезъ степныя пространства въ 1000 верстъ. Постройка дороги только отъ Оренбурга до береговъ Сыръ-Дарьи обошлась бы не менѣе какъ въ 15.000,000 или 20.000,000 фунтовъ стерлинговъ. Идея туркестанской желѣзной дороги, т. е. желѣзной дороги съ сѣвера на югъ, была съ тѣхъ поръ оставлена, а взамѣнъ ея было рѣшено провести желѣзно-дорожную линію, какъ болѣе дешевую и удобную, съ запада на востокъ. Очевидно, что для цѣлей Россіи эта линія была болѣе подходящей по слѣдующимъ соображеніямъ. Стремась постепенно къ Индіи, Россія завладѣла Кавказомъ, который предназначался преимущественно быть полемъ военныхъ операцій на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Персіи; кромѣ того, она приобрѣла, вслѣдствіе

войны съ Турціей, важную гавань Батумъ. Теперь Батумъ составляетъ, такъ сказать, среднее звено въ цѣпи сообщеній между центральной Россіей и восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря. Серьезное покореніе Туркменіи Россіей началось не ранѣе, какъ она получила въ подарокъ на берлинскомъ конгрессѣ, благодаря мудрому дипломату на рѣкѣ Шпре (?), это связывающее звено. Первая часть линіи, а именно отъ берега къ Бами, была построена по военнымъ соображеніямъ и, несмотря на всѣ заявленія русскихъ объ ихъ цивилизаторскихъ и коммерческихъ намѣреніяхъ, она остается преимущественно стратегической линіей. На берегахъ Невы гораздо болѣе заботятся о транспортахъ арміи, артиллеріи, провіанта и военныхъ снарядовъ, чѣмъ тюковъ съ товарами и прочихъ продуктовъ цивилизаціи. Во избѣжаніе возбужденія подозрѣній въ Англіи, эта линія проводилась вдоль сѣверной границы Персіи, черезъ Бухару и Мервъ къ Самарканду, яко-бы въ виду облегченія сообщенія между русскимъ Туркестаномъ и метрополіей. Трудно допустить, чтобъ нашлись такіе простаки, которые не поняли бы этой хитрости. Конечно, причина, выставленная русскимъ правительствомъ для постройки этой дороги, какъ средства для болѣе удобнаго сообщенія съ ханствами, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ въ случаѣ войны, она даетъ возможность Россіи пользоваться войсками, находящимися на Яксартѣ, въ Семирѣченскѣ и вообще въ южной Сибири. Постройка закаспійской дороги до Самарканда будетъ содѣйствовать въ будущемъ опоясанію желѣзной дорогой всѣхъ громаднѣхъ владѣній царя. Что же касается настоящаго времени, то главное значеніе дороги для Россіи въ томъ, что она представляетъ ей возможность перевозить свои военные отряды изъ Одессы или прочихъ южныхъ пунктовъ въ Таджентъ въ теченіе 5 дней, оттуда они могутъ добраться до Герата скорѣе, чѣмъ англичане, въ томъ же случаѣ, если индійская желѣзная дорога будетъ доведена до Кандагара. То обстоятельство, что русскіе не торопятся продолжать линію отъ Душака или Мерва къ Сераксу, весьма понятно, принимая въ соображеніе постоянно возрастающій духъ соперничества между Англіей и Россіей. Эта отсрочка не представляетъ большихъ неудобствъ для русскихъ, такъ какъ въ настоящее время они довольствуются прекраснымъ шоссе. Почва подготовлена, и всѣ приготовления для будущихъ нападеній сдѣланы.

Въ 1878 г., когда Россія была готова отвѣтить на появленіе англійскаго флота въ проливахъ экспедиціей въ Индію, генераль Кауфманъ долженъ былъ удовольствоваться небольшимъ военнымъ отрядомъ въ Джіамѣ, такъ что его угроза не вышла изъ предѣловъ простой демонстраціи. Но еслибъ теперь случились подоб-

ныя обстоятельства, то русскіе могли бы выставить болѣе значительныя силы и расположиться гораздо лучше въ стратегическомъ отношеніи. Теперь военная дорога тянется съ Кавказа вдоль закаспійской желѣзной дороги къ сѣверозападной границѣ Афганистана, а между тѣмъ могутъ быть доставлены еще подкрѣпленія черезъ Туркестанъ изъ южной Сибири по дорогѣ, представляющей всѣ удобства и идущей черезъ города Вѣрный, Ташкентъ и Самаркандъ. Этотъ путь сообщенія важнѣе всѣхъ прочихъ, такъ какъ Англія подъ покровительствомъ союза съ Турціей можетъ посредствомъ своего флота помѣшать сообщеніямъ Россіи черезъ Черное море, а быть можетъ, и совѣтъ ихъ прекратить. Предвидя возможность этого, русскіе давно признавали необходимость владикавказо-петровской линіи, и какъ только военная дорога изъ центра имперіи къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря будетъ проложена, устранится всякая опасность прекращенія сообщеній, и закаспійская желѣзная дорога, только-что оконченная, вполнѣ оправдываетъ соображенія, вызвавшія ея постройку, и возлагавшіяся на нее надежды.

Весьма вѣроятно, что генераль Черняевъ, изъ простаго желанія провести свой собственный проектъ постройки желѣзнодорожной линіи отъ Киндерлійскаго залива черезъ Кунградъ къ Оксусу (Аму-дарьѣ), сталъ отрицать полезность новой линіи и рѣшился даже утверждать, что для перевоза на границу Афганистана двухсоттысячной арміи по ней понадобится не менѣе двухъ лѣтъ. Онъ однако жъ сильно ошибается въ расчетахъ. Несомнѣнно, что линія, предлагаемая имъ, короче и удобнѣе съ точки зрѣнія торговыхъ сношеній съ ханствами; но Россіи нужна была военная дорога, и въ этомъ отношеніи для нея гораздо выгоднѣе линія, идущая вдоль сѣверной персидской границы, такъ какъ плодородныя поля Хорассана представляютъ несравненно болѣе удобствъ для содержанія арміи, чѣмъ линія, которая проходила бы черезъ скудную, плохо воздѣланную и мало населенную территорію Хивинскаго ханства. Итакъ, стало быть, желѣзная дорога вдоль сѣверныхъ склоновъ Кубетскихъ горъ доставитъ Россіи рано или поздно возможность завладѣть Хорассаномъ, если не всей сѣверной окраиной Персіи. Народонаселеніе подготовлено къ этой пережвѣ. Закаспійская желѣзная дорога и обаяніе русскихъ, доставленное имъ побѣдами надъ турменами, окажутся современемъ весьма сильными политическими факторами, всей важности которыхъ не подозреваютъ до сихъ поръ.

Насколько Россія воспользуется выгодами своего положенія для достиженія честолюбивыхъ стремленій къ приобрѣтенію доступа къ Южному океану—это вопросъ, который рѣшится двумя

могущественными державами, соперничающими въ Азіи, и котораго я не буду касаться теперь. Прибавлю, однако, что Джонъ-Буль послѣ нѣсколькихъ ударовъ, соперника проснулся наконецъ отъ своего сна и сталъ энергически готовиться къ защитѣ. Какъ только русская и англійская желѣзнодорожныя сѣти въ Средней Азіи будутъ готовы (первая изъ нихъ окончится чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а вторая лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ), страшная борьба между двумя могучими соперницами завяжется неминуемо. Все, что происходитъ теперь на Балканскомъ полуостровѣ и въ прочихъ мѣстахъ, сравнительно съ этой борьбой не болѣе, какъ легкое колебаніе въ воздухѣ, производимое собирающеюся вдалекѣ грозой, — и никакія старанія, никакія ухищренія политическихъ руководителей и дипломатовъ не въ силахъ будутъ предотвратить это столбовеніе.

А. Вамбэри.

VI.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ НА ЗАПАДЪ).

I. ОВЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Убѣжденіе въ существованіи нѣкоторыхъ общихъ законовъ, лежащихъ въ основѣ частныхъ политическихъ событій, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые успѣли вкорениться въ плоть и кровь современнаго интеллигентнаго человѣка. По большей части различные эпизоды изъ текущей политической жизни приписываются исключительно индивидуальной дѣятельности тѣхъ или иныхъ выдающихся личностей и, въ крайнемъ случаѣ, тѣхъ или иныхъ партійныхъ группъ. Бываютъ, впрочемъ, явленія, въ которыхъ эта точка зрѣнія оказывается очевидно несостоятельною: таковы эпохи крупныхъ революціонныхъ потрясеній, какъ напр. эпоха 1848—49 гг., когда общность законовъ европейской цивилизаціи обнаруживается съ поразительною ясностью. Иное дѣло эпохи застоя или медленнаго, скрытаго броженія, подавляемаго реакціей: въ этомъ случаѣ выдающіяся событія дня имѣютъ, какъ кажется, вполне индивидуальный характеръ; частныя проявленія произвола смѣняются частными попытками сопротивленія произволу, и характеръ этихъ явленій настолько измѣнчивъ, что повидимому нельзя найти общихъ причинъ для аграрныхъ неурядицъ въ Ирландіи и социально-политической неурядицы, царящей въ Германской имперіи. Никто и не отрицаетъ, что исторически обѣ эти неурядицы возникли далеко не однимъ путемъ; но совпаденіе эпохи реакціи въ Англіи и въ Германіи никакъ не можетъ считаться случайнымъ, особенно если принять во вниманіе, что аналогичныя явленія наблюдаются теперь почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Даже радикальная Франція, готовящаяся отпраздновать столѣтнюю годовщину великой революціи, въ политическомъ отношеніи не сумѣла эмансипироваться отъ вліянія державъ, считающихся столпами реакціи.

Общей причиною, управляющей современными политическими событіями, является безъ сомнѣнія постепенное упроченіе Германской имперіи, которая, по своему центральному положенію въ

Европѣ, болѣе всѣхъ другихъ державъ способна воздѣйствовать на европейскій политическій барометръ. Личность Бисмарка, скажемъ мы, пародируя извѣстное изреченіе о Наполеонѣ, имѣетъ особое значеніе лишь потому, что въ значительномъ большинствѣ нѣмцевъ и почти въ каждомъ пруссакѣ сидитъ маленький Бисмаркъ. Вспомнимъ недавнія пренія въ рейхстагѣ, когда отъявленные противники Бисмарка, „свободомыслящіе“ и „ультрамонтаны“, несмотря на все свое краснорѣчіе, вотировали усиленіе арміи и разошлись съ Бисмаркомъ лишь въ несущественныхъ подробностяхъ.

Возникновеніе въ центрѣ Европы могущественной имперіи, навсёвъ проникнутой духомъ милитаризма, — вотъ новый факторъ, совершенно измѣнившій положеніе европейскихъ дѣлъ. Въ шестидесятыхъ годахъ эта имперія только формировалась; послѣ пораженія Франціи она стала во главѣ всей европейской политики. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ германская политика направлена преимущественно къ поддержанію реакціонныхъ элементовъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, насколько это не противорѣчитъ ея ближайшимъ цѣлямъ. Въ самомъ началѣ „культурной борьбы“, затѣянной Бисмаркомъ съ римской куріей, можно было видѣть, что эта борьба имѣетъ цѣлью не искорененіе католицизма, а подчиненіе его государственнымъ интересамъ Германіи.

Майскіе законы, какъ выяснилъ Бисмаркъ со своей обычной безцеремонностью въ рѣчи, недавно произнесенной въ засѣданіи прусскаго ландтага, были боевыми законами, направленными не столько противъ куріи, сколько противъ окрѣпшей въ то время партіи центра, проповѣдовавшей принципъ отдѣленія церкви отъ государства. Германскіе либералы и прогрессисты, со свойственной имъ близорукостью, тогда аплодировали Бисмарку, забывая, что въ либеральнѣйшей изъ странъ — въ Соединенныхъ Штатахъ — существуетъ полнѣйшее отдѣленіе церкви отъ государства и что этимъ католическимъ принципомъ, при достаточной умѣлости либеральныхъ вождей, можно было воспользоваться, какъ сильнымъ оружіемъ противъ прусскаго милитаризма.

Преимущество дальновиднаго, хотя и безпринципаго, оппортунизма Бисмарка надъ узкимъ резонерствомъ германскихъ либеральныхъ бюргеровъ еще разъ обнаружилось съ полной силой.

Церковная распря вовсе не была желательна канцлеру, и онъ отлично понимаетъ, что, при извѣстныхъ уступкахъ со стороны папы, римская курія можетъ сослужить хорошую службу консервативнымъ началамъ *).

*) Особенно сильное впечатлѣніе произвели тѣ мѣста рѣчи Бисмарка, въ которыхъ онъ дѣлаетъ изъ церковно-политическаго законопроекта до нѣкоторой степени свой «кабинетный вопросъ», т. е. заявляетъ, что откажется отъ прус-

Итакъ мы видимъ, что „майскіе законы“ нисколько не являются исключеніемъ изъ общаго правила: ничего прогрессивнаго они собою никогда не представляли.

Въ общемъ же реакціонное направленіе германской политики нисколько не будетъ оспариваемо. Тайная поддержка анархіи, практикуемая германскими агентами, проживающими во Франціи и въ Швейцаріи, конечно, служить тѣмъ-же цѣлямъ. Наименьшее вліяніе могла, повидимому, оказать германская политика на англійскія дѣла. Англія всегда жила вполне самостоятельной жизнью, и даже событія 1848 г. не могли отразиться здѣсь съ тою силою, какъ на континентѣ. Тѣмъ не менѣе побѣды, одерживаемыя торійской партіей, имѣютъ явную связь съ усиленіемъ милитаризма во всей Европѣ подъ вліяніемъ непрерывныхъ германскихъ вооруженій. Десять лѣтъ тому назадъ положеніе дѣлъ на Западѣ было нѣсколько сходно съ нынѣшнимъ. Въ 1875 г. Германія явно угрожала Франціи. Ожиданіе великой европейской войны и послѣдовавшая война Россіи съ Турціей не замедлили отразиться на дѣлахъ Англіи, и съ 1876 по 1880 г. торійская партія властвовала здѣсь съ такимъ сознаніемъ своего могущества, отъ котораго она весьма далека въ настоящее время, когда ей приходится рассчитывать лишь на непрочную дружбу съ либералами-диссидентами. Въ 1880 г. либеральныя вѣянія проявились вдругъ во всей Европѣ, неисключая и нашего отечества. Нѣсколько лѣтъ спустя новый переломъ обнаружился одновременно въ Англіи и на континентѣ, и теперь, пожалуй, достигнута кульминаціонная точка, за которою въ близкомъ будущемъ послѣдуетъ переломъ въ обратную сторону. Но, не заглядывая въ будущее, постараемся обрисовать два наиболѣе выдающихся нынѣшнихъ эпизода, характеризующихъ современное положеніе Европы. Мы говоримъ объ ирландской политикѣ „обузданія“ и о суровыхъ репрессивныхъ мѣрахъ, къ которымъ приступило германское правительство въ завоеванныхъ французскихъ провинціяхъ.

2. Ирландскія дѣла.

Подъ вліяніемъ двоедушной политики нынѣшняго торійскаго кабинета, ирландскій вопросъ втеченіи короткаго промежутка времени снова приобрѣлъ острый характеръ. Усовѣщевая лендлордовъ понизить арендную плату, подавая надежды на дарованіе Ирландіи мѣстнаго самоуправленія, кабинетъ Сольсбери въ то-же время оказываетъ полное содѣйствіе самымъ безсовѣстнымъ выселеніямъ фермеровъ, изстари практикуемыхъ тѣми-же лендлор-

---

свой службы и останется лишь имперскимъ канцлеромъ, въ случаѣ если проектъ провалится. Это однако небогѣе, какъ одинъ изъ извѣстныхъ парламентскихъ маневровъ желѣзнаго канцлера.

дами. Изъ многихъ возмутительныхъ фактовъ этого рода приведемъ лишь слѣдующій эпизодъ, рассказанный въ „Indépendance Belge“. Между собственниками, которые приступили въ послѣднее время къ изгнанію фермеровъ, выдается маркизъ Лендсдоунъ, губернаторъ Канады. Отказавъ фермерамъ въ пониженіи арендной платы, этотъ благородный лордъ, постоянно проживающій въ Канадѣ, прислалъ своему управляющему приказъ выселить всѣхъ фермеровъ и прискаты новыхъ, болѣе исправныхъ. Полиція не замедлила оказать содѣйствіе. Субъ-шерифъ графства, въ которомъ находятся имѣнія упомянутого лорда, снарядилъ противъ фермеровъ настоящую военную экспедицію. Въ сопровожденіи сотни констэблей и пятидесяти рабочихъ, вооруженныхъ топорами, ключами и веревочными лѣстницами, субъ-шерифъ прибылъ къ мѣстечку Луггакурренъ. Здѣсь собралась значительная толпа народа, состоявшая изъ семействъ выселяемыхъ фермеровъ, къ которымъ явились на помощь жители окрестныхъ помѣстій. Толпа начала кричать и свистать. Прежде всего надо было выселить фермера Кильбрида. „Военной экспедиціи“ пришлось пройти черезъ баррикады изъ деревьевъ и мебели. Фермеръ наотрѣвъ отказался отворить дверь своего коттеджа. Дверь выломали топорами, но и здѣсь полиція встрѣтила новыя баррикады. Лишь съ помощью веревочныхъ лѣстницъ часть констэблей взобралась на крышу, и, разобравъ ее, „исполнители правосудія“ проникли вовнутрь коттеджа. Прибывшій сюда депутатъ О’Бриенъ и католическіе священники стали произносить рѣчи противъ насилія; тѣмъ не менѣе толпа не рѣшилась отразить силу силою. О’Бриенъ заявилъ между прочимъ, что готовъ лично ѣхать въ Канаду и разоблачить гнусное поведеніе маркиза Лендсдоуна, съ цѣлью добиться его изгнанія изъ этой колоніи. На слѣдующій день полиція возобновила свою работу. Населеніе, ограничившееся пассивнымъ сопротивленіемъ, развело костры изъ стараго тряпья, думая выкурить полицію густымъ дымомъ. Между выселенными обращали на себя вниманіе одна старуха 85 лѣтъ и одинъ фермеръ съ тринадцатю дѣтьми: послѣднему полиція предлагала, отъ имени управляющаго, мѣсто сторожа, но онъ отказался. Въ тотъ-же день экспедиція изъ 150 констэблей неистовствовала въ графствѣ Монаганъ; но здѣсь дѣло приняло худшій оборотъ, такъ какъ фермеры стали обливать констэблей кипяткомъ и изъ двадцати семействъ удалось выселить только пять. Подобныя сцены повторяются въ Ирландіи изо дня въ день. Слишкомъ ясно, что не ирландцы, а правительство является виновникомъ беспорядковъ, могущихъ произойти въ странѣ. Тѣмъ не менѣе торійскій кабинетъ вздумалъ, такъ-сказать, окончательно легализировать

поощряемый имъ произволь. Это и было причиной внесенія знаменитаго „билля объ обузданіи“, недавно принятаго парламентомъ, благодаря поддержкѣ, оказанной и на этотъ разъ торійскому кабинету либералами-диссидентами.

16 марта состоялось засѣданіе палаты общинъ, на которомъ Бальфуръ, нынѣшій министръ по ирландскимъ дѣламъ (смиѣнвпшій подавшаго въ отставку Гиксъ-Вича), внесъ въ палату билль объ „обузданіи“ Ирландіи. Всѣ трибуны нижней палаты были переполнены публикою. Блудный сынъ торійской партіи, лордъ Черчилль, явился въ парламентъ и былъ встрѣченъ громкими аплодисментами. Новый вождь палаты общинъ Смитъ заявилъ, что правительство признаетъ билль, внесенный Бальфуромъ, не угрозою, но жизненнымъ вопросомъ, безусловно необходимымъ для поддержанія порядка. Правительство, по словамъ Смита, сдѣлало изъ этого билля кабинетный вопросъ, вслѣдствіе чего онъ не можетъ быть отсроченъ даже въ виду пасхальныхъ вакацій. Послѣ этой рѣчи Бальфуръ внесъ свой билль. Бальфуръ энергически опровергалъ поправку Парнелля, въ которой послѣдній требовалъ, чтобы палата, прежде чѣмъ дебатировать вопросъ о судебно-уголовномъ биллѣ, ознакомилась подробнѣе съ положеніемъ Ирландіи. Бальфуръ возразилъ, что палата уже достаточно знакома съ положеніемъ Ирландіи. Возражая Гладстону, который утверждалъ, что число аграрныхъ преступленій въ Ирландіи не таково, чтобы послужить поводомъ къ исключительнымъ мѣрамъ, Бальфуръ сказалъ: „Дѣйствительно, въ настоящее время число аграрныхъ преступленій меньше, чѣмъ въ 1880 — 82 годахъ; но правительство должно принять во вниманіе не только количество, а также и качество преступленій. Необходимо помнить, что въ графствѣ Мюнстеръ 498 лицъ находятся подъ попеченіемъ особой полицейской охраны, ограждающей ихъ отъ насилій; въ графствѣ Конноутъ 175 подобныхъ-же лицъ; въ Лейтширѣ 21 и въ Ульстерѣ 23. На этотъ предметъ истрачивается до 55,000 ф. ст. ежегодно“. Законъ направленъ главнымъ образомъ противъ дѣятельности ирландской національной лиги. Взятый въ цѣломъ, билль Бальфура представляетъ безпримѣрное въ новѣйшей исторіи Англій посягательство на свободу и права личности. Въ силу билля, судьи могутъ производить слѣдствіе и вызывать къ допросу свидѣтелей, хотя-бы обвиняемыхъ не было на лицо. Судъ присяжныхъ упраздняется для многихъ разрядовъ преступленій, наказываемыхъ тюремнымъ заключеніемъ. Два коронныхъ судьи образуютъ засѣданіе, которому предоставляется присуждать собственною властью къ наказаніямъ несвыше шестимѣсячнаго заключенія въ рабочемъ домѣ. Къ этому разряду отнесены всѣ дѣла о загово-

рахъ, преступныхъ стачкахъ, дракахъ, нападеніи на констеблей и другихъ официальныхъ лицъ, а также о подстрекательствѣ ко всѣмъ этимъ преступленіямъ. По рѣшенію генераль-солиситора (прокурора) веденіе дѣла можетъ быть перенесено изъ Ирландіи въ Англію. Особенно изумляютъ въ новомъ биллѣ пункты, относящіеся къ „опаснымъ ассоціаціямъ“. Вице-король Ирландіи можетъ объявить незаконною всякую ассоціацію, и принадлежность къ такой запрещенной ассоціаціи признается преступною. Трудно повѣрить, что англійскій парламентъ могъ принять подобный билль, который былъ-бы отвергнутъ съ негодованіемъ даже консерваторами, еслибы его вздумали распространить на Англію.

Нечего и говорить, что ирландскіе депутаты воспользовались внесеннымъ биллемъ для произнесенія въ высшей степени рѣзкихъ рѣчей. Особенно рѣзко говорилъ Диллонъ, высказавшій, что, въ случаѣ принятія билля, онъ либо оставитъ страну, гдѣ ему придется жить въ рабствѣ, либо открыто станетъ во главѣ бунта противъ правительства. При послѣдовавшихъ затѣмъ дебатахъ произошелъ крупный парламентскій скандалъ. Извѣстный оранжистъ, отличающійся грубымъ солдатскимъ краснорѣчіемъ, полковникъ Саундерсонъ обвинялъ вождей ирландской партіи въ „явномъ“ соучастіи съ динамитчиками и политическими убійцами. Ирландецъ Гили назвалъ его „низкимъ лжецомъ“. Тогда спикеръ предложилъ палатѣ „лишить себя услугъ мистера Гили“, и большинствомъ 66 голосовъ постановлено исключить Гили изъ числа членовъ палаты. Но этимъ дѣло не кончилось. Полковникъ Саундерсонъ продолжалъ свою рѣчь. Другой ирландецъ, Секстонъ (депутатъ г. Бельфаста), потребовалъ, чтобы полковникъ взялъ назадъ свои обвиненія. Получивъ отказъ въ грубой формѣ, пылкій ирландецъ воскликнулъ: „Если такъ, то и я вамъ скажу, что вы низкій лжець, и, будь мы въ другомъ мѣстѣ, я далъ бы вамъ пощечину“. Въ палатѣ поднялся невообразимый шумъ и гвалтъ. На этотъ разъ спикеръ ограничился требованіемъ, чтобы оба противника взяли назадъ свои слова, что и было сдѣлано.

Мы не обратили бы никакого вниманія на этотъ эпизодъ, еслибы онъ не былъ въ высшей степени типичнымъ выраженіемъ нынѣшней парламентской борьбы въ Англіи. Почти все содержаніе дебатовъ по поводу новаго ирландскаго билля исчерпывается подобными личными нападеніями и столкновеніями. Консерваторы, оранжисты и даже чопорные диссиденты-виги съ Гартингтономъ во главѣ, не скупятся на всевозможныя клеветы, съ цѣлью дискредитировать ирландскихъ депутатовъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Въмѣсто обсужденія билля по существу, Гартингтонъ и другіе ораторы взяли на себя роль слѣдователей и

прокуроровъ, изобличающихъ ирландскихъ патриотовъ въ связяхъ съ убійцами Кавендиша и Борка, съ американскими феніями и т. п. Особенное впечатлѣніе произвела на англійское общество низкая клевета, пущенная въ ходъ противъ Парнелля газетою „Times“. Въ концѣ дебатовъ Парнеллю удалось сказать нѣсколько словъ *pro domo sua*. Онъ заявилъ, что его подпись въ письмѣ, опубликованномъ газетою „Times“, явно подложна; что онъ всегда уважалъ Форстера за его гуманное обращеніе съ арестованными ирландскими агитаторами, никогда не думалъ, чтобы противъ него могло затѣваться покушеніе со стороны ирландскихъ „непобѣдимыхъ“, и тѣмъ менѣе могъ писать объ этомъ предметѣ; убійство въ Фениксъ-Паркѣ Парнелль всегда считалъ печальнымъ событіемъ, весьма повредившимъ ирландскому дѣлу. „Еслибы я былъ въ то время въ Фениксъ-Паркѣ, сказалъ Парнелль, я подставилъ бы свою грудь убійцамъ, защищая Кавендиша“. Поправка, предложенная къ биллю, была отвергнута большинствомъ 101 голосомъ (370 голосовъ противъ 269), послѣ чего оппозиція уже не настаивала на голосованіи относительно самаго билля: такимъ образомъ билль былъ принятъ во второмъ чтеніи безъ голосованія...

Изъ рѣчей, въ которыхъ ирландскій судебно-уголовный билль обсуждался не съ одной личной точки зрѣнія, необходимо указать на рѣчь Гладстона. Было время, когда самъ Гладстонъ считалъ неизбѣжнымъ примѣненіе исключительныхъ законовъ по отношенію къ аграрнымъ преступленіямъ. Теперь онъ открыто признаетъ, что горько заблуждался и что эти законы способны лишь ожесточить населеніе, не принося никому пользы. Въ новѣйшей исторіи британскаго парламента было пять главныхъ судебно-уголовныхъ биллей для Ирландіи, а именно: въ 1833, 1846, 1881, 1882 и 1887 годахъ. Противники Гладстона съ торжествомъ указываютъ, что три изъ этихъ биллей были предложены либералами. Гладстонъ на это возражаетъ, что во-первыхъ либералы вообще продолжительнѣе управляли Англіей, чѣмъ консерваторы, во-вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ, судебно-уголовные билли были принимаемы либералами по оппозиціи. Въ 1882 г. либеральный кабинетъ, по совѣту ирландскаго намѣстника лорда Спенсера, старался отвергнуть пунктъ, касающійся ночныхъ обысковъ, но безуспѣшно: этотъ пунктъ былъ принятъ, благодаря союзу торійской оппозиціи съ 20 или 30 либералами. Въ 1885 году торійскій кабинетъ, заигрывавшій съ парнеллистами, дѣйствительно отказался возобновить судебно-уголовный билль; но тогда и либералы поддержали правительство. Оппортунизмъ торійскихъ вождей постоянно сокрушался о твердость принциповъ, выказываемую громаднымъ большинствомъ англійской либеральной партіи. Либералы

не отказались от своих убѣжденій, отказавшись от политики ежевыхъ рукавицъ; они лишь поняли свою ошибку, послѣ того, какъ лордъ Спенсеръ, наиболѣе энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ благороднѣйшій изъ вице-королей Ирландіи, понялъ всю нелѣпость принятой системы устрашенія. Билль 1882 г. былъ со стороны либераловъ послѣдней попыткой управлять Ирландіей помощью крутыхъ мѣръ. Число аграрныхъ преступленій было, дѣйствительно, сокращено, благодаря энергіи лорда Спенсера, но вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть ирландцевъ къ англійскому регенту достигла крайнихъ предѣловъ, и лордъ Спенсеръ, а вслѣдъ за нимъ и Гладстонъ, пришли къ убѣжденію, что единственнымъ рѣшеніемъ ирландскаго вопроса является дарованіе Ирландіи автономіи, на возможно широкихъ началахъ.

Новый судебно-уголовный билль прошелъ, но это лишь начало новой и, быть можетъ, рѣшительной борьбы между защитниками и противниками ирландской независимости. Во всякомъ случаѣ дѣло партіи Гладстона и парнеллистовъ далеко не представляется безнадежнымъ, и будущее Ирландіи рисуется намъ далеко не въ тѣхъ мрачныхъ краскахъ, какими принято его описывать. Иное дѣло Германія, этотъ главный оплотъ европейской реакціи.

Германія и нѣмецкая часть Австріи, повидимому, изобилуетъ либералами всѣхъ оттѣнковъ, но это либерализмъ особаго сорта, обезсиленный распаденіемъ на многочисленныя мелкія фракціи, деморализованный и лишенный серьезной будущности, которая скорѣе принадлежитъ соціалъ-демократамъ, единственнымъ серьезнымъ противникамъ реакціи въ Германіи. Неестественный союзъ прогрессистовъ съ ультрамонтанами едва-ли продолжится, особенно послѣ принятія церковнаго законопроекта, который, вѣроятно, воспослѣдуетъ въ близкомъ будущемъ. Національ-либеральная партія, недавно усилившаяся, едва-ли способна сдѣлать что-либо могущее ослабить прусскій милитаризмъ. Ко всему этому прибавляется весьма нелѣпое отношеніе германскихъ и особенно австрійскихъ либераловъ къ либеральнымъ партіямъ другихъ европейскихъ странъ. У Гладстона даже въ самой Англійской странѣ враговъ настолько-же упорныхъ, каковы австрійскіе либералы, ликующіе при каждомъ его пораженіи. Германскіе же либералы относятся къ ирландцамъ почти индифферентно. Наоборотъ, правительственная партія всѣми зависящими отъ нея мѣрами поддерживаетъ кабинетъ Сольсбери.

Насколько солидарны англійскіе реакціонеры со своими континентальными собратьями, доказывается ликованіемъ, которому предалась по поводу принятія новаго ирландскаго билля „Сѣверогерманская Газета“—ближайшій органъ Бисмарка. „Никакіе успѣхи“ № 4. Апрѣль, 1887 г. Отд. II.

лія Гладстона и ирландскихъ депутатовъ не могутъ низвергнуть торійскій кабинетъ, который теперь утвердился весьма прочно“, такъ разсуждаетъ бисмарковская газета. Ее не смущаетъ даже то обстоятельство, что могущія возникнуть въ Англіи неурядицы могутъ лишить нѣмцевъ союзника, который способенъ оказать Германіи наибольшее содѣйствіе въ случаѣ, если бы ей пришлось вести войну „на два фронта“.

3. Эльзась-лотарингскія дѣла.

Еслибы Германія даже явила примѣръ великодушія и въ 1871 г. просто изъ благоразумія отказалась отъ присвоенія Эльзась-Лотарингіи (самъ Бисмаркъ уступилъ въ этомъ случаѣ лишь настояніямъ военной партіи), то и въ этомъ случаѣ германская національная идея стояла бы въ вопіющемъ противорѣчьи съ прусскою гегемоніей въ Германіи. Теперь это противорѣчіе бьетъ въ глаза, такъ какъ эльзасцы, будучи родственными нѣмцамъ по крови, попали за свою привязанность къ французской культурѣ въ положеніе худшее, чѣмъ то, которое выпало на долю прусскимъ полякамъ. Въ Познани неистовства прусскихъ властей по крайней мѣрѣ не сочетались съ обидными напоминаніями о господствѣ завоевателей въ завоеванной странѣ. Въ „имперской области“ же избраніе депутатовъ, негодныхъ рейхстагу, явилось въ глазахъ завоевателей достаточнымъ предлогомъ для начатія цѣлаго ряда крутыхъ репрессивныхъ мѣръ. Дѣло началось закрытіемъ нѣсколькихъ пѣвческихъ обществъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ французской патриотической лигой. Вслѣдъ затѣмъ правительство придумало мѣры для избавленія себя отъ „неудобныхъ“ депутатовъ. Депутатъ г. Меца Антуанъ, человекъ въ высшей степени осторожный, врагъ всякихъ шумныхъ демонстрацій въ пользу французскаго дѣла, былъ тѣмъ не менѣе изгнанъ изъ предѣловъ Эльзась-Лотарингіи. Депутатъ Страсбурга Кабле внезапно умеръ: обстоятельства его смерти еще невыяснены, но весьма возможно, что участь Кабле не лишена трагической поделки. Депутатъ третьяго важнаго округа имперской области Лалансъ (депутатъ Мюльгаузена) также подлежитъ высылкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ германскими властями пущены въ ходъ всевозможныя легальныя и нелегальныя мѣры. Путтхаммеръ обращается къ папѣ съ требованіемъ: „приказать эльзась-лотарингскому духовенству повліять на эльзась-лотарингское юношество въ смыслѣ германизаци“. Еще неизвѣстно, что отвѣтитъ на это Левъ XIII: по слухамъ, даже ему это требованіе показалось чересчуръ безцеремоннымъ, и папа отказалъ въ вѣжливой формѣ. Укрѣпленія Страсбурга необычайно усиливаются насчетъ страсбургскихъ гражданъ; высылки происходятъ десятками; пріѣзжимъ французамъ запрещается путешествовать въ краѣ безъ особаго

разрѣшенія властей,—но вѣнцомъ всего является недавняя исторія съ арестованіемъ французскаго полицейскаго комиссара Шнебели, схваченнаго нѣмецкою тайною полиціей на французской территоріи. Этотъ невѣроятный поступокъ расшевелилъ даже жалкое министерство Гобле-Флуранса, но французское правительство оказалось настолько миролюбивымъ, что и этотъ „инцидентъ“ окончится лишь выдачею Шнебеля французскимъ властямъ. Насколько унизило себя французское правительство приэтомъ столкновеніи, видно изъ того, что французскому послу въ Берлинѣ Гербетту не было дано инструкцій потребовать какія-либо объясненія отъ германскаго правительства, и весь „инцидентъ“ былъ сообщенъ ему только для свѣдѣнія. Сверхъ того, Флурансъ, по требованію германскаго уполномоченнаго въ Парижѣ, обязательно отправилъ въ Берлинъ копіи съ протоколовъ, составленныхъ по этому дѣлу французской прокуратурой. Интересно, какъ поступали бы въ аналогическомъ случаѣ англичане? Весьма возможно, что, несмотря на тѣсную дружбу съ Германіей, въ нѣмецкихъ водахъ на слѣдующій-же день появились бы англійскіе броненосцы.

Очевидно, что Бисмаркъ черезчуръ остороженъ для того, чтобы открыто вызывать на бой Францію. Но этого онъ и не дѣлаетъ. Германскіе дипломаты по своему праву, утверждая, что арестованіе Шнебеля не было вызовомъ, брошеннымъ Франціи. Просто эти дипломаты убѣдились на этомъ случаѣ въ крайнемъ нежеланіи самихъ французовъ начать войну, а этого достаточно для поощренія самыхъ нахальныхъ поступковъ со стороны второстепенныхъ германскихъ агентовъ, получающихъ инструкціи свыше. Весьма замѣчательно, что убѣжденіе въ миролюбіи правящихъ классовъ Франціи было главнымъ поводомъ для добровольной отставки Деруледа, который сложилъ съ себя званіе предсѣдателя лиги патриотовъ, передавъ его до новаго избранія эльзасцу Санбефу. Въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Figaro“ Деруледъ откровенно сознался, что для ближайшаго будущаго онъ считаетъ дѣло реванша проиграннымъ, такъ какъ Франція упустила самый удобный моментъ, когда она могла слѣсться съ Россіей.

Такимъ образомъ *вооруженный европейскій миръ* можно считать до-поры до-времени достаточно обезпеченнымъ.

VII.

КУРЬЕЗЫ И РАРИТЕТЫ РОДНОЙ ПРЕССЫ.

Ежемесячно приходится заводить рѣчь о „Новомъ Времени“. Сія „милая, но погибшая„ газета словно подрядилась поставлять курьезы и раритеты: не проходитъ дня, чтобы на ея страницахъ не появилось чего-нибудь такого, отъ чего только рывами разводишь. Интересно знать, какой психическій процессъ происходитъ въ головахъ гг. Суворина, Буренина, Дьякова, Петербуржца и Молчанова, какимъ образомъ сии господа выпотрошили себя отъ тѣхъ даже правилъ, которыя внушаютъ людямъ на школьной скамьѣ. Еще въ дни юности каждый читалъ басню Крылова „Левъ состарѣвшійся“, читалъ и проникался негодованіемъ къ тому ослу, который не вытерпѣлъ и лягнулъ ослабѣвшаго владыку лѣсовъ. Но смыслъ басни, усвоенный каждымъ школяромъ, повидимому совершенно недоступенъ господамъ „нововременцамъ“, чуть-ли не ставящимъ г. Буренина выше Крылова.

„Новое Время“ задалось цѣлью систематично разыгрывать басню „Левъ состарѣвшійся“. Вспомните уходъ многочисленныхъ государственныхъ дѣятелей и вспомните, что писалось „откровенной“ газетой по поводу каждаго изъ этихъ уходовъ. Былъ-ли ктонибудь помянуть добрымъ словомъ? Нѣтъ, запаса послѣднихъ въ въ редакціи „Новаго Времени“ не имѣется. Былъ г. Бунге министромъ финансовъ—и газета ломала за него перья, отстаивая каждое изъ его мѣропріятій. Вышелъ г. Бунге изъ министерства—и вотъ его мѣры оказываются если не негодными (вѣдь онъ все-таки предсѣдатель комитета министровъ), то невольнѣ цѣлесообразными. „Главнымъ недостаткомъ финансоваго управленія г. Бунге за послѣдніе годы было то, что всякаго рода финансовыя мѣропріятія,—говоритъ газета,—направленныя къ упроченію нашей валюты, расширенію торговыхъ связей, открытію для русскихъ бумагъ новыхъ денежныхъ рынковъ и пр., были оставлены и вся дѣятельность министерства сосредоточилась на *измѣщеніи* новыхъ, по большей части мелкихъ налоговъ“.

Установивъ таѣе положеніе и обозвавъ мѣропріятія бывшаго министра яко-бы мелкими, „откровенная“ газета беретъ подъ свое покровительство слухи о проектируемомъ теперь налогѣ на заграничные паспорта. Тутъ-же интересна раритетность мотивовъ защиты, до которой не доходилъ никогда ни одинъ адвокатъ—даже самъ щедринскій Балайкинъ. Не примѣшайся къ этому вопросу какіе-то фантастическіе quasi-либералы, „Новое Время“

пожалуй бы и не пришло въ восторгъ отъ проекта; но гг. Суворинъ и К° увѣрены, что фантастическіе либералы „закричатъ гвалтъ“ и потому входятъ въ положительный азартъ, превосходящій азартъ покойнаго Пальмерстона, „побѣждавшаго Русь на картѣ увазательнымъ перстомъ“. Извѣстно, что господамъ „нововременцамъ“ деньги даются весьма легко. И вотъ они увѣраютъ, что „налогъ на заграничныя поѣздки“ не стѣснить даже лицъ, имѣющихъ цѣлью не развлеченіе или лѣченіе, но изученіе чужихъ краевъ. Если они подъ изучателями подразумѣваютъ своихъ развязныхъ корреспондентовъ, то, конечно, они сто разъ правы. Этихъ „изучателей“ не раззорять не только шестьдесятъ, но и шестьсотъ шестьдесятъ рублей въ три-четыре мѣсяца.

Въ стихахъ и прозѣ „Новое Время“ проповѣдуетъ, что никому до повышенія на заграничныя паспорта дѣла нѣтъ, кромѣ „барынь“, „семинаристовъ“ и „жидовъ“. Насколько это справедливо, пусть читатель судить самъ. Извѣстно, что за границу ежегодно ѣздить и кушцы чисто русскіе, и литераторы, и ученые, неимѣющіе командировокъ, и художники, для которыхъ такія путешествія отнюдь не празднопатательство, о которомъ кричитъ газета. Римъ и Парижъ кишатъ русскими художниками, но никто изъ послѣднихъ, можетъ быть, и не бывалъ въ Монако, и никто изъ нихъ не произнесетъ стиховъ, пущенныхъ авторомъ многочисленныхъ пасквилей, графомъ Алексисомъ Жасминовымъ:

„Позвольте вамъ сказать, однако,
Въ ружьку страстный я игрокъ;
Необходимо мнѣ Монако—
И вдругъ: изволь платить налогъ“.

„Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!“ Газеты въ рукахъ гг. Сувориныхъ и Бурениныхъ превращаются не въ выразителей общественнаго мнѣнія, а въ орудіе перебранокъ съ извѣстными лицами. Ради полемики съ „Новостями“, „Русскими Вѣдомостями“ или „Вѣстникомъ Европы“, эти господа и ихъ подражатели готовы и передергивать, и подтасовывать, и отрицать азбучныя истины. Лганье стало буквально потребностью этой почтенной компаніи. Самый ничтожный фактъ обязательно извращается иногда просто ради пустого зубоскальства. За примѣрами ходить недалеко. Захотѣлось присяжному повѣренному Холевѣ „сорвать дѣло“ (довольно пошлое выраженіе адвокатско-криминалистовъ новѣйшей формации); требовалъ онъ отложить разбирательство по неявиі одного малозначащаго свидѣтеля, судъ отказалъ; сослался г. Холева тогда на свою болѣзнь. И вотъ подъ перомъ пылкихъ и беззащитныхъ сотрудниковъ „Новаго Времени“ сія ничтожная исторія передается такъ:

27-го марта въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ слушался процессъ супруговъ Бѣляевыхъ, обвинявшихся въ кражѣ изъ банкирской конторы Юнкера. Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Кобыльскій; защищалъ по назначенію отъ суда присяжный повѣренный Х. Во время чтенія обвинительнаго акта защитникъ почувствовалъ себя дурно, а затѣмъ во время послѣдовавшаго перерыва заявилъ предсѣдателю, что не въ состояніи отправлять возложенныя на него обязанности. Г. Кобыльскій отнесся въ такому заявленію съ полнымъ недоумѣніемъ и сдѣлалъ распо-

ряженіе—фактъ небывалый въ лѣтописяхъ петербургскаго окружного суда,—чтобы прис. повѣр. Х. былъ немедленно освидѣтельствованъ черезъ врача. Хотя свидѣтельствованіе и подтвердило вполне заявленіе защитника, у котораго было найдено: повышение температуры, учащенный пульсъ (болѣе 100 разъ въ минуту) и сильное увеличеніе селезенки,—тѣмъ неменѣе товарищъ предсѣдателя остался и этимъ недоволенъ: учащенный пульсъ и повышенная температура—явленія-де весьма обычныя, а увеличенная селезенка—тоже сущіе пустяки.

Подумаешь, какіе ужасы, „небывалые въ лѣтописяхъ“ не только петербургскаго, но и вятскаго окружного суда! А дѣло было такъ просто и такъ безобидно, что о немъ не стоить и говорить. Г. Холева заявилъ, что онъ нездоровъ, а г. Кобыльскій частнымъ образомъ предложилъ ему услуги случайно находившагося въ судѣ врача, который г. Холева и принялъ; врачъ же нашелъ (врачи наши очень легко находятъ), что музыкальный адвокатъ настолько нездоровъ, что временная помощь ему помочь не можетъ. Отсюда и весь сыро-боръ загорѣлся. „Новое Время“ ради пикантности даже свою вражду къ адвокатамъ забыло, забыло даже то, что они иногда въ журналахъ и газетахъ пишутъ негодныя ему вещи. О милое, о незлопамятное „Новое Время“! о щедринская „Краса Демидрона“!

Въ оригинальныхъ отношеніяхъ къ „Новому Времени“ находятся „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Изъ-за „Власти тьмы“ разжаловавшаго себя изъ графовъ Льва Толстаго эти двѣ газеты сильно полимизируютъ; но зато поютъ дружный дуэтъ по вопросу о налогахъ на заграничные паспорта. Органъ г. Авсѣенки больше высмѣиваетъ и ради этого даже до нѣкоторой степени демократомъ прикидывается. Онъ, изволите-ли видѣть, усматриваетъ въ этомъ налогѣ тяжесть лишь для „солидныхъ культуртрегеровъ“ (?).

Когда наступаетъ лѣто, у русскаго солиднаго культуртрегера является кашель. Кашель—это скептицизмъ легкихъ. Зимой легкія неособенно беспокоятъ солиднаго человѣка. Какой-нибудь бронхитецъ не идетъ въ счетъ, такъ какъ, за недостаткомъ свободного времени, къ нему даже прислушаться хорошенько нѣтъ возможности. Но когда въ воздухѣ, подъ вліяніемъ благодатной теплоты, закружатся микробъ, солидный человѣкъ хватается за грудь и сдавленнымъ голосомъ произноситъ:

— „Чувствую я, что у меня, въ этомъ мѣстѣ, безъисходный скептицизмъ сидитъ...“

Скептицизмъ различно разрѣшается, у нѣкоторыхъ даже поводомъ въ „Ренессансъ“; но у скептицизма легкихъ есть одинъ выходъ: плевать и плевать безъ конца... Вотъ почему докторъ, когда къ нему придетъ бѣднякъ и пожалуется на грудь, только коротко выпалитъ:

— Плевать!

Солидному культуртрегеру докторъ скажетъ значительно мягче:

— Вамъ бы эмсъ-кренцень пить да поживать, а вокругъ эмсъ-кренцена плевать да поплевывать... Поѣзжайте...

Подъ конецъ лѣта, въ Эмсѣ и Баденъ-Баденѣ выстраиваются цѣлыя фаланги культурныхъ соотечественниковъ и плюютъ, плю-

ють... А къ осени, глядишь, скептицизма какъ не бывало; наоборотъ, кашель такой солидный, строгій, недопускающій послаблений, хотя и не очень жесткой:

— К-хе-кхе... Что вамъ угодно, милостивый государь?

Съ налогомъ на заграничные паспорта дѣло получаетъ совсѣмъ иной характеръ. Плевать придется дома и, пожалуй, не въ такомъ уже изобиліи. Но отъ этого получатся слѣдующія выгоды: во-первыхъ, проплеванные рубли останутся дома и значительно поднимутъ благосостояніе мѣстностей, содѣйствующихъ успѣшному экспекторированію; во-вторыхъ, хорошее настроеніе духа, въ которомъ обрѣтаются, благодаря облегчающемуся плеванію, солидные россияне, останется также дома, что придастъ всей дѣтней жизни особенный праздничный видъ; въ-третьихъ, что самое важное, вдругъ окажется меньше больныхъ и меньше скептицизма.

Но въ средѣ солидныхъ россиянъ финансовый проектъ не встрѣчаетъ сочувствія.

— Помидуйте! Это что же... Я плевать хочу... а мнѣ не даютъ. Налогъ на экетпекторированіе! Этакъ придется, пожалуй, за каждый случай обращенія къ носовому платку деньги платить... Слуга покорный! Могли бы выдумать что-нибудь другое“...

Намъ кажется однако, что къ такому вопросу, какъ свобода передвиженія, слѣдовало бы отнестись серьезнѣе, а не пускаться въ школьничьи пародированія Щедрина, до котораго далеко, конечно, веселымъ сотрудникомъ г. Авсѣенки. Недавно та-же газета послала упрекъ г. Глѣбу Успенскому, что онъ дошелъ до „такой дикости“, до какой „наша печать еще не доходила“. А вѣдь этотъ упрекъ пожалуй можно обернуть и въ сторону „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Что такое въ самомъ дѣлѣ хотя-бы это шуточное изображеніе поѣздокъ за границу ради „плеванія“ въ Эмсѣ и Баденъ-Баденѣ? Подумайте, господа смѣющіеся и смѣшашіе газетные раритетмейстеры и сподвижники гг. Суворина и Авсѣенки. Если впрочемъ порыться въ „Старѣйшей Россійской Пѣнокснимательницѣ“, то тамъ и не такіе раритеты отыщешь. Г. Авсѣенко тоже мастеръ „проплевывать“ и „оплевывать“ и собралъ около себя цѣлый синклитъ самыхъ удивительныхъ сотрудниковъ. Пишутъ они всѣ не очень бойко и гладко, но если вдуматься въ то, что собственно они желаютъ провести въ общество, то станемъ въ положительный тупикъ. Такъ ужъ имъ-ли говорить о какой-то „дикости“ Глѣба Успенскаго?

Но этого мало. Дикіе раритеты и курьезы сами по себѣ скорѣе только увеселяютъ. „С.-Петербургскія“ же „Вѣдомости“ не довольствуются этою скромною ролью, а иногда и дѣйствуютъ подобно щедринскому Октавіану Феликсовичу Язвило, который „бѣгалъ по городу, какъ угорѣлый, ловилъ и хваталъ“. Какъ и фантастическій пошехонскій исправникъ, онъ прибѣгаютъ къ приемамъ болѣе сложнымъ, чуждымъ „той заскорюзлой рутинѣ, которая шла напроломъ и напирала на рожонъ“ и которую и поднесъ употребляетъ иногда „Новое Время“. Сущность однако отъ этого не измѣняется и случайный читатель газеты (другихъ мало) невольно испытываетъ то чувство, которое получается, когда неожиданно рука коснется чего-нибудь склизкаго и холоднаго, напри- мѣръ жабы или змѣи.

Несмотря на сходство характеровъ двухъ сподвижниковъ, и между ними иногда происходятъ небольшія стычки, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, не столько изъ-за убѣжденій, сколько изъ-за пятачковъ. Недавно, какъ извѣстно, послѣдовало разъясненіе министерства народнаго просвѣщенія о печатаніи обязательныхъ публикацій казенными, общественными, акціонерными, товарищескими и иными учрежденіями. Г. Авсѣнко прочелъ министерское разъясненіе и возликовалъ, какъ маленький мальчикъ, котораго пообѣщали взять на балаганы. Недолго думая, онъ привазалъ своему секретарю разослать въ разныя учрежденія циркуляры, приглашавшіе „озаботиться своевременнымъ доставленіемъ въ контору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ тѣхъ объявленій, печатаніе которыхъ обязательно для банковъ по ихъ уставамъ“.

Г. Суворинъ, узнавъ о сихъ циркулярахъ, пришелъ въ волненіе и созвалъ конференцію „собственныхъ“ юристовъ.

— Читали?— спросилъ онъ мрачно.

— Читали.

— Можете найти фальшь?

— Конечно: на то мы и юристы, да еще „новременскіе“.

И вотъ юристы принялись искать: взяли уставы кредитныхъ учреждений, прочли, сдѣлали выписки и стали доказывать г. Авсѣнку, что изъ всего множества этихъ учреждений лишь ничтожное меньшинство подходитъ подъ требованіе министерскаго разъясненія и что онъ совершенно неосновательно стремится отбить кліентовъ у г. Суворина. Но не внявъ г. Авсѣнку доводамъ юристовъ и напечаталъ отвѣтъ, что онъ лишь „рачительно“ выполнилъ министерское разъясненіе, какъ слѣдуетъ это добропорядочному арендатору. Завязалась дѣлая полемика о томъ, кто компетентнѣе и у кого больше пониманія. Г. Авсѣнко кричалъ: „у меня — я не только законы разъяснялъ, но и романы сочинялъ!“ Юристы голосили: „мы больше смыслимъ, мы не только циркуляры и уставы по косточкамъ можемъ разобрать, а и изучили всѣ тонкости клеветы и дѣффамаци!“ Споръ однако ничѣмъ не кончился, и пока неизвѣстно, кому достанутся соблазнительные пятачки. Во всякомъ случаѣ правда, кажется, не на сторонѣ автора* архи-тенденціозныхъ романовъ и редактора архи-безцвѣтной газеты, читаемой министерскими сторожами.

Торгашеское направленіе однако не мѣшаетъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ быть поклонницами хорошаго тона, восхищаться джентльменствомъ деритскихъ студентовъ и восхвалять:

Какъ непрезентабельны, жалки и смѣшны кажутся мѣстному обществу русскіе студенты! Какіе-то оборвыши по костюмамъ, застѣнчивые, неуклюжіе, угрюмые нелюдими, неумѣющие съ шикомъ кутнуть и пустить пылъ въ глаза; говорятъ на своемъ варварскомъ языкѣ, держатся своихъ студентскихъ обычаевъ, не желая ассимилироваться, втянуться въ жизнь хозяевъ, сродниться съ этою жизнью и вполне онѣмечиться, какъ онѣмечились студенты-латыши и эсты. Живутъ разбросано, разединенно.

Нѣмецкій студентъ—если не зажиточный, то вполне на весь учебный курсъ обеспеченный, ни въ чемъ не нуждающийся чело-вѣкъ. Это доказывается и высотой платы за слушаніе лекцій, и

дороговизною учебныхъ книгъ и пособій, а главное — образомъ жизни нѣмецкаго бурша-студента, Насколько не обезпечено и шатко положеніе русскаго студента въ матеріальномъ отношеніи, настолько оно болѣе чѣмъ удовлетворительно у здѣшняго нѣмецкаго студента. Здѣсь въ семьяхъ за обыкновеніе принято предоставлять молодому человѣку слушать университетскій курсъ только въ томъ случаѣ, если на это есть достаточныя средства у его отца или у него самого. Да и контингентъ мѣстнаго университетскаго студенчества составляютъ по большей части люди зажиточныхъ классовъ—бароны, представители дворянства и разжившагося, разбогатѣвшаго купечества и бюргерства.

Это владеть извѣстный отпечатокъ и даетъ своеобразный характеръ типу нѣмецкаго бурша. Ему не приходится бороться съ нуждою, обходиться безъ помощи нужныхъ учебныхъ пособій, не надобно дѣлать свое время между собственными занятіями и бѣганіемъ по урокамъ; ему, наконецъ, не для чего открывать свое вниманіе отъ науки къ необходимымъ способамъ зашибанія копѣйки. Все есть, все готово, все къ его услугамъ. Отсюда—его заносчивый видъ и его безконечные кутежи - „коммерши“. Самая внѣшность его рѣзко отличается отъ внѣшности русскаго студента. Если девизомъ послѣдняго считается бѣдность, костюмъ его носитъ слѣды небрежности и неряшливости, а восторженная рѣчь испещряется поддѣлками подъ простонародный складъ, то, наоборотъ, его нѣмецкій собратъ всегда отличался и отличается франтоватымъ костюмомъ, ловкими манерами и любезностью въ обществѣ, предупредительностью къ дамамъ и литературною рѣчью. Вообще, въ лицѣ мѣстнаго нѣмецкаго бурша выступаетъ (принимая, конечно, во вниманіе лишь трезвое состояніе) приличный, благовоспитанный молодой человѣкъ, одѣтый нерѣдко по модной картинкѣ, свободно, безъ смущенія, держащій себя въ обществѣ и свободно-же располагающій своими средствами.

Русскимъ студентамъ положительно остается раскаяться, понять, что бѣднякамъ не подобаетъ изучать высшія науки, одѣться съ шикомъ г. Боборыкина и французскихъ парикмахеровъ, выучиться вѣнской полькѣ и пусканію пыли въ глаза. А то вѣдь каковы эти скверные мальчишки: средствъ у нихъ—ни на кутежи-„коммерши“, ни на лакированныя ботинки и лайковыя перчатки, не умѣютъ они даже кадрили танцевать, уже не говоря о гошпервальсѣ, — а туда-же лѣзутъ юриспруденцію и медицину изучать. Нѣтъ, голубчики, г. Авсѣнко допускаетъ такую роскошь только для бароновъ и дѣтей разжирѣвшихъ купцовъ.

Но вернемся все къ тому-же развеселому и откровенному „Новому Времени“. Эта милая газета издавна не долюбливала учащуюся молодежь и профессоровъ, вѣроятно, въ силу того, что ни г. Суворинъ, ни его alter ego г. Буренинъ не вкусили сами высшихъ наукъ, а также, можетъ быть, и потому, что когда-то студенты технологическаго института не пожелали получать въ своей читальнѣ „Новое Время“ даже даромъ. Но въ послѣднее время органъ г. Суворина ополчился особенно сильно на высшую науку. Прежде всего онъ потребовалъ выселить высшія школы въ Чухлому, Наровчатъ, Хабаровку и Якутскъ. Тамъ-де, на лонѣ

природы, на безлюдьи, и профессора и студенты будутъ прилежнѣ заниматься наукой, а главное—не столкнутся съ вредными людьми, которыми будто-бы кишитъ Петербургъ. Напрасно въ нѣкоторыхъ газетахъ была приведена цѣлая масса доводовъ противъ желанія такого, ничѣмъ невызываемаго, остракизма,—сподвижники г. Суворина продолжали вопить: „изгнать высшія школы, изгнать!“ Нѣкто высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, такая горячность „нововременцевъ“ происходитъ потому, что они желаютъ устроить въ Петербургѣ новыя танцклассы и кафе шантаны и нуждаются въ обширныхъ помѣщеніяхъ. Дѣйствительно, въ направленіи откровенной газеты есть нѣчто танцклассное и фолишонное. Въ то время, какъ г. Житель-Дьяковъ-Незлобинъ бичевалъ любителей клубныхъ и опереточныхъ актрисъ и дамъ-франтихъ, графъ Жасминовъ, онъ-же г. Буренинъ, всѣми силами своего стихотворнаго таланта воспѣвалъ „солидныя дамскія конституціи“, „гармонію округлостей“, „пышныя тѣла“ и другія прелести стихами, отъ которыхъ приходили въ неистовый восторгъ всѣ „мышинныя жеребчичи“.

Не найдя сочувствія своимъ требованіямъ остракизма, „Новое Время“ заговорило о томъ, что-де наши профессора не умѣютъ преподавать. Они-де все заботятся о чистой наукѣ, объ отвлеченныхъ истинахъ, а не подумаютъ о современныхъ вѣяніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, профессора ни разу не рекомендовали своимъ слушателямъ ни откровенной политикѣ Подхалимовыхъ, ни отчаянной ловкости адвоката Балалайкина, ни непреклонности „безшабашнаго совѣтника графа Твердоонто“, ни ренегатства самихъ гг. Суворина и Буренина. А вѣдь именно эти типы и олицетворяли тѣ вѣянія, которыя были въ нашемъ обществѣ за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Такъ, напримѣръ, что бы стоило профессору Менделѣеву, повѣствуя о химическомъ анализѣ, время отъ времени поучать юношество, что собственно сила не въ анализѣ, а въ томъ, что „ласковое теля двухъ матокъ сосеть“; а г. Ренненкампу, вмѣсто изложенія принциповъ законовѣдѣнія, ознакомить съ тѣми приемами, при помощи которыхъ адвокат Балалайкинъ даже и изъ петли выпутался и, будучи повѣшенъ, живъ остался. „Нов. Вр.“, всегда сочувствовавшее и вышеприведенной пословицѣ о ласковомъ теляти и адвокату Балалайкину, тогда-бы не высказало порицанія профессурѣ.

Наконецъ, недавно „Нов. Вр.“ заявило, что бѣдняки не должны стремиться къ высшему образованію, ибо-де этого стремленія не одобряютъ ни „Figaro“, ни психіатръ Крафтъ-Эбингъ въ своей пресловутой книгѣ „Нашъ нервный вѣкъ“. При этомъ газета забыла, что она постоянно сама оспаривала значеніе не только законовъ здраваго смысла, но и всякихъ авторитетовъ. При случаѣ она была бы не прочь обозвать знаменитаго психіатра просто глупымъ нѣмцемъ; но Крафтъ-Эбингъ „указываетъ на стремленіе къ высшему образованію, какъ на одну изъ великихъ опасностей для будущихъ поколѣній“ (онъ вообще въ названной брошюркѣ много глупостей говоритъ)—и „Нов. Вр.“ принимаетъ это указаніе безъ всякихъ даже поправокъ: цѣль, моль, оправдываетъ средства. Но напрасно г. Суворинъ и его соучастники полагаютъ, что ихъ что-нибудь и когда-нибудь оправдаетъ. Они не

могут даже сказать, подобно опереточному герою Ламбертуцио, что „наша жизнь, вся сполна, намъ судьбой суждена“. Ибо немислимо, чтобы судьба, при всемъ своемъ коварствѣ, могла предопредѣлить кому-нибудь такую скверную роль въ литературной жизни.

Чѣмъ прогнѣвали студенты-бѣдняки „отервенную“ газету— это рѣшительно непонятно. Я понимаю, когда подобную рѣчь заводитъ князь Мещерскій, человекъ все-таки принадлежащій къ аристократіи. Но г. Суворинъ самъ скорѣе разночинецъ, нежели аристократъ, и вдругъ воздвигаетъ гоненіе на разночинцевъ. И кѣмъ думаетъ наполнить „Новое Время“ наши университеты, если двери послѣднихъ будутъ заперты для бѣдняковъ? О единицахъ говорить не стоить: если до сихъ поръ среди преуспѣвавшихъ въ наукахъ и встрѣчались аристократы, то только обѣднѣвшіе.

Конечно и въ университетахъ есть темныя стороны. Издается, напримѣръ, при здѣшнемъ „Юридическая Библиографія“, по которой можно судить, что за субъекты иногда попадаютъ въ ученой корпораціи. Такъ въ № 8 помѣщенъ г. Георгіевскимъ критическій разборъ книжки Морица Мейера „Die neue Nationalökonomie in ihren Hauptrichtungen auf historischen Grundlâge“. Читая эту статью невольно представляешь себѣ г. Георгіевскаго не столько ученымъ и талантливымъ, сколько веселымъ человекомъ.

Говорить, напримѣръ, г. Георгіевскій о социализмѣ—не бойтесь, не о революціонномъ, а о мирномъ государственномъ и катедеръ-социализмѣ, котораго придерживается даже самъ Бисмаркъ,—и говорить, что „социализмъ необходимо приводитъ силою естественнаго развитія вещей къ коммунизму“. Далѣе, преподаватель политической экономіи въ петербургскомъ университетѣ собираетъ что-то ампутировать, но неизвѣстно что: ученіе-ли Вагнера и Шефле, здравый-ли смыслъ, или свою совершенно не профессорскую развязность. Погодите, г. Георгіевскій, превращаться въ хирурга, а сперва попробуйте въ самомъ себѣ развитъ какія-либо достоинства, болѣе солидныя, нежели развязность и патентъ ученаго.

Во всякомъ случаѣ, все-таки, лучше упразднить такихъ ученыхъ, какъ Шефле и Вагнеръ, чѣмъ писать пасквили на умершихъ, какъ это дѣлаетъ г. Буренинъ, напечатавшій недавно опять гнусное надругательство надъ покойнымъ Надсономъ — „Простраціо Кисляйо - Кисляканти“, неоромантическую фантазію, въ трехъ актахъ, въ стихахъ. Бумага, говорятъ, все терпитъ, но надо удивляться, какъ она выдержала такую, такую... для того, чтобы подписать подходящій эпитетъ, нужно быть г. Цитовичемъ или самимъ г. Буренинымъ. Подъ предлогомъ осмѣянія послѣднихъ произведеній своего бывшего сотрудника г. Немировича-Данченко, г. Буренинъ весьма прозрачно проводитъ все ту-же излюбленную инсинуацію свою на покойнаго поэта, о которой было уже говорено нами въ прошлый разъ. Для вящшаго юмора, который все болѣе и болѣе сталъ замѣняться у присяжнаго „новременскаго“ сатирика простымъ сквернословіемъ, г. Буренинъ вводитъ въ свой пасквиль „испуганныхъ жидковъ“ и итальянскую молодежь: Негодайо, Пошликанти, Шангажисто, Глупетто, Перельяно и Вральгини. Уже самый подборъ этихъ фамилій показываетъ, какъ низко сталъ падать

талантъ сатирика, писавшаго когда-то дѣйствительно остроумныя шутки, какъ „Графъ Отто Шенгаузенскій“ и „Ода на коварство Александра“. Тамъ былъ и юморъ и аттическая соль, но есть ли что нибудь подобное въ стихахъ, подобныхъ слѣдующимъ:

„Пусть дни бѣгутъ и ночи,
Я буду туплю цѣловать—и тихо
Нашептывать любимѣйшія строфы
Изъ „Чижива“. Что можетъ быть отраднѣй:
Чиживъ, чиживъ, гдѣ ты былъ?
На фонтанѣ воду пилъ...“

Неужели г. Буренинъ, обладающій несомнѣнно критическимъ вкусомъ, во всякомъ случаѣ большимъ, чѣмъ, на примѣръ г. Скабичевскій, не можетъ понять, что это—если и остроуміе, то развѣ то, которое на масляной и пасхѣ проявляютъ балаганные дѣды,—тѣмъ болѣе, что г. Буренину рѣшительно вся печать доказала неприличіе его поступка съ Надсономъ. Положимъ, что г. Буренину, какъ критику, могутъ не нравиться стихи покойнаго поэта. Ну, и критикуй ихъ. Можно еще допустить, что г. Буренинъ почему-либо чувствовалъ неприязнь и къ самому Надсону лично. Но какая же мыслима вражда къ покойнику, къ человѣку, который уже лежитъ въ могилѣ? Неужели это поправіе и всякой порядочности и христіанскаго долга оправдывается тѣмъ, что Надсона защищали „Новости“ и что стихи Надсона печатались не въ органахъ, милыхъ сердцу г. Буренина?..

Беззаботный журналистъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Съ 10 марта по 10 апрѣля 1887 г.

Религія, Философія, Психологія.

Булгановъ, С. В. Образцы святоотеческой и русс. проповѣди. Вып. I. Ц. всему изд. 5 р.

Бутневичъ, Т. Свящ. Спиритизмъ. X. Ц. 50 к.

Гартманъ-Фонъ, Эд. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Иннокентій. Собр. Акакистовъ. С.-П. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. 4 изд. С.-П. Ц. 3 р.

Ireland, d-r. Психозы въ исторіи. Харьковъ. 1887 г. Ц. 1 р.

Нинитоній, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви по ея символическимъ книгамъ. М. 1887 г. Ц. 50 к.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Изд. 2-е, испр. и дополн. М. 1887. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Жизнь Иисуса Христа. Пер. **Θ. М. Матвѣева.** Изд. 3. М. Ц. 2 р. 50 к.

Шугаевъ, М. Выясненіе нѣкоторыхъ полезныхъ предметовъ изъ области философіи, искусства, воспитанія и проч. М. 1887 г. Ц. 50

Янышевъ, І. Л. Правосл. христ. учен. о нравственности. М. Ц. 1 р. 25 к.

Беллетристика.

Аверкиевъ, Д. Хлѣбная ночь. Ист. романъ. Ц. 1 р.

Его же. Лихо. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

Его же. Драмы. Т. I. (Слобода Невоя. — Фроль Скабѣевъ. — Каширская Старина. — Темный и Шемьяка). Ц. 3 р.

Аларконъ. Повѣсти и рассказы. Перев. съ исп. М. Ватсонъ. Ц. 75 к.

Андреевскій, С. Стихотворенія. 1878—1885. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Апухтинъ, А. Стихотворенія. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 35 к.

Баллашинъ. Гнѣзда не вьютъ. Комедія въ 5 дѣйств. Спб. 1886. Ц. 25 к.

Баранцевичъ, Н. С. Маленькіе рассказы. Юмористическій сборникъ. Спб. 1887 г. Ц. 60 к.

Баратынскій, Е. Стихотворенія. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб. 1887. Ц. 2 р.

Бретъ-Гартъ. Калифорнійскіе рассказы. М. 1887 г. Ц. 1 р.

Буренинъ, В. Пѣсни и Шаржи. Новая стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Его же. Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Вып. 5-й. Спб. 1887 г. Ц. 35 к.

Винторъ Гюго и его время. По его запискамъ, воспоминаніямъ и рассказамъ близкихъ свидѣтелей его жизни. Переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженка. М. 1887 г. Ц. 2 р. 25 к.

Его же. Изъ рѣчей и воззваній въ изгнаніи. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. Изъ пережитого. Автобиографическія воспоминанія. М. 1887 г. Ц. 3 р.

Голенищевъ-Нутузовъ. Смута. Драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

Его же. Затишье и буря. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Его же. Стихотворенія. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Грантъ-Алень. Чарльзъ Дарвинъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Данилевскій, Г. П. На Индію при Петръ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Истор. романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Княжна Тараканова. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдніе Запорожцы). Истор. пов. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Мировичъ (1762—1764 г.). Историч. романъ. Ц. 2 р.

Его же. Сожженная Москва. Истор. романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Дельвигъ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Съ портретомъ и біографіей (Дешева Библиот.). Спб. Ц. 20 к.

Дятленскъ, Ч. Оливеръ Твистъ. Романъ. 2 т. Изданіе 2-е (Дешева Библиотека). Спб. Ц. за 2 т. 50 к., въ папкѣ 58 к.

Его же. Возвращенный преступникъ. Рассказъ стараго священника (Народн. библиот.). Москва. 1887. Ц. 3 к.

Дневникъ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенко, 1727—1753 г. Киевъ. 1887 г. Ц. 3 р.

Доде, Альфонсъ. Королева Фредерика (Les rois en exil). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

Дружининъ, А. Полинъка Саевъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

Есиповъ, Г. В. Люди стараго вѣка. Рассказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

Загуляевъ, М. А. Русскій явобинець. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

Его же. Тяжелая память прошлаго. Рассказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и другихъ архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его съ родными и друзьями. Спб. 1887. Ц. 2 р. 50 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Рассказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

Колышко, I. Очерки современной Россіи. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Линовскій-Трофимовъ, Н. Брызги моря житейскаго. Повѣсти, рассказы и эскизы. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Ломоносовъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Изд. 2-е, дополн. (Деш. Библиотека). Спб. Ц. 40 к.

Лоръ, А. Капитанъ Графальгаръ. Романъ. Съ рисунками. М. 1887 г. Ц. 2 р.

Масальскій, Нонс. Стрѣльцы. Истор. романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Мариевичъ, Б. М. Перехомъ. Правдивая исторія. Ц. 6 р.

Марковъ, В. В. Илья Муромцевъ. Поэма Ц. 60 к..

Его же. Трилистникъ. Ц. 30 к.

Майскій, П. Думы и пѣсни. Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ роск. перепл. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Мериме, П. Карменъ. Романъ. Ц. 40 к. Мей, Л. А. Полное собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Его же. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Миллюковъ, А. П. Царская свадьба. Историч. повѣсть изъ временъ Иоанна Грознаго. Ц. 1 р.

Его же. Рассказы изъ обиденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

Михайловъ, А. Паденіе. Романъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Нильскій крокодилъ. Повѣсть (не историческая). Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Его же. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Авантюристы. Истор. повѣсть. Ц. 80 к.

Морской, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Содомъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Мясотдовъ, А. Д. Безъ заглавія. Картины современныхъ нравовъ. М. 1887. Ц. 1 р. 75 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки. (1883—1886), съ портретомъ автора. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

На память о нашихъ общихъ друзьяхъ. 2 альбома цитатъ и стихотвореній. Ц. кажд. въ перепл. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Неширивичъ-Данченко. Стихотворенія. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Нѣмата, Нин. Въ стольномъ городѣ Киевѣ. Сцены изъ жизни богатырей. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Опочининъ, Е. Русскій театр, его начало и развитіе. Историческій очеркъ. Вып. 1-й. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

Пановъ, П. Думы и пѣсни. Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Пальминъ, М. Цѣты и змѣи. Сатиры, юморъ и фантазія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Помомаревъ, С. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся въ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ и проч. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Пылаевъ, М. И. Старый Петербургъ. Рассказы изъ былой жизни столицы. Съ гравюрами. Вып. 12-й. Спб. Цѣна каждаго вып. 50 к.

Рашшевъ, Матвѣй. Стихотворенія. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Случевскій, Н. Стихотворенія. Книги I, II и III. Въ изящныхъ переплетгахъ. Ц. каждой 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
Сухоно-Нобылинъ, А. Дѣло (Отжитое время). Драма въ 5 дѣйств. Издан. 2-е. М. 1887 г. Ц. 60 к.
Толстой, Л. Н., графъ. Дѣтство и отрочество. Съ рисунк. М. 1887 г. Ц. 2 р.
Его же. «Власть тьмы или Когого въ уязвѣ, всей птичьей пропасть». Драма въ 5 дѣйств. М. 1887 г. Ц. 50 к.
Тхоржевскій, Н. Иванъ-да-Марья. Собраніе стихотвореній. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
Успенскій, Н. В. Разказы. Ц. 1 р.

Филипповъ, М. Остапъ. Ист. повѣсть. Спб. Ц. 1 р.
Фругъ, С. Думы и пѣсни. Ц. 1 руб. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
Цертелевъ Д., Князь. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
Яковлевъ, В. А. Отзвы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Одесса. 1887 г. Ц. 1 р.
Якунинъ, И. Грезы и пѣсни. Стихотворенія. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
Яхонтѣвъ, А. Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
Юсуповъ, Н. Б. Тайна. 3 изданіе. Спб. Ц. 80 к.

Юридическія науки, политика, статистика.

Алекстевъ, А. С. проф. Связь политической доктрины Ж. Ж. Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы. М. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
Боровниковскій А. Уставъ гражданского судопроизводства, съ объясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассац. департ. Прав. Сената. Вып. 6-й. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
Выдринъ, В. И. Сборникъ узаконеній по нотаріальной части. Изд. 2-е, со всѣми позднѣйшими измѣненіями и дополненіями. Кіевъ. 1887 г. Ц. 3 р.
Дманшівель, Г. Р. Веденіе неправыхъ дѣлъ (згюдь по адвокатской этикѣ). 2-е дополн. изд. М. 1887 г. Ц. 60 к.
Зохановъ, Н. Матеріалы къ вопросу о пониженіи пошлины на привозный сахаръ. Кіевъ. 1886.
Кирпичниковъ, Н. За три мѣсяца: апрѣль, май и іюнь 1886 г. Справочный сборникъ для мировыхъ судей, судебныхъ приставовъ и повѣренныхъ. Псковъ. 1886. Ц. 30 к.

Сборникъ матеріаловъ и документовъ по дѣлу о возстановленіи нарушеннаго владѣнія въ имѣніи павловскихъ старожильцовъ воронеж. г. I. Спб. 1887. Ц. 80 к.
Судейминъ, В. Разсчетныя палаты и ихъ устройство. Спб. Ц. 40 к.
Его же Прямые налоги и ихъ орган. по Франціи. Спб. Ц. 1 р.
Успенскій, Ѡ. И., проф. Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшею. 1581—1587 г. О. Ц. 75 к.
Ходскій, Л. В. Политическая экономія въ связи съ финансами Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополнен. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
Цитовичъ, П. Курсъ вексельнаго права. К. Ц. 2 р. 75 к.
Яроцкій, В. Г. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Ч. I. Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія, Географія, Этнографія, Путешествія.

Архивъ князя Воронцова. Кн 33. М. 1887 г. Ц. 3 р.
Богуславскій, Н. А. Волга, какъ путь сообщенія. Съ чертеж. Спб. 1887. Ц. 2 р.
Бѣлинъ, С. Учебникъ топографическаго черченія. М. 1887 г. Ц. 50 к.
Вернъ, Ж. Гекторъ Сервадакъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ. М. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи. Томъ XV, № 1, изданный подъ ред. И. В. Мушкетова. Спб. 1886.
Томе. № 2. Поляковъ, И. С. Физико-географическое описаніе юго восточной части олонцкой губ. Спб. 1886.

Томе. № 3. Черскій, И. Д. О результатахъ изслѣдов. озера Байкала. Спб. 1886.
Томе № 6. Савельевъ, Д. Объ устройствѣ термометровъ для опредѣленія температуры и влажности воздуха.
Томе. № 7. Никольскій, А. М. Поѣздка въ сѣверовосточную Персію и Закаспійская область.
Иловайскій, Д. И. Новая исторія въ переводѣ на французскій и нѣмецкій языки. Съ словаремъ и примѣчаніями. М. 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
Нобеко, Д. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе. Изданіе 3-е, дополн. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Мериме, П. Вареоломеевская ночь. Истор. хроника Ц. 1 р.

Мищенко, Ф. Г. Фукидидъ. Исторія пелопонесской войны, въ 8 книгахъ. Переводъ съ греческаго, съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Т. I. М. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к.

Труды VI Археолог. съѣзда въ Одессѣ Т. I. О. Ц. 10 р.

Уварова Гр. Кавказъ. Путевыя за-мѣтки. М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Функе, Ю. Учебникъ всеобщей исто-ріи. Новая исторія. Киевъ. 1887 г. Ц. 1 р.

Технологія, Сельское хозяйство, Бухгалтерія.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопле-ніи паровыхъ котловъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Бронншъ, А. и В. Фишеръ. Краткое руководство къ строительному искус-ству. Выпускъ 2-й. Спб. 1887 г. Ц. съ атласомъ чертежей 1 р. 40 к.

Бѣлелюбскій Н. А., Богуславскій Н. Б. Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисления вѣса частей желѣз-ныхъ сооружений. Изд. 2 Спб. Ц. 85 к.

Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности. 1885 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. II. Съ 2 раскраш. картами. Спб. 1886.

Мудряцевъ, Инж. Н. Новый автома-тическій качат. гребной винтъ системы Н. Ягнъ. Спб. Ц. 1 р.

Крымжановскій Д. Самоч. Гальваноп. X. Ц. 75 к.

Новыя правила о производствѣ на дрожжево-винокуренныхъ заводахъ су-хихъ дрожжей и спирта. М. 1887. Ц. 30 к.

Петровъ, Н. Треніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости. Практическіе результаты опытовъ и гидродинамической теоріи, съ примѣне-ніемъ въ желѣзнымъ дорогамъ и бума-гопрядильнымъ. Спб. 1887. Ц. 1 р. 20 к.

Тинше, Ив. Практич. курсъ паровыхъ машинъ. Т. II. съ атл. Ц. 6 р. 50 к.

Тихомировъ. Технологія шерстяного производства кн. I. Проиэв. суконнаго полотна М. Ц. 9 р. съ атласомъ.

Амичсъ-Де, Э. Апеннинны и Анды. Разсказъ для дѣтей. Спб. 1887 г. Ц. 30 к.

Педагогія, дѣтскія книги.

Герцбергъ, Л. Самоучитель француз. языка пометоду Охлендорфа. Изд. 5. Спб. 1887 г. Ц. вмѣстѣ съ ключомъ 1 р. 25 к.

Гудъ, В. Сборникъ статей для пере-водовъ съ русскаго языка на англий-скій, съ прилож. и словаремъ. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣтскіе пріюты. Справочная книжка для лицъ, имѣющихъ надобность помѣ-щать дѣтей въ пріюты. Издан. конторы довѣреннаго С. П. фонъ-Дервизъ, по

благотворит. дѣламъ. Вып. I й. Спб. 1886 г. Ц. 20 к.

Ночь-Мурлыма. Повѣсти, сказки и разсказы. Т. I. Спб. 1887 г. Ц. 1 р 75 к.

Селъманова, Е. Н. Дѣтскія піесы. М. 1887 г. Ц. 60 к.

Шерешетевскій, Вл. Страничка изъ методики элементарной грамматики род-ного языка. М. 1887 г. Ц. 50 к.

Штроффъ. Уходъ за ребенкомъ Спб. Ц. 50 к.

Медицина, Естественныя науки.

Бецъ, В. А. проф. Морфологія остео-генеза. Систематическій очеркъ исторіи развитія и роста костей человѣка. Ки-евъ. 1887 г. Ц. 2 р. 25 к.

Vinz, C. Лекціи фармакологіи. Вып. 2-й. Спб. 1887 г. 2 р. 50 к.

Боткинъ С. П. Клиническія лекціи Вып. II. Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

Werner O. Dr. Массажъ, его техника, примѣненіе и дѣйствіе Спб. 1887. Ц. 60 к.

Вильчуръ. Врачъ. Къ этиологіи и кли-нической бактериологіи брюшного тифа. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Гофманъ Эд. Учебникъ судебной ме-дицины. Перев. съ 3-го дополнен. из-данія, подъ редакціею проф. И. М. Со-рокина Спб. 1887 г. Ц. 4 р.

Dujardin-Beaumez, Dr. Новые спо-собы леченія. Терапевтическія бѣсѣды въ больницѣ Соспін, 1884—1885. Съ 7 рис. въ текстѣ. Перев. съ франц. д-ра В. К. Панченко. Спб. 1886. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія геологическаго комитета. 1887 г. Т. VI. № 1-й. Спб. Ц. отдѣльн. № 35 к.

Каченовскій, Л. Врачъ. О задачахъ физическаго воспитанія. Составлено по сообщенію проф. И. Лесгафта. Спб. 1887 г. Ц. 15 к.

Клеменъ, Д. Древности минусин-скаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ. Томскъ. 1886. Ц. съ атл. 2 р. 50 к.

Крестьянскій Я. С. Заразы и чахотка. X. Ц. 2 р.

Martineau, L. Бленноррея у женщинъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Материалы къ оцѣнкѣ земель нижегородской губ. Работа исполнена подъ непосредственнымъ руководствомъ проф. В. В. Довучаева.

Томе. Вып. I. Главные моменты въ исторіи оцѣнокъ земель, Европейской Россіи. съ классификаціей русскихъ почвъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томе. Съ вып. II по вып. XII включительно. Уѣзды нижегородской губ. Цѣна каждому вып. 50 коп.

Томе. Вып. XIII. Геологическое описание нижегородской губ. съ очеркомъ полезныхъ ископаемыхъ и геологическою картою Ц. 3 р.

Томе. Вып. XIV. Почвы, растительность и климатъ нижегородской губ. съ почвенною картою Ц. 3 р.

Надеждинъ, А. И. Физическія изслѣдованія. К. Ц. 1 р. 50 к.

Савченко. Д-ръ. Атласъ ядовитыхъ рыбъ Спб. Ц. 10 р.

Соронинъ, Н. Прѣсноводный авариумъ. Изд. 2-е переработан. М. Ц. 1 р.

Субботинъ. Общая хирург. патологія и терапія. Вып. I. X. Ц. 75 к.

Умке, Ю. Проектъ преобразованія гражданскихъ врачебныхъ учреждений. Спб. 1887 г. Ц. 60 к.

Флоринскій, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1887 г. Ц. 4 р.

Цимисень. Врачъ и врачбн. обязанности. О. Ц. 25 к.

Юргенсень, Т. Д-ръ. Руководство частной патологіи и терапіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на леченіе. Вып. 1-й. М. 1887 г. Ц. 1 р.

Фоминъ, А. И. Сборникъ анализовъ воды источниковъ кавказскихъ минеральныхъ водъ съ 1867 по 1886 г. Пятигорскъ. 1887 г.

Математика, Физика, Химія, Астрономія.

Бобынинъ, В. В. Изслѣдованія по исторіи математики. I. М. 1887 Ц. 25 к.

Ващенко-Захарченко, М. Е. Аналитическая геометрія двухъ и трехъ измѣреній. Кіевъ. 1887 г. Ц. 5 р.

Беребрюсовъ, А. Элементарная гео-

метрия и приложение алгебры къ геометріи. Харьковъ. 1887 г. Ц. 75 к.

Клейберъ, I. А. Предстоящее полное солнечное затмѣніе 7-го августа 1887 г. Спб. Ц. 40 к.

Таблицы сравненія иностр. мѣръ, монетъ и вѣса съ русск. О. Ц. 80 к.

Военное и Морское дѣло.

Абаза, Н. И. Общедост. военно-историч. хрестом. Кн. II. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Крейсеръ, А. Н. „Русская Надежда“. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Бентоковскій, I. В. Императоръ Александръ II въ ниже-фарскомъ отрядѣ, на сѣверозападномъ Кавказѣ, въ 1861 г. Спб. 1887 г. Ц. 30 к.

Потто, Б. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и биографіяхъ. Т. I. Издан. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 6 р.

Чичаговъ, Л. М. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи въ 1877 году. Изд. 2-е. Спб. 1887. Ц. 3 р. 50 к.

Смѣсь.

Альбомъ рисунковъ для вышиванія. Спб. Ц. 1 р.

Глацинтовъ, Н. Основанія организаціи тарифнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ. М. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дворецъ въ Лѣтнемъ саду. Опись предметамъ, имѣющимъ преимущественно художественное значеніе. Спб. 1886.

Перфильевъ, М. Очерки фабр. заводск. быта въ Россіи. Спб. Ц. 75 к.

Рафаловичъ, Л. А. Акціонерные бан-

ки, ихъ операціи и балансы. Популярное изложеніе. Спб. 1887 г. Ц. 75 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ и о таможенныхъ сборахъ за 1886 г. Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

Чичинадзе, Д. В. Государственный земельный банкъ. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Шимшаревъ, В. В. Курскъ кройки. Спб. Ц. 2 р.

Щербановъ, И. Н. Русскій спиртъ, какъ предметъ вывоза. Спб. 1887. Ц. 75 к.

ВЪ „РУССКОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ“

(Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., д. № 108).

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Князь Серебряный. Сокращено изъ романа гр. А. К. Толстого Е. Свѣшниковой. Спб. 1886 г., ц. 20 к. Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Сборникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Классное пособие для начальныхъ училищъ, 2 и 3 учебные годы. Составила А. Пѣехонова. Спб. 1886 г., ц. 25 к. Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ употребленію въ народныхъ училищахъ, какъ классное пособие.

Товарищъ. Книга для первоначальнаго чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. По руководству „Русское правописаніе“ Грота. Составилъ Д. Поповъ. Изд. 2-е. Спб. 1885 г., ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена какъ учебное пособие для чтенія и орфографическихъ упражненій въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныхъ училищахъ.

Товарищъ. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Первый годъ. Составилъ Д. Поповъ. Спб. 1886 г., ц. 35 к.

Обзоръ дѣтской литературы. Выпускъ I. Книги изданныя въ 1883 г. Составленъ кружкомъ учащихся подъ редакціей В. М. Гаршина и А. Я. Герда. Спб. 1885 г., ц. 60 к.

Тоже. Выпускъ II. Книги изданныя въ 1884 г. Спб. 1886 г., ц. 40 к.

„Василекъ“, „Глѣдышко“, „Зарница“. Сборники для дѣтей изъ журнала „Воспитаніе и обученіе“. Спб. 1886 г., ц. по 1 р. и въ папкѣ по 1 р. 25 к.

Сказки Топелиуса. Спб. 1882 г., ц. 1 р. 50 к.

Стрѣльцы. Сокращено изъ романа Масальскаго С. Брагинской. Спб. 1886 г. цѣна 20 коп.

Какъ поддерживается жизнь человѣческаго тѣла. Съ рисунками въ текстѣ и двумя отдѣльными раскрашенными таблицами. Составилъ Л. Москалевъ. Спб. 1885 г., ц. 15 к.

Васурманъ. Сокращенъ изъ романа Лажечникова. Е. Свѣшниковой. Спб. 1886 г., ц. 20 к.

Бродовскій, М. Руководство къ стихосложенію. Спб. 1887 г., ц. 80 к.

„Для родителей“: 1) Задачи физическаго образованія въ школахъ Проф. П. Лесафта. 2) Нравственное воспитаніе ребенка, съ точки зрѣнія современной науки. Общедоступный этюдъ Л. Е. Оболенскаго. 3) Значеніе женщины въ дѣлѣ воспитанія А. Сахаровой. 4) Заневаніе и его леченіе. Э. А. Андреса. 5) Библиографическія замѣтки. Спб. 1887 г., ц. 50 к.

Журналъ для дѣтей. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе за 1886 г., ц. 5 р.

Кокоревъ, И. Т. Саввушка, рассказъ изъ народной жизни. М. 1886 г., ц. 20 к.

Незеленовъ, А. И. Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 29 января 1887 г. Спб. 1887 г., ц. 15 к.

Некрасовъ, Н. Сборникъ арифметическихъ правилъ, примѣровъ и задачъ. Спб. 1887 г., ц. 15 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-библиографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней), вышло 4 вып., п. за каждый выпускъ 85 коп.

Книги протоіерея П. Смирнова:

Церковно-приходская школа. Упадокъ ея на Западъ Европы и значеніе для Россіи, ц. 20 к.

Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Учебникъ для народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ, ц. 20 к.

Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ, ц. 30 к.

Священная исторія Вѣтхаго о Новаго завѣта въ объемѣ курса гимназій и реальныхъ училищъ. Двѣ книги, ч. 1 ѳ 60 к., 2-ѳ 40 к.

Исторія христіанской церкви—курсъ VI класса гимназій и реальныхъ училищъ ч. 1 р.

„Изложеніе вѣры“ и „Ученіе и Надеждѣ и Любви“—опытъ повторенія Катихизиса съ дополненіемъ изъ Богословія, 2 выпуска, ч. каждому 60 к.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РОДНИКЪ“

А. Изданія для дѣтей.

„Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома“ (Жизнь Д. Гарфилда). Составилъ Е. Сисоева съ карт. Н. Каразина, въ цвѣтной папкѣ, ч. 1 р. 30 коп.

Аптеа. Повѣсть изъ древне-греческой и римской жизни. Е. Сисоевой. Съ картинками, ч. 60 коп.

„Мірскіе Захребетники“ Профессора М. Богданова. Съ рис., ч. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к.

„Иванъ Ивановичъ и №“. Повѣсть А. Круглова. Съ картинк., ч. 80 коп.

Аршія и Назани. Разсказъ съ силуэтами, ч. 35 к. въ перел. 70 к.

„Лаача“. Очерки изъ жизни вогуловъ. Л. Симоновой. Съ рисунк., ч. 40 к.

„Эве“. Очерки изъ жизни остяковъ. Л. Симоновой. Съ рисунк., ч. 50 к.

Христофоръ Колумбъ. Е. Григоровой. Съ рис., ч. 30 коп.

Иванъ Нулибинъ. Разсказъ. Е. Альмедингенъ. Съ портр., ч. 15 коп.

Федоръ Слѣпушкинъ. Тоже. Съ портр. и картинкой, ч. 20 коп.

Нижній-Новгородъ. Очеркъ Е. Альмедингенъ. Съ картинкой, ч. 15 к.

Св. Кириллъ и Меодій. Очеркъ. А. Шалыгина. Съ 3 карт., ч. 10 к.

„На Святую Гору“. Описаніе жизни въ Аѳонскихъ обителяхъ. А. Сахарова. Съ 8 картинк. автора, ч. 20 к.

„Отроческіе годы Пушкина“. Біографическая повѣсть В. Авенариуса. Въ папкѣ 1 р. 50 к., въ бум. 1 р. 25 коп.

Жизнь и подвиги Иннокентія, проповѣдника Евангелія среди дикихъ. Е. Сисоевой. Съ портретомъ и картинкой, ч. 20 к.

Для дѣтскаго театра: „Котъ, козель и баранъ“, комедія въ 3-хъ картинахъ. Стихи И. Калашникова. Съ рисунк., ч. 20 к.

„Нотъ, Нозель и Баранъ“. Опера для дѣтей. Музыка Н. Брянскаго, ч. 2 р.

Русская Исторія въ рисункахъ. 12 картинъ худ. А. Земцова. Съ краткимъ текстомъ, ч. 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 25 к.

„По русской землѣ“. 10 картинъ Н. Каразина и очерки А. Воронцова, ч. 1 р.

Б. Педагогическія изданія.

„Воспитаніе умственное, нравственное и физическое“. Герб. Спенсера. Переводъ Е. Сисоевой. 2-е изд., ч. 85 к.

„О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей“. Д-ра Бриггемъ, ч. 50 к.

„О звуковыхъ ощущеніяхъ“. Соч. Маха, ч. 75 к.

Характеристики дѣвочень. К. Ельницкаго. 2 выпуска., ч. 40 к. за каждый.

Начальный курсъ географіи. К. Ельницкаго, ч. 30 к.

Ирталій обзоръ растительнаго царства. Профессора Д. Кайгородова. Съ мног. рис., ч. 70 коп.

„Воспитаніе и Обученіе“ за 1885 г. Педагогическій сборникъ, выходившій подъ завѣдан. В. Обругорскаго, ч. 1 р.

„Воспитаніе и Обученіе“ за 1886 г. Листокъ, посвященный критикѣ книгъ для дѣтей и народа, ч. 1 р.

„Русскій книжный магазинъ“ имѣетъ въ продажѣ преимущественно учебныя, народныя, дѣтскія и педагогическія книги, пособія по всѣмъ предметамъ школьнаго курса, а также письменныя принадлежности. Магазинъ принимаетъ заказы на классную мебель, беретъ книги и учебныя пособія на комиссію и организуетъ домашнія дѣтскія бібліотеки и бібліотеки для народныхъ школъ.

При магазинѣ складъ изданій редакціи журнала „Родникъ“, „Народной бібліотеки“ и др.

Примчаніе. Магазинъ покорнѣе проситъ гг. авторовъ и издателей дѣтскихъ, учебныхъ и педагогическихъ книгъ доставлять по 3 экз. своихъ изданій; причитающіяся за книги деньги будутъ немедленно уплачены.

ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

НОВАЯ КНИГА:

„МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ“

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ)

К. БАРАНЦЕВИЧА.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп. Складъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Спб., Невскій проспектъ.

Того-же автора: „ПОДЪ ГНЕТОМЪ“, „ПОРВАННЫЯ СТРУНЫ“ и др. рассказы.

„ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО“

АВТО-БИОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Н. ГИЛЯРОВА—ПЛАТОНОВА.

ДВѢ ЧАСТИ, 45 ЛИСТОВЪ, НА ЛУЧШЕЙ ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ.

Содержаніе книги, имѣющей цѣль „бытовую, педагогическую и психологическую“, извѣстно публикѣ отчасти по отдѣльнымъ главамъ, печатаннымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Дѣлѣ*, а также по отзывамъ, которые во всѣхъ журналахъ и газетахъ, почти безъ исключенія (*Сѣверномъ Вѣстникѣ*, *Русской Мысли*, *Новомъ Времени*, *Новостяхъ*, *Петербуржскихъ*, *Московскихъ* и *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Южномъ Краѣ*, *Южанинѣ* и другихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ), являлись постоянно, вслѣдъ за выходомъ книжекъ *Русскаго Вѣстника* съ главами *Пережитаго*.

Настоящее изданіе заключаетъ болѣе десяти главъ, еще не бывшихъ въ печати; напечатанныя же прежде вновь просмотрѣны и дополнены.

Цѣна за двѣ части 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Главный складъ въ Товариществѣ М. Г. Кувшинова, въ Москвѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ“

въ 1887 (второмъ) году.

(Съ 1-го ноября 1886 по 1-е ноября 1887 г.).

„Сельскій Хозяинъ“, издается безъ предварительной цензуры, подъ редакціей К. И. Масляникова (землевлд. рязанск. губ., с—да Рюмки), по слѣдующей программѣ: *Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и мурководство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ, охота. Сельскохозяйственная технология, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библиографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезныя адресы. Объявленія.*

Имѣніе редактора-издателя, сельцо Рюмки, служитъ опытнымъ полемъ редакціи „Сельскаго Хозяина“. Въ изданіи принимаютъ участіе, попрежнему, извѣстные спеціалисты и хозяева-практики.

Годовые подписчики получаютъ, немедленно по высылкѣ подписной суммы, бесплатное приложеніе: большую и изящную хромолитографію многими красками (подражаніе акварели), изображающую (по Врайту) главнѣйшія породы куръ и гусей (картина имѣетъ 27 дюйм. длины и 19 дюйм. ширины). Описание изображенныхъ породъ будетъ помѣщено въ журналъ въ теченіе ноября. Полугодовые подписчики получаютъ это приложеніе только по присылкѣ въ срокъ (до 1-го мая) подписной платы за второе полугодіе.

НВ. Хромолитографія будетъ высылаема на скалѣ, въ тщательной укупоркѣ, и только по полученіи 21 к. деньгами или марками.

НВ. Кромѣ того, втеченіе года будутъ приложены бесплатно: 1) различныя сельскохозяйственныя сѣмена, 2) главнѣйшіе типы породъ молочнаго скота, 3) архитектурные проекты: а) малаго станціоннаго элеватора, б) зерносушилки, в) виннаго погреба, г) молотильнаго и мельничнаго сарая съ вѣтрянымъ двигателемъ и д) сельской школы. Въ объявленіяхъ журнала будутъ печататься таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

Цѣна: на годъ: безъ перес. и дост. 5 р., съ дост. въ Спб. 6 р. 50 к., съ перес. иногороднымъ 6 р.; на полгода: безъ дост. 3 р., съ дост. въ Спб. 4 р., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магазин. Россіи. *Иногородные адресуются: въ редакцію журнала „Сельскій Хозяинъ“ (Спб., Знаменская ул., д. 43, кв. 4), въ книжныя магазины „Новаго Времени“ (въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ), въ контору объявленій Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи), въ комисіонерство „Работникъ“ (Спб., Москва, Кіевъ).* *Городскіе подписчики приглашаются въ главную контору редакціи—при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.*

Полныя экземпляры „Сельскаго Хозяина“ за 1886 г. (съ 1-го ноября 1885 г.) всѣ распроданы. Теперь можно получить журналъ за 1886 г. лишь безъ нѣкоторыхъ первыхъ номеровъ, но со всѣми приложеніями отъ редакціи, по слѣдующей уменьшенной цѣнѣ съ пересылкой: а) безъ № 2 и безъ № 2-го и 5-го за 5 р. 50 к., б) безъ 2, 4 и 5-го—и безъ 2—5-го—5 р., в) безъ 2-го, 5-го и 7-го и безъ 2—7-го 4 р. 50 к. и г) безъ 2, 7 го и 9-го и безъ 2—9-го 4 р.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Русскій Курьеръ выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по слѣдующей программѣ:

I. Постановленія и распоряженія правительства. II. Обзоръ политическихъ событий и общественной жизни, обсужденіе „вопросовъ дня“. III. Хроника: извѣстія—придворныя, военныя, научныя, литературныя, художественныя, театральныя, музыкальныя, торговыя и др. Біографія и некрологи. IV. Телеграммы. V. Московскій дневникъ VI. Мнѣнія русской и иностранной печати по текущимъ вопросамъ. VII. Жизнь Россіи: народное образованіе, земство, городское и крестьянское самоуправленіе, промышленность и торговля; корреспонденція изъ Россіи; извлеченія изъ журналовъ и газетъ. VIII. Иностранныя извѣстія: корреспонденція изъ за границы; извлеченія изъ иностранныхъ газетъ. IX. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, очерки, рассказы, сцены, стихотворенія. X. Фельетонъ: обзоръ явленій внутренней жизни; литературная лѣтопись; обзоръ журналовъ; историческій лѣтокъ; научная хроника; хроника заграничной жизни; театр и музыка. XI. Критико-библиографическій отдѣлъ: статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности. XII. Судебная хроника: судебные процессы. XIII. Разныя извѣстія: случаи, анекдоты и проч. XIV. Справочный отдѣлъ: свѣдѣнія—биржевыя, желѣзнодорожныя, театральныя и отвѣты редакціи. XV. Объявленія.

Примѣчанія: 1-е. Въ „Русскомъ Курьерѣ“ помѣщаются ежедневно, исключая дней послѣ праздничныхъ и табельныхъ: „политическое обозрѣніе“, фельетоны и передовыя статьи по текущимъ вопросамъ и славянскому. 2-е. Съ 19-го ноября с. г. количество матеріала въ газетѣ увеличено приблизительно на четыреста строкъ. 3-е. Съ новаго года, кромѣ того, самый размѣръ газеты значительно увеличится и прибавится до 600 строкъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москву: на годъ 9 р., на 6 м. 5 р., на 3 м. 2 р. 75 к., на 1 м. 1 р. 10 к. Съ пересылкою во всея города: на годъ 10 р., на 6 м. 6 р., на 3 м. 3 р., на 1 м. 1 р. 25 к. За границу: на годъ 20 р., на 6 м. 12 р., на 3 м. 6 р., на 1 м. 2 р. 50 к.

1. Отдѣльные №№ изъ конторы изданія и у разносчиковъ—по 5 коп. 2. Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года. 3. Гг. иногородные, при возобновленіи подписки, благоволятъ присылать свой печатный адресъ. 4. За перемѣну адреса городского и иногороднаго—30 коп. При перемѣнѣ городского на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ подписки.

ТАРИФЪ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ: За строку петита илч за мѣсто, занимаемое ею: На первой страницѣ 20 коп. за стр. — На четвертой страницѣ 10 коп. за стр.

1. За украшеніе объявленій взимается прибавка 10% съ суммы стоимости объявленій. 2. Доставляющимъ значительное число объявленій дѣлается уступка. 3. Лицамъ, ищущимъ мѣста или занятій, контора „Русск. Кур.“ печатаетъ объявленія со скидкой 30%, а предлагающимъ давать уроки 50% противъ тарифа. 4. Объявленія библиографическія, рекламы, объ уничтоженіи довѣренностей, о потеряхъ, объ умершихъ, о желаніи давать уроки, о медицинскихъ средствахъ и т. п. принимаются не иначе, какъ съ засвидѣтельствомъ подлежащаго начальства.

Контора изданія открыта по буднямъ отъ 9 до 5 ч., а по праздникамъ отъ 10 до 4 ч., редакція же—отъ 1 до 3 ч.

Редакторъ-Издатель Н. П. Ланинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1887 году. Подписная цѣна:

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб 60 коп.	На годъ	12 руб.
полгода	4 " 80 "	полгода	6 "
" три мѣсяца	2 " 40 "	" три мѣсяца	3 "
" мѣсяць	— " 80 "	" мѣсяць	1 "

Заграничу (подъ бандеролью): на годъ 15 руб. (2⁰ гульд. или 40 франковъ), полгода 7 руб. 50 коп. (10 гульд., 20 фран.), три мѣсяца 3 руб. 75 коп. (5 гул. 10 франк.), мѣсяць 1 р. 25 к. Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ *конторъ редакціи* (Варшава, Медовая, № 20), а также въ *книжные магазины* Н. П. КАРВАСНИКОВА, въ С. Петербургѣ, Литейный пр., № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ *Варшавѣ*, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни, редакция старается выпустить номера и по праздничнымъ днямъ. Задача „Варшавскаго Дневника“ быть вразительнымъ и интереснымъ населенію этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Редакторъ-издатель *И. А. Кулаповскій*.

1887.

ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

XXIX.

НА 1887 Г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

литературно-юмористическій съ раскраш. карр. журналъ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

50 ЕЖЕНЕД. НУМЕРОВЪ БОЛЬШАГО ФОРМАТА 50

25 ДВУХНЕД. ХУДОЖЕСТВЕНН. ПРИЛОЖЕНІЙ 25

исполненныхъ красками, какъ-то: народныя типы, иллюстраціи къ произведеніямъ знаменитыхъ русскихъ авторовъ и т. п.

12 ЕЖЕМѢС. ОРИГИН. МУЗЫКАЛЬН. ПРИЛОЖ. 12

соч. А. С. Германъ, А. А. Опель, Я. Ф. Пригожаго и друг.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ

„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛА“

(ПАНОРОТНИКЪ ЦВѢТЕТЬ!)

Оригиналъ этой эффектной картины исполненъ по заказу редакціи известнымъ художникомъ К. В. Лебедевымъ. Длин. 19 верш., высота 13 верш. Несмотря на значительное возвышеніе почтовой таксы, гдѣна *Развлеченія* на 1887 годъ остается та-же. т. е. съ пересылкой и доставкой: *на годъ* 6 руб., *полгода* 4 р. и *на три мѣсяца* 2 руб.

Годовне и всѣ полугодовне подписчики журн. *Развлеченіе* на 1887 г. получаютъ *бесплатно*, кромѣ вышепоименованныхъ приложеній, и премію „Ночь на Ивана Купала“, на укупорку и пересылку которой просить прилагать четыре инокородныхъ марки или 30 коп. деньгами.

Адресъ Конторы журн. „Развлеченіе“: Москва, Чистые пруды, д. Эшлае.

Редакторъ-издатель *И. Щербова*.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ“

ВЪ 1887 ГОДУ

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

посвященная изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ Политики, Наукъ и Общественной жизни на русскомъ Востоку, въ Сибири и Туркестанѣ.

Цѣна газеты на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

При газетѣ принимаются объявленія по 15 к. за строку на послѣдней страницѣ и по 30 коп. на первой.

Адресъ редакціи и конторы газетъ: Въ С. Петербургѣ, Кавалергардск., д. 20, кв. 3. Подписка принимается также въ Томскѣ, въ редакціи „Сибирской Газеты“ и книжномъ магазинѣ П. И. Макушина, и въ Иркутскѣ, въ редакціи газеты „Сибирь“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2. Отдѣлъ официальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востоку. 4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5. Политическія извѣстія общія и въ частности азіатскихъ азіатскихъ странъ. 6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ. 7. Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востоку, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8. Литературное обозрѣніе—критика и библиографія, особенно—сочиненій объ Азіи. Измеченія и переводы. 9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10. Фельетонъ. 11. Судебная хроника. 12. Виржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскіяхъ и азіатскихъ рынкахъ. 13. Объявленія казенныя и частныя.

Впродолженіи пяти истекшихъ лѣтъ въ газетѣ помѣщались статьи, касающіяся главныхъ вопросовъ края: его администраціи, экономической жизни, поземельнаго вопроса, переселенческаго, ссыльнаго и инородческаго вопросовъ, городского и сельскаго самоуправленія, вопроса о золотопромышленности и другихъ, причемъ особое вниманіе изданія было обращено на положеніе крестьянскаго дѣла въ Сибири. Газета, посвятившая себя ознакомленію русской публики съ Сибирью и Востокомъ, какъ спеціально изслѣдованію Сибири во всѣхъ отношеніяхъ, старалась сгруппировать лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей. Въ изданіи принимали участіе: А. В. Адриановъ, Д. Н. Анучинъ (профессоръ), В. И. Вагнъ, В. П. Васильевъ (профессоръ), протодіакона П. Вербицкій, М. Г. Гребенщикова, П. М. Головачевъ, О. А. Дейхманъ, Я. П. Дуброва, Д. М. Завалишинъ, А. К. Завитковъ, М. В. Завоскинъ, М. С. Знаменскій, С. Я. Капустинъ, А. Н. Красновъ, Петропавловскій (Каролинъ), Е—нъ, В. Лесевичъ, Я. А. Маеровъ, С. В. Максимовъ, Д. Н. Маминъ (Д. Сибирякъ), К. П. Михайловъ, В. М. Мижневъ, Н. И. Наумовъ, Нелюбинскій, П. Ф. Николаевъ, А. В. Оксеновъ, В. А. Пановъ, Л. Ф. Пантелеевъ, Э. Ю. Петри (профессоръ бернскаго университета), Петровичъ, М. Я. Писаревъ, И. С. Поляковъ, Г. Н. Потанинъ, А. В. Потанина, А. М. Позднеевъ (профессоръ), А. С. Прудавинъ, В. В. Птицынъ, М. В. Пивцовъ, В. В. Радловъ (академикъ), В. И. Семевскій, И. Я. Словоцовъ, И. Я. Фойницкій (профессоръ) и другіе. Въ нынѣшнемъ году намъ общаю участіе новыхъ сотрудниковъ, а именно: Г-н. **НЕЛЬМИНА** и **КОРОЛЕНКО**.

ГАЗЕТА ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРАВОМЪ ВЫПУСКАТЬ ЕЖЕГОДНО ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ 1885 г. былъ выпущенъ „ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ“, въ отдѣльной продажѣ стоющій 2 р. 50 к., для подписчиковъ 1887 года 2 р.

Въ 1886 г. приложенія состоятъ изъ четырехъ книгъ „СИБИРСКАГО СБОРНИКА“, въ отдѣльной продажѣ стоющихъ 5 р., для подписчиковъ 1887 г.—3 р.

Изданіемъ этихъ приложеній мы желали положить начало болѣе капитальной литературѣ и содѣйствовать развитію областной журналистики. Мы надѣемся періодически продолжать изданіе этихъ приложеній, о чемъ своевременно будемъ дѣлать объявленія.

Редакторъ издатель Н. Ядринцевъ.

Какъ инныя богатѣютъ.

Разсказъ Гэрри Алисъ.

Чета Мюротонъ болѣе двадцати лѣтъ торговала такъ-называемымъ „краснымъ товаромъ“ на рыночной площади въ Ларси. Узкая и темноватая ихъ лавочка съ вывѣской, на которой желтыми буквами по черному полю красовались слова: „Продажа шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и иныхъ товаровъ“, хорошо была знакома какъ городскимъ обывательницамъ, такъ и женамъ подгородныхъ фермеровъ. Дамы эти большею частью по понедѣльникамъ цѣлыми гурьбами являлись въ лавку и, безцеремонно, совсѣмъ по-домашнему разсѣвшись передъ прилавкомъ, по цѣлымъ часамъ торговались изъ-за cadaго сантима.

Все дѣло по торговлѣ вела хозяйка, уже далеко не молодая бѣлокурая женщина, до того маленькая и тщедушная, что глядя на ея мизерную наружность, никакъ нельзя было заподозрить, чтобы въ этомъ слабомъ тѣлѣ таилась такая бездна неутомимой энергiи. Хозяинъ же благоволилъ помогать женѣ только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ, а именно — во время ярмарокъ или когда въ базарный день съѣздъ фермеровъ бывалъ уже черезчуръ великъ; да и тутъ расплывшійся лавочникъ, не снимая съ головы шляпы и не выпуская изо рта трубки, до того неловко и неумѣло отпиривалъ и завертывалъ проданные товары, что его скорѣе можно было принять за диллетанта, случайно взявшагося за дѣло, чѣмъ за настоящаго торговца. Все остальное время онъ прохлаждался на площади, закинувъ руки за спину, ежеминутно покуривая неизмѣнную свою пѣнковую трубочку-носогрѣйку и болтая съ сосѣдями: часовщикомъ Лиме, красильщикомъ Брѣтю, или съ кѣмъ-нибудь изъ прохожихъ. Каждый понедѣльникъ онъ разражался рѣзкимъ негодованiемъ противъ санкуэнскихъ купцовъ, являвшихся торговать въ палаткахъ около церкви

и, по его словамъ, приносившихъ вредъ мѣстной коммерціи. Иногда, впрочемъ, Мюротонъ заходилъ въ кофейню „Вселенная“, находившуюся въ его домѣ, и, злоупотребляя правами домовладѣльца, читалъ тамъ газету „Вѣкъ“, ничего не спрашивая за буфетомъ.

— Довольно и одной кружки пива послѣ обѣда, — говаривалъ онъ: — ѣсть и пить въ кофейныхъ раззорительно для кармана.

Благодаря такой невозмутимо-блаженной жизни, Мюротонъ мало-по-малу отростилъ себѣ брюшко; пухлое лицо его испещрилось синебагровыми жилками, и самъ онъ заслужилъ репутацію одного изъ почтеннѣйшихъ гражданъ Ларси. Онъ ежегодно бралъ билетъ на право охоты въ общественномъ лѣсу и въ общественныхъ болотахъ, даже собаку держалъ, хотя никогда на охоту не ходилъ, и вѣроятно давно уже былъ бы членомъ муниципальнаго совѣта, еслибы не встрѣтилъ сопротивленія со стороны жены.

— Что хочешь дѣлай, — говорила она, — только въ политику не вмѣшивайся! Держать себя въ совѣтѣ совсѣмъ особнякомъ нельзя; придется непременно примкнуть или къ краснымъ, или къ клерикаламъ, а къ кому ни примкни, противная партія разсердится и перестанетъ забирать товаръ у насъ въ магазинѣ.

Мюротонъ свято исполнялъ завѣтъ жены; когда же иной разъ въ кофейнѣ разговоръ при немъ касался какого-нибудь жгучаго политическаго вопроса, онъ или принимался посвистывать, или улыбался загадочной улыбкой, но не высказывался открыто ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи.

За нѣсколько времени до начала разсказа чета Мюротонъ передала торговлю другому лицу, а сама удалилась въ собственный свой домъ, стоявшій на такъ-называемый Большой улицѣ. Состояніе у нихъ было довольно кругленькое: помимо капитала, помѣщеннаго въ государственный банкъ на имя неизвѣстнаго, до выше-названнаго дома, въ которомъ находились кофейня „Вселенная“ и меблированныя комнаты, у нихъ на краю города былъ еще довольно значительный участокъ земли съ усадьбой, именуемый „помѣстьемъ Билло“. Съ такими средствами жить было можно, какъ выражался самъ владѣлецъ.

Одно только огорчало бывшаго торговца краснымъ товаромъ, а именно то, что онъ не могъ самъ „эксплуатировать“ свое помѣстье, такъ какъ оно еще прежнимъ владѣльцемъ отдано было въ долгосрочную аренду. Помѣстье же это считалось однимъ изъ лучшихъ во всемъ окологдѣ, и Мюротону давно уже улыбалась мысль

самому управлять имъ. Ему не разъ грезилось, какъ онъ на ярмаркахъ сталъ бы съ видомъ знатока запускать всю пятерню въ густую и мягкую шерсть овецъ, словно какой-нибудь богатый торговецъ скотомъ изъ Тенельи или опытный фермеръ изъ долины Жерменьи. Къ несчастью, ждать этого приходилось долго, такъ какъ до истеченія срока аренды оставалось еще пять лѣтъ, а арендаторъ, нѣкто Дюрэ, человекъ себѣ на умѣ, заключившій контрактъ съ прежнимъ владѣльцемъ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, ни за что не хотѣлъ раньше срока разстаться съ своимъ правомъ.

Первое время послѣ передачи лавки другому лицу, Мюротонъ, никогда ничего не дѣлавшій и прежде, а теперь вообразившій, что ему пора отдохнуть отъ долготѣльных трудовъ, вздумалъ-было самъ разводить садикъ около дома. Принялся онъ за скрябку и за лопату, но копать землю оказалось ему не подъ силу, „приводило его въ изнеможеніе“, какъ онъ выражался, такъ что и этотъ трудъ опять-таки выпалъ на долю жены, хотя онъ несравненно менѣе интересовалъ ее, чѣмъ продажа всевозможныхъ матерій: торговля была ея стихіей, ея врожденнымъ призваніемъ.

Семейная жизнь ихъ, никогда не омраченная ни однимъ даже мимолетнымъ облачкомъ, ни одной даже самой ничтожной размолвкой, шла попрежнему, только имъ обоимъ стало необыкновенно скучно. Сообщать имъ другъ другу стало уже нечего; ни у него, ни у нея въ головѣ не было ни одной мысли, вотъ и приходилось по цѣлымъ днямъ сидѣть противъ друга другъ молча да время отъ времени позѣвывать, развлеченья ради. Нерѣдко обоимъ имъ приходило въ голову, что хоть и живется имъ покойно, что хоть и все-то у нихъ вволю, однако все-таки чего-то недостаетъ, а именно недостаетъ ребенка, который своимъ дѣтскимъ лепетомъ оживлялъ бы ихъ черезчуръ уже безмятежную жизнь, который придалъ бы тѣнь смысла ихъ безцѣльной жизни. Въ лавкѣ, гдѣ постоянно толпились покупатели, отсутствіе дѣтей было не такъ замѣтно; теперь же оно преслѣдовало ихъ, какъ вѣчное и горькое сожалѣніе.

Часто Мюротонъ, держа въ одной рукѣ трубку, другою схватывалъ какого-нибудь чужого мальчугана, принимался цѣловать его и хохоталъ до упада, когда ребенокъ, морщась, еле-еле внятно лепеталъ: „Пусти, дяденька! у тебя борода больно колется!“ Жена въ свою очередь приводила дѣтей съ улицы, пичкала ихъ пряниками и конфетами и съ какою-то горькою радостью любовалась ихъ прожорливыми рожцами, выпачканными сладостями.

И мужъ и жена, однако, боясь огорчить другъ друга, таили

свое горе въ самыхъ себѣ, стараясь не выдать его ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ.

Какъ-то разъ супругамъ Мюротонъ было особенно скучно: онъ, успѣвъ уже выкурить нѣсколько трубокъ, молча чертилъ какіе-то іероглифы на песокъ; она же, доштопавъ послѣдній чулокъ, бездѣльно глядѣла въ пространство. Вдругъ откуда-то явился предъ ними одинъ изъ тѣхъ мальчугановъ, которыхъ мадамъ Мюротонъ такъ усердно закармливала сладостями и, беззапѣчно вскочивъ къ ней на колѣни, дѣтски-заискивающимъ голосомъ проговорилъ:

— Пряница хоцу!

Мадамъ Мюротонъ покраснѣла до ушей.

— Поцѣлуй его, — сказала она мужу, передавая ему ребенка, а сама отправилась за требуемымъ пряникомъ.

Мужъ въ свою очередь принялся ласкать мальчугана; когда же пряникъ былъ принесенъ, юный любитель лакомствъ вдругъ обратился къ своей баловницѣ съ слѣдующимъ щекотливымъ вопросомъ:

— Отцаго у тебя, тетя, своихъ дѣтоцекъ нѣтъ?

Бѣдная женщина, задѣтая за-живое, покраснѣла пуце прежняго; на глаза навернулись слезы и съ рѣсницъ ея капнули на головку ребенка. Неожиданное появленіе этихъ слезъ удивило, даже испугало мальчугана.

— Я къ мамасѣ пойду, — тревожно проговорилъ онъ.

Супруги Мюротонъ еще поцѣловали его по нѣсколько разъ и отпустили домой.

Послѣ его ухода имъ стало еще грустнѣе; повременамъ они украдкой взглядывали другъ на друга, но ни у мужа, ни у жены долго не хватало силъ прервать тяжелое молчаніе.

Наконецъ, уже вечеромъ, за десертомъ, мужъ неожиданно, словно про-себя, сказалъ:

— Что-жъ, можно чужого взять на воспитаніе.

— Это совсѣмъ уже не то! — отозвалась жена.

— Знаю! Но что же дѣлать, когда ты безплодна.

Словами этими мужъ нисколько не хотѣлъ обидѣть, а тѣмъ менѣе оскорбить жену — онъ, напротивъ, желалъ выразиться какъ можно мягче, деликатнѣе; но бывшая продавщица краснаго товара все-таки сильно разсердилась.

— Я безплодна? — рѣзко воскликнула она: — почему ты знаешь, что безплодна именно я? Не понимаю, съ чего ты это выдумалъ!

— Ничего я не выдумывалъ; я только говорю, что у тебя дѣтей нѣтъ.

— Дѣтей у меня нѣтъ! Прекрасно! Ну, а у тебя, позволъ узнать, есть они?

Мюротонъ смутился: упрекъ жены мѣтко попалъ въ цѣль. Какъ глубоко ни заглядывалъ мужъ въ свое прошлое, онъ не могъ припомнить ни одного случая, которымъ могъ бы похвалиться, какъ отецъ. Хотя жена и нерѣдко упрекала его въ нарушеніи супружеской вѣрности, а онъ изъ тщеславія оправдывался такъ, какъ будто дѣйствительно сознавалъ себя виноватымъ, но она первая нисколько не вѣрила тѣмъ *ужаснымъ изъясненіямъ*, которыя сама-же взваливала на мужа, а заводила такіе разговоры исключительно ради развлеченія: какой ни есть, а все-же вѣдь разговоръ; у мужа же, если, быть можетъ, и сохранились на совѣсти кое-какіе грѣшки въ этомъ родѣ, то ни одинъ изъ нихъ не оставилъ ему хоть сколько-нибудь правдоподобной возможности считать себя родоначальникомъ даже незаконнаго потомства. Тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ безъ возраженія обидной инсинуаціи жены и съ видомъ знатока сталъ утверждать, будто бесплодіе у мужчинъ— фактъ до сихъ поръ неизвѣстный въ медицинѣ, тогда какъ, благодаря образу жизни, привычкамъ, самому покрою и подробностямъ одежды, у женщинъ оно явленіе весьма обыкновенное. Все это онъ утверждалъ со словъ одного странствующаго повѣреннаго какой-то торговой фирмы, прочитавшаго при Мюротонѣ чуть не цѣлую лекцію на эту тему въ кофейнѣ „Вселенная“.

Жена противъ своего обыкновенія не уступила на этотъ разъ мужу; завязалась довольно оживленная словесная перепалка; въ рѣзкихъ и даже ядовитыхъ выходкахъ не было недостатка какъ съ той, такъ и другой стороны. Окончился же споръ совершенно резоннымъ замѣчаніемъ жены, что сами они въ этомъ отношеніи люди темные и что только медикъ можетъ рѣшить основательно, кто правъ и кто виноватъ.

Преппирательства эти возобновлялись при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ; ни одинъ завтракъ, ни одинъ обѣдъ безъ нихъ не обходился, такъ что мужъ, выведенный изъ терпѣнія язвительными шпильками жены, первый предложилъ прибѣгнуть къ средству, подсказанному когда-то самой женой.

— Рѣшить этотъ споръ совсѣмъ нетрудно; стоитъ только обратиться къ доктору Порталю, — сказалъ онъ.

Жена сначала и слышать не хотѣла о такой неприличной мѣрѣ, оскорблявшей въ ней — по ея словамъ — чувство женской стыдливости; но раздраженіе, вызываемое спорами, дошло наконецъ до того, что однажды вызвало у нея слѣдующія слова:

— Нечего обращаться къ доктору; я и такъ заранѣе знаю, что онъ скажетъ!

Мужъ, предполагая, что всѣ старшіе козыри у него въ рукахъ, то-есть думая, что жена никогда не рѣшится на такой неженственный поступокъ, сталъ поддразнивать ее. Кончилось это тѣмъ, что почтенная супруга окончательно вышла изъ себя.

— Хорошо, пойдемъ завтра къ доктору! — воскликнула она и на другой-же день, хотъ и краснѣя значительно, но твердымъ, отрывистымъ тономъ объяснила доктору, въ чемъ дѣло.

Докторъ, для котораго подобнаго рода экспертиза представлялась случаемъ далеко не обыденнымъ, едва въ силахъ былъ удержаться отъ смѣха. Хотѣлъ-было онъ отказаться дать требуемое объясненіе, но боясь, чтобы его отказъ не приписали недостатку познаній, согласился изслѣдовать организмъ почтеннаго буржуа и, послѣ долгихъ и подробныхъ разспросовъ, объявилъ — по правдѣ говоря, совсѣмъ наудачу, — что г. Мюротонъ никакимъ органическимъ порокомъ не страдаетъ, слѣдовательно, если бракъ ихъ и оставался безъ желанныхъ наслѣдниковъ, то вина должна падать на жену, а не на мужа.

Мюротонъ торжествовалъ.

— Что я говорилъ?! — воскликнулъ онъ.

Боясь, однако, черезчуръ огорчить жену, онъ миролюбиво добавилъ:

— Вотъ видишь, лучше-бы намъ взять чужого ребенка на воспитаніе.

Выслушала она это предложеніе молча, грустно понуривъ голову; черезъ нѣсколько минутъ, однако, она со слезами на глазахъ проговорила:

— Все не то; мнѣ хотѣлось бы, чтобы ребенокъ былъ отъ тебя.

Земли, вхѣдившія въ составъ помѣстья Билло и расположенныя на покатоми склонѣ, закончивавшемся большимъ прудомъ, однимъ концомъ своимъ прикасались къ деревнѣ Мезанбленъ, и одинъ изъ участковъ, именно такъ-называемый „дрѣтуцій лугъ“, словно кольцомъ окружалъ небольшой клочекъ земли, бывшій единственнымъ достояніемъ небогатаго крестьянина, по фамиліи Саккаръ.

Хотя у Саккара и была недвижимая собственность, но ни самъ онъ себя, ни другіе не причисляли его къ *козлевамъ*, къ представителямъ мѣстной буржуазіи. Онъ, какъ родился, такъ и остался настоящимъ крестьяниномъ — трудолюбивымъ, бережливымъ, настойчивымъ и себѣ на умѣ. Какъ уже сказано, онъ былъ небогаты. Ту землю, которая теперь находилась въ его владѣніи, онъ приобрѣлъ понемногу, по клочкамъ скупая ее на разныхъ аукціонахъ, расплачиваясь деньгами, доставшимися ему послѣ дѣдушки Гергги, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Скупая участокъ за участкомъ, клинъ за клиномъ пустопорожней земли, Саккаръ, благодаря трудолюбію и бережливости, выстроилъ на собственной землицѣ что-то въ родѣ шалаша съ печью, покрытаго тростникомъ, гдѣ и жилъ съ семьей лѣто и зиму. Совсѣмъ бѣднякомъ назвать его было нельзя, такъ какъ онъ хоть какою-нибудь собственностью да владѣлъ, — но собственность эта, какъ уже сказано, состояла изъ узкихъ и неудобныхъ клочковъ, окруженныхъ такъ-называемымъ „двѣтушимъ лугомъ“, мѣстами глубоко врѣзавшимся въ землю Саккара, считавшимся однимъ изъ лучшихъ во всемъ околоткѣ и служившимъ предметомъ зависти для самыхъ даже зажиточныхъ сосѣднихъ фермеровъ.

— Вотъ еслибы этотъ лугъ въ рукахъ имѣть, — нерѣдко говаривалъ про себя Саккаръ, — жить-бы можно... да какъ его приобрѣтешь? Денегъ нѣтъ — это разъ, а во-вторыхъ, охота владѣльцу упустить изъ рукъ такой лакомый кусокъ?!. Приволье-то какое! — вода подъ рукою, а трава такая, да и столько ея, что скотина-то ѣшь — не хочу... въ недѣлю-какуюнибудь такъ жирѣеть, что ее и узнать нельзя... А теперь у меня клокъ здѣсь, клокъ тамъ!.. Какая отъ этого радость? Куда ни сунься, всюду этотъ проклятый лугъ, словно бѣльмо на глазу!..

Иногда, пересчитывая свои трехфранковыя монеты, или преобрѣтенныя въ потѣ лица, или еще остававшіяся отъ наслѣдства тестя, онъ соображалъ, что могъ бы то тутъ, то тамъ прикупить еще землицы, но въ то-же время находилъ, что дѣло это несподручное, такъ такъ нѣсколько разбросанныхъ мелкихъ участковъ все-таки не стоятъ одного хорошаго цѣльнаго. А потомъ, почему знать, что можетъ случиться. Мюротоны люди смертныя да къ тому-же бездѣтныя: наслѣдники пожалуй стануть продавать землю по участкамъ, можетъ быть и на разсрочку согласятся, потому лучше имѣть хоть сколько-нибудь наготовѣ и въ ожиданіи распродажи, все копить да копить, насколько силы позволятъ.

Приобрѣсти „цвѣтущій лугъ“ стало мечтою не только самого Саккара, но и жены его и дочери ихъ Луизы. Обѣ женщины подвергали себя самымъ тяжкимъ трудамъ и лишениямъ, ходили, напримѣръ, послѣ уборки хлѣба вмѣстѣ съ нищими собирать оставшіеся въ полѣ колосья, а зимой сухіе обломки вѣтвей; держали двухъ козъ, куръ, гусей, продавали молоко, яйца, а сами питались однимъ черствымъ хлѣбомъ, пили одну воду, чтобы сдѣлать осуществленіе завѣтной мечты хоть сколько-нибудь возможнымъ.

Было у нихъ и двѣ коровы, которымъ онѣ уступили добрую половину своего жилья, но коровы эти почти не давали молока, такъ какъ пастись имъ оказывалось негдѣ. Саккаръ пробовалъ-было не разъ гонять ихъ на „цвѣтущій лугъ“; однако, арендаторъ помѣстья Билло это замѣтилъ и не только окопалъ лугъ канавами — черезъ канаву еще можно-бы перескочить, — но и обсадилъ его колючею живою изгородью, черезъ которую уже не перескочишь. Къ тому-же арендаторъ угрожалъ Саккару судомъ, если тотъ хоть разъ еще дерзнетъ возобновить свою незаконную попытку, то-есть если снова допустить свою домашнюю скотину и птицу разгуливать по угодьямъ, фактически находящимся въ его владѣніи.

Мысль приобрести въ свою собственность „цвѣтущій лугъ“ сдѣлалась своего рода пунктомъ помѣшательства для всей семьи Саккаровъ. Часто подъ вечеръ стояли они на порогѣ своего незатѣйливаго жилища, жаднымъ окомъ поглядывая на увлажненный росой лугъ, надъ которымъ легкою дымкою клубились бѣлые пары, и отецъ приэтомъ постоянно говаривалъ:

— Какъ бы тамъ ни было, а инымъ дано слишкомъ много, другимъ же слишкомъ мало. Такова уже земная справедливость!

Какъ-то разъ въ базарный день, а именно въ понедѣльникъ, Саккаръ одѣлся въ праздничное платье и отправился въ Ларси къ Мюротонамъ. Служанка ввела его въ приемную и попросила сѣсть, говоря, что баринъ сейчасъ будетъ. Саккаръ сѣлъ и принялся вертѣть въ рукахъ свою черную войлочную шляпу.

Вошелъ и хозяинъ дома; крестьянинъ поздоровался и снова, не говоря ни слова, принялся за усиленное верченіе шляпы.

Мюротонъ давно зналъ обычай Саккара; потому, понимая, что тотъ пришелъ неспроста, и желая скорѣе добраться до сути дѣла, спросилъ:

— Что новенькаго, дядя Саккаръ?

— Ничего новаго нѣтъ, мосье Мюротонъ, ровно таки ничего, — отвѣчалъ гость.

— Не выпить-ли по стаканчику винца?

— Отчего не выпить?.. Съ большимъ удовольствіемъ... На дворѣ пыль такая, что...

Подали вина; гость и хозяинъ выпили, но долго Саккаръ горюдилъ всякую околесицу, надѣясь, что Мюротонъ первый заговорить о лугѣ. Ему казалось, что и у Мюротона, какъ у него самого, мысль о лугѣ должна гвоздемъ сидѣть въ головѣ. Видя, однако, что отъ хозяина этого не добьешься, онъ рѣшился самъ приступить къ дѣлу.

Принялся онъ съ разными подходами упрашивать Мюротона продать хоть частичку лужка, потому что ему, Саккару, безъ этого не только повернуться негдѣ, но и буквально дышать нечѣмъ.

— Землица есть у меня, — объяснялъ онъ, — сколько на нее кровныхъ денежекъ ухлопалъ, а что отъ нея пользы? Вотъ на однѣхъ пограничныхъ межи да канавы сколько ея даромъ уходитъ! А если-бы мнѣ хоть частичку уступили, клинья, отъ которыхъ ни вамъ, ни мнѣ пользы нѣтъ, сравнялись бы, и тогда обоимъ, право, было бы непримѣръ лучше!.. Такъ вѣдь я говорю, сосѣдь?.. Не объ одномъ себѣ я хлопочу; вамъ-то еще больше пользы было бы, чѣмъ мнѣ... Намъ что?— жили же безъ этого; дастъ Богъ и весь вѣкъ какъ-нибудь проживемъ... а вамъ... вамъ совсѣмъ этотъ клочекъ не къ рукамъ... потому только лишняя обуза... да и цѣна-то ему по такой мѣстности самая пустая. Ну, а что запросите, все-таки, хоть жилы изъ себя вытянемъ, а дадимъ.

Бывшаго торговца краснымъ товаромъ очень удивило, даже разсердило такое предложеніе, и онъ мало того, что отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, но изъявилъ даже сожалѣніе, что не купилъ въ свое время и тѣхъ мелкихъ участковъ, которыми владѣетъ теперь Саккаръ, потому что это значительно округлило бы его „помѣстье“.

Саккаръ ожидалъ отказа, потому нисколько не смутился и, не теряя надежды на благополучный исходъ попытки, тутъ-же предложилъ Мюротону довольно высокую цѣну съ тѣмъ, чтобы половина денегъ была внесена при написаніи запродажной записи, а другая разсрочена на года. Видя, однако, что хозяинъ остается непреклоненъ, хитрый крестьянинъ ударился—было въ чувствительность, сталъ оплакивать жалкое положеніе своихъ коровокъ,

будто совсѣмъ околѣвающихъ отъ безкормицы, и горькое положеніе своей бѣдняжки Луизы.

— Умница она у меня, красавица, честная, трудолюбивая, — говорилъ онъ, — а кто ее замужъ возьметъ, когда у нея приданое-то одни клинья да клоки? — Никто!.. Вотъ еслибы участочекъ былъ округлень — о, тогда совсѣмъ иное дѣло.

Но и чувствительность ни къ чему не повела; Мюротонъ упорно стоялъ на своемъ.

Жена его, находившаяся тутъ-же, противъ своего обыкновенія ни однимъ словомъ не вмѣшалась въ разговоръ, но когда опечаленный отказомъ гость сталъ уходить, она, провожая его, украдкой шепнула:

— Заходите въ будущій понедѣльникъ, когда мужа не будетъ дома; мы переговоримъ еще.

Въ слѣдующій понедѣльникъ, когда Мюротонъ по обыкновенію покуривалъ трубку на торговой площади, Саккаръ зашелъ къ его женѣ и засталъ ее одну дома.

Едва успѣлъ онъ усѣсться, какъ она обратилась къ нему съ вопросомъ:

— А который годъ вашей дочери, дядя Саккаръ?

— Кому, Луизѣ-то моей?

— Да.

— Ей ровно девятнадцатый годъ пойдетъ, когда горохи зацвѣтутъ.

— Вы, кажется, говорили, что она красива собою?

Отецъ засмѣялся глупымъ смѣхомъ.

— Она-то? — отозвался онъ, — красавица... Хоть куда!.. Бровь съ молокомъ.

— Значить, пора-бы ей и замужъ?

— Самъ знаю, что пора-бы... Кому-же это и знать, какъ же мнѣ? Мелюзга эта скорѣй крапивы или волчеца въ полѣ растеть.

— Вы-бы ее куда-нибудь на мѣсто опредѣлили... Съ людьми обходиться она во-первыхъ научилась-бы, а потомъ и для умѣнія вести *свое* хозяйство это ей было бы полезно.

— Пожалуй, и полезно-бы... да какъ намъ это сдѣлать, какъ самимъ-то безъ нея обойтись?.. Ну, кто — съ вашего позволенія — дома-то за коровами, за свиньей да за прочимъ ходить будетъ?.. Луизѣ-то это правда было бы полезно, но вѣдь такое дѣло хорошо, когда въ семьѣ много дѣтей, а у насъ она одна. Никакъ намъ безъ нея нельзя.

— У васъ жена есть; вотъ она за всѣмъ и присмотритъ. Луизу же вамъ, право-бы, лучше опредѣлить куда-нибудь на мѣсто... разумѣется, къ людямъ хорошимъ, смиреннымъ...

— Гдѣ ихъ найдешь, такихъ людей-го?

— Ну, это неособенно трудно! Вотъ, напримѣръ, что бы вы сказали, еслибы я предложила взять Луизу къ себѣ?

— Что бы я-то на это сказать?..

Крестьянинъ принялся чмокать языкомъ, искоса и недовѣрчиво поглядывая на собесѣдницу.

— Нѣтъ, дѣло это пустое, — добавилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго раздумья, — мать низачто не отпустить... нечего и думать...

— А еслибы я положила ей полтораста франковъ жалованья да еще десять франковъ на булавки?

— Невидаль какая—полтораста франковъ! она дома болѣе чѣмъ на триста работаетъ. Нѣтъ, дѣло пустое!

Поторговались они еще немного и наконецъ поладили. Отецъ соглашался отпустить дочь въ услуженіе къ Мюротонамъ за двѣсти пятьдесятъ франковъ жалованья, кромѣ денегъ, долженствовавшихъ идти самой Луизѣ на булавки. Крестьянинъ, довольный выгодной сдѣлкой, собрался уходить, но хозяйка остановила его.

— Выпейте-ка прежде стаканчикъ вина, — сказала она; когда-же вино было подано, она добавила:

— Вы говорите, что Луиза дѣвушка здоровая?

— Какъ добрая лошадь! — отвѣтилъ отецъ. — Возы возить — и то-бы ей въ пору. Ручаюсь, что другой такой здоровенной дѣвки для услугъ вы нигдѣ не найдете.

— Изъ этого я заключаю, что и дѣти у нея были бы здоровыя.

Видя, что крестьянинъ не понимаетъ, куда клонятся ея слова, хозяйка смѣясь добавила:

— А что бы вы сказали, еслибы у Луизы вдругъ ребенокъ родился?

— Какъ же это можетъ быть, когда она не замужемъ?

— Чего на свѣтѣ не бываетъ. Зачастую и у незамужнихъ рождаются дѣти.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ-бы моя дочь посмѣла такъ опозорить и меня и себя! Да я бы ее, негодницу, тутъ-же на мѣстѣ уложилъ!.. Но я этого не боюсь: дѣвка она у меня честная, безукоризненная...

— Выпейте-ка еще стаканчикъ, дядя Саккаръ, вино — на-

питокъ хорошій, онъ веселить сердце человѣка... А что если-бы кто нибудь влюбился въ Луизу и предложилъ вамъ за нее порядочную сумму?

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю!.. Мы не изъ такихъ.

— Я говорю, разумѣется, не о пустякахъ какихъ-нибудь... Ну, ежели бы вамъ за это хоть-бы десять тысячъ франковъ предложили? Приданое для бѣдной дѣвушки очень хорошее.

— Да, хорошо вамъ толковать!.. Только я что-то не слыживалъ, чтобы разные подлипалы затѣмъ дѣвокъ губили, чтобы ихъ крупнымъ приданымъ награждать... Ничего, кромѣ позора да нищеты, изъ этого не выходитъ.

— Ну, а еслибы случилось такъ, какъ я говорю?

— Еслибы случилось!.. Ну, тогда-бы и разговоръ былъ, а теперь лучше объ этомъ и не думать, потому что при одной мысли вся кровь во мнѣ такъ и кипитъ... Пріятное положеніе, какъ незаконнорожденный внукъ вдругъ на рукахъ окажется!..

— А еслибы у васъ этого незаконнорожденного кто-нибудь на воспитаніе взялъ?

Крестьянинъ, ничего не понимая, только удивленно таращилъ глаза.

— На смѣхъ вы меня что-ли поднимаете, сударыня?

— Нисколько. Есть люди достаточные, но бездѣтныя, которымъ бы хотѣлось имѣть дѣтей.

На этотъ разъ крестьянинъ начиналъ понимать и поблѣднѣлъ. Онъ ясно видѣлъ, что ему предлагаютъ сдѣлку, слѣдовательно объ этомъ дѣлѣ надо было подумать. Десять тысячъ франковъ, о которыхъ шла рѣчь, какъ будто уже блестяли передъ его ослѣпленными глазами, и ему стоило только протянуть руку, чтобы захватить ихъ. Но, Боже мой, чего же требовали отъ него за это!..

Онъ колебался; собесѣдница его это замѣтила.

— А еслибы вамъ вмѣсто десяти тысячъ франковъ весь „цвѣтушій лугъ“ предложили?—заговорила она,—вѣдь ему цѣна двѣнадцать тысячъ.

Какой-то странный огонекъ вспыхнулъ въ глазахъ крестьянина, но чувство отца все еще одерживало верхъ.

— Честь все-таки дороже!—еле слышно пробормоталъ онъ и направился къ выходу. Хозяйка дома, отворяя ему дверь, съ холоднымъ смѣхомъ проговорила:

— Все это я, разумѣется, только такъ, ради шутки говорила. Но помните, дядя Саккаръ, что двѣнадцать тысячъ фран-

ковъ деньги хорошіе; за такую цѣну любая хоть троихъ родить согласится... Выбирай кого хочешь...

Саккаръ отправился домой по проселочной тропинкѣ, соединявшей помѣстье Билло съ деревней Мезабленъ. Онъ шель верхнимъ краемъ „цвѣтущаго луга“, растилавапгагося теперь передъ нимъ, какъ на ладони, и любовался зеленѣющимъ пространствомъ, окаймленнымъ тростниками, росшими на берегу пруда.

Крестьянинъ уже предвкушалъ, такъ сказать, наслажденіе владѣть такимъ сокровищемъ.

— Стоить только съ умѣніемъ приняться, — думалъ онъ, — и сколько тонкорунныхъ барановъ тутъ развести можно!.. А бараны — статья очень выгодная: въ какихъ-нибудь три мѣсяца каждая голова не менѣ десяти франковъ чистаго барыша дастъ... Если же хоть немножко расширить да поприкрасить жилие и надворное строеніе, то лучшей фермы во всемъ околоткѣ не отыщешь.

Онъ понималъ, что отъ него, исключительно отъ него самого зависитъ сдѣлаться обладателемъ давно желаннаго луга: ясно, что барынѣ до смерти хочется имѣть хоть-бы приемыша отъ мужа и въ помощницы послѣднему она для этого выбрала Луизу... Странныя желанія являются иногда у богатыхъ людей: такое сокровище, такое золотое дно готовы отдать за приемыша, тогда какъ на свѣтѣ столько людей, которые съ радостью готовы бы и даромъ раздать своихъ дѣтей... Тѣмъ болѣе на такое обезпеченное, сладкое житѣе.

Саккару какъ эти, такъ и тому подобныя мысли сразу пришли въ голову, едва онъ услышалъ полуоткрытыя предложенія бывшей продавщицы краснаго товара, но притворился онъ ничего непонимающимъ потому, во-первыхъ, что въ подобныхъ дѣлахъ торопиться нечего и сразу соглашаться, словно обрадовавшись невѣсть какому благополучію, невыгодно; а во-вторыхъ, какъ знать? — пожалуй ни мать, ни Луиза не согласятся... Самъ же онъ въ этой сдѣлкѣ видѣлъ особую милость судьбы.

— Ищи другого такого-же случая! — разсуждалъ онъ просебя, — два раза въ жизни онъ, конечно, не представится... Еслибы всѣхъ дѣвокъ, за которыми водились или водятся грѣшки до брака, награждали такъ щедро, то бѣдные люди, пожалуй, и совсѣмъ бы перевелись... Положимъ, оно какъ будто щекотливо, особенно для отца съ матерью, — а впрочемъ, не все-ли равно въ сущности — немножко-ли раньше, немножко-ли позже? Вотъ еслибы мнѣ въ бы-

лое время предложили жениться на такой, то есть съ такимъ приданымъ, развѣ бы я отказался? Никогда! Довольно того уже, что теперь Луизѣ не пришлось бы самой жертвовать непорочностью изъ-за будущихъ благъ; у нея и безъ того было бы жениховъ, сколько душѣ угодно. Положимъ, незаконнорожденнаго на рукахъ имѣть несовсѣмъ ловко и несовсѣмъ приятно... но разъ ребенка берутъ въ приемыши, то и толковать нечего... Во избѣжаніе же стыда, все можно сдѣлать по секретнѣе... Придетъ время, Луизѣ можно въ Парижъ уѣхать, и никто, пожалуй, ничего даже не узнаетъ... Станутъ догадываться, болтать — это правда!.. Ну, да про кого не болтаютъ злые языки?

Тутъ ему на память приходило болѣе десяти примѣровъ, когда дѣвушки именно съ такими-же цѣлями уѣзжали въ Парижъ и, по возвращеніи оттуда, за отсутствіемъ явныхъ уликъ, даже не лишались добраго имени, а благополучно выходили замужъ. Потомъ, какъ знать, если онъ теперь отвѣтитъ г-жѣ Мюротонъ отказомъ, сбережетъ-ли еще себя Луиза! Съ кѣмъ грѣха не бывало? Можетъ тоже самое случиться и съ Луизой, только безъ его вѣдома и мало того, что безъ всякой для него пользы, но еще съ прибавкой непріятной обузы въ видѣ непрошеннаго ребенка отъ незамужней дочери. Кто же не знаетъ, что дѣвчья непорочность — штука очень хрупкая!..

— Да, — рѣшилъ онъ мысленно, окидывая ласковымъ взглядомъ будущія свои владѣнія, — ломаться тутъ нечего да и медлить тоже. Права та безплодная смоковница: стоять только свиснуть или пальцемъ поманить, и этого добра явится сколько душѣ угодно; любую выбирай. Надо ковать желѣзо, пока горячо.

Постоялъ онъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ, полюбовался еще на свое будущее владѣніе и съ нахмуренными бровями пошелъ далѣе.

Жену Саккару уговорить было нетрудно: она скоро на все согласилась, только никакъ не могла въ толкъ взять, какъ это есть на свѣтѣ люди, способные заплатить цѣлыхъ десять тысячъ франковъ за такую ничтожную услугу. Сама она до замужества не отличалась особою строгостью нравовъ; юные годы ея прошли бурно; потому она почти сразу рѣшила, что вовсе не слѣдуетъ ломаться въ виду такого благополучія.

— Господи! — говорила она: — отдать „цвѣтущій лугъ“ за этотой-то пустякъ! Не можетъ этого быть! Тебѣ или съ пьяныхъ глазъ послышалось, или Мюротоны, видя, что у тебя зубы чешутся на ихъ добро, просто надъ тобой посмѣяться захотѣли.

На это Саккаръ отвѣчалъ, что говорить одну только святую правду, но съ тѣмъ, что Мюротонъ очевидно помѣшался на желаніи во что бы то ни стало имѣть ребенка, былъ согласенъ и онъ.

Услыхавъ это, жена стала бранить его, зачѣмъ онъ сразу не согласился.

— Чего было медлить! — ворчала она, — поладить надо было тотчасъ-же, благо на людей такая блажь нашла.. Узнаютъ другіе — гляди — перебьютъ!..

Ей уже мерещились тѣ вытянутыя фізіономіи, съ которыми мезанбленскія кумушки узнаютъ о ихъ благополучіи, и желаніе какъ можно скорѣе получить „цвѣтущій лугъ“ въ свое безспорное и вѣчное владѣніе разгоралось въ ней сильнѣй и сильнѣй.

Занятые собственными планами и расчетами, ни мужъ, ни жена не подумали даже посовѣтоваться съ дочерью насчетъ рѣшенія ея судьбы. Да и зачѣмъ было совѣтоваться? Они знали, что Луиза давно приучена къ безусловному повиновенію; къ тому-же она не дура, чтобы ломаться, когда судьба посылаетъ на ея долю такое счастье. Дочь же дѣйствительно ломаться не стала, только долго не могла сообразить, чего отъ нея хотятъ? Когда же наконецъ поняла, что дѣло идетъ о такомъ сокровищѣ, какъ обладаніе „цвѣтущимъ лугомъ“, ея удивленію не было границъ.

— Какъ! — воскликнула она, — за это-то „цвѣтущій лугъ“ отдать!.. да они, должно быть, и впрямь съ ума сошли!

Какъ бы тамъ ни было, а разговоръ кончился тѣмъ, что дочь выторговала себѣ у отца обѣщаніе купить ей точно такое-же платьѣ и точно такую-же шляпку, какъ у ихъ сосѣдокъ Дюрэ.

— Пусть эти гордячки не воображаютъ, будто однѣ могутъ щеголять нарядами; теперь увидятъ, что и другія не хуже ихъ! — самодовольно рѣшила она.

Какъ ни велико было нетерпѣніе Саккара, но онъ все-таки выждалъ слѣдующаго понедѣльника, разчитывая, что навѣрно въ этотъ день г-жа Мюротонъ будетъ дома одна. Принесъ онъ ей въ подарокъ пару цыплятъ, поболталъ о томъ, о другомъ и, только уходя, какъ будто спохватившись, вдругъ сказалъ:

— А знаете, я долго думалъ о томъ, что вы мнѣ предлагали въ прошлый понедѣльникъ, и нахожу, что дѣло это возможное.

— Что такое?

— А то, что молодой дѣвченкѣ въ самомъ дѣлѣ нетрудно свихнуться съ пути... Сами видите, какой народъ теперь въ горо-

дакъ сталь... самый порочный... Далѣко-ли до грѣха?.. Такъ не безопаснѣе-ли оставить ее при себѣ дома?.. На глазахъ-то у родителей все-таки лучше остережетсяя.

— Какъ знаете.

— Вотъ еслибы вы мнѣ на бумагѣ записочку дали, что такъ—моль—и такъ... если съ Луизой бѣда случится, то я нижеподписавшаяся обязуюсь отдать ей въ вѣчное потомственное владѣніе „цвѣтуцій лугъ“... Тогда-бы я покоенъ былъ на ея счетъ, какъ родной матери отдать бы ее вамъ... оставилъ бы, такъ сказать, на вашу отвѣтственность...

— Право, я не знаю...

— Бѣда намъ, отцамъ, съ дочерьми... Вотъ хоть моя Луиза... дѣвченка рослая, кровь съ молокомъ... Только зазѣвайся, а тамъ глядишь—она ужъ и съ прибылью... да съ такой, что цѣлыхъ девять мѣсяцевъ никуда глазъ нельзя показать...

Видя, что хозяйка молчитъ, хитрый крестьянинъ сталь съ добродушнымъ видомъ выхвалять нравственныя и въ особенности физическія достоинства дочери, увѣряя, что она такъ здоровьемъ и пышетъ, и что изъ нея славная-бы кормилица вышла. Хозяйка дала ему наговориться вволю, потомъ, заключая изъ его тона, что онъ въ сущности согласенъ на ея предложеніе, уже безо всякихъ околичностей представила ему слѣдующій планъ:

— Если и случится такая бѣда,—заговорила она,—что мужъ увлечется Луизой, а плодомъ увлеченія будутъ извѣстныя послѣдствія, мы, ради сохраненія добраго имени дѣвушки, отправимъ ее въ Парижъ, когда придетъ время... Ребенка потомъ мы возьмемъ себѣ въ пріемыши, а при первыхъ признакахъ беременности Луизы, она получитъ отъ насъ или купчую, или дарственную запись на „цвѣтуцій лугъ“. Согласны?

Достигнувъ желанной цѣли, Саккаръ уже не считалъ нужнымъ скрывать свою радость.

— Такъ по рукамъ, что-ли?—проговорилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, хлопнулъ своею сильной, загорѣлой и мозолистой рукою о блѣдную и нѣжную ладонь хозяйки.

— Однако надо бы спросить у Луизы—согласна-ли она?—какъ будто нерѣшительно заговорила хозяйка.

— На этотъ счетъ будьте покойны... Не дура она у меня!—отозвался отецъ.

— Ну, а насчетъ жалованья какъ же?—добавилъ онъ черезъ минуту, — помните, вы говорили, что положите ей по

двѣсти пятьдесятъ франковъ въ годъ помимо того... Согласны и на это?

— Конечно, согласны.

— Ну, и слава Богу! Значить, дѣло съ концомъ.

Возвращаясь домой, Саккаръ отъ радости земли подъ ногами не чувствовалъ, а вечеромъ онъ съ женою и дочерью отправились гулять по росистому лугу, предвкушая, такъ сказать, радость обладанія давно желаннымъ сокровищемъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что можетъ сказать арендаторъ по поводу этой прогулки.

Не мало удивился Мюротонъ, услыхавъ, что жена разочла прежнюю служанку, жившую у нихъ уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, а взамѣнъ ея взяла къ себѣ дочь Саккара. Такая перемѣна пришлась ему очень по вкусу; ему, вмѣсто прежняго некрасиваго, желтаго и сморщеннаго лица, пріятно было видѣть постоянно улыбающееся личико новой служанки; казалось, что это свѣжее, молодое созданіе вноситъ жизнь и свѣтъ въ ихъ тусклое существованіе, что самъ онъ какъ будто молодѣетъ, благодаря присутствію этого существа.

Ни хозяйка, ни Луиза ни слова не проронили между собою касательно страннаго договора, но бывшая магазинщица ясно видѣла, что новой служанкѣ ея все извѣстно. Нерѣдко замѣчала она, что живые темные глаза Луизы, окаймленные черными бровями и рѣсницами, съ какими-то упорствомъ вперялись въ лицо хозяина и приводили его въ невольное смущеніе. Нельзя сказать, чтобы въ обращеніи служанки было хоть что-нибудь дерзкое или нахальное. Нисколько; но отъ полныхъ и могучихъ рукъ, отъ ея упругихъ плечъ, отъ всего существа ея вѣяло такую бодростью, такимъ здоровьемъ, что по тѣлу старѣющаго буржуа мурашки пробѣгали всякій разъ, когда косынка слегка раскроется на груди служанки и въ скважину проглянетъ ея смуглое тѣло или когда это „дитя полей“ — такъ Мюротонъ называлъ Луизу, — подавая кушанье за обѣдомъ, словно ненарочно задѣнетъ его по лицу рукавомъ. Одинъ видъ ея, пробуждая странное, теперь уже полузабытое ощущеніе, словно воскрешалъ въ немъ слѣды молодости, заставлялъ его хмурить брови и стараться скрыть овладѣвавшую имъ нервную дрожь.

Жена сначала хотѣла-было откровенно сообщить ему цѣль, съ которою она взяла въ домъ Луизу, но еще несомнѣнно исчез-

нущая женская стыдливость да кстати и страхъ разсердить мужа заставляли ее день за день откладывать неловкое признаніе.

— Будетъ еще время!—думала она.

Положеніе ея между тѣмъ было далеко не изъ самыхъ пріятныхъ. Хотѣлось ей, даже очень хотѣлось имѣть въ домѣ несомнѣнно чужого ребенка; знала она также, что сама и для чего именно ввела въ домъ Луизу; но сильная, хоть и тщательно скрываемая склонность мужа къ служанкѣ тѣмъ не менѣе не могла не мучить ее. Какъ ни убѣждала она себя смотрѣть на это дѣло равнодушно, затаенная ревность все-таки грызла ее, и ей хотѣлось, чтобы скорѣе настала неизбѣжный конецъ.

Дѣло однако впередъ не подвигалось. Видя это, хозяйка сама рѣшила способствовать разомъ и желанному и мучительному для нея исходу, то-есть уѣхала на нѣсколько дней къ какимъ-то родственникамъ въ Мулень. Провожая ее, мужъ напустилъ на себя скучающій, даже огорченный видъ, тѣмъ не менѣе затаенная радость, полная надеждъ, проглядывала въ его глазахъ... Да, радъ онъ былъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какой-то страхъ овладѣвалъ имъ при мысли, что вотъ онъ теперь останется съ Луизой наединѣ.

Во время своего отсутствія, жена много думала о своей затѣѣ. Теперь настоящее положеніе дѣла обрисовывалось передъ нею яснѣе, и ее тоже испугала мысль, какъ бы мужъ, воображая, будто дѣйствительно одержалъ побѣду, самъ серьезно не влюбился въ Луизу; поэтому она рѣшила, что необходимо какъ можно скорѣе сообщить Моротону о договорѣ, заключенномъ съ Саккаромъ.

По возвращеніи домой, ее прежде всего поразили какой-то непривычный огонекъ, свѣтившійся въ глазахъ мужа. Сквозь кажущуюся радость, съ которой послѣдній встрѣтилъ вернувшуюся, проглядывало невольное смущеніе, какъ будто происходившее отъ затаеннаго стыда. Въ Луизѣ, напротивъ, проглядывало что-то рѣшительное, побѣдоносное; въ ней сказывалось сознаніе, что и она теперь отчасти хозяйка въ домѣ.

Когда супруги вечеромъ удалились въ спальню, жена рассказала мужу всю подведенную ею махинацію. Толстякъ удивился до крайности и разразился множествомъ восклицаній. Его теперь, какъ ножомъ по сердцу, рѣзнуло опасеніе, что рано или поздно придется разстаться съ Луизой. Дѣло въ томъ, что онъ дѣйствительно не на шутку влюбился въ служанку. Его всего охватила та необузданная страсть, которая, какъ послѣдняя вспышка молодости, свойственна людямъ, когда они уже почти достигли рубежа

преклонныхъ лѣтъ. Къ его страсти, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, къ желанію никогда не разставаться съ обожаемымъ созданіемъ, навсегда сохранить за собою обладаніе ею, примѣшивались отчаяніе и ужасъ потерять Луизу. Сталь-было онъ увѣрять жену, что между нимъ и служанкой никакихъ предосудительныхъ отношеній нѣтъ, что онъ неспособенъ измѣнить не только на дѣлѣ, но даже мысленно своей дорогой женушкѣ; однако, въ концѣ концовъ, онъ какъ будто нехотя сдался на убѣжденія жены, притворяясь, будто соглашается на это только ради ея удовольствія.

Хозяйка еще стала ласковѣй и снисходительнѣй какъ къ мужу, такъ и къ служанкѣ, но съ затаенной тоской наблюдала за неизмѣняющейся таліей дѣвушки.

— Неужели, — думала она, — я рискнула все́мъ — спокойствіемъ, семейнымъ счастіемъ, ввела сама въ домъ соперницу, чтобы не достигнуть ровно никакихъ результатовъ, кромѣ ненужной измѣны мужа, на которую сама-же его натолкнула?

Ревность ея при этой мысли все росла и росла.

— Когда-же этому будетъ конецъ? — вопрошала она, а отвѣта все-таки не получалось. Не разъ ей приходило въ голову — не отправить-ли Луизу опять къ отцу, но ее удерживала боязнь скандала, который непременно затѣялъ бы Саккаръ. Платить какъ бы тамъ ни было все-таки придется, такъ не лучше-ли потерпѣть еще немного?

Не легче было на душѣ и у Саккара.

Пришелъ онъ какъ-то навѣстить дочь и спросилъ:

— Ну, что... какъ?

— Ровно ничего.

— Какъ ничего! Послѣ этого, значить, ты ровно-таки ни на что негодна!.. ты разбитая посуда... такая-же бесплодная смоквица, какъ и твоя дура хозяйка?.. Стоило труда послѣ этого...

Внѣ-себя отъ злости, онъ разразился градомъ самыхъ грязныхъ ругательствъ. Ему казалось, что мечта его получить въ собственность давно желанный лугъ разбивается въ прахъ.

— Полно ругаться, — остановила его дочь, тоже выведенная изъ терпѣнія, — развѣ моя вина?.. Я дѣлаю все, что могу... Можеть быть, онъ ужъ старъ... а потому...

Эта мысль, никогда еще до этой минуты не приходившая въ голову Саккару, поразила его. Разумѣется, одинъ Мюротонъ во всемъ виноватъ: онъ слишкомъ толстъ... настоящій каплувъ...

Но, какъ бы тамъ ни было, не можетъ-же онъ, Саккаръ, ждать до безконечности!.. Въ такихъ сложныхъ и щекотливыхъ дѣлахъ мало-ли что случиться можетъ... ко всему надо быть готовымъ... Стоило послѣ этого входить въ сдѣлку съ совѣстью, жертвовать честью дочери, а слѣдовательно и своею отцовскою честью, чтобы все кончилось однимъ мыльнымъ или дождевымъ пузыремъ?!

Онъ до того сжился съ надеждой быть въ скоромъ времени обладателемъ „двѣтущаго луга“, что одна мысль о возможности неосуществленія этой надежды приводила его въ ужасъ.

Вдругъ лукавая улыбка появилась у него на лицѣ.

— Что-жь, если это его вина, — сказалъ онъ дочери, — не одинъ онъ мужчина на бѣломъ свѣтѣ; и другіе есть! Можешь другого выбрать... онъ потомъ на тебѣ женится... Невѣста ты будешь выгодная... всякій за честь сочтетъ жениться... что-жь, выбирай... только скажи, кого...

Дочь вмѣсто отвѣта только сильно покраснѣла.

— Неужто тебѣ никто особенно не нравится?

— Есть одинъ, — запинаясь отвѣтила дочь.

— Кто?

— Питалье.

— Волынщикъ-то? Дрянъ онъ, тунеядецъ... да къ тому-же другого такого развратника во всемъ околоткѣ не отыскать!.. Ну, ужъ нѣтъ! На это я никогда не соглашусь...

Этимъ пока разговоръ и ограничился; но вечеромъ Саккаръ, поразмысливъ хорошенько, измѣнилъ свое рѣшеніе.

— Ну, Питалье, такъ Питалье, — мысленно разсуждалъ онъ, — почему-бы и не такъ? тѣмъ болѣе, что ребенокъ не у нихъ на рукахъ останется, да и имѣнье-то перейдетъ къ молодымъ только, когда умретъ онъ, Саккаръ... Въ такомъ случаѣ не все-ли равно?

Посовѣтовался онъ съ женой; та оказалась точно такого-же мнѣнія.

— Отчего-же и не дать Луизѣ выбрать, какъ сама знаетъ? — сказала она: — если же Питалье въ самомъ дѣлѣ окажется со-всѣмъ дрянью, можно за него и не выходить; будетъ время раз-смотримъ, каковъ онъ...

На другой день Саккаръ словно вскользь пригласилъ къ себѣ Питалье пообѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, въ слѣдующее воскресенье; когда же волынщикъ явился на обѣдъ, оказалось, что дома одна только Луиза, отпросившаяся на этотъ день у хозяевъ, такъ какъ отцу и матери необходимо было отлучиться въ

сосѣдній городокъ, гдѣ у нихъ будто-бы заболѣлъ какой-то родственникъ, а домъ было оставить не на кого.

На слѣдующій мѣсяцъ хозяйка по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ убѣдилась, что у нея черезъ нѣсколько времени будетъ давно желаемый приѣмышь.

У Саккара, при видѣ беременности дочери, въ головѣ зародились совсѣмъ другія мысли. Теперь, когда увѣренность получить „цвѣтушій лугъ“ была полная, онъ сталъ жалѣть, что запросилъ такъ мало. У него явилось соображеніе, что еслибы въ придачу къ лугу получить еще прилегающее къ нему поле, то изъ всѣхъ его клиньевъ и клоковъ земли образуется весьма значительная ферма, гдѣ можно будетъ и хлѣбъ сѣять и скотъ откармливать.

Думалъ-было онъ сказать хозяйкѣ:— „Поищите другую, которая бы сдѣлала для васъ то-же, что моя дочь!“ Но, зная, что бывшая лавочница—женщина-камень и баба прожженная, отложилъ это намѣреніе и направилъ свои батареи въ другую сторону. Онъ зналъ, что Мюротонъ влюбленъ въ Луизу страстно; вотъ изъ этой-то страсти онъ и задумалъ извлечь теперь для себя пользу.

Какъ-то вечеромъ, когда любовникамъ удалось повидаться наединѣ, такъ какъ хозяйка начала строго за ними присматривать,—Луиза вдругъ объявила Мюротону, что намѣрена отъ него уйти, объясняя это тѣмъ, что ей, во-первыхъ, житья нѣтъ отъ хозяйки, а во-вторыхъ, увѣряя, что отцу необходимо имѣть ее при себѣ, такъ какъ другой помощницы у него нѣтъ. Мюротонъ въ полномъ отчаяніи бросился передъ ней на колѣни, уговаривалъ, умолялъ...

Результатомъ этого разговора было то, что на слѣдующей-же недѣлѣ Саккаръ оказался на законномъ основаніи собственникомъ большого участка пахатной земли по другую сторону пруда. Впослѣдствіи Мюротонъ никакъ не могъ объяснить себѣ, какъ это могло случиться...

Ободренный успѣхомъ, Саккаръ этимъ не ограничился и сталъ тянуть изъ влюбленнаго старика все, что только возможно. Въ маленькой хаткѣ ему казалось теперь тѣсно, къ тому-же онъ находилъ, что при такомъ количествѣ земли надо, чтобы и гумно было подходящее, и, сообразуясь съ своими ненасытными желаніями, далъ надлежащія инструкціи дочери.

На этотъ разъ Луиза принялась за дѣло съ меньшими церемоніями, чѣмъ прежде; она прямо потребовала отъ любовника цѣлыхъ десять тысячъ франковъ, грозя въ противномъ случаѣ разстаться съ нимъ навсегда. Какъ ни крѣпился влюбленный старикъ, какъ ни отпѣкивался, пришлось таки отсчитывать требуемую сумму.

Пьедгуга, нотаріусъ, у котораго совершались акты, заподозрилъ, что тутъ что-то не ладно, и, не зная, что любовь мужа началась не только съ согласія, но и по инициативѣ жены, счелъ нужнымъ предупредить свою кліентку о грозящемъ ей раззореніи.

Въ тотъ-же вечеръ въ мирномъ жилищѣ Мюротоновъ произошла бурная сцена. Хозяйка, блѣдная какъ полотно и вся дрожа отъ злости и отъ ревности, разразилась цѣлымъ потокомъ самой неистовой брани и тутъ-же отправила любовницу мужа въ Парижъ.

Но было поздно: большая половина кругленькаго состоянія Мюротоновъ уже успѣла перейти въ руки Саккара.

Съ этого дня семейная жизнь престарѣлыхъ супруговъ, считавшаяся до тѣхъ поръ образцомъ супружескаго согласія, превратилась въ совершенный адъ. Каждый Божій день происходили ссоры, нерѣдко доходившія даже до драки. И мужъ и жена — она терзаемая неумолкающею ревностью, а онъ разлукой съ безумно-любимой женщиной, — сильно постарѣли. Немало на ихъ вѣчно сварливое расположеніе духа вліяло и то, что въ матеріальномъ отношеніи не хватало уже средствъ жить такъ-же, какъ съ незапамятныхъ временъ жилось до тѣхъ поръ. О примышлѣ, который служилъ бы отрадой ихъ старости, разумѣется, и помина не было.

А что же Саккары?

Луиза разрѣшилась въ Парижѣ мертвымъ ребенкомъ, потомъ вернулась въ Мезанбленъ и вскорѣ вышла за мужъ за Питалье. Новобрачный остепенился и сдѣлался мужемъ хоть куда; оба усердно помогаютъ отцу по хозяйству. Старикъ, съ своей стороны, копить деньги и даже надѣется при посредствѣ третьяго лица въ самомъ непродолжительномъ времени скупить и остальную часть „помѣстья Билло“.

Тайна обогащенія Саккаровъ, разумѣется, всплыла наружу, но ловкая семья отъ этого не только не лишилась всеобщаго уваженія, а напротивъ, сильно возвысилась во мнѣніи согражданъ.

— Нажили же, а не прожили, — говаривали про нихъ: — значить, люди они умные, практичные...

Да, всё восхваляютъ предусмотрительность отца, ловкость дочери и только изрѣдка какой-нибудь завистникъ, не умѣющій безъ желчи смотрѣть на чужое благополучіе, дерзаетъ съ отѣнкомъ злой ироніи произносить такую фразу:

— Вотъ какъ иные богатѣютъ!

XVIII. ОТЗЫВЫ РЕДАКЦИИ О ПРИСЛАННЫХ КНИГАХЪ.

Уходъ за ребенкомъ въ первый годъ его жизни. Женщины-врача *О. А. Штоффъ*. Спб. 1887 г.

Всякая попытка ввести въ наше общество здравыя понятія о гигиенической обстановкѣ жизни вообще, а дѣтской въ особенности, должна встрѣтить сочувствіе, если за такую попытку берутся компетентные люди. Такою попыткой, вполнѣ удавшейся, является книга женщины-врача *О. А. Штоффъ*: „Уходъ за ребенкомъ въ первый годъ его жизни“. До сихъ поръ у насъ полагались руководства объ уходѣ за ребенкомъ по его появленіи на свѣтъ, и почти всегда игнорировались практическіе совѣты матерямъ объ уходѣ за ребенкомъ, находящимся въ утробѣ матери. *Г-жа Штоффъ* говоритъ: „Беременная въ первый разъ женщина по большей части не знаетъ, какъ ей вести себя во время беременности; волей-неволей ей приходится руководствоваться въ этомъ отношеніи совѣтами своей матери или другой близкой женщины, уже имѣвшей дѣтей. Такимъ образомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются ошибки и предразсудки, получающіе мало-по-малу какъ-бы права гражданства: иначе сказать, весьма многія матери до сихъ поръ ведутъ дѣтей такъ, какъ вели ихъ наши прабабушки, и часто считаютъ опаснымъ оставить застарѣлую рутину“. Въ книгѣ *г-жи Штоффъ* это обстоятельство предвидѣно; практическіе совѣты матерямъ изложены ею въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Какъ вести себя матери во время беременности, чтобы не повредить здоровью плода. 2) Что должно быть приготовлено къ родамъ для матери и для ребенка. 3) Уходъ за новорожденнымъ и начало кормленія. 4) Какъ должна вести себя мать послѣ родовъ и во время кормленія. 5) Прикармливаніе грудного ребенка. 6) Выборъ кормилицы. 7) Купанье и умыванье ребенка. 8) Дѣтская комната. 9) Одежда. 10) Прогулки. 11) Развлеченія и игрушки. 12) Сонъ. Книга написана удобопонятнымъ языкомъ; цѣна ей назначена вполнѣ доступная (50 к.).

Вѣтъ нолея. Романъ въ двухъ томахъ *К. Орловскаго*. Спб. 1887.

Съ одной стороны—дворянская среда, представители которой частью пренебрежены прекрасныхъ намѣреній относительно младшаго брата-мужика, частью проникнуты жаждою стяжанія насчетъ этого самаго мужика; съ другой—носили брамола, въ число которыхъ попадаютъ, между прочими, и два лица изъ первой среды: отличающаяся твердостью воли дѣвица и лишенный всякой воли юноша. Романъ заключается въ томъ,

что дѣвицу и юношу тянутъ въ обѣ стороны, причемъ крамольники терпятъ поражение: первую (дѣвицу) увлекаетъ силою примѣра благонамѣренного дворянина, вмѣщающій въ себя столько добродѣтелей, что даже за «человѣка страшно» становится—выдержать-ли?—надъ вторымъ же (юношей) одерживаетъ побѣду обольстительное созданіе женскаго пола. Дѣвица выходитъ замужъ за благонамѣренного дворянина, но вскорѣ, отъ пережитыхъ раніе тревоженій, умираетъ; юноша женится на обольстительномъ созданіи, окончательно отказывается отъ собственной личности и посвящаетъ свои силы дворянской службѣ (?). Что касается крамольниковъ, то всѣ они несутъ должное наказаніе, за исключеніемъ одного, успѣвающаго бѣжать за границу. Все это изложено вполнѣ безцвѣтно и довольно-таки скучновато.

Александръ Кругловъ.—Господа замцы. Провинціальныя картинки. Спб. 1887.

—Провинціальныя корреспонденты. Повѣсть изъ губернскаго жизни. Спб. 1887.

Объ эти книжки принадлежатъ къ разряду произведеній, нѣкогда бывшей въ большомъ спросѣ, обличительной литературы: обличенія всевозможныхъ неправдъ нашии себѣ подобающій пріютъ въ газетахъ и въ соответствующихъ отдѣлахъ толстыхъ журналовъ,—изящная же словесность снова возвращается къ своей естественной задачѣ:—художественно-объективному воспроизведенію жизни. Уклоненія отъ этой задачи могутъ позволять себѣ незаурядные таланты, какъ напр. г. Габѣ Успенскій, создавшій новый, хотя и не для всѣхъ симпатичный, родъ публицистической беллетристики; но г. Кругловъ къ подобнымъ талантамъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ. Отъ этого, читая его книжки, невольно получаешь впечатлѣніе чего-то стараго, знакомаго: тѣ-же нерадивые, алчные, развратные заправила земскаго дѣла; тѣ-же угнетенные, подневольные земскіе учителя, повивальныя бабки и пр.; тѣ-же безпутныя дамы-фидаэтройки съ ихъ, дѣлающими каррьеру, прислужниками, незнающіе ни удержу, ни страха самодуры, злосчастныя корреспонденты—и т. д., и т. д. Разница въ одномъ: въ корреспонденціяхъ все это изображалось и изображается, если не всегда правдиво, то всегда кратко и безыскусственно; а въ находящихся передъ нами книжкахъ тотъ-же самый матеріалъ облеченъ въ беллетристическую, нѣсколько шаблонную, форму. Впрочемъ какъ картина мѣстныхъ нравовъ, онъ, во всякомъ случаѣ, годится.

Книжки журнала „Дѣло“ выходятъ за истекшій мѣсяць, т. е. въ концѣ
каждаго мѣсяца.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ, живущихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, куда можно было бы адресовать книги журнала. Иначе редакція не ручается за исправную доставку книжекъ и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе ихъ.

2) Если книга журнала вовсе не получается подписчикомъ, или не доходитъ своевременно, то надлежитъ заявить объ этомъ не позже получения слѣдующей.

3) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ сообщать старый печатный адресъ съ бандерою, или номеръ билета, и прилагать три почтовыхъ семи-копѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на многородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ же многороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ Главную контору журнала „Дѣло“. Лица, адресующіяся письменно въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать на отвѣты почтовые марки.

6) Рукописи, признанныя редакцію неудобными для помѣщенія, хранятся въ конторѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются, если не будутъ востребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не вводитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя бы и были приложены почтовые марки. Всѣ рукописи и стихотворенія подлежатъ сокращенію и стилистической выправкѣ, по усмотрѣнію редакціи. Измѣненія и дополненія статей производятся по соглашенію съ авторомъ. Высылка рукописей многороднымъ возможна въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

Въ 1887 году „ДѢЛО“ будетъ издаваться подъ той же редакціей, и по той же программѣ, выходя въ свѣтъ въ концѣ
каждаго мѣсяца книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Допускается разсрочка по соглашенію съ редакціей, и въ казенныхъ учрежденіяхъ, за ручательствомъ казначеевъ: 7 р. при подпискѣ, 5 р. 1-го мая и 5 р. 1-го августа. Учащимся, духовенству, сельскимъ и уѣзднымъ училищамъ, учителямъ и учительницамъ журналъ высылается на льготныхъ условіяхъ, вмѣсто 17 руб. за 12 руб., съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 3 р., 1-го іюня 3 р. и 1-го сентября 3 р.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	На годъ	На 1/2 г.	На 1/3 г.	На 1/4 г.	На 1 м.
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р. }	6 р. }	4 р. }	} 1 р. 50 к.
Съ дост. въ С.-Петербур. и Моск. 16 > — >	9 >	7 >	6 >	5 >	
Съ пересылкой многороднымъ. 17 > — >	10 >	7 >	6 >	5 >	
За границу	19 > — >	11 >	9 >	6 > 2 р.	

Подписка на „Дѣло“ принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ журнала, уг. Греческаго просп. и 8-й ул. Пескова, д. № 31 (ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 3 ч. дня), въ книжныхъ магазинахъ: Э. Мелье (Невскій, у Подицейскаго моста, домъ Голландской церкви), „Новаго Времени“ (Невскій, 38). Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ экземпляра. Многородныхъ просятъ обращаться въ С.-Петербургъ исключительно въ Главную Контору журнала „ДѢЛО“, адресъ которой извѣстенъ почтамту.

Редакція и главная контора журнала „Дѣло“ помѣщаются на Греческомъ проспектѣ, уг. 8-й ул. Пескова, д. № 31 и открыты для личныхъ объясненій, — редакція по средамъ отъ 12 до 2 часовъ, а контора ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 11 до 3 час.

За редактора издатель И. С. Дурново.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 881